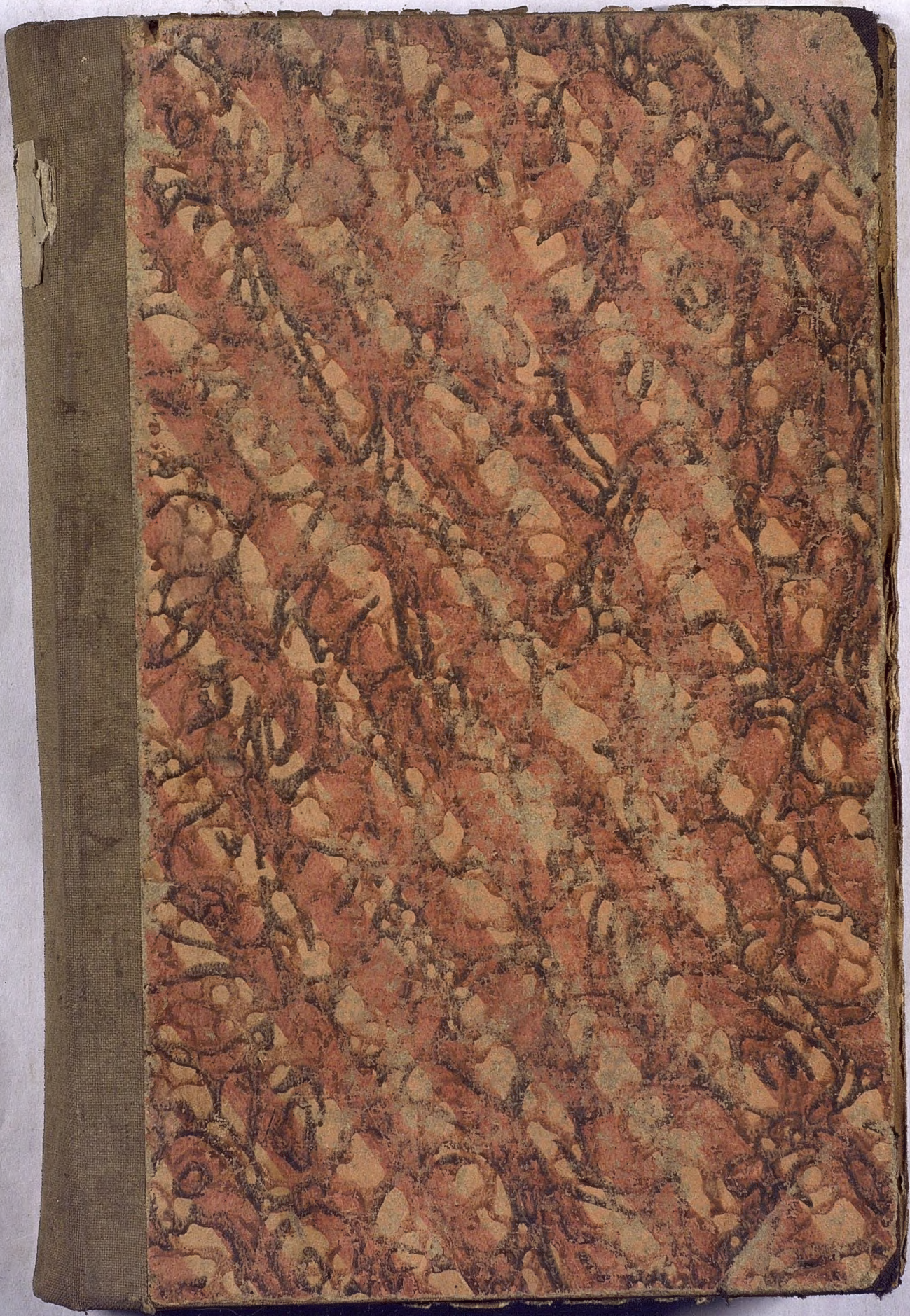


БИБЛІОТЕКИ
ОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

МАЙ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ. — МАЙ.

		стр.
I.	ДОБРОВОЛЕЦЪ. — **М. Кисина.**	5
II.	ТЯЖКО МНѢ, БОЖЕ!... Стих. — **Вѣры Бакалинской**	22
III.	ШЕКСПИРЪ И СТАРАЯ РОССІЯ (1616—1916). — **Нестора Котляревскаго.**	23
IV.	ВЕСЕННІЙ СОНЕТЪ. Стих. — **Аркадія Анисимова.**	32
V.	ШЕКСПИРЪ И Л. ТОЛСТОЙ. Къ 300-лѣтію со дня смерти Шекспира. — **Ѳ. Батюшкова.**	33
VI.	ИСКАНІЕ ВѢЧНОСТИ. Стих. — **Филарета Чернова.**	46
VII.	О РАЦІОНАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКѢ ХОЗЯЙСТВЕННАГО ТРУДА. — **В. Желѣзнова.**	47
VIII.	БРЕДЪ. Стих. — **Наталіи Чубинской.**	100
IX.	МЫ ПРОСНЕМСЯ. Повѣсть изъ современной жизни *(Окончаніе.)* — **Графа Л. Л. Толстого.**	101
X.	УЛЫБКА. — **В. Карачарова.**	161
XI.	ДЕДА. — **М. Левицкаго.**	169
XII.	Я ПОМНЮ ТУМАННЫЯ ДАЛЬНІЯ ГОРЫ... Стих. — **Наталіи Чубинской.**	182
XIII.	М. М. КОВАЛЕВСКІЙ КАКЪ УЧИТЕЛЬ. — **Н. Кондратьева**	183
XIV.	ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ. — **Л. Дермана.**	189
XV	ДА Я ЗНАЮ, УПАДАЯ... Стих. — **С. Радлова.**	192
XVI.	НАРОДНЫЙ ЗЛАТОЦВѢТЪ. — **П. Сакулина.**	193
XVII.	ВСЕ ОБСТОИТЪ БЛАГОПОЛУЧНО. — **Екатерины Экъ**	209
XVIII.	ПУСТЬ. Стих. — **С. Радлова.**	224
XIX.	НА ВЕРШИНѢ. Романъ Темпля Сёрстона *(Окончаніе).* — Пер. съ англ. **М. Славинской.**	225
XX.	ХРОНИКА. НѢЧТО О МИѲАХЪ — **Діонео.**	290
XXI.	АГРАРІИ И ДОРОГОВИЗНА ВЪ ГЕРМАНІИ. — **М. Лурье**	306
XXII.	ПРОБЛЕМЫ БУДУЩАГО МИРА (Письмо изъ Франціи). — **Е. Сталинскаго.**	326
XXIII.	ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Французскіе гости въ Россіи и франко-русскій банкетъ. — Русскіе парламентскіе дѣятели въ Англіи и Франціи. — Значеніе и роль Государственной Думы въ международной политикѣ. — Реальныя событія и дипломатическіе конфликты.	356
XXIV.	НА ТЕМЫ ДНЯ. — Десятилѣтіе народнаго представительства. — Адресъ первой Думы и программа прогрессивнаго блока. — „Измѣненіе“ положеній земскаго и городового. — Совѣщаніе о введеніи земства на Кавказѣ. — „Министерство самоуправленія“. — Пятидесятилѣтіе новаго суда. — Юбилей Д. В. Стасова. — П. А. Харитоновъ, С. Ф. Платоновъ, П. В. Никитинъ и кн. Б. Б. Голицынъ. — **К. Арсеньева.**	369
XXV.	ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СУРИКОВЪ. — **Виктора Никольскаго.**	382

стр.

XXVI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Десятилѣтіе Государственной Думы и крестьянскій вопросъ, — Юридическая справка по дѣлу В. А. Сухомлинова. — Рабочій вопросъ въ военно-промышленныхъ организаціяхъ. — Попытка возродить мертвый законъ 1903 года о заводскихъ старостахъ. — Г. Меньшиковъ о трудовой повинности интеллигентной молодежи. — **В. Кузьмина-Караваева** 390

XXVII. НА РУБЕЖѢ. — Творчество Горькаго послѣднихъ лѣтъ. — **М. Королицкаго.** 401

XXVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русскіе Пропилеи. Томъ II. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготов. къ печати М. Гершензонъ. Москва, 1916. — Юрій Соболевъ. О Чеховѣ, Москва, 1915. — Евгеній Архиповъ. Миртовый вѣнецъ. К-во „Жатва". Москва, 1915. — **Ч. В-аго** — П. Г. Виноградовъ. Очерки по теоріи права. Москва, 1915. — **Н. Тоцкаго.** — Проф. М. Хвостовъ. Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ. Казань, 1915. — **Б. П. Иванова.** — Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. — **Б. П. Иванова.** — Проф. М. Гернетъ. Преступленіе и борьба съ нимъ въ связи съ эволюціей общества — **Питирима Сорокина.** 411

XXIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 426

XXX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 427

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 429

№ 1668
Отд. VII

ДОБРОВОЛЕЦЪ.

I.

Какъ было въ письмѣ написано, такъ и поступилъ Силантій Петровичъ: выѣхалъ изъ дома, когда деревня стала засыпать, оконца въ избахъ потускнѣли, на проѣзжей улицѣ улеглась дневная пыль, загрустило темнѣющее, но еще прозрачное, высоко ушедшее небо, и изъ-за потускнѣвшей церкви показался красный мѣсяцъ. Пріѣхалъ въ городъ поздно ночью, бричку земскую оставилъ за угломъ, чтобы стукомъ около дома не разбудить племянника. Въ парадную дверь звонить не сталъ по той же причинѣ, а пошелъ къ сестрѣ дворомъ, въ кухню. Не оглядывался по сторонамъ, спѣшилъ очень, какъ спѣшитъ врачъ къ опасно больному. Но какъ только къ калиткѣ подошелъ, сразу остановился, — сами ноги остановились. Помялся Силантій Петровичъ, вздохнулъ, даже крякнулъ, переставилъ ногу, за ней, не спѣша, другую: ожидавшее его горе точно сдѣлало упругимъ разстояніе между нимъ и домомъ и какъ живое препятствіе, мѣшало двигаться къ крыльцу. А оно, это горе, уже шло ему навстрѣчу. Сестра, давно ожидавшая его на крыльцѣ, услышала легкій стукъ, какъ только братъ снаружи взялся за желѣзное кольцо, напряженными глазами увидала въ легкой и чистой весенней темнотѣ открывшуюся въ концѣ двора калитку и его самого въ дорожномъ бѣломъ балахонѣ отъ пыли.

Шла медленно и она, не торопясь, словно горе, которое съ собой несла, было неизбѣжно, неизбывно и, все равно, отъ него никакъ и никуда не уйдешь. Молча подали другъ другу руки, молча постояли нѣсколько мгновеній, стараясь разглядѣть въ темнотѣ другъ у друга глаза. Уловили и обмѣнялись взглядомъ. Она безъ словъ спросила: „Чувствуешь ли мое горе?“, а вслухъ:

— Ну, какъ тебѣ понравилась эта исторія?

Онъ вслухъ отвѣтилъ:

— М-да...

а глазами: „горе твое чувствую". Поглядѣлъ на небо, на луну и тихо, подъ стать ночной тишинѣ, прибавилъ:

— Чуяло мое сердце... Какъ въ газетахъ прочиталъ, такъ и подумалъ: полѣзетъ Борька непремѣнно.

Постояли еще мгновеніе молча. Она пошла впередъ, онъ — за ней. На крыльцѣ она положила свои худые пальцы на его руку. И хоть отъ сына были очень далеко, за тремя закрытыми дверьми, но проговорила почти шопотомъ:

— Ты, Силантій, туда не ходи. Пойдемъ ко мнѣ въ спальню, Силантій!

Бывало, рѣдко когда по имени назоветъ: свой человѣкъ,— не зачѣмъ, и такъ видно, что къ нему обращаются. А теперь вотъ — два раза. А голосъ былъ у нея слабый, защиты ищущій. У Силантія Петровича шевельнулось въ сердцѣ, взялъ ее за руку повыше локтя и повелъ по коридору, точно не онъ у нея, а она у него въ домѣ была. Въ спальнѣ у образа чуть свѣтила лампадка, золотой искоркой горѣла на ризѣ, было почти темно. Онъ сѣлъ на стулъ, она — на кровать. И, ужъ сѣвъ, Силантій Петровичъ увидалъ на себѣ бѣлый балахонъ. Снялъ, повѣсилъ на гвоздикъ и мимоходомъ посмотрѣлъ на сестру сзади. Она сидѣла тихо, не шевелясь, точно, сидя, собиралась заснуть въ этой полутьмѣ. Взглянулъ Силантій Петровичъ на лампадку, потомъ обвелъ глазами всю спальню и опять остановился на спинѣ сестры. Обрушившееся несчастіе точно переплелось съ темнотой, насквозь ее пропитало и плотнымъ придавившимъ покровомъ окутало сестру съ головы до ногъ. Еще тяжелѣе становилось отъ молчанія, и, чтобы эту тяжесть нарушить, онъ спросилъ:

— Спитъ?

Постарался сдѣлать свой голосъ обыкновеннымъ, легкимъ, а вышло слово тихимъ и тяжелымъ.

— Должно быть, спитъ. Я только что смотрѣла.

И все-таки тревожно нагнулась къ двери, даже вытянула шею, — точно можно было на разстояніи всей квартиры услышать сонное дыханіе сына.

— Только все же говори тише.

— Чуяло мое сердце: выдумаетъ что-нибудь этотъ канальскій парень. Огонь, а не человѣкъ. Когда еще мальчишкой былъ, подъ казацкія нагайки полѣзъ... Сколько вре-

мени больной вылежалъ! А теперь — на̀ поди! — драться вздумалъ. Отчаянная голова... Ни черта не боится. Даже завидно, ей-Богу...

Онъ покрутилъ головой, подъ пышными, растрепанными усами пробѣжала улыбка, шевельнулись щеки, улыбнулись и сѣрые, усталые глаза. Озабоченно почесалъ густую бороду и опять покрутилъ головой.

— Ну и хватъ...

Несмотря на полутьму и совсѣмъ сдержанный, тихій голосъ, сестра полностью уловила и улыбку, и одобреніе. Сразу стала строгой, даже сердитой, почти суровой.

— А тебѣ это, видно, очень нравится, да? Ты, можетъ, пойдешь, еще пороху поддашь: умница, молъ, Боренька. Такъ и слѣдуетъ. Молодецъ Боренька!

Онъ отъ неожиданности поднялъ на нее глаза.

— Эка ты вотъ какая, ей-Богу...

Она сложила на колѣняхъ ладони, переплела и сжала пальцы.

— Будешь какой угодно! Не видалъ ты его эти два дня. Какъ кремень! На меня не смотритъ, молчитъ. Какъ убитый. Ничего ни видѣть, ни знать не желаетъ. Какъ разбойникъ ходитъ по дому. Хоть пропадомъ все пропади, а вотъ, какъ захотѣлъ, такъ и сдѣлаю...

— Ну, что ты, что ты, Маруся! Какой онъ тамъ разбойникъ...

Она еще крѣпче сжала пальцы, нагнулась поближе къ брату, широко и зло раскрыла на него глаза.

— Не защищай его, я тебѣ говорю! Ты не видалъ его лица. Что ему родные?.. Что ему мать? Не нужна ему мать. Мать нужна ему была, пока учился, чтобы бѣгала по урокамъ, чтобы барабанила по цѣлымъ часамъ съ идіотками на клавишахъ. А онъ пока учился и жилъ какъ барское дитя. А вотъ теперь, какъ кончилъ да аттестатъ получилъ, въ герои захотѣлось. А мать герою мѣшаетъ, съ матерью три дня можно не говорить. Что грудь у нея отъ уроковъ высохла и что сѣдая стала раньше времени, это наплевать. Нѣтъ матери на свѣтѣ!

Она шептала все громче и громче, совсѣмъ близко нагнувшись къ лицу брата, сверкая въ темнотѣ злыми глазами и послѣ каждой фразы крѣпко и упорно ударяя кулакомъ о колѣнку. Его губы косились отъ волненія, чуть дрожали щеки, растерянно и неотрывно глядѣли ей въ лицо его мягкіе, сѣрые глаза.

— Да что ты, Маруся! Да какъ можно, Богъ съ тобой!

— Не защищай, я тебѣ говорю! У меня за эти три дня вотъ здѣсь рана сдѣлалась. — Она стукнула себя кулакомъ по сухой и плоской груди. — Хоть подошелъ бы! Вѣдь мать же! Хоть бы слово сказалъ! Страшный эгоистъ!

— Да что ты, Маня, какой онъ эгоистъ!..

— Эгоистъ, говорю я тебѣ! Вотъ завтра на него посмотришь: волкъ-волкомъ. Еще такой день, — и ненавидѣть я его начну. Собственнаго ребенка ненавидѣть! Понимаешь? Чужая я ему. Не сынъ по комнатамъ у меня ходитъ, а звѣрь. Вѣдь всю свою жизнь на него я положила, а захотѣлось ему фантазію свою исполнить, и въ одинъ день пустой звукъ я для него стала.

— Да Богъ съ тобой, Маруся...

— Если бъ со мной былъ Богъ, Онъ не далъ бы мнѣ такого сына! Я его не узнаю! Это не мой сынъ!

Онъ ужъ успѣлъ успокоиться, видимо собрался съ мыслями и мягко взялъ ее за локоть.

— Да пойми же ты, Маруся: вѣдь прежде всего — онъ свою голову понесетъ въ огонь. Вѣдь знаетъ же онъ, что его могутъ убить, и даже объ этомъ мало думаетъ.

Она сразу откинулась на спинку стула и взялась руками за его края. Глаза остались широко раскрытыми, но стали сразу перепуганными.

— Вѣдь правда? Вѣдь его могутъ убить? Вѣдь его, навѣрное, убьютъ, Силантій? Вѣдь убьютъ, Силантій, а?

Теперь онъ нагнулся къ ней.

— Да ты подожди, Маруся! Что ты за странная женщина, фу!...

Она вскочила со стула, онъ, точно привязанный къ ней, сразу приподнялся съ кровати.

— Я тебѣ говорю, Силантій, что его убьютъ! И будетъ онъ лежать убитый, прострѣленный, проколотый, тамъ гдѣ-то. И я даже не буду знать, когда его убьютъ.

Онъ бѣгалъ за ней, не зная, что сдѣлать и что сказать.

— Онъ будетъ лежать на землѣ, на немъ будутъ лежать еще убитые... и кровь будетъ изъ него литься. Изъ него будетъ литься моя кровь, и я не буду знать, гдѣ онъ лежитъ.

Она сѣла на стулъ, онъ на кровать. Положилъ ей руку на колѣно, что-то пробормоталъ, но она не видѣла его и не слышала. Опять сложила ладонями руки, опять переплела и стиснула пальцы, расширенные глаза устре-

мила куда-то въ уголъ и зашептала медленно и тяжко, покачиваясь на стулѣ изъ стороны въ сторону.

— Косточки мои худенькія... Глаза мои сладкіе... Лобикъ мой свѣтлый... Убьютъ... убьютъ, убьютъ.

Онъ подскочилъ, какъ на пружинѣ, схватилъ ее за плечи, поставилъ на ноги, совсѣмъ близко придвинулъ свое лицо къ ней.

— Слышишь, Маруся, Христомъ Богомъ тебѣ клянусь, что этого не будетъ! Я еще не знаю, что сдѣлаю, но этого не будетъ!

Она подняла на него сразу ослабѣвшіе глаза, жалко улыбнулась ослабѣвшими, раскрывшимися губами и даже въ темнотѣ не то увидала, не то почувствовала на его лицѣ твердую и упорную мужскую думу, и на днѣ его сѣрыхъ, большихъ глазъ какъ бы зачерпнула увѣренность въ хорошемъ исходѣ.

— Если его убьютъ, я умру. Вотъ здѣсь лягу, — она указала пальцемъ на полъ, — и умру.

Онъ одной рукой обнялъ ее за шею, другой крѣпко сжалъ ея пальцы.

— Я еще не знаю, что я сдѣлаю, но за ночь придумаю, будь покойна.

II.

Къ утреннему чаю сынъ вышелъ, какъ всегда за послѣдніе дни, съ нахмуреннымъ, въ себя ушедшимъ и замкнутымъ на всѣ замки лицомъ, а въ глазахъ запрятана была упорная, какъ сама его молодость, мысль.

Сестра съ братомъ переглянулись, и сейчасъ же оба спрятали глаза въ свои стаканы. А племянникъ только увидалъ дядю, сейчасъ же обрадовался. Сразу заиграло радостью лицо, разгладился лобъ, и протянулась черезъ столъ рука.

— Дядька, ты это какъ? Когда пріѣхалъ? Я вчера поздно легъ, тебя еще не было.

— Ночью, братъ, пріѣхалъ, ночью.

Почему пріѣхалъ въ такое необычное время, дядька объяснять не сталъ, сразу оборвалъ фразу, опустилъ глаза и сдѣлалъ большой глотокъ чаю.

Племянникъ посмотрѣлъ на него, потомъ на мать и переспросилъ:

— Ночью? — Посмотрѣлъ на дядю очень внимательно и

потомъ также помѣшалъ ложечкой чай. — Что-то ты, какъ будто, по ночамъ раньше не ѣздилъ...

Дядя двинулся на стулѣ и тоже очень внимательно сталъ мѣшать въ стаканѣ. Мать занялась тѣмъ же. Водворилось молчаніе, а у сына ужъ было лицо прежнее: нахмуренное, сжатое, въ себя ушедшее — молодое, но по взрослому упорное. Выпилъ нѣсколько глотковъ, едва раскрывая сжавшійся ротъ, скользнулъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей по нимъ обоимъ глазами и, медленно растягивая слова, произнесъ со злой насмѣшкой:

— Тайное ночное совѣщаніе противъ непокорнаго сына и горячо любимаго племянника.

Порывисто откинулся на спинку стула, потомъ быстро нагнулся назадъ къ столу, положилъ на него локти, обхватилъ обѣими руками стаканъ и уперся глазами въ чай, высоко приподнявъ плечи.

А дядя уже оправился, откусилъ булки, прихлебнулъ очень спокойно, поставилъ стаканъ на блюдечко и коротко отрѣзалъ:

— Дуракъ.

И смахнулъ съ пышной бороды крошки.

Племянникъ вкось и пытливо на него посмотрѣлъ, недовѣрчиво улыбнулся, но сжатыя брови разошлись, и морщины разгладились.

— Ругаться всякій умѣетъ. Ночныя путешествія не зря.

Дядя сдѣлалъ еще нѣсколько глотковъ, равнодушно поднялъ на него глаза.

— И опять ты — дуракъ.

Племянникъ улыбнулся совсѣмъ открыто...

— Ты чего же это ночью вдругъ прикатилъ, если тебя не вызывали?

Силантій Петровичъ, наливая изъ чайника въ стаканъ, медленно и беззаботно произнесъ:

— Пріѣхалъ я, дурень ты, не ночью, а часъ тому назадъ, потому что въ десять нужно поспѣть къ инспектору. Про твое геройство уже слышалъ и ничуть ему не удивился: не первый день своего племянничка знаю. Мамашѣ твоей посовѣтовалъ на тебя плюнуть и, съ Божьей помощью, ей это внушу. А ты хоть не только съ нѣмцами, а въ Австралію можешь отправляться на войну. Никого, братъ, этимъ не удивишь и физіономію трагическую строить не зачѣмъ. Мало ли кто на войну идетъ... Ну и еще одинъ — Борька Лохвицкій.

Борька ничего не отвѣтилъ, молча кончилъ стаканъ, покосился на дядю, молча подвинулъ ему спички, когда тотъ вынулъ папироску, и потомъ уже протянулъ:

— Удивить... Никого я удивлять не желаю — вотъ что...

Тревожно и внимательно мелькнулъ глазами по лицу матери. Она сидѣла, потупившись, похудѣвшая, съ черными кругами подъ глазами и со спокойствіемъ, въ которомъ чувствовалось большое напряженіе. Дядя закурилъ, аккуратно положилъ спичку въ пепельницу, разгладилъ бороду и поднялся со стула.

— Ну, тамъ удивлять не удивлять, а мнѣ, братъ, сейчасъ съ тобой болтать некогда. Начальство не любитъ, когда опоздаешь.

Племянникъ сердито поднялся и быстро вышелъ вонъ Силантій Петровичъ весело подмигнулъ сестрѣ, гораздо веселый, чѣмъ имъ на самомъ дѣлѣ было. Потомъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери, вытянулъ шею, вернулся и тихо сказалъ:

— Разсердился, что не хочу говорить, значитъ, самъ ко мнѣ придетъ. Я пойду часокъ пошляюсь, уходи и ты. Иди на базаръ, какъ разъ время.

Черезъ часъ дядя сидѣлъ въ столовой и читалъ газету, поминутно поворачивая голову то къ передней, то заглядывая черезъ открытое окно въ палисадникъ. Мать въ кухнѣ стряпала обѣдъ. А когда въ палисадникѣ послышалось медленное шуршаніе чьихъ-то ногъ по травѣ, Силантій Петровичъ внимательно нахмурилъ брови и впился въ газету глазами. Мимо окна медленно прошелъ племянникъ, такъ же внимательно разглядывая небо, какъ дядя читалъ газету. Прошелъ, вернулся, остановился у окна, чтобы закурить папироску, и тогда его дядя увидалъ.

— Дай-ка прикурить, Борисъ! Ну, братъ, и физіономія у тебя, словно палкой по головѣ треснули. Ты все о томъ же думаешь? — Силантій Петровичъ сдѣлалъ внимательное и даже заботливое лицо. — Да, братъ, вопросикъ не изъ легкихъ, хоть кому прійдись... хоть и постарше тебя и то трудно... М-да, мм-да, вопросъ тяжелый...

Угрюмое лицо племянника освѣтилось больной и слабой улыбкой, но голосъ онъ сдѣлалъ твердый.

— Въ особенности, когда приходится разрѣшать одному... Онъ переступилъ съ ноги на ногу, помялся. — Вѣдь съ матерью слова не скажешь.

Шагнулъ вплотную къ окну, но голову отвернулъ и замолчалъ, видимо, на полуфразѣ.

Дядя сочувственно подхватилъ:

— Чего это?.. Да, впрочемъ, сердится она здорово.

— Сердится... Развѣ такъ сердятся?!... Или проклинать начнетъ, или въ слезы. — Хоть и исподлобья, но на дядю онъ теперь посмотрѣлъ довѣрчиво и выжидательно.

— Мать — какъ мать. Да при томъ женщина. Насчетъ разсудка, конечно, женщины плоховаты, онѣ больше чувствомъ да нервами. Я ужо съ ней похлопочу. Пока немного не успокоится, не уѣду, объ этомъ ты не огорчайся.

Борисъ положилъ на подоконникъ локти.

— Господи!.. Дядя!.. Если бы ты это сдѣлалъ... Здѣсь, понимаешь, самому вопросъ рѣшать надо: слѣдуетъ идти или не слѣдуетъ? А тутъ — мать. У меня въ груди какъ будто ножъ сидитъ, и все его поворачиваютъ.

Онъ сталъ весь розовый, съ надеждой заглядывая дядѣ въ глаза.

— Вотъ чудакъ! Да ты не волнуйся: тебѣ мать, а мнѣ сестра. Тоже, братъ, своя кровь. Ты, Борисъ, свой собственный вопросъ рѣшай, а здѣсь я похлопочу.

Борисъ прижалъ руку къ груди.

— Отслужу тебѣ, дядя, честное слово, отслужу!

— Ну, ладно, ладно... Пускай мозги въ ходъ. Ужъ не мальчикъ, слава Богу. Дѣлаешь, такъ ужъ надо дѣлать разумно. По крайней мѣрѣ, знаешь, почему и зачѣмъ дѣлаешь.

— Да ужъ теперь подумаю, — онъ сталъ совсѣмъ веселый, — мнѣ, видишь, немножко подумать надо, лишь бы вотъ мама успокоилась. А то въ головѣ такая каша, что самъ чортъ не разберетъ. Ты, дядя, почитай, не хочу тебѣ мѣшать, а я пойду погуляю.

— Да ничего, я почитать успѣю. А, впрочемъ, иди, иди, одному думается лучше. А захочешь посовѣ... Ну, не хочешь, не надо. Иди, иди, погуляй.

Племянникъ ушелъ быстро и весело, какъ на веселую прогулку, а Силантій Петровичъ отправился къ сестрѣ на кухню. Она съ засученными рукавами, съ кастрюлей въ одной рукѣ и съ мочалкой въ другой, повернулась къ нему, взглянула въ лицо и улыбнулась недовѣрчиво и радостно, Онъ ласково хлопнулъ ее по плечу.

— Ну, сестра, идетъ, какъ по маслу! Обѣдать, вѣрно, не придетъ. А разговоръ у насъ съ нимъ будетъ, головой тебѣ ручаюсь. Не сегодня, такъ завтра.

Они стояли около плиты, посреди горшковъ, кастрюль

и разнаго хозяйственнаго хлама, онъ — съ рукой, ласково сжимающей ея плечо, она — опустивъ руки съ мочалкой и кастрюлей, любовно, съ веселой боязнью глядя въ его радостно озабоченное лицо. Онъ легонько ее тряхнулъ.

— Даже ѣсть захотѣлось, чортъ подери! Готовь скорѣй обѣдъ.

III.

Какъ предсказалъ Силантій Петровичъ, такъ и вышло. Обѣдать Борисъ не пришелъ, не пришелъ и къ вечернему чаю. Явился совсѣмъ поздно, когда дома было уже темно и тихо. Силантій Петровичъ, заложивъ руки за спину, опустивъ голову и напрягши лобъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, то ускоряя шагъ, то замедляя, то вдругъ совсѣмъ останавливаясь посреди комнаты. И въ то же время прислушивался къ входнымъ дверямъ. И какъ только въ ночной тишинѣ послышался звукъ всунутаго въ замокъ ключа, онъ двумя большими шагами очутился у кровати. Сѣлъ, поспѣшно раздѣлся, накрылся одѣяломъ, закурилъ папироску и принялъ покойную позу свободно развалившагося на сонъ человѣка. Въ тишинѣ слышенъ былъ каждый шорохъ. Вотъ племянникъ прошелъ въ свою комнату и — слышно — дверь за собой не закрылъ. Сейчасъ же вышелъ — видимо снялъ пальто — и на цыпочкахъ медленно, должно быть, съ нѣкоторымъ колебаніемъ, направился по коридору. У Силантія Петровича легонько забилось сердце, но онъ еще свободнѣе запрокинулъ на подушкѣ голову. Племянникъ дошелъ до его комнаты, осторожно взялся за ручку двери, подержалъ и ручку оставилъ. Дядя пропустилъ нѣсколько секундъ и совсѣмъ сонным голосомъ пробормоталъ:

— А... Кто тамъ?

Дверь чуть пріоткрылась, и въ щель раздался громкій шопотъ:

— Дядя, ты спишь?

— А... Нѣтъ. А что такое?

Дверь пріоткрылась шире.

— Да ничего... Если спишь, я пойду.

— Да нѣтъ, ничего. Я вотъ курю.

Борисъ вошелъ, остановился среди комнаты.

— Если ты, дядя, спать хочешь, такъ я пойду все-таки.

— Да нѣтъ, чего же. Можетъ, у тебя папиросъ нѣтъ? На вотъ, покури.

Силантій Петровичъ, не мѣняя лѣнивой, свободной позы, протянулъ руку къ столу и передалъ племяннику портсигаръ. Борисъ обрадовался.

— Да, дѣйствительно, папиросы у меня вышли... И, кромѣ того... мнѣ необходимо у тебя кое о чемъ спросить.

— Садись.

Дядя подвинулся къ стѣнкѣ, племянникъ сѣлъ на кровать.

— А ты не очень спать хочешь? Ты, дядя, не стѣсняйся.

— Да будетъ тебѣ дурака валять. Фу ты, какой церемонный!

Борисъ повернулся къ дядѣ лицомъ и хоть свѣту ночного въ комнатѣ было очень мало, только изъ окна, но Борисъ уперся рукой въ матрацъ, нагнулся къ дядѣ и внимательно уставился въ дядино лицо глазами, точно могъ видѣть его, какъ днемъ.

Немножко подумалъ, лѣвой рукой потеръ лобъ и протянулъ медленно и твердо, отдѣляя каждое слово:

— Ты мнѣ вотъ что скажи, дядя: что важнѣе — родственное чувство или та страна, въ которой ты родился, выросъ и которая тебя сдѣлала сознательнымъ человѣкомъ?

Силантій Петровичъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Какъ посмотрѣть на дѣло...

— А ты, дядя, какъ на это смотришь? Отвѣчай прямо.

— Прямо?

Борисъ молчалъ, не сводя съ дяди глазъ.

Силантій Петровичъ двинулся на мѣстѣ.

— Страна-то страна, только надо знать, въ чемъ польза для...

Племянникъ послѣднихъ словъ не разслышалъ, вскочилъ съ кровати, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ, въ темнотѣ ударился о стѣнку, повернулся, шагнулъ къ кровати, постоялъ, потомъ сразу сѣлъ и свободно уперся обѣими руками въ дядину ногу и заговорилъ горячо и быстро:

— Вотъ... понимаешь... четыре дня меня на части рветъ. Вѣдь это же ясно, какъ день! Вѣдь развѣ мать меня нарочно родила, потому что она хотѣла? Развѣ она меня своимъ трудомъ кормила, потому что она какая-то особенная? Развѣ ей за это слѣдуетъ спасибо? Она меня любитъ... Такъ она же не можетъ меня не любить: она же мать, это ея призваніе! Я ее тоже люблю и совсѣмъ это съ моей сто-

роны не заслуга. А она говоритъ, что я эгоистъ, что я разбойникъ, вѣдь она даже со мной говорить не захотѣла. Понимаешь: вѣдь въ первый же день, въ первый же день подхожу къ ней и говорю: „Послушай, мама, — онъ прижалъ руку къ груди, сдѣлалъ голосъ мягкій и нѣжный, словно сейчасъ передъ нимъ была мать, — я хочу сдѣлать очень важный шагъ, и мнѣ крайне необходимо съ тобой посовѣтоваться. Ты только, пожалуйста, на минутку забудь, что ты мнѣ мать, а я тебѣ сынъ... чтобы безъ личнаго чувства. Чтобы это было, такъ сказать, честно". — Дядя въ темнотѣ улыбнулся. — Такъ и такъ, говорю. Такъ знаешь, что вышло? Сразу въ слезы, а потомъ разсердилась, просто разсвирѣ..., то-есть, я хотѣлъ сказать, ужасно разсердилась: затопала ногами, кулаки сжала, а лицо у нея стало... — Онъ закрылъ глаза обѣими руками, точно спасаясь отъ какой-то ужасной картины. — Ахъ, Боже мой, что это было за лицо, дядя! Я не могу тебѣ сказать... Не могу говорить объ этомъ... Но чувствовалъ я въ эту минуту, что ненавидитъ она меня. Это была какая-то чужая женщина. — Онъ отнялъ руки отъ лица и на мгновеніе замолчалъ, совсѣмъ близко нагнулся къ дядѣ, судорожно передернулъ плечами, и голосъ его сталъ глуховатымъ и тихимъ. — Я, дядя, въ эту минуту почувствовалъ, что я ее тоже... ненавижу. Мнѣ стало страшно, я убѣжалъ изъ дому. — Онъ опять помолчалъ. — Я не могу забыть лица мамы, хочу — и не могу.

Силантій Петровичъ положилъ племяннику на плечо руку и легонько потянулъ его къ себѣ. Тотъ охотно поддался.

— Ты это брось, Борисъ! Мало ли чего въ жизни не бываетъ. Это пройдетъ.

— Дай Богъ, чтобы это прошло.

— Да ничего, пройдетъ. Оно, конечно, женщина, да еще и мать... это не шутка... Она, видишь ли, забыла, что молодость погеройствовать любитъ... чтобы побольше огня шума.

Послѣднія слова Силантій Петровичъ произнесъ совсѣмъ равнодушно, какъ бы мимоходомъ, даже зѣвнулъ, хоть и легонько, но довольно громко. И въ темнотѣ усмѣхнулся, когда племянникъ послѣ этихъ словъ сразу заволновался, вскипѣлъ: сразу отнялъ обѣ руки отъ его ноги, всталъ съ кровати, прошелся по комнатѣ, опять наткнулся на стулъ.

— При чемъ здѣсь, къ чорту, героизмъ?! Да ты что, меня, за мальчишку что ли считаешь? Я съ тобой по-человѣчески посовѣтоваться хотѣлъ, а ты... эхъ...

Силантій Петровичъ улыбнулся совсѣмъ весело и отъ удовольствія даже повернулся на бокъ.

— Вотъ чудакъ! Да ты не сердись, ты подойди! Вскочилъ, какъ шальной. Посовѣтоваться, такъ и посовѣтоваться. Я развѣ что говорю?...

Племянникъ не двигался, постоялъ, закурилъ, потомъ шагнулъ, но не къ дядѣ, а въ противоположную сторону.

— Да иди сюда, говорятъ тебѣ!

— Чего я пойду, ну... Опять еще, пожалуй, героемъ назовешь.

— Ну, ты извини, Борисъ! Каждый можетъ думать, что ему угодно. Не правъ я, такъ ты извини. Давай вмѣстѣ дѣло и обмозгуемъ.

Племянникъ подошелъ, сѣлъ, но разговора не начиналъ. Въ темнотѣ только папироска все сильнѣе вспыхивала.

Дядя нащупалъ его колѣно и примирительно положилъ на него руку.

— Такъ, значитъ, не изъ-за героизма? Идешь, значитъ, сознательно, какъ взрослый человѣкъ. Тогда, конечно, рѣшать одному и совсѣмъ трудно.

Недоразумѣнія, какъ будто, и не было.

— Понимаешь, дядя: было у меня сначала совсѣмъ мутно въ головѣ, на десять частей разрывало, чуть ли не десять вопросовъ сразу рѣшать нужно было. — Онъ вздохнулъ, будто сейчасъ только сбросилъ съ плечъ огромную тяжесть. — Теперь остался одинъ, главный: имѣетъ ли право человѣкъ жить, ѣсть, пить, спать, когда страна, тебя вскормившая, тебя человѣкомъ сдѣлавшая, въ опасности? И когда тысячи людей, ничуть не хуже тебя и которымъ родина дала гораздо меньше, гибнутъ подъ ударами врага? Имѣетъ ли право человѣкъ на покойную, сытую жизнь, а?

Все это онъ сказалъ безъ передышки, и чувствовалось, что именно это и именно такимъ образомъ онъ про себя повторялъ уже много разъ. Сказалъ и замолчалъ, не шевелясь ни однимъ членомъ, и въ темнотѣ Силантій Петровичъ чувствовалъ на своемъ лицѣ его неотрывный взглядъ.

— Покойно, значитъ, жить не можешь?

— Не могу.

Онъ сильно взмахнулъ въ темнотѣ рукой, будто старался порвать что-то его связавшее.

— М-да... штука тяжелая...

— Не тяжелая, дядя, а тяжкая... А ты можешь? Я вотъ, дядя, удивляюсь, какъ вы теперь всѣ жить можете? Вѣдь теперь каждая капля силъ требуется, вѣдь изо всѣхъ силъ бороться надо.

— А я, братъ, и борюсь. Ты что же думаешь, сплю я?..

Племянникъ сразу ничего не отвѣтилъ, а потомъ съ недоумѣніемъ въ голосѣ спросилъ:

— Это какъ же ты борешься? Сидя въ своей дырѣ? Ты вѣдь теперь утречкомъ встанешь, — на каникулахъ-то — на воздухѣ тамъ у себя погуляешь, передъ обѣдомъ рюмочку, а послѣ обѣда — поспать...

Силантій Петровичъ сѣлъ на кровати, хлопнулъ племянника по плечу.

— Эхъ, другъ ты мой! То-то вотъ и оно: твой врагъ, онъ — видный. Извѣстное дѣло: въ синемъ мундирѣ, съ каской на головѣ, да полками на тебя претъ, пулеметами трещитъ, пушками ухаетъ. Другъ къ дружкѣ поближе подошли, — ты, ежели ловчѣй, по башкѣ его хлопъ — и капутъ ему! И красиво все это выходитъ. Здѣсь тебѣ и „ура“ кричатъ, и геройство показать можешь. А потомъ, смотри, и Георгія, а, можетъ, еще и офицерскій чинъ. Твой врагъ сильный, а мой въ тысячу разъ сильнѣе. Ты со своимъ врагомъ, можетъ, годъ или два повоюешь, — а я со своимъ пятнадцать лѣтъ вожусь. И до меня люди съ нимъ на смерть бились, и послѣ меня биться будутъ, а до побѣды еще, охъ, какъ далеко! Ты вотъ нѣмца встрѣтишь, штыкъ въ него всадишь, и нѣтъ его на свѣтѣ. А мой живучъ, какъ сатана. И никогда отъ него покоя нѣтъ — ни въ будни, ни въ праздникъ. Одинъ онъ — врагъ-то этотъ, нѣмцевъ же твоихъ милліоны, и все-таки прогнать его изъ Россіи куда труднѣе, потому что свой онъ, родной, пушками да штыками отъ него не отдѣлаешься, и самъ отъ него никуда не убѣжишь. Хозяйничаетъ этотъ врагъ у меня въ деревнѣ, какъ ему заблагоразсудится: женщинъ смертнымъ боемъ бьетъ, чуть ребятишки подрастутъ, въ рабочій скотъ ихъ превращаетъ, у сосѣда, что плохо лежитъ — сейчасъ человѣка стащить научитъ, чтобы тотъ изъ-за пустяка въ тюрьму попалъ и всю бы жизнь свою искалѣчилъ. Водкой безъ конца-краю людей напаиваетъ, чтобы совсѣмъ звѣрьми стали. А на той недѣлѣ забрался онъ въ избу къ бабамъ. Бабы отъ него въ печь запрятались, такъ онъ старухѣ кочергой голову пробилъ, — кончилась. А молодую изъ печи вытащилъ, изнасиловалъ ее, и чтобы объ этомъ никто не узналъ,

22634

тутъ же около печки задушилъ бечевкой. Такъ ее утромъ съ бечевкой на шеѣ и нашли.

Молчавшій Борисъ сразу и коротко качнулся въ сторону, словно его кто въ бокъ ударилъ. Дядя въ темнотѣ придвинулъ къ нему свое лицо и пытливо на него взглянулъ.

— Ты, Борисъ, слышишь, о чемъ я тебѣ разсказываю?

— Слышу.

— Ну, такъ вотъ, слушай. И какъ бы твой врагъ ни былъ опасенъ для Россіи, а моему онъ въ подметки не годится, потому что нѣтъ такой пушки, которая сразу бы его убила. Вотъ это врагъ! Вотъ, братъ, съ кѣмъ бы побороться слѣдовало, коли родину защищать задумалъ. Впрочемъ, ты какъ знаешь, а мнѣ моего достаточно, и совѣсть моя покойна, и бьюсь я съ нимъ день и ночь, гдѣ и какъ могу.

Силантій Петровичъ замолчалъ, почесалъ плечо. Молчалъ и Борисъ. Прошло нѣсколько минутъ, племянникъ поднялся съ кровати, пошагалъ по комнатѣ, вернулся, постоялъ.

— Да я это все знаю, дядя.

— Ну, а знаешь, — хорошо. Учить тебя нечего: каждому свое, кому „ура“, а кому тридцать рублей въ мѣсяцъ жалованья да нищая старость.

Борисъ сѣлъ на кровать.

— Ты подожди, я не такъ сказалъ. Я знаю, я все это знаю, да какъ-то объ этомъ не думалъ.

— Оттого и не думалъ, что знаешь. А, впрочемъ, и не знаешь ты ни черта. Этого знать нельзя, пока съ врагомъ этимъ не поживешь, всю страшную силу его не увидишь и всего ужаса не перечувствуешь. А, впрочемъ, размазывать тебѣ не желаю, а то еще, пожалуй, подумаешь, что отговариваю я тебя.

— Да что ты, дядя, Богъ съ тобой! Какъ тебѣ не совѣстно.

Силантій Петровичъ кашлянулъ, отъ племянника чуть отодвинулся, легъ, закрылся одѣяломъ, а потомъ опять сѣлъ. Крѣпко почесалъ себѣ бороду и опять кашлянулъ. Племянникъ ничего этого не замѣтилъ, опять по комнатѣ зашагалъ. Шагалъ быстро и долго, потомъ у стѣнки сразу повернулся въ сторону дяди и тихо спросилъ:

— Ну, а какъ... Какъ ты, собственно, дядя, со своимъ врагомъ борешься?

— Вотъ я тебѣ разскажу, а ты послушай: приводятъ ко

мнѣ въ школу этакого мальчонку. Глазенки онъ на меня уставитъ, и вижу я въ нихъ, что врагъ мой туда ужъ забрался. Почему вижу, сказать ужъ тебѣ не могу, словъ у меня на это нѣтъ. А только чувствую ясно, что сидитъ онъ тамъ. Простору ему еще нѣтъ, душа еще маленькая, очень загадить ее еще не успѣлъ, а все-таки звѣренышъ ужъ чувствуется въ мальчишкѣ порядочный. А сквернословить и пакостить изъ любви къ искусству онъ ужъ и теперь большой мастеръ. И будетъ при томъ этотъ звѣрь глупъ безъ конца, безъ краю, и всякій нѣмецъ тамъ или англичанинъ его и безъ войны въ бараній рогъ согнетъ и веревки изъ него вить будетъ... Вотъ это врагъ! Здѣсь тебѣ и тактика, и стратегія, и терпѣніе, терпѣніе... И награды тебѣ за это никакой нѣтъ. Вотъ поэтому съ врагомъ бороться и сладко, что награды тебѣ за это нѣтъ. Понимаешь ты это?

— Понимаю. Ну, дальше.

Голосъ у него былъ тихій и ожидающій.

— Ну, конечно, понимаешь, не дуракъ. Вотъ и начнешь ты этого звѣрька подковыривать. Возьмешь его въ руки этакъ легонько и начнешь ему зубы заговаривать:„ Ты, звѣреночекъ, хорошій, ты — мальчикъ славный, вотъ я тебѣ картинки такія покажу — малина“... А звѣрьку это и нравится, что его хорошимъ назвали. То на тебя глядѣлъ, будто ты изъ-за тридевяти земель пріѣхалъ и ни на какого дьявола ты ему не нуженъ. А теперь трется къ боку поближе, въ глаза заглядываетъ. Ну, тамъ грамота грамотой, а главное — сказку ему разскажешь. Какъ азбуку одолѣетъ книжку почитать дашь. Смотришь, а ужъ звѣренышъ въ глазахъ слабѣетъ, и повадка другая. Прямо и открыто этакъ въ лицо тебѣ смотритъ, тебя не боится и хорошаго отъ тебя ждетъ, и вѣришь, не вѣришь, а у меня въ это время на душѣ такъ, будто кто хорошую и свѣжую пѣсню пропѣлъ.

— Гм... свѣжую пѣсню?

— Ну, такъ вотъ, ужъ и то ему подавай, и это ему знать надобно. И все это у него въ глазахъ свѣтится да на лбу играетъ: звѣренышъ уходитъ, человѣкъ просыпаться начинаетъ. Вотъ гдѣ моя награда-то! Я, братъ, этого ни на какіе генеральскіе чины не промѣняю. Еще годокъ, еще два — идешь это по двору, зайдешь за дрова тамъ и видишь: присѣлъ мой паренекъ на полѣно, книжка на колѣнкахъ развернута, а глаза Богъ знаетъ куда устремлены, и губы крѣпко

поджаты. Пожалуй, что и о нѣмцѣ о твоемъ думаетъ, почему тотъ уменъ да силенъ. Сквернословить пересталъ; говоритъ онъ съ тобой, — чувствуется, что человѣка уважаетъ. Пакостить зря — не охотникъ. Ну, думаю, — про своего врага-то, здѣсь-то я тебя ущипнулъ здорово. Убить тебя, вѣрно, не убилъ, а крови изъ тебя порядочно выпустилъ. Здѣсь-то озорничать такъ ужъ не будешь. А послѣ меня другіе тебя ужъ совсѣмъ доканаютъ. И чувствую себя, братъ, въ такія минуты не генераломъ, а прямо генералиссимусомъ. И никто меня упрекнуть не смѣетъ, что врагъ на родину наступаетъ, а я сложа руки сижу.

Силантій Петровичъ закурилъ папироску, легъ на спину, заложилъ за голову руки и замолчалъ.

Молчалъ и племянникъ. Сидѣлъ и молчалъ. Дядя и папироску ужъ докурилъ, и легъ, а онъ все молчалъ. А потомъ вдругъ сразу къ дядѣ повернулся.

— Тамъ тоже, дядя... Люди не только на чины, а и на смерть идутъ.

— На смерть? — Силантій Петровичъ поднялся. — Ну, это дѣло мудреное. Здѣсь ты о смерти только головой думаешь, а въ душу и не пускаешь, и не страшна она тебѣ поэтому. А тамъ... даже... у самаго носа, и глаза тебѣ собой закроетъ и не видишь ты ее.

— Вотъ ты какъ объ этомъ думаешь...

— Пошевели мозгами, и ты такъ думать будешь.

Говорили послѣ этого мало, но разошлись они на зарѣ.

Утромъ къ чаю Борисъ не явился, къ обѣду тоже, а вечеромъ нашелъ дядю во дворѣ, подошелъ, сталъ къ Силантію Петровичу бокомъ, заложилъ руки въ карманы, опустилъ глаза...

— Дядя, хочу я твоего врага собственными глазами посмотрѣть.

— Что жъ... Можно...

— Ты... когда домой?

— А хоть завтра.

Поѣхали на слѣдующее утро. Мать вышла съ ними на крыльцо, проводила ихъ до ожидавшей земской брички. Лицо у нея было сдержанное, почти равнодушное, только на сына не глядѣла, поднимала глаза то на небо, то опускала въ землю. Когда сынъ мостился на веревочномъ сидѣньѣ, она нагнулась

къ брату, заглянула ему въ глаза и, ставъ къ бричкѣ спиной, крѣпко сжала ему руку.

Силантій Петровичъ руку легонько освободилъ, сердито и туго завернулъ свой бѣлый балахонъ и печально пробормоталъ:

— Жалко мнѣ парня, ей-Богу... Ему погорѣть надо: молодъ и горячъ, а я его въ деревню тащу. Жулики мы съ тобой, вотъ что я тебѣ скажу.

Тихій и счастливый смѣхъ былъ ему отвѣтомъ.

М. Кисинъ.

* * *

Тяжко мнѣ, Боже! Сомнѣнья неясной толпой
Сны отогнали, красивые сны золотые,
Въ душу ворвались назойливой мутной волной,
Струны задѣли больныя.
Скорбь въ настоящемъ, сегодня и завтра все то же...
Тяжко мнѣ, Боже!
Часто мнѣ снится: мой маленькій бѣлый челнокъ,
Въ море не выйдя, въ заливѣ разбился.
Медленно тѣло мое засыпàлъ желтоватый песокъ,
Съ берега звонъ доносился.
Крѣпко въ объятьяхъ держало песчаное ложе...
Тяжко мнѣ, Боже!
Съ шопотомъ тихимъ неслись надо мною струи,
Съ ласковымъ смѣхомъ мнѣ косы мои расплетали,
Пѣли чуть слышно звонящія пѣсни свои,
Пѣли и вновь убѣгали.
Солнце сквозь волны свѣтило печальнѣй и строже...
Тяжко мнѣ, Боже!
Тяжко мнѣ, Боже!.. Проснулась... Разсвѣтъ... Тишина...
Колоколъ слышится къ ранней обѣднѣ.
Чудится, гдѣ-то звенитъ, удаляясь, волна
Пѣсней послѣдней...
Скорбь не уходитъ... Вчера и сегодня все то же...
Тяжко мнѣ, Боже!

Вѣра Баккалинская.

ШЕКСПИРЪ И СТАРАЯ РОССІЯ.

[1616—1916.]

I.

Вліяніе, какое имѣетъ большой художникъ на нашу жизнь, можетъ сказываться весьма различно. Художникъ можетъ создать школу, можетъ имѣть единичныхъ послѣдователей, можетъ помочь людямъ въ разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ вопросовъ жизни, но онъ можетъ повліять также и на весь душевный и умственный складъ нашего „я“, на то таинственное, что мы называемъ „душой“ человѣка — и такое вліяніе имѣетъ наибольшую культурную цѣнность. Установить, однако, точно степень такого воздѣйствія художника на нашу психику крайне трудно: оно скорѣе чувствуется, чѣмъ осязается.

Въ ряду тѣхъ поэтовъ, отечественныхъ и иностранныхъ, которые были для насъ учителями жизни, Шекспиръ имѣлъ свое мѣсто, и, конечно, въ старые годы, когда нашъ историческій опытъ былъ бѣднѣе современнаго, мы въ дѣлѣ нашего духовнаго обогащенія были у него въ большемъ долгу, чѣмъ теперь.

II.

Для Россіи время идетъ быстро. Не такъ давно наша жизнь не досчитывалась одного изъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ вообще трудно себѣ представить жизнь человѣческую.

Мы почти не знали, что такое большія идейныя и сердечныя страсти. Мы были безстрастны — мы, которые вотъ уже второе десятилѣтіе кипимъ въ котлѣ всѣхъ стра-

стей, и законнорожденныхъ, и искусственно въ насъ воспитываемыхъ.

Въ настоящее время всѣ мы — нервные узлы, болѣзненно раздраженные; наша рѣчь пріобрѣла необычную напряженность и рѣзкость, наша мысль пріобрѣла рѣжущую остроту и хорошій закалъ, и сердце наше иной разъ бьется такъ сильно, что сосѣду слышны его удары. А было время, когда ничего этого не было, и не такъ далеки эти времена.

Царствовалъ тогда императоръ Николай Павловичъ, и вмѣстѣ съ нимъ миръ и тишина тридцать лѣтъ царили на Руси. Правда, на далекой окраинѣ, на берегахъ Дуная, сражались мы съ турками, состязаясь съ ними въ примитивной стратегіи; на Кавказѣ долгіе годы не умолкала перестрѣлка, и много было совершено подвиговъ безумной храбрости; но шумъ этой перестрѣлки какъ-то не перелеталъ черезъ горные хребты и очень глухо отдавался по нашимъ безпредѣльнымъ лѣсамъ, болотамъ и долинамъ; манилъ онъ, положимъ, и разжигалъ фантазію молодыхъ людей, которымъ было и душно, и скучно въ усадьбахъ и городахъ, и пугалъ и настраивалъ романтически сердца молодыхъ дѣвицъ, неравнодушныхъ къ военному мундиру. Ходили мы тогда походомъ еще и въ Австрію и усмиряли венгерцевъ, принимая близко къ сердцу цѣлость Австро-Венгерской имперіи и въ особенности желая сдѣлать любезное императору Францу-Іосифу, и по сей день намъ благодарному.

Эти стычки на далекихъ окраинахъ, которыя въ наши дни показались бы военной игрой или прогулками, были единственными событіями, вносившими въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ какой-то гулъ отдаленнаго грохота въ нашу беззвучную жизнь. Внутри страны и вокругъ нея стояла тишина, и императоръ Николай Павловичъ любилъ тишину, если не считать парадовъ и строевого ученія, которое повсюду очень ревностно производилось, на страхъ скорѣе мирнымъ жителямъ, чѣмъ врагамъ: враги — тѣ выжидали удобнаго момента, чтобы отплатить намъ за укрощеніе Наполеона, за спасеніе Пруссіи, оборону Австріи и защиту христіанскаго населенія отъ турецкихъ звѣрствъ.

Мирныя были времена и, если можно цѣлыя историческія эпохи обозначить двумя-тремя словами, такъ это были времена безстрастныя.

Странно какъ-то себѣ представить, что такія времена вообще могутъ быть, — такъ человѣку свойственно имѣть

страсти и вводить ихъ неустанно въ обиходъ жизни. Конечно, рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не о какихъ-нибудь мелкихъ страстяхъ; такія всегда налицо. Но бываютъ страсти большія, онѣ могутъ быть направлены на добро или зло, но онѣ, прежде всего, направлены на всю душу человѣка, всю цѣликомъ, разъ она отдалась имъ въ плѣнъ. Такія страсти становятся стимуломъ всѣхъ помысловъ и дѣяній человѣка, требуютъ отъ него лишеній, страданій, подвиговъ, сжигаютъ его и обжигаютъ всѣхъ близкихъ ему, даютъ жизни не механическое, а органическое движеніе.

Этимъ страстямъ мы обязаны всей солью нашего существованія.

И вотъ въ недавнее еще время мы совсѣмъ не досчитывались ихъ въ нашей жизни.

Тихо и безстрастно жили мы въ далекихъ, затерянныхъ въ глуши усадьбахъ, если не считать единичныхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, мирно жилось въ провинціальныхъ городахъ и въ столицахъ, тихо на всемъ необозримомъ пространствѣ нашей земли, пока еще ничего не сказавшей міру.

III.

Объ этой тишинѣ, объ этой безстрастности краснорѣчиво говоритъ тогдашняя литература, эта хоть и очень неполная, но очень правдивая лѣтопись или исповѣдь людей, которые самой природой созданы для страстнаго отношенія къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кому же быть страстнымъ, какъ не художнику, въ особенности поэту? Изъ всѣхъ борцовъ за права духа художникъ лучше другихъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, на какую степень страсти способно подняться общество, выразителемъ идеаловъ котораго онъ являлся.

Публицистовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ годы царствованія Николая Павловича у насъ не было. Писатели съ политической окраской не прожили бы и дня. Ученые могли, конечно, кипятиться, если къ тому у нихъ былъ темпераментъ, но кипятиться они могли лишь по такимъ вопросамъ, въ которыхъ не было ничего кипучаго.

Если когда и гдѣ могъ человѣкъ проявить свой темпераментъ или свою страсть, такъ только въ области художественнаго творчества, въ мірѣ фантазіи, или въ своемъ судѣ надъ этимъ міромъ привидѣній.

Но и въ этомъ мірѣ призраковъ, созданныхъ вдохновеніемъ поэтовъ, страсть была тогда величайшей рѣдкостью. Имена всѣхъ видныхъ художниковъ тѣхъ годовъ вызываютъ въ нашей памяти необычайно спокойныя воспоминанія. Жуковскій былъ такъ молитвенно примиренъ и тихъ; Пушкинъ, переживъ краткій приступъ страсти, былъ такъ величаво и добровольно спокоенъ въ своемъ творчествѣ; Гоголь, разрѣшая себѣ изрѣдка какой-нибудь страстный выпадъ, хоронилъ свою страсть подъ слезами и смѣхомъ; Кольцовъ, развѣ онъ когда-нибудь сказалъ хоть одно страстное слово, онъ, который стоялъ такъ близко къ народному страданію? Всѣ романисты наши того времени, представители, такъ называемой, романтической школы, они, которые такъ хотѣли казаться страстными, такъ гнались за эффектными словами и драматическими положеніями, были холодны во всемъ, за исключеніемъ страсти любовной, которая, конечно, имѣетъ свою цѣну въ жизни, но отнюдь не можетъ замѣнить великихъ страстей, придающихъ жизни ея колоритъ и темпъ. А лирики? Какъ мало порыва и движенія было въ ихъ чувствахъ, какъ много грусти, печали и разочарованія и всякаго душевнаго пепла безъ огня!

Безстрастны были писатели-художники, спокойны были и ихъ критики, которые разрѣшали себѣ быть страстными только тогда, когда хотѣли доработаться до философскаго или эстетическаго безстрастія, чтобы отстоять за отвлеченной мыслью ея правоту и всеобщность.

Есть, впрочемъ, имена, которыя какъ будто тѣсно связаны съ понятіемъ о страсти: о страстяхъ думаешь, когда говоришь о Лермонтовѣ, Бѣлинскомъ, Герценѣ и Бакунинѣ. Но Герценъ и Бакунинъ, пока они жили въ Россіи, никакимъ страстямъ не подпадали, и когда они убѣдились, что жить безъ нихъ не могутъ, они изъ Россіи бѣжали.

Лермонтовъ былъ, конечно, пѣвцомъ страстей, но и въ равной степени пѣвцомъ тоски по страстямъ и гнѣва на тѣхъ, въ комъ страсти мелки.

Бѣлинскій былъ тоже страстная натура, но какъ онъ боролся со своими страстями и какъ стремился увѣрить себя въ томъ, что онѣ неразумны!

Исключенія всегда возможны и неизбѣжны, и нельзя на нихъ указывать, когда даешь общую характеристику эпохи.

IV.

Мы привыкли считать театръ ареной страстей, и драматическое дѣйствіе, съ особой силой овладѣвающее зрителями, — всегда вѣрный показатель общественнаго настроенія.

Нужна, впрочемъ, оговорка: когда говоришь о нашемъ театрѣ въ его прошломъ или настоящемъ, нельзя упускать изъ виду драматической цензуры, которая всегда ставила себѣ за правило опошлить театральное представленіе насколько возможно. Но въ Николаевскую эпоху работа этой цензуры была упрощена до-нельзя: страсти и на подмосткахъ были большой рѣдкостью.

На сценѣ въ то время мы болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной области художественнаго творчества, жили на чужой счетъ. Правда, Грибоѣдовъ далъ намъ хорошій образецъ сатиры въ лицахъ и Гоголь — первый образецъ истинно-бытовой комедіи, но вѣдь настоящія страсти, тѣ, которыя созидаютъ жизнь и ею двигаютъ, онѣ не произрастаютъ на почвѣ ироніи, сарказма и смѣха, и ни сатира, ни комедія не могутъ способствовать ихъ расцвѣту. Драма и трагедія будятъ страсти и питаютъ ихъ, но ни драмъ, ни трагедій оригинальныхъ, созданныхъ нашимъ національнымъ геніемъ, мы тогда не имѣли: слишкомъ еще малъ былъ нашъ историческій опытъ для того, чтобы въ общемъ, міровомъ хорѣ большихъ страстей могъ раздаться нашъ голосъ. Если мы хотѣли услышать такой голосъ, намъ надо было прислушиваться къ тому, что говорили сосѣди.

Съ XVIII вѣка иноземныя драматическія произведенія, въ которыхъ міровыя страсти находили свое обнаруженіе, стали медленно и осторожно пробираться на наши подмостки. Мы встрѣтили чужестранныхъ героевъ очень гостепріимно, но потребовали отъ нихъ, чтобы они примѣнились къ нашимъ нравамъ и не очень ужъ пугали насъ сложными и грозными вопросами жизни, которыми они болѣли, и страстями, какими были охвачены ихъ души. Мы какъ бы просили ихъ вести себя поскромнѣе въ странѣ, которая привыкла къ тишинѣ и порядку. Героевъ античной трагедіи, по примѣру французовъ, мы просили быть не столь глубокомысленными, болѣе любезными въ обхожденіи съ женщинами, менѣе вызывающими, дерзкими и пытливыми при оцѣнкѣ нравственнаго міропорядка. Впрочемъ, этимъ гражданамъ Греціи и Рима мы всегда предпочитали французскихъ ложно-классическихъ героевъ, которые

никогда не причиняли зрителю особой тревоги, умственной или сердечной, и умѣли во-время обуздывать любую страсть, даруя лишь страсти любовной безграничную свободу.

Въ общемъ, ни одна пьеса, будь она античная, французская или нѣмецкая, не могла намъ дать никакого понятія о томъ, что̀ такое благотворная большая, глубокая страсть и какое, въ сущности, назначеніе этой страсти въ жизни.

Впервые эту тайну открылъ намъ Шекспиръ. Передъ огромной толпой, которая собиралась его слушать, онъ выполнялъ роль совсѣмъ особаго учителя и воспитателя.

V.

Всѣ драматурги старались зрителю со сцены давать явные или тайные совѣты. Передѣлки античныхъ трагедій, французская трагедія, сантиментальная комедія, сатира въ лицахъ, нѣмецкія пьесы эпохи „бури и натиска“, буржузная мелодрама и даже легкомысленный водевиль всегда хотѣли намъ подсказать, какъ нужно поступать въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, чего избѣгать и къ чему стремиться. Одинъ Шекспиръ воздерживался отъ всякаго предостереженія и наставленія. Въ его пьесахъ было нѣчто, что мѣшало даже такому мало подготовленному зрителю, какъ нашъ зритель того времени, успокаиваться на какихъ-нибудь правилахъ морали. Едва ли кто-либо и въ тѣ времена, выходя изъ театра послѣ „Гамлета“, „Лира“, „Отелло“ и другихъ пьесъ, говорилъ себѣ: „Не размышляй долго, а дѣйствуй!“, „Смири властолюбіе!“, „Не отдавай себя на благоусмотрѣніе ближняго!“, „Не ревнуй безъ достаточныхъ основаній!“

Шекспиръ училъ не тому, какъ вести себя должно, а тому, какъ къ жизни вообще должно относиться. Изъ его пьесъ нельзя было почерпнуть никакой житейской мудрости, хотя трагедіи его и полны и даже переполнены мудрыми изреченіями. Шекспиру дорого всегда и вездѣ всемогущество страсти.

Мы привыкли удивляться тому обилію характеровъ и типовъ, какіе художникомъ созданы, но не менѣе удивительно въ немъ это умѣніе изображать страсть въ ея побѣдоносномъ единоборствѣ съ душой человѣка. Нѣтъ драматурга, который былъ бы такимъ хозяиномъ въ царствѣ самыхъ разнообразныхъ страстей, который заставлялъ бы страсти на нашихъ глазахъ такъ наглядно вспыхивать, горѣть и гаснуть, какъ

онъ. Драматургу античной древности большая роковая страсть казалась столь несвойственной людямъ, что онъ изображалъ ее почти всегда, какъ благословеніе или проклятіе боговъ. По ихъ велѣнію человѣкъ бывалъ страстью охваченъ, и они же потомъ, если хотѣли, отъ этой страсти его исцѣляли. Въ испанскомъ театрѣ многія сильныя чувства были также подведены подъ благословеніе Божіе, и при томъ объемъ и размахъ ихъ былъ менѣе напряженъ и широкъ. Во французской классической трагедіи страстямъ были воспрещены свободные полеты.

Подчасъ очень ярко вспыхивали страсти на нѣмецкой сценѣ „бури и натиска“ и въ романтической драмѣ во Франціи, но этимъ своимъ огнемъ онѣ во многомъ были обязаны тому же Шекспиру.

VI.

И вотъ этотъ физіологъ, знатокъ и живописецъ страстей, развертывалъ когда-то передъ безстрастными русскими зрителями самую живую страницу исторіи души человѣческой. Онъ показывалъ имъ, какъ человѣкъ бываетъ обуреваемъ страстью не по приказанію свыше, а волею свободнаго сердца и разума.

Совсѣмъ новые для насъ люди проходили по сценѣ; они были объяты пламенемъ чувствъ, какъ будто намъ знакомыхъ; но только мы не могли представить себѣ, что эти чувства способны горѣть такъ ярко.

На нашихъ глазахъ любовь всходила на костеръ и сгорала въ наслажденіяхъ и мукахъ; злоба и ненависть выдавали намъ всѣ свои тайны въ припадкѣ изступленія; гордыня, тщеславіе и властолюбіе позволяли подслушать всѣ ихъ скрытые помыслы, торжествовали и гибли.

Мы видѣли, какъ слабые становились сильными, потому что сильно чувствовали и сильно желали; видѣли мы и сильныхъ, которые превращались въ слабыхъ, такъ какъ страсть брала всѣ ихъ силы; видѣли, наконецъ, человѣка, который хотѣлъ быть сильнымъ и полнымъ страсти, но изнемогъ въ борьбѣ съ самимъ собой и только въ минуту смерти могъ остаться собой доволенъ. Этотъ страдалецъ въ поискахъ за своимъ „я“, этотъ несчастный датскій принцъ былъ особенно дорогъ нашему сердцу. Глубокія, большія, опредѣлившіяся и окрѣпшія страсти были такъ далеки отъ насъ, но всѣмъ

намъ было такъ хорошо знакомо это тяготѣніе, это желаніе загорѣться страстью, это мучительное желаніе покончить съ кошмарами всякихъ раздумій и сомнѣній! Много вечеровъ подъ рядъ ходили мы тогда въ театръ, чтобы слышать все тотъ же вопросъ: „Быть или не быть?“, и все не могли насмотрѣться на эту трагедію нашей жизни.

VII.

Но вотъ занавѣсъ падалъ; мы расходились по домамъ и знали, что насъ ждетъ самая будничная обстановка. Въ хоромахъ ли или бѣдныхъ квартирахъ, на службѣ скромной или видной, въ тѣсномъ кругу или въ кругу широкомъ, вездѣ насъ поджидала жизнь одинаково безстрастная.

И думали мы: „Той жизни, которая промелькнула передъ нами сейчасъ на сценѣ, конечно, никогда не было и не будетъ, но въ ней есть нѣчто, что могло бы быть и скрасить наше существованіе. Это нѣчто — свободная и сильная страсть“.

Вѣдь существуютъ же большія, глубокія страсти; онѣ со сцены только что говорили съ нами; мы знаемъ о нихъ также изъ книгъ, немногихъ хорошихъ книгъ міровой литературы, знаемъ мы о нихъ также изъ историческихъ разсказовъ, изъ біографій отъ Плутарха до Меморіала св. Елены. Почему же во всемъ, что мы видимъ вокругъ насъ, мы ихъ нащупать не можемъ? Кругомъ копошатся лишь мелкія страсти, и ихъ такъ много въ насъ, много, быть можетъ, именно потому, что большія жизнетворческія страсти не живутъ въ душѣ нашей.

VIII.

Прошли года, и жизнь насъ большимъ и глубокимъ страстямъ научила. Какъ бы стремясь наверстать утраченное время, страсти все сильнѣе и сильнѣе стали кружить насъ въ своемъ водоворотѣ.

Какъ часто за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ, сталкиваясь съ совсѣмъ для насъ необычными положеніями, въ личной ли жизни, въ семейной, или общественной и политической, мы говорили: „Какое драматическое положеніе, достойное кисти Шекспира!“ Въ этихъ словахъ звучала не только эстетическая оцѣнка событія, которое ихъ вызвало, въ

нихъ слышалось и благодарное воспоминаніе, такъ какъ съ давнихъ лѣтъ именно съ геніемъ Шекспира было въ нашей памяти связано представленіе о высокомъ трагическомъ смыслѣ жизни. А путь къ тайнѣ этого смысла лежитъ черезъ царство страсти.

IX.

Какъ отзывается жизнь на этотъ призывъ страстей, бушующихъ въ мірѣ призраковъ? Имѣютъ ли онѣ какое-нибудь прямое, непосредственное на нее вліяніе? Онѣ имѣютъ его, безспорно, но оно неуловимо даже для тѣхъ, кто подпадаетъ ему, а чужой глазъ, будь онъ самый зоркій, никогда не проникнетъ въ эту тайну „обмѣна веществъ“ души человѣческой. Силенъ міръ призраковъ, которые учатъ насъ, какъ намъ должно относиться къ міру дѣйствительности.

И было время въ нашей жизни, когда трагедіи Шекспира, какъ книга или какъ зрѣлище, указывали намъ на то, чего мы въ нашей душѣ не дочитывались, и были картиннымъ предвѣщаніемъ того, что неминуемо съ нами должно было случиться.

Несторъ Котляревскій.

ВЕСЕННІЙ СОНЕТЪ.

Свирѣль зоветъ на вешнія забавы;
Сплетаетъ май изъ листьевъ кружева,
И все манитъ въ зеленыя дубравы
Низать въ стихи ихъ тайныя слова.

Какъ изумрудъ, блеститъ въ лугахъ трава.
Еще денёкъ — занѣжатся купавы,
Смѣлѣй вверху засвѣтитъ синева
И будутъ пѣть звучнѣй мои октавы.

Я въ лѣсъ иду, опять въ мечту влюбленный;
Мой снова взоръ зоветъ родную тѣнь,
Ту тѣнь, что прошлый годъ встрѣчалъ у клена.

Несется звонъ съ сосѣднихъ деревень;
Какъ сладко мнѣ душою просвѣтленной
Вдыхать любви весеннюю сирень!

Аркадій Анисимовъ.

ШЕКСПИРЪ и Л. ТОЛСТОЙ.

(КЪ 300-ЛѢТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ШЕКСПИРА.)

† $\frac{\text{23 апрѣля}^{1})}{\text{3 мая.}}$ 1616 г.

Не великъ былъ кругъ почитателей Шекспира, когда онъ, разставшись съ прежней дѣятельностью актера и „сочинителя пьесъ“, позднѣе — пайщика театральнаго предпріятія, доживалъ въ родномъ Страфортѣ послѣдніе годы жизни. Если мы перенесемся на мгновеніе на триста лѣтъ назадъ, то насъ невольно поразитъ эта болѣе чѣмъ скромная оцѣнка значенія генія, величіе котораго немногіе сумѣли угадать. И вспомнить только, что первое собраніе его сочиненій вышло лишь черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти, когда теперь даже произведенія второстепенныхъ авторовъ анонсируются еще до ихъ написанія, едва они задуманы. Но также не слѣдуетъ забывать, что, если у ближайшихъ современниковъ имя Шекспира ставилось отнюдь не въ первые ряды поэтовъ того времени, а зачастую на третьемъ, четвертомъ мѣстѣ, то все-таки высшее признаніе онъ получилъ отъ соотечественника, вскорѣ послѣ смерти. Впервые міровое значеніе Шекспира было заявлено и предугадано его болѣе счастливымъ соперникомъ, когда-то прославленнымъ, нынѣ совсѣмъ отошедшимъ въ область исторіи, тоже поэтомъ-актеромъ и драматургомъ, Бенъ-Джонсономъ. Безъ зависти и безъ ревниваго недоброжелательства къ ушедшему раньше его поэту, Бенъ-Джонсонъ прославилъ „сладкоголосаго лебедя съ рѣчки Авоны“, какъ онъ назвалъ Шекспира (Swan of Avone), и предугадалъ, что предъ британскимъ геніемъ „преклонятся всѣ сцены

[1]) Въ началѣ XVII вѣка въ Англіи еще дѣйствовалъ Юліанскій календарь, поэтому дата 23 апрѣля соотвѣтствуетъ 3-му мая новаго стиля.

Европы", что „рожденъ онъ не для (своего) времени, а для вѣчности".

Стихи Джонсона памяти Шекспира написаны были въ 1623 г. Но сколько времени еще прошло, пока слава Шекспира не получила окончательнаго утвержденія въ сознаніи его потомковъ. Сколькимъ колебаніямъ подвергалась оцѣнка его произведеній! Не доходили ли и до отрицанія за нимъ его авторства, — гипотеза, къ счастью, теперь окончательно разсѣянная, благодаря цѣлому ряду кропотливо собранныхъ данныхъ и доказательствъ. Однако, какъ ни универсаленъ, по существу, Шекспиръ, какъ ни поразительны въ немъ — глубина знанія человѣческой природы, умѣнье изображать сильныя душевныя волненія, страсти, различныя движенія души общечеловѣческаго характера, какъ ни велико его искусство веденія дѣйствія такъ, чтобы наивозможно полно очертить характеръ лица, раскрыть переживаемыя имъ чувства, понынѣ остается подъ вопросомъ, насколько Шекспиръ общедоступенъ, насколько онъ можетъ непосредственно дѣйствовать на всѣхъ, „заражая" своимъ искусствомъ и тѣхъ, кто къ нему обращается безъ предварительной подготовки, не считаясь съ историческими условіями возникновенія театра Шекспира.

На эту точку зрѣнія „общедоступности" британскаго генія и всталъ Л. Н. Толстой въ своемъ извѣстномъ разсужденіи „О Шекспирѣ и драмѣ" (Соч. т. XVII). Онъ не только отрицательно отнесся къ вопросу, признавъ Шекспира достояніемъ „образованныхъ людей", не доступнымъ для широкихъ слоевъ общества, но оспариваетъ геній поэта и подвергаетъ особенно суровой критикѣ одну изъ его, такъ назыв., „великихъ трагедій" — о королѣ Лирѣ. Можно указать на нѣсколько побочныхъ мотивовъ въ объясненіе придирчивой и зачастую несправедливой, въ цѣломъ рядѣ случаевъ даже совсѣмъ не пріемлемой, критики Толстого: его мечта (вѣрнѣе — утопія) объ искусствѣ для всѣхъ, его подчиненіе искусства этическому началу, его религіозно-философскія исканія и желаніе вернуть драму къ ея религіозной основѣ и т. п. Все это проясняетъ намъ точку зрѣнія Толстого и причину, почему онъ отнесся враждебно къ Шекспиру, подъ впечатлѣніемъ статьи Кросби объ отношеніи Шекспира къ рабочему народу. Но все-таки остается какое-то досадливое чувство, особенно острое въ настоящую минуту, что славянскій геній не могъ или не захотѣлъ признать британскаго

генія, что онъ пытался наивозможно развѣнчать его; и если не удалось ему уронить престижъ Шекспира въ нашихъ глазахъ, то мы не имѣемъ права и основанія заподозрить искренность Толстого: какая-то тѣнь легла между ними, и если невозможно ее отстранить, то хотѣлось бы ее наивозможно прояснить.

Шекспиръ не разъ подвергался, скажемъ мягко, „недоразумѣніямъ“ даже въ глазахъ выдающихся мыслителей, такъ что мнѣніе Толстого, что онъ писатель для „образованныхъ людей“, не всегда оправдывается. Достаточно вспомнить вполнѣ отрицательное отношеніе къ Шекспиру — Вольтера, а едва ли ему можетъ быть отказано въ эпитетѣ „образованнаго человѣка“. Вольтеръ, хоть и не брезгалъ порой вдохновляться темами Шекспира и дѣлать у него кое-какія заимствованія, но величалъ его, какъ извѣстно, „пьянымъ дикаремъ“, „варварскимъ потѣшникомъ“, возмущался смѣшеніемъ „шутовства съ отвратительнымъ (l'horreur)“ въ его произведеніяхъ. Вообще, Шекспиръ совершенно не былъ воспринятъ раціоналистами XVIII вѣка во Франціи, и, несмотря на культъ, который позже ему создали романтики, остался нѣсколько чуждъ и понынѣ французскому генію. Восторженные отзывы В. Гюго, переводы Виньи, умная книга о Шекспирѣ Гизо, если и привели къ признанію Шекспира, то все же не сдѣлали его вполнѣ своимъ во Франціи: ставятъ его рѣдко, и самъ Мунэ Сюлли, играя Гамлета, придавалъ ему живость и подвижность французскаго характера, выказавъ особую виртуозность лишь въ клинически вѣрной картинѣ сумасшествія Гамлета. Но это толкованіе роли болѣе чѣмъ спорно.

Мы можемъ гордиться, что у насъ геній Пушкина постигъ въ наивысшей мѣрѣ геній Шекспира и до нѣкоторой степени и насъ сроднилъ съ нимъ на зарѣ расцвѣта нашей классической литературы. Въ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ наступаетъ повальное увлеченіе Шекспиромъ, и Бѣлинскій, привѣтствуя Мочалова — геніальнаго Гамлета, такъ сказать, еще глубже внѣдряетъ въ сознаніе русскаго общества преклоненіе передъ британскимъ геніемъ. Особенно повезло у насъ Гамлету, который настолько обрусѣлъ, что могъ въ 60-хъ годахъ превратиться, подъ перомъ Тургенева, въ „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, такъ же какъ Лиръ стать „Степнымъ королемъ Ломъ“. Предпосылка Шекспировскихъ образовъ знаменательна у русскаго писателя. Пропагандѣ

Шекспира у насъ не мало содѣйствовали увлеченіе нѣмецкой идеалистической философіей и та философская критика Шекспира, которая подъ ея вліяніемъ развилась въ Германіи и оттуда перешла къ намъ. Приходится признать, что Шекспира мы восприняли въ значительной степени отъ нѣмцевъ и черезъ нѣмцевъ, а шекспирологія во многомъ стала нѣмецкой наукой: отъ Лессинга и до нашихъ дней нѣмецкіе критики и ученые не переставали заниматься Шекспиромъ, на всякіе лады его комментировали, и возникаетъ вопросъ — не слишкомъ ли онъ оказался для насъ „онѣмеченнымъ“, не заслонила ли намъ нѣмецкая критика непосредственное воспріятіе Шекспира? Мы сейчасъ увидимъ, что кое въ чемъ это отразилось и на отрицательныхъ сужденіяхъ о Шекспирѣ Толстого.

Нѣмцамъ приписываетъ Толстой, забывшій или не знавшій о Бенъ Джонсонѣ, созданіе славы Шекспира, которая потомъ перешла и на его родину, а такъ какъ нѣмецкіе эстетическіе критики, по мнѣнію Толстого, большею частью совершенно лишены эстетическаго чувства, то и прославленіе ими Шекспира ничего не стоитъ. Они повѣрили авторитету Гете и набросились на заявленную имъ „неправду“, — будто бы Шекспиръ великій поэтъ, — „набросились, какъ на падаль, и стали отыскивать въ Шекспирѣ несуществующія красоты и восхвалять ихъ“. Это дѣлали „историческіе критики, которые не понимаютъ искусства“.

Къ отрицанію „исторической оцѣнки“ мы потомъ еще вернемся. Пока замѣтимъ слѣдующее: Толстого, конечно, нельзя заподозрить въ шовинистическомъ отношеніи къ нѣмецкому „засилію“ въ области хотя бы эстетической критики. Весь его духовный обликъ противъ такого предположенія, хотя бы его статья появилась даже въ наши дни, не то, что 16 лѣтъ назадъ, когда никакой вражды къ нѣмцамъ у насъ не было. Его отрицательное отношеніе къ нѣмецкой эстетикѣ имѣетъ совсѣмъ иные корни. Но вотъ что характерно: отрицая всякое значеніе за выводами и сужденіями „нѣмецкихъ эстетическихъ критиковъ“, онъ, однако, пользуется ихъ указаніями и аргументами противъ Шекспира и, на нашъ взглядъ, въ такихъ именно случаяхъ, когда эти выраженія по меньшей мѣрѣ спорны. Я отсюда дѣлаю такой выводъ: нѣмецкіе комментаторы Шекспира послужили Толстому отнюдь не къ его возвеличенію, а напротивъ къ умаленію, и весьма несправедливому, его достоинствъ. Мы въ

этомъ можемъ убѣдиться на двухъ примѣрахъ изъ разбора Толстымъ „Короля Лира“.

Такъ, прежде всего, именно нѣмецкіе критики упрекали Шекспира „въ недостаточности или отсутствіи внѣшняго прагматизма и подчасъ не совсѣмъ естественномъ мотивированіи дѣйствія“. Заимствую цитату изъ прекраснаго очерка Н. И. Стороженка — „Шекспировская критика въ Германіи“. „Гете, — пишетъ Стороженко, — основательно (?) находилъ вступительную сцену „Короля Лира“ невозможной и удивлялся геніальности поэта, сумѣвшаго изъ такой неестественной, сказочной завязки развить богатое драматическое дѣйствіе“. Въ данномъ случаѣ я не могу согласиться съ мнѣніемъ Гете, несмотря на авторитетную поддержку Стороженко, и сейчасъ объясню свои мотивы. Но Толстой, оказывается, вполнѣ солидаренъ съ Гете, хотя передъ этимъ и выбранилъ его, и только усиливаетъ его аргументы новымъ мотивомъ: „Лиру, — пишетъ Толстой, — нѣтъ никакой надобности и повода отрекаться отъ власти. И также нѣтъ никакого основанія, проживъ всю жизнь съ дочерьми, вѣрить рѣчамъ старшихъ и не вѣрить правдивой рѣчи младшей; а между тѣмъ на этомъ построена вся трагичность его положенія“. Новый же аргументъ Толстого, для вящшаго поерамленія Шекспира, заключается въ противоставленіи его обработки болѣе ранней пьесѣ о Лирѣ неизвѣстнаго автора, изъ которой Толстой выставляетъ мотивъ: „Лиръ отказывается отъ власти потому, что, овдовѣвъ, онъ думаетъ только о спасеніи души“. Этотъ мотивъ его удовлетворяетъ, и онъ считаетъ, что Шекспиръ напрасно имъ пренебрегъ. А другой штрихъ, имѣвшійся въ прежней пьесѣ и опущенный Шекспиромъ, состоитъ въ томъ, что Лиръ неспроста заставляетъ дочерей изъясняться въ своихъ чувствахъ къ нему: свою младшую и любимую дочь онъ надѣется удержать при себѣ, если она скажетъ, что любитъ его больше всѣхъ; въ доказательство этой любви онъ и потребуетъ, чтобы она отказала женихамъ, живущимъ вдали отъ него, и вышла бы замужъ за принца, котораго онъ ей укажетъ на своемъ островѣ“ (409). Однако, какъ подобный „прагматизмъ“ кажется намъ блѣднымъ и ничтожнымъ по сравненію съ истиннымъ замысломъ Шекспира, который не захотѣли принять въ расчетъ ни Толстой, ни его неназванные имъ авторитеты. Мотивъ — „спасенія души“ совсѣмъ не входилъ и не могъ входить въ его расчеты, равно и навязываніе Корделіи какого-то принца, живущаго по со-

сѣдству на островѣ. Замыселъ Шекспира совсѣмъ иной, ибо „Король Лиръ“ есть прежде всего трагедія гордости, властолюбія и тщеславія, въ соединеніи съ дѣйствительнымъ величіемъ духа, но затемненнаго указанными свойствами, дѣйствіе которыхъ на душу человѣка Шекспиръ и изобразилъ съ поразительнымъ проникновеніемъ и полнотой, начертавъ послѣдовательные этапы переходовъ отъ величія къ сознанію ничтожества человѣка вообще, отъ себялюбивой гордости къ альтруизму, отъ властолюбія къ пониманію суетности и шаткости всякой власти на землѣ. Для характеристики Лира намъ вовсе не нужно знать, давно ли онъ овдовѣлъ и почему въ преклонномъ возрастѣ онъ хочетъ передать управленіе страной другимъ лицамъ. Такой „прагматизмъ“ не существенъ. Но существенно важно, что Лиръ, отказываясь отъ престола, хочетъ остаться царемъ безъ царства: онъ утомился управленіемъ страной, но, слагая власть, выговариваетъ себѣ званіе и почетъ; онъ настолько гордъ, что думаетъ сохранить свой престижъ, даже отстранившись отъ дѣлъ. Власть онъ любитъ и ставитъ вторымъ требованіемъ, чтобы у него была свита, не менѣе ста рыцарей, хотя они ему совсѣмъ не нужны, но это — „престижъ власти“. А съ гордостью и властолюбіемъ сопряжено тщеславіе, которое побуждаетъ его передъ всѣмъ дворомъ похвастать любовью дочерей. Раздѣлъ вѣдь сдѣланъ имъ заранѣе; онъ не выжидаетъ, чтобы всѣ три дочери высказались одна за другой, а спѣшитъ, какъ только Гонерилья, а за ней Регана публично заявили ему о своихъ чувствахъ въ вычурно-льстивой формѣ, отдать имъ ихъ части; а большая часть заранѣе заготовлена Корделіи, которая, какъ Лиръ надѣялся, сумѣетъ его утѣшить, найдетъ, какъ угодить ему, и порадуется онъ словамъ любимой дочери. Упрямство Корделіи приводитъ его въ ярость. Онъ не желаетъ встать на ея точку зрѣнія, какъ и сама Корделія не желаетъ поступиться своимъ горделивымъ прямодушіемъ, внушающимъ ей дать нѣкоторый урокъ отцу, который, конечно, былъ не правъ, поставивъ въ зависимость отъ отвѣта Корделіи присужденіе ей большей доли наслѣдства. Сцена превосходно задумана, въ отличіе отъ прежней канвы драмы, и мастерски проведена, такъ какъ сразу все вниманіе сосредоточено на характерѣ Лира и его чувствованіяхъ, а не на побочныхъ мотивахъ, имѣющихъ совсѣмъ второстепенное значеніе. И мы слѣдимъ съ возрастающимъ волненіемъ за тѣмъ, какъ Лиръ, послѣдо-

вательно подвергаясь униженіямъ и оскорбленіямъ, приходитъ, наконецъ, къ выводу, что человѣкъ самъ по себѣ — это лишь „бѣдное, голое, двуногое животное“ (встрѣча съ Эдгаромъ), что все его величіе, слава, престижъ власти — это decorum; стоитъ отстегнуть одну пуговицу, сбросить мантію и одежды, и отъ величія ничего не остается. Геніальный штрихъ, когда Лиръ въ степи восклицаетъ: „Прочь съ меня все чужое! (Шуту). Эй! разстегни здѣсь“... и потомъ въ пятомъ дѣйствіи, послѣ смерти Корделіи, опять обращается къ окружающимъ: „Пожалуйста, вотъ пуговицу эту мнѣ отстегните!“ — этотъ штрихъ былъ оцѣненъ и Толстымъ. Чѣмъ меньше деталь, тѣмъ значительнѣе связанный съ нею смыслъ, и „пуговицу“ Толстой ощутилъ какъ художникъ, выдѣляя мѣткость возгласа. Быть можетъ „пуговица“ напомнила ему его собственную „изюминку“. Но въ остальномъ Толстой все время какъ-то идетъ мимо драмы, не видитъ, не чувствуетъ ее, не вспоминаетъ даже извѣстныхъ словъ Лира, указывающихъ на полный переворотъ въ его понятіяхъ, на то, какъ страданіе просвѣтило его душу: „Вы бѣдные, нагіе несчастливцы... Кто пріютитъ васъ? Какъ мало объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ, учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ. Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ Небо!“ Выходитъ, что и „небо“ нуждается въ какомъ-то оправданіи, ибо слишкомъ вопіюща несправедливость на землѣ. А власть? „Мнѣ говорили, что я всесиленъ, — замѣчаетъ Лиръ, — а вотъ лихорадка сильнѣе меня“. Разсудокъ Лира не выдержалъ напора всѣхъ „открытій“, которыя ему пришлось сдѣлать, когда на него обрушились напасти, и онъ сходитъ съ ума. Коренной ошибкой итальянскаго трагика Росси при исполненіи роли Лира, которому онъ далъ очень декоративный образъ, было толкованіе царя — безумцемъ уже съ самаго начала трагедіи. Нѣтъ, трагедія именно и должна заключаться въ постепенномъ наступленіи безумія по мѣрѣ испытаній: въ началѣ Лиръ въ полномъ обладаніи умственныхъ силъ и разсуждаетъ, какъ всѣ, но даже и его сумасшествіе вызываетъ замѣчаніе Эдгара: „какъ правда свѣтлая сплелася съ бредомъ (у него), разсудокъ — съ помѣшательствомъ ума“. Не настаивая на всѣхъ ошибочныхъ сужденіяхъ Толстого о Лирѣ, я хотѣлъ бы остановиться еще только на одной сценѣ, по поводу которой Левъ Ник. опять таки желалъ бы выдвинуть преимущества болѣе ранней пьесы о Лирѣ, по сущ-

ности довольно посредственной мелодрамы, передъ Шекспиромъ, вдохновляясь сомнѣніями нѣмецкихъ критиковъ. Это сцена смерти Корделіи. Почему Шекспиръ, въ отличіе отъ прежнихъ версій сказанія о Лирѣ, привелъ ее къ гибели? Толстой считаетъ смерть Корделіи совсѣмъ не нужной и восхваляетъ старую пьесу, заканчивающуюся примиреніемъ Лира съ дочерью, къ которой онъ самъ пришелъ. Сцену свиданія Лира съ Корделіей въ старой пьесѣ онъ называетъ „прелестной, восхитительной“ и хвалитъ такой „натуральный“ конецъ драмы, соотвѣтственно нравственному требованію зрителя.

Трагическую необходимость смерти Корделіи по разному пытались объяснить — Шлегель, Ульрици, Эльманъ, Реттеръ, Гервинусъ. Выставлялись мотивы чисто художественные (Шлегель), этическіе, индивидуальные (Эльманъ: Корделія будто бы была не достаточно умна, чтобы овладѣть событіями, поэтому она должна была пасть ихъ жертвой), даже патріотическіе (Ульрици: Корделія была наказана за то, что возбудила войну противъ своихъ соотечественниковъ, подговоривъ французскаго короля — и своего супруга послать войска на выручку Лира). Большинство этихъ аргументовъ врядъ ли могло убѣдить Толстого въ необходимости смерти Корделіи. Стороженко рѣшаетъ вопросъ на почвѣ сценическихъ требованій: смерть Корделіи вызываетъ потрясающую сцену Лира съ мертвой дочерью на рукахъ и подготовляетъ насъ къ неизбѣжной трагической кончинѣ короля, у котораго въ жизни уже ничего не оставалось, да и послѣ перенесенныхъ потрясеній онъ врядъ ли, и вообще, могъ продолжать жить. Весьма вѣроятно, что Стороженко всѣхъ ближе подошелъ къ выясненію настоящаго мотива, которымъ руководствовался самъ Шекспиръ. Но можно привести еще одно соображеніе по поводу смерти Корделіи: если она была несомнѣнно права въ томъ, какъ поступала, въ полномъ соотвѣтствіи съ ея правдивой, искренней и глубоко честной натурой, то вѣдь нельзя сказать, чтобы она поступала вполнѣ правильно. Даже и на самомъ дѣлѣ многое изъ того, что она могла бы предотвратить съ самаго начала, вызвано не только ея безусловной правдивостью, но также и нѣкоторой прямолинейностью. Гервинусъ объяснялъ это застѣнчивостью ея характера. Застѣнчивость будто бы помѣшала ей сообщить и Альбани, что французскія войска чужды всякихъ завоевательныхъ стремленій: ихъ цѣль только возстановить Лира въ

его правахъ и покарать обидчиковъ. Если бы Корделія ему сообщила то, что она говоритъ намъ, герцогъ Альбанскій понялъ бы благородные мотивы Корделіи и прекратилъ бы войну. Корделіи же казалось, что объяснять тутъ нечего, что все само собой понятно. Какъ бы то ни было, получается такой кругъ антиномій: чѣмъ совершеннѣе сама по себѣ Корделія, чѣмъ искреннѣе и правдивѣе ея поступки, тѣмъ менѣе они соотвѣтствуютъ требованіямъ и условіямъ жизни. Образъ Корделіи самъ по себѣ необыкновенно обаятеленъ; въ то же время мы не можемъ не сознавать, что онъ утратилъ бы часть своего обаянія, если бы она отступила отъ велѣній совѣсти и сердца въ угоду расчетамъ даже цѣлесообразности поступковъ. Не она погрѣшила противъ міра, а міръ ее не воспринялъ. Такая идеальная натура не отъ міра сего. Не это ли проясняетъ намъ насильственная смерть Корделіи? Можетъ быть, Шекспиръ не имѣлъ въ виду это доказывать, но оно является естественнымъ выводомъ изъ трагической кончины Корделіи. Какъ бы то ни было, заканчивать трагедію идиллической сценой примиренія отца съ дочерью, какъ этого хотѣлъ бы Толстой, совершенно немыслимо. Его ввели въ заблужденіе не совсѣмъ удачные аргументы нѣмецкихъ эстетическихъ критиковъ въ защиту Шекспира, и Толстой обратилъ ихъ противъ Шекспира.

Такимъ образомъ, Толстой находился самъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ, противъ которыхъ онъ ополчился огульно. Не стану заступаться за эстетическое чувство этихъ самыхъ критиковъ, ибо, конечно, ошибочныхъ сужденій о Шекспирѣ съ чисто эстетической точки зрѣнія было высказано много, и совершенно излишній трудъ ихъ всѣ опровергать. Мы хорошо знаемъ теперь, что и Лессингъ проявилъ во многомъ художественное непониманіе, вслѣдствіе перевѣса въ немъ разсудочности надъ непосредственнымъ чувствованіемъ красоты и эстетическимъ воспріятіемъ. Но по отношенію къ Шекспиру онъ былъ правъ. А затѣмъ главный вопросъ, который передъ нами вырисовывается изъ разсужденія Толстого, это вопросъ критерія оцѣнки. Толстой всталъ очень рѣшительно на точку зрѣнія субъективной критики и въ этомъ отношеніи онъ далеко не одинокъ. Субъективность сужденій имѣетъ за собой нѣкоторое оправданіе въ противоположность исторической оцѣнкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, исторически мы можемъ все объяснить, но вѣдь это не значитъ оправдать соображеніями художествен-

ности дефекты произведенія искусства. Объяснимы въ исторической перспективѣ и анахронизмы въ произведеніяхъ Шекспира, потому что въ XVI в. не знали исторіи, и міръ представлялся искони такимъ, какъ онъ есть въ глазахъ современниковъ. Объяснимы и эвфуизмъ въ стилѣ, и отсутствіе характернаго языка для каждаго отдѣльнаго лица, и нѣкоторое отсутствіе чувства мѣры, преувеличеніе чувствъ и характеровъ и т. п. Даже преобладаніе кровавыхъ сюжетовъ, частые поединки на сценѣ, убійства, отравленія, выкалываніе глазъ, которые тутъ же растаптываются ногами, словомъ всѣ тѣ ужасы, видъ которыхъ мы теперь не всегда въ состояніи выдержать при постановкѣ Шекспировскихъ драмъ,— находятъ историческое объясненіе въ условіяхъ того времени. Безъ нихъ, въ пору жизни Шекспира, трагедіи не имѣли бы успѣха, ибо зрители жаждали сильныхъ потрясеній, внѣшне захватывающихъ положеній. Вѣдь мы знаемъ, что на тѣхъ же подмосткахъ народнаго театра, на которыхъ ставились трагедіи и комедіи Шекспира, въ другіе дни происходила травля дикихъ звѣрей, что, какъ бы чередуясь съ Гамлетомъ, Ромео, Макбетомъ, Юліемъ Цезаремъ, выпускался какой-нибудь медвѣдь, на котораго набрасывались разъяренные бульдоги и т. п. Зрители были тѣ же, — смотрѣвшіе на бой звѣрей и на драмы, зрители съ крѣпкими нервами, съ жаждой видѣть проливаемую кровь, съ какой-то жадностью къ кровавымъ зрѣлищамъ. Шекспиръ жаловался на недостаточное пониманіе его пьесъ партерной публикой, однако, онъ все же неизбѣжно дѣлалъ нѣкоторыя уступки ея вкусамъ. Нельзя же возводить въ достоинство театра Шекспира тѣ его свойства, которыя объясняются съ исторической точки зрѣнія, но претятъ вкусу современнаго зрителя или читателя, ибо наши вкусы иные, чѣмъ на рубежѣ XVI и XVII вв. Все это ясно само собой, но съ точки зрѣнія субъективной критики историческое объясненіе не есть оправданіе, поэтому Толстой такъ усердно ломится въ открытую дверь, не желая считаться съ условностями эпохи. Онъ вообще, врагъ всякой условности, отстаивая принципы натуралистическаго искусства. Шекспиръ, конечно, не подходитъ подъ эту мѣрку: разница поэтикъ Шекспира и Толстого дѣлаетъ ихъ какъ бы непримиримыми.

Однако, вѣдь и Шекспиръ принципіально стоялъ на томъ же требованіи вѣрности природѣ, которое и Толстой принимаетъ основнымъ критеріемъ своихъ оцѣнокъ. Въ извѣ-

стной сценѣ Гамлета съ актерами, сравнивая театръ съ зеркаломъ, онъ весьма опредѣленно говоритъ устами Гамлета, что „все, что изыскано, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ отражать въ себѣ природу“. Значитъ, расхожденіе между Толстымъ и Шекспиромъ касается лишь формы, той формы, которая въ нашихъ глазахъ становится все болѣе и болѣе условной, по мѣрѣ отдаленія отъ эпохи, когда жилъ и писалъ Шекспиръ. Что же почувствовалъ Толстой сквозь эту условность, которую онъ отрицаетъ въ принципѣ, въ произведеніяхъ Шекспира, какъ абсолютную цѣнность? Положительнымъ качествомъ Шекспира онъ признаетъ — „умѣніе вести сцены, въ которыхъ выражается движеніе чувствъ“. Подъ „движеніемъ чувствъ“ Толстой разумѣетъ — ихъ „увеличеніе, измѣненіе, соединеніе многихъ противорѣчивыхъ чувствъ“. Все это Шекспиръ умѣетъ выразить „вѣрно и сильно“. Въ этомъ онъ — „общедоступенъ“. Онъ умѣлъ „не только рѣчами, но восклицаніями, жестами, повтореніями словъ выражать душевныя состоянія и измѣненія чувствъ, происходящія въ дѣйствующихъ лицахъ. Такъ, во многихъ мѣстахъ лица Шекспира вмѣсто словъ только восклицаютъ или плачутъ, или въ серединѣ монолога часто жестами проявляютъ тяжесть своего состоянія (такъ Лиръ проситъ разстегнуть ему пуговицу) или въ минуту сильнаго волненія по нѣскольку разъ переспрашиваютъ и заставляютъ повторять то слово, которое поражаетъ ихъ, какъ это дѣлаютъ Отелло, Макдуфъ, Клеопатра и др.“. Толстой признаетъ мастерство техники у Шекспира, но старается объяснить это тѣмъ, что онъ былъ самъ актеръ и умный человѣкъ. Это уже есть нѣкоторая уступка, а вникнувъ въ сущность даже этихъ качествъ, къ которымъ и Толстой оказался чувствителенъ, мы легко признаемъ, что они даются не умомъ, а геніемъ. — Не хочетъ Толстой признать за Шекспиромъ лишь умѣнья создавать характеры, потому что онъ исходитъ изъ ошибочнаго мнѣнія, что Шекспиръ бралъ характеры готовыми въ своихъ источникахъ. Это большое заблужденіе, и если бы Толстой, не принимая на вѣру сообщенія комментаторовъ Шекспира, самъ произвелъ провѣрочную работу сличенія источниковъ съ тѣмъ, что создавалъ изъ нихъ Шекспиръ, онъ увидѣлъ бы свою ошибку. Впрочемъ, и тутъ онъ допускаетъ исключенія въ двухъ случаяхъ, правда, съ нѣкоторыми оговорками: это Фальстафъ и Отелло.

Остается вопросъ міросозерцанія; именно въ этомъ пунктѣ Толстой заявляетъ о своемъ наибольшемъ расхожденіи съ Шекспиромъ. Различіе міросозерцаній есть, но самъ-то Толстой попытался ли опредѣлить сущность міропониманія Шекспира? Ничего подобнаго. Онъ принимаетъ на вѣру выводы Гервинуса и въ сущности полемизируетъ не съ самимъ Шекспиромъ, а съ Гервинусомъ, т. е. по скольку Гервинусъ, опираясь на нѣкоторыя цитаты изъ Шекспира, строитъ предположительно міросозерцаніе Шекспира, сочувственно относясь къ нему, какъ „безспорному этическому авторитету“ и „избраннѣйшему руководителю въ мірѣ и жизни“. Но выводы Гервинуса — гадательны; то міросозерцаніе, которое онъ приписываетъ Шекспиру, есть его собственный домыселъ, быть можетъ, кое въ чемъ вѣрный, но въ иномъ и спорный, а Толстой считаетъ его утвержденія за аксіомы. Мы въ правѣ и здѣсь высказать мнѣніе, что нѣмецкая критика заслонила отъ Толстого непосредственное воспріятіе и что во многомъ его оцѣнка была бы иная, если бы онъ меньше довѣрялъ комментаторамъ Шекспира. Правда, въ иныхъ случаяхъ умѣстнѣе было бы считаться съ исторической перспективой и признавать условности эпохи, но субъективная критика отрицаетъ и то, и другое.

За всѣмъ тѣмъ, остается еще одно существенное отличіе между театромъ Шекспира, такимъ, какимъ мы его знаемъ, и требованіями отъ драмы, предъявленными Толстымъ. Требованія эти очень модернистскаго характера, хотя и опираются на значеніе и роль театра въ пору его зарожденія. Толстой мечтаетъ о возрожденіи религіозной драмы: религія была и должна снова стать основой театра. За послѣднее время мы очень много слышали разсужденій на эту тему. И античный театръ въ своей основѣ, и средневѣковыя мистеріи были религіозными представленіями, стало быть — де театръ по существу долженъ преслѣдовать религіозныя цѣли, вернуться къ тому, чѣмъ онъ былъ при своемъ возникновеніи. Шекспиръ не соблюлъ этого условія — значитъ онъ всталъ на ложный путь. Вопросъ этотъ можетъ вовлечь насъ въ современные споры о театрѣ, вдаваться въ которые здѣсь было бы неумѣстно. Но если возможно, вспоминая то, чѣмъ былъ театръ при своемъ зарожденіи, высказывать пожеланія относительно того, чѣмъ онъ можетъ или долженъ вновь стать (хотя я не считаю правильнымъ такой методъ разсужденія), — то во всякомъ случаѣ нельзя свои стремленія

предписывать автору, который ихъ не раздѣлялъ. Театръ Шекспира, дѣйствительно, не есть религіозный театръ: онъ вполнѣ гуманистическій. Самъ Шекспиръ, какъ свидѣтельствуютъ данныя его біографіи, былъ весьма правовѣрнымъ католикомъ, но въ своихъ произведеніяхъ онъ прежде всего и больше всего изслѣдователь человѣческой природы. Въ этомъ его главная сила и значеніе. Не небо, а человѣкъ — въ его сложной духовной жизни, въ его аффектахъ и дѣяніяхъ, въ его паденіяхъ и подъемахъ, человѣкъ — во власти страстей и въ томъ, какъ онъ переживаетъ различныя стадіи страсти, въ его стремленіяхъ и разочарованіяхъ, влеченіяхъ духа и душевныхъ недугахъ, — все это непосредственный объектъ творчества Шекспира, а не отношеніе земного къ потустороннему міру; здѣшній міръ не въ долженствованіи, а въ соотвѣтствіи съ природой, такой, какова она есть по существу. Эти качества и дѣлаютъ Шекспира въ нашихъ глазахъ, несмотря на условности формы выраженія, величайшимъ реалистомъ. Такимъ сумѣлъ почувствовать его и Пушкинъ, хотя и повторялъ за другими, вторя вѣяніямъ того времени, что Шекспиръ романтикъ, образецъ и показатель романтическаго искусства. Онъ отчасти и былъ „евангеліемъ у романтиковъ“, поскольку романтики хотѣли его сдѣлать своимъ, относительно формы главнымъ образомъ, по противоположности классицизму; но поэтика Шекспира чисто реалистическая, и на этой почвѣ Шекспиръ и Толстой гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ можно заключить изъ разсужденія Льва Николаевича. Они близки и въ нѣкоторыхъ техническихъ пріемахъ творчества, которые Толстой, оставаясь искреннимъ, не могъ не почуять у своего великаго „антагониста“, какимъ онъ хотѣлъ представить Шекспира; близки, почти родственны и въ изображеніи сильныхъ душевныхъ эмоцій. Развѣ въ чисто художественныхъ образахъ Толстого — напримѣръ, въ „Крейцеровой сонатѣ“, въ нѣкоторыхъ сценахъ „Власти тьмы“ — не чувствуется это сродство и развѣ мы не выражаемъ высшей хвалы Толстому признаніемъ чисто Шекспировской силы за этими созданіями русскаго художественнаго генія? Шекспиръ и Толстой только по недоразумѣнію могутъ показаться антагонистами: они оба изъ одной великой семьи геніевъ человѣчества.

Ѳ. Батюшковъ.

ИСКАНІЕ ВѢЧНОСТИ.

О Вѣчности тоскуя съ давнихъ поръ,
Я жизни краткой не цѣнилъ мгновенья;
Я рѣдко устремлялъ на землю взоръ,
Не видя въ ней небесъ отображенья.
Я звалъ звѣзду, какъ друга, въ тишинѣ,
Когда земля спала въ ночи пугливой,
Но видѣлъ я, какъ улыбалась мнѣ
Звѣзда съ насмѣшкой молчаливой.
Манилъ къ себѣ я блѣдную луну:
Беззвучный смѣхъ ея мнѣ былъ отвѣтомъ.
Я уходилъ въ тоскѣ къ земному сну
И вновь вставалъ, тоскующій, съ разсвѣтомъ.
Я въ поле шелъ, гдѣ небесамъ просторъ,
И къ солнцу очи поднималъ съ мольбою,
Но ослѣпляло солнце дерзкій взоръ,
Злорадно тѣшась надо мною...
Я къ дали шелъ: каймою голубой
Она за лѣсомъ, вѣчная, сіяла...
Я лѣсъ прошелъ, дремучій и сырой,
А даль коварно отступала...
И стало мнѣ земныхъ мгновеній жаль,
И понялъ я, что Вѣчность мнѣ чужая,
И я упалъ на землю, чтобъ печаль
Утѣшила земля моя родная...

Филаретъ Черновъ.

О РАЦІОНАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКѢ ХОЗЯЙСТВЕННАГО ТРУДА [1]).

Современный хозяйственный строй принято называть капиталистическимъ по преобладанію въ немъ роли капитала и капиталистовъ. Но, пожалуй, не менѣе яркую черту его составляетъ раціонализмъ. Чѣмъ дальше подвигается изученіе новѣйшей хозяйственной исторіи, тѣмъ яснѣе становится, что первые, рѣшающіе успѣхи капитализма связываются именно съ примѣненіемъ раціональныхъ пріемовъ къ постановкѣ и осуществленію хозяйственныхъ задачъ. Капиталъ пришелъ реформировать старый укладъ хозяйственной жизни задолго до машины, пара и электричества съ двойной бухгалтеріей, банками и биржами, вексельными оборотами и процентными бумагами. Съ помощью этого глубоко продуманнаго и тонко разработаннаго аппарата мѣновыхъ отношеній, капитализмъ преобразовалъ торговлю, денежное обращеніе и кредитъ и уже затѣмъ обратился къ промышленности и транспорту. Второй шагъ былъ гораздо легче перваго. Привыкнувъ дѣйствовать съ строгимъ учетомъ имѣющихся силъ и средствъ, капитализмъ раціонализировалъ промышленную технику, поставилъ ее въ тѣсную связь съ научнымъ изслѣдованіемъ и, опираясь на успѣхи точнаго естествознанія, въ короткое время произвелъ въ ней коренной переворотъ, доведя власть человѣка надъ природой до неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ.

Но отъ такого раціональнаго использованія силъ природы до странности далеко отставала постановка хозяйственнаго труда. Человѣческія силы расходовались попрежнему съ хищнической небрежностью и расточительностью, порой даже

---

[1]) Въ основу настоящей статьи положена рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Общества Научнаго Института въ Москвѣ, 13 марта 1916 года.

большей, чѣмъ при старыхъ наивныхъ формахъ работы. Организаторы хозяйства были какъ бы загипнотизированы заботами о мертвой механической техникѣ, кое-какъ приспособляя къ ней человѣка. Между тѣмъ именно при новомъ техническомъ строѣ предпріятій потребность въ раціональной организаціи работы живой человѣческой силы стала чувствоваться съ особенной остротой. Обособившись въ отдѣльное, спеціализированное дѣло, будучи связанъ съ автоматическимъ ходомъ механическаго аппарата фабрики, трудъ потерялъ прежнія привлекательныя стороны, скрашивавшія трудовой процессъ въ патріархальномъ экономическомъ бытѣ. То, что доставляло когда-то трудящемуся человѣку ощущеніе полноты и радости бытія въ его хозяйственной дѣятельности, — непосредственное удовлетвореніе инстинкта художественнаго творчества, веселое общеніе въ работѣ съ товарищами, хоровая пѣсня, даже простой ритмъ самой работы, отвѣчающій ритму рабочихъ движеній, — стало невозможнымъ въ новыхъ условіяхъ работы при автоматически движущихся машинахъ, среди нестройнаго шума фабричныхъ помѣщеній съ ихъ общей, часто очень неприглядной и непривѣтливой обстановкой. Изъ разнообразной игры жизненныхъ силъ, гдѣ сливались въ гармоническое цѣлое и хозяйственный трудъ въ собственномъ смыслѣ, и развлеченіе и спортъ, и художественное творчество, новѣйшая промышленная работа выдѣлилась въ самостоятельную задачу, требуя однообразной мускульной дѣятельности, сосредоточенія вниманія и большого напряженія воли. Интересъ къ труду остается, конечно, и здѣсь, и распредѣленіе работниковъ по различнымъ группамъ занятій соотвѣтственно ихъ природнымъ склонностямъ и способностямъ составляетъ одну изъ важныхъ задачъ современной организаціи труда. Но онъ поддерживается въ бо́льшей мѣрѣ именно этой общей склонностью къ данному виду труда, чѣмъ непосредственно самымъ процессомъ работы. На мѣсто прежняго увлеченія дѣломъ становится чувство долга. Эмоціальный типъ работника патріархальныхъ временъ смѣняется волевымъ типомъ, и старая дисциплина труда, неустойчивая и причудливая, какъ онъ самъ, которую я назвалъ бы „дисциплиной совѣсти“, смѣняется болѣе холодной и болѣе узкой, но зато гораздо болѣе твердой „дисциплиной долга“.

Необходимо отмѣтить, что превращеніе хозяйственнаго труда въ обособленную, болѣе прозаическую и суровую форму само по себѣ было экономически раціональнымъ. Поэтическія

формы труда добраго стараго времени были мало производительны. Болѣе сложныя хозяйственныя нужды требовали такого обособленія труда. Но это былъ только первый шагъ по пути раціонализаціи труда. Необходимо было согласовать организацію труда съ его новыми, болѣе тяжелыми условіями. Это было, пожалуй, труднѣе, чѣмъ создать усовершенствованный техническій аппаратъ предпріятія. Правила раціональнаго использованія мертвыхъ техническихъ средствъ не подходятъ къ работѣ человѣка. Степень допустимаго использованія машины въ единицу времени опредѣляется простымъ расчетомъ выгоды: если болѣе интенсивная работа машины и соотвѣтственно быстрое изнашиваніе ея обѣщаютъ бо́льшую выручку, было бы нераціонально беречь ее, растягивая ея примѣненіе на болѣе долгій срокъ. Но такъ нельзя поступать съ человѣкомъ. Какъ бы ни строились хозяйственные расчеты предпріятія, основные жизненные интересы общества требуютъ, чтобы лица, его составляющія, не изнашивались преждевременно, не умирали бы, не старѣлись и не становились инвалидами раньше нормальнаго срока, положеннаго природой всѣмъ людямъ. И если хозяйственная система приводитъ къ сокращенію жизни трудящагося населенія, если она подрываетъ и истощаетъ его силы, общество не должно успокаиваться до тѣхъ поръ, пока оно не изыщетъ достаточно дѣйствительныхъ средствъ для ея исправленія. Опытъ показываетъ, что такія средства есть, что человѣческія силы достаточно эластичны для приспособленія къ весьма сложнымъ хозяйственнымъ задачамъ и что нормальное возстановленіе силъ трудящихся возможно безъ ущерба для ихъ хозяйственной производительности. Нужно только тщательно обдумать и наладить условія труда, опираясь и здѣсь, какъ при усовершенствованіи механической техники, на данныя и выводы научнаго изслѣдованія. Отсталость въ раціональной постановкѣ труда объясняется не столько трудностью самаго дѣла, сколько ненормальностями общественнаго строя при капитализмѣ, гдѣ организаторы хозяйства, имѣющіе власть и возможность вводить требуемыя усовершенствованія, не заинтересованы непосредственно въ судьбѣ трудящагося населенія, и часто видятъ свою выгоду не столько въ раціональной организаціи труда, сколько въ нажимѣ на работающихъ, что, конечно, гораздо проще и не связано съ сложными заботами и тонкими соображеніями, необходимыми при всякихъ серьезныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ дѣла.

Поэтому первые шаги промышленнаго капитализма принесли съ собой даже регрессъ въ условіяхъ труда по сравненію съ прежнимъ временемъ, создавъ неслыханныя бѣдствія трудящагося населенія, и только послѣ долгой и упорной борьбы прогрессивныхъ общественныхъ силъ съ рутиной, невѣжествомъ и злоупотребленіями предпринимателей въ темномъ царствѣ промышленнаго труда стали появляться сначала слабые, потомъ все болѣе усиливающіеся и побѣждающіе мракъ лучи свѣта. Рѣшающимъ факторомъ было здѣсь выступленіе самихъ трудящихся классовъ на защиту своихъ интересовъ. Трудъ сталъ подавать свой голосъ, и не считаться съ нимъ при организаціи производства стало уже невозможнымъ. Было достигнуто не мало крупныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ, но все же по отношенію къ раціональной постановкѣ самаго процесса труда мы находимся пока въ первичной стадіи развитія, и нашему поколѣнію предстоитъ большая подготовительная работа по расчисткѣ пути лучшему будущему. Въ современныхъ попыткахъ приблизить осуществленіе этого желаннаго устроенія и упорядоченія трудового процесса заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдованія продолжительности рабочаго времени, изученіе трудовыхъ движеній и методы цѣлесообразнаго подбора рабочаго персонала.

Теоретически болѣе разработанъ и въ болѣе широкомъ объемѣ разрѣшенъ практически вопросъ о регулированіи рабочаго времени. Здѣсь громадное значеніе имѣло англійское общественное движеніе первой половины девятнадцатаго столѣтія въ пользу десятичасового рабочаго дня, закончившееся знаменитымъ законодательнымъ актомъ 1847 года, установившимъ для главныхъ отраслей промышленности максимальный рабочій день въ десять часовъ для подростковъ и взрослыхъ женщинъ (а косвенно и для занятыхъ вмѣстѣ съ ними взрослыхъ мужчинъ). Съ этого времени можно начинать исторію культурнаго рабочаго дня, смѣнившую періодъ невѣжества и варварства. Сокращеніе рабочаго дня до десятичасовой нормы быстро сказалось повышеніемъ производительности фабричной работы, наглядно опровергнувъ возраженія противниковъ этой мѣры, строившихъ свою аргументацію на — искреннихъ или неискреннихъ — опасеніяхъ за судьбу англійской промышленности въ ея борьбѣ за рынки съ промышленностью странъ, имѣющихъ болѣе длинный рабочій день. Разъ было обнаружено, что сокращеніе рабочихъ часовъ имѣетъ послѣдствіемъ не уменьшеніе, а даже увеличеніе выработки, возникъ вопросъ

о предѣлѣ, до какого можетъ быть доведено это сокращеніе. Вопросъ этотъ представляетъ сложную проблему, для правильнаго разрѣшенія которой необходимо гармоническое согласованіе физіологическихъ, экономическихъ и нравственныхъ требованій. Существенно важно прежде всего, чтобы хозяйственный трудъ не подрывалъ здоровья работника, не нарушалъ необходимаго равновѣсія его силъ. Какъ показываютъ физіологическія изслѣдованія, во время работы въ организмѣ скопляются вредныя отложенія, особые токсины, отравляющіе человѣка и ослабляющіе его жизнедѣятельность. Утомленіе и есть такое нарастающее отравленіе организма. Однако, организмъ владѣетъ и средствомъ борьбы съ этими ядами. Пріостановка работы, а въ особенности сонъ помогаютъ очиститься отъ вредныхъ отложеній и возстановить нормальную способность къ дѣятельности. Съ другой стороны, во время работы происходитъ утрата полезныхъ элементовъ, производящихъ энергію. Эта потеря должна быть регулярно возстанавливаема, иначе человѣкъ будетъ постепенно „сгорать“, истощать себя. Отдыхъ нуженъ и здѣсь, чтобы организмъ успѣлъ вновь „отстроиться“, возстановить утраченное. Такимъ образомъ, утомленіе проявляется въ двухъ формахъ: отравленія и истощенія. Чѣмъ продолжительнѣе процессъ работы и чѣмъ короче время отдыха, тѣмъ больше опасности, что организмъ работника не успѣетъ очиститься надлежащимъ образомъ и возстановить источникъ утраченной энергіи, и рабочій будетъ становиться снова на работу съ затрудненными силами и ослабленной энергіей и постепенно будетъ все болѣе разрушать свое здоровье. Съ точки зрѣнія этихъ физіологическихъ процессовъ десятичасовая норма (какъ доказывалъ въ свое время и у насъ покойный Сѣченовъ) представляется все еще слишкомъ длинной, въ особенности для болѣе тяжелыхъ работъ.

Съ другой стороны, при упорядоченіи труда объектомъ раціональнаго воздѣйствія является человѣческая личность, которую нельзя разсматривать только какъ „живую машину“ или какъ „живой двигатель“, но которая, будучи призвана къ хозяйственной работѣ, остается цѣльной индивидуальностью, имѣющей подобно всѣмъ прочимъ людямъ неотъемлемое право на возможно болѣе полное развитіе всѣхъ своихъ силъ, на достиженіе всѣхъ великихъ возможностей, открывающихся человѣку. Хозяйственный трудъ въ его современномъ видѣ не можетъ заполнить всей жизни трудящагося, и онъ не долженъ служить ему помѣхой при преслѣдованіи болѣе

высокихъ жизненныхъ цѣлей. Конечно, одно улучшеніе условій труда не рѣшаетъ вопроса. Какъ нравственно свободная личность, каждый человѣкъ добровольно избираетъ себѣ путь грѣха или подвига; индивидуальная отвѣтственность за нимъ остается. Но если на пути его нравственнаго совершенствованія становятся непреодолимыя внѣшнія условія, въ видѣ угнетающей его разумъ и душевные порывы общественной обстановки, онъ этимъ самымъ оправданъ передъ высшимъ судомъ, но зато оказывается виновнымъ самъ общественный порядокъ. Такой порядокъ долженъ быть измѣненъ, и на всѣхъ насъ, кто могъ бы чѣмъ-нибудь содѣйствовать его измѣненію, ложится солидарная отвѣтственность. Въ этомъ — великій нравственный смыслъ общественныхъ реформъ.

Итакъ, съ обѣихъ указанныхъ точекъ зрѣнія увеличеніе досуга рабочаго представляется крайне настоятельнымъ. На этомъ пути лежитъ, однако, весьма существенное препятствіе. Нельзя покупать улучшеніе условій труда пониженіемъ достигнутаго уровня хозяйственной культуры; матеріальныя нужды общества чрезвычайно обширны и постоянно растутъ уже въ связи съ однимъ фактомъ возрастанія населенія, увеличенія его плотности по отношенію къ занимаемой площади. Каждый новый человѣкъ, вступая въ міръ, находитъ себѣ меньше мѣста подъ солнцемъ, и это вынуждаетъ всѣхъ людей къ болѣе энергичной и упорной работѣ. Общество не можетъ позволить себѣ уменьшеній общей суммы получаемаго дохода. Иначе говоря, раціональная постановка труда требуетъ, чтобы при сокращеніи труда выработка рабочаго (а слѣдовательно, и его заработокъ) не уменьшались. Ясно, что при этомъ трудно надѣяться на очень значительное сокращеніе рабочаго дня. Рабочее движеніе конца прошлаго вѣка выдвинуло, какъ идеалъ ближайшаго времени, восьмичасовой рабочій день; при этомъ въ обширныхъ рабочихъ кругахъ предполагалось, что выработка должна будетъ понизиться (что, впрочемъ, признавалось желательнымъ, какъ средство борьбы противъ безработицы). Дѣйствительность и на этотъ разъ опровергла такое предположеніе. При попыткахъ установленія восьмичасового рабочаго дня производительность труда по прежнему поднималась. Здѣсь дѣло обстояло, однако, сложнѣе, чѣмъ при переходѣ отъ двѣнадцати- и одиннадцати-часового рабочаго дня къ десятичасовому. Интенсивность труда, уже повышенная при прежнихъ сокращеніяхъ его продолжи-

тельности, естественно должна была подниматься дальше съ бо́льшими затрудненіями. Если мы представимъ себѣ рабочій механизмъ человѣка въ видѣ эластичной пружины, выдерживающей большее или меньшее давленіе соотвѣственно количеству усилій, затрачиваемыхъ работникомъ въ единицу времени, то увеличеніе трудности работы при сокращеніи рабочаго времени можно наглядно выразить слѣдующей грубой схемой: предполагая, что для изготовленія извѣстнаго количества продукта (которое должно остаться неизмѣннымъ послѣ сокращенія часовъ труда) требуется продѣлать въ день 12,000 опредѣленныхъ рабочихъ движеній, мы найдемъ, что при двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ рабочій долженъ сдѣлать по 1000 движеній въ часъ; при сокращеніи рабочаго дня до десяти часовъ ему придется помѣстить въ часъ уже 1200 движеній, при восьмичасовомъ днѣ — 1500. Такое повышеніе темпа работы можетъ быть для него весьма тягостнымъ, и уже до того сильно натянутая пружина трудовой энергіи будетъ поддаваться дальнѣйшему давленію съ меньшей эластичностью. Поэтому вопросъ о практической осуществимости восьмичасового или еще болѣе короткаго рабочаго дня возбуждаетъ долгіе споры, которые невозможно рѣшить обычнымъ изслѣдованіемъ доходности предпріятія за время до и послѣ сокращенія рабочаго дня, гдѣ смѣшиваются вліянія измѣненій въ продолжительности рабочаго времени и интенсивности труда съ вліяніемъ произведенныхъ за это время техническихъ усовершенствованій, измѣненій въ рыночной конъюнктурѣ и т. п. Необходимо детальное изученіе трудового процесса при условіяхъ сохраненія въ остальномъ прежней обстановки работы съ точнымъ учетомъ увеличенія интенсивности труда. Такихъ изслѣдованій имѣется пока очень немного, но можно указать работы, отличающіяся выдающимися достоинствами. Таковы описанія опытовъ сокращенія рабочаго времени въ оптическомъ предпріятіи извѣстной фирмы Карлъ Цейссъ въ Іенѣ и на химическомъ заводѣ (обжиганіе цинковой руды) въ Анжи (Engis) въ Бельгіи.

Опытъ установленія восьмичасового рабочаго дня въ предпріятіи Цейссъ, выполненный его руководителемъ — выдающимся ученымъ-физикомъ Аббе, интересенъ тѣмъ, что онъ выясняетъ вліяніе сокращеній рабочаго времени въ производствѣ, достигшемъ уже высокой ступени раціонализаціи, гдѣ техника и обстановка труда безукоризненны, заработная плата высока, продолжительность труда доведена до довольно низкой

нормы (девятичасовой [1]), и гдѣ ловкость и напряженность труда развиты въ высокой степени. Здѣсь трудно было бы ожидать отъ дальнѣйшаго сокращенія рабочаго времени очень рѣзкаго повышенія производительности. Опытъ долженъ быть признанъ вполнѣ удачнымъ уже въ томъ случаѣ, если выработка въ общемъ не уменьшилась, а рабочіе уходили съ работы не болѣе утомленные, чѣмъ раньше.

Изслѣдованіе интенсивности работы въ данномъ предпріятіи облегчалось тѣмъ, что рабочія машины приводились въ движеніе электрическимъ токомъ, получаемымъ отъ одной динамо-машины, служившей исключительно для этой цѣли. По вычисленіямъ управленій пользованіе токомъ въ теченіе четырехъ недѣль до введенія восьмичасового рабочаго дня составляло въ среднемъ 49,2 киловаттъ въ часъ; но изъ этого числа 26 киловаттъ, т. е. нѣсколько болѣе половины, тратилось на „пустой ходъ“ (Leergang) машинъ, т. е. за время когда рабочіе не выполняютъ при нихъ дѣйствительной работы. Послѣ реформы также въ теченіе четырехъ недѣль валовой расходъ тока составилъ 52 киловаттъ въ часъ, а переводя эти цифры на весь рабочій день, оказывается, что при девятичасовомъ рабочемъ днѣ за день расходовалось 443 киловаттъ при восьмичасовомъ — 416 киловаттъ, т. е. меньше не на 49,2 киловаттъ, а всего на 27, т. е. приблизительно на трату тока на „пустой ходъ“ машинъ въ теченіе часа. Это указываетъ, что сокращеніе рабочаго дня на одинъ часъ уменьшило именно расходъ тока на часовой „пустой ходъ“; размѣры же траты тока на дѣйствительную работу и при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ остались такими же, какими они были и при девятичасовомъ. Это же подтвердило и обслѣдованіе заработковъ рабочихъ по расчетнымъ книгамъ предпріятія. Для изслѣдованія было взято около 230 рабочихъ, принадлежавшихъ

---

[1]) Вступивъ въ предпріятіе, Аббе засталъ еще почти двѣнадцатичасовой день ($11^3/_4$ часовъ дѣйствительной работы.) По его совѣту часы труда были постепенно сокращены (получасами), и къ 1891 году рабочій день убавился до 9 часовъ. На этомъ уровнѣ онъ оставался сравнительно долго, пока весной 1900 года рабочіе не возбудили вопроса о дальнѣйшемъ сокращеніи. Управленіе съ своей стороны предложило перейти (на этотъ разъ прямо) къ восьмичасовому рабочему дню подъ условіемъ сохраненія прежнихъ расцѣнокъ для сдѣльныхъ рабочихъ (и прежней платы для работающихъ повременно) и опредѣленно выраженнаго согласія рабочихъ тайнымъ голосованіемъ не менѣе чѣмъ $^3/_4$ всѣхъ рабочихъ. Голосованіе дало въ пользу реформы даже нѣсколько большую цифру (около $^7/_8$), и управленіе приступило къ дѣлу.

къ постоянному персоналу предпрiятiя (работавшихъ передъ введенiемъ восьмичасового дня въ мастерскихъ фирмы Цейссъ не менѣе трехъ лѣтъ и имѣвшихъ отъ роду не менѣе 21 года), работавшихъ регулярно (были исключены рабочiе. мѣнявшiе отдѣленiя мастерскихъ, переходившiе къ другой работѣ, пропустившiе много времени по болѣзни) и при томъ за сдѣльную плату. Для сохраненiя прежней суммы дневного заработка, рабочiй долженъ былъ поднять свой часовой заработокъ на 12,2% (соотвѣтствовавшiй пропорцiи 8:9). Въ дѣйствительности средней часовой заработокъ поднялся на 16,2%, т. е. болѣе чѣмъ на 3% выше. Разграниченiе по возрастнымъ группамъ не обнаружило замѣтныхъ уклоненiй, но при раздѣленiи по профессiямъ оказалось, что въ болѣе грубыхъ работахъ повышенiе производительности было сильнѣе, чѣмъ въ болѣе тонкихъ. Болѣе квалифицированные рабочiе не могли даже поднять свою производительность до необходимаго минимума (112,5 : 100), отставая отъ него приблизительно на 3%. Этотъ результатъ указываетъ лишнiй разъ, что сокращенiе часовъ труда представляется — при достигнутой уже высокой степени интенсивности — далеко не легкой задачей, требующей отъ рабочаго большого напряженiя силъ. Въ данномъ случаѣ уклоненiе отъ нормы было не настолько значительно, чтобы можно было говорить о неудачѣ опыта; для остальныхъ же группъ рабочихъ отмѣчено даже нѣкоторое (также небольшое) превышенiе нормы. Повышенiе производительности труда достигалось болѣе интенсивными мускульными движенiями (бо́льшее надавливанiе на рабочiй инструментъ), бо́льшимъ „уплотненiемъ“ работы (сокращенiемъ паузъ между отдѣльными движенiями), бо́льшимъ сосредоточенiемъ вниманiя (при автоматическихъ машинахъ).

Насколько утомлялись рабочiе при новыхъ порядкахъ? Черезъ нѣсколько недѣль опыта, когда рабочiе, видимо, приспособлялись уже къ новымъ условiямъ работы, Аббе слышалъ отъ нихъ единодушные отзывы, что они не замѣчаютъ бо́льшаго утомленiя, что работа идетъ какъ прежде, но что въ первые дни имъ приходилось „подтягиваться“ (sich zusammennehmen). Сдѣльные рабочiе, не получившiе еще платы, находили, что они не въ состоянiи выработать прежнюю сумму ея за день, что въ началѣ, правда, они старались добиться этого, но такое напряженiе было для нихъ слишкомъ тягостно, оно портило имъ всю работу, и тогда они рѣшили работать по прежнему. Провѣривъ заявленiя рабочихъ по книгамъ пред-

пріятія, Аббе увидѣлъ, что они обманывались субъективными впечатлѣніями и ощущеніями. Въ первое время они напрягались больше, чѣмъ было нужно для уравненія выработки при восьмичасовомъ днѣ съ девятичасовой, и, рѣшивъ отказаться отъ такого напряженія, они, однако, возвращались не къ прежней интенсивности труда, а нѣсколько повышенной, и такимъ образомъ незамѣтно для себя они поднимали свою выработку и при томъ до желательной нормы.

Объясняя полученные результаты опыта, Аббе находитъ, что въ данномъ случаѣ прямой выигрышъ рабочихъ, сберегавшій ихъ силы, необходимо отнести на сокращеніе „пустого хода“ организма работника, аналогичнаго „пустому ходу“ машины. При сохраненіи прежняго размѣра дневной выработки сумма полезныхъ усилій, дѣлаемыхъ работникомъ, не могла уменьшаться. Ему нужно было совершать столько же движеній рукой, продѣлать такое же количество волевыхъ импульсовъ, но въ меньшее число единицъ времени, и, стало быть, въ силу этого работа его должна была быть напряженной и утомительной. Но зато сокращеніе часовъ труда сберегаетъ ему пустую трату силъ, которая необходимо сопутствуетъ его работѣ, потому что онъ долженъ не только выполнять извѣстныя полезныя движенія, но и сохранять въ теченіе работы однообразное положеніе, что также утомительно, какъ и сама работа. Онъ долженъ или цѣлый день стоять у станка, или цѣлый день сидѣть и при томъ въ опредѣленномъ, требуемомъ работой, положеніи. Это пассивное утомленіе, создаваемое для работника необходимостью пребыванія въ мастерской въ одномъ и томъ же положеніи, да еще при шумѣ и другихъ тягостныхъ условіяхъ обстановки современной промышленной работы, существенно уменьшается сокращеніемъ продолжительности рабочаго дня. Соотношеніе этихъ двухъ моментовъ — увеличенія интенсивности труда и его утомительности въ единицу времени и сбереженіи траты силъ на „пустой ходъ“ организма — и опредѣляетъ, по мнѣнію Аббе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ промышленной работы и для каждаго отдѣльнаго работника нѣкоторый optimum, нѣкоторое кратчайшее рабочее время, въ теченіе котораго можетъ быть полученъ наибо́льшій продуктъ труда. Основываясь на собственномъ и аналогичныхъ англійскихъ опытахъ, Аббе приходитъ къ допущенію, что по крайней мѣрѣ для трехъ четвертей всѣхъ промышленныхъ рабочихъ, а, вѣроятно, и для бо́льшей доли ихъ при 9 часахъ такой оптимумъ не достигается и при восьми часахъ еще не

превзойденъ, и что поэтому представлялось бы возможнымъ почти во всѣхъ областяхъ промышленной дѣятельности въ Германiи безъ всякаго ущерба, безъ всякаго уменьшенiя дневной выработки, перейти, разумнымъ темпомъ, не только къ девяти, но и къ восьмичасовому дню [1]).

Другой также весьма поучительный опытъ сокращенiя часовъ труда съ обстоятельнымъ учетомъ сопровождавшихъ его условiй и полученныхъ результатовъ былъ выполненъ въ Бельгiи, въ Анжи (Engis) — въ Льежской провинцiи, на химическомъ заводѣ, для работъ по обжигу въ печахъ руды. Первоначальный распорядокъ въ работахъ на этомъ заводѣ былъ верхомъ нерацiональности. Главный работникъ при печахъ, такъ назыв. „бригадиръ“, долженъ былъ оставаться на заводѣ въ рабочее время всѣ сутки цѣликомъ, полныхъ 24 часа, при чемъ черезъ каждыя двое сутокъ работы такой рабочiй получалъ также суточный отдыхъ. Работа начиналась въ 6 часовъ утра и заканчивалась въ 6 же часовъ утра на слѣдующiй день. Единственной паузой для сна въ теченiе сутокъ были три часа, отъ двѣнадцати часовъ ночи до трехъ утра или отъ 9 часовъ вечера до двѣнадцати ночи. Особыхъ спаленъ не было, и рабочiе располагались на матрацахъ около печей въ атмосферѣ, наполненной пылью и вредными газами. Паузы для ѣды составляли — первыя четыре по $^1/_4$ часа, т. е. въ общемъ одинъ часъ, и одна большая пауза въ $1^1/_2$ часа, между $4^1/_2$ и 6 часами утра, значитъ, всего — $2^1/_2$ часа. Итого на установленныя заводскими правилами паузы, включая и время, назначенное для сна, приходилось въ теченiе сутокъ $5^1/_2$ часовъ. Кромѣ того, при каждомъ извлеченiи руды изъ печи рабочiе отдыхали отъ 5 до 10 минутъ. Такiе перерывы повторялись восемь разъ въ сутки, что въ общемъ даетъ отъ 40 минутъ до 1 часа 20 мин. отдыха. Всего, слѣдовательно, главные рабочiе (занятые обжигомъ руды въ печахъ), включая и время сна, имѣли въ теченiе сутокъ перерывовъ въ работѣ отъ 6 часовъ 10 минутъ до 6 часовъ 50 минутъ. За вычетомъ всѣхъ этихъ перерывовъ время дѣйствительной работы составляло болѣе 17 часовъ. Понятно, что такой трудъ не могъ быть производителенъ. Губительный для рабочихъ, онъ былъ невыгоденъ и для предпрiятiй, такъ какъ

---

[1]) E. Abbe. Die volkswirtschaftliche Bedeutung der Verkürzung des industriellen Arbeitstages. Gesammelte Abhandlungen. 3-er Bd. 1906, стр. 207—233

рабочіе, пользуясь тѣмъ, что ихъ работа допускала произвольные перерывы въ рабочихъ операціяхъ, стремились возможно удлинять промежутки между этими операціями. Но и при такихъ ухищреніяхъ силы рабочихъ все же замѣтно надрывались, и они часто прибѣгали (съ одобренія и при содѣйствіи своихъ домашнихъ) къ спиртнымъ напиткамъ, какъ къ средству „подхлестыванія" падающей энергіи. Дѣло, очевидно, не могло продолжаться въ столь ненормальныхъ условіяхъ, и когда была предпринята техническая реорганизація (новыя формы обжигательныхъ печей), былъ измѣненъ и порядокъ работы съ установленіемъ двухъ смѣнъ, остававшихся на заводѣ по двѣнадцать часовъ каждая, изъ которыхъ на дѣйствительную работу приходилось десять часовъ. Реформа была обусловлена необходимостью болѣе внимательной и болѣе тщательной работы при новыхъ печахъ, которой нельзя было ожидать при сохраненіи старыхъ трудовыхъ распорядковъ. Однако, и при десятичасовомъ рабочемъ днѣ дѣло шло не очень гладко. При двухъ смѣнахъ рабочихъ — дневной и ночной — имъ приходилось чередоваться, и при каждой ломкѣ смѣнъ одна партія рабочихъ должна была оставаться на работѣ цѣлыя сутки. Самый подборъ рабочаго персонала по мѣстнымъ условіямъ нельзя было назвать удачнымъ: работа требовала большой физической силы, а между тѣмъ имѣющіяся болѣе сильныя группы рабочаго населенія не привыкли къ постоянной фабричной работѣ, ихъ нельзя было удержать на лѣто, и потому заводское управленіе было вынуждено подобрать себѣ рабочій персоналъ, высокій по нравственнымъ качествамъ, отличающійся вѣрностью, мужествомъ и сообразительностью, но надѣленный сравнительно слабой физической силой.

Нормальная производительность труда, требуемая отъ рабочаго (которой соотвѣтствовала и нормальная высота его заработка), составляла при десятичасовомъ рабочемъ днѣ 1.000 килограммовъ хорошо обожженной руды. При этомъ спеціальныя условія фабрикаціи требовали регулярнаго и упорнаго труда. При слабыхъ физическихъ силахъ рабочихъ имъ было особенно тяжело выдерживать требуемое напряженіе во время ломки смѣнъ, при непрерывной двадцатичасовой работѣ и двадцатичетырехчасовомъ пребываніи на заводѣ. Усердіе рабочихъ было, какъ сказано, выдающимся; само заводское управленіе, видя замѣтный упадокъ силъ у нѣкоторыхъ рабочихъ, насильно навязывало имъ отпуски. Самымъ тягостнымъ было то, что лучшіе и наиболѣе преданные дѣлу рабочіе таяли на

глазахъ управленiя, съ тревогой наблюдавшаго у нихъ наиболѣе явственные и наиболѣе характерные симптомы переутомленiя и упадка силъ. И несмотря на то, что гигiеническая обстановка работы, при произведенныхъ техническихъ преобразованiяхъ, не оставляла желать лучшаго, въ округѣ стали распространяться слухи, что рабочiе „поголовно отравляются“ компанiей.

Нужно было принимать рѣшительныя мѣры. Мысль о привлеченiи издалека новыхъ, болѣе сильныхъ рабочихъ, по разнымъ соображенiямъ, была оставлена, и было рѣшено, сохранивъ прежнiй рабочiй персоналъ, поискать спасительнаго выхода въ сокращенiи часовъ труда. Вмѣсто двухъ смѣнъ, было установлено три, изъ трехъ рабочихъ бригадъ, смѣняющихъ другъ друга у печей черезъ каждые восемь часовъ и исполняющихъ каждая семь съ половиной часовъ дѣйствительной работы (восьмичасовое пребыванiе на заводѣ съ однимъ получасовымъ перерывомъ). При ломкѣ смѣнъ каждой очередной бригадѣ приходилось удлинять пребыванiе на заводѣ до шестнадцати часовъ (что наступало черезъ каждыя три недѣли). Сокращенiе дѣйствительнаго рабочаго времени при новой системѣ давало, по сравненiю съ старой (десятичасовымъ днемъ), слѣдующiе результаты за цѣлый рабочiй годъ:

При старой системѣ работникъ посвящалъ дѣйствительной работѣ:

1) 313 обыкнов. дней по 10 часовъ	=	3.130 часовъ.
2) 26 воскресенiй при ломкѣ смѣнъ по 20 час.	=	520 „
Всего. . . .	=	3.650 часовъ.

При новой системѣ:

1) 313 обыкнов. дней по $7^1/_2$ часовъ.	=	2.347 часовъ.
2) 17 воскресенiй при ломкѣ смѣнъ по $14^3/_4$ час.	=	250 „
Всего. . . .	=	2.598 часовъ.

При старой системѣ на работу приходилось 41,7% всего времени, а на отдыхъ — 58,3%, тогда какъ при новой системѣ доля работы составила всего 29,6%, а доля отдыха — 70,4%. Время пребыванiя на заводѣ при старомъ порядкѣ равнялось времени отдыха внѣ завода (50% и 50%), тогда какъ при новой организацiи труда время пребыванiя на заводѣ составляло только 31,6% всего времени, а время отдыха внѣ завода — 68,4%.

Увеличенiе отдыха рабочихъ и распорядокъ работъ, сокращающiй длительность паузъ въ теченiе рабочихъ сутокъ ($1^1/_2$ часа вмѣсто прежнихъ четырехъ, т. е. выигрышъ въ

$2^1/_2$ часа работы въ сутки), давали управленію основанія ожидать повышенія производительности въ теченіе рабочаго часа При прежнемъ порядкѣ нормальная выработка составляла тысячу килограммовъ обоженной руды, т. е. 100 килограммовъ въ часъ. При новомъ режимѣ нужно было прежде всего ожидать увеличенія выработки отъ добавочнаго использованія рабочаго времени въ теченіе сутокъ на 250 килограммовъ ($2^1/_2$ часа по 100 килогр. въ часъ), т. е перелагая это на всѣхъ рабочихъ, увеличеніе выработки должно было достигать 111,1 килогр. въ часъ. Кромѣ того, новый порядокъ труда давалъ увеличеніе размѣшиванія руды въ печахъ, повышавшее часовую выработку съ 111,1 килогр. до 118 килогр. въ часъ, и т. обр. можно было ожидать дневной выработки для каждой рабочей бригады въ 890 килогр. въ день (въ теченіе $7^1/_2$ часовъ). Таковы были предположенія, изъ которыхъ управленіе предпріятія исходило какъ изъ наиболѣе вѣроятныхъ; однако, рабочіе встрѣтили съ недовѣріемъ предпринятую реформу, опасаясь значительнаго сокращенія заработка, и работали съ очевидной неохотой. Количество изготовленнаго продукта выходило незначительное, качество — низкое, и управленіе вынуждено было пустить въ ходъ всѣ средства для того, чтобы убѣдить рабочихъ въ пользѣ задуманнаго дѣла и сломить ихъ сопротивленіе. Мало-по-малу этого удалось достигнуть, и тогда стали постепенно выступать благодѣтельные результаты произведеннаго преобразованія. Менѣе чѣмъ въ полгода отъ начала опыта рабочіе стали вырабатывать въ теченіе семи съ половиной часовъ столько, сколько они производили раньше въ десять часовъ. И достигнутые результаты оказались весьма устойчивыми: новая организація труда была введена въ концѣ 1892 года, а книга, въ которой Фроманъ изложилъ свои наблюденія, была написана въ 1905 и издана въ свѣтъ въ 1906 г. т. е. болѣе чѣмъ черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ проведенія реформы.

Часовая производительность работника, а съ нею и его заработная плата поднялись при новомъ режимѣ на цѣлую треть (33,33%), и успѣхъ проведенной мѣры превзошелъ ожиданія управленія на 12,4%. Обнаружилось и прогрессирующее улучшеніе здоровья рабочихъ. Увеличеніе досуга позволило имъ селиться вдали отъ завода, въ болѣе возвышенной мѣстности, а нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли себѣ собственные домики въ земледѣльческомъ районѣ съ небольшимъ клочкомъ земли, обработка котораго доставляетъ обыкновенно фабрич-

ному рабочему такъ много удовольствія и утѣшенія. Алкоголизмъ замѣтно уменьшился; тайное потребленіе спиртныхъ напитковъ на заводѣ было совершенно искоренено, и можно даже сказать, добавляетъ Фроманъ, что и внѣ завода пьянство почти совершенно исчезло. Мѣсто старыхъ привычекъ заняли сдержанность, порядокъ, благообразіе и чистота. Поистинѣ интересно, говоритъ Фроманъ, присутствовать при выходѣ нашихъ рабочихъ съ завода послѣ окончанія работы. Наблюдатель бываетъ пораженъ ихъ приличнымъ видомъ и опрятностью. Никто изъ нихъ не покидаетъ предпріятія, не вымывшись тщательно и не перемѣнивши своего рабочаго костюма на другой, хотя и скромный, но безукоризненной чистоты. Поднялась и дисциплинированность рабочихъ, не страха ради начальства и штрафовъ, а изъ довѣрія къ руководительству дѣломъ. Создался особый „духъ предпріятія“ ассимилирующій прибывающихъ новыхъ работниковъ, если они располагаютъ необходимыми задатками, и, наоборотъ, отталкивающій тѣхъ, кому онъ не по сердцу. Объ улучшеніи положенія рабочихъ свидѣтельствуютъ и данныя объ оборотахъ вспомогательной и сберегательной кассъ при заводѣ. Послѣ установленія сокращеннаго рабочаго дня прежніе дефициты въ оборотахъ этихъ кассъ смѣняются превышеніемъ дохода надъ расходами.

Наконецъ, разсматриваемый опытъ еще разъ убѣдительно доказываетъ, что сокращеніе часовъ труда, будучи благодѣтельнымъ для рабочихъ, не является дѣломъ благотворительности со стороны владѣльцевъ предпріятія. Напротивъ, оно выгодно и для нихъ, вслѣдствіе пониженія расхода на единицу продукта. По расчетамъ Фромана послѣ сокращенія рабочихъ часовъ себѣстоимость единицы продукта понизилась на 20%. При этомъ качество продукта улучшилось, свидѣтельствуя объ осторожномъ, обдуманномъ и весьма тщательномъ выполненіи работы по обжигу[1]).

Итакъ, вопросъ о сокращеніи рабочаго дня до уровня, близкаго къ восьмичасовому, рѣшается экономически достаточно благопріятно какъ для работъ болѣе тонкихъ, требующихъ большой профессіональной ловкости, такъ и для работъ, связанныхъ съ тяжелымъ физическимъ напряженіемъ. Самое осторожное законодательство могло бы, не опасаясь сколько-

---

[1]) L. G. Fromant. Une expérience industrielle de réduction de la journée du travail. Bruxelles 1906.

нибудь замѣтнаго ущерба для промышленности, установить въ качествѣ обязательной нормы восьмичасовой рабочій день въ непрерывныхъ производствахъ при работахъ двумя смѣнами, въ случаяхъ болѣе тягостной обстановки труда и вообще всюду, гдѣ непосредственная осуществимость такой реформы достаточно выяснилась. Для всѣхъ остальныхъ, нормируемыхъ закономъ, производствъ ввести девятичасовой рабочій день, съ предоставленіемъ рабочимъ права требовать въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи или отдѣльной отрасли производства введенія и восьмичасового дня, при условіи рѣшенія этого вопроса тайнымъ голосованіемъ и квалифицированнымъ большинствомъ.

Однако, какъ бы ни были удачны изслѣдованія сокращенія рабочаго времени указаннаго типа, они представляются все же недостаточными ни теоретически, ни практически. Во-первыхъ, они далеко не выясняютъ еще вопроса даже объ утомленіи рабочихъ, которое при сокращеніи рабочаго дня можетъ оказаться, правда, не бо́льшимъ, чѣмъ прежде, но вѣдь раньше оно могло уже превышать необходимую норму. Съ другой стороны, нельзя ограничиваться однимъ выясненіемъ вліянія продолжительности рабочаго дня на возстановленіе силъ и производительность работника и выручку предпріятія. Хозяйственный трудъ образуетъ процессъ непрестаннаго чередованія труда и отдыха, въ которомъ трудовыя звенья перемежаются — то паузами во время самаго рабочаго дня, то перерывами между послѣдовательными рабочими днями, то отдыхами между цѣлыми трудовыми недѣлями и т. д., и потому его необходимо разсматривать въ такомъ постоянномъ теченіи, протягивающемся въ конечномъ счетѣ на всю трудовую жизнь работника. Ни Аббе, ни Фроманъ не ставятъ себѣ такихъ задачъ. Въ частности, относительно опыта Фромана мы вправѣ усомниться, насколько раціональна одна пауза въ полчаса за восемь часовъ пребыванія на заводѣ, и не сказывается ли такой распорядокъ на утомленіи и здоровьѣ рабочихъ. Съ другой стороны, при изслѣдованіи трудового процесса необходимо обращать вниманіе не на одни физіологическія условія утомляемости рабочихъ, но и на психофизическіе факторы производительности труда, имѣющіе крупное значеніе въ особенности для современныхъ формъ промышленной работы. Изученіе труда съ этой точки зрѣнія пока подвинулось очень мало, но можно все-таки отмѣтить нѣкоторыя попытки, дающія интересные выводы и чрезвычайно цѣнныя въ методологическомъ отношеніи, какъ

первыя вѣхи, указывающія путь дальнѣйшему изслѣдованію. Изъ этихъ попытокъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: этюдъ Макса Вебера „Къ психофизикѣ промышленнаго труда“ [1]), гдѣ онъ анализируетъ данныя, переданныя ему одной ткацкой фабрикой, и обширное изслѣдованіе „Союза соціальной политики“, распространяющееся на разные виды производствъ въ крупной промышленности Германіи и Австріи, результаты котораго опубликованы въ нѣсколькихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ „Подборъ и приспособленіе (выборъ профессіи и профессіональная судьба) рабочихъ“ [2]).

Записи о производительности труда ткачей, переданныя Максу Веберу, были выполнены весьма точно, съ помощью автоматическихъ измѣрителей. Принимая высшую среднюю дневную производительность группы рабочихъ мужчинъ въ теченіе ряда (нѣсколько болѣе ста) рабочихъ недѣль за 100, Веберъ нашелъ, что наиболѣе благопріятнымъ днемъ въ изслѣдованномъ предпріятіи была среда; производительность же рабочихъ въ другіе дни была меньше, располагаясь слѣдующимъ образомъ:

Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
93,61	96,46	100	96,79	98,64	99,54 [3])

Движеніе этой недѣльной кривой труда показываетъ, что, начиная съ наименѣе благопріятнаго дня, производительность работника рѣзко поднимается, достигая максимума въ среду, затѣмъ падаетъ, оставаясь, однако, выше величины, достигнутой наканунѣ среды, и потомъ поднимается опять, достигая въ субботу второго максимума, только немного уступающаго первому. Въ этой кривой обращаетъ на себя вниманіе слабая производительность труда послѣ воскресной паузы, объясняемая, повидимому, дурно проведеннымъ досугомъ, въ частности потребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Прямого изслѣдованія относительно препровожденія времени въ теченіе воскреснаго отдыха данными рабочими сдѣлано не было. Выдѣляя въ особую группу рабочихъ, работавшихъ только на одномъ станкѣ, сосредоточивавшихъ свое вниманіе исключительно на

---

[1]) Max Weber. Zur Psychophysik der industriellen Arbeit. Archiv für Socialwissenschaft, 27, 28 и 29 Bde.

[2]) Schriften des Vereins für Socialpolitik. 133, 134 и 135 Bde. Untersuchungen über Auslese und Anpassung (Berufswahl und Berufsschicksal) der Arbeiter in den verschiedenen Zweigen der Grossindustrie.

[3]) Max Weber, указан. соч., 28 Bd (1909), стр. 252.

одномъ рабочемъ аппаратѣ, Максъ Веберъ получилъ аналогичную недѣльную кривую, съ нѣкоторыми уклоненіями отъ предыдущей въ концѣ недѣли. — Принимая высшую дневную производительность также за 100, оказывается:

Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
92,69	95,61	100	96,91	99,67	99,18 [1])

И въ этомъ случаѣ кривая производительности достигаетъ максимума въ среду, затѣмъ падаетъ, опять оставаясь выше производительности наканунѣ среды, и потомъ достигаетъ второго максимума въ пятницу, нѣсколько опускаясь въ послѣдній день трудовой недѣли. Въ движеніи приведенныхъ кривыхъ можно было бы, при благопріятныхъ условіяхъ изученія, распознать вліяніе нѣкоторыхъ основныхъ факторовъ трудовой производительности, раскрываемыхъ изслѣдованіемъ простѣйшихъ формъ работы въ физіологическихъ и психологическихъ лабораторіяхъ, но при скромномъ матеріалѣ, имѣвшемся въ распоряженіи Макса Вебера, едва ли можно было бы, по его собственному признанію, выдвигать такія объясненія даже только въ качествѣ предварительныхъ гипотезъ [2]).

Болѣе углубленное и болѣе детальное изученіе колебаній производительности въ теченіе трудовыхъ періодовъ находимъ въ работѣ Маріи Бернэсъ, сотрудницы указаннаго выше обширнаго изслѣдованія Союза соціальной политики. Марія Бернэсъ обслѣдовала, съ согласія управленія, одну бумагопрядильню въ Шпейерѣ, собирая данныя о производительности работы регистраціей показаній автоматическихъ инструментовъ, непосредственно наблюдая за трудомъ работницъ и дополняя полученныя свѣдѣнія, поскольку представлялось необходимымъ, личными разспросами. Рабочій персоналъ фабрики слагался изъ 135 мужчинъ и 250 женщинъ. Изслѣдованію были подвергнуты только женщины, а изъ нихъ лишь занятыя болѣе квалифицированнымъ трудомъ, а именно: работницы, занятыя подготовительными работами по пряденію (Vorspinnerinnen, всего; 78; онѣ въ свою очередь дѣлятся, соотвѣтственно послѣдовательнымъ процессамъ подготовки пряжи, на Grobflyer = Mittelflyer = и Feinflyerspinnerinnen) и прядильщицы (Ringspinnerinnen; всего 122). Требованія, предъявляемыя этими видами работы къ физическимъ и психическимъ силамъ трудящихся, неодинаковы. Подготовительная работа требуетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 254.

[2]) Тамъ же, стр. 254.

прежде всего осмотрительности, внимательности и извѣстнаго спокойствія и въ меньшей мѣрѣ ловкости, тогда какъ работа прядильщицъ представляется въ высокой степени механизированнымъ трудомъ и требуетъ больше всего упражненія, ловкости и гибкости пальцевъ. [1])

Подобно прежнимъ изслѣдованіямъ, работа М. Бернэсъ обнаружила закономѣрно повторяющееся различіе производительности въ различные дни недѣли. Такъ, для прядильщицъ, принимая среднюю дневную производительность каждой недѣли за 100, въ среднемъ за 87 рабочихъ недѣль на отдѣльные дни приходились слѣдующіе размѣры производительности:

Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
96,9	107,3	108,9	108,5	102,1	78,8

Недѣльная кривая труда, начинаясь съ весьма низкаго уровня въ понедѣльникъ, быстро поднимается во вторникъ и достигаетъ въ среду своего максимума, незначительно уклоняясь отъ него въ четвергъ, рѣзко понижаясь въ пятницу и стремительно падая въ субботу. Такимъ образомъ, самыми благопріятными днями оказываются средніе дни недѣли — среда и четвергъ, самыми неблагопріятными — крайніе — понедѣльникъ и суббота. Чрезвычайно низкая цифра производительности труда въ субботу, для правильности сравненія съ остальными днями, должна быть увеличена, потому что въ этотъ день работницы отпускаются на 1 часъ раньше, т. е. работаютъ не полный день. Вычисленіе субботней производительности за полный рабочій день даетъ, однако, все еще самую низкую цифру — 87,5 [2]).

Для второй категоріи работницъ (въ группѣ Feinflyer-spinnerinnen) М. Бернэсъ полагаетъ, принимая также за 100 среднюю дневную производительность рабочей недѣли, въ среднемъ за 83 рабочихъ недѣли слѣдующую недѣльную кривую производительности труда:

Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.	За полный день.
98,3	112,8	102,8	111,1	100,4	77,7	(86,3) [3])

Общее движеніе этой кривой, какъ видно, сходно съ предыдущей: средина недѣли оказывается благопріятнѣе край-

---

[1]) M. Bernays. Untersuchungen über die Schwankungen der Arbeitsintensität während der Arbeitswoche und während des Arbeitstages. Schriften d. V. f. Socialpol., 135 Bd. 3-er Teil, стр. 192 и 229—233.

[2]) M. Bernays, указ. соч., стр. 224—236.

[3]) Тамъ же, стр. 247—249.

нихъ дней. Но есть и разница: за рѣзкимъ подъемомъ во вторникъ слѣдуетъ рѣзкое же паденіе въ среду (тогда какъ у прядильщицъ среда даетъ максимумъ производительности); въ четвергъ наблюдается новый рѣзкій подъемъ, въ пятницу снова паденіе производительности, продолжающееся и въ субботу. Въ отличіе отъ болѣе устойчиваго движенія кривой труда прядильщицъ, разсматриваемая линія развивается скачками.

Въ этихъ кривыхъ также обращаетъ на себя вниманіе низкая производительность труда въ понедѣльникъ. Марія Бернэсъ объясняетъ ее, какъ и для рабочихъ — мужчинъ, дурно проведеннымъ воскресеніемъ, но только по иному: вмѣсто выпивки, работницы изнуряютъ себя нездоровыми удовольствіями — балами и т. п. Общее же движеніе недѣльной кривой труда не поддается простому объясненію какой-нибудь одной главной причиной, напр. нарастающимъ утомленіемъ. Марія Бернэсъ прибѣгаетъ къ выводамъ, полученнымъ лабораторными изслѣдованіями Крэпелина и его учениковъ, оговариваясь, что такимъ путемъ можно достигнуть не достовѣрности въ пониманіи полученныхъ наблюденій, а лишь нѣкотораго предварительнаго ихъ истолкованія. Съ такой оговоркой пріемъ, примѣненный Маріей Бернэсъ, нельзя не признать правильнымъ. Какъ бы ни были далеки отъ конкретныхъ формъ промышленной работы опыты, производящіеся въ лабораторіи Крэпелина, они даютъ возможность освѣтить до извѣстной степени вліяніе основныхъ фактовъ, дѣйствующихъ на повышеніе или паденіе производительности. Подводя итоги ряду изслѣдованій, выполненныхъ въ его лабораторіи, Крэпелинъ находитъ, что „кривая труда“ имѣетъ весьма сложный составъ. На ея движеніе вліяютъ, переплетаясь другъ съ другомъ въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ, упражненіе и утомленіе, привыканіе (Gewöhnung), возбужденіе (Anregung) и сознательный волевой импульсъ (Antrieb); кромѣ того, потеря упражненія и отдыха. Сила дѣйствія каждаго изъ этихъ элементовъ и формы ихъ сочетаній разнообразятся для разныхъ лицъ и различныхъ условій труда. Кромѣ того, самые лабораторные опыты надъ дѣйствіемъ этихъ факторовъ далеко не даютъ пока достаточно надежныхъ выводовъ. На пути изслѣдованія, вслѣдствіе сложности и взаимодѣйствія участвующихъ факторовъ, стоитъ еще слишкомъ много препятствій. И хотя разница въ продолжительности дѣйствія отдѣльныхъ факторовъ подаетъ надежду на возможность достигнуть

современемъ изолированнаго изученія ихъ, особенно при опытахъ съ паузами различной продолжительности, наука не располагаетъ еще (если она вообще можетъ располагать) достаточно удовлетворительными методами, чтобы побѣдить всѣ представляющіяся препятствія [1]).

Какіе же факторы могли дѣйствовать на движеніе „кривой труда“ работницъ? Прежде всего, Марія Бернэсъ не находитъ возможнымъ даже относительно низкаго уровня трудовой производительности въ понедѣльники ограничиться однимъ предположеніемъ о дурно проведенномъ воскресеньи. По ея мнѣнію, отчасти здѣсь должна вліять, какъ общая причина, потеря упражненія и новое „налаживаніе“ къ работѣ себя и машины. Вообще, въ промышленности, а также всюду, гдѣ значительныя количества людей работаютъ совмѣстно по принужденію, безъ особеннаго интереса къ дѣлу (въ школѣ, военной службѣ) наблюдается, что работа въ понедѣльникъ идетъ болѣе вяло. Рѣзкое паденіе производительности въ пятницу и субботу выражается нарастающимъ утомленіемъ, но едва ли исключительно имъ однимъ. По крайней мѣрѣ, въ субботу у рабочихъ можетъ быть меньше охоты къ работѣ, въ предвкушеніе праздника, болѣе сильное у менѣе дисциплинированныхъ натуръ, каковы женщины, въ особенности выходящія изъ крестьянской среды, съ привычкой къ нерегулярнымъ формамъ труда. Рѣзкое повышеніе производительности во вторникъ, быть можетъ, объясняется возстановленіемъ упражненія, потеряннаго за праздникъ, большимъ возбужденіемъ, подготовленнымъ работой въ понедѣльникъ, извѣстнымъ сознательнымъ волевымъ импульсомъ, желаніемъ наверстать плохую понедѣльничную работу, и наконецъ, тѣми положительными моментами воскреснаго отдыха, которые для понедѣльника были заглушены дурно проведеннымъ воскреснымъ вечеромъ.

Что касается особенностей движенія кривыхъ труда прядильщицъ и работницъ въ подготовительныхъ отдѣленіяхъ, то движеніе первой вверхъ къ серединѣ недѣли указываетъ на значительно большее возрастаніе упражненія по сравненію съ утомленіемъ, а также и на вліяніе возбужденія, особенно сильнаго въ среду (максимумъ). Только въ четвергъ начинаютъ сказываться признаки побѣждающаго утомленія, рѣзко нарастающаго въ пятницу и субботу. Волнообразное движеніе кривой труда работницъ подготовительныхъ отдѣленій указы-

[1]) E. Kraepelin. Die Arbeitscurve. Leipzig, 1902, стр. 33—36.

ваетъ, по мнѣнію той же М. Бернэсъ, не на особыя вліянія самой работы, а на своеобразный психофизическій складъ работницъ этой категоріи. Крэпелинъ высказываетъ предположеніе, что у одного и того же лица степень утомленности и способности къ упражненію соотвѣтствуютъ другъ другу, образуя предѣльные ряды комбинацій этихъ факторовъ: быстрое упражненіе, быстрое утомленіе, быстрая потеря упражненія (одинъ типъ); медленное упражненіе, медленное утомленіе, медленная потеря упражненія (другой типъ). Сообразно съ этимъ, М. Бернэсъ находитъ возможнымъ видѣть въ кривой работницъ подготовительныхъ отдѣленій примѣръ перваго типа упражняемости (максимумъ достигается скоро и быстро теряется опять), а въ кривой прядильщицъ примѣръ второго типа (максимумъ достигается позднѣе и медленнѣе утрачивается[1]).

Таково движеніе кривой труда по днямъ рабочей недѣли. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи М. Бернэсъ находитъ аналогичныя кривыя по частямъ дня. При дѣленіи рабочаго дня на двѣ равныя половины по $4^3/_4$ часа въ каждой (въ изслѣдованномъ предпріятіи часовой обѣденный перерывъ дѣлилъ рабочій день на двѣ равныя части, отъ — 7 ч. 15 минутъ утра до 12 и отъ 1 часу до 5 часовъ 45 минутъ пополудни) получалась слѣдующая кривая для прядильщицъ:

Понедѣльникъ		Вторникъ		Среда		Четвергъ		Пятница		Суббота	
Утро	Послѣ полудня	Утро	Послѣ полудня	Утро	Послѣ полудня	Утро	Послѣ полудни	Утро	Послѣ полудня	Утро	Послѣ полудня
96,2	101,5	101,4	108,4	105,2	111,6	104,6	108,9	96,6	104,5	101,6	58,3 (72)[2]

Въ этой кривой обращаетъ на себя вниманіе большая производительность второй половины дня, регулярно повторяющаяся во всѣ дни недѣли, за исключеніемъ субботы. Даже въ понедѣльникъ слабая производительность проявляется только въ первую половину дня, тогда какъ послѣ полудня работа по понедѣльникамъ идетъ даже немного лучше, чѣмъ утромъ во вторникъ. И каждая утренняя половина дня регулярно даетъ меньшую работу, чѣмъ вторая половина предшествующаго дня. Исходя изъ положеній, установленныхъ Крэпелиномъ, М. Бернэсъ полагаетъ, что слабую производи-

[1]) M. Bernays, указ. т., стр. 244—247 и 253—256.

[2]) Вычислено за полную половину дня.

тельность первой половины дня можно объяснять потерей упражненія и возбужденія послѣ длинной паузы, начатой наканунѣ, а, можетъ быть, и утомленіемъ отъ ходьбы на фабрику, тогда какъ упражненіе и возбужденіе, развившіяся въ первую половину дня, не успѣваютъ утратиться послѣ короткой обѣденной паузы, а пріемъ пищи придаетъ новыя силы, и потому работа послѣ полудня оказывается производительнѣе [1]). Повышеніе производительности послѣ полудня наблюдалось и у другихъ группъ работницъ, хотя и не въ одинаковой степени, быть можетъ, какъ и въ кривыхъ рабочаго дня, въ зависимости отъ указанныхъ особенностей психофизическаго склада работницъ.

Раздѣляя день на четыре части, также въ связи съ паузами (очень краткими, — въ пять-десять минутъ, безъ остановки машины и отлучки отъ работы) для завтрака и легкой послѣполуденной ѣды, получимъ, хотя и не вполнѣ равныя, но очень недалеко уклоняющіяся четверти рабочаго дня: 1) отъ 7 часовъ 15 мин. до 9 час. 30 мин. (2 часа 15 мин.), 2) отъ 9 час. 30 мин. до 12 час. (2 часа 30 мин.), 3) отъ 1 до 3 час. 30 мин. (2 часа 30 мин.) и 4) отъ 3 час. 30 мин. до 5 часовъ 45 мин. (2 часа 15 мин.). Разница на четверть часа отчасти покрывается паузами, въ теченіе которыхъ работа происходитъ медленно, и въ общемъ она настолько незначительна, что совершенно не отражается на данныхъ о производительности труда за каждую четверть дня. Отбрасывая субботу, какъ исключительный день, для первыхъ пяти дней недѣли работы прядильщицъ соотношеніе производительности труда за каждую четверть дня выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ процентахъ общей производительности за пять первыхъ дней недѣли приходится:

на первую четверть дня	23,9%
„ вторую „ „	24,9%
„ третью „ „	23,5%
„ четвертую „ „	27,7%

Изъ этихъ данныхъ видно, что перевѣсъ производительности второй половины дня обязанъ по преимуществу послѣдней четверти. Вообще все теченіе трудового дня указываетъ на крупное значеніе факторовъ упражненія, возбужденія и питанія. Въ первую четверть дня сказывается потеря упражненія за долгую паузу послѣ предыдущаго дня, незначитель-

[1]) M. Bernays, указ. соч., стр. 263—271.

ный пріемъ пищи передъ началомъ работы и еще совершенное отсутствіе трудового возбужденія, а также утомленіе отъ ходьбы на работу. Вторая четверть протекаетъ благопріятнѣе. Затрудняющіе работу факторы исчезаютъ. Начинаетъ проявляться вліяніе упражненія, создается трудовое возбужденіе. Выпитый во время паузы кофе стимулируетъ настроеніе; оказываетъ вліяніе и отдыхъ (хотя и короткій). Послѣ обѣденной паузы третья четверть дня показываетъ уменьшеніе работы. Повидимому, здѣсь дѣйствуетъ обильный пріемъ пищи и краткій послѣобѣденный сонъ, которые, будучи вообще весьма благодѣтельными, проявляютъ свое вліяніе не сразу, въ первое же время ослабляютъ энергію работы. Наконецъ, высокая производительность послѣдней четверти дня объясняется тѣмъ, что здѣсь исчезаютъ или ослабѣваютъ всѣ затрудняющіе работу факторы и усиливаются условія, благопріятствующія работѣ. Пріемъ пищи въ обѣденную паузу успѣваетъ уже поднять силы, а короткая послѣполуденная пауза и легкій пріемъ пищи (опять кофе) освобождаютъ силы. Къ этому присоединяется еще дѣйствующій въ концѣ работы волевой импульсъ („Willensantrieb“ Крэпелина[1]). Конечно, всѣ эти объясненія, какъ было уже указано выше, представляются только посильнымъ предварительнымъ истолкованіемъ фактовъ. Во всякомъ случаѣ непосредственныя наблюденія надъ промышленной работой и лабораторные опыты указываютъ на необходимость дальнѣйшаго тщательнаго изученія вліянія перерывовъ на успѣшность работы, на основаніи котораго можно было бы устанавливать распорядокъ работъ не ощупью, какъ теперь, а сознательно учитывая его значеніе, какъ для общей выручки предпріятія, такъ и для возстановленія силъ трудящихся. Очень важно, напр., выяснить, что цѣлесообразнѣе: болѣе частые и болѣе короткіе отдыхи, или болѣе продолжительные и рѣдкіе. Покойный Сѣченовъ для своего времени считалъ этотъ вопросъ совершенно неразработаннымъ, но, основываясь на рабочей практикѣ, находилъ, что первая форма отдыха выгоднѣе для болѣе тяжелыхъ работъ, вторая — для легкихъ; для работъ же средней тягости, „совершающихся съ привычной средней скоростью и безъ чувствительныхъ усилій со стороны человѣка, возстанавливающее дѣйствіе какъ

---

[1]) Обѣденная пауза въ срединѣ дня оказывается, повидимому, цѣлесообразнѣе англійскаго обычая переносить обѣдъ на время по окончаніи дневного труда. M. Bernays, указ. соч., стр. 283—293.

короткихъ и частыхъ, такъ и сплошныхъ продолжительныхъ отдыховъ, по его мнѣнію, одинаково, лишь бы сумма первыхъ по времени была равна продолжительности вторыхъ“ [1]). Но уже и въ то время д-ръ Мажжіора доказывалъ (опытомъ въ лабораторіи Моссо съ помощью эргографа), что чередованіе работы болѣе частыми отдыхами оказываетъ большее вліяніе на возстановленіе силъ. Послѣ извѣстной суммы сокращеній мускуловъ, т. е. послѣ извѣстной продолжительности упражненія достаточно было двухчасового отдыха, чтобы совершенно изгладить всякіе слѣды утомленія. При уменьшеніи времени отдыха до одного часа, мускулы выполняли за время упражненія послѣ такого отдыха меньшее количество работы. Если же періодъ работы, предшествующій отдыху, уменьшался, то требовалось не соотвѣтственное уменьшеніе отдыха для полнаго возстановленія силъ, а нѣсколько меньше. Если, напр., мускулъ продѣлывалъ до полнаго истощенія своей силы тридцать сокращеній, то при уменьшеніи числа сокращеній до пятнадцати требовалось для возстановленія его силы уменьшить отдыхъ не до одного часа, а только до получаса (т. е. не до половины, а до четверти прежней продолжительности). Это показываетъ, что работа человѣка, уже утомленнаго, приводитъ при ея непрерывномъ продолженіи къ прогрессирующему нарастанію утомленія, а потому выборъ момента времени, съ котораго слѣдуетъ прервать работу, имѣетъ очень важное значеніе для общей суммы выработки за трудовой день или иной періодъ, въ теченіе котораго происходитъ чередованіе труда и отдыха. „Наше тѣло, — говоритъ Моссо, — нельзя сравнивать съ локомотивомъ, который употребляетъ на килограммометръ работы то же самое количество угля“ [2]).

Аналогичные опыты въ лабораторіи Крэпелина показали значительныя колебанія производительности въ зависимости отъ длины паузы. Учетъ вліянія на производительность работы величины груза, ритма рабочихъ движеній и продолжительности паузъ обнаружилъ, что наиболѣе выгодный способъ работы — подъемъ тяжести средней величины быстро смѣняющими другъ друга движеніями при паузахъ средней продолжительности. При трехминутныхъ паузахъ выигрышъ въ работѣ былъ недостаточенъ для покрытія потери во времени,

---

[1]) И. Сѣченовъ. Очерки рабочихъ движеній человѣка. Москва 1901, стр. 134—135.

[2]) A. Mosso. Die Ermüdung. Leipzig 1892, стр. 150—152.

а при паузахъ въ одну минуту утомленіе было слишкомъ сильно, чтобы его могъ компенсировать выигрышъ во времени. Поэтому въ одно и то же время двухминутныя паузы давали бо́льшее количество работы, чѣмъ трехъ-или одноминутныя [1]). Заслуживаетъ вниманія разница между утомленіемъ за все время опыта и за каждое отдѣльное упражненіе. Утомленіе за время упражненія, изображаемое кривой эргографа (Curvenermüdung), не вполнѣ компенсируется слѣдующей за нимъ короткой паузой, хотя кривая, быстро падающая во время упражненія до нуля, послѣ паузы, при новомъ упражненіи, начинается опять почти съ той же высоты, какая наблюдалась въ началѣ предыдущаго упражненія. Авторы высказываютъ предположеніе, что короткая пауза между упражненіями достаточна (или почти достаточна) для очищенія тканей отъ вредныхъ отложеній, но не для возстановленія траты полезныхъ веществъ, увеличеніе которыхъ по мѣрѣ продолженія опыта и сказывается постепеннымъ паденіемъ общаго уровня кривыхъ, т. е. въ отличіе отъ побѣждаемаго паузами Curvenermüdung нарастающимъ длительнымъ утомленіемъ (Dauerermüdung). Опыты послѣ полудня давали по общему правилу болѣе высокую производительность, что авторы (въ согласіи съ нѣкоторыми другими изслѣдователями) приписываютъ принятію обѣденной пищи, доставляющей лицу, выполняющему опытъ, больше силъ, чѣмъ какими онъ располагаетъ по утрамъ (утренніе опыты производились въ 10 часовъ, послѣполуденные — въ 2 часа [2]).

Особенно тщательно вліяніе паузъ различной продолжительности изслѣдовалъ Линдлей. Онъ пользовался опытами надъ счисленіемъ (сложеніемъ) въ теченіе двухъ получасовъ ежедневно, раздѣленныхъ паузами въ 0, 5, 15, 30 и 60 минутъ. Опыты повторялись послѣдовательно отъ нулевой паузы до часовой каждые пять дней въ теченіе 28-дневнаго періода (на 11-й и 21-й дни упражненій не было). Задачей опыта было найти „наиболѣе благопріятную паузу“, т. е. такую, послѣ которой работа второго получаса всего болѣе превосходитъ ра-

---

[1]) A. Oseretzdkowsky und E. Kraepelin. Ueber die Beeinflussung der Muskelleistung durch verschiedene Arbeitsbedingungen. Psychologische Arbeiten, herausgeg. von E. Kraepelin, 3 Bd, 4 Heft, Leipzig 1901, стр. 681 и 688—690.

[2]) Тамъ же, стр. 595—597 и 644—645. Вліяніе пріема пищи на мускульную работу было уже раньше установлено спеціальнымъ изслѣдованіемъ самого Крэпелина (въ сотрудничествѣ съ Hoch'омъ).

боту перваго. Въ опытѣ участвовали три лица, при чемъ для каждаго получились различные результаты. Лицо С производило постоянно меньшую работу во вторые полчаса, такъ что для него не оказалось „наиболѣе благопріятной паузы". Но чѣмъ длиннѣе были паузы, тѣмъ больше работа второго получаса приближалась къ работѣ перваго. Очевидно, для него главнѣйшимъ факторомъ кривой его труда было утомленіе. Для лица А наиболѣе благопріятными паузами было 15 и 30 минутныя, съ незначительнымъ перевѣсомъ для первой. Для лица В наиболѣе благопріятнымъ оказалось отсутствіе паузы (нулевая почти), а при упражненіяхъ съ паузами самой благопріятной была пауза въ 30 минутъ [1]). Дѣйствіе каждой паузы, по мнѣнію Линдлея, только отчасти благопріятно для послѣдущей работы, отчасти же уменьшаетъ его производительность; правда, утомленіе отъ предшествующей работы проходитъ, но зато теряется возбужденіе и исчезаетъ упражненіе (тренировка). Взаимотношеніе этихъ трехъ вліяній опредѣляетъ для всякаго рода работы и для всякой продолжительности ея ту длину паузы, которая допускаетъ наивысшую производительность [2]. Линдлей настойчиво подчеркиваетъ значеніе при опредѣленіи наиболѣе благопріятной паузы особенностей работы по ея виду и производительности, указывая при этомъ, что опыты, производившіеся до сихъ поръ надъ умственной работой, далеко еще недостаточны для установленія опредѣленныхъ, имѣющихъ всеобщее значеніе, правилъ такой работы [3]). Тоже повторяютъ постоянно другіе ученики Крэпелина и онъ самъ [4]).

---

[1]) E. N. Lindley. Ueber Arbeit und Ruhe. Psychologische Arbeiten, III, 3, стр. 483—489.

[2]) Тамъ же, стр. 534.

[3]) Тамъ же, стр. 528.

[4]) Внѣ вліянія школы Крэпелина, почти одновременно съ цитированными выше изслѣдованіями Союза соціальной политики, было выполнено Шмицемъ обстоятельное изслѣдованіе производительности труда по различнымъ періодамъ времени въ двухъ предпріятіяхъ бутылочнаго производства. Работа эта методически грубѣе (авторъ не чувствуетъ необходимости сближенія экономическаго и психофизическаго изученія труда и мало знакомъ съ относящейся сюда литературой), но она выполнена очень добросовѣстно и хорошо дополняетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изслѣдованіе Маріи Бернэсъ. Любопытны, напр., наблюденія надъ ночной работой (бутылочное производство относится къ разряду непрерывныхъ) Оказалось, что ночная работа въ качественномъ отношеніи не отличается отъ дневной, а въ количественномъ даже превосходитъ ее. Объясняется

Послѣ скромныхъ заявленій ученыхъ, годами провѣряющихъ свои наблюденія въ простѣйшихъ условіяхъ лабораторнаго изслѣдованія, странно звучатъ громкія фразы практическихъ дѣятелей промышленности о „научномъ управленіи предпріятіемъ“ (Scientific Management), въ которомъ будто бы учитываются съ необходимой точностью всѣ условія утомленія рабочаго въ сложной конкретной обстановкѣ опредѣленнаго промышленнаго дѣла, направляемаго къ тому же расчетомъ на полученіе возможно большей прибыли. Тѣмъ не менѣе система „научнаго управленія предпріятіемъ“, или, какъ ее принято называть по имени ея изобрѣтателя, „система Тэйлора“, содержитъ въ себѣ несомнѣнные элементы раціональной постановки труда, не выдвигавшіеся ранѣе, и въ этомъ отношеніи она представляетъ столь же крупный шагъ впередъ, какъ и опыты раціональнаго регулированія рабочаго времени. Самая сильная сторона системы Тэйлора заключается въ раціональномъ приспособленіи рабочихъ движеній къ выполняемой работѣ. Тэйлоръ и его послѣдователи впервые поставили вопросъ о раціональной техникѣ самого хозяйственнаго труда, объ устраненіи изъ рабочихъ движеній всего лишняго и ненужнаго и о выборѣ такого способа работы, при которомъ съ наименьшими затратами движеній (а слѣдовательно, и силъ) трудящагося достигался бы максимальный полезный эффектъ. При обычныхъ пріемахъ выполненіе одной и той же работы производится, говоритъ Тэйлоръ, двадцатью, сорока, пятьюдесятью и болѣе способами. Между тѣмъ въ каждомъ ремеслѣ всегда найдется одинъ методъ и одно исполненіе, которое лучше и быстрѣе всѣхъ остальныхъ. Этотъ лучшій методъ и

этотъ довольно неожиданный (но извѣстный опытнымъ завѣдывающимъ предпріятіемъ и самимъ рабочимъ) результатъ тѣмъ, что ночью на заводѣ тише и спокойнѣе, нѣтъ отвлекающихъ впечатлѣній извнѣ и вниманіе рабочихъ больше сосредоточивается на ихъ работѣ. Это не мѣшаетъ, однако, и здѣсь ночной работѣ быть вреднѣе дневной, потому что дневной сонъ послѣ такой работы не такъ возстанавливаетъ силы, какъ ночью, особенно въ лѣтнія жары. По временамъ года наибольшая производительность приходилась на январь, февраль, мартъ и апрѣль, отчасти на предрождественскій періодъ; наименьшая — на самые теплые мѣсяцы. Здѣсь сказывалось, видимо, вліяніе температуры (лѣтомъ мѣшаетъ чрезмѣрная жара), стремленіе заработать больше къ Рождеству, большія вообще потребности зимняго времени и, быть можетъ, возстановленіе силъ послѣ упадка ихъ въ тяжелые для данной формы работы лѣтніе мѣсяцы. W. Schmitz. Regelung der Arbeitszeit und Intensität der Arbeit. Archiv für exacte Wirtschaftsforschung, 3-er Bd, 2-es Heft, Jena 1910.

это лучшее исполненіе можно найти только путемъ научнаго изученія и анализа всѣхъ употребляемыхъ методовъ и исполненій вмѣстѣ съ точнымъ, тщательнымъ изученіемъ движеній и элементовъ времени. Въ настоящее время, когда методы работы переходятъ отъ одного поколѣнія рабочихъ къ другому устно или путемъ подражанія, каждый промышленный работникъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи какъ бы нѣкоторый капиталъ свѣдѣній о пріемахъ работы, полученныхъ въ результатѣ изобрѣтательности предшествующихъ рабочихъ поколѣній. Поэтому управляющій фабрикой, въ которой работаетъ 500 или 1000 человѣкъ, не можетъ указывать, какъ рабочіе должны работать, и предоставляетъ рѣшеніе вопроса о наилучшихъ пріемахъ трудовой техники имъ самимъ. Между тѣмъ сами рабочіе не въ силахъ удовлетворительно рѣшить этотъ вопросъ даже по отношенію къ простѣйшимъ формамъ работы. Поэтому заводоуправленіе должно взять эту задачу на себя и установить, какія рабочія движенія оказываются дѣйствительно необходимыми, какія не нужными и вредными, каковъ долженъ быть темпъ этихъ движеній и въ какомъ отношеніи время дѣйствительной работы должно чередоваться съ временемъ отдыха. Возвращаясь къ нашему сравненію рабочаго механизма работника съ эластичной пружиной, находимъ, что Тэйлоръ рѣшаетъ вопросъ о повышеніи производительности труда съ поистинѣ геніальной простотой. Если при 1500 рабочихъ движеній въ часъ достигали предѣлъ возможнаго для работника напряженія силъ, то при прежнемъ отношеніи къ трудовой техникѣ нельзя было говорить о дальнѣйшемъ повышеніи выработки. Тэйлоръ ставитъ вопросъ: да нужны ли всѣ эти 1500 движеній? Можетъ быть, половина изъ нихъ выполняется просто по привычкѣ къ такому пріему рабочихъ и вовсе не необходима для достиженія полезнаго дѣйствія? И значитъ, если намъ удастся свести трудовой процессъ къ 750 движеніямъ, мы въ теченіе каждаго часа освободимъ энергію работника для производства такого же количества рабочихъ движеній и дадимъ ему возможность удвоить количество продукта при прежней затратѣ энергіи. тогда какъ при старой трудовой техникѣ ему понадобилось бы выполнить цѣлыхъ 3000 рабочихъ движеній, что, по принятому въ нашемъ примѣрѣ допущенію, для него совершенно невозможно.

Но параллельно съ изученіемъ движеній „научная система“ требуетъ и отбора наиболѣе пригодныхъ рабочихъ для

каждаго вида работы, и нормы желательной дневной выработки опредѣляются на основаніи изслѣдованія, какую работу въ теченіе дня можетъ выполнить первоклассный рабочій. Здѣсь система Тэйлора отступаетъ рѣзко отъ прежнихъ способовъ раціональной постановки труда, предполагавшихъ сохраненіе прежняго рабочаго персонала, и вноситъ въ дѣло не упрощеніе, а рядъ осложненій, создающихъ выгоду только для частныхъ лицъ и только временно, при дѣйствіи особыхъ обстоятельствъ, и нарушающихъ интересы народнаго хозяйства и общества въ цѣломъ. Самъ Тэйлоръ описываетъ примѣненные имъ пріемы на нѣсколькихъ примѣрахъ промышленныхъ работъ, не указывая, къ сожалѣнію, сколько-нибудь точно, какимъ же именно образомъ были получены окончательные выводы, отъ которыхъ было найдено возможнымъ перейти прямо къ практической организаціи работы на новый ладъ. Впечатлѣніе, получающееся отъ этого описанія, наводитъ на мысль, что опыты производились крайне поверхностно. Вначалѣ было просто поручено для опредѣленія степени утомленія первокласснаго рабочаго при тяжелой работѣ „молодому образованному инженеру просмотрѣть все, что было по этому вопросу напечатано на англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ“. Что именно прочелъ этотъ молодой инженеръ и чѣмъ изъ прочитаннаго онъ посовѣтовалъ воспользоваться, не сказано, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ не могъ дать послѣ такого быстраго ознакомленія съ совершенно неизвѣстной ему областью вѣдѣнія какіе-либо полезные совѣты.

Тѣмъ не менѣе (видимо, въ связи съ указаніями этого молодого человѣка) были поставлены и опыты двухъ родовъ: физіологи (кто, неизвѣстно) изучали выносливость человѣка, а инженеры опредѣляли человѣческую силу въ доляхъ лошадиной. „Эти опыты производились надъ людьми, подымавшими тяжести посредствомъ вращанія рукоятки ворота, затѣмъ надъ рабочими, которые ходили, бѣгали и переносили тяжести различными способами“. Изъ этого описанія ясно только одно, что дѣло производилось спѣшно и безъ особаго толку, что и подтверждается заявленіемъ Тэйлора: „протоколы (объ этихъ наблюденіяхъ) дали такъ мало, что изъ нихъ нельзя было вывести какой-либо законъ“. Это заявленіе поразительно наивно: до „закона“ ли тутъ, когда за дѣло берутся люди явно неосвѣдомленные, да еще съ прямой практической цѣлью! Послѣ выяснившейся неудачи было рѣшено прибѣгнуть къ болѣе практическому пріему: взять прямо первоклассныхъ работни-

ковъ и опредѣлить, давая имъ различныя работы, „наибольшее количество работы, которую онъ, т. е. первоклассный работникъ, можетъ выполнить изъ года въ годъ, благоденствуя при этомъ“. Работа двухъ такихъ работниковъ выполнялась „подъ строгимъ наблюденіемъ инженера, отмѣчавшаго съ помощью секундомѣра время, потребное на каждое движеніе рабочихъ. Каждый элементъ, такъ или иначе связанный съ работой, подвергался тщательному изслѣдованію и заносился въ протоколы“. Въ результатѣ и здѣсь „не удалось найти закона, который далъ бы правильныя указанія относительно максимума дневной работы для первоклассnаго рабочаго“. Но „въ то время казалось неразумнымъ продолжать трату денегъ на поиски точнаго закона утомленности“. Впослѣдствіи, однако, къ отысканію этого закона вернулись опять, и, въ концѣ концовъ, говоритъ Тэйлоръ, „уже мы не останавливались ни передъ какими затрудненіями, лишь бы получить результаты. Всякая деталь, которая могла бы хоть сколько-нибудь повліять на рѣшеніе задачи, подвергалась самому тщательному изслѣдованію; такимъ опытамъ двое инженеровъ посвятили цѣлыхъ три мѣсяца“. Какъ видно, опыты были не такъ уже продолжительны, но на этотъ разъ „законъ“ былъ найденъ. Правда, его нельзя было распознать сразу въ полученныхъ записяхъ, и „задача отысканія закономѣрности изъ собранныхъ данныхъ была возложена на г. K. Barth'a, лучшаго математика среди всѣхъ насъ“. Порученіе на этотъ разъ было дано удачно: „въ сравнительно короткое время K. Barth открылъ законъ утомляемости при тяжелой работѣ для первоклассnаго рабочаго“. „Закономѣрность состоитъ въ томъ, что для каждаго даннаго усилія рабочій долженъ быть подъ грузами только опредѣленный процентъ времени“. Опять таки нельзя не пожалѣть, что Тэйлоръ не указываетъ ни самой формулы этого „закона“, ни данныхъ, изъ которыхъ онъ былъ полученъ, ни методовъ собиранія этихъ данныхъ и способа полученія выводовъ (на послѣдній дается только намекъ). „Дѣло шло о возможно скорой нагрузкѣ въ вагоны накопившихся во дворѣ завода чугунныхъ болванокъ, и въ примѣненіи къ этому случаю оказывалось, что, при вѣсѣ болванки въ 92 англ. фунта, первоклассный рабочій долженъ быть подъ грузомъ только 43% рабочаго дня; остальныя 57% должны обязательно уходить на отдыхъ. Если грузъ легче, процентъ рабочаго времени возрастаетъ. Такъ, если рабочій переноситъ болванки вѣсомъ въ 46 фунтовъ, онъ можетъ работать 58% рабочаго времени, а отдыхать только

42%. Чѣмъ легче грузъ, тѣмъ дольше можетъ работать человѣкъ, пока, наконецъ, грузъ будетъ таковъ, что человѣкъ въ состояніи носить его цѣлый день, не утомляясь". Кромѣ того „при указанной работѣ руки рабочаго нуждаются въ полной свободѣ отъ груза (т. е. чтобы рабочій отдыхалъ) довольно часто. Пока рабочій находится подъ тяжестью, ткани мускуловъ его руки подвергаются утомленію, и для возстановленія ихъ энергіи необходимъ частый отдыхъ". При соблюденіи этихъ условій, увѣряетъ Тэйлоръ, рабочій можетъ выполнить работу „безъ излишняго утомленія"[1]). Послѣ всего, что было уже сказано выше о чрезвычайной трудности научнаго опредѣленія мѣры утомляемости даже при простѣйшихъ условіяхъ работы въ обстановкѣ лабораторныхъ опытовъ, въ правильности этихъ завѣреній Тэйлора позволительно усомниться.

Тѣмъ болѣе, что Тэйлоръ ставилъ задачей максимальное увеличеніе производительности, достигавшее въ разсматриваемомъ примѣрѣ громадныхъ размѣровъ. При прежнемъ порядкѣ работъ рабочій переносилъ въ среднемъ въ день $12\frac{1}{2}$ тоннъ чугуна; теперь же отъ него стали требовать переноски 47 тоннъ, т. е. увеличенія производительности чуть не вчетверо. При такой работѣ трудно предполагать, чтобы короткіе отдыхи между переноской груза, присоединяя къ нимъ и время возвращенія отъ вагона къ кучѣ болванокъ, были достаточны для возстановленія силъ работника. „Люди, скептически относящіеся къ возможности нагрузки такого количества чугуна, говоритъ Тэйлоръ, не принимаютъ во вниманіе того факта, что, когда рабочіе возвращаются отъ вагона къ кучамъ, они совершенно свободны отъ груза, и что въ это время ихъ мускулы имѣютъ возможность возстановиться"[2]). Но если бы даже было возможно допустить, что утомленіе, развивающееся при переноскѣ каждой болванки, сглаживается передъ новой переноской и у работника появляется субъективное ощущеніе полнаго возстановленія силъ, то, припоминая опыты Крэпелина, можно съ большой степенью вѣроятности предполагать, что послѣ извѣстнаго количества переносокъ у работника должно накапливаться „длительное утомленіе", создающее для него къ концу дня неблагопріятный балансъ силы.

Поэтому при опредѣленіи размѣра требуемой работы не-

---

[1]) Ф. Тэйлоръ. Научныя основы организаціи промышленныхъ предпріятій. Спб. 1912, стр. 43—47.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

обходимо быть весьма осторожнымъ и не гнать его вверхъ во что бы то ни стало. Въ высокомъ уровнѣ требованій, предъявляемыхъ рабочему, заключается коренной дефектъ и нерацiональность съ обще-экономической точки зрѣнія системы Тэйлора. Повышеніе производительности не идетъ здѣсь рука объ руку съ сокращеніемъ продолжительности рабочаго дня.

Ради все той же основной цѣли — повышенія до крайнихъ предѣловъ выручки предпріятія, Тэйлоръ приноситъ въ жертву принципъ истинно рацiональной (съ народохозяйственной точки зрѣнія) постановки дѣла и при подборѣ рабочаго персонала. Подбираются только „первоклассные работники“, люди, наиболѣе подходящіе къ данной формѣ работы. Всѣ остальные отбрасываются. Въ разсматриваемомъ случаѣ изъ 75 человѣкъ оказались пригодными только по одному на восемь человѣкъ. Какими же качествами отличались эти рабочіе и кѣмъ нужно было пополнить недостающее число ихъ? „Главное требованіе, предъявляемое къ человѣку, пригодному для переноски нугуна какъ къ регулярному занятію, состоитъ въ томъ, чтобы онъ былъ тупъ и флегматиченъ и походилъ на вола... (Избираемый рабочій) ни въ какомъ смыслѣ не превосходилъ остальныхъ сотоварищей по артели. Ему просто посчастливилось по своимъ физическимъ качествамъ подойти къ типу вола, — нерѣдкій экземпляръ человѣческаго рода, но найти его все-таки не всегда легко, а потому его слѣдуетъ цѣнить. Онъ до того тупъ, что не приспособленъ къ большинству другихъ работъ“[1])... Для Тэйлора рѣшающимъ признакомъ способности къ извѣстнаго рода работѣ является не просто наличность благопріятныхъ для нея качествъ, а максимальная степень ихъ, допускающая рабочему стать виртуозомъ своего дѣла, хотя бы и въ смыслѣ величайшей тупости при его выполненіи. Изъ группы рабочихъ, способныхъ къ данному занятію, отбираются только первоклассные работники; другіе же отбрасываются въ сторону безъ всякаго сожалѣнія, въ предположеніи, что они найдутъ себѣ другое, болѣе подходящее занятіе. Но такъ какъ трудно думать, чтобы люди, способные къ извѣстной формѣ занятій, всѣ могли стать виртуозами если не въ ней, то въ какой-либо другой, болѣе подходящей для нихъ отрасли промышленности, то при широкомъ распространеніи системы Тэйлора для нихъ нигдѣ не оказалось бы подходящаго мѣста. Современная промышленность съ ея массовымъ

[1]) Научныя основы, стр. 47—50.

производствомъ требуетъ и большихъ массъ работниковъ, которые должны быть, конечно, отобраны и распредѣлены по различнымъ занятіямъ по ихъ преобладающимъ качествамъ, но именно такъ, чтобы массовому работнику, стоящему по пригодности къ дѣлу не ниже нѣкотораго предѣльнаго уровня, устанавливаемаго сообразно характеру трудящейся массы въ данной мѣстности, районѣ или области, или всей странѣ, но, во всякомъ случаѣ, въ умѣренномъ масштабѣ, безъ очень высокихъ требованій, былъ обезпеченъ достаточный заработокъ и устойчивое положеніе. Этого и требуютъ профессіональные союзы, съ которыми, видимо, не удается уговориться Тэйлору и его послѣдователямъ.

Принципъ виртоузности проводится Тэйлоромъ съ неуклоной рѣшительностью. Напр., въ работѣ по сортировкѣ велосипедныхъ шариковъ, требующей не физической силы, а высокой воспріимчивости, изъ работавшихъ дѣвушекъ были отобраны обладавшія исключительно высокой воспріимчивостью, при чемъ пришлось удалить „многихъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ, усидчивыхъ и надежныхъ работницъ только потому, что онѣ не обладали быстрой способностью воспріятія и быстротой реакціи“[1]). Зато въ результатѣ тридцать пять работницъ стали выполнять ту же работу, какую прежде выполняли сто двадцать. При этомъ аккуратность работы, несмотря на такую большую скорость, превосходила прежнюю на двѣ трети. Тэйлоръ заявляетъ, что при новой формѣ работы „для здоровой дѣвушки совершенно невозможно переутомляться“, но и здѣсь это заявленіе остается голословнымъ. Правда, при реформѣ работы по сортировкѣ шариковъ рабочій день былъ сокращенъ съ $10^1/_2$ до $8^1/_2$ часовъ и были установлены четыре дополнительныхъ десятиминутныхъ паузы (черезъ часъ съ четвертью дѣйствительной работы). Но дѣйствительно ли такія паузы были достаточны для возстановленія силъ работницъ и достаточно ли коротокъ былъ ихъ рабочій день при требуемомъ отъ нихъ трудовомъ напряженіи, мы не знаемъ.

Система Тэйлора необходимо предполагаетъ, какъ поощреніе къ требуемому повышенію производительности труда, и нѣкоторое повышеніе заработка. Но, въ противоположность крайне повышенному требованію отъ рабочаго, требовательность управленія къ хозяину предпріятія оказывается весьма скромной: такъ, въ случаѣ съ переноской чугуна плата была

---

[1]) Научныя основы, стр. 74.

повышена всего на 60%, для сортировщицъ шариковъ — на 80—100%. Тэйлоръ и здѣсь ссылается на научныя соображенія. Такъ, по поводу работы грузчиковъ онъ говоритъ: „Длинный рядъ опытовъ въ связи съ тщательными наблюденіями обнаружили, что когда рабочимъ этого типа даютъ точно отмѣренный урокъ, который требуетъ большой дневной работы, и когда они за усиленную работу получаютъ 60% сверхъ своей обычной платы, то этотъ повышенный заработокъ дѣлаетъ ихъ не только болѣе бережливыми, но улучшаетъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ; они лучше живутъ, начинаютъ копить деньги, перестаютъ пить и работаютъ прилежнѣе. Съ другой стороны, когда они начинаютъ получать заработокъ, повышенный болѣе чѣмъ на 60%, они становятся болѣе неаккуратными, невнимательными и разсѣянными. Другими словами, наши наблюденія показываютъ, что для многихъ людей не годится богатѣть слишкомъ быстро“[1]). Можно ли говорить серьезно о „научности“ подобныхъ соображеній? Но главный недостатокъ системы Тэйлора все же не въ этомъ. Несогласованность увеличенія заработка рабочихъ съ повышеніемъ выручки предпріятія слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза, вызываетъ рѣшительное противодѣйствіе рабочихъ организацій и не встрѣчаетъ большого сочувствія среди организаторовъ предпріятій, не желающихъ безъ крайней необходимости ухудшать соціально-экономическую сторону дѣла.

Этотъ недочетъ можно, конечно отбросить, сосредоточивая все вниманіе на раціональной постановкѣ трудовой техники, въ чемъ и заключается наиболѣе сильная часть системы Тэйлора. Но плохо и то, что и въ налаживаніи новой трудовой техники система Тэйлора содержитъ коренной дефектъ, заключающійся въ непозволительно легкомъ отношеніи къ вопросу объ утомительности для рабочаго задаваемыхъ ему „уроковъ“ и отборѣ только первоклассныхъ работниковъ. Въ современномъ массовомъ производствѣ, въ справедливо именуемыхъ „промышленными арміями“ громадныхъ скопленіяхъ рабочихъ въ главныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства также нельзя расчитывать только на особо выдающихся исполнителей, какъ нельзя составить боевыя силы крупнаго масштаба изъ однихъ гвардейскихъ полковъ. При широкомъ распространеніи системы раціональной постановки трудовой техники подборъ однихъ виртуозовъ станетъ практически невозможнымъ, да

[1]) Научныя основы, стр. 61.

онъ и не нуженъ, потому что улучшеніе рабочихъ движеній, правильное чередованіе труда и отдыха, сокращеніе общей продолжительности рабочаго времени и подборъ рабочихъ, подходящихъ по своимъ качествамъ для выполненія извѣстнаго рода работъ въ достаточныхъ, не форсируемыхъ предвзятой точкой зрѣнія, предѣлахъ, уже сами по себѣ въ состояніи повысить до весьма крупныхъ размѣровъ производительность національнаго труда и экономически оправдать себя съ лихвой. Улучшеніе трудовой техники—важно не только само по себѣ, но еще и по тому, что онъ даетъ возможность усовершенствовать съ новой стороны, подъ угломъ зрѣнія лучшаго использованія силъ трудящагося человѣка, самую механическую технику, что блестяще достигнуто Тэйлоромъ и его послѣдователями въ нѣкоторыхъ простыхъ формахъ работы. Напр., изучая работу лопатой, помимо усовершенствованія движеній работника, Тэйлоръ нашелъ, что необходимо точно опредѣлить наиболѣе выгодный вѣсъ груза, поднимаемаго лопатой, и соотвѣтственно этому усовершенствовать форму лопаты. Было найдено, что наибольшая дневная работа достигается при лопатѣ, подымающей около 21 фунта, и потому управленіе предпріятій сочло цѣлесообразнымъ снабдить рабочихъ разными сортами лопатъ, въ зависимости отъ рода обрабатываемаго матеріала. Для желѣзной руды напр., было достаточно небольшой лопаты, для мелкаго угля — требовалась лопата большихъ размѣровъ и особой формы.

Работая съ такими усовершенствованными лопатами, рабочіе могли поднимать каждый разъ въ среднемъ около 21 фунта матеріала, тогда какъ, работая собственными лопатами обычнаго стараго образца, „они часто поднимали на лопатахъ около 30 фунтовъ желѣзной руды, а затѣмъ переходили къ мелкому углю, нагружая на ту же лопату меньше 4 фунтовъ. Въ первомъ случаѣ они до того переутомлялись, что не въ состояніи были выполнить дневной урокъ, — во второмъ случаѣ работа была такъ легка, что недостаточность ея бросалась въ глаза“ [1]).

До мельчайшихъ деталей усовершенствованіе механической техники и всей обстановки работы въ связи съ улучшеніемъ трудовыхъ движеній разработано Гильбретомъ въ кладкѣ кирпичей, одной изъ стариннѣйшихъ работъ, но, какъ оказалось, до нашего времени поставленной весьма

---

[1]) Научныя основы, стр. 52—54.

нераціонально. Что только тутъ не предусмотрѣно! Неровный полъ подъ ногами рабочаго излишне утомляетъ его, и Гильбретъ даетъ ему гладкій настилъ; частое сгибаніе корпуса при работѣ также создаетъ лишнее утомленіе, и Гильбретъ устраиваетъ передвижные лѣса, при чемъ заботится, чтобы платформа, на которой работаетъ каменщикъ, была бы всегда на опредѣленномъ разстояніи (отъ 24 до 32 дюймовъ) отъ верха выкладываемой стѣны. Скамья, на которой находятся кирпичи и растворъ, ставится также на опредѣленной высотѣ. Разстояніе, которое должны проходить при работѣ тѣло и руки рабочаго, вообще сокращается и т. д, и т. д.[1]) Такое улучшеніе трудовой обстановки въ связи съ улучшеніемъ самой трудовой техники (сокращеніе числа трудовыхъ движеній, бо́льшая быстрота ихъ, бо́льшая цѣлесообразность) творитъ по истинѣ чудеса, и нельзя опять не пожалѣть, что цѣлью такого реформированія трудового процесса ставятся не успѣхи народнаго хозяйства въ широкомъ смыслѣ слова, а возможно бо́льшая выручка индивидуальнаго предпріятія и частный предпринимательскій барышъ, ради котораго устраивается подборъ виртуозовъ и гонка ихъ на достиженіе все бо́льшихъ и бо́льшихъ рекордовъ трудовой производительности.

Поэтому съ признаніемъ промышленными дѣятелями жизненнаго значенія системы Тэйлора и широкимъ распространеніемъ ея въ различныхъ отрасляхъ промышленности[2]) растетъ и настоятельность предварительнаго объективнаго, дѣйствительно научнаго, свободнаго отъ предвзятости, изученія вліянія новыхъ формъ работы на здоровье и благосостояніе работниковъ. Такое изученіе должно быть сосредоточено въ спеціальныхъ лабораторіяхъ, поставленныхъ въ тѣснѣйшую связь съ общимъ физіологическимъ и технологическимъ изученіемъ труда, и цѣлью его для каждой отрасли производства должна

---

[1]) Ф. Джильбретъ (неправильная транскрипція, дѣйствительнаго имени автора — (Gilbreth). Изученіе движеній. Спб. 1913. Эта небольшая книжка заслуживаетъ особеннаго вниманія всѣхъ, интересующихся раціональной постановкой хозяйственнаго труда.

[2]) По вычисленіямъ Р. В. Полякова, къ 1914 году въ Америкѣ насчитывалось рабочихъ въ предпріятіяхъ, примѣняющихъ систему Тэйлора, около 100,000 человѣкъ, причемъ эти предпріятія относились къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ промышленности (металлургическая, машиностроительная, текстильная, бумажная, элекрическая, строительныя работы и т. д.). См. списки, приводимые въ брошюрѣ г. Полякова: Настоящее положеніе вопроса о примѣненіи системы Тэйлора. М. 1914, стр. 11—14.

быть разработка новой прикладной науки — технологіи труда, параллельной обычно разрабатываемой технологіи различныхъ промысловъ. При предоставленіи этого чрезвычайно важнаго и отвѣтственнаго дѣла иниціативѣ управляющихъ промышленными предпріятіями, страна рискуетъ повысивши временно производительность труда въ реформированныхъ производствахъ, потерпѣть серьезный ущербъ въ своихъ производительныхъ силахъ, если достигнутые въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ успѣхи будутъ куплены цѣной подрыва и истощенія силъ рабочаго населенія. Насколько дѣйствительна такая опасность, показываютъ имѣющіяся изслѣдованія о возрастѣ современныхъ промышленныхъ рабочихъ. Выше было указано, что „кривую труда“ слѣдовало бы разсматривать на протяженіи всей трудовой жизни. При общей неразработанности вопроса пока невозможно располагать въ этомъ отношеніи прямыми данными, но нѣкоторыя, весьма цѣнныя, указанія на вѣроятный характеръ такой кривой все же можно получить. Въ отмѣченномъ уже выше обширномъ изслѣдованіи Союза соціальной политики въ цѣломъ рядѣ производствъ были собраны свѣдѣнія о возрастномъ составѣ рабочихъ. Отбирая данныя только о рабочихъ по металлу, находимъ слѣдующія любопытныя свидѣтельства о строѣ современной работы. По даннымъ, полученнымъ отъ ряда предпріятій (по преимуществу, очень крупныхъ и технически хорошо поставленныхъ) изъ 16,000 рабочихъ по металлу почти половину (отъ 44,0 до 49,2 %) составляли рабочіе въ возрастѣ менѣе 30 лѣтъ. Въ возрастѣ до 40 лѣтъ числилось всего отъ 75 до 80 %, а если присчитать къ нимъ рабочихъ до 50-лѣтняго возраста, то доля возрастныхъ группъ до этого предѣла поднимается до 90,5 % и 95 % (чаще къ этой послѣдней цифрѣ). Иначе говоря, въ обслѣдованныхъ производствахъ рабочіе отъ 40 до 50 лѣтъ встрѣчаются рѣдко, а старше 50 лѣтъ ихъ бываетъ совершенно ничтожное количество (чаще около 5 % и не выше 10 %). Но и рабочимъ, приближающимся къ пятидесятилѣтнему возрасту, становится уже трудно удерживаться въ этихъ производствахъ. Свѣдѣнія о заработной платѣ рабочихъ различныхъ возрастовъ показываютъ, что по общему правилу рабочій по металлу зарабатываетъ больше всего, т. е достигаетъ наивысшей производительности своего труда между тридцатью и сорока годами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ между 30 и 35 годами. По достиженіи максимальнаго предѣла про-

изводительность рабочихъ начинаетъ падать, порой поразительно быстро.

На автомобильной фабрикѣ, обслѣдованной Шуманомъ, до 25 лѣтняго возраста главная масса рабочихъ зарабатываетъ ниже средней нормы платы въ 4,75 марокъ въ день, затѣмъ заработокъ поднимается, сначала медленно, потомъ быстрѣе и къ 35-лѣтнему возрасту достигаетъ максимума (6 1/2—7 марокъ). Послѣ этого заработокъ опять понижается, такъ что кривая рабочихъ старше 50 лѣтъ движется уже почти такъ, какъ у рабочихъ 23 лѣтъ. „Объясненія этого явленія, — говоритъ авторъ изслѣдованія,"— надо искать въ томъ, что рабочіе, въ особенности насколько они работаютъ сдѣльно, владѣютъ высшей трудоспособностью между 30 и 35 годами; послѣ же она быстро уменьшается вслѣдствіи напряженной и истощающей дѣятельности... Такое быстрое паденіе трудоспособности, справедливо замѣчаетъ онъ, — наводитъ на мысль, что человѣческій матеріалъ крупной промышленности все еще недостаточно защищенъ нашими рабочими законодательствами"[1]). Очень детальное изслѣдованіе вопроса о вліяніи возраста рабочихъ на производительность ихъ труда даетъ Беньковскій въ монографическомъ описаніи одной кабельной фабрики. Принимая высшую производительность за 100, онъ строитъ рядъ кривыхъ для разныхъ категорій рабочихъ на основаніи данныхъ объ индивидуальныхъ сдѣльныхъ заработкахъ[2]). Для всѣхъ этихъ кривыхъ одинаково характерно повышеніе заработка до максимума между тридцатью и сорока годами и затѣмъ — рѣзкое паденіе. Убываніе производительности идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ бо́льшей ловкости, гибкости пальцевъ, способности оріентироваться и остроты чувствъ требуетъ работа. Напр., у рабочихъ, занятыхъ вытягиваніемъ очень тонкой проволоки (до 0,05 mm), максимумъ трудой производительности приходится между 32 и 34 годами, достигая затѣмъ самаго низкаго уровня уже къ сорока годамъ. Пожилые рабочіе вообще избѣгаютъ такой работы, изъ опасенія слишкомъ низкаго заработка. Напротивъ, у рабочихъ, вытягивающихъ толстую проволоку, максимумъ производительности наблюдается между 34—36 годами, а рѣзкое паденіе ея, начинаясь непосредственно послѣ этихъ лѣтъ, временно пріостанавли-

[1]) Auslese u. Anpassung, III-er Bd, 1-er Teil, стр. 58—59.

[2]) Только кривая для необученныхъ рабочихъ при машинахъ получена изъ данныхъ о среднихъ заработкахъ небольшихъ группъ. Ее лучше исключить изъ сравненія.

вается между сорока и пятьюдесятью годами и возобновляется опять съ прежней рѣзкостью, но уже непрерывно незадолго до достиженія рабочимъ пятидесятилѣтняго возраста[1]).

Такое быстрое изнашиваніе рабочихъ крупной, технически весьма совершенно налаженной промышленности[2]), съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго общества, представляется крайне нераціональной растратой трудовой энергіи народа. И поскольку система Тэйлора могла бы усовершенствованіемъ трудовой техники дѣйствительно улучшить судьбу рабочихъ, облегчить ихъ трудъ, спасти ихъ отъ преждевременнаго выматыванія силъ, она оказала бы величайшую услугу не только имъ, но и всему обществу. Но для этого сторонникамъ ея необходимо отказаться отъ пагубнаго принципа подбора только первоклассныхъ рабочихъ и максимальнаго использованія ихъ силъ, примѣненіе котораго грозитъ также парализовать благотворное значеніе предпринимаемаго преобразованія трудовой техники, какъ въ свое время стремленіе предпринимателей держать рабочихъ возможно дольше при усовершенствованныхъ механическихъ приспособленіяхъ парализовало благодѣтельные для общества успѣхи механической техники, въ жертву которымъ приносился важнѣйшій факторъ хозяйства — живая человѣческая личность[3]).

Въ томъ, что касается подбора рабочаго персонала, мы имѣемъ уже рядъ весьма цѣнныхъ попытокъ, основывающихся отчасти на простыхъ житейскихъ указаніяхъ промышленной практики, отчасти на весьма тонкихъ научныхъ наблюденіяхъ. Тѣ и другія заслуживаютъ глубокаго вниманія и могутъ служить, вмѣстѣ съ указанными выше изслѣдованіями психофизическихъ условій промышленнаго труда, хорошимъ коррек-

---

[1]) Auslese u. Anpassung, II Bd, стр. 21—29. Хорошую сводку данныхъ, собранныхъ и разработанныхъ въ монографіяхъ Союза соціальной политики, даетъ M. Bernays въ статьѣ „Berufswahl und Berufsschicksal des modernen Industriearbeiters“ въ Archiv für Socialwiss., 35 и 36 Bde.

[2]) Описанныя производства имѣютъ и довольно приличный рабочій день. На автомобильной фабрикѣ время дѣйствительной работы равнялось девяти часамъ, на кабельной — даже 8 (съ удлиненіемъ сверхурочными работами въ нѣкоторые періоды). Но очевидно, для работъ подобной напряженности и такой день представляется слишкомъ продолжительнымъ.

[3]) Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ описанный выше опытъ Фромона. Мы видѣли, что по мѣстнымъ условіямъ заводъ долженъ былъ расчитывать на рабочихъ, вообще вполнѣ достойныхъ, но физически нѣсколько слабыхъ для требуемой отъ нихъ тяжелой работы. Съ точки зрѣнія системы Тэйлора рекомендовалось бы начать раціональную поста-

тивомъ къ системѣ Тэйлора въ дѣлѣ усовершенствованія трудовой организаціи.

Эти попытки имѣютъ совсѣмъ недавнее происхожденіе, но успѣли уже дать замѣтные результаты. Прежде всего развилось теченіе въ пользу организаціи подачи совѣтовъ молодымъ людямъ, вступающимъ на самостоятельный жизненный путь и избирающимъ себѣ какую-либо профессію. Въ 1908 году одно Бостонское общество пригласило для бесѣды о планахъ на будущее около шестидесяти подростковъ, оканчивавшихъ начальную школу. Въ результатѣ этой бесѣды (которой руководилъ проф. Парсонсъ) выяснилось, что приглашенные имѣли или весьма смутное, или не имѣли никакого представленія о характерѣ избираемыхъ ими занятій и о томъ, насколько они сами подходятъ къ нимъ по своимъ физическимъ, психическимъ и нравственнымъ качествамъ. Рѣшено было придти къ нимъ на помощь. И та же самая организація, въ помѣщеніи которой была устроена эта первая бесѣда — Civic Service House въ Бостонѣ — учредила спеціальное бюро по выбору профессіи (Vocation Office), завѣдываніе которымъ было поручено проф. Парсонсу. Проф. Парсонсъ вскорѣ умеръ, но дѣло не заглохло, а развилось въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ. Школьное управленіе Бостона создало новое бюро по выбору профессіи (Vocation Bureau) въ видѣ центральнаго органа, руководящаго дѣятельностью особыхъ „совѣтниковъ по выбору профессіи“ (vocational counselors) при отдѣльныхъ начальныхъ школахъ. Такихъ совѣтниковъ въ одномъ Бостонѣ было назначено около сотни, а затѣмъ, по образцу Бостона, и въ другихъ американскихъ городахъ стали устраиваться подобныя бюро съ такими же совѣтниками. Совѣтникъ по выбору профессіи сталъ такимъ же необходимымъ членомъ школьной организаціи, какъ школьный врачъ. Дѣятельность этихъ бюро выражается въ собираніи возможно болѣе полныхъ свѣ-

---

новку дѣла съ увольненія всѣхъ этихъ рабочихъ и замѣны ихъ людьми, ближе подходящими къ „типу вола“. Фромонъ нашелъ, однако, другой, болѣе правильный, выходъ въ уменьшеніи часовъ ихъ труда, при которомъ ихъ силы оказывались уже достаточными для нормальной выработки. „Когда передъ управленіемъ завода сталъ вопросъ, не привлечь ли болѣе сильныхъ рабочихъ со стороны, намъ показалось несправедливостью, — говоритъ Фромонъ, — лишать заработка населеніе мѣстности, въ которой внѣдряется промышленность, несправедливостью тѣмъ бо́льшей, что мы имѣли дѣло съ рабочимъ населеніемъ, отличающимся мужествомъ, интеллигентностью и одушевленнымъ сильнымъ добрымъ желаніемъ“. Fromont, указ. соч., стр. 49—50.

дѣній объ имѣющихся въ округѣ профессіяхъ, требованіяхъ, предъявляемыхъ ими къ будущимъ дѣятелямъ, и сообщеніи этихъ свѣдѣній совѣтникамъ. Совѣтники путемъ личныхъ бесѣдъ съ лицами, избирающими себѣ какую-либо профессію, стараются выяснить, насколько данное лицо по своимъ качествамъ оказывается пригоднымъ къ ней. Всѣ эти разспросы, какъ и самое собираніе свѣдѣній о профессіяхъ, имѣютъ характеръ простой житейской оріентировки, требующей болѣе всего также и здраваго смысла. Но даже и при такой постановкѣ эти бесѣды имѣютъ чрезвычайно благотворное вліяніе, заставляя молодыхъ людей внимательнѣе приглядываться къ ихъ будущей дѣятельности и къ самимъ себѣ и уже послѣ такого ознакомленія съ внѣшними обстоятельствами и самоанализа принимать то или иное практическое рѣшеніе. Любопытно, что для выбора профессіи иногда необходимы такія качества, вопросы о которыхъ на первый взглядъ представляются совершенно неожиданными. Вотъ, напр., нѣкоторые вопросы изъ серіи предлагаемыхъ совѣтниками по выбору профессіи:

Имѣете ли вы ясный выговоръ?

Смотрите ли людямъ прямо въ глаза?

Умѣете ли слушать?

Думаете ли объ интересахъ другихъ?

Говорите ли много о самомъ себѣ?

Каково ваше настроеніе, когда вы сравниваете себя съ другими лицами вашего возраста? и т. д. и т. д.

Центральное бюро устраиваетъ время отъ времени собранія съ участіемъ промышленныхъ дѣятелей, спеціальные вечерніе воскресные курсы съ публичнымъ обсужденіемъ разсматриваемыхъ вопросовъ, заботится о подготовкѣ спеціальной литературы въ видѣ дешевыхъ, общедоступно изложенныхъ маленькихъ книжекъ-брошюръ о различныхъ профессіяхъ и о распространеніи уже имѣющихся подобныхъ изданій [1]).

Организація подачи совѣтовъ молодымъ людямъ по выбору профессіи примѣняетъ, какъ видимъ, весьма простые

---

[1]) Таковы, напр., издающіяся въ Англіи „Trades for London boys and how to enter them“ и „Trades for London girls and how to enter them“. Въ Германіи издаются прекрасныя брошюры такого типа: „Mein Künftiger Beruf“ и „Was werde ich“ (въ Лейпцигѣ). О руководствѣ въ выборѣ профессіи см. Fr. Parsons, Choosing a vocation. Boston, 1809, и Meyer Bloomfield (директоръ Voc. Bureau въ Бостонѣ). The vocational guidance of youth. Boston 1911.

пріемы, исходя изъ указаній обычнаго житейскаго опыта и здраваго смысла. Какъ ни полезны такого рода указанія, часто бываетъ необходимо подвергнуть болѣе точному изслѣдованію особенности даннаго промышленнаго занятія, а равно и качества испытуемыхъ. Во многихъ занятіяхъ играютъ огромную роль свойства психическаго склада работающихъ, и потому представляется вполнѣ умѣстнымъ спеціальныя психологическія изслѣдованія, выполняемыя въ психологическихъ лабораторіяхъ по типу изслѣдованій прикладной психологіи въ другихъ областяхъ (педагогикѣ, правѣ и т. п.). Піонеромъ въ дѣлѣ созданія прикладной хозяйственной психологіи выступилъ извѣстный американскій психологъ Гуго Мюнстербергъ, поставившій въ своей лабораторіи при Гарвардскомъ университетѣ рядъ чрезвычайно остроумныхъ опытовъ, проливающихъ во многихъ отношеніяхъ новый свѣтъ на подборъ дѣятелей различныхъ профессій. Для экспериментальнаго психофизическаго изученія опредѣленной формы промышленнаго труда, указываетъ Мюнстербергъ, открываются два пути: во-первыхъ, можно разсматривать требуемую психическую дѣятельность какъ цѣлостный психическій процессъ; во-вторыхъ, ее можно разложить на составные элементы и подвергать изслѣдованію каждый элементъ въ отдѣльности. Первый случай представляетъ, напр., изслѣдованіе пригодности къ дѣлу вагоновожатыхъ на электрическихъ трамваяхъ. Раньше причину несчастныхъ случаевъ при трамвайномъ движеніи видѣли въ утомленности служащихъ. Отчасти это было правильно. Такъ, одна постановка сидѣній для вагоновожатыхъ уже сказалась замѣтнымъ уменьшеніемъ количества несчастныхъ случаевъ. Но одной только утомленностью всего объяснить нельзя. Практика трамвайнаго движенія показываетъ, что при равныхъ условіяхъ работы у однихъ трамвайныхъ служащихъ несчастные случаи встрѣчаются чаще, чѣмъ у другихъ, а у нѣкоторыхъ ихъ и совсѣмъ не бываетъ. Поэтому американское общество для расширенія фабричнаго законодательства обратилось къ Мюнстербергу съ просьбой изслѣдовать вопросъ о психическихъ свойствахъ, необходимыхъ для вагоновожатыхъ, въ его лабораторіи. Имѣя въ виду, что при этой работѣ требуется своеобразная комбинація вниманія и фантазіи, Мюнстербергъ рѣшилъ такъ поставить опытъ, чтобы вызвать у испытуемаго соотвѣтствующую психическую дѣятельность въ ея цѣломъ. Лучшимъ способомъ для этого было не предлагать испытуемымъ модели трамваевъ, потому что

воспроизведеніе трамвайнаго движенія въ маломъ масшабѣ спутываетъ представленія и дѣйствуетъ на психическій міръ испытуемаго совершенно иначе, чѣмъ дѣйствительная работа по веденію вагона, а попытаться самыми простыми пріемами вызвать у испытуемыхъ аналогичный душевный процессъ.

Послѣ ряда попытокъ Мюнстербергъ остановился на слѣдующемъ способѣ. Онъ бралъ картонную полоску въ 9 сантиметровъ ширины и 26 сант. высоты и проводилъ на ней посрединѣ двѣ параллельныхъ черты (рельсы) на растояніи одного сантиметра другъ отъ друга. Вся карточка была раздѣлена на клѣтки въ 1 кв. сантим. Между линіями, изображающими рельсы, сверху донизу въ клѣточкахъ размѣщались въ послѣдовательномъ порядкѣ буквы алфавита отъ A до Z, а внѣ рельсовъ, въ видимомъ безпорядкѣ, разсѣяны цифры — 1, 2 и 3 чернымъ и краснымъ шрифтомъ. Всѣхъ цифръ — около ста, изъ нихъ черныхъ больше, чѣмъ красныхъ. Цифра 1 означаетъ пѣшехода, 2 — экипажъ, запряженный лошадьми, 3 — автомобиль, чтобы соединить съ ними впечатлѣніе большей скорости каждаго рода движенія. Черныя цифры — безопасны; они указываютъ на движеніе, совершающееся вдоль улицы, параллельно рельсамъ. Красныя — опасны, потому что ими изображается поперечное движеніе. Но изъ нихъ дѣйствительно опасны не всѣ, а только тѣ, которыя находятся на опредѣленномъ разстояніи отъ рельсовъ. Задача опыта — найти съ необходимой быстротой дѣйствительную опасность.

Лицо, руководящее опытомъ, разъясняя испытуемому условія опыта, говоритъ ему, указывая на карту: когда карта будетъ проходить передъ вашими глазами, ваша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы слѣдить за линіей рельсовъ отъ A до Z и находить такъ быстро, какъ вы можете, какая цифра представляетъ дѣйствительную опасность. Опасность наступаетъ тогда, когда цифра 1 (пѣшеходъ) находится на разстояніи 1 сантиметра отъ рельсовъ, 2 (экипажъ) на разстояніи двухъ и 3 (автомобиль) на разстояніи трехъ сантиметровъ. Если, напр., красная цифра 3 удалена отъ рельсовъ на четыре квадрата, еще нѣтъ опасности, если на два, уже нѣтъ опасности, потому что автомобиль успѣлъ переѣхать рельсы. Когда вы замѣтите опасность, назовите букву рельсовъ, противъ которой она находится. Такихъ дѣйствительно опасныхъ случаевъ на каждой картѣ было помѣщено около четырехъ. Всѣхъ картъ для каждаго опыта употреблялось двѣнадцать;

онѣ накладывались передъ опытомъ стопкой, другъ на друга подъ стекломъ, при чемъ сверху верхней карты проходитъ черная лента съ отверстіемъ, вращающаяся на валикѣ и постепенно открывающая испытуемому содержаніе карты. Скорость движенія ленты зависитъ отъ самого испытуемаго. Когда карта использована, она быстро вынимается изъ аппарата лицомъ, производящимъ опытъ, и передъ глазами испытуемаго начинаетъ проходить слѣдующая карта и т. д. Результаты опытовъ регистрировались, и путемъ ряда вычисленій, комбинирующихъ число ошибокъ и быстроту дѣйствія, опредѣлялась сравнительная пригодность къ дѣлу каждаго испытуемаго. Когда опытъ былъ выполненъ, результаты оказались очень удачными. Компанія, приславшая служащихъ для испытанія, намѣренно перемѣшала хорошихъ съ плохими (намѣченными къ увольненію), и эти качества ихъ подтвердились, въ общемъ, и опытомъ. Но были и уклоненія. Всего лучше выполнили опытъ молодые служащіе, по своей трамвайной службѣ имѣвшіе менѣе блестящую репутацію, чѣмъ опытные и хорошіе пожилые служащіе, и наименьшее количество ошибокъ пришлось на долю студентовъ, также участвовавшихъ въ опытѣ. Повидимому, здѣсь сказалось, въ качествѣ нарушающаго обстоятельства бо́льшее умѣнье и навыкъ обращаться съ схематическими изображеніями. Передъ началомъ опыта всѣ испытуемые предварительно „обучались“, и къ опыту приступали только тогда, когда испытуемый достаточно освоился съ его условіями; но, видимо, болѣе молодые служащіе, недавно покинувшіе школу, свѣжо сохранившіе въ памяти школьныя упражненія, были болѣе приспособлены для опыта такого рода, чѣмъ пожилые служащіе, успѣвшіе уже забыть о своихъ школьныхъ работахъ. Поэтому было бы неосторожно пользоваться данными такого опыта въ качествѣ надежнаго руководства при наборѣ служащихъ. Одинъ результатъ пригодился, впрочемъ, и для практики: для нѣкоторыхъ лицъ непригодность ихъ къ работѣ по веденію вагоновъ обнаружилась съ такой отчетливостью, что ихъ можно было бы забраковать уже на основаніи этого, въ общемъ еще весьма несовершеннаго опыта. Такихъ лицъ нашлось около четверти всего числа вагоновожатыхъ. Все это люди, вообще незаслуживающіе упрека и которые были бы очень хорошими работниками въ другихъ занятіяхъ; вся бѣда ихъ въ томъ, что ихъ психическій механизмъ непригоденъ для той своеобразной комбинаціи, которая требуется спеціально для вагоновожатаго.

„Если бы отвлеченіемъ ихъ къ другимъ занятіямъ, — говоритъ Мюнстербергъ, — тысячи несчастныхъ случаевъ и сотни смертей были сокращены на будущее время только наполовину, то въ трамвайномъ сообщеніи было бы достигнуто улучшеніе, представляющееся болѣе важнымъ, чѣмъ по бо́льшей части единственно обсуждаемыя улучшенія техническаго аппарата“ [1]).

Осторожность практическихъ выводовъ Мюнстерберга составляетъ хорошее предостереженіе для лицъ, готовыхъ къ прямолинейному примѣненію системы Тэйлора. Мы видѣли, что когда Тэйлоръ отбираетъ рабочихъ, у него, даже изъ весьма недурного состава рабочаго персонала, признаются совершенно негодными не четверть, какъ здѣсь, а наоборотъ, остаются неуволенными не больше такой доли. И это еще слава Богу: на примѣрѣ грузчиковъ мы видимъ, что были оставлены всего $^1/_7$, а $^7/_8$ рабочихъ было уволено.

Пріемы второго рода (изслѣдованіе отдѣльныхъ психическихъ функцій), употребляемые Мюнстербергомъ, можно уяснить на примѣрѣ его опытовъ съ телефонистками. Изучая работу телефонныхъ барышенъ, Мюнстербергъ убѣдился въ крайней тягостности ея въ смыслѣ нервнаго напряженія.

По его наблюденіямъ, отъ момента вызова до разъединенія отъ телефонистки требуется въ типическомъ случаѣ 14 отдѣльныхъ психофизическихъ актовъ. Телефонныя общества считаютъ сами нормальной производительностью труда телефонистокъ, дальше которой было бы вредно идти для точности и правильноети работы, — не свыше 225 вызововъ въ часъ. На практикѣ, однако, это число нерѣдко превышается, доходя до 300, а на нѣкоторыя минуты, въ особенно горячее время работы, приходится даже до 10 вызововъ. Мюнстербергъ считаетъ, что хорошо подобранныя телефонистки, при правильномъ чередованіи дѣйствительной работы съ паузами для отдыха и при хорошей обстановкѣ работы, могли бы нести такую работу отъ 8 до 9 часовъ въ день безъ переутомленія. Но только именно при надлежащемъ подборѣ, потому что при столь высокихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ работой къ нервной системѣ, подходящій психофизическій складъ встрѣчается нечасто. Телефоннымъ компаніямъ приходится поэтому ставить предварительно кандидатокъ въ теле-

---

[1]) Hugo Münsterberg. Psychologie und Wirtschaftsleben. 2 Aufl. Leipzig 1913, стр. 44—55.

фонистки на испытаніе, котораго многія не выдерживаютъ, и компаніямъ приходится нести чувствительныя затраты на содержаніе испытуемыхъ въ пробные мѣсяцы. Желая, по возможности, сократить такіе расходы, телефонная компанія одного большого города обратилась къ Мюнстербергу съ просьбой изслѣдовать вопросъ о пригодности къ телефонной работѣ въ его лабораторіи. Знакомясь съ работой телефонистокъ, Мюнстербергъ нашелъ, что въ данномъ случаѣ было бы цѣлесообразнѣе не воспроизводить при опытѣ актъ работы въ его цѣломъ, а разложить его на составные элементы. Не считая антропометрическихъ измѣреній (длины пальцевъ, дыханія, скорости пульса и т. п.), Мюнстербергъ изслѣдовалъ барышенъ, присланныхъ ему компаніей, по отношенію къ весьма различнымъ психофизическимъ функціямъ. Часть функцій изслѣдовалась отдѣльно для каждой барышни, часть — для цѣлыхъ группъ ихъ сразу. Такъ совмѣстно были изслѣдованы память, вниманіе, разумность, точность и быстрота дѣйствій. Опыты и здѣсь имѣли часто технически очень простой видъ; такъ, при изслѣдованіи вниманія, группѣ барышенъ давалось по одинаковому номеру только что вышедшей и непрочитанной еще ими газеты и требовалось на первой страницѣ этой газеты подчеркнуть какую-нибудь букву (напр., а) вездѣ, гдѣ она встрѣчается. Для опыта давалось опредѣленное количество (шесть) минутъ, при чемъ каждая минута отмѣчалась особо. Полученные результаты (число подчеркнутыхъ буквъ за все время опыта и за каждую минуту) подсчитывались и сравнивались. Послѣ выполненія всѣхъ отдѣльныхъ опытовъ производился общій подсчетъ и сравненіе результатовъ. И здѣсь, какъ въ опытѣ съ трамвайными служащими, оцѣнка способности къ работѣ, данная лабораторнымъ изслѣдованіемъ, въ общемъ, совпала съ наблюденіями компаніи (компанія намѣренно и безъ предупрежденія Мюнстерберга искусственно перемѣшала хорошихъ и плохихъ телефонистокъ, чтобы испытать для себя практическую пользу лабораторныхъ опытовъ). Но и здѣсь были несовпаденія, что еще разъ доказываетъ, что для практическихъ цѣлей даже самыми тщательно продуманными и детально выполненными опытами необходимо пользоваться съ крайней осторожностью [1]). Въ данномъ случаѣ, уже самая новизна такого способа изслѣдованія говоритъ за то, что необходимо дальнѣйшее продолженіе и усовершен-

[1]) Münsterberg, указ. соч., стр. 63—71.

ствованіе работы, прежде чѣмъ результатами его можно будетъ непосредственно пользоваться при подборѣ трудящагося персонала. Требуетъ также очень тщательной провѣрки и предѣльная продолжительность труда телефонистокъ. Восьми- и даже девятичасовой день, указываемый Мюнстербергомъ, представляется чрезмѣрно длиннымъ для столь тяжелой нервной работы. Любопытно отмѣтить, что королевская комиссія, назначенная въ Канадѣ для разбирательства спора между телефонной компаніей Белля и ея телефонистками, нашла, что можно допустить семичасовой день дѣйствительной работы, растягиваемый паузами на девять часовъ, но что онъ „все-таки слишкомъ длиненъ“ и что ради сохраненія здоровья телефонистокъ слѣдовало бы принять шестичасовой рабочій день, растянутый паузами до $8-8^3/_4$ часовъ [1]).

Чрезвычайно важнымъ элементомъ современной промышленной работы представляется вниманіе. Но при подборѣ рабочихъ необходимо установить форму вниманія, къ которой испытуемый наиболѣе способенъ. Одинъ легко удерживаетъ вниманіе на одномъ пунктѣ, но теряется, когда ему приходится охватывать взоромъ обширное поле работы. Другой, наоборотъ, чувствуетъ себя свободно въ такомъ широкомъ полѣ и быстро утомляется, если его заставить слѣдить за однимъ пунктомъ. Каждый изъ нихъ, будучи мало пригоденъ къ одному роду дѣлъ, можетъ быть въ другомъ превосходнымъ работникомъ. Первому хорошо подходила бы работа при воротѣ или колесѣ, второму — наблюденіе за нѣсколькими ткацкими станками.

Наконецъ, изъ ряда опытовъ, выполненныхъ Мюнстербергомъ, отмѣтимъ еще одну серію наблюденій, чрезвычайно важныхъ при современномъ трудораздѣльномъ хозяйственномъ строѣ, именно, насколько чувство монотонности промышленной работы дѣйствуетъ на людей различнаго психическаго склада. Выбирая въ разныхъ производствахъ скучнѣйшія работы, Мюнстербергъ обратилъ вниманіе въ одномъ электрическомъ предпріятіи на женщину, которая въ теченіе двѣнадцати лѣтъ изо дня въ день, съ утра до вечера, завертывала электрическія лампочки въ рекламный листокъ бумаги, выполняя этотъ процессъ завертыванія въ среднемъ 13,000 разъ въ день. Завернувъ 25 лампочекъ (что требовало около 42 се-

---

[1]) Jos. Goldmark. Fatigue and efficiency. New York, 1913, стр. 48—49.

кундъ), эта работница укладывала ихъ въ коробку, затѣмъ продолжала завертывать новыя лампочки, опять по 25 штукъ на коробку, и такъ до конца дня. Къ удивленію Мюнстерберга, она заявила ему, что работа кажется ей интересной и что она постоянно озабочена, сколько коробокъ она можетъ заполнить до слѣдующей паузы. И всегда бываютъ перемѣны: то она не такъ возьметъ лампочку, то — бумагу, иногда упаковка въ коробку идетъ не вполнѣ гладко, иногда она чувствуетъ себя свѣжѣе, иногда дѣло двигается медленнѣе, но всегда есть, о чемъ подумать. Аналогичный случай встрѣтился Мюнстербергу съ однимъ работникомъ по металлу (въ предпріятіи Макъ-Кормика въ Чикаго), занятымъ монотоннѣйшей работой по прорѣзыванію отверстій въ металлическихъ полосахъ. И онъ послѣ четырнадцати лѣтъ такой работы находилъ ее интересной и заявилъ Мюнстербергу, что дѣло здѣсь не въ одномъ заработкѣ, но что самая дѣятельность такого рода ему рѣшительно пріятна. Съ другой стороны, Мюнстербергъ нерѣдко встрѣчалъ рабочихъ, которые были заняты, повидимому, дѣйствительно интересной и далеко не однообразной работой, и, однако, они жаловались на скуку и монотонность фабричнаго труда. Перенеся изслѣдованіе этого вопроса въ свою лабораторію, Мюнстербергъ (также съ помощью остроумно задуманныхъ простыхъ пріемовъ) нашелъ, неожиданно для себя, что повтореніе впечатлѣнія ощущается всего непріятнѣе тѣми, которые воспринимаютъ его всего меньше, и что наоборотъ тѣ, которые имѣютъ живое воспріятіе отъ однообразныхъ впечатлѣній, встрѣчаютъ повтореніе болѣе дружелюбно. Развивая опытъ дальше, Мюнстербергъ пришелъ къ предположенію, что существуютъ лица, которыя, воспринявъ одно впечатлѣніе, становятся неспособными сейчасъ же внутренне переработать слѣдующее такое же впечатлѣніе. И напротивъ, для другихъ переживаніе одного впечатлѣнія служитъ до извѣстной степени внутренней подготовкой для слѣдующаго подобнаго переживанія. Отсюда люди душевнаго склада перваго типа ненавидятъ однообразную работу, испытывая страданіе отъ трудности усвоенія единообразно повторяющихся впечатлѣній, и для пользы дѣла ихъ не слѣдовало бы ставить на такія работы [1]).

Таковы первые — многообѣщающіе — шаги новаго способа изученія пригодности людей къ различнымъ видамъ

[1]) Münsterberg, указ. соч., стр. 113—123.

хозяйственнаго труда. Вообще изслѣдованіе психофизическаго аппарата работника примѣнительно къ условіямъ опредѣленной промышленной работы служитъ прекраснымъ и необходимымъ дополненіемъ къ описаннымъ выше методамъ изученія, входя существеннымъ элементомъ въ будущую систему технологіи труда, которой суждено связать крѣпкой связью практику организаціи труда въ хозяйственномъ предпріятіи съ научнымъ изслѣдованіемъ. Теперь уже для самихъ промышленныхъ дѣятелей становится ясно, что необходимо ставить раціонально не только использованіе матеріаловъ и мертвыхъ механизмовъ, но и живой человѣческой силы, что нельзя предоставлять трудовой процессъ примитивному приспособленію къ условіямъ, создаваемымъ новымъ строемъ хозяйства, но что его надо ставить на серьезную научную основу. Лишь такимъ путемъ можно избѣжать не только прямыхъ злоупотребленій и хищничества въ пользованіи трудовой энергіей народа, но и досадныхъ ошибокъ и поверхностнаго диллентантизма, отъ котораго не свободны, какъ мы видѣли, и новые способы управленія промышленными предпріятіями, претендующіе на названіе „научныхъ“. Эти способы особенно нуждаются въ очищеніи отъ скороспѣлыхъ, не провѣренныхъ строгимъ научнымъ изслѣдованіемъ пріемовъ, потому что въ существѣ они стремятся проложить правильный путь къ раціональной постановкѣ труда. Иначе здѣсь можетъ возникнуть опасность совершенно фантастическаго, шарлатанскаго веденія дѣла, грозящаго, быть можетъ, худшими послѣдствіями, чѣмъ старое наивное хищничество[1]).

Не менѣе опасными, чѣмъ поспѣшныя психофизическія заключенія, представляются и скороспѣлые выводы о физіологическомъ характерѣ требуемой работы. Мы отмѣчали уже, что самъ Тэйлоръ и его ближайшіе послѣдователи становились на ложный путь назначеніемъ чрезмѣрно тяжелаго „урока“ отобраннымъ ими рабочимъ, не считаясь достаточно съ факто-

---

[1]) На реальную возможность такой опасности указываетъ и Мюнстербергъ въ своей новой книгѣ. „Фабрики, — говоритъ онъ, — руководители которыхъ убѣдились, что индивидуальный подборъ рабочихъ для различныхъ занятій является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ успѣха, уже теперь повсюду какъ въ новомъ, такъ и въ старомъ свѣтѣ безпокойно ищутъ такой помощи и не всегда оказываются въ состояніи отличить, имѣютъ ли они дѣло съ научной экспериментальной психологіей или съ диллетантскимъ импрессіонизмомъ“. Hugo Münsterberg. Grundzüge der Psychotechnik. Leipzig 1914, стр. 419.

рами утомленія. Между тѣмъ вопросъ этотъ чрезвычайно сложенъ. Помимо указанныхъ выше физіологическихъ изслѣдованій, здѣсь можетъ оказать существенную помощь особая отрасль физіологическаго изученія, которую можно было бы назвать „физіологической механикой“, — разсматривающая человѣка при его работѣ какъ „живой двигатель“ [1]).

Изученіе трудового процесса ведется, какъ видимъ, съ разнообразныхъ сторонъ, при чемъ начинаютъ получать все бо̀льшее распространеніе болѣе строгіе методы изслѣдованій. Но, къ сожалѣнію, эти изслѣдованія пока еще недостаточно сближены другъ съ другомъ и развиваются отдѣльными путями, часто далеко уклоняясь другъ отъ друга. Между тѣмъ въ нихъ имѣется общая основа: всѣ они одинаково направлены на выясненіе условій правильнаго расходованія человѣческой трудовой энергіи, и для пользы дѣла имъ необходимо объединиться въ нѣкоторое органическое цѣлое. Лучшей формой такого объединенія было бы созданіе особыхъ научныхъ институтовъ по изученію труда, въ которыхъ производились бы физіологическія, психологическія и соціально-экономическія изслѣдованія трудового процесса. Изслѣдованія болѣе общаго характера (основные факторы трудовой производительности) рядомъ постепенныхъ переходовъ приближались бы къ изученію особенныхъ условій примѣненія труда въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности и такъ перекидывался бы мостъ черезъ пропасть, раздѣляющую пока промышленную практику отъ теоріи. Въ тѣсной связи съ такими институтами могли бы стоять лабораторіи болѣе прикладного характера при самыхъ промышленныхъ предпрія-

---

[1]) На эту сторону дѣла обратилъ большое вниманіе руководитель пока, правда, весьма еще скромной спеціальной физіологической лабораторіи по изученію труда въ Парижѣ (содержащейся на субсидію министерства труда) — проф. Жюль Амаръ. Опыты, выполненные въ этой лаборатоpіи, показываютъ неправильность вышеприведенныхъ якобы вполнѣ „научныхъ“ заключеній Тэйлора объ условіяхъ утомляемости рабочихъ при примѣненіи его системы. „Система Тэйлора, говоритъ проф. Амаръ, недостаточна съ физіологической точки зрѣнія. Американскій ученый не имѣлъ средствъ оцѣнить степень усталости, выяснить скорость, ритмъ и усиліе, которые требовали бы для максимальной производительности труда наименьшаго расхода энергіи. „J. Amar. Le moteur humain. Paris 1914, стр. 606. Въ этой книгѣ данъ и довольно подробный очеркъ физіологической механики. Теоретическая сторона вопроса прекрасно разработана въ книгѣ O. Fischer. Theoretische Grundlagen für eine Mechanik der lebenden Körper. Leipzig 1906.

тіяхъ; съ другой стороны, промышленныя предпріятія могли бы обращаться въ институты изученія труда за совѣтами и помощью. Строй самыхъ институтовъ рисуется мнѣ въ видѣ отдѣленій физіологическаго, психологическаго и экономическаго, въ каждомъ изъ которыхъ должны работать соотвѣтствующіе спеціалисты, представители какъ чисто-теоретическихъ, такъ и прикладныхъ дисциплинъ (физіологи, психологи, экономисты, статистики, врачи, педагоги, инженеры), но гдѣ руководящую роль должны имѣть указанія, почерпаемыя изъ соціально-экономическаго изслѣдованія условій національнаго труда. Раціональное устроеніе хозяйственной жизни улучшеніемъ, облегченіемъ, усовершенствованіемъ, облагорожéніемъ трудового процесса и трудовой организаціи, подъемомъ культурнаго уровня трудящихся, улучшеніемъ и упроченіемъ ихъ профессіональной судьбы — должно составлять душу учрежденія. Это не значитъ, конечно, что экономисты диктовали бы условія работы физіологамъ и психологамъ. Въ своей области каждому спеціальному научному работнику должна быть обезпечена полная свобода и самостоятельность въ постановкѣ задачъ и пріемовъ изслѣдованія. Никто болѣе экономистовъ не склоненъ, вѣроятно, цѣнить значеніе и пользу раздѣленія труда. Но экономисты издавна привыкли видѣть въ раздѣленіи занятій форму сотрудничества, и они зовутъ спеціальныхъ работниковъ здѣсь, гдѣ всѣми одинаково чувствуется общій научный интересъ, собраться подъ одной кровлей на общемъ дѣлѣ.

И не слѣдовало бы надолго откладывать это дѣло. Именно теперь, когда близится конецъ ужасной войны, когда необходимо будетъ приступить къ исцѣленію ранъ, нанесенныхъ ею народному хозяйству, чувствуется особенная потребность въ раціональной постановкѣ народнаго труда, ибо къ нему должны устремляться наши главныя надежды. Наша трудовая производительность невелика, и здѣсь непочатый уголъ для громадной творческой работы. Наладить правильную трудовую организацію намъ крайне необходимо и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже легче, чѣмъ на западѣ, потому что интенсивность труда не достигла у насъ такой высокой степени, и есть возможность, повышая трудовую производительность, щадить при этомъ силы и здоровье работника и обезпечить ему болѣе короткій рабочій день.

Я убѣжденъ, что недалеко уже то время, когда при организаціи промышленной работы будутъ устанавливать продол-

жительность рабочаго времени, паузы, начало работъ и т. п. основываясь на указаніяхъ научныхъ изслѣдованій по технологіи и экономіи труда, и когда институты изученія труда будутъ играть въ этомъ отношеніи роль, какая принадлежитъ теперь въ дѣлѣ постановки механическаго аппарата предпріятія существующимъ техническимъ ученымъ учрежденіямъ. Время это придетъ несомнѣнно, но отъ насъ зависитъ ускорить его наступленіе.

В. Желѣзновъ.

БРЕДЪ.

Все глубже въ чащу ведетъ дорога,
Копыта мягко взрываютъ пыль.
Я ѣду молча, но мыслей много, —
Отрадна сказка, печальна быль.
Къ сѣдлу пригнувшись, вдали отъ шума,
Пріятно ѣхать — куда не знать.
Спокойны чувства, спокойны думы...
Одно желанье — всегда молчать.
На небѣ ярко закатъ пылаетъ...
Въ лѣсу прохладно, въ лѣсу темно.
Мое сознанье меня бросаетъ...
Куда я ѣду?.. Не все ль равно.
Смолой покрылись и пахнутъ ели,
Ночныя тѣни кругомъ легли...
Смѣяться злобно, подъ плачъ свирѣли,
Скажите, люди, какъ вы могли?
Вотъ такъ проѣхать всю жизнь безъ цѣли,
Вѣдь это страшно — всегда одно...
Сознанье меркнетъ, лучи сгорѣли...
Но, что же дальше?.. Не все ль равно...

Наталія Чубинская.

МЫ ПРОСНЕМСЯ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ [1])

(Окончаніе.)

ГЛАВА XXV.

„Мы живемъ не тамъ, гдѣ надо и не такъ, какъ надо. У многихъ, вѣдь, вся жизнь проходитъ безплодно, въ ненужныхъ страданіяхъ только потому, что они создали себѣ условія, противныя ихъ природѣ и законамъ ихъ существа. Впрочемъ, гдѣ условія, согласныя съ законами, вложенными въ душу и тѣло человѣка? Какъ жить согласно съ этими условіями? Надо искать ихъ и стремиться къ нимъ, — такъ думалъ Дмитрій, торопливо укладываясь и собираясь изъ Петербурга. Онъ спѣшилъ теперь, какъ спѣшатъ люди, спасаясь изъ дома, охваченнаго пламенемъ.

Вѣдь, это же огонь, это страшный, всепожирающій огонь разлитъ здѣсь всюду кругомъ. Если замѣшкаться въ немъ, онъ сожжетъ тебя и уничтожитъ.

Вотъ шальной автомобиль пролетѣлъ подъ окнами, нагло гудя сигнальнымъ рожкомъ.

Вотъ прогудѣлъ трамвай, набитый, какъ боченокъ, несчастными полубольными людьми.

Вотъ городская газета, полная суетной грязи и лжи, отраженіе здѣшней жизни, достойная развѣ только завернуть мои грязные сапоги.

Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣй, вонъ отсюда на просторъ воздуха, полей и зеленыхъ лѣсовъ. Скорѣй спасать и очищать загрязненную душу!“

Съ трудомъ Дмитрій досталъ себѣ билетъ и на другой же день выѣхалъ изъ Петербурга.

---

[1]) См. Апрѣль, стр. 1.

И вотъ, разбитый послѣ душнаго вагона, онъ опять и наконецъ у тихой пристани.

Какая тишина! Не вѣрится, что нѣтъ больше кругомъ безпокойныхъ каменныхъ домовъ-остроговъ, мертвыхъ улицъ и бѣгущихъ по нимъ людей, спѣшащихъ въ разныхъ направленіяхъ за копейкой и рублемъ.

Дорога въ Карцевку идетъ лѣсомъ, и Дмитрій уже ѣдетъ по ней знакомыми мѣстами, на знакомыхъ лошадяхъ, дыша знакомымъ чистымъ воздухомъ, напитаннымъ ароматами земли.

Кучеръ Илья сидитъ передъ нимъ на козлахъ.

Что-то радостное, настоящее, важное вдругъ мерещится Дмитрію. Сердце его бьется иначе, и всѣ чувства его вдругъ дѣлаются другими, новыми, естественными.

— Довольно прежняго хмеля, — говоритъ онъ себѣ, — пора, пора проснуться. Все сызнова нужно и мнѣ и всѣмъ. Все прежнее похоронить навѣки. Работа надъ собой, ежедневная, постоянная, доброта ко всѣмъ, обдуманность поступковъ, бодрость духа, занятость, чтеніе, самообразованіе, а главное, воздержаніе отъ страстей.

Съ этими намѣреніями онъ начнетъ свое лѣто и будетъ ихъ строго исполнять.

— Вѣра Васильевна когда пріѣхала? — спросилъ онъ у кучера Ильи, не помня, въ какой именно день Вѣра писала ему, что вернется.

— Да онѣ уже здѣсь недѣли двѣ, — бодро отвѣчалъ Илья, — все по дому хлопочутъ.

— Здоровы?

— Здоровы, ничего бытто; похудали маленько противъ прежняго.

Лошади бѣжали весело подъ гору, спѣша домой. Дмитрій радовался увидѣть Вѣру и сталъ думать о ней. Онъ былъ искренно радъ тому, что она освободится отъ Слонимова, котораго онъ никогда не любилъ, и надѣялся, что она, какъ и онъ, все же встрѣтитъ, въ концѣ концовъ, человѣка, съ которымъ будетъ счастлива.

„Есть же счастливые браки, — думалъ Дмитрій, — браки, въ которыхъ люди любятъ и уважаютъ другъ друга. Пусть бракъ и жизнь вообще трудная штука, какъ сказала Мэри, но вѣдь и трудная штука можетъ имѣть свои радости, свои свѣтлыя минуты. Счастья, можетъ быть, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ. Счастья въ бракѣ тѣмъ менѣе. Но жизнь

со Слонимовымъ вѣдь, не только не счастье, а сплошное страданіе, изъ котораго нѣтъ выхода".

Вотъ и усадьба. Вотъ и аллея, ведущая къ дому. Прудъ. Плотина. Вотъ и домъ, заросшій со всѣхъ сторонъ кустами и деревьями.

„Но что это за чудеса? Вездѣ песокъ, дорожки расчищены, какія-то новыя зеленыя скамейки? Это Вѣрочка уже успѣла похозяйничать? Ну, молодецъ!"

Лошади остановились у крыльца, и въ ту же секунду Вѣрочка, улыбающаяся, спокойная, вышла изъ дома. Она похудѣла, но лицо ея было свѣжо, взглядъ ясный, губы красныя. Въ бѣлой простенькой кофтѣ и темной юбкѣ. Волосы зачесаны просто на затылкѣ.

Дмитрій подбѣжалъ къ ней, и они обнялись.

— Хорошо здѣсь. Очень хорошо. Вотъ гдѣ надо искать себя, главное — себя и свою душу, — сказала Вѣра, когда они вышли на верхній балконъ дома, — я тебѣ отвела эти комнаты наверху, потому что онѣ самыя лучшія. Смотри какая красота!

Съ верхняго балкона открывался видъ далеко-далеко, на десятки верстъ. Была видна станція желѣзной дороги за двадцать пять верстъ и серебряная, извивающаяся змѣей среди луговъ лента рѣки.

Дмитрій смотрѣлъ на знакомый видъ и не могъ отъ него оторваться. Они оба молчали. На этомъ балконѣ, бывало, часами сидѣлъ по лѣтнимъ вечерамъ ихъ отецъ, и сюда они дѣтьми прибѣгали къ нему передъ сномъ прощаться.

Въ этихъ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ былъ выходъ на балконъ, когда-то жили старики Карцовы. Тутъ были ихъ спальни.

Дмитрій вдругъ ярко вспомнилъ свою мать, о которой, вообще, онъ вспоминалъ рѣдко. Теперь она, какъ живая, встала въ его представленіи. Вотъ она горюетъ по умершимъ младшимъ дѣтямъ. Вотъ она разсказываетъ про нихъ, какъ они молились, какія были умныя, неземныя. Вотъ она огорчается о Катѣ, несчастьѣ ихъ семьи... Вотъ она играетъ въ залѣ свои любимыя сонаты Моцарта.

— Помнишь, какъ мама любила этотъ видъ? — спросила Вѣра, вспомнившая тоже о матери, — помнишь, какъ она сидѣла здѣсь тогда и плакала о Митѣ и Машенькѣ?

— Я тоже думаю о ней, — сказалъ Дмитрій, — сколько она перестрадала, бѣдная. А между тѣмъ, кто былъ сча-

стливѣе ея? Вѣдь все было. И взаимная вѣрность, и уваженіе, и успѣхъ, и дѣти, и друзья... Все.

— Да, да, — быстро сказала Вѣра, — а у насъ другое, совсѣмъ другое...

— Ну, что же твои дѣла? — просилъ Дмитрій.

— Слава Богу. Скоро конецъ. И онъ, кажется, успокоился.

— На чемъ же вы кончили?

— Я откупилась всѣми брилліантами и жемчугами. Въ Парижѣ дали за нихъ не пятьдесятъ тысячъ, какъ я тебѣ писала, а шестьдесятъ.

— И ты все отдала.

— Все... И то онъ на силу удовлетворился.

Они вышли изъ дома и пошли въ липовыя аллеи, гдѣ играли въ дѣтствѣ. Дрозды суетливо возились въ канавѣ, гдѣ на черемухѣ уже зеленѣли тонкія грозди маленькихъ ягодъ. Подъ деревьями изъ гущи темно-зеленыхъ листьевъ выглядывали тонкіе, усыпанные бѣлыми душистыми позвонками стебли ландышей. Дальше, гдѣ было больше солнца, уже распускались любишь-нелюбишь и горделиво поднимали свои кудрявыя головки темно-лиловые и нѣжно-розовые колокольчики на длинныхъ стебляхъ, украшенныхъ рѣзными матово-зелеными листьями.

— Колокольчики, — радостно сказалъ Дмитрій, какъ бывало, говорилъ въ дѣтствѣ, — надо сорвать себѣ вонъ тотъ свѣтло-розовый. Какая прелесть!

И онъ вышелъ изъ тѣнистой аллеи на лужокъ передъ малинникомъ. Онъ наслаждался. Ему было хорошо въ это утро, очень хорошо въ Карцовкѣ, лучше, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. А вечеромъ, когда онъ сидѣлъ на балконѣ одинъ и слушалъ соловьевъ, и смотрѣлъ на то, какъ темные цвѣта лѣсовъ и полей освѣщались постепенно все ярче мягкимъ свѣтомъ майской полной луны, въ душѣ у него заклокотало. Умиленіе овладѣло имъ и острое, мучительно-сладкое чувство раскаянія.

„Нельзя такъ глумиться надъ жизнью, — думалъ онъ съ дрожью въ спинѣ, вспоминая свое недавнее прошлое, — нельзя такъ, — это хуже преступленія, это кощунство, изувѣрство, сумашествіе“.

XXVI.

Мѣсяцъ въ Карцовкѣ пролетѣлъ быстро, какъ нѣсколько дней. Дмитрій окунулся съ головой въ жизнь деревни и,

какъ человѣкъ, долго лишенный воздуха, жадно дышалъ окружавшей его природой. Онъ занялся хозяйствомъ, которое втягивало его съ каждымъ днемъ все глубже въ свои текущія заботы. Вечеромъ онъ читалъ, сидѣлъ съ Мэри, немножко игралъ на фортепьяно. Въ душѣ Дмитрія наступало успокоеніе. Вмѣстѣ съ нимъ желаніе любить, любить людей, природу, жизнь просыпалось въ немъ.

„Въ сущности, — думалъ онъ, весь секретъ счастья въ этомъ, въ умѣніи любить. Пусть все будетъ дурно, не такъ, какъ нужно было бы, пусть будутъ страданія, несчастія и горе, но если въ душѣ зажжена хоть крошечная неугасимая лампадка любви, — все перенесется легко, все освѣтится мягкимъ, ласкающимъ свѣтомъ".

И онъ старался быть мягкимъ, добрымъ со всѣми, даже не старался, а естественно былъ такимъ, и это отношеніе къ жизни незамѣтно укрѣпляло и оживляло его. Постоянно онъ думалъ о Мэри. Онъ вспоминалъ ее, стремился увидать ее снова, но инстинктивно воздерживался, отъ возможности этой встрѣчи, чувствуя, что еще рано. Была средина іюня. Стоялъ тихій, ясный вечеръ. Пчела жужжала въ воздухѣ, кончая трудовой день; стрижи съ дрожащимъ свистомъ летали надъ домомъ. Дмитрій и Вѣрочка вдвоемъ сидѣли за самоваромъ на нижнемъ балконѣ и тихо говорили. Вѣрочка только что открыла брату свой сокровенный планъ, который она, какъ оказалось, создала во Франціи. Она выдумала идти въ актрисы и ѣхать учиться для этого въ Парижъ. Послѣ того, что она пережила, она не могла думать о томъ, чтобы даже черезъ нѣсколько лѣтъ выйти вторично замужъ, и потому, чтобы не скучать, чтобы не оставаться безъ дѣла, она, любившая съ дѣтства театръ, рѣшила отдаться ему. По возвращеніи изъ Парижа, она мечтала поступить на казенную русскую сцену.

Дмитрій со снисходительной улыбкой выслушалъ сестру и не повѣрилъ ей.

— Все это глупости, — сказалъ онъ ей недовольно, — ты вѣчно выдумаешь самое плохое, что можно выдумать. Не проще ли тебѣ жить попрежнему и постараться найти себѣ хорошаго мужа?

Онъ вспомнилъ почему-то Мишу Головина.

— Вѣдь назначеніе женщины — прибавилъ онъ убѣдительно, — какъ ни верти, въ концѣ концовъ, одно — материнство.

Вѣрочка молчала, прислушиваясь къ звукамъ вечера. Шумѣлъ поѣздъ вдали, мычало, блеяло деревенское стадо, возвращаясь домой, гулко раздавались удары вальковъ съ рѣчки. Среди всѣхъ этихъ звуковъ вдругъ отчетливо выдѣлился звонъ быстро приближающихся бубенчиковъ.

— Кто-то ѣдетъ! — удивленно сказала Вѣра, — ты слышишь?

— Слышу.

— Бубенчики тихо приближались, вверхъ по аллеѣ, прямо къ дому.

— Кто бы это могъ быть? — сказалъ Дмитрій, — неужели Миша?

Вѣра взволнованно встала и прошлась по балкону. Бубенчики были все ближе. Слышенъ былъ топотъ лошадей и стукъ рессорнаго экипажа. Тройка сѣрыхъ лошадей показалась въ аллеѣ, и рыжій кучеръ на козлахъ въ безрукавкѣ съ желтыми рукавами.

— Такъ и есть, Миша! — радостно сказалъ Дмитрій.

Коляска подкатила къ крыльцу. Рядомъ съ Мишей сидѣла улыбающаяся, милая Мэри въ соломенной шляпѣ, закрытой синей тюлькой. Дмитрій испытывалъ въ эту минуту то чувство неожиданнаго и сильнаго душевнаго волненія, передъ которымъ самъ становишься втупикъ, которое вдругъ открываетъ въ человѣкѣ самому ему неизвѣстныя тайны.

„Неужели? — подумалъ Дмитрій со страхомъ и сладострастнымъ удивленіемъ, — неужели я люблю ее и это можетъ быть?“

Блѣдный съ бьющимся сильнѣе сердцемъ, онъ радушно встрѣтилъ гостей.

Миша поцѣловался съ нимъ, потомъ пошелъ къ Вѣрочкѣ и два раза молча поцѣловалъ ея руку.

— Я привезъ сестру, — сказалъ онъ, точно извиняясь, — это ничего?

— Вѣдь вы звали ее, — сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ, — и она сама увязалась со мной. Можно?

Вѣрочка не слушала его и нѣжно, какъ сестра, обняла Мэри.

— Я такъ рада, — сказала она, — я такъ рада вамъ. А онъ еще смѣетъ спрашивать. Пойдемте, пойдемте въ домъ. Вы всѣ въ пыли.

— Ничего, что я пріѣхала — спросила Мэри, взглянувъ на Дмитрія, — я никогда не была въ вашихъ краяхъ. Я давно хотѣла...

— Чтобы посмотрѣть наши края? — спросила Вѣра улыбаясь, — да? И только?

— Только, — засмѣялась Мэри.

Вѣрочка еще обняла ее за круглое молодое плечо, поцѣловала въ нѣжную щеку и повела въ домъ. Дмитрій повелъ Мишу наверхъ въ свои комнаты.

— Давно, давно собирался, — говорилъ Миша, — но хозяйство одолѣло совсѣмъ. Нѣтъ минуты свободной. Имѣніе, понимаешь, большое, хозяйство сложное. Народа нѣтъ. И сейчасъ столько дѣла, что не знаю, какъ выскочу. Вотъ, я тебѣ скажу штука, русскій народъ! Я или молюсь на него, или проклинаю. Середины нѣтъ. Пьяницы, жулики, мерзавцы. А посмотришь ближе — святые. Не разберешь ничего.

— Да, — трудный нашъ народъ, что и говорить, — сказалъ Дмитрій. — Именно. Но труднѣе всего въ Россіи то, что въ ней все трудно. Ну, а ты какъ? Какъ настроеніе? Что жъ? Можно жить и безъ макао?

— Можно, — сказалъ Дмитрій, — и даже очень! Я оживаю и думаю, что я нашелъ наконецъ дѣло, которое можно не то что любить, а дѣлать, не замѣчая того, что дѣлаешь. Деревенское хозяйство — это жизнь, потому, что оно такъ сплетено съ жизнью, что не знаешь, гдѣ начинается одно и кончается другое!

— Ага, братъ. Да, да! И я каждый день благословляю своего покойника дядю... и чувствую, что начинаю жить. Всѣмъ нужно жить на землѣ... всѣмъ людямъ.

Пили чай. Передъ ужиномъ всѣ пошли гулять по усадьбѣ. Дмитрій пошелъ впередъ съ Мэри, показывая ей красивые уголки. Миша и Вѣра шли сзади. Они раздѣлились такъ сейчасъ же, естественно и само собой. Дмитрій, чувствуя близость Мэри, совершенно преобразился. Точно это былъ не онъ, сидѣвшій полчаса тому назадъ съ Вѣрой, а совсѣмъ другой, новый человѣкъ. Вся внутренняя сущность его вдругъ проснулась. Весь міръ кругомъ освѣтился совершенно иначе. И деревья сада, и кирпичи на дорожкахъ все ожило и стало значительнымъ.

Мэри мало измѣнилась съ Петербурга. Волосы ея стали длиннѣе. Лицо немного загорѣло.

Она съ интересомъ оглядывалась кругомъ.

— Какъ вы живете? — вдругъ спросила она сочувственно.

— Спасибо, не дурно.

— Лучше?

— Гораздо.

— Я очень рада за васъ. Я думаю, Петербургъ совсѣмъ не подходитъ вамъ.

— Вы правы... А вы могли бы жить всегда въ деревнѣ? — спросилъ онъ, глядя ей въ глаза.

— Я думаю. Почему вы спрашиваете?

— Такъ. Я хотѣлъ знать. А я боюсь, что осенью и зимой мнѣ было бы тяжело.

— Надо занятіе. Нужна семья, тогда не скучно, — сказала она просто.

Онъ спросилъ ее, что она дѣлаетъ въ деревнѣ.

Она отвѣчала, что увлеклась пчелами.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я люблю ихъ, — заговорила она оживленно, — пчела это самое замѣчательное существо на свѣтѣ. Когда я дѣлаю ревизію моимъ ульямъ, я иногда часами сижу на пасѣкѣ, любуюсь и умиляюсь. Подумайте, вѣдь, какой у нихъ поразительный, сложный и упорный трудъ. Летятъ, летятъ бѣдняжки за нѣсколько верстъ, съ рискомъ жизни, собираютъ медъ, потомъ лѣпятъ вощину. Знаете, когда они на рамкахъ образуютъ цѣлыя цѣпочки изъ своихъ тѣлецъ, чтобы другія пчелы могли лазить по нимъ и лѣпить вощину. Развѣ это не трогательное раздѣленіе труда? Да много, много!.. А самыя соты?.. Какая красота! И этотъ бѣлый душистый медъ, который онѣ собираютъ для насъ? Хоть бы люди немножечко учились у природы тому, какъ жить разумно и плодотворно? А мы только портимъ всячески нашу жизнь и потомъ удивляемся, что мы несчастны. — А у васъ есть пчелы? — спросила она оживленно.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Дмитрій, любуясь ею.

— Заведите.

— Теперь заведу.

— Почему теперь?

— Потому, что вы меня разохотили.

— Ахъ, какъ хорошо можно жить, — вздохнула Мэри, — какъ радостно жить, когда хоть чуть-чуть работаешь вмѣстѣ съ природой. Это не Петербургская набережная.

Дмитрій повелъ гостей къ рѣкѣ, потомъ всѣ прошли въ конюшни. Показывали карцовскихъ лошадей. Смотрѣли головинскую тройку. Миша хвастался тѣмъ, что купилъ эту тройку задаромъ, всего за шестьсотъ рублей.

Подошло время ужина. Ѣли бараньи котлеты со шпинатомъ, яичницу, гречневую кашу съ молокомъ, ягоды. Потомъ опять пили чай со свѣжими булками. Смеркалось. Стало свѣжо на балконѣ. Всѣ перешли въ домъ, въ столовую. Настроеніе у всѣхъ было радостное. Сидѣли за круглымъ столомъ. Миша и Дмитрій сыграли въ шахматы, и Дмитрій выигралъ обѣ партіи. Въ двѣнадцать разошлись.

Когда Дмитрій, уложивъ Мишу въ своей спальнѣ, прошелъ въ свою рабочую комнату, гдѣ на диванѣ ему постелили постель, онъ почувствовалъ, что долго еще спать онъ не будетъ. Онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дома. Проходя мимо послѣднихъ двухъ оконъ нижняго этажа, гдѣ помѣстили Мэри, онъ вдругъ увидалъ ее у окна. Она еще не раздѣвалась и задумчиво, облокотясь на подоконникъ, смотрѣла въ темныя аллеи. Увидавъ его, она вздрогнула.

— Вы меня испугали, — сказала она, — вы еще не спите?

— Не хочу, — сказалъ Дмитрій, — рано.

— И я не хочу, — сказала Мэри.

— Пройдемся еще въ саду? — предложилъ Дмитрій, чувствуя, что, можетъ быть, онъ не имѣлъ права предлагать ей этого.

Она улыбнулась, сомнѣваясь. Потомъ вдругъ съ рѣшимостью вскочила на подоконникъ и сказала:

— Ну, хорошо!

Дмитрій подбѣжалъ къ ней.

— Берегитесь! Высоко! Не прыгайте! — сказалъ онъ, протягивая ей руки.

Но она уже прыгнула къ нему навстрѣчу. Онъ подскочилъ. Она споткнулась и невольно руками упала ему на плечи. Онъ поддержалъ ее сильнымъ движеніемъ, охвативъ руками ея гибкое тѣло.

Она засмѣялась и пошла съ нимъ рядомъ въ аллею. Одуряющій сладкій запахъ цвѣтущей липы наполнялъ воздухъ. Отъ земли вѣяло свѣжей влагой.

Дмитрій былъ такъ взволнованъ, что не могъ въ первую минуту говорить.

— Бываютъ въ жизни счастливыя минуты, — наконецъ выговорилъ онъ, не въ силахъ удержаться, — и такая минута у меня сейчасъ.

Она молчала...

— Я не зналъ, — продолжалъ онъ, — что вы мнѣ такъ дороги...

Она опять молчала и вдругъ остановилась.

— Не лучше ли пойти спать? — сказала она тихо, — хорошо?

— Какъ хотите, — сказалъ онъ, чувствуя, что, можетъ быть, сдѣлалъ непоправимую ошибку.

— Не хочу, — сказала она, улыбаясь, — но и гулять не хочу... Я пойду, — прибавила она робко.

— Мнѣ тоже хорошо съ вами, — помолчавъ, продолжала она такъ же тихо, — я рада видѣть васъ. Но я немного боюсь васъ... Я мало васъ знаю.

— Простите меня, ради Бога, — сказалъ Дмитрій умоляющимъ голосомъ и протянулъ ей руку.

Она подала ему свою, и онъ крѣпко прижалъ ее къ губамъ.

— За что васъ прощать! Вы простите, — сказала она, — ну, значитъ, ладно. Я опять лѣзу къ себѣ, а вы идите пока.

Дмитрій, не оглядываясь, пошелъ отъ нея, а она подбѣжала къ окну и, какъ кошка, ловко взобралась на него по карнизу и исчезла въ своей комнатѣ.

— Что я надѣлалъ? — говорилъ себѣ Дмитрій, когда опять очутился одинъ, — что я сдѣлалъ? Какъ я могъ это сдѣлать, испортить наши отношенія? Испортить чудную прогулку съ ней ночью? Вѣдь, сказавъ то, что я сказалъ, я только еще оттолкнулъ ее отъ меня... Она боится меня... Она права... Ахъ, я болванъ, неисправимый дуракъ. Теперь все погибло.

Онъ долго мучился, думая о Мэри, надѣясь и снова теряя надежду.

— Можетъ быть, она полюбитъ меня, но надо заслужить, надо добиться ея любви, — повторялъ онъ себѣ мысль, уяснявшую, какъ ему казалось, его положеніе, а для того, чтобы добиться ея любви, очевидно, что надо сдѣлаться лучше, чѣмъ я есть и былъ. Милая, милая Мэри.

Онъ заснулъ, когда свѣтало.

На другое утро, когда Григорій въ восемь часовъ тихонько

сталъ толкать его за плечо, онъ тяжело проснулся, вчерашнее показалось ему чѣмъ-то далекимъ.

Мэри встрѣтила его, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя въ темныхъ глазахъ ея не было уже прежняго оживленія. Никто не слыхалъ ихъ вчера, и они никому не сказали о томъ, что было.

Вѣрочка съ утра одѣлась въ свое бѣлое платье съ кружевными прошивками и внимательно причесалась не такъ, какъ всегда, но лицо ея было озабочено чѣмъ-то. Миша съ утра не отходилъ отъ нея и, какъ вчера, смотрѣлъ на нее съ нескрываемой нѣжностью и робкимъ состраданіемъ. Когда его навели на одинъ изъ занимавшихъ его всегда вопросовъ о зарубежной Руси, о которой онъ бредилъ вмѣстѣ со многими другими, онъ долго, горячо говорилъ, что Галицію намъ давно пора завоевать и что онъ вѣритъ въ то, что это будетъ. Дмитрію казались чуждыми его политическіе взгляды, которыми онъ мало интересовался. Марья Густавовна для гостей надѣла на свое костлявое тѣло новое широкое платье изъ темнозеленаго сатина съ красными розами и была похожа на раскрашенную старую куклу съ желтовато-коричневымъ лицомъ; но въ глазахъ ея было столько искренней доброты, что всѣ ея физическія уродства сходили незамѣтно, и присутствіе ея, когда она утромъ разливала кофе, было всѣмъ одинаково пріятно.

День прошелъ быстро. Передъ завтракомъ купались, потомъ долго сидѣли на балконѣ, потомъ чай и прогулка передъ обѣдомъ, а въ семь часовъ Миша распорядился подавать лошадей. Какъ Дмитрій ни удерживалъ его, онъ рѣшилъ уѣхать, чтобы на другое утро снова взяться за хозяйство.

Въ Зыковѣ начался покосъ, и нужно было самому присутствовать, чтобы во время убрать больше ста десятинъ заливного луга.

Головины уѣхали, взявъ обѣщаніе съ Дмитрія и Вѣрочки непремѣнно пріѣхать къ нимъ. И снова жизнь въ Карцовкѣ потекла своимъ мирнымъ порядкомъ.

XXVII.

Убрали сѣно. Поспѣла рожь, наступила средина іюля, и вездѣ въ поляхъ уже шла дружная уборка хлѣба.

Дмитрій и Вѣра, наконецъ, собрались въ Зыково. Въ

пролеткѣ парой, съ кучеромъ Ильей на козлахъ, они ѣхали теперь вдвоемъ пыльной черноземной дорогой, шедшей изъ деревни Озерокъ на Парашкино. Отъ Парашкина до Зыкова было всего двѣ версты.

Мѣстность здѣсь была открытая съ широко открывавшимся горизонтомъ во всѣ стороны, съ большими деревнями, съ широкими полями, съ церквами, видными на высокихъ холмахъ далеко-далеко. Видна была уже впереди зыковская церковь, а за нею зыковскій лѣсъ, видна была церковь села Обрывнаго слѣва, видны были еще двѣ церкви справа, въ Холодныхъ Ключахъ и Камышевѣ. Вечеръ приближался, солнце садилось на безоблачномъ небѣ. Дмитрій и Вѣра говорили. Становилось чуть-чуть прохладнѣе. Пахло свѣжескошенной ржаной соломой.

— Такъ-то, мой другъ, — сказала Вѣра, — значитъ, ты начинаешь выздоравливать?

— Кажется.

— Дай Богъ. Мнѣ тоже лучше. Но жаль, что ты не одобряешь моихъ плановъ. Вѣдь искусство великое дѣло, когда нѣтъ этого.

Она указала рукой на красивую синѣющую даль.

— Почему же нѣтъ этого? — спросилъ Дмитрій, — это должно бы быть всегда. Въ Петербургѣ этого нѣтъ. Такъ вотъ и надо удирать оттуда сюда, гдѣ это есть. А въ Парижѣ, потомъ на сценѣ ты опять останешься безъ главнаго, что даетъ покой.

— Нѣтъ, нѣтъ! не сбивай меня, — сказала Вѣра съ волненіемъ, — нельзя же такъ, нельзя жить безъ цѣли и быть ничѣмъ. Не могу же я теперь думать о замужествѣ послѣ того, что было. Чѣмъ дальше отъ этого, тѣмъ лучше.

Они ѣхали молча нѣсколько минутъ.

— А тебѣ я отъ всей души желаю того, что ты любишь, — опять начала Вѣра, — можетъ быть, ты и правъ.

— Миша тебѣ нравится? — спросилъ неожиданно Дмитрій, — или ты къ нему равнодушна?

— Равнодушна.

— Вполнѣ?

— Къ счастью, вполнѣ.

— А онъ, кажется, не вполнѣ, — улыбнувшись сказалъ Дмитрій, — ты что-то сотворила съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ вы видѣлись на Ривьерѣ.

— Сотворила? Вотъ ужъ ровно ничего. Мы говорили по душѣ, это правда. Но больше не было ничего.

— Говорить съ мужчиной по душѣ, это ужъ много, очень много, — сказалъ Дмитрій съ грустью, — мнѣ жаль бѣднаго Мишу, если онъ надѣется.

— Ты думаешь, онъ надѣется?

— Пожалуй.

— Ну, а Мэри? Она тебѣ нравится? — въ свою очередь, съ доброй улыбкой спросила Вѣра. — Мнѣ она страшно нравится, — добавила она горячо, — по-моему это прямо чудо что такое. Я люблю ее искренно.

Дмитрій неохотно отвѣтилъ.

Вѣра, конечно, угадывала его чувство, но лучше было теперь не трогать его.

— Она увлекается пчелами, — сказалъ онъ, найдя то внѣшнее въ жизни Мэри, о которомъ можно было смѣло говорить, — сама сгребаетъ рои и сидитъ на пасѣкѣ. Это мнѣ нравится въ ней.

— И только?

— Я мало ее знаю.

Опять они долго ѣхали молча. Ближе и ближе была бѣлая зыковская церковь и Мэри.

И Дмитрій ловилъ себя на томъ, что онъ волновался все сильнѣе, думая, что сейчасъ онъ ее увидитъ. Онъ рѣшилъ быть съ ней спокойнымъ, равнодушнымъ, даже холоднымъ. Если онъ хоть чуть-чуть дорогъ ей, ей будетъ тяжела эта холодность, и онъ это замѣтитъ.

Вѣра думала о Мишѣ, но думала совершенно спокойно, какъ о знакомомъ, пріятномъ и добромъ человѣкѣ. Вспоминая то, что сказалъ ей Дмитрій, она не могла не чувствовать къ Мишѣ ту осторожную нѣжную благодарность, какую испытываютъ люди къ тѣмъ, которые ихъ любятъ. Вѣра рѣшила держать себя просто и свободно, избѣгая всякаго намека на кокетство. Она была съ нимъ слишкомъ откровенна въ Beau Lieu. Она даже расплакалась при немъ, разсказывая о своемъ положеніи.

Вотъ и Зыково. Большое село по двумъ сторонамъ большого оврага. Внизу ручей съ плохимъ горбатымъ мостомъ. А вотъ и усадьба Головиныхъ. Яблочные сады, гумно, церковь, паркъ и длинный бѣлый домъ съ колоннами. Никого нѣтъ около дома. Только, собаки бросились на встрѣчу пролеткѣ. Гончія, борзыя, одна лягавая. Это охота

Миши. А вотъ и самъ хозяинъ въ бѣлой рубашкѣ и бѣлой фуражкѣ бѣжитъ навстрѣчу гостямъ изъ конюшни. Онъ еще загорѣлъ. Лицо у него бронзовое, и оно такъ же добродушно улыбается, показывая гнилые зубы.

— Наконецъ-то, — издали кричитъ Миша, — я уже совсѣмъ отчаялся!

Поздоровались, пошли въ прохладный домъ. Вотъ и Жоржъ, правовѣдъ, вышелъ изъ своей комнаты, такой аккуратный и воспитанный. Вотъ и горбатый Ѳедя, старшій братъ, жалкое существо, живущее весь годъ въ деревнѣ. Его уронили ребенкомъ, и онъ остался уродомъ на всю жизнь. У него умные черные глаза, какъ у Мэри, но лицо блѣдное, вытянутое, и длинныя худыя руки.

Гостей ведутъ въ гостиную.

Выходитъ Софья Алексѣевна Головина, полная, здоровая женщина, спокойная и привѣтливая.

А гдѣ же Мэри, все время ждетъ Дмитрій, но онъ не спрашиваетъ, чтобы не выдавать себя.

Садятся, бесѣдуютъ, сначала не зная съ чего начать. Потомъ разговоръ налаживается, о хозяйствѣ, объ урожаѣ, о народѣ.

Софія Алексѣевна сразу жалуется на дороговизну жизни, на то, какъ раньше рабочій стоилъ сорокъ копеекъ, а теперь больше рубля, на то, что яйца стоили пятнадцать копеекъ десятокъ, теперь тридцать пять. Она еще говоритъ о томъ, какія ужасныя времена наступили: всюду забастовки, хулиганство, безобразіе.

Дмитрій и Вѣра почтительно слушаютъ ее. Слушаютъ и Миша, и Ѳедя, и Жоржъ.

— Гдѣ же Мэри? — наконецъ спрашиваетъ мать. — Куда она дѣлась?

— На пасѣкѣ, конечно, — говоритъ Ѳедя, вдругъ просіявъ свѣтлой улыбкой, — я былъ съ ней, она осталась еще.

— Вотъ, вотъ! — снисходительно улыбнувшись, говоритъ Софья Алексѣевна, — пчелы ее сгубили совсѣмъ.

— Хотите, пройдемъ къ ней? — предлагаетъ Миша.

— Отлично, — соглашается Вѣра.

И всѣ идутъ на насѣку, черезъ паркъ и черезъ яблоневый садъ.

Издали видны ряды ульевъ съ зелеными крышами, а среди нихъ внимательно согнутая бѣлая фигура Мэри съ черной сѣткой на головѣ.

— Мэри! Гости пріѣхали! — кричитъ ей Жоржъ такимъ громкимъ голосомъ, что въ ушахъ больно.

— Кто-о? — слышится звонкій вопросъ Мэри.

— Изъ Карцовки! — кричитъ Жоржъ.

— Иду-у! — отвѣчаетъ Мэри.

И видно, что она спѣшитъ кончить начатое и уйти.

Миша подводитъ гостей ближе къ пасѣкѣ. Мэри уже идетъ къ нимъ навстрѣчу, осторожно стряхивая съ себя насѣвшихъ на нее пчелъ. По дорогѣ она снимаетъ съ головы сѣтку и бросаетъ ее въ траву.

Вся раскраснѣвшая, она подходитъ къ гостямъ и радостно обнимаетъ Вѣрочку, потомъ протягиваетъ руку Дмитрію. Тѣ же у нея лучистые, одухотворенные глаза. Онъ любуется на нее и чувствуетъ, что въ присутствіи ея дурѣетъ, теряетъ обычное спокойствіе.

— Не кусаютъ тебя пчелы? — спрашиваетъ Вѣрочка, держа Мэри за обѣ руки.

— Нѣтъ, онѣ меня знаютъ, — говоритъ Мэри, улыбаясь, — вотъ сейчасъ двѣ ползаютъ у меня по спинѣ. Если не придавить ихъ, онѣ не тронутъ. Домой приду, освобожу ихъ... Опять полетятъ за добычей.

Всѣ смѣются. Всѣмъ еще веселѣе, еще радостнѣе жить, глядя на красивую и милую Мэри.

Дмитрій забылъ о своемъ намѣреніи не показывать своихъ чувствъ къ ней. Уже по лицу его, по глазамъ видно, какъ онъ восхищается ею.

XXVIII.

Вернулись домой. Софья Алексѣевна исчезла, хлопоча объ ужинѣ. Молодежь разбилась на группы. Миша опять не отходитъ отъ Вѣрочки и ведетъ всѣхъ на конюшню показывать лошадей.

Мэри идетъ рядомъ съ Дмитріемъ. Она съ нимъ ласкова и проста, какъ со всѣми.

— Я рада, что вы пріѣхали, — говоритъ она, быстро взглянувъ на него, когда они отстали отъ другихъ, — вы не сердитесь на меня?

— За что?

— За то, что я не пошла съ вами тогда погулять.

— Я извиняюсь передъ вами, — говоритъ Дмитрій, — за то, что сказалъ вамъ непріятное...

— Нѣтъ, не непріятное, но... не совсѣмъ правду. Вы сами, можетъ быть, не сознаете этого?

— Что я сказалъ, была правда, — глухо говоритъ Дмитрій, — это истинная правда. Когда я съ вами, мнѣ больше ничего не нужно на свѣтѣ. Я счастливъ, какъ никто не былъ никогда... Мнѣ больно, страшно думать, что вотъ опять вы... Васъ скоро не будетъ близко. Но я говорю вамъ это, зная самъ, что не въ правѣ говорить, отлично сознавая, что я дрянной, гадкій... а вы чудесная. Я сказалъ только, чтобы отвѣтить вамъ на то, что вы сказали.

И опять онъ поздно спохватился, что сказалъ слишкомъ много. Мэри вдругъ поблѣднѣла, опустила вѣки съ длинными рѣсницами и стала часто дышать. Точно она собиралась что-то сказать ему, очень важное для нея, но не рѣшалась. Потомъ быстро, скороговоркой она почти прошептала:

— Я много думала о васъ все это время. И мнѣ теперь не такъ страшно съ вами...

И она вдругъ протянула ему руку. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, несмотря на то, что на нихъ теперь всѣ смотрѣли, поджидая ихъ на углу сада.

— Спасибо, — сказалъ онъ весело, со слезами счастья на глазахъ, — хоть на этомъ. У меня вѣдь такая глупая, дурацкая натура. Я не могу скрывать... Я, кажется, не умѣю лгать... Зачѣмъ?..

— Да, это ни къ чему, — засмѣялась Мэри, — вы правы. Я сама ненавижу ложь. Ну, побѣжимъ къ нимъ. Они насъ ждутъ.

И она быстро побѣжала отъ него впередъ легкими, молодыми движеніями мускулистыхъ ногъ. Дмитрій побѣжалъ за нею.

— Куда же мы теперь? — спросила она сіявшаго Мишу.

— Къ озеру, къ озеру, — сказалъ онъ, — скорѣй. А то пора ужинать. Мамаша будетъ ждать.

— Меня сегодня удивляетъ одна вещь, — сказала Вѣрочка, внимательно глядя въ необыкновенное лицо Мэри, — что у васъ тутъ столько добра... Все, что угодно. Лошади, пчелы, козы, утки, индюшки. Не успѣли мы пріѣхать, а я уже чувствую себя, какъ въ раю...

— Правда? — громко захохоталъ Миша, — ну, я счастливъ! Честное слово, прямо счастливъ, что вамъ здѣсь нравится.

— Очень, — сказала Вѣра, — правда, Дмитрій?

— Не только рай, а прямо царство небесное, — сказалъ онъ, полушутя.

И всѣ опять громко и весело захохотали.

За ужиномъ на террассѣ было оживленно и шумно. Потомъ постепенно стало стихать. Стали расходиться. Первая ушла къ себѣ, жалуясь на нездоровье, Софья Алексѣевна. Потомъ исчезли Жоржъ и Федя. Остались двѣ пары. Мэри позвала за собой Дмитрія, и они пошли вмѣстѣ отъ дома по длинной аллеи акаціи, заворачивавшей полукругомъ отъ дома къ церкви.

— У васъ я не пошла гулять, — сказала она ему, когда они вдвоемъ отошли отъ дома, — а здѣсь вамъ бы надо не пойти со мной.

— Я долженъ слушаться васъ безпрекословно, — сказалъ онъ покорно, — у насъ роли разныя.

— Хорошо... Я согласна...

Она спросила его о томъ, какъ онъ вообще чувствуетъ себя за послѣднее время въ деревнѣ. Онъ отвѣчалъ, что гораздо лучше, но что еще не можетъ установить спокойнаго, ровнаго отношенія къ жизни. Она еще спросила его о томъ, правда ли, что онъ такъ много игралъ въ карты. Онъ отвѣтилъ ей, что карты для него были, какъ видно, средствомъ забвенія. Она съ упрекомъ покачала головой.

— Ну къ чему это? — сказала она грустно, — развѣ вы не понимаете, что это дурно? Я увѣрена, что вы никогда больше не будете дѣлать этого. Хорошо?

— Постараюсь, — сказалъ Дмитрій.

— Нѣтъ, не постараюсь, — требовательно сказала она, — а не буду, не буду, ни за что и никогда не буду.

Онъ молчалъ.

Она внимательно смотрѣла на его вдругъ виновато опустившуюся голову и хотѣла понять, почему онъ не обѣщаетъ ей навсегда отстать отъ свой страсти. Ей стало тяжело, неловко, какъ бываетъ, когда говоришь съ человѣкомъ, который не хочетъ тебя понять.

— Я столько проигралъ, — сказалъ Дмитрій, — нужно бы отыграться.

— Зачѣмъ? Ну зачѣмъ? — почти вскрикнула она, — вѣдь еще проиграете! Еще будете портить нервы и здоровье! Не проще ли разъ навсегда вырвать больной зубъ?

— Помогите мнѣ, — слабо сказалъ Дмитрій, протяги-

вая ей руку, — помогите... Можетъ быть, съ вашей поддержкой я вылѣчусь. Вѣдь это болѣзнь. Это страшная болѣзнь — игра. Вы не знаете, какой это ужасъ. Я говорю вамъ первой объ этомъ такъ откровенно. Знаете, даже теперь иногда, въ Карцовкѣ, я вижу сны о томъ, что я гдѣ-то играю и выигрываю. Даже и теперь у меня вдругъ является неудержимое желаніе уѣхать въ Петербургъ или Монте Карло играть, и мнѣ стоитъ большого труда не приводить это желаніе въ исполненіе... Тогда я начинаю думать о васъ, надѣяться, и мнѣ легче...

— Бѣдный, — ласково и съ волненіемъ сказала Мэри, — кладя свою горячую руку въ его руку, — я такъ бы хотѣла помочь вамъ... Но меня такъ, такъ пугаетъ это... Это такъ портитъ васъ... Я боюсь за васъ...

Они остановились. Онъ взялъ ея руку обѣими руками и нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза. Кровь бросилась ему въ голову отъ ея прикосновенія. Онъ видѣлъ тонкую кожу ея открытой шеи, смотрѣлъ на ея полураскрытыя красныя губы. Онъ притянулъ ее къ себѣ на грудь...

— Я такъ люблю васъ, — сказалъ онъ просто, — если бы я встрѣтилъ васъ раньше...

Она молчала, отняла правую руку и вдругъ провела ею мягко по его щекѣ, точно лаская и утѣшая его, какъ ребенка.

Онъ же сталъ часто, много разъ цѣловать бѣлые, тонкіе пальцы ея лѣвой руки.

— Можно писать вамъ? Можно, по крайней мѣрѣ, считать васъ моимъ первымъ, лучшимъ другомъ? — спросилъ онъ.

— Должно, — сказала она.

— Это будетъ... Это должно быть! — сказалъ онъ возбужденно, — иначе я погибну.

— Провѣримъ, — сказала она тихо и освобождая руки, — а пока пойдемъ, пойдемъ дальше въ поле. Тамъ такъ хорошо пахнетъ рожью.

И она быстро пошла впередъ.

Въ это время на террасѣ, обвитой дикимъ виноградомъ и освѣщенной висячимъ круглымъ фонаремъ, говорили Миша и Вѣрочка.

Миша давно не скрывалъ отъ себя своей любви къ Вѣрѣ, и у него было опредѣленное намѣреніе, какъ только разводъ со Слонимовымъ будетъ оконченъ, сдѣлать ей предложеніе.

До тѣхъ поръ онъ рѣшилъ ухаживать за ней, сближаться съ ней, насколько возможно. Но уже во время своего пребыванія въ Карцовкѣ онъ увидѣлъ, что Вѣра повела себя съ нимъ иначе, чѣмъ за границей. Тамъ какъ будто съ ея стороны было влеченіе къ нему, было желаніе сблизиться съ нимъ; тутъ она съ нимъ была мила, какъ тогда, но уже гораздо сдержаннѣе. Теперь въ Зыковѣ она вела себя еще холоднѣй. Миша хотѣлъ объяснить это тѣмъ, что она въ Россіи, послѣ успокоенія въ деревнѣ и до развода, хотѣла вести себя корректно, что она, не будучи вполнѣ свободной, не считала себя вправѣ показывать ему своего отношенія къ нему, но эти объясненія не удовлетворяли его, и онъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, во что раньше горячо вѣрилъ. Мучительное безпокойство начинало овладѣвать имъ. Онъ рѣшилъ подойти къ Вѣрѣ поближе, по душѣ поговорить съ ней и, воспользовавшись тѣмъ, что они наконецъ остались одни, прямо спросить ее, если будетъ возможно, можетъ ли онъ надѣяться.

— Какъ дѣло ваше, Вѣра Васильевна? Подвигается? — наконецъ спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія, наступившаго между ними послѣ ничтожнаго разговора.

Она отвѣтила нехотя:

— Въ сентябрѣ все будетъ кончено.

— А потомъ?

— Потомъ Парижъ!

— Какъ Парижъ? Зачѣмъ? — удивился онъ искренно и почти испуганно.

— Учиться драматическому искусству.

— Вы?

— Да. Я.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— И вмѣсто рая опять будете жить въ аду?

— Парижъ не Петербургъ. Парижъ — рай для тѣхъ, кто умѣетъ въ немъ жить. Я была тамъ недолго, но поняла это.

— Я вамъ не вѣрю. Для чего же учиться драматическому искусству?

— Какъ для чего? Для того, очевидно, чтобы быть актрисой. Я же ничего больше на свѣтѣ не люблю. Вы знаете это. Я всѣмъ говорила.

— Да. Но между прочимъ, не какъ главное дѣло жизни?

— Почему нѣтъ? Театръ одно изъ лучшихъ призваній человѣка. Заставлять людей плакать и страдать, смѣяться и радоваться, будить въ нихъ высокіе порывы сердца, — что выше этого? Будничная жизнь? То, что я испытала?

— То было несчастіе. Не все же страданіе. Есть же люди, добрые люди. Есть сердечныя отношенія...

— Гдѣ?

— Вездѣ.

— Не вижу.

И Вѣра такъ ушла, такъ замкнулась въ свою личную, глубокую, скрываемую отъ другихъ жизнь, что Миша не пытался больше проникать въ нее.

Сразу у него упала надежда и, хотя онъ не умѣлъ чувствовать сильно, у него сжалось сердце.

„Значитъ, опять я пустой, голый, одинокій, несчастный“, — подумалъ онъ тоскливо.

И онъ сталъ распрашивать Вѣру о ея планахъ уже другимъ, равнодушнымъ тономъ.

XXIX.

По пріѣздѣ въ Зыково Вѣру ожидала непріятность. Она нашла длинное письмо отъ Слонимова, который увѣрялъ ее, что, хотя разводъ почти оконченъ, онъ любитъ ее одну и вѣчно будетъ любить. Письмо кончалось жалобами на свою жизнь, на то, что, по уплатѣ долговъ, онъ опять безъ копейки денегъ.

— Зачѣмъ онъ писалъ это письмо, — спрашивала себя Вѣра, — что ему нужно? Неужели еще денегъ?

Она съ досадой разорвала письмо въ мелкіе кусочки и бросила ихъ печку, рѣшивъ ни слова не отвѣчать.

Она была разстроена цѣлый день. За обѣдомъ Дмитрій, необычно веселый и бурный, спросилъ ее, что съ ней. Она сказала. Онъ только пожалъ плечами.

— Когда же, наконецъ, тебѣ пришлютъ бумагу изъ синода? — спросилъ онъ, — что пишетъ Неждановъ?

Это былъ ея адвокатъ.

— Не раньше августа или сентября, — тамъ вышла какая-то задержка.

— Не понимаю, что они тянутъ, — недовольно сказалъ

Дмитрій, — разъ все сдѣлано. Свидѣтели сказали, что нужно, и онъ подписалъ, — какая же можетъ быть задержка?

Вѣра неожиданно заплакала.

— Это ужасно, все это ужасно, — проговорила она, отирая слезы, — какъ ты былъ правъ тогда, когда я тебѣ объявила о моемъ намѣреніи... Но я никогда не думала, что люди могутъ быть такъ низки. Но я сама хотѣла легкой, веселой жизни... Я сама виновата во всемъ. Онъ совсѣмъ уже не такой дурной... Я знаю его. Его сгубили карты, все карты. Отъ нихъ пошло все остальное... Онъ добрый, сердечный... Я любила его сначала... и могла бы любить. Теперь жизнь разбита и навсегда, потому что рана не заживетъ никогда.

— Полно, полно, — сталъ утѣшать ее Дмитрій, — плакать уже совсѣмъ не къ чему. Надо скорѣе освобождаться и начать все сначала. Въ сущности, не только каждый день надо начинать жить сначала хорошо, но каждое мгновеніе жизни потому, что сама жизнь мгновеніе настоящаго. Чѣмъ больше хорошихъ мгновеній настоящаго, тѣмъ счастливѣе человѣкъ. А старое поминать и надъ старымъ хныкать и страдать — безуміе. Что было, то прошло.

— Въ томъ-то и дѣло, что не прошло, — сказала Вѣра, слушая философію брата и находя въ ней поддержку. Она не ждала отъ него такихъ свѣтлыхъ, бодрыхъ мыслей и это обрадовало ее. Ей стало легче... Дмитрій былъ правъ кругомъ, и въ ея положеніи это было особенно справедливо. Она понемногу успокоилась, потомъ ушла къ себѣ и написала еще письмо адвокату. Недавно она писала ему, теперь еще рѣшительнѣе просила его ускорить окончаніе дѣла.

Послѣ свиданія съ Мэри и невольнаго объясненія, котораго онъ боялся и котораго не хотѣлъ, Дмитрій почувствовалъ, точно у него выросли крылья. Мэри не оттолкнула его на этотъ разъ. Она опредѣленно освѣтила ихъ отношенія. Совершенно понятно было, что она хотѣла узнать его ближе, хотѣла поставить на испытаніе не только его чувство къ ней, но и всю его жизнь, которая, она знала, была до сихъ поръ распущенная, развратная, дурная. Она тонко, ласково дала ему понять это, и онъ былъ ей безконечно благодаренъ за то, что она выражала ему готовность любить его, выражала явную симпатію.

Вспоминая Мэри, думая о ней цѣлые дни, Дмитрій сознавалъ, что совсѣмъ новый взглядъ на жизнь складывался

въ немъ, и этотъ взглядъ будилъ въ немъ новыя душевныя силы, которыя до этого спали въ немъ.

Семья, дѣти, любимая жена, достойная, рабочая и разумная жизнь, добрыя отношенія съ людьми, всеобщее уваженіе и уваженіе ко всѣмъ. Все это вдругъ открылось передъ Дмитріемъ, какъ какое-то давно желанное благо, какъ открывается вдругъ берегъ земли послѣ долгаго морского путешествія. Пристать къ этому берегу и наконецъ начать жить по-настоящему.

Былъ сентябрь. Стояла та удивительная пора, когда природа, передъ сѣрой осенью, еще не утратила убора лѣта и, какъ бы прощаясь съ людьми, обольщаетъ ихъ своей блестящей красотой. Лѣса пестрѣли красками. Голубое небо было чисто и безоблачно. Поля пестрѣли яркими пятнами разныхъ оттѣнковъ зелени и желтизны опустѣвшихъ жнивій. Воздухъ былъ свѣжъ и прозраченъ съ летящими длинными, точно живыми, двигающимися, разжимающимися и сжимающимися паутинами. На гумнахъ шла бодрая молотьба. Подлѣ помѣщичьихъ усадебъ такъ сильно пахло крѣпкимъ запахомъ спѣлыхъ яблокъ, что онъ проникалъ въ грудь живительной, сладкой струей. Дмитрій только что вернулся въ Карцовку изъ Зыкова, гдѣ онъ простился съ Мэри. Она вслѣдъ за Мишей и Жоржемъ съ матерью уѣзжала въ Петербургъ. Все было по-старому между ними. Они встрѣтились и простились съ внѣшней стороны близкими друзьями, съ внутренней — каждый по-своему. Онъ любилъ ее больше, чѣмъ когда-либо. Она была такъ же ласкова съ нимъ, такъ же спокойна. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ Петербургъ въ октябрѣ.

Въ Карцовкѣ Вѣры уже не было. Она съ недѣлю назадъ, наконецъ, получила разводъ и сейчасъ же уѣхала съ Маріей Густавовной въ Парижъ.

XXX.

Когда осенью Петербургъ начинаетъ оживать послѣ лѣтней спячки, когда съ каждымъ годомъ вливаются въ него тысячи обитателей, возвращающихся съ дачъ и изъ деревень, когда на улицахъ встрѣчаются старые знакомые, съ которыми жилъ зимой, когда входишь въ свою зимнюю пустую квартиру, отъ которой отвыкъ за лѣто, испытываешь странное разнорѣчивое чувство не то тоски, не то какого-то незаконнаго, ненужнаго успокоенія.

Тоска отъ того, что знаешь, что опять потечетъ та же трудная, малоосмысленная городская жизнь. Незаконное успокоеніе отъ того, что готовыя рамки жизни обнимаютъ тебя, и спрашиваешь себя, хороши ли, разумны эти рамки для человѣческаго счастья. Дмитрій пріѣхалъ въ Петербургъ въ срединѣ октября и, войдя въ свою квартирку на Мойкѣ, остановился въ раздумьѣ, войдя въ маленькую столовую, гдѣ окна были замазаны мѣломъ и стоялъ сундукъ.

Сразу прошлогоднія воспоминанія охватили его мрачной пеленой.

Сколько тоски пережито въ этихъ комнатахъ, сколько слабостей, сколько угрызеній? Но кто виноватъ? Конечно, онъ одинъ. Развѣ нельзя чувствовать себя счастливымъ въ петербургской квартирѣ? Конечно, можно, если душа свѣтла и спокойна, если не надѣлано глупостей. Но какъ не дѣлать глупостей въ Петербургѣ, гдѣ вся жизнь густо устлана ими?

„Но теперь я не только не буду дѣлать глупостей, но не могу ихъ дѣлать“, — подумалъ Дмитрій, вспомнивъ Мэри и улыбаясь самъ съ собой.

— Григорій! — крикнулъ онъ пріѣхавшему съ нимъ человѣку.

— Что угодно? — послышался голосъ изъ коридора.

— Ты что дѣлаешь?

— Раскладываю сперва платье, — отвѣтилъ Григорій.

— Хорошо! А потомъ неси публикацію въ „Новое Время“ относительно кухарки. Потомъ приведи все въ самый лучшій порядокъ, и будемъ жить не по-прошлогоднему, а правильной, порядочной жизнью.

— Давно пора, Дмитрій Васильевичъ, — сказалъ мрачно Григорій, — а то одно разстройство. То ли бы дѣло, — завтраки, обѣды дома. Позвали къ себѣ хорошихъ господъ, побесѣдовали... а тамъ служба...

— Ты думаешь, служба?

— А какъ же можно? Развѣ можно настоящимъ господамъ безъ службы? Служба — первое дѣло. Вотъ, какъ Михаилъ Михаиловичъ Головинъ. Милое дѣло. И жалованіе идетъ, и чины, и занятіе есть. А то что? Карты? Только проиграетесь опять въ пухъ и въ прахъ.

— Я весной все-таки выигралъ!

— А сколько проиграли до этого? Ужасть! Домъ-другой можно купить каменный или имѣніе. Даже страшно вы-

говорить! А вотъ смокингъ надо бы новенькій вамъ заказать. Шелкъ весь обтерся.

— Да, да... Это правда.

Дмитрій сталъ думать о службѣ и чувствовалъ, что Григорій правъ.

Но какую службу найти? У кого просить. Казенную службу брать опять ему не хотѣлось, а частная, дѣйствительно, какъ будто не давала того удовлетворенія, о которомъ онъ мечталъ. И онъ рѣшилъ на этотъ разъ искать дѣла не такъ, какъ прежде, а упорно и рѣшительно, посвящая на это всѣ силы.

Онъ пошелъ въ уборную, вымылся, переодѣлся, привелъ въ порядокъ бумаги и около часа поѣхалъ къ Кюба завтракать. Перваго, кого онъ увидѣлъ тамъ, былъ Слонимовъ. Онъ въ компаніи офицеровъ пилъ у буфета водку.

Дмитрій прошелъ мимо него, не кланяясь. Слонимовъ бросилъ на него быстрый, безразличный взглядъ.

Дальше, у окна справа, Дмитрій узналъ Самарова. Самаровъ былъ выдающійся журналистъ, когда-то игрокъ, а теперь молодой издатель. Съ прошлаго января онъ пустилъ въ ходъ новый журналъ, который сразу пошелъ очень ходко. Идея этого журнала нравилась Дмитрію, и онъ даже далъ ему заглавіе, которое Самаровъ принялъ. Много разъ они встрѣчались въ клубѣ, разъ даже бесѣдовали по душѣ. Дмитрій любилъ этого энергичнаго человѣка съ большимъ широкимъ лбомъ, любилъ въ немъ его старательность и разумное отношеніе къ жизни, любилъ его умные близорукіе глаза. Онъ съ удовольствіемъ подошелъ къ нему и сѣлъ съ нимъ за столикъ завтракать.

— Какъ журналъ? — спросилъ Дмитрій.

— Великолѣпно. А вы какъ? Отдохнули за лѣто? Хозяйничали?

— Да, да. Я очень доволенъ лѣтомъ, — сказалъ Дмитрій, — и опять боюсь Петербурга.

— Что жъ его бояться? — спокойно сказалъ Самаровъ, — онъ пусть насъ боится, а не мы. У меня къ вамъ дѣло. Хотите войти пайщикомъ въ мой журналъ? Дайте двадцать пять тысячъ, и мы будемъ владѣльцы пополамъ. Мнѣ сейчасъ нужны деньги. А дѣло блестящее. Я вамъ гарантирую на ваши деньги, черезъ два года, пятнадцать-двадцать тысячъ дохода.

Дмитрій заинтересовался, и все время они бесѣдовали о

журналѣ и сговорились на другой же день увидаться, чтобы подробнѣе разсудить вопросъ.

Самаровъ былъ лѣтомъ за границей, изучалъ типографское дѣло, былъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ. Послѣ завтрака, на собственномъ автомобилѣ, онъ подвезъ Дмитрія къ портному, и они дружески разстались, какъ всегда.

Дмитрій рѣшилъ быть у Головиныхъ на другой день часа въ четыре, но не выдержалъ и заѣхалъ къ нимъ въ тотъ же день около трехъ часовъ дня.

Никого не было дома, кромѣ Софьи Алексѣевны. Дмитрій вошелъ къ ней въ гостиную, когда дѣвушка сказала ему, что „просятъ".

Софья Алексѣевна, какъ всегда, стала жаловаться. То было невозможно жить въ деревнѣ, теперь невозможно стало въ Петербургѣ. Та же дороговизна, тѣ же ужасные люди, та же убійственная погода. Это было тяжело. Но Дмитрій спокойно слушалъ ее, надѣясь, что увидитъ Мэри. Она на минуту ушла къ своей пріятельницѣ Женѣ, которая только что пріѣхала. Но Мэри не возвращалась, и Дмитрій, наконецъ, всталъ, простился и вышелъ въ переднюю. На лѣстницѣ онъ вдругъ увидалъ въ поднимающемся лифтѣ знакомую, дорогую фигуру.

Она тоже увидала его и вскрикнула что-то. Потомъ сверху:

— Вернитесь!

Онъ быстро побѣжалъ наверхъ и почти одновременно съ ней очутился на четвертомъ этажѣ.

Она открыла дверцу лифта и вышла къ нему навстрѣчу, протягивая руку въ перчаткѣ.

— Когда пріѣхали? — спросила она.

— Сегодня.

— Все хорошо?

— По-старому.

Она улыбнулась.

— Ну пойдемте, — сказала она, — будемъ чай пить.

Они усѣлись въ гостиной, откуда Софья Алексѣевна исчезла.

Дмитрій сталъ говорить о томъ, какъ отлично провелъ осень въ Карцовкѣ, какъ будетъ искать здѣсь занятій.

Она внимательно слушала.

— А вы что подѣлываете? — спросилъ онъ, когда она удовлетворилась его разсказомъ.

— Я? Я записалась въ мастерскую Оглинскаго. Буду рисовать и писать красками... Я очень-очень довольна.

И она, блестя глазами, стала расхваливать Оглинскаго, какъ профессора, говоря, что для портретной живописи въ Петербургѣ лучше нѣтъ преподавателя. Ей особенно хотѣлось выучиться писать портреты.

— Если я дойду до того, что буду писать сносные портреты, — сказала она, радостно улыбаясь, — такъ что можно будетъ писать близкихъ людей, — я буду счастлива.

— Вы будете позировать? — вдругъ спросила она, полушутя.

— Съ наслажденіемъ, — сказалъ Дмитрій, — но я вамъ не близкій.

— Все равно, — сказала она, покраснѣвъ, — вы хорошій знакомый.

— И только? — не удержался Дмитрій.

— Немного больше.

— И только? — еще спросилъ онъ.

— Это много, — сказала она весело, — вы...

Но она ничего не сказала, и разговоръ на минуту оборвался.

Она заговорила совсѣмъ другимъ, — важнымъ, серьезнымъ тономъ.

— Я бы очень хотѣла, — сказала она, — чтобы вы нашли себѣ дѣло по душѣ. Дѣло по душѣ это главное въ жизни, а для васъ особенно.

Это было такъ просто и такъ вѣрно сказано, что Дмитрій въ первый разъ до конца почувствовалъ старую, какъ міръ, правду, что въ жизни дѣйствительно самое главное дѣло по душѣ. Но гдѣ, какъ его найти? Вѣдь дѣломъ по душѣ можетъ быть только дѣло, посвященное благу людей.

XXXI.

Какъ часто бываетъ, что случайная, менѣе всего ожидаемая встрѣча опредѣляетъ иногда на всю жизнь, иногда на долгое время судьбу человѣка, такъ, думалъ Дмитрій, случилось съ нимъ послѣ встрѣчи съ Самаровымъ. Онъ вошелъ къ нему пайщикомъ въ его журналъ, отдавъ ему чуть ли не послѣднія уцѣлѣвшія у него деньги, и это дѣло на первыхъ порахъ настолько увлекло и поглотило его, что всѣ остальныя его дѣла отошли на задній планъ.

Дмитрій получилъ, кромѣ половинныхъ правъ издателя журнала, еще и названіе второго редактора его и весь ушелъ въ его интересы. Дѣла было пропасть. Съ одной стороны дѣло скучное и кропотливое, требовавшее времени и напряженнаго вниманія, съ другой — живое, какъ подготовленіе текста каждаго номера и сношеніе съ множествомъ людей.

Самаровъ хотѣлъ придать журналу свѣтскій, легкій характеръ, Дмитрій же, напротивъ, тянулъ къ болѣе серьезному, и онъ старался, какъ можно старательнѣе, съ пользой для читателей, набирать матеріалъ. Онъ самъ писалъ замѣтки, печатая кое-что изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, и стремился, чтобы литературный отдѣлъ „Иллюстрированной Недѣли“ отличался вкусомъ и чистотой.

Какъ-то послѣ утомительной вечерней работы въ редакціи Самаровъ позвалъ съ собой Дмитрія въ клубъ поужинать. Давно не былъ онъ въ „двадцатомъ“, избѣгая даже говорить и вспоминать о немъ, но теперь, когда онъ бросилъ игру, когда она была для него плодомъ навѣки запрещеннымъ, почему было не поѣхать туда посидѣть въ столовой.

И они поѣхали.

Тѣ же всегда сонные, полуживые швейцары, та же касса и кассиры, считавшіе деньги, тѣ же лакеи, тѣ же старшины, тѣ же игроки.

Всѣ радушно, почти радостно здоровались съ Дмитріемъ, какъ со старымъ другомъ по несчастью. А когда онъ вошелъ въ „игорную“ — тамъ десятки рукъ протянулись къ нему навстрѣчу.

— Сколько времени не былъ! Развѣ такъ можно? Ну садитесь, садитесь, я уступлю мѣсто. Кто пришелъ? Карцовъ? Я говорилъ, что явится.

Возгласовъ и привѣтствій было столько, что Дмитрію стало стыдно за себя.

Вотъ гдѣ онъ популяренъ!

Вотъ кто его пріятели!

Эти не люди, а полутрупы.

Скоро игроки успокоились. Деньги ихъ продолжали „работать“.

Одни проигрывали, другіе выигрывали. Девятки и жиры, „отцы“, то есть тузы, и восьмерки, — все было постарому.

Только еще высохли лица у несчастныхъ членовъ „два-

дцатаго", только еще посѣдѣли ихъ ввалившіеся виски и небритыя бороды. На лицѣ игрока сейчасъ же бросается въ глаза какая-то мертвенность, что-то остановившееся, не живое, какъ у трупа. Дмитрій смотрѣлъ то на одно, то на другое знакомое лицо, и эта черта ихъ теперь особенно его поразила.

„И все они сражаются, все волнуются здѣсь, нѣкоторые круглый годъ, зиму и лѣто, — подумалъ онъ съ тяжелой грустью, — „играютъ", не въ силахъ остановиться. Сегодня выигралъ, завтра проигралъ. А нѣкоторые только проигрываютъ, какъ игрокъ Ивановъ, проигравшій сотни тысячъ. Что за кошмаръ? Что за безуміе? И какъ только разрѣшаетъ, терпитъ это правительство? Вѣдь, надо помочь имъ! Надо закрыть, запретить навсегда азартную игру въ карты, какъ одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, какъ воровство или открытый развратъ на улицахъ".

Онъ вышелъ въ столовую и сѣлъ ужинать съ Самаровымъ. Знакомые игроки подошли къ нему, стали приставать, разспрашивать, будетъ ли онъ играть.

Онъ съ грустной улыбкой отвѣчалъ, что игру бросилъ навсегда.

Игроки не вѣрили, говорили, что это невозможно, что кто разъ игралъ, не излѣчится никогда.

Самаровъ въ клубѣ напалъ на лакея, который что-то не такъ подалъ ему, и учинилъ изъ-за этого цѣлый скандалъ. Дмитрію было все это тяжело, и онъ, быстро кончивъ свою котлету марешаль, уѣхалъ домой, рѣшивъ, что онъ выйдетъ изъ клуба навсегда, даже если это и обидитъ остальныхъ.

XXXII.

Парижъ шумѣлъ своей лихорадочной, напряженной жизнью, какъ шумитъ круглый годъ, и Вѣра уже успѣла войти въ его кипучую жизнь, успѣла привыкнуть къ ней, какъ къ родной, несмотря на то, что не прошло еще года, какъ она была здѣсь. Но ей казалось, что она жила здѣсь уже давнымъ-давно, многіе годы, что она никогда раньше не жила, какъ слѣдуетъ, и что внѣ Парижа нѣтъ осмысленной рабочей и плодотворной дѣятельности.

Прошлое было далеко. Весь остальной міръ казался ничтожнымъ, не стоящимъ вниманія. Были на свѣтѣ только три главныя вещи.

Парижъ, драматическое искусство и она, Вѣра. Впрочемъ былъ на свѣтѣ еще одинъ человѣкъ, стоящій вниманія, — это Вѣринъ профессоръ monsieur Pochet, предсказывавшій ей великую артистическую карьеру.

Вѣра жила съ Марьей Густавовной и пуделемъ „Маркизомъ“ на Avenue d'Jena, одной изъ самыхъ модныхъ парижскихъ улицъ подлѣ Etoile.

Она случайно нашла цѣлую меблированную квартирку, которую передали ей на два года раньше жившія здѣсь двѣ американки, и чувствовала себя въ нихъ съ внѣшней стороны прекрасно. Все время дня было занято, строго расписано по часамъ. Жилось легко вмѣстѣ съ населеніемъ громаднаго трудового города.

Во внутренней жизни Вѣры тоже наступило успокоеніе. Никто не тревожилъ ее. Она избѣгала близкаго общенія съ людьми, и это новое, самостоятельное и свободное положеніе было ей необыкновенно пріятно. Ухаживанія мужчинъ она принимала холодно и спокойно, давая сразу чувствовать свою недоступность. Только съ княземъ Горяниновымъ она вела себя, какъ со своимъ человѣкомъ, непринужденно.

Былъ уже май. Вѣра только что вернулась домой изъ Булонскаго лѣса, гдѣ она почти ежедневно каталась съ Марьей Густавовной вечерами, и, оживленная, вошла въ свою крошечную переднюю.

— Письма есть? — спросила она француженку горничную, снявшую съ нея элегантную кружевную накидку.

Этотъ вопросъ она задавала горничной почти каждый вечеръ за послѣдніе дни потому, что ждала нѣсколькихъ писемъ. Во-первыхъ, она переписывалась съ Дмитріемъ и живо интересовалась его жизнью, во-вторыхъ, переписывалась съ Головинымъ, правда, не очень охотно, но потому, что она хотѣла сохранить съ нимъ дружбу, и, въ-третьихъ, съ января она стала переписываться съ новымъ русскимъ знакомымъ, княземъ Горяниновымъ, который встрѣтилъ ее въ Парижѣ на вечерѣ у русскаго посла, а потомъ нѣсколько разъ былъ у нея. Горяниновъ былъ одинъ изъ тѣхъ старыхъ московскихъ баръ, какихъ остается все меньше и которые живутъ еще до сихъ поръ такъ, какъ жили наши дѣды и прадѣды. Онъ былъ охотникъ, держалъ стаю гончихъ и цѣлую псарню борзыхъ, у него былъ конскій и винный заводы, была жена, кровная московская аристократка, а самъ онъ жилъ исключительно удовольствіями и наслажденіями, не отказывая себѣ ни въ

чемъ и постоянно чѣмъ-нибудь увлекаясь. Онъ одинаково могъ увлекаться новымъ автомобилемъ и новымъ писателемъ, новымъ ковромъ и новой пьесой, новой собакой и новой философіей Бергсона. Все его какъ будто интересовало, но, въ сущности, не интересовало ничего. И когда Вѣра однажды заѣхала къ нему въ Saint Cloud завтракать вмѣстѣ со своей „Густавовной“ и пуделемъ, князь показывалъ ей свою великолѣпную дачу съ видомъ на весь Парижъ, свою стильную мебель и недурно игралъ ей на скрипкѣ сонаты Вебера, Вѣра съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрѣла на этого страннаго человѣка, очевидно, скучавшаго до смерти отъ своего богатства, отъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятій, имуществъ и увлеченій. У него не было дѣтей. Онъ жаловался Вѣрѣ на свое семейное положеніе и сказалъ ей, что жизнь его сложилась совсѣмъ не такъ, какъ онъ объ этомъ мечталъ.

Вѣра нашла дома два письма. Одно было отъ Дмитрія, другое отъ князя. Письмо Дмитрія искренно обрадовало ее. Онъ писалъ, что въ іюнѣ женится на Мэри Головиной, что они очень любятъ другъ друга и что онъ увѣренъ въ томъ, что этотъ бракъ будетъ удачный. Онъ писалъ, что, вообще, его жизнь, повидимому, становится, наконецъ, на прочные рельсы. Онъ звалъ Вѣру на свадьбу, которая была назначена въ Зыковѣ на 30-е іюня. Письмо его дышало бодростью и энергіей счастья.

Вѣра сейчасъ же рѣшила, что на эту свадьбу она непремѣнно поѣдетъ. Она распечатала интересовавшее ее письмо князя. Оно было необыкновенно длинное на трехъ листахъ и написано убійственнымъ нервнымъ почеркомъ. Оно начиналось такъ:

„Пишу вамъ, дорогая Вѣра Васильевна, ночью въ три часа... Пишу, чтобы облегчить душу, побесѣдовать съ чуткимъ человѣкомъ... Встрѣча съ вами для меня эпоха, — не сердитесь, это правда, — потому, что въ васъ я нашелъ образецъ, если не идеалъ, той женщины, которая мнѣ всего больше по сердцу. Вы умная, понимающая, добрая, талантливая. Вамъ ничего не нужно, кромѣ вашего искусства, и потому нельзя не преклоняться передъ вами и нельзя, чтобы вы не были нужны всякому чуткому человѣку“.

Дальше онъ писалъ о себѣ, жаловался, ругалъ Москву, Россію и русскую жизнь. Онъ уѣзжалъ въ деревню на-днях, а въ сентябрѣ обѣщалъ на болѣе продолжительный

срокъ вновь пріѣхать въ Парижъ и серьезно заняться музыкой. Какъ послѣ разговора съ Горяниновымъ, такъ и послѣ его писемъ, Вѣра испытывала тоже неопредѣленное чувство. Несомнѣнно, что это былъ очень хорошій, способный и умный человѣкъ, во всякомъ случаѣ интересный и образованный, но въ то же время въ немъ было столько неяснаго и нуднаго, что эти отрицательныя черты его отталкивали отъ него больше, чѣмъ привлекали къ нему его качества. Какія были у него убѣжденія? Никакихъ. Какіе опредѣленные взгляды, политическіе, литературные, художественные? Тоже никакихъ ясныхъ, установившихся. То первый человѣкъ въ литературѣ былъ почему-то Pierre Mille, то первый въ музыкѣ Скрябинъ, то первый въ скульптурѣ не Rodin, а почему-то Bartolomet. То онъ восхвалялъ Леонида Андреева, то почему-то ругалъ и ненавидѣлъ Толстого. Все это отталкивало отъ него Вѣру, но въ общемъ Горяниновъ нравился ей, и особенно нравилась ей въ немъ его простая сердечная откровенность съ ней. Она съ удовольствіемъ вспоминала его красивые скорбные глаза съ тяжелыми вѣками, его бѣлыя руки, его красиво очерченныя губы и мягкую свѣтлую бороду; въ немъ было много внѣшней привлекательности и, какъ говорили, у него было много побѣдъ. Жена его была болѣзненное существо, вѣчно лѣчившееся, окруженное и изнѣженное заботами.

Въ тотъ же вечеръ Вѣра отвѣтила на оба полученныя ею письма.

— Марья Густавовна, голубчикъ, — сказала она ласково, прощаясь около половины одиннадцатаго со своей „старушкой“, — Митя женится на Мэри Головиной, и мы скоро тронемся отсюда въ Карцовку на ихъ свадьбу.

— На Головиной? Боже милосердный, какая прелесть! — воскликнула Марья Густавовна радостно, — вотъ, душечка, я рада. Я пьяная напьюсь на свадьбѣ. Ей Богу, напьюсь! И она улыбнулась однимъ ртомъ, показывая торчавшіе впередъ зубы.

— И я, — сказала Вѣра, — покойной ночи...

— Покойной ночи, душенька... Ну, какъ работали нынче?

— Великолѣпно!

XXXIII.

Весной Дмитрій, оглянувшись на прожитую зиму въ Петербургѣ, остался собой доволенъ, доволенъ въ первый

разъ въ жизни. Все, что онъ сдѣлалъ, было то самое, что нужно было дѣлать, и, хотя онъ думалъ, что счастье улыбнулось ему, онъ сознавалъ, что это счастье было только въ одномъ, — въ его любви. Эта любовь жила въ немъ, какъ свѣтъ, ярко освѣщавшій все на своемъ пути, и указывала прямую дорогу.

Это было въ ночь на Пасху.

Дмитрій сговорился съ Мэри вмѣстѣ пойти къ заутренѣ, а потомъ разговляться у нихъ, хотя ни тотъ, ни другой изъ нихъ не постился. Жоржъ звалъ ихъ съ собой въ церковь Правовѣдѣнія, но они рѣшили, что ни въ какую опредѣленную церковь они не пойдутъ, а пойдутъ ночью бродить по разнымъ церквамъ, а потомъ вернутся домой.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Дмитрій заѣхалъ за Мэри, и она сейчасъ же вышла къ нему, одѣтая въ свою плюшевую шубку. Они отпустили извозчика и пошли пѣшкомъ по освѣщеннымъ фонариками и вензелями улицамъ. Въ городѣ было необычное движеніе, но торжественное и спокойное. Трамваи не ходили. Всюду пѣшеходы, извозчики и автомобили. Изъ цвѣточныхъ магазиновъ всюду по домамъ спѣшно разносили завернутыя въ бумагу корзины цвѣтовъ. На Моховой Дмитрій и Мэри остановились у маленькой церковки, передъ которой былъ устроенъ навѣсъ изъ полосатой матеріи. Церковка была до панели полна молящимися. Слышны были возгласы священника. Видны были огоньки ярко горѣвшихъ свѣчей. Какая-то молодая женщина въ бѣломъ платкѣ стояла на колѣняхъ на панели и набожно крестилась. Дмитрій и Мэри пошли дальше черезъ Фонтанку къ Казанскому собору. Тутъ весь Невскій былъ въ нѣсколько рядовъ сплошь запруженъ извозчиками и автомобилями. На панели стояла тоже сплошная масса народа. Слышны были молодые веселые голоса. Группы молодыхъ людей и дѣвушекъ, обгоняя другъ друга, спѣшили впередъ. Казанскій соборъ былъ красиво освѣщенъ электрическими лампочками, которыя яснѣе обозначали строгія линіи его темной громады. Вся терраса собора была покрыта черными пятнами толпы. Дмитрій и Мэри съ трудомъ, при помощи городового, перешли улицу и стали вмѣстѣ съ толпой проталкиваться въ соборъ, изъ котораго непрерывнымъ потокомъ выходили люди безъ шапокъ, въ то время, какъ другіе входили.

Дмитрій не былъ въ церкви много лѣтъ, но въ эту ночь съ Мэри ему было пріятно быть здѣсь, въ этой обстановкѣ, дышавшей молитвой и вѣрой. Они кое-какъ протол-

кались въ соборъ и, найдя свободное пространство, стали у одной изъ колоннъ. Передъ ними стоялъ на колѣняхъ извѣстный въ Петербургѣ „братецъ“ съ булавой и босыми ногами; справа стояли все время крестившіеся бритые солдаты, слѣва — толстый плѣшивый купецъ, обливавшійся потомъ. Въ храмѣ было такъ душно, такъ жутко отъ этой неспокойной, все время двигавшейся толпы, что Мэри, перекрестившись нѣсколько разъ, сказала, что она хочетъ снова на воздухъ и боится, что съ ней сдѣлается дурно.

Съ еще большимъ трудомъ, противъ встрѣчной толпы народа, они протолкались снова на Невскій и быстро пошли на Екатерининскій каналъ въ церковь Воскресенія, которую Мэри особенно любила. По всей набережной канала сидѣли нищіе, калѣки, слѣпые, старики, женщины съ дѣтьми, прося милостыню. Мэри всѣмъ быстро подавала. Они подошли къ церкви Воскресенія и вошли на паперть. Опять та же толпа народа, та же духота внутри. Но тутъ они все-таки легче протолкались впередъ и какъ разъ пришли въ то время, какъ запѣли Христосъ Воскресе.

Но странное дѣло, они не чувствовали теперь ни тотъ, ни другой той душевной торжественности, какую они испытывали въ эти минуты въ дѣтствѣ. Они вышли изъ церкви, взяли извозчика и поѣхали домой. Проѣзжая мимо темнаго Марсова поля, Мэри вдругъ спросила:

— Не правда ли, странное впечатлѣніе отъ всего этого? Мнѣ даже грустно.

— Конечно, грустно, что всѣ спѣшатъ домой ѣсть ветчину, — сказалъ Дмитрій, — и пить водку! А завтра и всю недѣлю опять начнется обычный праздничный петербургскій развалъ. Вино, объѣданіе, игра, бѣга и такъ далѣе безъ конца. Все только для матеріи, — вотъ что грустно.

— Да, да, — сказала Мэри, — и вотъ мы такіе же.

— Вы думаете? — спросилъ Дмитрій.

— Конечно.

Они молчали. У нихъ установились еще болѣе тѣсныя товарищескія отношенія за эту зиму. Оба занятые дѣломъ, они точно тайно сговорились и отложили на время всякіе разговоры о своихъ чувствахъ; они знали, настанетъ сама собой та минута, когда они рѣшатъ то, что должно было рѣшиться, но говорить объ этой минутѣ заранѣе, искусственно вызывать ее, имъ обоимъ не хотѣлось. Онъ особенно не хотѣлъ этого, сказавъ себѣ, что если она полюбитъ его

она сама покажетъ ему это. Иногда онъ читалъ въ ея глазахъ новое благодарное и нѣжное выраженіе, и это придавало ему еще больше силъ жить хорошо. Но все еще она не показывала ему того, чего онъ ждалъ, все еще она давала понять, что испытаніе не кончилось.

— Мы, какъ всѣ, — сказалъ Дмитрій, — хотя хотѣлось бы быть лучше. Но какая гордость мечтать объ этомъ. Чуть-чуть живешь лучше, чѣмъ жилъ, и то радуешься... А въ сущности, что я такое?

Она быстро взглянула на него.

— Вы стали очень хорошій, — сказала она ласково.

Онъ хотѣлъ пожать ея руку, но удержался.

— Какой хорошій, — сказалъ онъ вмѣсто этого, — такая же дрянь, какой былъ. Не вѣришь ни въ Бога, ни въ чорта. Въ сущности, я не зналъ бы, къ чему жить, если бы...

Онъ замялся, потомъ выговорилъ:

— Если бы не любилъ васъ больше всего на свѣтѣ.

— Но смѣю ли? — спросилъ онъ, пока она, обернувшись къ нему лицомъ, пристально смотрѣла на него.

Она сама теперь взяла его за руку.

— И я, — тихонько выговорила она, часто, порывисто дыша полуоткрытымъ ртомъ...

— Когда же? — спросилъ онъ.

— Когда хочешь...

Въ первый разъ она сказала ему „ты“.

— Завтра, — сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу и глазами сливаясь съ ея блестѣвшими въ темнотѣ глазами.

Она засмѣялась, обняла его голову и поцѣловала въ губы. Какая-то элегантная дама, обгонявшая ихъ на извозчикѣ, улыбнулась на нихъ въ темнотѣ и быстро проѣхала мимо.

Когда они вернулись домой и, держась за руки, вошли въ ярко освѣщенную столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ, заваленный пасхальнымъ угощеніемъ и ихъ встрѣтили всѣ Головины, сразу всѣ поняли по ихъ лицамъ и виду, что произошло...

— Имѣю честь представить, — сказала Мэри, обращаясь къ матери, — мой женихъ.

Софья Алексѣевна, молча, торопливо бросилась обнимать дочь. Миша сталъ нѣжно цѣловать Дмитрія.

— Вотъ это я понимаю, — сказалъ онъ, цѣлуя всѣхъ по очереди, — это Пасха! Люблю.

— Жоржъ! Правовѣдъ прекрасный! Шампанское наливай!

XXXIV.

Вѣра изъ Карцовки проѣхала въ Москву, гдѣ остановилась въ Славянскомъ Базарѣ. Она провела два съ половиной мѣсяца въ Россіи и за это время не только „оброссіилась“, но и „обкарцовилась“, какъ въ шутку говорилъ ей Дмитрій. Парижскій лоскъ съ нея сошелъ, она загорѣла и поздоровѣла отъ ежедневныхъ купаній и теперь снова возвращалась „домой“ въ Парижъ еще на одну зиму. Черезъ годъ она совсѣмъ вернется въ Россію и начнетъ выступать. Вѣра съ чувствомъ нѣжнаго умиленія и радости оглядывалась теперь назадъ на Карцовку, гдѣ женатый Дмитрій жилъ со своей Мэри. Они были довольны. Такъ, по крайней мѣрѣ, думала Вѣра, глядя на ихъ отношенія, и будутъ довольны, если останутся такими же честными, славными людьми, какъ теперь. Послѣ свадьбы въ Зыковѣ они поѣхали на мѣсяцъ въ Крымъ, потомъ вернулись въ Карцовку. Дмитрій былъ весь поглощенъ своими дѣлами и женой и до такой степени перемѣнился, что Вѣра не узнавала его. Онъ, казалось, вошелъ въ лучшую пору своей жизни... Всѣ способности его, вся жизненная энергія его поснулись, и смотрѣть на него, быть съ нимъ, говорить съ нимъ было удовольствіе не только для Вѣры, но для всѣхъ, его окружавшихъ. Обо всемъ и всѣхъ онъ заботился, всѣмъ интересовался, всѣ свои личныя обязанности исполнялъ наилучшимъ, самымъ старательнымъ образомъ. Онъ заражалъ своей бодростью всѣхъ, жившихъ съ нимъ, и жизнь въ Карцовкѣ вдругъ закипѣла, какъ никогда прежде.

На два дня Дмитрію нужно было съѣздить въ Петербургъ по дѣламъ. Мэри поѣхала съ нимъ и не могла себѣ представить того, чтобы онъ поѣхалъ одинъ, безъ нея. Вѣрѣ было завидно глядѣть на нихъ и, когда она сравнивала свой бракъ съ бракомъ брата, ей казались они двумя противоположностями. У Дмитрія съ Мэри все было гармонія, согласіе, взаимное уваженіе и искренняя любовь, тамъ, у нихъ, было сплошное недоразумѣніе, непониманіе, разногласіе; и, если въ началѣ у нихъ была какая-то любовь, то любовь эта была только физическая, ничего не стоящая.

„Ну, что жъ! Не всѣмъ дано вытащить билетъ на двѣсти тысячъ, думала Вѣра, утѣшаясь мыслью о Парижѣ и

своемъ театрѣ, — кому что дано. Но я рада, я счастлива за Дмитрія".

Въ Москвѣ только что начинали съѣзжаться. Было начало сентября, но погода стояла лѣтняя.

Вѣра написала Горянинову въ деревню, что она будетъ въ Москвѣ проѣздомъ 4-го сентября и, что, если онъ хочетъ ее видѣть, она будетъ ему очень рада.

Билеты въ Парижъ были взяты, и Вѣра, ожидая завтрашняго поѣзда за границу, спокойно сидѣла въ номерѣ гостиницы, прочитывая новую пьесу Батайля, только что напечатанную въ „Illustration".

Почему-то она вдругъ вспомнила Мишу Головина, тогда онъ на свадьбѣ Дмитрія подошелъ къ ней въ церкви, грустно качая головой.

— Что такое? — спросила она его, не понимая.

— Другіе вмѣсто меня, — сказалъ онъ, выражая свое чувство.

Вѣра ничего не отвѣтила ему, но еще разъ подумала тогда, что она никакъ не могла бы любить его. Онъ былъ такъ румянъ, такъ спокоенъ; врядъ ли онъ переживалъ когда-нибудь какія-либо глубокія чувства, близкія къ страданіямъ...

Она знала теперь людей, истинно страдавшихъ. Въ сравненіи съ ними Миша былъ счастливый ребенокъ.

Стукъ въ дверь заставилъ Вѣру оторваться отъ чтенія и своихъ мыслей между строками пьесы.

— Войдите, — сказала она любезно.

Она ожидала увидать Горянинова, но къ ужасу своему узнала Слонимова... Онъ давно не писалъ ей. Она слышала про него, что онъ служилъ по-старому, что не женился, что попрежнему игралъ.

— Простите, —заговорилъ Слонимовъ, проведя рукой по краснымъ, налившимся кровью глазамъ. — Я узналъ, что вы здѣсь, и вотъ я тоже здѣсь въ Москвѣ по дѣлу и по иронiи судьбы въ той же гостиницѣ...

— Что вамъ угодно? — строго спросила Вѣра, вскочивъ со стула.

— Просто такъ, повидать по старой памяти, если позволишь, — продолжалъ онъ, дѣлая слащавое, такъ хорошо знакомое Вѣрѣ выраженіе лица въ минуты его нѣжностей, — я не кусаюсь, честное слово...

— Уходите! — гнѣвно крикнула Вѣра, видя, что онъ пьянъ...

— Уйти? — засмѣялся онъ, — не бойтесь я не кусаюсь... Знаменитая актриса! Да! Мнѣ жаль тебя, Вѣруня... Ты, вѣдь, одна... Ей Богу, — онъ еще сдѣлалъ шагъ впередъ.

Она такъ дико вскрикнула, что Марья Густавовна выбѣжала изъ спальни, и коридорный подбѣжалъ къ двери.

Слонимовъ повернулся и вышелъ, посмѣиваясь.

Вѣра подбѣжала къ двери и повернула за нимъ ключъ.

Потомъ схватилась за голову и въ истерикѣ бросилась на диванъ.

— Что ему нужно отъ меня? Что еще ему нужно? — повторяла Вѣра, сидя на диванѣ и обращаясь къ Марьѣ Густавовнѣ, — что мнѣ сдѣлать съ нимъ, чтобы это никогда больше не повторялось? Я прямо боюсь его; когда я вижу его, я начинаю дрожать; чувствую, что теряю всякое самообладаніе.

Долго она не могла успокоиться. Еще кто-то застучалъ въ дверь номера. Марья Густавовна подошла спросить, кто. Изъ коридора отвѣтилъ лакей:

— Князь Горяниновъ, — сказалъ онъ, — карточку передали и ждутъ на подъѣздѣ.

— Просить, — громко сказала Вѣра. Она встала и прошла въ другую комнату причесаться и обмыть горѣвшее лицо.

XXXV.

Черезъ минуту вошелъ Горяниновъ. Марья Густавовна встрѣтила его и попросила сѣсть. Но Вѣра уже выходила изъ спальни, протягивая князю руку. Она не улыбалась. Лицо ея было серьезно и почти строго.

Она думала:

„Горяниновъ чуткій, добрый человѣкъ. Онъ пойметъ меня, заступится за меня, если это будетъ нужно“.

— Что съ вами? — испуганно спросилъ князь, сейчасъ же замѣтивъ ея необычайное выраженіе, — можетъ быть, я не во-время? Въ такомъ случаѣ, ради Бога...

— Нѣтъ, напротивъ, милый князь, я страшно рада вамъ, — сказала Вѣра, пожимая его руку и не выпуская изъ своей, — со мной сейчасъ случилась очень тяжелая исторія. Господинъ Слонимовъ... Вы не знаете его?

— Не имѣю чести знать, — сказалъ Горяниновъ, хмуря свои густыя брови и поглаживая мягкую бороду.

— Былъ здѣсь, — продолжала Вѣра, — былъ у меня...

Онъ не въ трезвомъ видѣ... Онъ глумился надо мной... И вы можете себѣ представить, въ какое это меня привело настроеніе?

— Что ему нужно? — спросилъ мрачно Горяниновъ.

— Спросите его, — я не знаю, — сказала Вѣра, негодуя и волнуясь, но чувствуя, что ей становится легче въ присутствіи этого порядочнаго, твердаго человѣка.

— Надо какъ-нибудь внушить этому человѣку, — продолжала она, ломая руки, — что я ничего общаго не имѣю съ нимъ; чтобы онъ больше не смѣлъ мучить меня...

Горяниновъ вдругъ поблѣднѣлъ и сказалъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Позвольте мнѣ, Вѣра Васильевна, объяснить этому господину, какъ ему должно вести себя... Не безпокойтесь... Я постараюсь, чтобы васъ это дѣло совсѣмъ не коснулось.

— Ради Бога, не дѣлайте этого, — вскрикнула Вѣра, менѣе всего ожидая такого поворота дѣла, — ради Бога, умоляю васъ.

И она удержала его за руку.

— Этого нельзя такъ оставить, Вѣра Васильевна. И я не оставлю, ни за что на свѣтѣ.

— Можно и должно, — рѣшительно сказала Вѣра, чувствуя, что, если она допуститъ ихъ свиданіе, будетъ дуэль или во всякомъ случаѣ что-нибудь очень тяжелое.

— Завтра я уѣзжаю, — добавила она, — за границей онъ меня не тревожитъ... Постараюсь забыть прошедшее... и, можетъ быть, это никогда не повторится. Садитесь. Будемъ говорить о другомъ.

Но Горяниновъ былъ такъ взволнованъ, что не слушалъ ее и все стоялъ среди комнаты, хмурясь и опустя голову.

— Полно, полно вамъ, — продолжала Вѣра, — забудьте это. Я разсказала вамъ потому, что ужъ слишкомъ было страшно и неожиданно. Теперь легче... гораздо легче. Я такъ рада, что вы зашли... Значитъ, письмо мое получили?

— Получилъ...

Онъ точно соображалъ, рѣшалъ что-то самъ съ собой и понемногу успокаивался. Неохотно онъ сѣлъ въ кресло.

— Вы были все время у брата? Хорошо провели лѣто? — спросилъ онъ, озабоченный.

— Отлично. А теперь ѣду въ Динаръ, а тамъ опять за работу... Радуюсь этому очень.

Она хотѣла говорить съ нимъ, какъ всегда, весело и беззаботно, но разговоръ не налаживался, и оба чувствовали это. Князь сказалъ о себѣ, что онъ попадетъ въ Парижъ не раньше октября, что живется ему тяжело, потому что здоровье жены стало еще хуже и что на душѣ у него невыносимо тяжело.

— Конечно, — сказалъ онъ будто между прочимъ, — на свѣтѣ многіе въ тысячу разъ несчастнѣе меня, — но мнѣ лично кажется, что нѣтъ ужаснѣе положенія для мужчины, какъ имѣть неизлѣчимо больную жену. Это крестъ, за который надо многое прощать человѣку и который, клянусь вамъ, нести не легко.

Князь просидѣлъ у Вѣры недолго, потомъ, обѣщавъ проводить ее завтра на вокзалъ, простился съ ней и вышелъ изъ ея номера.

Въ прихожей у швейцара онъ справился, въ какомъ номерѣ остановился Слонимовъ. Ему указали. Сейчасъ же, не раздумывая, что изъ этого выйдетъ, онъ прошелъ въ тридцать восьмой номеръ въ третьемъ этажѣ. Когда Слонимовъ увидѣлъ передъ собой незнакомаго, прилично одѣтаго господина, онъ пріятно улыбнулся ему и принялъ очень любезный видъ.

— Честь имѣю представиться, — холодно сказалъ ему князь, входя въ комнату, — князь Горяниновъ

— Очень пріятно, очень пріятно, — продолжалъ оставаться крайне любезнымъ Слонимовъ, протягивая руку и все такъ же улыбаясь. Онъ былъ въ растегнутомъ военномъ сюртукѣ и туфляхъ. Вѣроятно, онъ только что лежалъ. Горяниновъ, не подавая руки, продолжалъ все тѣмъ же ровнымъ, диктующимъ голосомъ:

— Милостивый государь! Вы оскорбляете, приводите въ смятеніе, прямо, пугаете беззащитную женщину, вашу бывшую супругу, не имѣя на это никакихъ правъ. Такъ не поступаютъ порядочные люди...

— Милостивый государь! — пошло вскрикнулъ Слонимовъ и не зналъ, что говорить дальше.

— Я рѣшилъ зайти къ вамъ, — спокойно продолжалъ Горяниновъ, — и предложить вамъ навсегда прекратить подобное поведеніе. А если вы не пожелаете, прошу васъ... Я къ вашимъ услугамъ.

Князь положилъ свою карточку на столъ и сейчасъ же повернулся къ двери.

Слонимовъ, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на него и что-то мямлилъ, шамкая губами, не находя нужныхъ словъ, которыя собирался бросить ему вслѣдъ.

— Ве... Отли... Великолѣпно, превосходно, князь, — сказалъ онъ, наконецъ, наступая сзади, — я пришлю вамъ, ваше сіятельство, маленькую вѣсточку изъ Петербурга.

Горяинновъ, держа свою толстую палку въ рукѣ, остановился въ дверяхъ и, молча, покосился назадъ такимъ взглядомъ, что Слонимовъ замолчалъ и отошелъ на два шага въ сторону.

XXXVI.

Жизнь Дмитрія стала свѣтомъ, стала счастьемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился. Онъ любилъ Мэри такъ, какъ рѣдко любятъ люди. Онъ любилъ ее той любовью, которая грѣетъ не только любящихъ и любимыхъ, но грѣетъ все и всѣхъ вокругъ. Эта любовь сдѣлала его человѣкомъ. Онъ лелѣялъ ее, какъ сокровище, какъ единое свое сокровище, чувствуя, что только въ немъ онъ найдетъ спасеніе и, когда послѣ года испытанія, которое столько же Мэри, сколько онъ самъ, поставили себѣ, онъ вышелъ изъ него легко и радостно побѣдителемъ и любовь его расцвѣла въ пышный цвѣтокъ, имъ овладѣло такое никогда раньше не испытанное имъ сильное ощущеніе успокоенія и радости, что сразу, какъ это бываетъ послѣ жестокихъ несчастій, сама жизнь его раздѣлилась на двѣ совершенно не похожія одна на другую половины, — первая до Мэри, вторая съ ней.

Многіе женятся по любви и думаютъ, что эта любовь ихъ — настоящая. Часто позднѣе въ жизни они любятъ во второй и въ третій, — а нѣкоторые въ сотый разъ, и тогда говорятъ себѣ, что первая ихъ любовь была не любовь. Дмитрій ничего не думалъ о своей любви, онъ только ее ощущалъ въ себѣ, всегда и вездѣ, и зналъ, что, если бы у него не было ея, у него ничего бы не было.

Ему стоило только вспомнить Мэри, ея руки, любящіе глаза, бѣлые зубы, голосъ, плечи, лобъ, высказанную ею мысль, и у него сердце билось сильнѣе, онъ чувствовалъ, что теперь онъ сможетъ все, что захочетъ.

Прошлое, разъ навсегда, онъ вычеркнулъ и, когда оно мимолетно приходило ему на память, оно казалось ему уже не принадлежавшимъ ему, а чѣмъ-то чужимъ и далекимъ. Ему не надо было даже усилій, чтобы не думать о немъ.

Оно само уходило отъ него, какъ уходитъ изъ-подъ ногъ земля, когда поднимаешься съ нея на воздухъ.

Прошло чудное, рѣдкое по красотѣ лѣто. Дмитрій и Мэри уже три мѣсяца жили въ Карцовкѣ послѣ свадьбы. Вѣра уѣхала отъ нихъ, Миша навѣщалъ ихъ рѣдко, и только сосѣдъ, охотникъ Годневъ, иногда пріѣзжалъ къ нимъ. Годневъ разсказывалъ про старину, напѣвая старинные цыганскіе романсы, жаловался на хозяйство и мужиковъ и пилъ водку. Это былъ когда-то очень богатый помѣщикъ, когда-то блестящій гвардейскій офицеръ. Теперь у него отъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ осталось всего полтораста, и онъ самъ за старосту велъ свое небольшое хозяйство. Годневъ только что уѣхалъ послѣ ужина, и Дмитрій съ Мэри остались одни на балконѣ. Была теплая августовская ночь съ запоздавшими зарницами на южномъ небѣ. Съ поля пахло отсырѣвшей послѣ дождя соломой недавно скошенной ржи, а надъ головой было чистое, блѣдное небо, усѣянное звѣздами. Вдали шумѣлъ поѣздъ. Не хотѣлось уходить въ комнаты. Хотѣлось подняться къ чистому небу, гдѣ плыли бѣлыя облачка и сіяли міры безконечнаго.

Дмитрій, опершись головой на руку, смотрѣлъ передъ собой въ темный садъ; Мэри сидѣла подлѣ него и держала его другую руку въ своихъ. Они молчали, боясь нарушить красоту ночи. Дмитрій думалъ о женѣ, она думала о немъ.

Онъ думалъ о ея беременности, которая, по признакамъ, становилась несомнѣнной. Она думала о томъ, какъ онъ, женатый, будетъ переносить Петербургъ, куда они все-таки рѣшили переѣхать осенью. И обоимъ имъ казалось, что вмѣстѣ они перенесутъ легко всѣ трудности жизни и что труднаго не можетъ быть ничего, если они вотъ такъ всю жизнь будутъ вмѣстѣ, рука въ рукѣ, душа съ душой.

— Ну, что же? Надо когда-нибудь и спать, — первый сказалъ Дмитрій, — ты вѣрно устала...

— Нѣтъ-нѣтъ, — тутъ такъ хорошо.

И опять они долго молчали. Имъ ничего не нужно было, кромѣ того, что у нихъ было, что было въ ихъ сердцахъ и въ окружающей ихъ природѣ.

XXXVII.

Дуэль, состоявшаяся между Горяниновымъ и Слонимовымъ, была одна изъ тѣхъ современныхъ комедій, когда про-

тивники дѣлаютъ, какъ говорится, двѣ дыры въ воздухѣ и потомъ благополучно разъѣзжаются въ разныя стороны. Разыграна была комедія со всѣми формальностями на петербургскихъ островахъ, въ одно раннее сентябрьское утро.

Когда Горяниновъ, продѣлавъ всю эту глупость, которую счелъ себя нужнымъ продѣлать, ночью возвращался изъ Петербурга въ Москву въ отдѣльномъ купэ I класса, ему не спалось и было гадко на сердцѣ, какъ послѣ кутежа. Онъ думалъ о Слонимовѣ, думалъ о Вѣрѣ, потомъ о своей больной женѣ, и все это мѣшалось и чередовалось въ его головѣ съ такой быстротой и въ такой путаницѣ, что онъ чувствовалъ себя совершенно не въ силахъ въ чемъ-нибудь разобраться.

— Зачѣмъ, въ сущности, я, князь Горяниновъ, женатый человѣкъ, дрался на дуэли съ этимъ офицеромъ! — спрашивалъ онъ себя, — изъ-за чего? Изъ-за Слонимовой? Но что же она для меня, какъ не просто хорошая знакомая? Положимъ, она мнѣ нравится. Даже больше этого. Я дорожу отношеніями съ ней и много о ней думаю? Но, вѣдь, не могу же я развестись съ больной женой для того, чтобы на ней жениться? Къ чему же тогда вся эта тяжелая непріятность?

Онъ вспомнилъ, какъ Слонимовъ выстрѣлилъ въ воздухъ, и онъ сейчасъ же, вслѣдъ за нимъ, сдѣлалъ то же самое. Что-то глупое, оскорбительное было въ этихъ двухъ пустыхъ выстрѣлахъ и потомъ въ той поспѣшности, съ которой автомобили удирали отъ явившихся откуда-то городовыхъ. И Горяниновъ думалъ о томъ, что онъ на этой же недѣлѣ возьметъ заграничный паспортъ и уѣдетъ на всю зиму въ Saint Cloud.

Когда онъ утромъ въ Москвѣ переѣхалъ въ свой старинный особнякъ на Молчановкѣ и вошелъ въ пустыя комнаты, потомъ прошелъ къ себѣ и написалъ телеграмму женѣ, что вернется въ деревню со скорымъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что жизнь его до того нелѣпа, безсмысленна и безцѣльна, что, собственно, не за чѣмъ было бы жить, нечѣмъ было бы жить, если бы не было у него его скрипки и Парижа, гдѣ игру его цѣнятъ и любятъ, гдѣ у него есть „друзья“, гдѣ онъ принимаетъ знаменитостей и самъ играетъ нѣкоторую роль русскаго мецената. Онъ вспомнилъ молодого піаниста, которому помогъ, вспомнилъ русскаго художника, котораго поощрялъ, потомъ парижскіе вечера и завтраки съ поэтами

и музыкантами. Какъ бы ни было все это искусственно и немного чуждо ему, все же это было несравнимо съ тѣмъ, чѣмъ онъ жилъ здѣсь, въ Россіи. Въ деревнѣ его ждала не жизнь, а кладбище. Тамъ вѣчная больница съ докторами и сидѣлками вокругъ постели несчастной княгини. Тамъ мертвая тишина. Только съ докторомъ еще можно было выпить ликеръ послѣ кофе и поговорить. Княгиню лѣчили всѣ знаменитости Европы; онъ возилъ ее по всѣмъ курортамъ и странамъ міра; но она оставалась все тою же, — анемичной, слабой и безжизненной, безъ всякой надежды на выздоровленіе. Кромѣ слабой груди, у нея была анемія кишекъ и желудка, и послѣ того, какъ испробовали для нея все на свѣтѣ, было рѣшено безвыѣздно поселить ее въ звенигородскомъ имѣніи, гдѣ все-таки она чувствовала себя привычнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Съ безнадежной тоской въ сердцѣ, Горяниновъ въ сотый разъ въ жизни вспоминалъ о томъ, какъ онъ женился на Дражкѣ Запольской, въ то время, какъ сытая тройка сѣрыхъ въ покойной коляскѣ мчала его по большаку со станціи въ великолѣпное родовое имѣніе. Они сошлись съ Дражкой на музыкѣ. Она была маленькой піанисткой, училась тогда въ московской консерваторіи. Онъ только что кончилъ университетъ по математическому факультету. Сначала Дражка, какъ почему-то звали ее, хотя имя ея было Надежда, только нравилась Горянинову, онъ много игралъ съ ней вмѣстѣ. Потомъ она стала его любовницей. Наконецъ, когда она родила отъ него дѣвочку, онъ на ней женился по долгу чести благороднаго дворянина. Но болѣзненный ребенокъ умеръ году отъ рожденія, схвативъ дизентерію, и дѣтей больше не было. Они были женаты болѣе десяти лѣтъ.

На подъѣздѣ дома Горянинова встрѣтилъ докторъ Захаръ Семеновичъ Ивановъ. Это былъ сынъ священника, степенный, ловкій человѣкъ, дѣлавшій свою докторскую карьеру черезъ знакомство съ аристократическими домами Москвы. Онъ зналъ, какой будетъ первый вопросъ князя и, такъ какъ на этотъ разъ отвѣтъ былъ не совсѣмъ обыкновенный, онъ приготовилъ его заранѣе.

— Что новаго? — сейчасъ же спросилъ Горяниновъ, вбѣжавъ на каменную лѣстницу крыльца и протягивая доктору руку.

Захаръ Семеновичъ, придавъ лицу болѣе серьезное выраженіе, чѣмъ обыкновенно, тихо проговорилъ:

— Обострились боли кишечника подъ вліяніемъ небольшого душевнаго разстройства. Княгиня прочла въ газетѣ о какомъ-то поединкѣ въ Петербургѣ и рѣшила, что князь Г. — это вы!

Докторъ снисходительно улыбнулся, какъ бы говоря своей улыбкой;

„Чего же вы хотите отъ больной, нервной женщины?“

— Конечно, были употреблены всѣ мѣры для успокоенія больной, — продолжалъ онъ спокойно, — и пришлось вечеромъ слегка впрыснуть морфій. Сонъ былъ хорошій. Боли утихли. Сегодня большая слабость.

— Такъ, — сказалъ Горяниновъ, — я все это предвидѣлъ, когда увидалъ замѣтку въ газетѣ. Но почему же на всякой дуэли долженъ драться непремѣнно я? Вѣдь, это смѣшно! Опаснаго ничего?

— Абсолютно, — отвѣтилъ докторъ, — нуженъ покой и больше ничего.

Князь прошелъ къ женѣ. Она лежала въ гостиной на диванѣ, закинувъ блѣдную головку съ черными волосами далеко назадъ на бѣлой подушкѣ. Ея костлявыя, какъ у скелета, руки держали край газеты. Она увидѣла мужа и закрыла свои большіе, красивые глаза съ тонкими синеватыми вѣками. Горяниновъ подошелъ къ ней и положилъ руку на ея твердую холодную кисть.

— Тебѣ не хорошо сегодня? — спросилъ онъ, — что ты чувствуешь?

Онъ поднялъ ея руку и неохотно, насильно поцѣловалъ.

Она съ трудомъ повернула къ нему голову, открыла глаза и молча подала ему рукой газету, лежавшую на ея колѣняхъ.

— Ты? — спросила она и опять закрыла глаза.

Онъ, не сомнѣваясь, рѣшилъ лгать.

— Что? — удивился онъ, хмурясь.

— Ты дрался на дуэли? Изъ-за кого?

— На дуэли? — повторилъ онъ тѣмъ же тономъ изумленія.

Она вдругъ заметалась на диванѣ; лицо ея сморщилось, голова откинулась назадъ, и жалобные стоны раздались по комнатѣ.

— Опять, опять, начинаются эти ужасныя боли, — про-

стонала она, — ради Бога, позови ко мнѣ доктора... Ради Бога, еще морфія, морфія!

Доктора и сидѣлки сейчасъ же окружили ее... Положили припарки, дали глотокъ лѣкарства, накрыли еще теплѣе...

Горяниновъ сѣлъ подлѣ нея. Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она отняла ее и отвернулась отъ него къ стѣнѣ. Боли утихли, и она какъ будто забылась. Князь вышелъ изъ гостиной и прошелъ въ столовую, гдѣ ему и доктору былъ поданъ завтракъ.

Они молча сѣли и молча ѣли.

— Невыносимо, — вдругъ сказалъ Горяниновъ, — невыносимо то, что это безконечно, и нѣтъ надежды...

— И быть не можетъ, — поднимая брови, сказалъ Ивановъ.

Опять тяжелое молчаніе встало между ними, какъ стѣна.

XXXVIII.

Прошла еще зима. Въ эту зиму Дмитрій сдѣлался отцомъ и испыталъ чувство высшаго умиленія и радости, которое раньше ему было недоступно. Среди сутолоки пустой и безнравственной петербургской жизни, которая окружала его попрежнему, хотя онъ въ ней самъ больше не участвовалъ, онъ съ напряженною осторожностью оберегалъ свое семейное счастье и лелѣялъ его, какъ величайшее въ мірѣ сокровище.

Роды Мэри были очень легкіе. Правда, она жалобно стонала, судорожно сжимая пальцы Дмитрія, правда, она лежала разбитая, слабая послѣ того, какъ родился ребенокъ, упитанный, крупный мальчикъ, но она почти не страдала, какъ обыкновенно страдаетъ большинство матерей, и когда Дмитрій спрашивалъ доктора и акушерку, чѣмъ они объясняютъ это, они отвѣтили ему, что это объясняется исключительно здоровой женской натурой.

Онъ не вѣрилъ имъ и не хотѣлъ имъ возражать. Онъ одинъ догадывался, почему Мэри такъ легко перенесла роды и говорилъ себѣ: „Пусть они всѣ не придаютъ этому значенья, а я убѣжденъ въ томъ, что она такъ мало страдала только потому, что все время ея беременности я не жилъ съ ней, какъ съ женой.“

Онъ внутренно гордился этимъ, гордился своими чистыми отношеніями съ женой и еще разъ повторялъ себѣ: „Да, по-

тому, что высшій грѣхъ, высшее святотатство противъ природы — жить съ женщиной беременной и кормящей".

Еще цѣлый годъ испытанія былъ для него впереди, и онъ рѣшилъ до тѣхъ поръ, пока его мальчикъ не будетъ отнятъ отъ груди матери, не жить съ ней, какъ съ женой, не осквернять ее, не осквернять ея чистой крови, изъ которой выдѣляется природой чистое молоко для ребенка, единственное его питаніе.

Онъ относился къ Мэри, какъ къ сестрѣ, и въ этомъ отношеніи съ ней онъ находилъ неизсякаемый источникъ радости и истиннаго наслажденія. Онъ отдѣлилъ себѣ въ квартирѣ маленькую комнату для своей спальни, вставалъ рано, такъ же рано ложился и, когда вспоминалъ теперь свой прежній образъ жизни, никакъ не могъ, даже мысленно, перенестись въ него.

„Какъ просто, однако, — думалъ онъ теперь, — достигается разумное поведеніе. Встанешь рано и уже невольно ложишься рано, потому что вечеромъ спать хочется. Не пьешь вина и невольно не хочется такъ много курить, не хочется ничего вреднаго и неразумнаго. Одна мелкая хорошая вещь влечетъ за собой не одну, а цѣлый рядъ новыхъ еще лучше".

Одно мучило Дмитрія и мучило его больше всего, — это то, что жизнь кругомъ была все та же безумная, безобразная; все такъ же, казалось, царило вездѣ и во всѣхъ кругомъ какое-то глубокое напряженное неудовольствіе.

— Что это такое? — спрашивалъ себя Дмитрій, — откуда эта современная повышенная нервность людей, откуда эта суета, откуда столько гадости въ людяхъ, которые по природѣ своей все же хороши?

И онъ не могъ себѣ отвѣтить на эти вопросы, не зналъ, чѣмъ помочь общей бѣдѣ, которая, несомнѣнно, чувствовалась въ обществѣ и народѣ.

Вся жизнь свелась къ „стеклу," „антрациту," „цементу" и тому подобнымъ вещамъ. Весь міръ сошелъ съ ума на матеріи, и эта матеріализація жизни и людей, свершенно несвойственная имъ, душитъ и губитъ ихъ. Погоня за копейкой, за рублемъ, и милліонами — главная цѣль современнаго человѣчества и это не можетъ привести къ добру.

Дмитрій иногда задыхался въ Петербургѣ отъ отсутствія духовной и умственной пищи, которую онъ всюду тщетно

искалъ. Онъ случайно сошелся въ эту зиму съ трезвенниками, думалъ въ нихъ найти что-нибудь, могущее утолить его духовную жажду. Онъ познакомился съ ихъ главой, съ ихъ умнымъ братцемъ, который произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. Братецъ былъ по-своему человѣкъ искренній и вѣрующій... Онъ, несомнѣнно, хотѣлъ добра людямъ. Но въ немъ было слишкомъ много примѣси, чтобы добрыя сѣмена его могли всюду взойти безъ помѣхи, и эта примѣсь была чужда и непріятна Дмитрію. Его послѣдователи были лучше своимъ простымъ, наивнымъ отношеніемъ къ жизни, своими безхитростными, прямыми и честными взглядами.

Но они брали жизнь только съ одного конца, и это съуживало и умаляло ихъ. Конечно, съ какого-нибудь конца надо же когда-нибудь начинать обновленіе міра. Не все ли равно, съ какого? Хорошо было въ трезвенникахъ то, что они горѣли желаніемъ обновиться и обновлять другихъ, хотя бы прежде всего тѣмъ, что не пили спиртнаго.

Журналъ скоро надоѣлъ Дмитрію. Надоѣло ему, главнымъ образомъ, то, что Самаровъ велъ его пошло и бездарно, не давая почти возможности Дмитрію излагать въ немъ свои взгляды. Эти взгляды его все больше и больше расходились съ несложнымъ міросозерцаніемъ Самарова, которое заключалось въ томъ, что на свѣтѣ главное — деньги. Онъ стремился нажить эти деньги, такъ или иначе и во что бы то ни стало, и поэтому вся литературно-издательская дѣятельность его была направлена къ одной этой цѣли.

Въ одинъ февральскій вечеръ Дмитрій окончательно разошелся со своимъ товарищемъ и навсегда предоставилъ ему одному вести журналъ, принявшій самый низменный характеръ современнаго злободневнаго еженедѣльника съ рискованными объявленіями, съ дамскими модами и даже объявленіями о коньякѣ Шустова. Самарову все это было не только не противно, а, напротивъ, очень пріятно, потому что журналъ начиналъ давать доходъ, Дмитрію же это было невыносимо.

Въ мартѣ такимъ образомъ Дмитрій почувствовалъ себя опять безъ обязательнаго дѣла, и это тяготило его еще больше, чѣмъ прежде. Онъ выдумалъ себѣ новое занятіе — писать. Каждое утро онъ садился въ своемъ кабинетѣ и сначала писалъ замѣтки для себя и для газетъ, а потомъ началъ повѣсть, которая такъ увлекла его, что онъ весь отдался ей и только ею жилъ.

Мэри неожиданно приняла въ новомъ занятіи мужа горячее участіе и стала каждый вечеръ переписывать ему все, что онъ успѣвалъ написать за день. Она не только переписывала, но давала всегда мѣткіе совѣты, съ необыкновенной чуткостью понимая все, что хотѣлъ сказать Дмитрій. Съ этой общей новой работой они уѣхали въ маѣ въ деревню, полные силъ и энергіи, довольные своей жизнью больше, чѣмъ когда-либо. Центромъ этой жизни былъ прекрасный ребенокъ... Душой ея былъ разумный трудъ, которому они отдались съ увлеченіемъ и упорствомъ. Въ деревнѣ Дмитрій наслаждался тѣмъ, что былъ далекъ отъ городской порочной, суетной жизни, и только газеты разстраивали его внутренній покой. Въ одной московской газетѣ въ это лѣто писались только одни ужасы, точно въ Россіи, кромѣ пожаровъ, убійствъ, эпидемій и всякихъ страданій не было ничего.

XXXIX.

— Знаешь ужасную новость? — сказалъ Дмитрій, входя утромъ съ газетой въ рукахъ въ столовую, гдѣ Мэри уже сидѣла за кофе.

— Что? — испуганно спросила она.

— Убитъ сербскимъ анархистомъ австрійскій наслѣдникъ престола.

И онъ сталъ читать телеграфное сообщеніе.

Съ этого дня газетныя извѣстія пошли все хуже и хуже до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе, что Германія объявила войну Россіи.

Дмитрій и Мэри были глубоко взволнованы. Всѣмъ стало ясно, что начались въ исторіи великія міровыя событія. За Россіей, Германія объявила войну Франціи, за Франціей должна была пойти Англія, и, такимъ образомъ, вся Европа должна была постепенно втянуться въ кровавую борьбу. Начиналась та страшная драма, которой боялось человѣчество, загорался тотъ ужасный пожаръ, о послѣдствіяхъ котораго догадываться и судить невозможно. Дмитрій сейчасъ же рѣшилъ, что онъ, какъ всѣ, тоже пойдетъ на войну, но такъ какъ, по близорукости своей, онъ былъ записанъ въ ополченіе, онъ рѣшилъ поѣхать на войну съ Краснымъ Крестомъ.

Но гдѣ же Вѣра? Что она дѣлаетъ? Можетъ ли она вернуться въ Россію изъ Франціи, гдѣ она проводитъ лѣто на берегу моря?

Сейчасъ же забота о сестрѣ стала мучить Дмитрія, и онъ послалъ ей нѣсколько срочныхъ телеграммъ. Дня четыре не было отъ нея ни слова. Наконецъ пришла телеграмма изъ Англіи, куда Вѣра перебралась сейчасъ же по объявленіи войны и откуда собиралась добраться въ Россію черезъ Норвегію и Швецію. Въ газетахъ писали ужасы о русскихъ путешественникахъ въ Германіи, и Дмитрій радовался, что сестра избѣжала ихъ участи. То, что ежедневно писали въ газетахъ, было такъ невѣроятно, такъ неожиданно и ужасно, что, когда вечеромъ Мэри прочитывала послѣдній номеръ „Русскаго Слова“, она грустно опускала голову и долго сосредоточенно молчала.

— Гдѣ мы живемъ? — спрашивала она глубоко печально, — что это такое? Сонъ или дѣйствительность? Что съ ними? Они потеряли образъ человѣческій! Неужели все это такъ близко отъ насъ, гдѣ-то въ разстояніи всего только двухъ сутокъ переѣзда? А что еще будетъ?

Въ эти минуты Дмитрій, глядя на жену, чувствовалъ ея думу, какъ свою, и любилъ ее еще сильнѣе. А когда она потомъ брала на руки своего ребенка и давала ему мягкую нѣжную грудь, и мальчикъ безмятежно прилипалъ къ этой груди и крошечной ручкой упирался въ нее, закрывая глаза отъ наслажденія, Дмитрій не могъ представить себѣ, что тамъ на нашихъ границахъ, уже раздается ревъ пушекъ, что тамъ скоро тысячи, можетъ быть, сотни тысячъ людей будутъ обливаться кровью въ предсмертныхъ страданіяхъ, убитые такими же, какъ они, людьми. Всѣхъ этихъ людей точно такъ же вскормили грудью нѣжныя матери, у всѣхъ этихъ людей, убиваемыхъ и убивающихъ, такія же крошечныя дѣти у грудей любимыхъ женъ, какъ мой мальчикъ у груди Мэри.

Дмитрій искалъ объясненія, хотѣлъ понять, узнать, откуда и почему поднялась всеразрушающая буря, но объясненія не находилъ и чувствовалъ, что онъ не хотѣлъ, не могъ теперь спокойно разсуждать объ этомъ. Война! Начиналась страшная всемірная, тяжелая для Россіи война, и надо было теперь не разсуждать, а какъ-нибудь принять въ ней участіе.

Когда онъ сказалъ женѣ, что завтра ѣдетъ въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы его взяли въ Красный Крестъ уполномоченнымъ, Мэри молча разрыдалась. Она не вѣрила тому, что онъ пойдетъ, и, когда поняла, что рѣшеніе его было твердо, послѣдняя надежда удержать его подлѣ себя у нея исчезла.

Она не стала противорѣчить и только сказала сквозь слезы:

— Если бы не Митя, я бы, конечно, поѣхала съ тобой, а теперь я прикована.

— И слава Богу, — сказалъ Дмитрій.

— Можетъ быть, — сказала она тихо и сейчасъ же сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы успокоиться.

Всѣ теперь кругомъ уходили на войну, уходили запасные изъ деревни, уходили со дворни, уходили служащіе со станціи, уходилъ даже эстонецъ управляющій. Было неестественно, стыдно и тяжело оставаться дома. Дмитрій сейчасъ же почувствовалъ это, и Мэри чувствовала съ нимъ то же самое, несмотря на тяжесть предстоящей разлуки.

Неожиданно прилетѣлъ въ Карцовку Миша Головинъ, такой возбужденный и взволнованный, что нельзя было узнать въ немъ прежняго тихаго и спокойнаго человѣка. Онъ объявилъ, что идетъ въ дѣйствующую армію, въ свой же кавалерійскій гвардейскій полкъ и онъ не онъ, если побѣдоносно не въѣдетъ впереди своего эскадрона, сперва въ Галицію, а тамъ и въ Берлинъ. Онъ ругалъ нѣмцевъ самыми отборными словами, предрекалъ имъ полную гибель и былъ воодушевленъ такъ, какъ никогда прежде. Дмитрій съ улыбкой слушалъ его и молча одобрялъ. Они рѣшили въ тотъ же вечеръ ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ, такъ какъ обоимъ имъ надо было попасть туда возможно скорѣе.

Поѣздъ былъ переполненъ пассажирами. Стояли на площадкахъ вагоновъ, въ коридорахъ и даже въ уборныхъ. Въ вагонѣ-ресторанѣ обѣдали въ четыре смѣны. Кругомъ царило необычайное возбужденіе, и газеты на станціяхъ хватались съ боя. Въ Петербургѣ настроеніе было замѣтно спокойнѣе. Въ Красномъ Крестѣ Дмитрій устроился, наконецъ, въ качествѣ уполномоченнаго съ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Струковымъ, и ему обѣщали, что черезъ недѣлю отрядъ ихъ выѣдетъ въ Варшаву. Тѣмъ временемъ Струковъ, проработавшій въ Красномъ Крестѣ и всю японскую войну, просилъ Дмитрія снаряжаться, давъ ему нѣсколько практическихъ совѣтовъ.

Въ тѣ дни Петербургъ представлялъ собою сплошной военный лагерь. На Марсовомъ полѣ стояли тысячи солдатъ и лошадей. Во всѣхъ столичныхъ казармахъ, на всѣхъ площадяхъ было то же самое, — шла мобилизація. Дмитрій,

быстро собравшись, не могъ дождаться отъѣзда и скучалъ, живя въ Петербургѣ, во-первыхъ, по своимъ, во-вторыхъ по деревнѣ. Онъ не могъ забыть Мэри, такой, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, когда она стояла вся бѣлая въ концѣ темной аллеи и долго махала ему платкомъ. Онъ все время думалъ о ней, безпокоился о ней, какъ она будетъ жить безъ него одна въ Карцовкѣ. Ее звала къ себѣ въ Зыково Софья Алексѣевна, но Мэри ни за что не хотѣла оставить своего гнѣзда. Софья Алексѣевна не хотѣла переѣзжать въ Карцовку, говоря, что ей скоро умереть, что она хочетъ умереть дома. Это удивило и даже разсердило Дмитрія; но онъ зналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего эгоистичнѣе стариковъ, и поэтомуоставилъ тещу въ покоѣ. Одна надежда у него была на Вѣру. Если бы Вѣра вернулась на этихъ дняхъ, до его отъѣзда въ Варшаву, онъ попросилъ бы ее остаться съ Мэри въ деревнѣ, и она навѣрное бы для него это сдѣлала. Тѣмъ болѣе, что для нея самой трудно было найти что-нибудь удобнѣе. Вернувшись домой поздно вечеромъ послѣ суетливо проведеннаго дня въ городѣ, Дмитрій былъ удивленъ, увидѣвъ свѣтъ въ гостиной и кабинетѣ.

— Что это? — спросилъ онъ Григорія, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ, — кто-нибудь пріѣхалъ?

— Вѣра Васильевна.

Дмитрій бросился въ комнаты и сейчасъ же увидѣлъ Вѣру, лежавшую неподвижно на диванѣ. Онъ подошелъ къ ней. Она вдругъ очнулась и быстро вскочила на ноги. Во всей фигурѣ ея, въ платьѣ, въ манерахъ была сразу видна парижанка.

— Боже мой, — сказала она, обнимая Дмитрія, — ты не повѣришь, чего я наслушалась и наглядѣлась. Спасибо, что меня проводилъ князь Горяниновъ, а то бы не знаю, какъ доѣхала. Знаешь, я съ нимъ очень дружу.

— Что-нибудь серьезное? — спросилъ Дмитрій.

— Можетъ быть. Но во всякомъ случаѣ только послѣ войны.

Дмитрій сказалъ ей, что онъ ѣдетъ съ Краснымъ Крестомъ въ Варшаву, и сейчасъ же спросилъ, что она собирается дѣлать.

— Иду въ сестры, — рѣшительно отвѣтила Вѣра, — иду въ сестры и сейчасъ же начинаю въ Москвѣ слушать

земскіе курсы. Горяниновъ будетъ тамъ завѣдывать Краснымъ Крестомъ.

— А сцена?

— Сцена пока заброшена. Не до нея. Надо идти туда со всѣми, работать, работать.

Онъ понялъ, что приглашать ее въ Карцовку жить съ Мэри было безполезно.

— Ну, а въ Парижѣ что? — спросилъ онъ еще.

— Въ Парижѣ? — сказала Вѣра, качнувъ головой, какъ это дѣлаютъ французы, — тамъ съ ума сошли! Такой взрывъ патріотизма и такая ненависть къ нѣмцамъ, что, я думаю, имъ придется плохо.

— Ты думаешь? — спросилъ Дмитрій, — дай Богъ! Одного патріотизма мало. Нужны пушки.

— Пушки найдутся, кромѣ Россіи, Англія, Японія, можетъ быть, Италія, Румынія, Бельгія, Сербія, Черногорія. Вѣдь, весь міръ теперь ополчится противъ этихъ вандаловъ, и тогда посмотримъ, что они скажутъ!

Вѣра, повидимому, еще офранцузилась, и ея горячность поразила Дмитрія. Сразу повѣяло на него быстро воспламеняющимся французскимъ нравомъ. Вѣра, очевидно, была вся еще заражена парижскимъ настроеніемъ послѣднихъ дней. Кто въ наше время подскажетъ будущее? Жизнь развертывается съ такой стремительностью, съ такимъ напряженіемъ и съ такими неожиданностями, какихъ нѣтъ и не можетъ быть ни въ одной самой завлекательной книгѣ міра.

Дмитрій горячо интересовался этой войной, какъ всѣ, и чувствовалъ, что этотъ интересъ настолько силенъ въ немъ, что даже Мэри и ея ребенокъ, самое дорогое въ его жизни, — центръ и счастье ея, — отходили на задній планъ, когда онъ представлялъ себѣ всѣ эти тысячи и сотни тысячъ русскихъ людей тамъ, на поляхъ битвъ, шедшихъ проливать кровь за Россію. Они шли не только отстаивать свое, наше лучшее русское, нашу русскую народную душу, но шли уничтожать чужое, что-то мѣшавшее жизни этой души, что-то несправедливое и дурное.

Ему не хотѣлось разумомъ своимъ вѣрить въ это потому, что не хотѣлось вѣрить въ то, что одни люди лучше другихъ, но въ то время, какъ разумъ говорилъ ему, что не можетъ, не должно быть внутренняго раздѣленія людей на лучшихъ и худшихъ, чувство подсказывало, что это раздѣ-

леніе есть и, что только изъ-за этого раздѣленія возникла эта страшная міровая война.

Но виноваты ли одни нѣмцы, одни ли они хуже другихъ? Или въ этихъ другихъ людяхъ тоже есть дурные и хорошіе? Или, наконецъ, виноваты всѣ? Какъ разобраться въ этихъ вопросахъ? Дмитрій чувствовалъ, что все еще онъ не могъ разобраться въ нихъ и нужно ему было теперь только одно, — скорѣе, скорѣй ѣхать туда, ближе къ самой войнѣ, чтобы видѣть и понять ее, принять въ ней то человѣческое участіе, которое было ему доступно и не противорѣчило его внутреннимъ стремленіямъ.

XL.

Послѣ двухъ сутокъ пути, съ длинными стоянками на станціяхъ и прямо въ полѣ, отрядъ уполномоченнаго Струкова наконецъ добрался до Варшавы. Вся Польша была уже наводнена русскими войсками и каждый день ждали первыхъ столкновеній съ нѣмцами.

Дмитрій и его товарищи поселились въ одномъ большомъ варшавскомъ женскомъ институтѣ, гдѣ развернулся большой краснокрестный госпиталь.

Первые дни раненыхъ не было. Но не успѣли еще хорошенько устроиться, какъ пришло извѣстіе о большомъ кровопролитномъ сраженіи, послѣ котораго тысячи раненыхъ были направлены въ Варшаву. Въ первый разъ въ жизни Дмитрій увидѣлъ теперь на вокзалѣ желѣзной дороги цѣлыя толпы солдатъ, прямо съ поля сраженія.

Онъ бы не могъ представить себѣ раньше лицъ, выраженій, настроеній этихъ людей. Въ нихъ было многое, чего нельзя было ожидать, было странное спокойствіе, была необычайная покорность судьбѣ, въ нѣкоторыхъ было все еще не угасшее возбужденіе послѣ боя; но преобладали въ нихъ страшная подавленность и равнодушіе къ окружающему. Это равнодушіе происходило, можетъ быть, отъ сверхчеловѣческой усталости и страданій, можетъ быть, отъ угнетеннаго состоянія духа въ прямомъ смыслѣ, то-есть отъ того, что духовная сторона ихъ жизни за все это время была подавлена. Первыя минуты послѣ того, какъ подошелъ къ платформѣ громадный товарный поѣздъ съ ранеными и они стали постепенно выходить въ громадный пакгаузъ и наполнять его сплошной сѣрой толпой, Дмитрій не могъ отдѣлаться отъ чувства ужаса

и смятенія. Ему хотѣлось скорѣй-скорѣй помочь всѣмъ этимъ окровавленнымъ людямъ, съ изуродованными руками, ногами, животами, и, такъ какъ сдѣлать это сразу и скоро было невозможно, чувство отчаянія невольно просыпалось въ душѣ. Правда, всѣ раненые были перевязаны, всѣ они получили первую помощь; но съ тѣхъ поръ прошло два дня; многія повязки слѣзли, насквозь пропитались кровью, и, конечно, нужно было передѣлывать ихъ.

Докторъ и сестры всѣ были заняты работой. Дамы польскаго мѣстнаго „обывательскаго комитета“ бѣгали по пакгаузу, кто съ чаемъ, кто съ хлѣбомъ, кто съ папиросами, угощая раненыхъ. Многіе, голодные, съ жадностью брались за ѣду и питье, нѣкоторые, болѣе тяжело раненые, отказывались отъ всего.

У дверей пакгауза какая-то сестра, нагнувшись, кормила съ ложки тяжело раненаго солдатика, лежавшаго на спинѣ на кровати. Лицо этой сестры показалось Дмитрію давно знакомымъ. Онъ приглядѣлся и сейчасъ же узналъ въ немъ когда-то такое близкое, дорогое ему лицо Ольги. Она была все такой же красивой, свѣжей, только легкія пухлыя складки образовались надъ углами рта. Она узнала его и только кивнула ему головой. Занятый, онъ улыбнулся ей и прошелъ дальше.

Всю ночь съ утра оставался Дмитрій на станціи, участвуя въ разсылкѣ раненыхъ по госпиталямъ, въ организаціи и для будущаго времени ихъ пріема на станціи. Нужно было раздѣлить пакгаузъ на разныя части. Въ одной рѣшено было класть тяжело раненыхъ, въ другой готовили перевязочный пунктъ, въ третьей устраивали питательный пунктъ.

Только, когда солнце уже взошло высоко, Дмитрій вышелъ изъ пакгауза съ тѣмъ, чтобы ѣхать домой. При выходѣ на улицу, онъ опять увидѣлъ Ольгу. Онъ предложилъ ей подвезти ее на автомобилѣ до города. Она охотно согласилась.

— Вотъ, гдѣ нынче всѣ встрѣчаются, — сказала она, когда они уже мчались по мосту черезъ Вислу, — что вы скажете насчетъ всего этого? Я скажу, что ничего подобнаго я никогда не ожидала увидѣть. Это ужасъ, ужасъ что такое. Зачѣмъ это? Куда мы будемъ класть всѣхъ этихъ несчастныхъ?

— Мѣста найдутся...

— Какія раны! Какъ они терпѣливы!

— Да, поразительно!

Онъ спросилъ ее, давно ли она здѣсь и гдѣ.

— Я только что пріѣхала и хочу работать хоть гдѣ-нибудь, — сказала Ольга, — я, вѣдь, только-что вышла замужъ за офицера, который сражается здѣсь на прусской границѣ, и просто не могла, не могла усидѣть дома.

— За кого вышли? — спросилъ Дмитрій.

— За графа Баршевскаго, — отвѣтила Ольга, — онъ полякъ.

Они разстались въ городѣ, условившись увидѣться какъ-нибудь на-дняхъ, когда имъ будетъ обоимъ свободнѣе.

XLI.

Нѣсколько дней подъ рядъ приходили поѣзда съ ранеными, и Дмитрію не было времени вздохнуть. Всѣ госпитали въ городѣ были переполнены. Были заняты подъ нихъ многія самыя большія общественныя учрежденія.

Но очень скоро потокъ раненыхъ прекратился, и послѣ него долго въ городъ приходили только маленькія партіи ихъ, такъ какъ крупные бои перебросились съ прусской границы на австрійскую, гдѣ наши войска побѣдоносно шли впередъ. Теперь не въ Варшавѣ, а въ Люблинѣ произошло то же, что вначалѣ было въ Варшавѣ, и тамъ тоже сразу навезли столько раненыхъ, что въ госпиталяхъ заполнили всѣ свободныя мѣста. Кромѣ того, по нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ въ сутки отправлялось оттуда внутрь Россіи. Во время одной изъ поѣздокъ Дмитрій узналъ въ Луковѣ, что подъ Красникомъ былъ убитъ Слонимовъ. Онъ мало пожалѣлъ его и невольно подумалъ: „Можетъ быть, онъ этимъ искупилъ свою негодную жизнь“.

Время шло быстро. Уже два мѣсяца, какъ Дмитрій оставилъ Петербургъ. За это время Петербургъ былъ переименованъ въ Петроградъ. Въ Петроградѣ и другихъ городахъ Россіи была запрещена водка и азартная игра въ карты, хотя всѣ продолжали играть. За это время геройски дралась Бельгія, за это время армія Ренненкампфа успѣла сдѣлать набѣгъ на Восточную Пруссію и снова отойти къ Гродно. За это время войска Иванова и Рузскаго успѣли взять Львовъ. Дмитрій недавно узналъ также, что Миша Головинъ вмѣстѣ съ русскими войсками въѣхалъ побѣдителемъ во Львовъ.

Дмитрія поражало количество нашихъ солдатъ въ тылу. Всюду были солдаты, а санитаровъ было столько при лазаретахъ, что онъ въ шутку говорилъ товарищамъ: „Дайте мнѣ крушовскихъ пушекъ и всѣхъ нашихъ санитаровъ, — я возьму съ ними Берлинъ!“ Однажды Дмитрій посѣтилъ госпиталь, въ которомъ лежали тяжело раненые, исключительно австрійцы и нѣмцы.

Посѣщеніе это было для Дмитрія поворотной точкой въ его взглядахъ, не только на войну, но на жизнь вообще. Умиравшіе на чужбинѣ, искалѣченные, одинокіе, наши противники были до такой степени жалки, что нельзя было не чувствовать къ нимъ того человѣческаго чувства состраданія, которое забываетъ различіе національности, забываетъ всякую вражду.

Эти люди думали, говорили о своихъ семьяхъ, тепло благодарили за малѣйшее вниманіе.

Какіе же это были враги . . . . . .

Этотъ вопросъ невольно во всей своей наготѣ стоялъ надъ кроватями этихъ несчастныхъ и требовалъ отвѣта. Дмитрій чувствовалъ, что отвѣтъ былъ одинъ, и отвѣтъ этотъ былъ такой: „Война безуміе, война противъ природы, противъ природы духа и сердца человѣка“.

Сколько бы мы ни разсуждали, мы никогда не сможемъ забыть то, о чемъ кричитъ сердце.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ вернулся Дмитрій домой и долго не могъ спать въ эту ночь.

Какъ же быть? Что же дѣлать? Чему же служить на свѣтѣ? . . . . . Чему же такому служить, что можетъ дать постоянную внутреннюю радость? Можно служить только одному, если ты человѣкъ разумный, сердечный, духовный.

Можно служить только единенію, согласію людей, тому, чтобы въ будущемъ не повторялись такіе ужасы, какъ война, чтобы добрые, хорошіе люди не шли убивать другъ друга.

Говорили вездѣ о нѣмецкихъ звѣрствахъ.

Можетъ быть, и даже навѣрное, звѣрства эти есть, были и будутъ.

Но развѣ звѣри эти несчастные нѣмцы, лежащіе въ госпиталѣ, съ жалкой улыбкой на безкровныхъ губахъ, нѣкоторые агонизирующіе, другіе страдающіе невыносимо?

Развѣ звѣрь тотъ бѣдный австріецъ, который со слезами на глазахъ говорилъ о своей женѣ и шести дѣтяхъ?

Что ему нужно? Ему нужно только одно, чтобы не тревожили его въ его деревнѣ, въ его домикѣ, на его скромной трудовой пашнѣ.

И Дмитрій додумался въ эту ночь до той старой, какъ міръ, истины, что цѣль жизни, единственная достойная каждаго живого человѣка, а не звѣря, — служеніе единенію и согласію человѣчества, такъ или иначе. Эта мысль показалась ему настолько ясной и вѣрной, что онъ рѣшилъ, что и для себя онъ поставитъ ее теперь во главу угла.

Успокоенный на этихъ мысляхъ, онъ заснулъ только въ девять часовъ утра, когда санитаръ вошелъ въ его комнату, и разсказалъ, что сегодня утромъ леталъ надъ Варшавой, въ первый разъ съ начала войны, германскій цепелинъ и что его подстрѣлили.

„Вотъ, начинается,“ — подумалъ Дмитрій, вспомнивъ свои ночныя мысли. Цепелинъ, какъ добавилъ санитаръ, сбросилъ бомбы, которыми нѣсколько человѣкъ въ городѣ убито.

XLII.

Въ этотъ же день Дмитрій получилъ телеграмму отъ Вѣры изъ Москвы, въ которой она писала, что неожиданно заболѣла воспаленіемъ легкихъ Мэри, и, что она выѣзжаетъ къ ней въ Карцовку. Дмитрій сейчасъ же объявилъ Струкову, что онъ долженъ ѣхать домой, и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Варшавы на Москву.

Онъ не спалъ всю дорогу и только думалъ о женѣ и ребенкѣ. „Какъ могла она простудиться? Что будетъ теперь съ ихъ груднымъ мальчикомъ?“

Совершенно измученный нервно и физически, онъ пріѣхалъ въ Карцовку. Мэри горѣла въ сильномъ жару, но еще была въ сознаніи. Ребенка перевели на бутылочки. Вѣра, Марья Густавовна, знакомый старикъ докторъ изъ города и Софья Алексѣевна были въ домѣ.

Уже пятый день обнаружилось воспаленіе обоихъ легкихъ, которое Мэри схватила послѣ ванны, и теперь дня черезъ три-четыре ждали кризиса.

Когда Мэри узнала мужа, она такъ взволновалась, такъ обрадовалась, что у всѣхъ присутствующихъ невольно навернулись слезы. Она обняла Дмитрія обѣими руками, при-

влекла къ себѣ и вся затряслась отъ глухихъ рыданій. Потомъ, немного успокоившись, она проговорила быстро-быстро, не находя словъ и выраженій, путаясь, смѣясь и плача:

— Милый, милый мой. Ты уѣхалъ.... Я такъ безпокоилась о тебѣ... Писемъ не было, ничего не было... Я выходила часто на воздухъ, душно было, невозможно... Я забыла, что брала ванну... Выбѣжала навстрѣчу Ивану. Онъ ѣздилъ за почтой, простояла на крыльцѣ... Ну, и простудилась... Но это ничего-ничего. Теперь все пройдетъ...

Это волненіе отняло у нея силы, и жаръ къ вечеру усилился. Она начала бредить. Она бредила все о войнѣ и повторяла испуганно:

— Вонъ они, вонъ они! Зачѣмъ они сюда? Прогоните ихъ! Не хочу, не хочу, не хочу. — И опять она тихо стонала.

Прошло томительныхъ, безконечныхъ для Дмитрія три дня. Кризисъ приближался. Жаръ все время держался выше сорока. Ни лѣкарства, ни компрессы, ни ледъ на голову, ничего не помогало.

И вотъ тихо, безъ страданій, на восьмой день послѣ начала болѣзни Мэри незамѣтно переставала дышать.

Въ комнатѣ были Софья Алексѣевна, Вѣра и докторъ.

Дмитрій молча сидѣлъ у изголовья жены и держалъ ея слабую руку.

Когда Вѣра смотрѣла въ его лицо, ужасъ сжималъ ея сердце.

Она знала, что никто такъ не любилъ, какъ онъ, и именно ему Богъ посылалъ такое страшное испытаніе.

Дыханіе Мэри затихло.

Дмитрій оставилъ ея руку, которая безсильно упала рядомъ съ ней на широкой кровати. Онъ безучастно взглянулъ Вѣрѣ въ глаза, всталъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Мэри лежала неподвижно, и улыбка засіяла на ея чистомъ, красивомъ лицѣ.

„Неужели? Неужели все кончено?“ въ ужасѣ подумала Вѣра и вышла за братомъ, боясь, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ надъ собой.

Но онъ только прошелъ въ столовую и сѣлъ къ столу.

— Вотъ, — сказалъ онъ, страннымъ взглядомъ глядя въ окно, — теперь попробуй жить! Скажи мнѣ: за что это?

— Не знаю, — тихо отвѣтила Вѣра.

— А я знаю, за что, — со страннымъ выраженіемъ глазъ сказалъ Дмитрій, — за то, что жизнь наша не жизнь, за то, что всѣ мы не люди, не люди, не люди!

И вдругъ судорожныя рыданія сжали его горло, и онъ бросился ничкомъ на столъ.

— А тамъ, тамъ что дѣлается, — еще простоналъ онъ, задыхаясь.

Потомъ онъ вскочилъ и быстро подошелъ къ открытой двери въ комнату, гдѣ лежала Мэри.

— Мэри! Мэри! — закричалъ онъ громко на весь домъ такъ, что всѣ, слышавшіе этотъ крикъ, содрогнулись.

Тишина, гробовая тишина была ему отвѣтомъ.

Только улыбка, сіявшая на мертвомъ счастливомъ лицѣ, говорила ему: „Успокойся, мнѣ хорошо“. Онъ чувствовалъ, что ноги его подкашиваются. Онъ еще разъ прошелъ въ столовую, потомъ опять вернулся къ двери и неожиданно, поднимая руки, въ дикомъ отчаяніи, онъ еще закричалъ:

— Не можетъ быть! Не можетъ быть! Мы проснемся! Придетъ время! Оно идетъ!

Вѣра съ ужасомъ слѣдила за нимъ и боялась за его разсудокъ. Но она чувствовала то же, что и онъ чувствовалъ, и понимала нить его мыслей.

Она не выдержала и бросилась къ нему, утѣшая.

Онъ взялъ ея руки въ свои и, глядя ей прямо и близко въ лицо широко открытыми, выпуклыми глазами, проговорилъ тонкимъ, жуткимъ и въ то же время нѣжнымъ голосомъ:

— Правда, Вѣра? Любви нѣтъ въ людяхъ? Любви... Во всѣхъ, всѣхъ людяхъ и ко всѣмъ... Послушай, вѣдь, мы ненавидимъ зло и грѣхъ! Да? Правда? Какъ же намъ жить въ нихъ?!

Глаза его налились, заволоклись густыми слезами.

— Надо всѣхъ, всѣхъ любить, и они должны любить насъ, и мы должны любить ихъ женъ и дѣтей, и они нашихъ... И всѣ всѣхъ должны любить... И потому я плачу, потому что хочу этого, и это будетъ, будетъ потому, что всѣ мы хотимъ этого и вотъ вмѣсто этого... Мэри, моя Мэри! Моя дорогая, милая, драгоцѣнная жена... Это случайность! Можетъ быть . . . . . .

. . . . . Зачѣмъ это? . . . . . .

. . . . . О, Боже мой! Боже мой! Я не могу больше... О, если бы я могъ тоже уйти...

Онъ закрылъ лицо руками, откинулъ голову назадъ и такъ сталъ ходить по комнатѣ.

Вѣра рыдала, обливаясь слезами, и слезы капали-капали изъ ея глазъ и мочили и жгли ея щеки.

Гр. Л. Л. Толстой.

Конецъ.

УЛЫБКА.

Въ первый разъ я увидѣлъ ее утромъ.

Солнце дерзко ворвалось въ только что открытое окно и заиграло на бѣлыхъ стѣнахъ палаты.

Сразу стало свѣтло, когда она вошла.

„Еще дама-патронесса, — подумалъ я, — и, вѣроятно, очень важная: докторъ такъ почтительно изгибается".

Я торопливо осмотрѣлся, все ли у меня кругомъ въ порядкѣ. Мои сосѣди сдѣлали то же самое. Поспѣшно вошла сестра и стала поправлять наши подушки.

Дама подошла ко мнѣ первому, положила на мое одѣяло пучокъ цвѣтовъ и протянула мнѣ руку.

— Здравствуйте! Какъ вы себя чувствуете теперь?

Она спросила это такъ, точно уже видѣла меня раньше.

— Спасибо, хорошо, очень хорошо, — говорю и чувствую, что смущаюсь; какъ-то неловко лежать въ постели раздѣтымъ, когда около тебя стоитъ такая нарядная дама.

Я неуклюже беру ея руку и слабо жму красивые пальцы, на которыхъ много колецъ.

— Вы любите цвѣты? Вотъ эти вамъ нравятся? Я нарочно привезла такихъ, почти безъ запаха, чтобы вамъ не повредило. Отъ слабости можетъ закружиться голова.

— Да, благодарю васъ. Какіе чудесные цвѣты! Вы слишкомъ любезны, — бормочу я и беру обѣими руками весь пучокъ.

Докторъ приходитъ мнѣ на помощь.

— Ротмистръ теперь совсѣмъ молодецъ, — говоритъ онъ и обращается ко мнѣ: — А недѣлю тому назадъ, когда княгиня была у насъ въ госпиталѣ, вы цѣлыми днями спали. Теперь-то ужъ вы, надѣюсь, не будете такой соней.

— Нѣтъ-нѣтъ, уже довольно. Я выспался.

Я смотрю на княгиню. Она улыбается. Я встрѣчаюсь съ ней глазами, боюсь, что опять покраснѣю, но у меня не хватаетъ силъ отвести свои глаза въ сторону. Какъ она улыбается! Я никогда не видѣлъ такой улыбки.

И въ первый разъ за весь длинный рядъ тяжелыхъ, безнадежно-печальныхъ дней въ душѣ у меня появляется смутная радость.

Княгиня отошла, поговорила съ моими сосѣдями, кивнула головой сестрѣ и вышла вмѣстѣ съ докторомъ.

— Очень красива и, должно быть, чертовски богата, — сказалъ мой сосѣдъ — усатый поручикъ, когда закрылась дверь. — Вы не знаете, кто это?

— Не знаю. Мнѣ ни къ чему, такъ я и не спрашивала, — отвѣтила сестра.

— Вечеромъ у доктора спросимъ, — пробасилъ изъ угла штабсъ-капитанъ, которому отрубили одно ухо.

Я молчалъ. Я точно боялся спугнуть то странное ощущеніе радости, которое все еще не покидало меня. Откуда оно такъ внезапно появилось?

* * *

Я лежалъ въ лазаретѣ давно, съ параличемъ ногъ послѣ контузіи. Какъ медленно тянулось время и какъ не похоже было все теперешнее на то, что было раньше. А то, что было раньше, походило на кинематографъ — такъ необычно быстро мчались тогда событія.

Докторъ ошибался, когда говорилъ, что я постоянно спалъ. Я спалъ только первые дни отъ слабости, а затѣмъ я лежалъ цѣлыми днями, отвернувшись къ стѣнѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и выискивалъ средство, чтобы покончить съ собой.

Я никогда и не думалъ прежде, что человѣкъ можетъ испытывать такую тоску, впасть въ такое отчаяніе. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что ноги мои не поправятся и ходить я не буду никогда, а жить такимъ инвалидомъ я не могу.

Пріѣзжалъ ко мнѣ нашъ дивизіонный командиръ, говорилъ, что я представленъ къ ордену. Пріѣзжали дамы, привозили цвѣты, болтали, старались развлечь насъ. Сестры приносили газеты, читали о нашихъ успѣхахъ на войнѣ. А мнѣ все было такъ безразлично, такъ неинтересно. Моя тоска не проходила. Одинъ разъ я даже попросилъ доктора дать мнѣ яду, а когда онъ засмѣялся въ отвѣтъ, я почувствовалъ къ нему ненависть. Я и сестеръ возненавидѣлъ, такъ какъ

сталъ замѣчать, что онѣ слѣдятъ за мной и не оставляютъ меня безъ надзора ни на минуту.

И вотъ я увидѣлъ княгиню.

Ночью послѣ ея визита я въ первый разъ спалъ безъ кошмаровъ. Меня не кололи нѣмцы, я не падалъ въ ямы, вырытыя снарядами, мнѣ не мерещилась моя шашка, съ которой капаетъ кровь зарубленнаго мною нѣмецкаго офицера. Я видѣлъ во снѣ княгиню, ея черные волосы, такъ красиво причесанные, ея глаза и ея улыбку.

Она стала пріѣзжать къ намъ раза по два, по три въ недѣлю, привозила цвѣты, говорила о войнѣ и улыбалась. Я уже зналъ, кто она, и отъ этого смущался еще больше. Мнѣ — захолустному гусарскому ротмистру — не случалось раньше даже видѣть такихъ важныхъ дамъ.

Сначала она оставалась въ нашей палатѣ недолго: всего нѣсколько минутъ, даже не садилась. Потомъ начала оставаться дольше, вѣроятно, привыкла къ намъ.

Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, около чьей постели она сядетъ. И почти всегда она садилась возлѣ меня, быть можетъ, потому, что я былъ ближе всѣхъ къ двери, Если она уходила къ поручику, или безухому капитану съ его забинтованной головой, я начиналъ испытывать безпокойство и раздраженіе. Сначала я самъ не понималъ, что это значитъ. Потомъ понялъ, что просто ревную. Ревную къ нимъ ея улыбку, которой не вижу.

Я научился отличать гудокъ ея автомобиля, и этотъ гудокъ казался мнѣ особенно красивымъ. Самого автомобиля я не видалъ, потому что не могъ подойти къ окошку, но я былъ увѣренъ, что и автомобиль у нея особенный, лучшій въ мірѣ. Особеннымъ былъ и ея выѣздной лакей, который иногда мелькалъ въ коридорѣ, когда отворяли дверь. И она сама вся была особенная со своими духами, со своими кольцами, со своей походкой, своимъ англійскимъ акцентомъ. И держала она себя такъ гордо и въ то же время такъ просто. А главное — она улыбалась. Гдѣ она научилась такъу лыбаться? Въ этой улыбкѣ было столько радости, столько ласки, свѣта и какого-то непонятнаго очарованія.

„Какая прекрасная душа должна быть у нея и какъ прекрасна ея жизнь, если она такъ улыбается“, — думалъ я иногда.

— Чертовски хороша! — говорилъ про нее усатый поручикъ.

— А вы знаете, что у нея замужняя дочь, у вашей роскошной княгини!.. — бубнилъ изъ угла безухій капитанъ.

Я молчалъ. Я никогда ничего о ней не говорилъ и ничего не спрашивалъ. То, что зналъ, узналъ случайно отъ нихъ же. Но я думалъ о ней постоянно и жилъ въ очарованіи ея улыбки.

Одинъ разъ она спросила меня:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Уже тридцать, — отвѣтилъ я.

— Уже? А развѣ это такъ много?

Я покраснѣлъ. Я постоянно краснѣлъ при ней, и это она замѣчала, потому что смотрѣла на меня молча и улыбалась.

— Вы женаты? — спросила она въ другой разъ.

— Нѣтъ... — я замялся и вдругъ брякнулъ для самого себя неожиданно: — Я за всю мою жизнь никогда никого не любилъ.

Мы были вдвоемъ въ палатѣ. Усатый поручикъ ушелъ на прогулку, а капитана увели на перевязку. При нихъ я, конечно, не сказалъ бы этого.

— Если мужчина никого не любилъ, это значитъ, что его слишкомъ любили и баловали женщины. — Княгиня произнесла эту фразу очень тихо, посмотрѣла на меня пристально и не улыбнулась.

Не знаю, какъ это вышло, но я коснулся рукой ея руки, и словно что-то промелькнуло между нами. Она вдругъ стала такъ близка мнѣ — эта женщина, такая далекая, такая непонятная. И опять, не сознавая хорошенько, что̀ я дѣлаю, я потянулъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ ея тонкіе, душистые пальцы.

Въ эту минуту открылась дверь. Она быстро встала. Я сказалъ:

— Спасибо вамъ за ваше вниманіе ко мнѣ.

Вошелъ капитанъ.

Княгиня повернулась къ нему, поздоровалась съ нимъ и вышла.

Капитанъ подошелъ къ моему столику.

— Эге, да какихъ она вамъ конфектъ привезла! Ужъ не влюбилась ли она въ васъ чего добраго. А?

Я молчалъ. Я еще чувствовалъ на губахъ прикосновеніе ея нѣжныхъ пальцевъ, и мнѣ не было никакого дѣла до его пошлостей.

— Съѣсть можно конфетку? А? Ротмистръ, ваше высокоблагородіе?

— Ѣшьте! — отвѣтилъ я.

Подъ окнами загудѣлъ княгининъ автомобиль. Значитъ, она уѣзжаетъ, она не захотѣла пойти въ другія палаты.

Я лежу, крѣпко зажмурившись, и думаю о ней.

Мы такъ чужды другъ другу. У насъ такія разныя жизни. Вотъ она сейчасъ поѣхала къ себѣ, домой. Она, конечно, не можетъ жить въ простомъ домѣ: она живетъ во дворцѣ, въ прекрасномъ бѣломъ дворцѣ съ колоннами, съ башнями, съ большими окнами, выходящими въ садъ, который окруженъ золотой рѣшеткой. Она поѣхала къ своему мужу, къ своимъ дѣтямъ. Она всегда съ ними, она ласкаетъ, она ихъ любитъ. И я ихъ не знаю. Я не знаю ея гордой души, и она не знаетъ моей. Она никогда не придетъ въ мою холостецкую квартиру въ маленькомъ кавказскомъ городишкѣ. И я никогда не скажу ей, что не жалѣю о своихъ израненныхъ ногахъ и что больше не стану просить у доктора яду.

Когда я увидѣлъ княгиню черезъ два дня послѣ этого, меня даже въ жаръ бросило: какъ я осмѣлился, лежа въ постели, такой трепаный и лохматый, въ одной рубашкѣ, поцѣловать ея руку? Я, быть можетъ, даже укололъ ее своимъ небритымъ подбородкомъ. И она, конечно, потомъ смѣялась надо мной, разсказывала обо всемъ этомъ своему мужу. Фу, какъ глупо!

Я не рѣшался на нее взглянуть. Но она, поздоровавшись съ моими сосѣдями, сѣла возлѣ моей постели, пожала мнѣ руку и заговорила такъ же привѣтливо, какъ и раньше.

— Слушайте, Владимиръ Львовичъ! Я вчера видѣла вашего полкового командира. Онъ прямо чудеса разсказываетъ о вашей храбрости. Васъ послушать, такъ вы ничего не дѣлали, только солдатъ своихъ жалѣли, что они голодные. А онъ говоритъ, что вамъ не одного, а трехъ Георгіевъ надо дать. Совсѣмъ необычайная для гусара скромность.

Она улыбнулась. Мнѣ показалось, что у меня крылья выросли, и я поднимаюсь надъ кроватью.

— Храбрость, это вѣдь очень растяжимое понятіе. Если я иду воевать, я или долженъ дѣлать то, зачѣмъ пришелъ, или прятаться. Я не прятался... Я думаю, что я только исполнялъ свой долгъ.

— Хорошо, хорошо. Спорить я съ вами не стану. А, знаете, вчера, когда вашъ генералъ разсказывалъ, въ какомъ

видѣ васъ привезли къ нему раненаго, я чуть не расплакалась. Слушать не могла!...

Я смущался отъ ея похвалъ, а она смѣялась надо мною и шутила. Она была такая веселая въ этотъ день.

Когда она уѣхала, я долго не могъ успокоиться. Вспоминалъ всѣ ея фразы, особенно ту, гдѣ она говорила, что изъ-за меня чуть не заплакала. И я мысленно говорилъ ей:

— Милая, милая, если бы я зналъ васъ раньше, до войны, я сдѣлалъ бы несравненно больше, потому что ждалъ бы тогда вашей улыбки себѣ въ награду.

* * *

Прошелъ мѣсяцъ. Я уже ходилъ безъ посторонней помощи. Докторъ восторгался моимъ состояніемъ, все приписывалъ своему искусству и повсюду хвастался мною.

— Вы мнѣ карьеру обезпечили, — сказалъ онъ мнѣ въ минуту откровенности. — Я вамъ этого вѣкъ не забуду. Вѣдь профессоръ и тотъ увѣрялъ, что безъ ампутаціи не обойдемся. А вотъ обошлись.

Я слушалъ его, прыгая на своемъ костылѣ, и думалъ о княгинѣ. Она въ то время была въ имѣніи, гдѣ у ея дочери родился сынъ, — ея первый внукъ. Это сообщилъ мнѣ передъ своимъ отъѣздомъ на позиціи безухій капитанъ.

— Теперь все будутъ мальчишки рождаться, потому, что война, — сказалъ онъ, сдѣлалъ серьезное лицо и прибавилъ: — А я все же думаю, что она съ охотой отказалась бы отъ внука — наша очаровательная княгиня. Кому охота быть бабушкой, особенно если на видъ имѣешь двадцать пять лѣтъ. А? Вы какъ думаете, ротмистръ?

И онъ глупо захохоталъ.

Я хотѣлъ ему отвѣтить, что онъ дуракъ, но ограничился тѣмъ, что подумалъ это.

Къ возвращенію княгини я уже бросилъ опротивѣвшій мнѣ халатъ. И, ожидая ее, я каждый день брился и подолгу сидѣлъ за своей прической передъ зеркаломъ. Благодаря доктору, у меня была теперь отдѣльная маленькая комната. Я зналъ, что скоро мнѣ придется выходить изъ лазарета, въ сущности, я уже долженъ былъ бы и теперь выйти и освободить свое мѣсто для другого. Но я не могъ уѣхать и не увидѣть ее еще разъ. И я нарочно оттягивалъ свой отъѣздъ, говоря доктору, что у меня безсонница, и жалуясь на боли, которыхъ не было.

И вотъ мы опять увидѣлись. Опять подъ окнами загудѣлъ ея автомобиль, опять захлопали внизу двери. У меня заколотилось сердце. Но она не сразу вошла ко мнѣ: должно быть навѣщала другихъ больныхъ. Я ждалъ около часу. Всегда ее вводилъ докторъ, но на этотъ разъ она вошла одна; вошла своей легкой походкой — высокая и гордая. Я всталъ и, схвативъ костыль, пошелъ ей навстрѣчу. Всякій разъ, здороваясь съ ней, я боялся покраснѣть, и краснѣлъ какъ мальчишка. И теперь, когда я впервые встрѣчалъ ее на ногахъ, не какъ больной, я опять покраснѣлъ и низко наклонилъ голову, цѣлуя ея руку.

— Здравствуйте, милый герой! Какъ я рада, что вы уже ходите. Докторъ говоритъ, что скоро вы будете ходить безъ костыля. — Она замѣтила бѣлый крестикъ на моемъ кителѣ и крѣпче сжала мнѣ руку. — Получили уже?

Какая-то перемѣна произошла съ ней за это время, что мы не видѣлись. Ея лицо точно осунулось и похудѣло, и выраженіе было иное мнѣ не знакомое. И она вдругъ отвела глаза, встрѣтившись съ моимъ, быть можетъ, слишкомъ восторженнымъ взглядомъ.

Что это было? Неужели ее смутилъ мой взглядъ? Вѣдь, она такъ умѣла владѣть собой, закованная въ броню своего аристократизма и свѣткости.

Я еще разъ поцѣловалъ ея руку.

— Что же вы дѣлали безъ меня? Ваши товарищи поправились и уѣхали? Не захотѣли дождаться своей старой сестры-утѣшительницы.

Она уже спряталась въ свою броню и говорила это такимъ простымъ тономъ. А на словѣ „старой“ она, какъ мнѣ показалось, сдѣлала удареніе и улыбнулась.

У меня закружилась голова. Все забыть, все бросить, отдать ей всю жизнь и въ награду получать каждый день одну ея улыбку... Какое это было бы счастье!

Мы сѣли. Она — на мое плетеное кресло, я — на табуретку. Я кое-какъ справился съ собой, отвѣчалъ ей, самъ разсказывалъ, стараясь въ смѣшномъ видѣ изобразить отъѣздъ усатаго поручика и капитана.

Она разспрашивала меня, куда я поѣду и что буду дѣлать.

Но что-то словно стояло между нами, какая-то стѣнка, которой не было раньше. И, когда она встала, чтобы уйти, я понялъ, что больше она не придетъ.

— Сдѣлайте мнѣ одно одолженіе, — сказалъ я, — сни-

митесь и пришлите мнѣ фотографію. Здѣшній докторъ знаетъ мой адресъ.

— Зачѣмъ же мнѣ сниматься? У меня много разныхъ фотографій. Я съ удовольствіемъ пришлю вамъ.

Я покачалъ головой.

— Мнѣ не надо тѣхъ, которыя вы давали другимъ. Снимите для меня вашу улыбку.

— Какая фантазія! Почему улыбку?

— Потому что ни одна женщина на свѣтѣ не умѣетъ такъ улыбаться, какъ вы. Не уже ли вамъ никто никогда этого не говорилъ?

— Никто...

Она протянула мнѣ руку, и ея лицо, на которомъ почти не было морщинокъ, залилось яркой краской, и глаза странно блеснули.

— Хорошо, я пришлю вамъ такую фотографію. Я снимусь для васъ.

Я поймалъ ея взглядъ.

Сколько времени это длилось? Минуту или часъ? Не все ли равно. Для меня это была цѣлая жизнь, потому, что это было счастье.

Я, должно быть, покачнулся на своемъ костылѣ, потому что она поддержала меня за локоть и невольно прижалась ко мнѣ.

— Вотъ видите, какой вы еще слабый! Вамъ надо скорѣе на свѣжій воздухъ, въ деревню.

Я оперся больной ногой о табуретку, кинулъ костыль и обнялъ ее. Такъ близко было ея милое лицо, и темные завитки волосъ, и длинныя рѣсницы полу-закрытыхъ глазъ.

Я поцѣловалъ ее въ губы.

Я не знаю, какъ я осмѣлился сдѣлать это, но я это сдѣлалъ. Я сломалъ стѣнку, стоявшую между нами, зная, что на мѣстѣ этой стѣнки вырастетъ высокая стѣна.

Она поблѣднѣла и медленно отодвинулась. Мнѣ показалось, что она хотѣла что-то сказать, но она ничего не сказала. Передо мной стояла та самая закованная въ броню княгиня, которую я видѣлъ въ первые дни нашего знакомства.

Я низко склонился передъ ней и сказалъ:

— Прощайте!

Она молча повернулась и подошла къ двери. Но тутъ остановилась, посмотрѣла на меня долгимъ, печальнымъ взглядомъ и улыбнулась мнѣ, — я зналъ это, — въ послѣдній разъ.

В. Карачарова.

ДЕДА.

Въ мѣстечко прибыла партія новобранцевъ съ Кавказа. Это были странные люди: черные, какъ цыгане, бородатые, народъ все рослый, здоровый, стройный; страшно было смотрѣть, какъ дико сверкали они бѣлками своихъ черныхъ глазъ и лопотали что-то промежъ себя страннымъ, непонятнымъ языкомъ. Всѣ они были оборваны, въ тряпьѣ и лохмотьяхъ, у нѣкоторыхъ вмѣсто шапокъ головы были повязаны грязными тряпками или платками; не у всѣхъ и сапоги были, — большая часть ихъ шла въ рваныхъ туфляхъ на босу ногу или поверхъ рваныхъ портянокъ.

Не удивительно, что за толпою этихъ новобранцевъ, шедшихъ съ вокзала черезъ мѣстечко къ волости, шла еще бо́льшая толпа любопытныхъ, преимущественно женщинъ, дѣтей и подростковъ, разинувъ рты на такое невиданное зрѣлище.

У волости всѣ остановились, и кое-кто изъ любопытныхъ отважился подойти къ этимъ чужакамъ и спросить:

— Звідкіля вы? Скудова? — прибавляли они, стараясь съ чужими людьми говорить „по-руському“.

Нѣкоторые изъ этихъ чужихъ, должно быть, болѣе бывалые и понимавшіе по-русски, отвѣчали:

— Кавказъ... Грузынъ...

— Изъ Кавказа, грузины, — поясняли своимъ спрашивавшіе.

— Ополченцы? — спрашивали далѣе.

— Ополченъ.

— Вотъ оно что! Это, значитъ, и ихъ, какъ и нашихъ, берутъ, — разсуждали люди, — Господи милостивый! Сколько этого народу, какъ въ пропасть, идетъ и, конца-краю этому не видно...

— И чудной же народъ какой! — удивлялась какая-то молодая женщина.

— Всякаго народа на свѣтѣ много, — объяснилъ ей какой-то старый мѣщанинъ. — Они для себя не чудны, все равно, какъ мы для себя. Можетъ, они вотъ смотрятъ на насъ и промежъ себя по-своему говорятъ, что мы чудные.

— А такъ-такъ, — соглашался кое-кто. — Къ примѣру какъ бы вотъ...

Но въ это время на крыльцо волостного правленія вышелъ офицеръ, за нимъ нѣсколько солдатъ и стражниковъ и сталъ онъ выкликать по бумагѣ этихъ ополченцевъ, да все такія чудныя имена, что и повторить никакъ нельзя, а они откликались, каждый, кому очередь пришла. А послѣ переклички офицеръ скомандовалъ:

— Разводи по квартирамъ!

И повели ихъ тремя партіями по тремъ улицамъ въ село по крестьянскимъ дворамъ на постой.

* * *

Передъ вечеромъ того же дня на Зарѣчьѣ, баба Варвара, стоя у воротъ своего двора, жаловалась сосѣдкѣ, вытирая рукавомъ слезы.

— И поставили мнѣ этого азіата, а что мнѣ, бѣдной, дѣлать съ нимъ?.. Дѣти перепугались, попрятались... Вдова вѣдь я, сына взяли въ солдаты еще въ прошломъ году, — развѣ по закону это такая повинность? Пусть бы уже тѣмъ ставили, гдѣ хозяинъ есть, хоть плохонькій... И что мнѣ съ нимъ дѣлать? Хоть сама изъ хаты бѣги, дѣтей забравши!.. А куда уйдешь, если ихъ вездѣ полно?.. Да и достатки мои не такіе, чтобы еще чужого кормить.

— Нѣтъ, тетка, кормить ихъ казна будетъ, — отвѣтила сосѣдка. — У Даниловой кузни строятъ имъ кухню. Я и сама такъ думала, да вотъ староста проходилъ и говорилъ, чтобы не бунтовались люди. Недолго, говоритъ, и стоять здѣсь будутъ они: послѣ Покрова дальше пойдутъ.

Баба Варвара недовѣрчиво покачала головой.

— Кто его знаетъ, серденько, правда ли этому? Говорили вѣдь, что война только три мѣсяца будетъ, а развѣ уже не второй годъ идетъ? А вотъ слыхать: въ Кіевѣ объявили, что семь лѣтъ война будетъ.

— Богъ его знаетъ! — вздохнула и сосѣдка. — А намъ троихъ поставили... Куда ихъ дѣвать при нашей тѣсно тѣ?..

У васъ только двѣ дѣвки да ты, а у насъ и своихъ полна хата. Будь бы это лѣтомъ, такъ и на сѣновалѣ, и на гумнѣ ночевать не бѣда; а тутъ вѣдь вотъ Покровъ черезъ недѣлю... Холода!

— Покаралъ насъ Богъ и весь міръ крещеный съ нами.

— А они, тетка, нашей вѣры, — молвила сосѣдка. — Мимо церкви шли — всѣ крестились, какъ и мы.

— Нашей вѣры? — удивилась тетка Варвара. — А я думала, не турецкой ли

— Да какъ же турецкой, когда у насъ и съ турками война идетъ.

— Нашей вѣры! — повторила Варвара. — А голытьба-то какая! Хоть бы у одного сундучекъ какой былъ или мѣшокъ, или хоть узелокъ какой-нибудь!.. Голенькіе вѣдь! Съежится въ рваномъ кафтанишкѣ, безъ шапки, чуть не босой... Ну и народъ же, несчастный какой-то!

— Еще хуже насъ живутъ люди на свѣтѣ, — сказала сосѣдка.

— Куда хуже.

— И какъ съ ними говорить станешь? Вѣдь ни слова не разберешь, когда они промежъ себя говорятъ. А спросишь его о чемъ, такъ онъ тебѣ на все: „Харашо!“ Одно только слово и знаютъ.

Къ бабѣ Варварѣ подошла младшая дочь ея, Параска, дѣвочка лѣтъ десяти.

— Мамо! Пойдемъ въ хату... Холодно!

— Иди, дѣтка, я сейчасъ.

— Я боюсь, мамо: тамъ „тотъ“ сидитъ!

— А Мотря гдѣ?

— На огородѣ, картошку копаетъ.

— Зови ее, всѣ вмѣстѣ пойдемъ. Пора и печь топить.

Въ хату пошли онѣ втроемъ, всѣ вмѣстѣ: смѣлѣе какъ-то, безопаснѣе, — хоть крику будетъ больше въ случаѣ чего... люди услышатъ, помощь будетъ.

„Тотъ“ сидѣлъ на лавкѣ у окна, поставивъ локоть на подоконникъ, подперъ щеку рукою и смотрѣлъ въ окно. Черный онъ былъ, какъ цыганъ, голова и небольшая черная борода всклочены, худой, какъ щепка, высокій: головою сволока касался, когда встанетъ, да грустный такой, унылый, будто похоронилъ только что кого-то родного. Кафтанишко на немъ старый, на локтяхъ продранный, штаны рваные, на

босыхъ, худыхъ ногахъ дырявые башмаки, веревочками повязанные.

Когда Варвара скрипнула дверью, входя въ хату съ дочками, „тотъ“ повернулся къ ней, кивнулъ головою и опять отвернулся къ окну.

— Вы, дѣти, не бойтесь: они нашей вѣры, — успокаивала дѣвушекъ Варвара. — Принеси, Мотря, хворосту печь затопить.

Мотря вышла во дворъ. Баба Варвара приготовляла посуду, а Параска чистила картофель.

Вдругъ „тотъ“ быстро всталъ со скамьи и поспѣшно вышелъ изъ хаты, согнувшись въ дверяхъ почти вдвое, чтобы не задѣть головою за притолку.

— Куда это онъ? — удивилась Варвара и бросилась къ окну.

На дворѣ Мотря рубила топоромъ толстую дубовую вѣтку. „Тотъ“ подошелъ къ ней и взялъ у нея изъ рукъ топоръ. Мотря отшатнулась въ испугѣ назадъ. А „тотъ“ сталъ рубить хворостъ, да такъ, что гулъ пошелъ на весь дворъ: дюжій былъ человѣкъ, узловатый, — даромъ что худой.

Мотря стояла въ сторонкѣ, смотрѣла нѣкоторое время на „азіата“, потомъ сгребла охапку нарубленнаго хвороста и пошла въ хату.

— А я-то испугалась было, когда онъ у меня топоръ изъ рукъ взялъ! Даже ноги у меня задрожали! Думала, хватитъ по головѣ топоромъ!

— Да за что жъ бы онъ тебя по головѣ топоромъ? — даже съ сердцемъ сказала мать. — Вѣдь они крещеные. А бѣдность-то какая, видишь? Какъ нищіе, все равно. У нихъ бѣда еще хуже, чѣмъ у насъ.

Дѣвушки смотрѣли въ окно.

— Какъ рубитъ! Сила-то какая! Пожалуй, какъ Омелько Кузнецовъ.

— Еще и покрѣпче Омелька будетъ.

Варвара возилась у печи.

— Мамо! Сгребъ хворостъ и несетъ въ хату! — вскрикнула Параска.

— Ну такъ что же?

Вошелъ „азіатъ“ и сбросилъ подъ печь большую охапку хворосту.

— Спасибо! — ласково кивнула ему головою Варвара.

— Харашо! — отвѣтилъ онъ, тоже кивнулъ головою,

сѣлъ на прежнее мѣсто на лавку и вытеръ съ лица потъ рукавомъ.

„Вотъ такъ и Микола мой, — думала себѣ Варвара, — можетъ, кому-нибудь помогаетъ въ чужомъ краю... Охочій онъ былъ всякому помочь... А можетъ, уже нѣтъ его на свѣтѣ?“

И она тяжело вздохнула. Вздохнулъ и „тотъ“ и опять задумался, печально глядя вдаль, подперевъ щеку здоровеннымъ своимъ кулакомъ.

Грустно стало всѣмъ; и чужакъ этотъ будто ничего себѣ человѣкъ, а какъ съ нимъ поговорить? Тоскуетъ онъ, — вѣдь кто его знаетъ: можетъ, дома у себя оставилъ мать, сестеръ, какъ нашъ Микола, а можетъ, и жену, дѣтей?... Какъ его разспросить? Какимъ языкомъ заговорить, чтобы утѣшить, развеселить?

Сваривъ кулишъ съ картошкою, Варвара заправила его саломъ и лукомъ, вылила въ большую миску и поставила на столъ.

„Азіатъ“ отодвинулся по лавкѣ дальше отъ стола.

— Видите, дѣти, какой вѣжливый, — сказала Варвара. — Нарѣжь, Мотря, хлѣба!

А сама достала изъ посудника новую ложку, вытерла ее полотенцемъ, подала „азіату“ и пригласила его къ столу.

— Ты ужъ повечеряй съ нами чѣмъ хата богата!

„Азіатъ“ улыбнулся Варварѣ и покачалъ головою.

— Харашо!

— Ну садись уже съ нами, харашо, — улыбнулась Варвара, а за нею и дѣвушки.

Сѣли всѣ къ столу. „Азіатъ“ ѣлъ очень мало; еще не опорожнили и половину миски, а онъ уже положилъ ложку, кивнулъ головою и опять свое:

— Харашо!

— Да ты ѣшь еще! — приглашала Варвара.

Но онъ не хотѣлъ; взялъ кусокъ хлѣба и жуетъ себѣ помаленьку, безъ кулиша.

— Можетъ, не по немъ ѣда? — сказала Мотря. — Можетъ быть, у нихъ такого кулиша не ѣдятъ?

— А кто жъ его знаетъ?

— А можетъ, съ дороги усталъ или нездоровъ?

— Можетъ и то, — сказала мать. — Простудился, должно быть, безъ одежи теплой. Вѣдь кашляетъ-то какъ!

„Азіатъ“ дѣйствительно нѣсколько разъ сильно зака-

шлялся тяжелымъ, гулкимъ кашлемъ, будто молотомъ билъ по порожней бочкѣ.

Варвара сняла съ жерди толстое рядно, сложила его вдоль вчетверо и постелила „азіату“ на лавкѣ; подъ голову дала ему старую Миколову куртку, а накрыться Миколовою же свиткою.

— Ложись, отдохни, — пригласила она непрошеннаго гостя. — И мы вотъ уберемся, — тоже спать ляжемъ.

— Харашо! — кивнулъ тотъ головою. — Харашо, деда! — прибавилъ онъ.

— Что оно такое: „деда“? — недоумѣвала Мотря.

— Деда... — онъ показалъ на бабу Варвару, потомъ махнулъ рукою куда-то вдаль и опять сказалъ: „дуда“ и указалъ себѣ на грудь и погладилъ себя рукою по головѣ.

— Вотъ и разбери его! То ли мать, то ли жена по-ихнему?

„Азіатъ“ показалъ сперва на Параску, потомъ на бабу Варвару и сказалъ: „деда“; потомъ указалъ на Мотрю и опять на бабу Варвару и опять сказалъ: „деда“.

— Мать! — поняли сразу всѣ.

— Это онъ васъ мамою называетъ, мамо! — воскликнули въ одинъ голосъ дѣвушки.

У бабы Варвары слезы навернулись на глаза.

— Ну, ложись уже, ложись спать! — привѣтливо сказала она, кивая головой „азіату“. — А вы, дѣти, убирайте посуду и тоже ложитесь.

Вскорѣ всѣ улеглись: баба Варвара съ Параскою на кровати, Мотря въ „запічку“, а „азіатъ“ на лавкѣ.

Ночью „азіатъ“ нѣсколько разъ сильно и долго кашлялъ своимъ бухающимъ, какъ изъ бочки, кашлемъ и вставалъ къ ведру пить воду.

Баба Варвара встала утромъ, когда еще темно было; дѣвушки еще спали, спалъ и „тотъ“, свернувшись калачемъ на лавкѣ и накрывшись съ головою Миколовою свиткою.

Баба вышла во дворъ. Рѣзкій холодный вѣтеръ съ густымъ туманомъ пронизывалъ насквозь, и не было возможности закутаться, укрыться отъ него. Зайдя въ хлѣвъ, чтобы дать корму коровѣ, баба услыхала, что скрипнула дверь изъ хаты: то вышелъ „азіатъ“, скорчившись въ своемъ рваномъ кафтанишкѣ, безъ шапки, въ дырявыхъ башмакахъ на босу ногу.

„И что это за народъ такой нищенскій? — подумала баба; — все голыши, босяки, оборвыши. Ну хоть бы шапка была!.. Хуже цыганъ, право“.

„Тотъ“ постоялъ немного у воротъ, подумалъ, а потомъ вышелъ на улицу.

Баба выскочила изъ хлѣва,

— Постой!.. Слышь!.. — крикнула она. — Куда ты? Куда это ни свѣтъ, ни заря собрался? Вернись!

„Тотъ“, оглянулся, кивнулъ ей головой и сказалъ:

— Харашо!

— Дурень ты со своимъ „харашо“! — съ сердцемъ крикнула баба. — Тебѣ и дулю покажи, — ты все скажешь: „харашо“! Вернись, говорю. Слышишь?

„Тотъ“ стоялъ въ недоумѣніи и не двигался.

— Вернись, говорю! Еще рано. Куда тебя несетъ? Въ такой холодъ безъ свѣтки, безъ шапки?.. Вернись! — и она поманила его рукою къ себѣ.

„Тотъ“ послушно повернулся и пошелъ за бабою въ хату. Вошелъ, сѣлъ на лавку у окна, какъ и вчера, съежившись отъ холода.

Дѣвушки уже встали и вышли изъ хаты. Первая возвратилась Параска, ежась отъ холода, и стала умываться надъ лоханью, сливая себѣ на руки изъ кружки.

„Азіатъ“ подвинулся къ ней по лавкѣ, взялъ кружку и сталъ сливать ей на руки, чтобы удобнѣе было умываться.

Умывшись и вытершись полотенцемъ, Параска взяла кружку и знаками показала „азіату“, что хочетъ слить ему на руки.

— Харашо! — улыбнулся онъ и подставилъ свои огромныя, какъ лопаты, руки.

А баба между тѣмъ открыла сундукъ и копалась въ немъ, чего-то ища. Вошла Мотря.

— Топи, Мотря, въ печи. — сказала мать, не поднимая головы отъ сундука. — Вотъ уже было выбралась эта бѣда идти куда-то безъ шапки, вотъ такъ, по-цыгански!..

Баба нашла, наконецъ, Миколову шапку и красный поясъ, взяла съ лавки теплую куртку сына, что была подъ головою у „азіата“, и, подала все это ему.

— Одѣнься!.. Холодно, вѣдь, озябнешь... А сапогъ нѣтъ, ужъ извини, — показала она ему на ноги и развела руками.

Тотъ послушно взялъ одежду, покивалъ бабѣ головою, проговорилъ что-то на своемъ чудномъ языкѣ, приложилъ руку къ сердцу.

— Харашо, деда!

— Ну ладно, ладно. Одѣвайся, во что есть, — отвѣтила баба и повернулась къ печи. Дѣвушки съ любопытствомъ, уже безъ всякаго страха смотрѣли на „азіата".

— Мамо, у него шея голая, а рубаха рваная, и грудь вся открыта, — сказала Мотря. — Можетъ быть, дать ему шерстяной платокъ, что на жердкѣ, пусть хоть шею и грудь закроетъ.

— Дай, — коротко сказала мать. — А рубаху, вотъ какъ управлюсь, выберу изъ Миколовыхъ; чинить надо, новыя всѣ Микола взялъ, остались старыя, рваныя.

Мотря подала „азіату" теплый платокъ и показала, чтобы онъ закрылъ себѣ шею и грудь. Онъ одѣвался, кивая ей головою и привѣтливо улыбаясь, и все приговаривалъ свое: „харашо". Одѣвшись, онъ опять направился было къ двери, но баба удержала его, показавъ, что надо еще поѣсть.

— Видите, дѣти, какой онъ скромный, — говорила она. Даромъ что голышъ, а въ глаза не заглядываетъ, самъ не проситъ, а еще сторонится. Видно, что изъ честной семьи, не жуликъ какой-нибудь.

И только когда позавтракали, — а „азіатъ" опять ѣлъ очень мало, совсѣмъ, какъ дитя, — Варвара уже не удерживала его, и онъ пошелъ на улицу, гдѣ уже показались изъ другихъ дворовъ такіе же, какъ и онъ, голодранцы.

Весь день не было постояльца. Всѣ они толпой ходили въ волость; тамъ имъ что-то читали, что-то приказывали; потомъ обѣдали они въ казенной кухнѣ у Даниловой кузницы и только къ вечеру возвратился домой Варваринъ постоялецъ.

Бабы Варвары не было дома; она ходила въ мѣстечко; а когда вернулась, то застала уже „азіата" и обѣихъ дочекъ въ хатѣ.

— Мамо! — весело встрѣтила ее Параска: — онъ намъ разсказывалъ о себѣ: у него есть мать, есть три брата малыхъ и одна сестра совсѣмъ маленькая; а зовутъ его такъ чудно: Шыя.

— Шіо, — поправилъ ее „азіатъ".

— Какъ же вы съ нимъ говорили? — удивилась баба.

— Такъ вотъ, знаками.

Повеселѣлъ и Шіо. Онъ что-то говорилъ по-своему, иногда смѣялся, оскаливая изъ-подъ черныхъ усовъ бѣлые, какъ снѣгъ, зубы. Веселы были и дѣвушки.

Въ этотъ день онъ вечерялъ съ ними, уже какъ свой, и нѣсколько разъ обращался къ бабѣ Варварѣ:

— Харашо, деда!

— Харашо, Мотра! Харашо, Параска!

Онъ уже звалъ ихъ по именамъ, произносилъ ихъ какъ-то твердо, чудно.

И этой ночью онъ сильно кашлялъ и часто вставалъ пить воду. Этой же ночью заболѣла Мотря. Еще совсѣмъ темно было, а она схватилась и разбудила мать.

— Мамо! Въ горлѣ залегло у меня и душитъ такъ, что нельзя и слюни проглотить.

— Что же мнѣ съ тобой дѣлать? — засуетилась баба Варвара и встала, чтобы зажечь лампу.

Проснулся и Шіо, сѣлъ на лавкѣ и съ тревогой и участіемъ смотрѣлъ на бабу и на дѣвушку. Мотря горѣла въ жару, лицо ея было красно, а въ горлѣ залегло такъ, что голосъ почти пропалъ.

— Э, деда? — спрашивалъ Шіо.

Баба показала ему на Мотрю, на шею. Онъ качалъ головою съ сочувствіемъ, разводилъ руками: видно было, что жаль ему ихъ и радъ бы онъ помочь, да не знаетъ, чѣмъ и какъ.

Баба натерла Мотрѣ шею мыломъ и завязала теплымъ платкомъ.

— Лягъ; дочка, на печи да покройся хорошенько; можетъ, въ теплѣ легче тебѣ будетъ.

Опять улеглись всѣ, но уже не тушили лампу до разсвѣта.

Мотрѣ не только не стало легче, но еще хуже сдавило въ горлѣ, когда насталъ день.

Шіо, вставши рано, старался, чѣмъ только могъ, пособить: нарубилъ и натаскалъ хворосту, самъ растопилъ въ печи, выхватилъ у Параски ведро, когда она собиралась идти къ колодцу, и принесъ воды. И всякій разъ, входя въ хату, онъ подходилъ къ лежавшей на кровати Мотрѣ, бралъ ее за руку, касался рукою ея горячей головы, покачивалъ съ соболѣзнованіемъ головою и разводилъ руками.

Послѣ завтрака Варвара пошла въ мѣстечко за врачемъ.

Параска убрала посуду, подмела хату, Шіо вынесъ лохань съ помоями, а потомъ сѣлъ на лавку и все время не сводилъ глазъ съ больной Мотри, покачивая по временамъ головою.

Баба Варвара привезла врача. Осмотрѣвъ больную, онъ сказалъ, что у нея будетъ нарывъ въ горлѣ, помучитъ ее дня три и прорвется; прописалъ полосканіе, велѣлъ тепло укутывать шею и уже собирался уходить, когда обратилъ вниманіе на „азіата“.

— А это у васъ постоялецъ? Мало у васъ своей бѣды, такъ еще чужого вамъ накинули, — сказалъ онъ.

— Какая съ нимъ бѣда, паночку? — отвѣтила баба Варвара. — Съ нимъ хлопотъ намъ нѣтъ, онъ смирный, „людяный“, — еще и помочь старается, чѣмъ можетъ. А вотъ, будьте добры, не потрудитесь ли и его осмотрѣть: такъ кашляетъ ночью, что просто слушать невозможно. Пришелъ онъ сюда оборванный, въ лохмотьяхъ, босой, какъ видите, безъ шапки... Не дали бъ вы ему чего-нибудь отъ этого кашля? — просила она.

Врачъ подошелъ къ Шіо.

— Кашляешь, голубчикъ? — спросилъ онъ.

— Харашо!..

— Вотъ такъ онъ на все: „харашо“ говоритъ, больше не знаетъ по-нашему, — сказала Варвара.

— Разстегнись, другъ, — сказалъ ему врачъ, показывая знакомъ на куртку и вынимая свою трубочку для выслушиванія.

Шіо растегнулся. Врачъ обслушалъ его грудь, обстукалъ.

— Плохи дѣла его, бабо, — сказалъ онъ, обращаясь къ Варварѣ: — у него чахотка. При плохихъ условіяхъ, при солдатской службѣ онъ долго не протянетъ. Плохи дѣла!..

— Вотъ тебѣ на! — воскликнула Варвара. — Зачѣмъ же его, больного, взяли, изъ дому выгнали и сюда пригнали въ такой холодъ, безъ одежи теплой?

Врачъ сдвинулъ плечами.

— Кто его знаетъ? Должно быть, проглядѣли врачи, когда принимали на службу. Ошибки бываютъ... Да и вообще эти кавказцы народъ не крѣпкій и къ нашимъ холодамъ не привычны... Я ему дамъ порошковъ отъ кашля; когда придете въ больницу за лѣкарствомъ для дочери, вы мнѣ напомните, чтобы и ему дать. Кашель немного легче станетъ, ну а чахотка пойдетъ дальше, ее при такихъ условіяхъ остановить нельзя... Не будетъ изъ него уже толку!..

Варвара опять пошла въ больницу за лѣкарствами.

* * *

Мотрѣ дня черезъ три стало легче, а постояльцу Шіи мало помогли порошки, которые принесла ему Варвара изъ больницы.

Черезъ недѣлю Шіо однажды подъ вечеръ пришелъ въ хату бабы Варвары уже одѣтый въ солдатскую форму: въ шинели, шапкѣ и сапогахъ. Онъ отдалъ Варварѣ Миколову шапку, куртку и теплый платокъ.

— Харашо, деда!

— Врагамъ бы твоимъ было такъ хорошо! — сердито и съ сожалѣніемъ проговорила Варвара. — Ты хоть платокъ себѣ оставь закутать шею.

— Шіо, — поправилъ онъ, не совсѣмъ понявъ бабу. — Харашо, деда! — прибавилъ онъ, принимая платокъ.

Теперь стали ходить новобранцы на ученіе чуть свѣтъ, и Шіо не успѣвалъ позавтракать у бабы, а возвращался поздно, сумерками, усталый, изнеможенный, и не хотѣлъ ничего ѣсть; онъ ложился на лавку и тяжело дышалъ, а въ груди у него клокотало и свистѣло такъ, что иногда казалось, будто кипитъ вода въ котлѣ. Ночью онъ кашлялъ хуже прежняго,

Однажды ночью онъ такъ сильно закашлялся, что даже застоналъ. Баба Варвара проснулась.

— Деда! — услыхала она тихій стонъ. — Деда!

— Что тебѣ?

Шіо молчалъ; слышно было только клокотаніе въ его груди.

Варвара встала и зажгла лампу. Шіо сидѣлъ на лавкѣ, а передъ нимъ на полу была лужа крови; окровавлена была и сорочка его и даже борода. А въ груди его клокотало, и онъ держался рукою за сердце.

— Что съ тобою, голубчикъ? — всплеснула баба руками въ испугѣ.

Шіо только головою покачалъ; онъ не могъ говорить и только рукою указалъ на ведро съ водою. Варвара поспѣшила подать ему воды. Онъ долго и съ жадностью пилъ.

— Ты легъ бы, — сказала ему баба, показывая на лавку.

Шіо отрицательно покачалъ головою. Баба взяла полотенце, смочила его въ водѣ и вытерла ему бороду, сорочку.

— И что мнѣ съ тобою дѣлать? — приговаривала она. — Вѣдь до разсвѣта еще сколько времени!

Шіо молчалъ, тяжело дыша, а въ груди его клокотало страшно. До самого разсвѣта просидѣла возлѣ него Варвара. Нѣсколько разъ она подавала ему воды. Кашель нѣсколько успокоился, и передъ разсвѣтомъ Шіо легъ, изнеможенный.

Утромъ онъ не пошелъ на ученіе; ѣсть ничего не хотѣлъ, только пилъ съ жадностью. Послѣ завтрака баба Варвара стала одѣваться, чтобы идти за врачемъ, но въ это время пришли двое солдатъ: одинъ такой же „азіатъ“, другой — нашъ.

Баба разсказала имъ про несчастье съ постояльцемъ; они постояли немного, „азіатъ“ поговорилъ по-своему съ Шіо, и

оба ушли. А часа черезъ два пріѣхали на повозкѣ и забрали больного въ лазаретъ.

* * *

Какъ-то пусто и тоскливо стало въ хатѣ, когда увезли Шіо: привыкли уже къ нему. Но прошло нѣсколько дней — и стали привыкать къ этой пустотѣ. Иногда вечерами дѣвушки вспоминали „азіата Шіо“, а баба Варвара тогда грустно вздыхала.

Прошло недѣли двѣ. Случайно Варвара узнала отъ людей на базарѣ, что въ большой Лейбиной гостиницѣ устроенъ лазаретъ для новобранцевъ; и почему-то потянуло ее пойти туда и провѣдать своего бывшаго постояльца.

„Можетъ быть, допустятъ къ нему? — думала она. — Вѣдь никого тутъ близкаго у него нѣтъ, ни матери, ни сестры, — некому провѣдать его, больного“.

У входа стоялъ солдатъ.

— Чего тебѣ, бабка? — спросилъ онъ.

— Тутъ у васъ, землякъ, больные лежатъ новобранцы, „азіаты“?

— Тутъ.

— Мнѣ бы, родной, провѣдать тутъ одного... Постояльца моего сюда завезли, Шыя прозывается... А?

— Провѣдать? А ты зайди, дежурнаго фершела успроси.

Варвара вошла въ сѣни, допыталась фельдшера.

— Шыя такой у васъ есть, паночку? Азіатъ, новобранецъ?

— Шыя? Кажись, есть... А чѣмъ онъ боленъ?

— Чахотка, сказывалъ докторъ; кровью кашлялъ онъ...

— Есть, есть. Помираетъ онъ, бабка, — скоро кончится... Не ходила бъ лучше...

Варварѣ больно сжалось сердце и сильно жаль стало.

— А можетъ такъ хочь издали посмотрѣть его дозволите?.. Хоть перекрестить его... — просила она.

— Ну, иди, — сказалъ фельдшеръ и повелъ Варвару.

Въ невысокой, длинной комнатѣ стояло кроватей десять, и на всѣхъ лежали больные солдаты. Фельдшеръ подошелъ къ послѣдней койкѣ въ углу у печки. Варвара, взглянувъ на больного, едва узнала его: хотя и раньше онъ былъ худой, но теперь высохъ еще больше; одинъ костякъ остался, лицо потемнѣло, какъ земля, глаза ввалились и сверкали, какъ два уголька въ печи.

Онъ узналъ Варвару; въ глазахъ его блеснула радость, и онъ шопотомъ, безъ голоса позвалъ ее:

— Деда!..

— Бѣдный ты, Шыя, сиротина, сердечный!.. — тихо промолвила баба и не могла удержать слезъ, подступившихъ ей къ горлу.

— Деда!.. — прошепталъ больной и взялъ ее за руку своею костлявою, горячею, какъ огонь, рукою.

— А можна ему, паночку, хоть пару яблочекъ? — спросила Варвара фельдшера, вынимая изъ платочка яблоки.

Фельдшеръ махнулъ рукою.

— Куды тамъ, бабка! Кромѣ воды, ничего не принимаетъ съ той поры, какъ поступилъ.

Шіо взглядомъ поблагодарилъ бабу и покачалъ головою, что не можетъ. Варвара спрятала назадъ яблоки, вытерла рукавомъ слезы и постояла тихо, не сводя глазъ съ исхудалаго лица больного.

— Къ ночи кончится, — тихо сказалъ ей фельдшеръ. — Сильно кровью истекъ.

Варвара вздохнула и трижды медленно перекрестила больного.

— Прощай, Шыя!

— Харашо, деда!..

М. Левицкій.

* * *

Я помню туманныя дальнія горы,
Шумящихъ валовъ отдаленные хоры
И ночь на цвѣтущемъ нѣмомъ берегу.
Я помню страну, гдѣ разбились оковы,
Гдѣ пѣсни звучали, побѣдны и новы,
Но гдѣ это было — понять не могу.

Качали высокія пальмы вѣтвями,
Прозрачныя воды шептались струями,
Вдали раздавался таинственный звонъ...
Быть можетъ, проснулись въ мечтательной лѣни
Далекаго прошлаго свѣтлыя тѣни?..
А можетъ быть, снился несбыточный сонъ...

Наталія Чубинская.

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ КАКЪ УЧИТЕЛЬ.

Въ лицѣ М. М. Ковалевскаго сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ видныхъ и любимыхъ учителей русской интеллигенціи. Непосредственно М. М. принадлежалъ къ эпохѣ 70-хъ годовъ. И насъ, младшее поколѣніе, его учениковъ, отдѣляли отъ него цѣлыхъ четыре спеціальныхъ пласта вѣрованій и настроеній. Но тѣмъ не менѣе Ковалевскій глубоко понималъ наше поколѣніе, былъ близокъ намъ, былъ нашимъ учителемъ, какъ былъ учителемъ и ближайшихъ ему поколѣній. Являясь однимъ изъ свѣтлыхъ представителей поколѣнія семидесятниковъ, онъ въ то же время какъ бы символически своей личностью связывалъ это поколѣніе съ позднѣйшими. Въ эпоху между 70-ми годами прошлаго и 20-ми годами текущаго столѣтія онъ былъ одной изъ тѣхъ центральныхъ фигуръ, около которыхъ растутъ такъ или иначе широкіе круги интеллигенціи. Эти круги естественно распадаются на двѣ группы: на ближніе и дальніе, на тѣхъ, кто имѣлъ возможность личнаго соприкосновенія съ учителемъ, и тѣхъ, кто зналъ его лишь по его книгамъ и выступленіямъ. Какія же силы группировали русскую интеллигенцію вокругъ Ковалевскаго? Эти силы лежатъ частью въ его личности, частью въ общественныхъ условіяхъ времени.

Высшей задачей сначала XIX, а потомъ и XX столѣтія является постановка и, по возможности, рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ въ широкомъ смыслѣ слова; не случайно же то, что именно это время характеризуется ростомъ общественнаго движенія, именно оно полно увлеченіемъ общественными науками и въ томъ числѣ соціологіей. Но вѣдь и М. М. Ковалевскій всю свою жизнь посвятилъ работѣ надъ рѣшеніемъ соціальныхъ проблемъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Одно это обстоятельство въ соединеніи съ тѣмъ талантомъ и плодотворностью, какіе были обнаружены М. М. въ

его ученой и общественной работѣ, ставили его, на ряду съ другими дѣятелями, въ центрѣ интересовъ эпохи. Труды Ковалевскаго по различнымъ вопросамъ соціологіи становятся до извѣстной степени руководящими въ образованіи и самообразованіи русской интеллигенціи. Его общественныя выступленія оріентируютъ ее въ вопросахъ текущей политики.

Наша интеллигенція отличалась и отличается широкимъ демократизмомъ, преданностью идеѣ человѣчества. Въ такомъ случаѣ могла ли она оставаться равнодушной и не любить автора „Происхожденія современной демократіи“, пострадавшаго за свои убѣжденія отъ офиціальной Россіи и удаленнаго въ изгнаніе? Правда, М. М. „не шелъ“ такъ далеко, какъ большинство рядовой интеллигенціи, и не былъ радикаломъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но тѣмъ не менѣе, въ самой личности Ковалевскаго, въ характерѣ его учености, во многихъ его идеяхъ, въ томъ, что, пользуясь сравнительнымъ методомъ, онъ знакомилъ съ общественнымъ строемъ, эволюціей и прогрессомъ многочисленныхъ странъ — во всемъ этомъ широкіе круги даже радикальной интелигенціи не могли не находить выраженія и обоснованія близкой имъ идеи международной солидарности и демократизаціи общественной жизни.

Больше того: въ лицѣ М. М. Ковалевскаго русская интеллигенція привыкла видѣть не только проповѣдника, но и живое олицетвореніе братства народовъ. Одна изъ книгъ М. М. („Современные соціологи“) начинается знаменательными словами: „Живя частью во Франціи, частью въ Италіи и посѣщая по временамъ Англію, Соединенные Штаты Америки и нѣмецкія страны“ и т. д... Въ этихъ словахъ отражался „международный“ характеръ жизни Ковалевскаго. И жизнь его, и чтеніе его работъ съ ихъ „интернаціональной“ эрудиціей — все это пріучало русскую интеллигенцію видѣть въ М. М. Ковалевскомъ „ранняго гражданина міра“. Въ сущности, М. М. и былъ таковымъ. Въ свободное время онъ любилъ вспоминать свои скитанія и разсказывать о странахъ, городахъ, лицахъ. И эти разсказы, полные тонкаго юмора, обнаруживали его удивительную оріентировку во всемъ цивилизованномъ мірѣ, какъ будто весь этотъ міръ былъ для него родиной.

Но если все это ставило М. М. Ковалевскаго въ центръ вниманія широкихъ круговъ его учениковъ, то болѣе узкій кругъ его непосредственныхъ учениковъ шелъ въ этомъ отно-

шеніи дальше: онъ любилъ М. М.; къ вліянію его книгъ, его идей, его общественнаго и международнаго значенія присоединялось еще болѣе глубокое и интимное вліяніе самой личности Ковалевскаго съ ея особенностями.

М. М. Ковалевскій былъ типичный ученый. Позитивистъ, ученикъ Конта и Спенсера, онъ рѣшительно выдвигалъ впередъ науку. Философія сама по себѣ интересовала его мало. Вотъ почему онъ остался чуждъ ея вліянія и, въ частности, вліянія нѣмецкой философіи. М. М. не рѣдко смѣялся надъ ея, по его мнѣнію, туманностью и безплодіемъ. Помню, послѣ одного нашего разговора о философскихъ теченіяхъ позднѣйшаго времени, онъ попросилъ принести ему для ознакомленія соотвѣтствующія книги. Я принесъ между прочимъ Риккерта „Наука о природѣ и наука о культурѣ“. Черезъ нѣсколько дней М. М. сказалъ: „То, что тамъ вѣрно, не ново, а остальное — какіе-то іероглифы“.

Науку М. М. ставилъ очень высоко и часто рѣшительно заявлялъ, что „не терпитъ въ ней никакихъ туманностей“. И если философія предполагаетъ ту или иную систему, тотъ или иной общій синтезъ, то наука даетъ просторъ способностямъ изслѣдователя-аналитика. Ковалевскій широко использовалъ этотъ просторъ. Научная работа сводилась для него, въ концѣ концовъ, къ работѣ надъ матеріаломъ и фактами. Онъ не рѣдко дѣлалъ обобщенія и строилъ гипотезы, но высшимъ судьей, которому М. М. оставался подсуднымъ всю свою жизнь, былъ для него все-таки фактъ.

Однако, и какъ ученый М. М. Ковалевскій имѣлъ свои особенности, которыя играли важную роль въ его отношеніяхъ къ ученикамъ.

Есть ученые — сильные конструктивнымъ и систематическимъ мышленіемъ. Часто — это реформаторы. Они даютъ свою систему и затѣмъ уже движутся въ ея предѣлахъ. Они становятся ревностными проповѣдниками и не рѣдко фанатиками своихъ идей. Но есть другіе ученые, которые, изслѣдуя всю жизнь все новыя и новыя области фактовъ, не даютъ законченной системы идей. Ихъ обобщенія носятъ болѣе частный характеръ и стоятъ въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ областью изученныхъ фактовъ. Они все время сохраняютъ чуткость къ фактамъ. Таковъ былъ и М. М. Ковалевскій.

Онъ не утратилъ любви къ широкому научному изслѣдованію вплоть до послѣднихъ дней. Недѣли за три до его смерти между нами происходилъ такой разговоръ. М. М. чув-

ствовалъ себя уже нездоровымъ, томился и не находилъ мѣста.

— „Очевидно, — сказалъ онъ, рѣчь идетъ не только о моей болѣзни, но и о переселеніи".

Я не согласился съ нимъ и выразилъ надежду, что онъ еще будетъ жить и работать попрежнему.

— „Ничего путнаго, впрочемъ, за эти десять лѣтъ, — продолжалъ М. М., — я не написалъ. Наука любитъ уединеніе, а я его не имѣлъ".

— Но вы же ушли въ иную область, въ область политической жизни и борьбы.

— „Да, но это все не то", — отвѣтилъ онъ.

До самаго послѣдняго времени М. М. не покидаетъ мысль вновь заняться серьезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Онъ замышлялъ уже весной 1914 г. приступилъ къ исторіи Франціи. Война помѣшала ему осуществить эту работу. За послѣднія недѣли передъ болѣзнью М. М. обратился къ пересмотру своихъ записей и лекцій по исторіи торговли и экономическихъ ученій XVII и XVIII вв. Его тянуло къ изслѣдовательской работѣ, и временами онъ тосковалъ, что „все никакъ не можетъ приступить къ ней снова, какъ слѣдуетъ".

М. М. Ковалевскій не создалъ своей „школы". Но зато онъ былъ совершенно чуждъ научному фанатизму и узости, какіе не рѣдко царятъ въ ученыхъ школахъ. Будучи не столько систематикомъ, сколько чистымъ изслѣдователемъ М. М. давалъ своимъ упорнымъ трудомъ яркій примѣръ продуктивной работы и затѣмъ сердечно привѣтствовалъ всякую попытку самостоятельнаго изслѣдованія и вообще творчества своихъ учениковъ. У него не было ни авторитетной нетерпимости, ни чувства соперничества, и онъ охотно терпѣлъ встрѣчное мнѣніе.

Очевидно, по самому типу своего психическаго уклада, М. М. Ковалевскій въ высокой степени обладалъ тѣмъ дивнымъ и рѣдкимъ качествомъ, которое извѣстно подъ именемъ внутренней свободы. Внутренняя свобода — вотъ источникъ той удивительной „теплоты" и ласкающей „мягкости", съ какой онъ относился къ людямъ; вотъ та духовная сила его личности, которою онъ глубоко и благотворно вліялъ на учениковъ. М. М., кажется, никогда не держалъ себя какъ учитель. Я не помню ни одной „магистерской" ноты въ его голосѣ: мы встрѣчали въ его лицѣ не просто учителя, но учителя-друга. Вмѣсто формальныхъ требованій и учительскихъ директивъ, мы видѣли его сердечное участіе и совѣтъ. Уже

безнадежно больной, за нѣсколько дней до смерти, онъ оставался тѣмъ же учителемъ-другомъ и говорилъ мнѣ:

„Не разбрасывайте свою дѣятельность. Вы хотите ѣхать изучать старыхъ итальянскихъ экономистовъ? Не совѣтую: напрасно потратите время“.

Однако, „внутренняя свобода“ М. М. сказаннымъ не исчерпывается. Обладая ею, Ковалевскій не былъ и не могъ быть чьимъ-либо рабомъ. Онъ не былъ ни рабомъ мысли, ни рабомъ чувства. Ковалевскій не терпѣлъ рабства и въ другихъ: онъ уважалъ человѣческую личность не только въ теоріи, но и въ жизни. Благодаря силѣ внутренней свободы М. М. рѣдко когда оказывался во власти „обстоятельствъ“. Въ трудную минуту жизни онъ находилъ въ себѣ достаточно мощи, чтобы сохранить спокойствіе духа. Вотъ почему онъ казался всегда жизнерадостнымъ, и въ минуты всеобщаго унынія слышался его понятный смѣхъ.

Многіе думаютъ, что Ковалевскій былъ неисправимымъ оптимистомъ, и что именно оптимизмъ давалъ ему силу переносить все легко. Намъ кажется — это не такъ. Тотъ, кто прислушался бы къ его полной юмора рѣчи, легко бы замѣтилъ, что спокойнымъ тономъ М. М. часто передавалъ грустныя думы, что за смѣхомъ Ковалевскаго крылась тревога. „Всѣ почему-то вѣрятъ, говорилъ онъ всего за мѣсяцъ до смерти, что послѣ войны начнется всеобщій расцвѣтъ. Пусть вѣрятъ. Но я не вижу основаній для этого“, закончилъ онъ.

Ковалевскій не былъ ни оптимистомъ, ни пессимистомъ. Онъ былъ просто здоровый, уравновѣшенный духовно человѣкъ. У него было еще одно качество, которое вмѣстѣ съ уравновѣшенностью, давало иллюзію оптимизма: это горячая любовь къ жизни. М. М. любилъ жизнь во всей ея полнотѣ, во всей конкретности. Невозможно забыть, какъ сильно проявлялась его жажда жизни, жажда „пѣсенъ земли“ за время его болѣзни-агоніи. И Ковалевскій умѣлъ жить, умѣлъ сообщить радость жизни и другимъ. Въ минуты невзгоды мы неизмѣнно находили въ немъ свою опору.

Такъ вырисовывается сильная, колоритная фигура Ковалевскаго — учителя. Число его учениковъ было велико, вліяніе-огромно. Но тайна этого вліянія лежитъ не только въ характерѣ эпохи, не только въ широкихъ познаніяхъ и талантѣ М. М., а также и, главнымъ образомъ, въ его удивительной, жизнерадостной и цѣльной личности, въ ея неотра-

зимомъ и глубокомъ моральномъ дѣйствіи. Ковалевскій стоялъ передъ нами живымъ и необычайно-яркимъ примѣромъ свободнаго мыслителя и глубоко гуманнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ минуты общественной тоски, скуки, однообразія М. М. бросалъ на фонъ жизни свѣтлыя краски душевной радости, влеченія къ дѣйствію, къ свободному изслѣдованію. Въ научныхъ поискахъ молодыхъ умовъ онъ поддерживалъ ихъ, ободрялъ. Въ разгаръ политической борьбы онъ не рѣдко указывалъ путь.

Ковалевскаго нѣтъ больше. Но образъ его, дѣло его, какъ ученаго и мыслителя, съ нами.

Н. Кондратьевъ.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

Ее я слушалъ. Это было весною 1905 года и именно лекцію М. М. Ковалевскаго. Я пріѣхалъ на короткое время въ Парижъ; показывалъ его мнѣ одинъ русскій пріятель, и въ числѣ парижскихъ достопримѣчательностей, съ которыми было совершенно необходимо познакомиться заѣзжему русскому человѣку числился и М. М.

Какъ сейчасъ помню аудиторію Высшей русской школы въ то погожее утро. Она была совершенно переполнена характерной русской молодежью того времени, внѣшній обликъ которой съ той поры такъ сильно измѣнился. Длинные волосы, небрежные костюмы, черныя широкополыя шляпы, рѣзкія манеры и рѣзкія слова. Дискуссіи закипали во всѣхъ уголкахъ, жесты, слова и рѣчи — повышеннаго тона и характера.

Этотъ котелъ не сразу успокоился, когда показалась и направилась къ каѳедрѣ монументальная фигура М. М. Встрѣтили его сдержанно, — аудиторія была отрицательно настроена къ предстоящей лекціи (это высказывалось въ предшествовавшихъ ей спорахъ), почему — будетъ объяснено ниже.

То была единственная лекція Ковалевскаго, которую довелось мнѣ слышать и въ то же время это была первая слышанная мною профессорская лекція. Онъ читалъ небольшой курсъ исторіи политическихъ ученій Западной Европы, и это была уже третья или четвертая лекція курса.

Звуки его могучаго голоса сразу покрыли все еще не улегшійся шопотъ и разговоры слушателей. Спустя нѣсколько минутъ, впрочемъ, въ аудиторіи царила глубокая тишина напряженнаго вниманія и интереса.

Мнѣ въ то время не съ чѣмъ было сравнивать достоинства Ковалевскаго, какъ лектора, — я другихъ еще не слы-

халъ. Впослѣдствіи я ихъ ретроспективно оцѣнилъ. И, мнѣ кажется, самымъ замѣчательнымъ въ нихъ было то, что, затронувъ какой-либо вопросъ, Ковалевскій сразу группировалъ вокругъ него множество однотипныхъ данныхъ изъ исторіи ряда государствъ Европы, создавая своего рода перспективы-ячейки по частнымъ вопросамъ, слагавшіяся затѣмъ въ общую перспективу, охватывавшую главный вопросъ во всей полнотѣ... Я чувствую, что не въ состояніи передать здѣсь сжатую выразительность этой манеры, съ которой или хотя бы подобной ей по мастерству я впослѣдствіи уже не встрѣчался.

Вопросъ шелъ о развитіи избирательнаго права въ странахъ Европы. Это было въ то время и очереднымъ вопросомъ Россіи, вопросомъ злободневнымъ болѣе, чѣмъ всякій другой. И вотъ — Ковалевскій, сдѣлавъ экскурсъ въ область русской злобы дня, заявилъ, что онъ является сторонникомъ не всеобщаго, но ограниченную образовательнымъ цензомъ избирательнаго права...

Необходимо перенестись мыслію къ веснѣ 1905 года, чтобы понять впечатлѣніе, какое это заявленіе должно было произвести на живую и даже страстную аудиторію Высшей Русской Школы въ Парижѣ... По этому-то поводу и волновались слушатели передъ началомъ лекціи.

Высказать такой взглядъ въ повышенно настроенной парижской аудиторіи было въ то время своего рода подвигомъ научной добросовѣстности и убѣжденности. Ковалевскій, разумѣется, прекрасно сознавалъ, что и предъ кѣмъ онъ проповѣдуетъ. По аудиторіи шелъ сдержанный, но явный ропотъ. Онъ сдѣлалъ паузу, оглядѣлъ слушателей своими большими, необычайно красивыми, одухотворенными глазами и сказалъ:

— Господа! Принято думать, что установленіе ценза есть всегда мѣра реакціонная, да такъ оно чаще всего и бываетъ. Однако, не всегда.

Онъ опять сдѣлалъ паузу; едва замѣтная ироническая улыбка тронула его выразительное лицо, тотчасъ сдѣлавшееся совершенно серьезнымъ.

— Ну вотъ, напримѣръ. Занимаетъ профессоръ каѳедру... 10, 20, 30 лѣтъ. При томъ, ученый онъ средній, но въ отношеніи физическаго здоровья — человѣкъ исключительный. А предѣловъ его профессорству закономъ не положено. Не находите ли вы, что изъ создавшагося для науки трагическаго положенія нѣтъ никакого выхода? И не будетъ ли

мѣрой именно прогрессивной установить для профессорства предѣльный цензъ, лѣтъ 20, или 30, или же болѣе прогресивно ждать помощи наукѣ со стороны смерти избавительницы?

Аудиторія громко смѣялась, и, кажется, одинъ среди всѣхъ сохранялъ невозмутимую серьезность самъ М. М. Ковалевскій. Когда лекція окончилась, споры на ту же тему снова закипѣли, котелъ снова забурлилъ; но, казалось мнѣ, одна черта исчезла въ картинѣ, какую представляла аудиторія: теперь не было чувства обиды, не было элемента личнаго; сталкивались между собою уже аргументы, и только они. Настроенная страстно аудиторія почувствовала искренность, высказаннаго мнѣнія, и общій языкъ былъ найденъ.

А. Дерманъ.

* *
*

Да я знаю, упадая,
Плачетъ поздній желтый листъ
Скорбь я знаю, горе знаю —
Поздній никнетъ листъ.

Воздухъ мерзнетъ, воздухъ свѣтелъ,
Холодъ, вѣтеръ... стынетъ скорбь,
Ясный мозгъ печаль замѣтилъ —
Мыслью дразнитъ скорбь.

Горе спутать мглой тумановъ,
Мглой обмановъ я хочу,
Въ море мути мертвой канувъ,
Я не быть хочу...

С. Радловъ.

НАРОДНЫЙ ЗЛАТОЦВѢТЪ.

Когда заходитъ рѣчь о современномъ состояніи народно-поэтическаго творчества, образованный человѣкъ обыкновенно дѣлаетъ многозначительно-грустную мину и принимается толковать объ упадкѣ народной пѣсни, какъ о безспорномъ фактѣ. А въ качествѣ доказательства онъ безъ труда вспомнитъ какую-нибудь частушку. Напримѣръ:

Сидитъ милый на крыльцѣ
Съ выраженіемъ въ лицѣ,
Выражаетъ на лицѣ,
Что сидитъ онъ на крыльцѣ.

Или:

Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу свою милку.

Тѣ, кто получилъ правильное литературное образованіе, тутъ же сошлются, пожалуй, на авторитетъ самого Пыпина. Вѣдь и онъ жаловался[1]), что въ современномъ состояніи пѣсни „несомнѣнны признаки разложенія“, что „новыя поколѣнія становятся равнодушнѣе къ старинѣ, искажаютъ ее и предпочитаютъ безвкусныя или прямо дурныя пѣсни новаго сложенія, трактирныя и фабричныя“. „Къ сожалѣнію“, заканчиваетъ Пыпинъ свои разсужденія, „для болѣе здраваго направленія нужны условія, которыхъ народная жизнь не имѣетъ, и неизвѣстно, когда будетъ имѣть; и во всякомъ случаѣ, процессъ разложенія старой пѣсни, начавшійся уже давно, будетъ подвигаться все далѣе, и старый періодъ народнаго пѣсеннаго творчества, вѣроятно, близится къ своему концу, тому концу, который давно уже наступилъ для старой пѣсни у народовъ западной Европы“.

Но позволительно спросить, былъ ли въ жизни русскаго

[1]) Исторія русской литературы. Т. III, гл. XXV.

народа такой періодъ, когда бы его устная поэзія не „разлагалась“? Конечно, нѣтъ. Народная поэзія всегда находилась въ непрерывномъ процессѣ развитія и „разложенія“. Точной ея исторіи наука, къ сожалѣнію, дать не въ состояніи, но крупныя историческія наслоенія уже давно опредѣлены. Всѣмъ извѣстно, напр., какую трансформацію претерпѣли былевыя сказанія объ Ильѣ Муромцѣ. Отсутствіе „разложенія“ обозначало бы смерть народно-поэтическаго творчества, его окостенѣніе. Возвратъ къ старому немыслимъ, да и не нуженъ.

Поэтическое творчество русскаго народа не замерло: оно приняло лишь новыя формы. Предаваться печальнымъ ламентаціямъ рѣшительно нѣтъ никакого основанія. Замѣчательно, что тѣ, кому удается глубже заглянуть въ творческую душу народа, возвращаются изъ деревни не съ хмурыми лицами, а съ запасами самыхъ бодрыхъ впечатлѣній. Свѣтлымъ настроеніемъ проникнуты рѣчи Н. Е. Ончукова, Д. К. Зеленина, бр. Б. М. и Ю. М. Соколовыхъ, Е. Э. Линевой, О. Э Озаровской, А. І. Третьяковой и другихъ новѣйшихъ собирателей народно-поэтическихъ произведеній. О. Э. Озаровская не иначе выражается о своемъ посѣщеніи Сѣвера, какъ о поѣздкѣ „за жемчугомъ“. А Е. Э. Линева[1]) съ умиленіемъ говоритъ о деревенскихъ „пѣвцахъ, импровизаторахъ, которыми имѣетъ право гордиться наша родина“. Н. Е. Онучковъ въ сказителяхъ былинъ и сказочникахъ видитъ „исключительный народъ“, „интеллигенцію деревни“. „Эти поэты и художники слова и часто виртуозы разсказа“, говоритъ онъ, „человѣку, много имѣвшему съ ними дѣла, невольно внушаютъ глубокое почтеніе къ умственнымъ силамъ деревни и къ всевозможнымъ, таящимся въ ея нѣдрахъ дарованіямъ, которыя только образованіе сумѣетъ настоящимъ образомъ опредѣлить и приложить“[2]).

Ошибочность ходячихъ представленій объ „упадкѣ“ народной поэзіи объясняется, во первыхъ, давней привычкой судить о народѣ какъбы огульно, а во-вторыхъ, недостаточной освѣдомленностью. По ложной традиціи, „народъ“ мыслится какъ слитая воедино масса. Этого никогда не было, нѣтъ и теперь. Теперь въ особенности, когда дифференцирующіе факторы возросли и въ количествѣ, и въ силѣ. „При близ-

---

[1]) Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Изданія И. Академіи наукъ. Сборникъ второй. 1910 г.

[2]) Сѣверныя сказки, Спб. 1909 г.

комъ знакомствѣ съ народной словесностью", справедливо замѣчаютъ бр. Соколовы, никакъ нельзя говорить ни объ одной народной морали, ни объ одномъ народномъ міросозерцаніи. На дѣлѣ и въ самой народной массѣ, какъ и въ ея словесности, существуетъ значительная дифференціація и во вкусахъ, и въ интересахъ, и въ степени талантливости[1]). При такомъ взглядѣ на дѣло, вопросъ о современной „народной" поэзіи далеко не рѣшается ссылкой на частушки.

Посмотримъ на составъ хотя бы только что упомянутаго сборника бр. Соколовыхъ. Онъ удобенъ тѣмъ, что эти молодые ученые любовно записывали все, что слышали изъ устъ народа во время своихъ поѣздокъ по Бѣлозерскому и Кирилловскому уѣздамъ Новгородской губ. (лѣтомъ 1908 и 1909 гг.). Записи, какъ видимъ, относятся къ сравнительно небольшому району. И все же мы находимъ здѣсь: легенды, старины (былины), историческія пѣсни, мѣстныя пѣсни историческаго содержанія, такъ наз. низшія эпическія пѣсни, духовные стихи, пѣсни обрядовыя (свадебныя, похоронныя, рекрутскія, праздничныя), пѣсни хороводныя, пѣсни лирическія разнообразнаго содержанія (семейныя, любовныя, рекрутскія, солдатскія, тюремныя, дѣтскія, юмористическія), пословицы, поговорки, загадки, гаданія на святкахъ, привороты, отвороты, заговоры, народно-медицинскія средства и примѣты. Ко всему этому въ отдѣлѣ лирическихъ пѣсенъ прибавлены „народныя передѣлки стихотвореній и романсовъ", и, наконецъ, пресловутыя „вертушки, частушки".

Уже одинъ этотъ перечень говоритъ о многообразіи формъ современнаго народнаго творчества. А если мы привлечемъ и другой матеріалъ (недостатка въ немъ нѣтъ), то передъ нами вырисуется весьма сложная картина органическаго процесса, въ которомъ нѣтъ ничего патологическаго, „упадочнаго", или ровно столько же, сколько и въ любомъ изъ предыдущихъ періодовъ народной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ какихъ моментовъ слагается картина современнаго состоянія народной поэзіи? Во-первыхъ, то, что по традиціи дошло отъ старины (былины, сказки, лирическія пѣсни, духовные стихи и пр.). Конечно, традиціонный запасъ все болѣе и болѣе растеривается, и этого явленія ничѣмъ нельзя предотвратить. Нужно даже изумляться обилію поэтическихъ сокровищъ, которыя удалось собрать въ

[1]) Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Записали Борисъ и Юлій Соколовы. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. А. Наукъ 1915. Стр. LV.

теченіе второй половины XIX в., и которыя продолжаютъ находить до сихъ поръ. Акад. А. И. Соболевскій [1]) считаетъ возможнымъ категорически утверждать, что, хотя „старыя пѣсни понемногу выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто новымъ, народнымъ или искусственнымъ“, но тѣмъ не менѣе „народная поэзія у насъ еще достаточно сильна, и разсказы объ ея исчезновеніи лишены достаточнаго основанія“, что и теперь еще возможно составить „порядочные сборники старыхъ пѣсенъ, нисколько не хуже тѣхъ, которые были составлены лѣтъ пятнадцать назадъ“. Говоря о поэтической традиціи, мы должны при этомъ подчеркнуть весьма важный фактъ, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ храненіемъ и распространеніемъ, а съ творческой передачей. По доброму почину Гильфердинга, теперь считается научно-обязательнымъ принимать во вниманіе личность сказителей былинъ, сказочниковъ и другихъ исполнителей изъ народа. Собранные матеріалы размѣщаются по пѣвцамъ и сказочникамъ. даются свѣдѣнія объ ихъ жизни, личности и пріемахъ исполненія. Такимъ способомъ удалось выдѣлить изъ общей народной массы рядъ поэтическихъ индивидуальностей. И еще не такъ давно въ Москвѣ и Петроградѣ выступала талантливая сказительница, М. Дм. Кривополѣнова. Личность исполнителя проявляется и въ составѣ репертуара, и въ освѣщеніи традиціоннаго сюжета, и въ стилѣ. „Одна и та же сказка въ устахъ различныхъ сказочниковъ, замѣчаютъ бр. Соколовы, можетъ пріобрѣсти существенно различный тонъ и окраску“, „Добропорядочный, незлобивый старикъ Петрушечевъ“, характеризуютъ они своихъ сказочниковъ, явно подчеркнетъ моральную тенденцію. Степенный, обычно молчаливый Ганинъ— явится замѣчательнымъ „эпикомъ“ въ содержаніи и стилѣ своихъ сказокъ, то же и Семеновъ. Лѣнивый, сварливый и циничный Медвѣдевъ подберетъ близкіе ему сказочные сюжеты и уснаститъ ихъ соотвѣтствующими подробностями. Коснувшійся „образованности“ Ершовъ и сдѣлавшійся ея горячимъ приверженцемъ, переломаетъ всю свою рѣчь на плохо претворенный „книжный“ ладъ и переусердствуетъ въ „вѣжливости“ выраженій и т. д. Процессъ народнопоэтическаго творчества, какъ это уже достаточно доказано наукой, всегда совершается черезъ посредство даровитыхъ личностей. О томъ

[1]) Великорусскія народныя пѣсни. 7 т. Спб. 1895—1902, т. VII. Предисловіе.

же говоритъ и современное состояніе народной поэзіи. Терминъ „безличная поэзія“ (poésie impersonnelle) давно уже утратилъ всякій смыслъ.

Итакъ, традиціонная поэзія не является въ рукахъ народа мертвымъ капиталомъ, а находится въ состояніи непрерывной переработки, и народная память хранитъ лишь то, что теперь продолжаетъ говорить его сердцу и уму.

Во-вторыхъ, какъ это было и всегда, своимъ чередомъ идетъ созданіе новыхъ произведеній и при томъ одновременно различными путями.

Подобно всякому поэту, породный поэтъ пользуется готовыми поэтическими формами и образами, влагая въ нихъ новое содержаніе. Былевое творчество (богатырскій эпосъ), разумѣется, не можетъ существовать въ прежнемъ видѣ при новыхъ условіяхъ народной жизни. (Но Гильфердингъ все же записалъ олонецкую старинку о силачѣ Рахтѣ, въ которой отразилось вліяніе исторической пѣсни о Кострюкѣ Темрюковичѣ и разныхъ сказочныхъ мотивовъ[1]). Зато невозбранно продолжаютъ твориться историческія пѣсни, сказки, духовные стихи, причеты, лирическія пѣсни и т. п.[2]). Однѣ формы развиваются богаче, другія бѣднѣе, въ зависимости отъ разныхъ причинъ историческаго, бытового и личнаго характера.

Сюда принадлежатъ и пресловутыя частушки. Прежде всего необходимо замѣтить, что самая форма частушекъ, коротушекъ, вертушекъ не составляетъ новости въ народно-поэтическомъ обиходѣ, какъ это доказалъ акад. А. И. Соболевскій и еще разъ подтвердила Е. Н. Елеонская[3]). Онѣ извѣстны уже по сборникамъ XVIII в. и первой половины XIX в. „Частая или плясовая пѣсня, плясовой припѣвъ, — говоритъ Е. Н. Елеонская, — вотъ тотъ пѣсенный видъ, къ которому можетъ быть отнесена частушка и который можетъ разсматри-

---

[1]) Вс. Миллеръ. Очерки русской народной словесности. Былины. Т. II. М. 1910. Статья „Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ“.

[2]) Въ сборникѣ бр. Соколовыхъ помѣщено десять „мѣстныхъ пѣсенъ“, въ томъ числѣ о „Прорытіи Бѣлозерскаго канала“ (въ 1846 г.).

[3]) А. И. Соболевскій. Великорусскія народныя пѣсни, т. VII. Предисловіе. — Также въ рецензіи на Д. Л. Зеленина въ „Литер. Вѣстникѣ“, 1902, кн. 3. См. также предисловіе П. А. Флоренскаго къ „Собранію частушекъ Костром. губ., Нерехтскаго у.“ (1910). — Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ ред. Е. Н. Елеонской. Изданіе Комиссіи по народной словесности при этнографич. Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э. М. 1914. Здѣсь и библіографія вопроса.

ваться, какъ издавна существующій въ народной поэзіи... Подобно длинной пѣснѣ, короткая риѳмованная пѣсенка принадлежитъ народной поэзіи всѣхъ странъ; какъ примѣръ можно отмѣтить малорусскую коломыйку, казачекъ, талалайку, польскій краковякъ, нѣмецкія Schnadahüpfln, турецкія манй, манэ и др.". Наши частушки бытуютъ въ народѣ рядомъ съ другими формами творчества (есть онѣ, напр., и въ сборникѣ бр. Соколовыхъ). Но въ послѣднія десятилѣтія онѣ особенно расплодились и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ получили весьма широкое распространеніе. Крикливая частушка назойливо терзаетъ интеллигентское ухо и создаетъ иллюзію, что въ ней вся суть. И за это она несетъ заслуженную кару: въ глазахъ образованнаго человѣка она стала синонимомъ музыкальной безвкусицы и печальнымъ признакомъ разложенія народной жизни. Такая катоновская суровость эстетически понятна [1]). Но и частушка не безъ основанія привлекаетъ къ себѣ вниманіе со стороны изслѣдователей народнаго творчества. Это особенно наблюдается теперь [2]). Д. К. Зеленинъ [3]), Е. Н. Елеонская и др. самый фактъ огромной популярности частушки объясняютъ ростомъ личности, усиленіемъ индивидуальности въ народной средѣ. Можетъ быть, что и такъ. Но глубоко справедлива Е. Э. Линева, когда, возражая Д. К. Зеленину, писала [4]): „Всѣ эти мысли о пробужденіи личности въ народѣ вѣрны, но считать частушку единственнымъ или даже главнѣйшимъ продуктомъ художественнаго творчества этой пробуждающейся личности врядъ ли возможно... Старинная народная пѣсня не вымерла и понынѣ"... Ее поютъ не только старые люди, но во многихъ мѣстностяхъ также молодежь, хотя и измѣняя ее, какъ въ текстѣ, такъ и въ мелодіи. „Совершенно невѣроятно, чтобы музыкальная талантливость народа исчезла безслѣдно, что пришлось бы предположить, если

---

[1]) Между прочимъ, въ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей Е. Н. Елеонской, есть небольшая статья Е. Дмитріевой „Замѣчанія о музыкальной сторонѣ частушекъ".

[2]) Съ частушками теперь начинаютъ знакомить и учащихся средней школы, какъ видно изъ учебниковъ В. Ѳ. Саводника и В. В. Сиповскаго. Ср. брошюру А. М. Путинцева „Народная пѣсня новаго времени" (Казань 1908) и статью А. Георгіевскаго „Частушка и ея мѣсто въ курсѣ народной словесности" („Вѣстникъ образованія и воспитанія", 1915, февр. Казань).

[3]) Новыя вліянія въ народной поэзіи. М. 1901 — Черты соврем. нар. быта по „частушкамъ". „Р. Вѣд.", 1903, № 3.

[4]) Жива ли народная пѣсня? „Р. Вѣд.", 1903, № 31.

принять частушку за единственную преемницу старинной пѣсни. Да и на дѣлѣ это оказывается невѣрнымъ... Въ народѣ создалась особая протяжная новая пѣсня". Однимъ изъ источниковъ послѣдней являются передѣланные въ народномъ духѣ романсы и пѣсни, напр., Кольцова, Некрасова, Никитина.

Говоря это, Е. Э. Линева затрагиваетъ новый и большой вопросъ о связи „народной" поэзіи съ творчествомъ отдѣльныхъ писателей. Самъ по себѣ этотъ фактъ опять отличается глубокой древностью. Общеизвѣстно, что былины, духовные стихи, сказки и т. п. обильно черпали сюжеты, мотивы и образы изъ старой нашей письменности. И наоборотъ. Вспомнимъ „Слово о полку Игоревѣ". Процессъ взаимодѣйствія никогда не прекращался. По отношенію къ XVIII в. въ спеціальной области любовной лирики вопросъ этотъ хорошо обслѣдованъ А. А. Веселовскимъ. Для XIX в. и для нашего времени картина та же.

Крестьянка Матрена Меньшикова удивила Гильфердинга, пропѣвъ ему „хорошую старинку", которая оказалась сербской пѣсней про Іову и Мару въ переводѣ Щербины („Пчела"). Мужъ Матрены и ея сынъ — люди грамотные, бывали въ Петроградѣ и, вѣроятно, отсюда завезли пѣсню съ горными вилами, родимой майкой и пр. Распространеніе грамотности, конечно, всего болѣе приближаетъ къ книжной поэзіи. Въ сборникѣ бр. Соколовыхъ есть цѣлый отдѣлъ, озаглавленный „Народныя передѣлки стихотвореній и романсовъ". Тутъ находимъ стихотворенія: С. Аксакова „Уральскій казакъ", Кольцова „Хуторокъ", А. Н. Плещеева „Я у матушки выросла въ холѣ", И. З. Сурикова „Тихо тощая лошадка по пути бредетъ", Л. Мея „Смерть матери".

Есть передѣлки нѣсколькихъ романсовъ. Чаще всего подобныя произведенія попадаютъ въ народную среду черезъ пѣсенники. Г-жа А. Якубъ изучила современные народные пѣсенники и убѣдилась, что „старинные чувствительные романсы проникали въ народную среду, прививались и жили въ ней", что по ихъ образцу творились „пѣсни новѣйшей формаціи", и что, несомнѣнно, прочно „обнародились". Стихотворенія цѣлаго ряда поэтовъ, начиная съ Ломоносова и Державина, продолжая Кольцовымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Никитинымъ, Некрасовымъ и кончая Надсономъ, Фетомъ, К. Р., М. Горькимъ и Скитальцемъ[1]).

[1]) А. Якубъ. Современные народные пѣсенники. Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XIX, кн. I. (1914 г.).

Во всѣхъ отмѣченныхъ стадіяхъ и формахъ, такъ наз., народной поэзіи мы видимъ продукты творчества отдѣльныхъ личностей, усвоенные массой и устно распространяемые.

Имена этихъ поэтовъ изъ народа остаются по большей части неизвѣстными. Но всегда были, есть и теперь поэты, имена которыхъ спасены отъ забвенія. Степень ихъ самобытности, такъ сказать „народности", до безконечности разнообразна. Нѣкоторые совершенно утратили свое „народное" лицо, слились съ общей массой литераторовъ. Такихъ, окультуренныхъ. писателей въ современной печати дѣйствуетъ очень много. Рядомъ съ ними найдутся, однако, и такіе, которые, свободно развернувъ свою поэтическую индивидуальность, не порвали съ народной почвой, творятъ въ народномъ стилѣ и часто для народа.

Я остановлюсь на творчествѣ двухъ поэтовъ этой категоріи, которые уже успѣли привлечь къ себѣ сочувственное вниманіе читателей и цѣнителей искусства. Это — Николай Алексѣевичъ Клюевъ [1]) и Сергѣй Александровичъ Есенинъ [2]). Оба они — кровныя дѣти крестьянской Россіи. Живутъ въ деревнѣ и ведутъ мужицкое хозяйство. Пока ихъ нельзя даже называть профессіональными писателями.

Н. А. Клюевъ родился въ 1887 г., въ Олонецкой губ., на рѣчкѣ Андомѣ, въ мѣстности, которая отстоитъ на 500 верстъ отъ желѣзной дороги; слѣдовательно, въ томъ глухомъ краѣ нашего сѣвера, гдѣ въ изобиліи еще находятъ золотыя россыпи народной поэзіи.

Семья Клюева — раскольничья. Дядя по матери былъ „самосожженецъ". Мать, поэтически одаренная женщина, сказительница и вопленица, отличалась строгимъ благочестіемъ. Ея вліяніе на сына было значительнымъ. Она сама учила его грамотѣ по часослову. Затѣмъ двѣ зимы мальчикъ походилъ въ сельскую школу. Этимъ и закончилось его образованіе. Такимъ образомъ, съ самаго дѣтства Клюевъ жилъ въ атмосферѣ напряженныхъ религіозныхъ интересовъ, среди людей крѣпкаго моральнаго закала.

„Духовной жаждой томимъ", Н. А. Клюевъ 16 лѣтъ ушелъ въ Соловки „спасаться" и надѣлъ на себя девятифунтовыя вериги.

---

[1]) Сосенъ перезвонъ. — Лѣсныя были. — Братскія пѣсни. — Мірскія думы.

[2]) Радуница.

Побывалъ онъ потомъ въ старообрядческихъ скитахъ и пустыняхъ, у „скрытниковъ“, былъ въ хлыстовскомъ „кораблѣ“ Давидомъ и слагалъ для братіи духовныя пѣсни — молитвы. За свои религіозныя и отчасти политическія убѣжденія ему пришлось дважды поплатиться тюрьмой. Имя Клюева весьма популярно среди „взыскующихъ града“, особенно на сѣверѣ. За нѣсколько десятковъ верстъ пріѣзжаютъ къ нему въ деревню, чтобы списать „Скрытный стихъ“ или „Бесѣдный наигрышъ“; какіе-нибудь самарскіе хлысты цѣлыми сотнями выписываютъ себѣ стихи Клюева. Нѣкоторыя его пѣсни ходятъ и въ устной передачѣ. Случайно нѣсколько стихотвореній Н. А. Клюева попали въ „Золотое Руно“ (въ 1908 г.).

Наши эстеты не могли не оцѣнить самобытной прелести Клюева. Между нимъ, съ одной стороны, Ал. Блокомъ, Бальмонтомъ, Городецкимъ, Брюсовымъ — съ другой, оказался интересный контактъ. Красота — многолика, но едина. Первая книжка Клюева, подъ названіемъ „Сосенъ перезвонъ“, вышла (въ 1911 г.) съ предисловіемъ Вал. Брюсова и посвящена „Александру Блоку — нечаянной радости“. Великъ былъ культурный соблазнъ для народнаго поэта. Его околдовала „магія словъ“, плѣнилъ узоръ изысканнаго стиля.

Клюевъ пріобщился тайнамъ эстетизма, постигъ ихъ, но быстро освободился отъ „вліяній“ и — нашелъ самого себя. Вѣдь благодать вдохновенія осѣняла его задолго до знакомства съ Блокомъ, еще тогда, когда онъ вовсе не думалъ о томъ, что пѣсни слѣдуетъ записывать, и что ихъ можно печатать. Это — самородный талантъ. „Баснословъ-баянъ“, онъ и теперь не знаетъ никакихъ „правилъ стихосложенія“: вольно слагаетъ свою „пѣсню-золото“, какъ слагали его предки, и говоритъ тѣмъ же мѣстнымъ нарѣчіемъ, какимъ говорятъ его односельчане. Не смущаясь, пишетъ онъ (въ „Бесѣдномъ нагрышѣ“):

Зой ку-ку загозье, громонъ съ гремью
Шаргунцами вѣшаетъ на сучья.

Клюевъ поетъ о томъ, что внушаетъ ему вѣщая душа, душа отшельника-поэта. Творческія думы любятъ благодать уединенія. Это зналъ Толстой, учившій „недѣланію“; знали это романтики, знаютъ и символисты.

Святая тишина царитъ въ глухой Олоніи, тютчевское silentium. Какъ въ уединенномъ хвойномъ лѣсу зимой. Безмолвіе. Солнце льетъ свой свѣтъ на хвои, покрытыя пуши-

стымъ снѣгомъ. Ни звука. Только изрѣдка хрустнетъ вѣтка, да послышится шорохъ прыгающаго зайца. Умиротворенная душа внемлетъ инымъ невѣдомымъ звукамъ. Человѣкъ становится мудрымъ и благоговѣйнымъ созерцателемъ жизни. Таково настроеніе Клюева. Ему внятенъ „сосенъ перезвонъ“; ему вѣдомы „лѣсныя были“. Поетъ онъ „братскія пѣсни“; думаетъ „мірскія думы“ и чуетъ Бога въ твореніи.

Народно-сказочная и духовная стихія слились воедино и опредѣлили поэтическій стиль Клюева. Онъ то вызываетъ тѣни сказочныхъ и былевыхъ героевъ, то вводитъ въ дѣйствіе святыхъ, какъ въ народныхъ легендахъ, и какую-нибудь „Паскарагу, ангельскую птицу“, вѣщихъ райскихъ птицъ — Куропь снѣжную, Габучину черную и Дребезду золотоперую.

Клюевъ — „пѣвучъ и многоцвѣтенъ“.

„Въ душѣ, какъ хмель, струится вѣщихъ звуковъ серебро — отлетѣвшей жаро-птицы самоцвѣтное перо“.

На пѣсню, на сказку разсудокъ молчитъ,
Но сердцу такъ странно правдиво, —
И плачетъ оно, непонятно груститъ, —
О чемъ? — знаютъ вѣтеръ да ивы.
. . . . . .

Потянетъ къ загадкѣ, къ туманной мечтѣ,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой —
Задумчиво нѣжной небесъ высотѣ
И ивамъ, лепечущимъ сладко.

Примнится чертогомъ покровъ шалаша,
Колдуньей лѣсной — незабудка,
И горько въ себѣ посмѣется душа
Надъ правдой слѣпого разсудка.

Пѣвучей думой обуянъ,
Дремлю подъ жесткою дерюгой.
Я — королевичъ Еруславъ
Въ пути за плѣнницей-подругой.

Дымится омутъ, спитъ лоза,
Въ осокѣ дѣвушка — русалка.
Она поетъ, манитъ на дно
Отъ нѣги яраго избытка...
Замри, судьбы веретено,
Порвись, тоскующая нитка

Тамъ пахнетъ на васъ „явью сказочною, древней“; здѣсь послышатся печальные мотивы народной лирики. Но надо

всѣмъ немолчно звучатъ „лазурные псалмы“. Природа для Клюева сказочный чертогъ, украшенный цвѣтными узорами, и храмъ, именно храмъ, а не мастерская. „Душа по лазури груститъ, по ладону ландышей, кашекъ“. „Природы радостный причастникъ“, поэтъ молится на облака или съ полуночною звѣздой уходитъ молиться въ оврагъ. Онъ не кладетъ земныхъ поклоновъ, не сплетаетъ рукъ крестомъ, а склонясь подъ сумрачною елью, горитъ невидимымъ огнемъ. Онъ поетъ, а вслѣдъ ему „святъ, святъ, святъ, — шепчутъ камни и растенья“. Въ природѣ, какъ въ храмѣ, всюду золото и благоуханье. „Въ златотканные дни сентября — мнится папертью бора опушка. Сосны молятся, ладонъ куря, надъ твоей опустѣлой избушкой“. „Схимникъ — боръ читаетъ требникъ“. „Болото курится, какъ дымное кадило“. „Ладономъ тянетъ отъ вешнихъ ракитъ“. Весной „въ кустахъ затеплилися свѣчки, и засинѣлъ кадильный дымъ; березки — блѣдныя бѣлички, потупясь, выстроились въ рядъ“. „Блѣдныя вербы въ кадильномъ дыму“. „Точитъ верба восковыя слезы“. „Душа по лазури груститъ, по ладону ландышей, кашекъ“. „Вечеръ нижетъ янтарныя четки“. „Черница — темь сядетъ съ пяльцами подъ оконце шить златны воздухи“. „Вижу горъ алтарь, степь кадильницу“. У „полѣсной яблони — пѣсни“ — „цвѣты плащаницы духмяннѣй“ [1]).

Такъ и кажется, что видишь передъ собой византійскую мусію, узоръ церковной парчи. Яркія, золотыя краски горятъ какъ жаръ, какъ золотой куполъ на солнцѣ. Это — русскій „златоцвѣтъ“, который такъ по душѣ нашему народу, любящему платья цвѣтныя и узорчатые, макасатовы красны сапожки, „поднизи плетеныя, сарафаны золоченые“, „шапки съ кистью до уха, опояски соловецкія, изъ семи шелковъ плетеныя“. Какъ „солнце — колоколъ точитъ благовѣстъ“, такъ и пѣсня Клюева гласитъ „о незакатномъ райскомъ днѣ“.

Вѣренъ ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошелъ къ земному долу
Полонъ звуковъ и огня.

Его „огнекрылая душа“ несется въ „Глубину Глубинъ“, гдѣ „незакатный Свѣтъ, только Свѣтъ одинъ“. Твердо онъ вѣритъ, что птицы райскія одолѣютъ лихого сокола и его

---

[1]) Ср. цѣльный образъ умирающей земли осенью въ стихотвореніи „Косогоры, низины, болота“ (въ „Лѣсныхъ былях“).

силищу неправую, что придетъ „вѣкъ колосьевъ золотыхъ“. Тревогой забилось сердце поэта, когда „желѣзное царство“ выслало несмѣтную силушку „со Вильгельмищемъ, царищемъ поганымъ“. Изъ потрясенной груди порою вырывались грѣшные клики. Но поэтъ знаетъ, что „желѣзо проклято отъ вѣка“, и что верба „ведетъ зеленый тайный причитъ про мужицкій рай, про пиръ вселенскій, про душевный градъ, гдѣ „Свѣте тихій“. И молельщикамъ гласъ почуялся:

Погублю Умъ Зла Я Умомъ Любви,
Положу препонъ силѣ Зміевой,
Проращу въ саду рощи тихія,
По землѣ пущу воды сладкія, —
Чтобы демоны съ человѣками
Перстнемъ истины обручилися,
За однимъ столомъ преломляли бъ хлѣбъ
И съ однихъ древесъ плодъ вкушали бы!..

Зарецвѣтная поэзія Клюева — что „тихозвонный, бѣлый скитъ“, среди міра грѣшнаго.

Сродни Клюеву — молодой, двадцатилѣтній пѣвецъ, С. А. Есенинъ, только что издавшій сборничекъ „Радуница“.

Порою кажется даже, что онъ еще не опредѣлился и нерѣдко поетъ по внушенію своего болѣе зрѣлаго собрата.

Живетъ Есенинъ въ с. Константиновскомъ, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., среди широкаго приокскаго раздолья. Учился въ церковно-приходской школѣ.

Съ первыхъ же минутъ своей жизни Есенинъ пріобщился къ народно-поэтическому міру. Онъ — „внукъ купальной ночи“. Матушка въ купальницу по лѣсу ходила, собирала „травы ворожбиныя“; тутъ и сына породила.

Родился я съ пѣснями въ травномъ одѣялѣ.
Зори меня вешнія въ радугу свивали.

Весеннимъ, но грустнымъ лиризмомъ вѣетъ отъ „Радуницы“. Славословье природы, поэзія быта, искорки молодой любви и молитвы Богу — вотъ спектръ этой едва распускающейся поэзіи.

Нѣжно любитъ Есенинъ свою родную сторону и находитъ для нея хорошія, ласковыя слова.

Топи да болота,
Синій платъ небесъ.
Хвойной позолотой
Вззвенниваетъ лѣсъ.

Тенькаетъ синица
Межъ лѣсныхъ кудрей,
Темнымъ елямъ снится
Гомонъ косарей.
По лугу со скрипомъ
Тянется обозъ —
Суховатой липой
Пахнетъ отъ колесъ.

Слухаютъ ракиты
Посвистъ вѣтряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.

Мила, безконечно мила поэту-крестьянину деревенская хата, гдѣ „пахнетъ рыхлыми драченами, у порога въ дежкѣ квасъ, надъ печурками точеными, тараканы лѣзутъ въ пазъ". Онъ превращаетъ въ золото поэзіи все — и сажу надъ заслонками, и кота, который крадется къ парному молоку, и куръ, безпокойно квохчущихъ надъ оглоблями сохи, и пѣтуховъ, которые на дворѣ запѣваютъ „обѣдню стройную", и кудлатыхъ щенковъ, забравшихся въ хомуты.

Поэзія разлита всюду. Умѣй только ощущать ее. А сколько поэзіи въ самомъ крестьянскомъ трудѣ! Можно залюбоваться на стараго дѣда, когда онъ чиститъ вытоптанный токъ; онъ — „какъ въ жамковой слюдѣ, и играетъ зайчикъ солнца въ рыжеватой бородѣ". Можно позавидовать пастуху, чьи хоромы — „въ мягкой зелени поля", кто на алы зори молится, у ручья причащается.

Когда намъ говорили о поэзіи крестьянскаго труда писатели-народники, напр. Н. Н. Златовратскій, и даже когда самъ Кольцовъ воспѣвалъ намъ урожай или покосъ, — мы не могли не подозрѣвать извѣстной идеализаціи. Но въ Есенинѣ говоритъ непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его языкъ дивными красками „Въ пряжѣ солнечныхъ дней время выткало нить", скажетъ онъ: или: „Выткался на озерѣ алый свѣтъ зари... Желтые поводья мѣсяцъ уронилъ"...

Для Есенина нѣтъ ничего дороже родины. „Если крикнетъ рать святая — кинь ты Русь, живи въ раю! Я скажу: не надо рая, дайте родину мою", — восклицаетъ онъ. Какъ и у Клюева, эта „любовь къ отечеству" слита у Есенина съ „плакучей думой" о родинѣ, объ этой „горевой полосѣ". И онъ, юный, рвется къ небесному, вѣчному.

Поэтъ — „странникъ улогій", „пришелъ на эту землю,

чтобъ скорѣй ее покинуть". „Пою я о Богѣ касаткой степной" говоритъ онъ о себѣ: „...На сердцѣ лампадка, а въ сердцѣ Исусъ". Онъ видитъ, какъ „на легкокрылыхъ облакахъ идетъ возлюбленная Мати съ Пречистымъ Сыномъ на рукахъ": „Она несетъ для міра снова распять воскресшаго Христа". Въ духѣ народныхъ легендъ разсказываетъ онъ, какъ „шелъ Господь пытать людей въ любови"; какъ „въ шапкѣ облачнаго скола, въ лапоточкахъ, словно тѣнь, ходитъ милостникъ Микола мимо селъ и деревень"; какъ „проходили калѣки деревнями" и говорили „страдальныя рѣчи". Его умиляютъ образы „свѣтлаго инока" въ скуфейкѣ и простыя богомолки.

Въ сердцѣ юноши-поэта „почиваютъ тишина и мощи", и языкъ его становится похожъ на языкъ Клюева. „Поля, какъ святцы, рощи въ вѣнчикахъ иконныхъ". „Дремлетъ рядъ плакучихъ ивъ, и какъ шелковыя четки — вѣтокъ бисерный извивъ". „И вызваниваютъ въ четки ивы, кроткія монашки". „Закадило дымомъ подъ росою рощи". „Спорынья кадитъ туманъ". „Запахъ ладана отъ рощи ели льютъ, звонки вѣтры панихидную поютъ". „Церквами у прясель рыжіе стога. Заунывнымъ каркомъ въ тишину болотъ черная глухарка къ всенощной зоветъ".

И заканчивается „Радуница" такимъ самоопредѣленіемъ поэта:

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосенъ, между елокъ,
Межъ березъ кудрявыхъ бусъ,
Подъ вѣнкомъ въ кольцѣ иголокъ
Мнѣ мерещится Исусъ.

Онъ зоветъ меня въ дубровы,
Какъ во царствіе небесъ,
И горитъ въ парчѣ лиловой
Облаками крытый лѣсъ.

Голубиный духъ отъ Бога
Словно огненный языкъ,
Завладѣлъ моей дорогой,
Заглушилъ мой слабый крикъ.

Льется пламя въ бездну зрѣнья,
Въ сердцѣ радость дѣтскихъ сновъ.

Я повѣрилъ отъ рожденья
Въ Богородицынъ покровъ.

Клюевъ и Есенинъ — тоже „народъ“, какъ и тѣ, кто поетъ залихватскія частушки.

„Всѣмъ по духу братъ, съ человѣками разошелся я жизнью внутренней“, говоритъ Клюевъ. И причины понятны Однажды у него вырвались даже горькія слова:

Святорусскій людъ теменъ разумомъ,
Страшенъ косностью, лютъ обычаемъ;
Онъ на зелень боръ топоры вострить,
Изумрудъ степей губить полымемъ.
Передъ сильнымъ — червь, онъ про слабаго
За сивухи ковшъ яму выроетъ,
Онъ на цвѣтъ полей тучей хмурится,
На красу небесъ не оглянется...

„Народъ“ есть нѣчто многосоставное и сложное; онъ, если угодно, дѣйствительно сфинксъ. „О, кто ты, родина?“ вопрошаетъ Клюевъ: „Старуха? иль властноокая жена? Для поэтическаго слуха ты полнозвучна и ясна“.

Клюевъ и Есенинъ нашли завѣтный кладъ изъ самоцвѣтныхъ камней. Благоговѣйной рукой они выкладываютъ изъ нихъ художественно-мозаичные образы. А иногда беззаботно подбрасывая ихъ на ладони, любуются ихъ яркимъ блескомъ и сочетаніемъ красокъ.

Клюевъ творитъ для народа, и народъ его знаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Клюевъ и Есенинъ интересны для Блока и Городецкаго. Творчество Клюева, какъ вьющееся растеніе, своими усиками цѣпляется за вѣтви поэзіи верховъ. Послѣдняя же сама издавна питалась и питается соками „народнаго“ творчества. Такъ было со временъ „Слова о полку Игоревѣ“. Для историка литературы безспорной истиной звучатъ слова М. Н. Сперанскаго, именно „что съ точки зрѣнія источниковъ положительно невозможно разграничивать, какъ двѣ совершенно чуждыя другъ другу области, устную литературу и литературу письменную, книжную... Если говорить о двухъ областяхъ русской литературы, то нужно говорить о нихъ, имѣя постоянно въ виду ихъ взаимодѣйствіе“ [1]). Это вѣрно не только по отношенію къ старинѣ. То же, въ сущности, явленіе наблюдаемъ мы и въ XVIII, и въ XIX вв., и въ наше время.

---

[1]) Проф. М. Сперанскій. Исторія древней русск. литературы. Изд. 2-е. М. 1914. Стр. 114.

Въ новѣйшей поэзіи отчетливо выдѣляется цѣлая струя художественнаго фольклоризма. Недавно въ одномъ и томъ же номерѣ „Рѣчи“ (1915 г., 6 дек.) рядомъ появились стихотвореніе Клюева „Что ты, нивушка, чернешенька? (вошедшее затѣмъ въ его „Мірскія думы“) и „Николины притчи“ А. Ремизова, представляющія художественный пересказъ народныхъ легендъ. И это, какъ всѣмъ извѣстно, не первый опытъ Ремизова. Поэтическій фольклоризмъ культивируютъ Бальмонтъ, Сергѣй Городецкій, Вячеславъ Ивановъ и др.

Итакъ, съ большой осторожностью нужно проводить грани въ царствѣ поэзіи. Многіе наши межевые столбы подгнили и падаютъ. Межи есть, но, чтобы вѣрно намѣтить ихъ, нужно забыть традиціонный взглядъ на „народъ“ и мыслить литературную жизнь страны какъ единый процессъ.

Хорошо сказалъ Н. А. Клюевъ:

Мы, какъ рѣкъ подземныхъ струи,
Къ вамъ незримо притечемъ,
И въ безбрежномъ поцѣлуѣ
Души братскія сольемъ.

Это — „голосъ изъ народа“.

Родникъ „народнаго“ творчества не изсякъ.

Пусть мѣстами его запорошило пылью, закоптило дымомъ; пусть кое-гдѣ несетъ онъ съ собою муть. Но сколько въ немъ кристально-чистыхъ и звонкихъ струй! Высоко бьютъ онѣ и золотыми искрами переливаются на солнцѣ поэзіи.

П. Сакулинъ.

ВСЕ ОБСТОИТЪ БЛАГОПОЛУЧНО.

Шестилѣтній Витя, вернувшись съ гулянія, позавтракавъ и поцѣловавъ маму, пошелъ въ дѣтскую къ нянѣ и затѣялъ свою любимую въ послѣднее время игру: онъ дежурный, а няня — папа, командиръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ папа вдругъ сталъ военный и началъ ходить въ караулъ и на ученія, съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ только и разговору было, что о войнѣ, Витя тоже ничѣмъ другимъ не интересовался и цѣлыми днями игралъ, или самъ изображая военнаго, или устраивая войну съ оловянными солдатиками, или вырѣзая и раскрашивая все тѣхъ же солдѣтиковъ, пушки, ружья, палатки и устраивая окопы, ямы и загражденія.

Нянинъ чулокъ, или шарфъ для раненаго часто вдругъ уменьшался на половину, а шерсть оказывалась вся спутанной — это Витя дѣлалъ проволочныя загражденія, пользуясь тѣмъ, что няня уходила въ кухню завтракать или обѣдать.

— Ты что же это, разбойникъ, опять шерсть мнѣ спуталъ, — ворчала няня.

— Я не разбойникъ, я развѣдчикъ,— поправлялъ совершенно серьезно Витя.

И няня терпѣливо распутывала шерсть и доставала обрывки веревочекъ, тесемочекъ и шнурочковъ, увѣряя Витю, что изъ нихъ загражденія выйдутъ еще лучше.

Сегодня Витя не желаетъ строить ни загражденій, ни окоповъ, онъ досталъ свою военную форму, одѣлся и идетъ докладывать командиру — нянѣ о томъ, что „все обстоитъ благополучно“.

За то время, что папа былъ военнымъ, Витя успѣлъ обо многомъ его разспросить, но иногда являлись все-таки недоразумѣнія, которыя обыкновенно разрѣшала мама. И сегодня

Витя усомнился въ томъ, чтобы „тамъ на войнѣ“ тоже докладывали: „Все обстоитъ благополучно.

Онъ началъ было по этому поводу говорить съ няней, но она не удовлетворила его, и Витя побѣжалъ къ мамѣ.

Въ столовой играла на піанино Соня, десятилѣтняя сестра Вити. Онъ рѣшилъ попросить ее, какъ она кончитъ урокъ, сыграть ему маршъ и побѣжалъ дальше.

Мама сидѣла въ креслѣ у своего письменнаго стола. Когда Витя подбѣжалъ къ ней, она вытирала глаза, и онъ понялъ, что мама плакала.

На минуту онъ остановился въ смущеніи. Мама плачетъ? Это такъ рѣдко бываетъ, это такъ необычно... Плакала мама, когда уѣзжалъ папа, Витя ее потомъ утѣшалъ, цѣловалъ и все повторялъ: — „Ты не плачь, мама, онъ скоро вернется...“ И сейчасъ Витя молча полѣзъ къ мамѣ на руки и шепнулъ:

— Не плачь... папа скоро вернется...

Мама грустно улыбнулась и погладила Витю по головкѣ.

— Ты что-то хотѣлъ спросить меня, мальчикъ, — сказала она.

Онъ уже забылъ, о чемъ хотѣлъ спросить и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Мама, вѣдь нельзя говорить „все обстоитъ благополучно“, когда война? А что онъ говоритъ вмѣсто благополучно? Говоритъ... что говоритъ?

Несмотря на не совсѣмъ понятный вопросъ, мама догадалась, чѣмъ интересуется мальчикъ, и сказала, что тамъ должно быть, все не такъ, какъ въ мирное время и никакихъ докладовъ о благополучіи не дѣлается.

— Ты папу спроси въ письмѣ, что тамъ дежурный говоритъ, — просилъ Витя. — Ты папѣ письмо пишешь? — Онъ показалъ на начатое письмо и какъ-то сразу не столько понялъ, сколько почувствовалъ, что причина маминыхъ слезъ именно въ этомъ письмѣ.

Въ чуткихъ дѣтяхъ, очень привязанныхъ къ матери, бываютъ удивительныя минуты какого-то проникновенія и умѣнія найти то слово или жестъ, которыми они сразу отвлекаютъ и успокаиваютъ душевную боль матери, точно хотятъ утѣшить ее тѣмъ, что, если кто то ее обидѣлъ, то-есть у нея и защитникъ.

— Ты ему напиши, что я тебя не огорчаю... слушаюсь... хожу съ няней гулять и... и все кушаю, „не привередничаю“...— придумывалъ онъ, чѣмъ бы утѣшить маму. — Правда?

— Правда, ты совсѣмъ хорошій мальчикъ, и я напишу

папѣ, что ты помнишь все, что онъ тебѣ говорилъ, и бережешь маму.

Мама поцѣловала Витю, и опять у нея на глазахъ были слезы.

— Иди теперь, милый, поиграй съ няней, — сказала мама, спуская Витю съ колѣнъ.

Онъ пошелъ въ дѣтскую, но желаніе играть у него пропало, и даже не хотѣлось просить Соню сыграть маршъ.

Няня заняла его какими-то разсказами, и скоро впечатлѣніе отъ маминыхъ слезъ прошло, а послѣ того, какъ за обѣдомъ мама весело разговаривала съ дѣтьми и даже смѣялась, Витя и совсѣмъ забылъ, что она утромъ плакала.

Зато, когда не только маленькій Витя, но и Сонечка уснули, мама опять сидѣла за письменнымъ столомъ, перечитывала письмо „изъ дѣйствующей арміи“, сама писала и плакала, долго, безутѣшно плакала.

„Витя, зачѣмъ ты заставляешь меня переживать такія тяжелыя минуты“, писала Ольга Андреевна мужу, „вѣдь теперь не то время, чтобы заниматься какими-то счетами. Я, проводивъ тебя, только одного хочу, чтобы ты остался цѣлъ и невредимъ, и даже не думаю о томъ, какъ пойдетъ наша жизнь, когда ты вернешься. Я очень рада, что ты увѣренъ въ благополучномъ исходѣ войны и для себя лично, и для нашей родины. Рада и тому, что ты доволенъ, что „опять на службѣ“, но зачѣмъ же обижать меня напоминаніями, что службу ты бросилъ ради меня, что „жить на средства жены“ тебѣ всегда было и есть тяжело и что я стою на твоемъ мѣстѣ и не даю тебѣ возможности дѣлать что-то, а ты вотъ доказываешь, что можешь все рѣшительно. Ну, и прекрасно, что можешь, и послѣ войны можно продолжать служить... Вѣдь мы ужъ давно не тѣ влюбленные, какими были двѣнадцать-пятнадцать лѣтъ назадъ. Ты не сердись, что я это говорю. Я вѣдь семьи разрушать не собираюсь и напрасно ты еще оскорбленіе прибавляешь мнѣ въ письмѣ, говоря, что знаешь — я „вздохнула свободно“, проводивъ тебя на войну. Да, къ сожалѣнію, я иногда чувствую счастье отъ того, что никто не пилитъ, не упрекаетъ меня въ чемъ-то, чего я не могу измѣнить, чувствую спокойствіе въ семьѣ, вижу, что дѣти тоже нормальнѣе живутъ и развиваются, когда не дѣлаютъ ихъ свидѣтелями „непріятностей между папой и ма-

мой", но я надѣюсь, что это испытаніе, эта ужасная война, если она пройдетъ для тебя благополучно, дастъ тебѣ и то, чего такъ не хватало тебѣ до сихъ поръ — умѣніе находить свое счастье.

Видишь ли, Витя, я вѣдь давно ужъ не претендую на то, чтобы счастье ты находилъ со мною. Найди его внѣ меня, но найди. Я повторяю то, что столько разъ говорила: лишь бы не заводилъ ты интрижки въ домѣ, лишь бы дѣти не понимали того, на что я закрою глаза, лишь бы ты не мѣшалъ мнѣ вести ихъ по моему крайнему разумѣнію, и все будетъ... относительно хорошо. Потому я говорю, чтобы мнѣ ты не мѣшалъ воспитывать дѣтей, что помогать ты не можешь, передать воспитаніе въ твои руки и самой не вмѣшиваться, ты самъ понимаешь, невозможно. Дѣти еще малы, имъ безъ мамы нельзя..."

Ольга Андреевна отложила перо и откинулась на спинку кресла.

„Безъ мамы нельзя, нельзя!.. И потому мамѣ надо жить и быть бодрой и не падать духомъ. И не показывать слезъ дѣтямъ, какъ вотъ сегодня показала", подумала она.

Но вѣдь каждому нужна поддержка, вѣдь у каждаго бываютъ минуты слабости, и какъ немного, въ сущности, нужно, чтобы опять явились и вѣра въ свои силы, и счастье въ душѣ! Иногда нужно одно слово сочувствія и пониманія, иногда довольно мысли, собственнаго воспоминанія...

Правда, всегда хочется имѣть друга, такого друга, который способенъ былъ бы на минуту забыть себя и отдаться другому. Не поученія ему читать, не повторять — „сама во всемъ виновата", а просто, если даже и виновата, пожалѣть, приласкать... А когда есть радость, удача, когда безпричинно хорошо и свѣтло на душѣ, развѣ тогда не чувствуется еще больнѣе свое одиночество?

Ольга Андреевна вспомнила, какъ тяжело ей бывало, когда она получала изъ какой-нибудь редакціи, или отъ какого-нибудь издательства предложеніе сдѣлать извѣстный переводъ и получала за эту работу гонораръ и признаніе хорошей переводчицы. Ей всегда хотѣлось, чтобы ея мужъ радовался ея радостью, и онъ всегда говорилъ, что онъ за нее очень радъ, но никогда она этого не чувствовала, напротивъ, чувствовала, можетъ быть, и не сознанную, но остро имъ испытываемую не то зависть, не то досаду.

— Судьба несправедлива, — любилъ говорить Викторъ Васильевичъ, — одному она даетъ все, другому — ничего. Я, можетъ быть, одареннѣе Ольги, во всякомъ случаѣ работоспособнѣе, но я, къ несчастію, не знаю языковъ, и вотъ она извѣстная переводчица, хотя ей эти гонорары совсѣмъ не нужны, а я пишу статьи, думаю, читаю... и никому ни мысли мои, ни статьи не нужны... А все отъ ненормальности положенія: я — не я, а мужъ моей жены. Средства принадлежатъ ей, въ моемъ заработкѣ она не нуждается.

Ольга Андреевна столько разъ слышала эти сѣтованія, что онѣ уже не дѣйствовали на ея душу, но осадокъ, тяжелый и непріятный, оставался даже и при воспоминаніи.

Первое время ихъ замужества она, замѣтивъ, что Виктору досадны ея самостоятельныя работы, пробовала отъ нихъ отказываться, но постепенно она поняла, что самой ей просто не достаетъ работы, съ одной стороны, а съ другой — причины для неудовольствія мужа все равно находились.

Не гонораръ и признаніе, такъ хозяйство въ маленькомъ имѣніи, которое Ольга Андреевна передала мужу только для того, чтобы занять его и чтобы онъ не жаловался, что она все можетъ безъ него сдѣлать. Что-нибудь да находилось, чтобы выразить недовольство.

Ольга Андреевна вышла за Виктора Васильевича не юной дѣвочкой, а самостоятельной, двадцатипятилѣтней дѣвушкой, привыкшей жить своимъ умомъ и своимъ трудомъ. Матеріальныя средства ея были хороши — отецъ, съ которымъ она жила вдвоемъ послѣ смерти матери, оставилъ ей имѣніе и небольшой капиталъ, а жизнь съ нимъ пріучила ее быть хорошей хозяйкой, вполнѣ независимой и свободной въ своихъ дѣйствіяхъ.

Съ отцомъ Ольга была очень близка и, можетъ быть, эта исключительная привязанность ея къ отцу и его отношеніе къ ней были причиной того, что требованія ея къ людямъ были высоки и не находила она въ мужѣ того, о чемъ мечтала и что было потребностью ея души.

Увлеченіе между Ольгой Андреевной Михневичъ и поручикомъ пѣхотнаго полка Любавскимъ началось давно, тогда еще, когда полкъ Любавскаго стоялъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Кіевской губерніи, гдѣ было имѣніе Михневичей. Послѣ смерти матери, когда отецъ Ольги вышелъ въ отставку и поселился съ дочерью въ имѣніи „Криница“, они часто ѣздили въ уѣздный городъ и за покупками, и по разнымъ

дѣламъ, и поразвлечься отъ однообразія деревенской жизни. Хоть и хорошо жилось Олѣ съ отцомъ и занята она была весь день, но молодость брала свое и познакомившись съ молодымъ, красивымъ поручикомъ, Ольга призналась отцу, что онъ ей нравится. Пригласили къ себѣ въ Криницу...

Какой хорошій былъ послѣдній годъ при жизни отца!..

Ольга Андреевна вспомнила елку для деревенскихъ ребятъ. Какъ хорошо было вмѣстѣ съ Любавскимъ ходить по лавкамъ, дѣлать покупки, а потомъ ѣхать на парѣ своихъ лошадокъ по ровному, снѣжному полю!.. Какъ славно было, подъѣзжая къ усадьбѣ, видѣть огонекъ въ окнахъ дома, слышать лай собакъ, знать, что тебя ждутъ и что малѣйшее твое чувство понятно отцу и не нужно лишнихъ словъ, довольно иногда взгляда, чтобы обмѣняться впечатлѣніями. А ребята какъ радовались елкѣ!.. Любавскій все удивлялся, что Ольга Андреевна знаетъ всѣхъ Васюковъ, Грицекъ и Марусь, помнитъ тетокъ, бабокъ и проч. Ему всѣ они казались на одно лицо, а она выросла съ ними, у многихъ своихъ сверстницъ крестила ребятъ, а переѣхавъ совсѣмъ въ Криницы, учила старшихъ въ школѣ и у себя на дому.

Да, хорошо было на Рождествѣ, еще лучше на Пасхѣ. Сама, съ помощью бабки Хиври и дивчины Гапульки, дѣлала Ольга Андреевна бабы, по мѣстному „папушники“, красила писанки и пекла мазурки и пляцки. И Викторъ Васильевичъ, взявъ отпускъ на всю пасхальную недѣлю, жилъ въ одной изъ свободныхъ комнатъ небольшого, но уютнаго дома.

Была ли когда-нибудь потомъ такая заутреня, какъ въ тотъ годъ? Никогда не было такой!.. Пасха была поздняя, отцвѣла черемуха, цвѣли нарциссы въ саду, давно отцвѣли вишни, опалъ цвѣтъ яблонь и грушъ, и зацвѣтала сирень. Соловьи уже пѣли въ старомъ густомъ саду...

Изъ церкви шли пѣшкомъ Ольга съ Викторомъ, а отецъ поѣхалъ впередъ и ждалъ ихъ дома. Разговлялись втроемъ. Гостей ждали на первый день. Спалъ ли въ эту ночь старикъ отецъ, или только притворился уставшимъ и ушелъ съ балкона, чтобы оставить влюбленныхъ однихъ? Они въ то время не думали объ этомъ, они только чувствовали молодое увлеченіе, подъ вліяніемъ котораго казалось, что во всемъ они согласны, такъ же, какъ въ этомъ неудержимомъ желаніи полной близости...

Дальше, дальше сладкія грезы!.. Зачѣмъ травить душу этими воспоминаніями, когда повторенія быть не можетъ и

когда рухнули всѣ мечты. Ольгѣ Андреевнѣ хотѣлось написать мужу, о чемъ вспомнила она сегодня послѣ его письма, такого далекаго отъ тѣхъ словъ и писемъ...

Она вѣдь знаетъ, что сказалъ бы онъ на это.

„Я все тотъ же, измѣнилась ты. Отца ты признавала, меня не ставишь въ грошъ... Хозяйство ваше велось изъ рукъ вонъ плохо, я все наладилъ, все повелъ правильно, и мнѣ вмѣсто благодарности приходится слышать постоянно, что ты можешь обойтись и безъ моихъ услугъ...“

Ольга Андреевна, какъ живого, видѣла Виктора, какимъ онъ бывалъ въ минуты такихъ разговоровъ, и ей хотѣлось гнать, гнать эти воспоминанія. Ея любовь къ отцу, ея память къ нему раздражали мужа. Онъ когда-то сказалъ фразу, которую до сихъ поръ она не могла забыть.

— Я зналъ твоего отца и, при всемъ моемъ къ нему уваженіи, долженъ сказать, что онъ былъ обыкновенный человѣкъ, умный, не спорю, тебя любилъ, но особеннаго въ немъ не было рѣшительно ничего, и ты къ нему пристрастна, потому что похожа на него, такая же недотрога, все сама да сама... а сама умѣешь только надорваться и устать...

Ольга Андреевна долго плакала послѣ того разговора, когда была высказана эта фраза, и что-то оборвалось въ ея душѣ по отношенію къ мужу съ этихъ поръ.

И сколько обрывалось этихъ тончайшихъ нитей, связывавшихъ сердца ея и мужа, сколько вязалось узловъ и какъ иногда дѣлали эти узлы больно...

— Я прихожу къ заключенію, — вспоминалась еще фраза мужа, — что ты не создана для семейной жизни: тебѣ мужа не нужно, ты все сама, все одна можешь...

Сначала Ольгу забавляли эти слова, и она со смѣхомъ говорила, что не все можетъ одна... вотъ дѣтей, напримѣръ, одна не могла бы произвести на свѣтъ. Викторъ сердился и обрывалъ разговоръ, а потомъ началъ прибавлять къ этому уже обидныя для жены замѣчанія о томъ, что и дѣтей она достала бы себѣ, не связывая себя мужемъ. Тогда Ольга въ первый разъ вспомнила одинъ разговоръ съ отцомъ по поводу возможности ея брака съ Любавскимъ. Вѣнчались они уже послѣ смерти отца, но обручились на Пасхѣ, еще при его жизни. Отецъ сказалъ ему, что ему въ ней все дорого и все хорошо, но есть въ ней одинъ недостатокъ, который принесетъ ей много горя, это то, что она всегда даетъ больше, чѣмъ можетъ получить, и судитъ людей по себѣ. „Придется не разъ

больно стукнуться лбомъ о людское непониманіе, придется почувствовать свое душевное одиночество. Я не вижу человѣка, которому я передалъ бы тебя и могъ сказать: „нынѣ отпущаеши, Владыко..."

— А Любавскій, папа, развѣ ты не думаешь, что съ нимъ я буду счастлива? — спросила Ольга.

— Можетъ быть... не знаю... дай Богъ...

Потомъ, умирая, онъ говорилъ, что хочетъ вѣрить въ ихъ любовь и счастье, но вѣрилъ ли, Ольга не узнала...

Чего не дала бы она, чтобы знать это... И сколько разъ въ жизни вспоминала она слова отца, что придется больно стукнуться лбомъ...

Больнѣе всего было потерять вѣру въ человѣка, съ которымъ связала она свою жизнь, а вѣра эта была безповоротно потеряна.

Ольга Андреевна вдругъ вспомнила, что у нея лежитъ одно письмо, которое давно написала она мужу и такъ и не отдала; захотѣлось перечитать его и провѣрить теперь, когда все уже ясно въ ея душѣ.

Она открыла ящикъ стола и въ глубинѣ нашла толстую тетрадь, въ которую еще дѣвушкой записывала свои мысли и впечатлѣнія. Тутъ же было вложено и письмо.

Ольга Андреевна съ величайшимъ интересомъ принялась за чтеніе.

„Я пишу тебѣ, Витя, въ очень тяжелую минуту. Я не знаю даже, отдамъ ли тебѣ это письмо, но я не могу не высказаться... мнѣ слишкомъ больно. Ты знаешь, кромѣ тебя, у меня нѣтъ никого близкаго. Ты знаешь, какъ я вѣрила тебѣ и какъ любила тебя, и вотъ вѣра эта пропала... Я не знаю, пропала ли и любовь, думаю — нѣтъ, потому что, когда и любовь пропадетъ, будетъ все-таки легче. Но мнѣ невыносимо тяжело именно потому, что я люблю тебя и не могу помириться съ тѣмъ, что уже не вѣрю тебѣ. Чтобы ты не подумалъ, что „я все вообразила", какъ часто ты говоришь, я разскажу тебѣ, какъ случилось это величайшее для меня несчастье. Ты уѣхалъ въ Криницу и прислалъ мнѣ депешу, чтобы я выслала какой-то договоръ съ крестьянами, найдя его между бумагами въ среднемъ ящикѣ твоего письменнаго стола.

Я начала искать и, такъ какъ совершенно не знала, какой договоръ тебѣ нуженъ, развертывала и просматривала начало

каждой бумаги въ сѣрой папкѣ. Ты забылъ Витя, что въ сѣрую папку ты клалъ не только дѣловыя бумаги, и невольно далъ мнѣ въ руки документъ, который, конечно, давать не хотѣлъ.

Я не сразу поняла, что это такое. Подумала — выписки изъ какого-нибудь запрещеннаго произведенія, или выпущенныя цензурой главы романа. Но вдругъ я узнала что-то знакомое... Прошлымъ лѣтомъ, когда у насъ въ Криницѣ гостила тетушка, ты, пріѣхавъ изъ города, разсказывалъ намъ о встрѣчѣ съ барышней въ вагонѣ и о томъ, какъ она просила тебя помѣняться съ нею мѣстомъ, потому что у нея кружится голова, если она ѣдетъ спиной къ поѣзду. Ты очень весело разсказывалъ, что понялъ — барышнѣ просто хотѣлось завести знакомство, такъ какъ ѣхали вы вдвоемъ въ купэ, и она могла сѣсть рядомъ. Вы разговорились, вмѣстѣ вышли на вокзалѣ и поѣхали каждый по своимъ дѣламъ. Кто была барышня, ты сказалъ, что не знаешь, а въ разсказѣ твоемъ оказались неизвѣстныя мнѣ подробности. Я допускаю, что разсказъ ты писалъ не фотографически вѣрный, готова даже допустить, что не было ничего изъ тѣхъ приключеній, что описаны у тебя, но я невольно сказала себѣ, что, если ты, не писатель, нашелъ такія яркія краски, такія живыя сцены и записалъ ихъ, то пусть ихъ не было, ты о нихъ очень сильно мечталъ, такъ сильно, что сдѣлался на время талантливымъ писателемъ. Почему же ты не прочелъ разсказа, не говоря ничего о встрѣчѣ? Я, можетъ быть, нѣсколько раскритиковала бы разсказъ, но въ яркости и живости не могла бы ему отказать.

Эта сцена знакомства въ вагонѣ, потомъ поѣздка вмѣстѣ въ гостиницу по улицамъ маленькаго, тихаго городка, „съ вишневыми садочками, гдѣ любятся дивчины и паробки“, эта страсть, охватившая героя въ номерѣ гостиницы, и это смущеніе дѣвушки при вопросѣ, любитъ ли она цѣловаться, это превосходно. Я вижу худенькую, бѣленькую дѣвушку, смущенную, непонимающую, что съ ней, какъ могла она рѣшиться ѣхать съ незнакомымъ мужчиной въ гостиницу. Она, можетъ быть, дѣйствительно, еще ни съ кѣмъ не цѣловалась и искренно сказала объ этомъ. Но твой герой, „наклонившись къ ней такъ близко, что кудряшки на ея тонкой шейкѣ шевелились отъ его дыханія“, началъ говорить ей о томъ, что „цѣловаться пріятно“... Дальше идутъ подробности, которыя ты, конечно, помнишь и которыхъ мнѣ не хочется повторять

Кудряшки совсѣмъ растрепались, блузка оказалась растегнутой, и розовая дѣвичья грудь выглянула и привлекла вниманіе героя. Онъ схватилъ дѣвушку, отнесъ ее на кровать и вдругъ... вотъ тутъ ужъ очень неожиданно и неправдоподобно .. вдругъ онъ понялъ, что дѣвушка все лгала, что она отдается по расчету, и ему „стало больно, онъ оттолкнулъ ее и разрыдался“... Я думаю, было не такъ. Впрочемъ, я вѣдь не произведеніе твое разбираю. Я думаю, что, если даже и такъ было, т. что ты не воспользовался этой дѣвушкой, то въ дальнѣйшемъ разсказъ передаетъ вѣрно твое душевное состояніе.

Твой герой, отпустивъ ее изъ номера гостиницы, потомъ метался по всему городку, искалъ ее, ѣздилъ на вокзалъ, надѣясь ее встрѣтить, но она, какъ въ воду канула, и у него осталось въ душѣ щемящее чувство, что, можетъ быть влеченіе къ этой дѣвушкѣ и была та истинная любовь которой онъ ждалъ и не могъ дождаться въ жизни.

Какъ, ждалъ истиной любви? А наша съ тобой? Она не была истинною? Ты ждешь еще какой-то другой? А наши дѣти?

Впрочемъ, къ кому я обращаюсь!.. Ты вѣдь не можешь понять меня!..

Я только спрашиваю себя, какъ мы встрѣтимся? Что сообразитъ Соня, что почуетъ маленькій Витя? Я вѣдь не сумѣю попрежнему держаться съ тобой... Я не умѣю ни лгать, ни притворяться...

Ты пріѣдешь и сразу увидишь, что случилось, что-то, начнешь разспрашивать, горячиться, я, можетъ быть, не сумѣю овладѣть собою, и опять дѣти замѣтятъ, что папа и мама поссорились, Соня вся затихнетъ и спрячется въ себя, а Витя придетъ мирить насъ... Какъ не хочешь ты подумать, Викторъ, что это ужасно для дѣтей—переживать то, что выше ихъ пониманія, что только напрасно терзаетъ ихъ нервы, оставляетъ на всю жизнь горькій осадокъ, который потомъ будетъ портить имъ вкусъ къ жизни“.

Ольга Андреевна отложила письмо и вспомнила, какъ тогда одно за другимъ являлись ей подтвержденія того, что она правильно поняла мужа: онъ уже мечтаетъ о новой, какой-то „истинной“ любви, считая ихъ любовь не только прошедшей, но какъ бы и не бывшей. Это больше всего мучило Ольгу Андреевну, которая вѣрила, что Викторъ ее искренно любилъ.

Неужели же имъ руководилъ расчетъ? Конечно, и при

жизни отца я была то что называется — выгодная партія, а послѣ его смерти, когда выяснилось, что есть у меня и капиталъ, и имѣніе, пропустить такую партію, да еще принимая во вниманіе, что дѣвушка все-таки нравилась, было бы непрактично. И можетъ быть, ему казалось, что имъ руководитъ дѣйствительно любовь.

Странные, правда, бывали эпизоды. Напримѣръ, когда Ольга Андреевна ждала рожденія второго ребенка, Викторъ Васильевичъ ужъ, очевидно, соскучился и увѣрилъ себя, что онъ боленъ и необходимо ему ѣхать за границу лѣчиться. Была найдена и неврастенія, и повышенная чувствительность, и испорченное пищевареніе, и онъ выѣхалъ въ Карлсбадъ.

Ольга Андреевна въ душѣ была противъ этой поѣздки, но упрекала себя въ эгоизмѣ и старалась обмануть и себя, и мужа, собирая его въ путь и увѣряя всѣхъ, что онъ дѣйствительно нуждается въ лѣченіи.

Письма приходили веселыя, ласковыя, мужъ очень просилъ жену беречься, не утомляться, говорилъ, что чувствуетъ улучшеніе и поспѣшитъ какъ можно скорѣе вернуться домой. На слѣдующій годъ обязательно было повторить курсъ лѣченія, иначе, говорилъ докторъ, все пойдетъ на нѣтъ. Ольга въ это время кормила Витю и спокойно отпустила мужа, вся занятая ребенкомъ.

И въ письмахъ, и по пріѣздѣ Викторъ Васильевичъ много разсказывалъ о знакомствѣ съ какимъ-то господиномъ, у котораго было двѣ дочери — одна — разводка, а другая еще подростокъ, обѣ премилыя, и всѣ они такъ сошлись, что проводили все время вмѣстѣ. Жилъ папаша съ дѣтьми въ Москвѣ и приглашалъ Виктора къ себѣ въ гости, а онъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, если случится имъ быть тамъ проѣздомъ.

На выраженное Ольгой Андреевной удивленіе, какъ быстро онъ подружился и даже, не спросивъ ее, пригласилъ къ себѣ, Викторъ Васильевичъ вспылилъ и наговорилъ много лишняго, упрекая въ необоснованной ревности и напоминая, какъ сама Ольга Андреевна свободно держалась съ мужчинами, не допуская мысли, что онъ тоже можетъ ревновать.

Тогда эта вспышка прошла, какъ и другія, теперь она вспомнилась и получила другую окраску.

А затѣмъ пошли и другія подтвержденія мелькнувшему сомнѣнію.

Когда Витѣ было два года, у него временно была мо-

лодая няня, очень бойкая и, видимо, привыкшая къ интрижкамъ съ господами. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ являлась она къ барину, то за совѣтомъ насчетъ того, какъ ей раздѣлаться съ мужемъ, котораго она не любитъ, то съ просьбой дать лѣкарство отъ какихъ-то недомоганій, то просто съ ребенкомъ на рукахъ приходила „къ папашѣ", передавала ему Витю, затѣвала игру на коврѣ въ кабинетѣ, и и „папаша" все это признавалъ совершенно естественнымъ.

Ольга Андреевна однажды сдѣлала замѣчаніе нянѣ, та демонстративно рыдала весь день и не занималась ребенкомъ, а вечеромъ, когда Витя заснулъ и Ольга Андреевна пришла въ кабинетъ, Викторъ по самому пустячному поводу наговорилъ ей рѣзкостей и упрекнулъ въ несправедливости къ нянѣ.

— Няня мнѣ не нравится, — сказала Ольга Андреевна, — она больше занята бариномъ, чѣмъ ребенкомъ.

— Ревнуешь? Неужели я подалъ поводъ? — возмутился Викторъ Васильевичъ.

А черезъ нѣсколько дней, когда Ольга Андреевна сказала ему, что, конечно, поводъ онъ подалъ, иначе няня не позволила бы себѣ такъ съ нимъ держаться, и что барина къ ней тянетъ, это она чувствуетъ, но этого въ своемъ домѣ Ольга Андреевна не допуститъ. Тогда проговорили они чуть не цѣлую ночь. Викторъ Васильевичъ упрекалъ жену, что подсказываетъ ему то, чего онъ и не замѣтилъ и не чувствовалъ.

— Ну, если бы я даже и понравился нянѣ, что изъ этого слѣдуетъ? У тебя сейчасъ — „барина къ нянькѣ тянетъ"... ничуть... это няньку къ барину тянетъ, такъ я же въ этомъ не виноватъ...

И опять увѣренія, что онъ, Викторъ, чистъ передъ женой, а она ревнуетъ и подозрѣваетъ безъ всякихъ основаній.

И опять что-то тяжелое, мутное, точно туманъ, накатывалось на семью, и было одно желаніе — сбросить эту тяжесть во что бы то ни стало.

Няню разсчитала Ольга Андреевна и замѣнила старухой. Въ семьѣ временно насталъ миръ и тишина. Но раздраженіе въ Викторѣ Васильевичѣ не проходило. Онъ началъ ежегодно уѣзжать куда-нибудь на курортъ, а семья проводила лѣто въ Криницѣ. Когда папа возвращался, чувствовалась первые дни маленькая отвычка другъ отъ друга, а потомъ какъ будто опять все шло хорошо, но Ольга Андреевна уже поняла, что

единственная крѣпкая нить между нею и мужемъ были дѣти. Оба ихъ любили, и оба имъ были нужны. Викторъ Васильевичъ усиленно увѣрялъ жену въ своей неизмѣнной любви, но чѣмъ больше онъ увѣрялъ, тѣмъ меньше она вѣрила.

— Странно, Викторъ, — сказала она ему когда-то, — дѣти никогда не увѣряютъ меня, что любятъ маму.

— Напрасно не увѣряютъ, у нихъ мама такъ любитъ, чтобы ей говорили о любви, что если они не станутъ говорить, пожалуй, она и въ ихъ любви разувѣрится.

Спорить, доказывать безсмыслицу сказаннаго не хотѣлось, и Ольга Андреевна чувствовала все больше всю безвыходность создавшагося положенія.

Викторъ Васильевичъ давно вышелъ въ отставку, занимался хозяйствомъ въ Криницѣ, зиму проводилъ съ семьей въ Кіевѣ, гдѣ опредѣленнаго круга знакомыхъ у него не было, опредѣленныхъ занятій тоже, и онъ скучалъ и раздражался на жену, у которой всегда была работа и были свои дѣловыя знакомства.

Когда случалось, что въ театрѣ шла пьеса въ переводѣ Ольги Андреевны, она звала мужа пойти вмѣстѣ и скоро замѣтила, что изъ этого выходятъ лишь непріятности. Онъ обыкновенно хвалилъ и переводъ, и ея дѣятельность, но непремѣнно находилъ что-нибудь, къ чему придирался и что вызывало сцены.

То она не допускала его въ свои работы, то она черезчуръ утомлялась и неизвѣстно за чѣмъ гналась, то держалась слишкомъ непринужденно съ актерами, то ставила его какъ-то не такъ, какъ надо.

Договориться, однако, не удавалось, періодически вспыхивали нѣжныя чувства со стороны мужа, и жена не находила возможнымъ, живя подъ одной крышей и имѣя общихъ дѣтей, ставить точки надъ тѣми і, которыхъ такъ хотѣлось не видѣть.

Нѣсколько разъ приходила мысль взять дѣтей и уѣхать, хотя бы тоже за границу подъ предлогомъ лѣченія, но каждый разъ являлось возмущеніе: ради чего бросать свое гнѣздо и ѣхать въ нежеланныя условія жизни, когда проще уѣхать тому, кто этими условіями не доволенъ?

Начинались разговоры и кончались увѣреніями, что онъ-то доволенъ и любитъ, и жить безъ жены и дѣтей не можетъ, а она все чѣмъ-то не довольна... Выходила какая-то сказка про бѣлаго бычка...

И вдругъ нежданно-негаданно война.

Жили, какъ всегда, въ Криницѣ. Викторъ Васильевичъ собирался за границу и на счастье не успѣлъ выѣхать, какъ была объявлена мобилизація.

Сначала онъ храбрился и собирался вступить въ войска, но потомъ передумалъ и началъ даже хлопотать, чтобы, въ случаѣ призыва изъ запаса, остаться на нестроевой службѣ. Ольга Андреевна помогала въ этихъ хлопотахъ, но сдѣлать ничего не удалось, и осенью Любавскій былъ призванъ, получилъ роту, пробылъ съ нею въ Кіевѣ съ мѣсяцъ и былъ отправленъ на границу.

Ольга Андреевна, какъ большинство русскихъ женщинъ, приняла участіе въ работахъ, связанныхъ съ войной: шила, собирала, раздавала, помогала, гдѣ и въ чемъ могла. Виктора Васильевича, пока онъ еще не былъ призванъ, эта дѣятельность жены тоже раздражала и, когда, наконецъ, онъ уѣхалъ, когда кончилась эта суета послѣднихъ сборовъ, волненій и прощаній, Ольга Андреевна ясно почувствовала, что стало все-таки легче.

Это сознаніе не дало счастья, напротивъ, отъ него стало еще безнадежнѣе, но какъ ни было бы сильно сознаніе въ человѣкѣ, сильна въ немъ и животная сторона, которая легко отдыхаетъ и чувствуетъ просто счастье жить. И Ольга Андреевна успокоилась, и жизнь незамѣтно пошла ровно, покойно. На все находилось время — и дѣло сдѣлать, и отдохнуть, и дѣтьми заняться. Мучительно было останавливаться на мысли о томъ, что потомъ, когда все снова войдетъ въ колею, то снова подъ видомъ „благополучія“ не въ одной ея семьѣ, а во многихъ-многихъ, въ большинствѣ, должно быть, пойдутъ свои мелкія войны, стычки, недоразумѣнія... Неужели нѣтъ изъ этого выхода, неужели это въ порядкѣ вещей? Не можетъ быть!.. Выходъ найти необходимо.

И вспомнился маленькій Витя съ вопросомъ, что говорятъ тамъ на войнѣ вмѣсто — „все обстоитъ благополучно“.

Да, если бы и въ мирное время, если бы и въ каждой семьѣ отдавали себѣ отчетъ, что не все благополучно, и заранѣе принимали бы мѣры, можетъ быть, тогда не случались бы такія непоправимыя неблагополучія, отъ которыхъ не скоро можно оправиться и которыхъ не легко забыть.

Ольгѣ Андреевнѣ хотѣлось закончить письмо мужу добрымъ словомъ, хотѣлось найти въ своемъ сердцѣ искорку

того горячаго чувства, которое когда-то согрѣвало ихъ обоихъ, и она стала писать о дѣтяхъ.

„Забудемъ наши личныя недовольства другъ другомъ будемъ помнить, что у насъ есть Соня и Витя, которымъ нужны мы оба и которые скоро станутъ жить вполнѣ сознательной жизнью и будутъ ужъ не только любить, но и судить насъ. Пусть же дѣти наши не осудятъ насъ, пусть у нихъ останется къ намъ теплое чувство и пусть у насъ дѣйствительно будетъ „все благополучно“.

На минуту Ольга Андреевна почувствовала страшное утомленіе, захотѣлось разорвать письмо, или положить туда же, гдѣ лежало давно написанное и неотданное письмо мужу. Вѣдь все равно, никакія слова ничего не измѣнятъ, что-то сорвалось и покатилось по наклонной плоскости и будетъ катиться, пока не остановитъ какое-нибудь препятствіе, случайное препятствіе...

Отъ этихъ мыслей стало безнадежно на душѣ.

Ольга Андреевна наскоро прибавила нѣсколько словъ о здоровьѣ дѣтей и о своемъ, отъ души пожелала, чтобы „все кончилось благополучно“, и заклеила конвертъ.

Екатерина Экъ.

ПУСТЬ.

Пусть волна играетъ въ сонномъ морѣ
Иль бѣлѣютъ злые гребни... пусть.
Радость солнца, хмурой тучи горе —
Все давно я знаю наизусть.

Чаръ привычныхъ нѣтъ въ прибойномъ хорѣ,
Ровные туманы стелетъ грусть.
Стынетъ міръ въ единомъ приговорѣ:
Смерть тебя поглотитъ вскорѣ, вскорѣ...

Смерть меня поглотитъ? Пусть.

С. Радловъ.

1911 г.

НА ВЕРШИНѢ.

Романъ ТЕМПЛЯ СЁРСТОНА.

(Окончаніе.[1]*)*

XVII.

Лэди Діана была поражена тѣмъ, что Дикки, въ отвѣтъ на ея признаніе, не заключилъ ее въ свои объятія. Она съ радостной готовностью, со страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала этого. Но Дикки, ошеломленный неожиданнымъ чудомъ ея взаимности, не умѣя еще вѣрить въ чудо, сидѣлъ, не шевелясь, держа ея руку въ своей.

Его душа вновь переживала любовь, какъ первую и единственную. Рѣдко бываетъ, чтобы мужчина отдавалъ самое сильное свое чувство женщинѣ, наиболѣе его достойной. Въ жизни Дикки самой достойной, безъ сомнѣнія, была Констанція; но любовь, которую она нашла въ его сердцѣ, хотя прочная и нѣжная, не имѣла въ себѣ ни беззавѣтной пылкости юной любви къ Доротеѣ, ни могучаго порыва страсти къ лэди Діанѣ.

Дикки не умѣлъ сразу перейти на торопливую требовательность влюбленнаго, который украдкой срываетъ поцѣлуй, оглядываясь, какъ бы его не замѣтили. Ласки и поцѣлуи, эти дивные восторги любви — впереди! А пока ему было довольно сознанія, что она любитъ его. Это казалось ему чудомъ, непостижимымъ для ума...

Такъ они просидѣли нѣкоторое время, держась за руки, безъ всякихъ ласкъ. Только его пальцы съ бережной нѣжностью гладили ея руки. Передъ ними разстилался широкій просторъ родной Англіи, замыкавшійся вдали полосой моря;

[1]) См. Апрѣль, стр. 185.

не будь здѣсь лэди Діаны, одного этого пейзажа было бы довольно для Дикки, чтобы цѣликомъ уйти въ него. Они обмѣнивались короткими, сбивчивыми фразами; говорили то, что обыкновенно говорятъ влюбленные. Наконецъ, Дикки собралъ свои разбросанныя художественныя принадлежности, и они отправились назадъ, въ усадьбу. Каждый разъ, когда, въ тактъ шагамъ, рука лэди Діаны мѣрно колыхалась возлѣ него, Дикки касался ея пальцевъ, и тогда она поворачивала къ нему лицо со страстной нѣжностью во взглядѣ — это и было то, чего просило его робкое прикосновеніе. Лордъ Фредди оставался въ городѣ до поздняго вечера. Они обѣдали вдвоемъ, мучительно ощущая присутствіе молчаливаго дворецкаго, который, какъ тѣнь, стоялъ въ глубинѣ комнаты. Они говорили о вещахъ, имъ однимъ понятныхъ, но при этомъ упорно смотрѣли на свои тарелки.

День былъ облачный и душный, какіе выпадаютъ иногда весною, предвосхищая не пришедшее еще лѣто. Во время обѣда окна въ столовой были раскрыты, и ароматъ желтофіоля вливался вмѣстѣ съ струей воздуха. Это соблазнило ихъ послѣ обѣда выйти погулять по саду.

Здѣсь были бѣлые цвѣты, похожіе на звѣзды, окутанные ночнымъ туманомъ, и красные тюльпаны, потемнѣвшіе, съ закрытыми чашечками. Они прошли въ открытую бесѣдку изъ тисса, усѣлись и глядѣли, какъ ночь подымаетъ свою оранжевую лампаду надъ длинной грядой дымныхъ облаковъ.

Наконецъ, Дикки повернулся къ лэди Діанѣ и, взявъ ее за плечи, обратилъ къ себѣ ея лицо.

— Діана, — сказалъ онъ, — не часто въ жизни человѣкъ можетъ сказать, что онъ живетъ всей полнотой своихъ чувствъ и стремленій; что онъ достигъ того момента, когда все, что было раньше, и все, что будетъ позже, представляется ему далекимъ, какъ пропасть.

Она отвѣтила ему нѣжной улыбкой. И у нея было почти то же ощущеніе.

— Вы это теперь чувствуете? — спросила она.

— Нѣтъ, теперь еще нѣтъ. Но сейчасъ, когда я обниму васъ въ первый разъ, когда я буду цѣловать васъ, какъ я хочу цѣловать, тогда этотъ моментъ наступитъ: это будетъ высшая точка моей жизни, и никогда никакая минута не достигнетъ этой высоты.

Онъ могъ сидѣть и ждать наступленія этой минуты, но лэди Діанѣ, пропитанной жгучимъ трепетомъ его страсти, это

откладываніе казалось невыносимымъ. Ея глаза, ея полураскрытыя губы, ея томно поникшая голова — все кричало противъ отсрочки.

— Дикки, — прошептала она, — обними же меня...

Онъ привлекъ ее къ себѣ въ объятія. Величайшій моментъ его жизни, когда онъ почувствовалъ жаркую сладость ея губъ, пришелъ и исчезъ. Діана стала для него существомъ, которое онъ любилъ и любовь котораго онъ завоевалъ. Минута, когда ожиданіе соединилось съ осуществленіемъ, прошла. Какъ всегда бываетъ у мужчинъ, его мысль уже устремилась впередъ, къ будущему, которое лежало передъ ними.

— Вамъ не приходило въ голову, — говорилъ Дикки шопотомъ лэди Діанѣ, прильнувшей къ его груди, — что нашъ сегодняшній обѣдъ вдвоемъ — какъ бы отраженіе въ миніатюрѣ нашей общей жизни въ будущемъ?

Она лежала такъ тихо, что онъ подумалъ даже, что она не разслышала его словъ.

— Гдѣ и какъ это будетъ, я не знаю, — продолжалъ онъ, — но знаю, что будетъ одно: мы будемъ вмѣстѣ, и жизнь передъ нами и борьба! Можетъ быть, это слишкомъ по-мужски, но я не могу не думать о томъ, какъ я теперь буду работать, какія создамъ чудесныя вещи! Къ чорту проклятые портреты; я буду писать то, къ чему меня тянуло всю жизнь. И вы со мной, всегда со мной, всегда помогая мнѣ, какъ вы помогли сегодня утромъ нѣсколькими словами одобренія. Это эгоистично, я знаю; но я не забываю всего того, чѣмъ я буду для васъ, для тебя — возлюбленнымъ, мужемъ, отцомъ твоихъ дѣтей... и съ такой нѣжностью и вѣрностью, какой ты никогда еще не встрѣчала въ жизни.

Лэди Діана пошевелилась въ его объятіяхъ, высвободилась и сѣла рядомъ, съ недоумѣніемъ глядя на него.

— То-есть какъ это, Дикки! — медленно протянула она, — а что же съ Фредди? Какъ же онъ?

— Онъ дастъ разводъ... Развѣ нѣтъ?

Дикки вдругъ почувствовалъ ночную свѣжесть. Холодная дрожь прошла по его тѣлу.

— Разводъ? — повторила она.

— Ну, да... Развѣ онъ не согласится?

— О, да. Фредди, конечно, пойдетъ на это.

Дикки взялъ ея руку въ свою, тревожно и слѣпо ища мыслью причинъ внезапнаго уклона ея ясной рѣшимости.

— Но тогда что же? — спросилъ онъ.

— Ты, кажется, не совсѣмъ понимаешь меня, милый, — сказала она.

— Чего я не понимаю?

— Того, что такое разводъ... Ужасной пошлости всего этого. Вообрази. Имя треплется по всѣмъ газетамъ, фотографіи во всѣхъ уличныхъ листкахъ; ложь и сплетни разсказываются повсюду, въ надеждѣ на то, что жертва напишетъ опроверженіе и тѣмъ самымъ увеличитъ имъ розницу. А затѣмъ нашъ бракъ... Каковъ бы онъ былъ? Опять ничего тайнаго, ничего святого, опять мы были бы пищей для жадной прессы, которая сдѣлала бы изъ него сенсацію вмѣсто того таинства, которымъ ты бы хотѣлъ его сдѣлать. И это еще неполная картина! Дальше мы были бы съ тобой отверженными, паріями, изгнанными изъ общества. Кому интересно знакомство съ м-съ Ричардъ Ферлонгъ?.. А лэди Фредди Чэртрисъ скоро появилась бы новая. Я знаю, на комъ онъ женится, если бъ получилъ возможность. И подумай, Дикки, можно ли свое доброе имя довѣрить такому человѣку, какъ онъ? Сколько гадостей онъ уже говорилъ о насъ обоихъ а, вѣдь, я его жена.

Эти слова внезапно освѣтили Дикки ея точку зрѣнія, все то отношеніе къ жизни, противъ котораго онъ ринулся съ такимъ ожесточеніемъ.

— Мы можемъ уѣхать, — сказалъ онъ.

— Куда? Куда уѣхать отъ всего этого?

— На мельницу въ Бредонъ. Тамъ тихо, никого нѣтъ. Это старый домъ. Ты могла бы сдѣлать изъ него, что хочешь. Я знаю, что послѣ Бембриджа это бѣдно, убого, но помнишь, что ты сказала однажды у меня въ мастерской насчетъ моей мебели?

— Но это не значитъ уйти, Дикки. Тамъ, близко, Іуласъ-Холлъ, знакомые, и кругомъ во всей окрестности масса людей, которые меня знаютъ.

— Тогда уѣдемъ за границу... въ Италію. Въ одинъ изъ городковъ вблизи Рапалло. Кто можетъ встрѣтиться тамъ? Только случайный туристъ, но какое же это имѣетъ значеніе?

— И похоронить себя тамъ, Дикки? Навсегда?

— Отчего похоронить? — спросилъ онъ, — послѣ нашей жизни за эти два года это будетъ воскресеніе. Подумай только: мы съ тобой будемъ вмѣстѣ, вдвоемъ, на берегахъ

роскошной Адріатики! Я построю тебѣ тамъ виллу, Діана. Мы составимъ планъ дома, сада... какіе тамъ сады. Самъ Господь какъ будто садовничаетъ тамъ!..

Дикки сразу пришлось встрѣтиться съ препятствіями, о которыхъ онъ даже не помышлялъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, сердце щемило. Вѣдь ему приходилось бороться съ укладомъ общественныхъ условностей, — такимъ могущественнымъ орудіемъ. У него не было ничего, кромѣ любви и своего таланта.

Женщина съ душой болѣе возвышенной, чѣмъ у лэди Діаны, признала бы любовь побѣдительницей, объявила бы себя ея плѣнницей и съ радостью приняла бы это изгнаніе на берегъ дальняго моря, гдѣ эта любовь была бы ея стражемъ и хранителемъ. Но въ большомъ свѣтѣ рѣдко рождаются такія души. Роскошь, праздность и легкая, удобная жизнь мало способствуютъ развитію душевнаго благородства. Въ жилахъ Констанціи, выросшей въ убогихъ условіяхъ Дрюри-Лэна, текла болѣе благородная кровь.

Лэди Діана смотрѣла нѣсколько мгновеній на Дикки, не понимая, дѣйствительно ли онъ могъ сказать то, что онъ сказалъ. Но, наконецъ, она повѣрила, медленно постигая его міровоззрѣніе.

„Вотъ теперь сказывается въ немъ сынъ мельника, — думала она. — Онъ не можетъ меня понять“. Но все же страсть которую онъ пробудилъ въ ней, жгла ее желаніемъ.

— Нѣтъ, Дикки, этого не можетъ быть, — сказала она. — Ты смотришь на все это такъ, какъ я не могу смотрѣть. Ты не жилъ той жизнью, какой я жила все время. Я не могу отрѣзать себя отъ всего и уйти съ запятнаннымъ именемъ

Она обвила его шею рукой.

— Дорогой мой, — ласкающимъ шопотомъ сказала она, — неужели ты не хочешь понять?

— Тогда что это все значитъ? — воскликнулъ онъ горячо. — Что значатъ ваши слова о любви?

— Что я люблю тебя, — прошептала она, — и все то, что они могутъ значить до... самаго послѣдняго.

Дикки снялъ со своей шеи ея руку и сжалъ ея обѣ руки въ своихъ.

— Вы не будете моей женой?

— Я не могу... ты долженъ понять это. Мы можемъ быть вмѣстѣ... никто не будетъ знать.

— Вашимъ любовникомъ? — спросилъ Дикки.

Она склонила голову, какъ бы говоря этимъ движеніемъ, что она вся отдается ему.

Но Дикки отпустилъ ея руки.

— А лордъ Фредди? — спросилъ онъ.

— Изъ-за него не надо тревожиться, — отвѣтила она. — Фредди не посмѣетъ дать мнѣ разводъ, если я не захочу этого.

Дикки всталъ со своего мѣста и остановился передъ ней.

— Вотъ онъ, тотъ моментъ! — съ страстною горечью сказалъ она, повторяя свои предыдущія слова. — Когда все, что было раньше, и все, что будетъ впереди, кажется пропастью. Боже мой! Могъ ли я думать, что это будетъ такая пропасть?

XVIII.

Передъ Дикки былъ теперь самый серьезный въ его жизни конфликтъ. Ибо когда человѣкъ остается одинъ на одинъ съ такой дилеммой, властный зовъ его плоти почти заглушаетъ голосъ духа.

Онъ можетъ быть любовникомъ Діаны. Но надолго ли? Ради этихъ тайныхъ свиданій онъ долженъ принести въ жертву свое чувство чести и свободу своего искусства. Ясно, какой выборъ надо сдѣлать. Но противъ требованій совѣсти буйно закипала молодая кровь, жаждавшая возможнаго и близкаго блаженства!

Всю ночь до разсвѣта Дикки не спалъ. Онъ безпокойно метался на постели и то рѣшался, то вновь возставалъ, не чувствуя въ себѣ силы хладнокровно взвѣсить положеніе. Любимая женщина предложила ему самый священный свой даръ — всю себя. Такъ для чего же эти сомнѣнія, эти душевныя терзанія и отказъ принять ея даръ? Какой другой мужчина на его мѣстѣ задумался бы хоть на минуту? Откуда его колебаніе? Воплемъ рвались эти вопросы изъ его души, но онъ боялся отвѣтить на нихъ, ибо въ отвѣтѣ заключалось то рѣшеніе, принять которое было его долгомъ.

Какъ только разсвѣло, Дикки всталъ и подошелъ къ окну. По тому, какъ подымалось солнце, видно было, что предстоитъ теплый день. Оно было окутано свѣтлымъ искрящимся туманомъ и бросало снопъ свѣта на группу стрѣльчатыхъ елокъ на далекомъ холмѣ. Птицы проснулись съ первыми проблесками зари; Дикки видѣлъ, какъ онѣ пере-

пархиваютъ съ яблони на яблоню. Испугомъ зазвенѣлъ голосъ красношейки съ птенцами, когда по газону, крадучись, тихо прошла кошка. Далеко на полѣ онъ видѣлъ двухъ лошадей, плетущихся на работу, прижимаясь другъ къ другу, словно не совсѣмъ еще проснувшись. Все это манило Дикки на воздухъ, вонъ изъ этой комнаты, отравленной призраками безсонной ночи.

Онъ быстро одѣлся, сошелъ внизъ, отворилъ дверь и вышелъ въ садъ. Но въ какую сторону пойти? Къ тиссовой бесѣдкѣ, гдѣ они сидѣли вчера? Или на открытую поляну, гдѣ ярко золотился цвѣтъ терновыхъ кустовъ и гдѣ онъ услышалъ чудо: ея слова любви.

Дикки колебался одно лишь мгновеніе. Въ слѣдующее онъ уже повернулъ въ сторону поляны, гдѣ не было цвѣточныхъ клумбъ, разбитыхъ и подстриженныхъ въ симметричномъ порядкѣ; гдѣ садовникомъ былъ вѣтеръ, буйной рукой подбиравшій сѣмена и щедро разбрасывавшій ихъ кругомъ.

Дикки нашелъ то самое мѣсто, гдѣ они сидѣли наканунѣ. Въ землѣ видны еще были отпечатки ножекъ его стула; а вонъ, возлѣ кустика дрока, лежитъ брошенная лэди Діаной папироса, и тонкіе стебли травы вокругъ нея обгорѣли и стали коричневыми.

Дикки легъ въ растяжку на мягкую землю и тдался свободному теченію мыслей. Онъ не искалъ рѣшенія, не гонялся за нимъ; пусть оно придетъ свободно!

Въ этотъ ранній утренній часъ туманъ застилалъ море. Ромнейскія болота сонно раскинулись передъ нимъ, окутанныя солнечной дымкой. Только вдали, въ вышинѣ, воздухъ былъ ясенъ. Дикки лежалъ, смотрѣлъ, какъ пробуждается день, и размышлялъ: отчего онъ выбралъ это мѣсто, которое своими воспоминаніями можетъ ослабить его душу? Почему не пошелъ онъ въ ту бесѣдку, гдѣ узналъ такъ много?

Оттого, вѣроятно, что здѣсь онъ нашелъ то лучшее, что было въ Діанѣ. Здѣсь, на этой полянѣ, передъ нимъ развернулся ясный, широкій жизненный путь. Что́ изъ того, что она замужемъ? Въ бракѣ безъ любви нѣтъ никакого таинства. Это таинство онъ дастъ ей.

Но позднѣе, въ садовой бесѣдкѣ, ему открылась рабская зависимость души Діаны отъ всѣхъ свѣтскихъ условностей и пріемовъ, которые яко бы она всегда презирала. Тамъ она предложила ему компромиссъ, желанный его физическому существу; но лучшая часть его души возстала противъ него.

Дикки избралъ это мѣсто, какъ генералъ выбираетъ расположеніе своей арміи въ ночь передъ сраженіемъ: въ выборѣ уже заложены первые шаги къ побѣдѣ. Стратегическій пунктъ былъ избранъ правильно. Тамъ, въ саду, его преслѣдовалъ бы запахъ ея духовъ, ему чудилось бы жаркое прикосновеніе ея губъ. Здѣсь же не было ласкъ, которыя онъ могъ бы вспоминать. Здѣсь было только воспоминаніе о своемъ искусствѣ и объ ея признаніи въ любви. Эти воспоминанія желѣзнымъ щитомъ охраняли его душу въ томъ поединкѣ, въ которомъ ему предстояло сражаться въ это утро.

Быть любовникомъ Діаны, дѣлить съ ней самыя интимныя переживанія, это было искушеніе, жгучую власть котораго невозможно отрицать. Оно звало, оно требовало его согласія и, точно ударъ бича, больно хлестало по взбунтовавшейся плоти. Но надъ этими терзаніями, одиноко и непримиримо, свѣтилась ясная рѣшимость его духа.

Только наканунѣ утромъ, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ онъ не зналъ еще тѣлеснаго желанія. Діана была для него путеводной звѣздой для восхожденія на вершину совершенства, при свѣтѣ которой рождается въ немъ все завѣтное, все лучшее! Неужели взамѣнъ этой лучезарной полноты бытія пойти на сдѣлку, низменную по существу, пойти на нечистую связь съ женой другого человѣка, которая требуетъ лжи, обмана?

Всего нѣсколько часовъ назадъ онъ былъ въ зенитѣ, когда величайшія задачи искусства казались ему осуществимыми, когда онъ постигъ низшіе стимулы своей природы и рѣшилъ ихъ побѣдить. Неужели онъ теперь унизится до этого торжества голаго инстинкта и спрячется отъ истины, которой достигъ духъ его?

Дикки вскочилъ на ноги. Вѣтеръ рѣзко обдувалъ его лицо. Будто обращаясь къ широкому простору англійскихъ луговъ, гдѣ его совѣсть притаилась въ тихомъ ожиданіи рѣшенія, онъ громко воскликнулъ:

— Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!

XIX.

Въ этотъ день въ Бембриджъ должны были пріѣхать гости. Дикки не видалъ лэди Діану до самаго лѣнча. Утро она пролежала въ постели, тамъ же и завтракала.

Когда онъ, наконецъ, увидѣлъ ее въ столовой — въ той самой комнатѣ, гдѣ они наканунѣ обѣдали вдвоемъ — снова поднялось въ немъ волненіе. Она тоже провела безсонную ночь, но утренній отдыхъ возстановилъ ея свѣжесть настолько, что она показалась Дикки такой же красивой, какъ всегда. Но въ ея глазахъ было страданіе — ужъ не измѣнила ли она своего рѣшенія? Когда они здоровались, ея рука была тепла и задержалась на мгновенье въ его рукѣ. Можетъ быть, все же она будетъ его женой? Надежда запѣла въ сердцѣ Дикки. Въ горлѣ у него пересохло.

Во время лѣнча лордъ Фредди былъ не въ духѣ и говорилъ только о томъ, какая скука занимать гостей, пріѣзжающихъ проводить конецъ недѣли.

— Что́ вы на это скажете, Ферлонгъ? — спросилъ онъ. — Не правда ли, удовольствіе занимать кучу людей, которыхъ видишь разъ въ десять лѣтъ?.. Но они-то не оставятъ своей критикой вашъ винный погребъ. Люди, которые опоздавъ на поѣздъ, возмущены и оскорблены тѣмъ, что не находятъ на станціи экипажа.

— Если такъ, то зачѣмъ они вамъ? — спросилъ Дикки.

— А что же больше дѣлать съ субботы до понедѣльника? — былъ отвѣтъ лорда Фредди. Затѣмъ, онъ повернулся къ лэди Діанѣ и спросилъ: — Сегодня будетъ кто-нибудь изъ политиковъ?

— Мэллинсонъ и сэръ Энтони Гопвудъ.

— Боже милостивый! — воскликнулъ онъ и положилъ свой ножъ и вилку. — Я даже не прочиталъ сегодня утромъ газеты, а Гопвудъ пріѣдетъ съ номеромъ „Westminster Gazette“ подмышкой, а Мэллинсонъ, вооруженный „Spectator'омъ“ и „Saturday“, и цѣлый Божій день они будутъ ходить вокругъ да около парламента, обходя его, въ угоду мнѣ, какъ хозяину, и воображая себя поэтому идеаломъ корректности. А кто будетъ еще?

— Вилли Герришъ.

— Ну, онъ-то васъ развлекаетъ, а не меня. А дамы?

— Лэди Гопвудъ, м-съ Мэллинсонъ, Сильвія Стиръ.

— Что? Стиръ? Неужели та артистка?

— Да, та самая.

— Вотъ это хорошо! Она интересная. Будетъ ли она пѣть намъ? Она и играть умѣетъ тоже. Вообще, оригинальное существо. Какъ вы познакомились съ ней?

— Я просто написала и пригласила ее пріѣхать.

— Прекрасно. Я не думаю, чтобы она отказалась.

Лэди Діана перечислила мужу остальныя имена, но онъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Ему хотѣлось узнать еще что-нибудь относительно миссъ Стиръ. Лэди Діана могла сообщить ему только то, что она адресовала свое приглашеніе въ театръ съ просьбой переслать его, такъ какъ артистка это время не выступала.

— Откуда же она отвѣтила? — спросилъ онъ.

— Изъ Брайтона. Она отдыхаетъ тамъ.

Лордъ Фредди всталъ изъ-за стола и спросилъ газету. Позже Дикки съ веранды увидалъ его на лужайкѣ передъ домомъ. Онъ сидѣлъ въ плетеномъ крытомъ креслѣ и, развернутый во всю ширину листъ „Times'a“ скрывалъ его лицо.

— Когда я могу видѣть васъ одну? — спросилъ Дикки у лэди Діаны. — Мнѣ надо много сказать вамъ.

— Не сейчасъ, дорогой мой, — прошептала она. — Можетъ быть, сегодня вечеромъ, послѣ ихъ пріѣзда... или завтра утромъ. Я выберу время. Вы плохо спали эту ночь?

— Отчего вы спрашиваете?

— Глаза... Они не такіе, какъ были вчера утромъ.

— Я и не засыпалъ вовсе.

— Я тоже, — сказала она, — заснула только, когда солнце уже было высоко.

Она смотрѣла на него, и въ ея глазахъ свѣтилась безконечная нѣжность.

— Дорогой мой, — шепнула она, — неужели все кончено? Неужели о н о уже умерло?

— Умерло? — повторилъ онъ. — Нѣтъ, чувство такъ не умираетъ...

Онъ хотѣлъ говорить дальше, но запнулся: лордъ Фредди опустилъ свою газету и слѣдилъ за ними взглядомъ. Лэди Діана вопросительно подняла на Дикки глаза.

— Вашъ мужъ, — сказалъ онъ.

Она разсмѣялась и отошла.

Въ этотъ вечеръ за обѣдомъ Дикки разговаривалъ со своей сосѣдкой, м-съ Мэллинсонъ о политикѣ, въ которой былъ профаномъ; однако онъ сумѣлъ ошеломить и оскорбить почтенную даму и съ такимъ отсутствіемъ такта, — такова было ея мнѣніе — что она демонстративно повернулась къ своему другому сосѣду и больше не сказала съ Дикки ни слова.

Ея мужъ разсчитывалъ получить портфель въ слѣдую-

щемъ министерствѣ, поэтому ея единственнымъ политическимъ вожделѣніемъ въ данное время было — во что бы то ни стало смѣстить нынѣшній кабинетъ.

— Сейчасъ самый подходящій моментъ пустить въ ходъ нашу реформу тарифа, — сказала она. — Если бъ только можно было имѣть хорошихъ партійныхъ крикуновъ, которые тронули бы карманы и сердца избирателей, то мы бы очистили страну.

— А вы полагаете, что страна нуждается въ этой чисткѣ? — спросилъ Дикки, — не есть ли это только желаніе нѣкоторыхъ лицъ изъ правящихъ круговъ?

Оппозиція была совершенно неожиданна. М-съ Мэллинсонъ повернулась поглядѣть на своего оппонента.

— Вы, вѣроятно, радикалъ? — спросила она.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ онъ. — Я ни къ какой партіи не принадлежу.

— Ни къ какой? Никакого политическаго міровоззрѣнія?

Она была потрясена.

— Никакого.

— Господи! Какая примитивность! Это даже восхитительно. Значитъ, вамъ все равно, побѣдимъ мы или нѣтъ?

— Все равно, — сказалъ онъ. — Эти дѣла меня не интересуютъ. Мои ограниченныя политическія знанія позволяютъ мнѣ видѣть только правительство вообще и для блага страны. Я не политикъ и не признаю никакой другой политики, кромѣ этой. Я отстаю отъ событій. Я совсѣмъ не читаю газетъ.

— Не читаете газетъ! — воскликнула м-съ Мэллинсонъ, глядя на него съ жалостью. Встрѣтить такого молодого человѣка въ двадцатомъ вѣкѣ за обѣденнымъ столомъ!.. — Но отчего?

— Оттого, что вся эта шумиха дѣлается газетами. Чтобы имѣть розницу, печать создаетъ партійную политику; чтобы имѣть розницу, она культивируетъ самые низменные инстинкты толпы: раздуваетъ убійства, преступленія, разводы — все для того же. Изъ печати люди сдѣлали чудовище, которое пожираетъ самыя чистыя ихъ мысли и самыя честныя намѣренія. Поэтому я не читаю газетъ. Если бъ я жилъ дольше въ Лондонѣ, то, навѣрное, тоже втянулся бы въ это и тоже со временемъ заинтересовался бы партійной политикой. Но я имѣю надежду, что Господь убережетъ меня отъ этого.

— Однако! — сказала она. — Жаль, что вы держитесь такого взгляда. Чтеніе газетъ было бы вамъ не безполезно.

Съ этимъ она повернулась къ другому своему сосѣду, взволнованная, смущенная и разгоряченная.

Лордъ Фредди сидѣлъ во главѣ стола. Онъ былъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа и явно плѣненъ чарами капризно-кокетливой, какъ дѣвочка, Сильвіи Стиръ, своей сосѣдки. Она разсказывала маленькія сценки на діалектѣ, довольно грубовато, но умѣло подражая акценту, и всѣ кругомъ нея заливались неудержимымъ хохотомъ. Она умѣла „играть“. Не напрасно лордъ Фредди призналъ за ней это умѣніе. Она дѣйствительно играла въ продолженіе всего обѣда и большей частью при помощи глазъ. Они то широко раскрывались съ выраженіемъ самой дѣтской невинности, то сверкали хитрымъ огонькомъ тонкой проницательности.

Лордъ Фредди не сводилъ съ нея глазъ. Его восторженный взглядъ повторялъ ей много, много разъ: „Вы — волшебница“, и она, повидимому, была вполнѣ готова услышать это отъ него и устно. Онъ откладывалъ это на послѣ, когда они будутъ въ саду вдвоемъ, и она весь обѣдъ вела игру въ этомъ направленіи. Ей со всѣхъ сторонъ задавали вопросы, относящіеся къ разнымъ ея ролямъ, и наводили ее на воспоминаніе всевозможныхъ закулисныхъ исторій. Это выходило само собой. Весь этотъ конецъ стола былъ занятъ театральными разговорами до самаго конца обѣда. Когда дамы перешли въ гостиную, очередь перешла къ политикѣ.

На другомъ концѣ стола сидѣла лэди Діана и сэръ Вильямъ Черришъ. Среди всѣхъ присутствующихъ она казалась Дикки королевой. Одинъ только разъ за весь обѣдъ ея глаза встрѣтились съ его глазами. М-съ Мэллинсонъ совсѣмъ отвернулась отъ него. Дикки сидѣлъ одиноко, скатывалъ шарики изъ хлѣба и являлся объектомъ снисходительной жалости и презрѣнія дворецкаго, узнавшаго, что онъ — сынъ мельника.

Въ это время онъ поглядѣлъ на лэди Діану, и когда ихъ глаза встрѣтились, въ его сердцѣ проснулась надежда. Неужели она предпочтетъ все это тихой жизни вдвоемъ на берегу дивнаго голубого моря? Одинъ моментъ она глядѣла на него нѣжно, любовно — черезъ минуту она была снова любезной хозяйкой — и только.

Когда дамы удалились изъ столовой, Дикки, оказался рядомъ съ сэромъ Энтони Гопвудомъ, который былъ чрезвы-

чайно высокаго мнѣнія о работѣ Дикки: портретахъ лэди Діаны и лорда Прескотта.

— А сейчасъ кого вы пишете? — спросилъ онъ.

— Никого. Довольно портретовъ.

— Ай-ай-ай, это жалко! — сказалъ сэръ Энтони. — Развѣ они не оплачиваются лучше всякой другой работы?

— Да, конечно, — отвѣтилъ Дикки, — но оттого то именно я и отказываюсь отъ нихъ.

— Странный молодой человѣкъ, этотъ м-ръ Ферлонгъ, — говорилъ позже сэръ Энтони въ гостиной своей женѣ. — Строго принципіальный человѣкъ... слишкомъ даже строгій... Я бы сказалъ, что у него умъ за разумъ заходитъ. Онъ потеряетъ равновѣсіе въ концѣ концовъ и будетъ очень жаль. Но душа у него славная, молодая!

Въ тотъ же вечеръ, позже, когда гости разбились на маленькія группы, сообразно своимъ вкусамъ и наклонностямъ, Дикки очутился въ паркѣ вдвоемъ съ лэди Діаной.

Они молча пошли въ глубь, къ фруктовому саду, гдѣ персиковый цвѣтъ, усыпавшій дорожки, казался въ лунномъ свѣтѣ снѣгомъ.

— Ну что жъ? — сказала, наконецъ, лэди Діана, останавливаясь и глядя ему въ лицо. — Что же скажетъ мой возлюбленный?

Такой сіяюще прекрасной Дикки еще никогда не видѣлъ ее, какъ сейчасъ, въ черномъ платьѣ, съ ниткой жемчуга на шеѣ, облитую луннымъ сіяніемъ, которое не въ силахъ было холодными лучами застудить теплый тонъ ея кожи: она была создана для любви, для безумной молодой страсти. Но все же Дикки видѣлъ въ ней больше, чѣмъ одно это. Побѣда, одержанная имъ утромъ надъ самимъ собой, вопреки чисто чувственному влеченію къ ней, удерживала вокругъ нея романически чистый ореолъ, который нуженъ былъ его экзальтированной душѣ. И оттого ея вопросъ: „Что скажетъ мой возлюбленный?“ тяжелымъ камнемъ придавилъ воскресшую въ его сердцѣ надежду.

— Не возлюбленный, Діана, — сказалъ онъ твердо. — Это только среди другого, чѣмъ я могу быть. Но не однимъ этимъ.

— Вы думаете о своемъ искусствѣ? — спросила она.

— Да, о немъ и о васъ... и о себѣ.

— Какъ... обо мнѣ?

— Вы достойны лучшаго, чѣмъ быть чьей бы то ни было любовницей.

Онъ видѣлъ, какъ при этомъ словѣ ея плечи вздрогнули.

Много разъ она повторяла это про себя, въ тайникѣ своей души, но каждый разъ сама закрывала уши. Теперь же она не могла не слышать.

— Я могу уберечь себя, — сказала она гордо, съ искорками гнѣва въ глазахъ принимая это слово.

— Не такъ, какъ я могъ бы беречь васъ, — возразилъ Дикки.

— Значитъ, вы рѣшили?

— Да.

Она разсмѣялась надорваннымъ смѣхомъ, въ которомъ звенѣли слезы оскорбленнаго самолюбія.

— Собственно говоря, я должна была бы быть въ бѣшенствѣ отъ этого отказа. Что можетъ женщина предложить большаго? И получить въ отвѣтъ: не нужно, молъ. Если бъ это было съ другимъ человѣкомъ, не съ вами, я бы не могла больше взглянуть ему въ лицо. Отчего я не чувствую оскорбленія отъ васъ?

— Не мнѣ отвѣчать на это, — сказалъ Дикки. — По-моему тутъ нѣтъ оскорбленія. Я только прошу бо́льшаго, чѣмъ вы можете дать мнѣ. Отказываетесь вы, а не я.

— Я не отказываюсь, — воскликнула она горячо. — Какая женщина можетъ дать больше?

— Не всякая. Но вы можете.

— Вы требуете слишкомъ многаго, — воскликнула она. — Развѣ я не доказала вамъ уже, что это слишкомъ много?

— Я предпочитаю просить черезчуръ много, — сказалъ Дикки, — чѣмъ получить слишкомъ мало. Подумайте — чѣмъ бы мы стали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такой тайной, воровской любви? Какъ бы я могъ работать? Вѣдь, я бы чувствовалъ себя, какъ загнанный звѣрь, я бы вѣчно голодалъ по васъ и надо было бы лгать, придумывать, изворачиваться, лгать безъ конца для того, чтобы украсть хоть одинъ вашъ поцѣлуй.

— Ахъ, такъ это все ваша работа! — закричала она. — Я знала, что въ основѣ лежитъ это.

— Да, моя работа и все прочее также. Я хочу бросить это писаніе свѣтскихъ портретовъ. Это не занятіе для порядочнаго человѣка. Мнѣ надоѣло обезьянничать въ условіяхъ, неподходящихъ для меня. Я начинаю замѣчать, что когда приходятъ ко мнѣ въ мастерскую, мнѣ хочется, чтобы по-

нравилась моя старинная мебель, а не мои работы. Я соперничаю съ вашимъ милліонеромъ, который фабрикуетъ мыло или свѣчи и можетъ купить любую, попавшуюся ему на глаза вещь. Все это не для меня. Я — сынъ мельника и чувствую въ себѣ больше интеллектуальной силы чѣмъ имѣется у всѣхъ этихъ мыльныхъ и свѣчныхъ фабрикантовъ вмѣстѣ взятыхъ. Но у меня нѣтъ ихъ денегъ. Да, я думаю о своей работѣ, потому что она — мое все, и если между нами суждено быть чему-нибудь, то она должна быть важна и для васъ. Вы говорите, что любите меня... значитъ, вы любите сына мельника, — человѣка, который имѣетъ профессію и, ей Богу же, профессія эта достойна самаго большого уваженія.

Когда онъ начиналъ говорить такъ страстно и порывисто, то лэди Діана готова была слѣпо пойти за нимъ. Но вотъ его голосъ смягчился, сталъ ласкающимъ. Онъ взялъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Дорогая моя, — сказалъ онъ, — теперь не время для словопреній. Намъ есть только одинъ путь. При той любви, какую я чувствую къ тебѣ, невозможны полумѣры. Ты должна слить свою жизнь съ моей или ты останешься при своей, а я пойду своимъ путемъ, какъ сумѣю.

У лэди Діаны все звучала въ ушахъ фраза: „Значитъ, вы любите сына мельника“.

Съ поразительной отчетливостью ей представилась картина, какъ она сидитъ праздною, сложа руки на колѣняхъ, а онъ работаетъ, тамъ, на берегу Адріатическаго моря. И, конечно, въ этой праздности она будетъ думать о томъ, что они говорятъ всѣ здѣсь, въ Англіи. Она не могла настроить себя такъ, что тамъ ей это будетъ все равно. Нѣтъ, ее глубоко интересовало, что́ они всѣ думаютъ о ней... даже эта маленькая кокетка, которая весь вечеръ играла глазами съ лордомъ Фредди — и ей не было все равно.

— Чему же быть? — спросилъ ее Дикки.

Она поникла головой. Это былъ ея отвѣтъ. Онъ понялъ, что долженъ уйти.

— Тогда прощайте, моя любимая, — сказалъ онъ. — Поднимите голову. Я хочу унести съ собой одинъ поцѣлуй.

Лэди Діана ожидала, что тутъ его страсть вспыхнетъ яркимъ пламенемъ, но онъ поцѣловалъ ее такъ, какъ будто касался губами мрамора. Она почувствовала, насколько его душа выше ея души. Вдругъ она вздрогнула въ его объятіяхъ.

— Дикки! — шепнула она.

— Что такое?

— Кто это? Кто-то насъ видѣлъ. Вотъ тамъ! Онъ сейчасъ пройдетъ въ проходѣ тиссовой изгороди.

Они подождали и, дѣйствительно, черезъ секунду прошелъ высоко поднявъ голову, сэръ Энтони: но въ каждомъ го д,виженіи чувствовалось крайнее неудовольствіе.

XX.

Дикки и лэди Діана въ молчаніи вернулись къ дому. Въ большомъ вестибюлѣ, у подножья лѣстницы, Дикки подалъ ей зажженную свѣчу.

— Спокойной ночи, — сказалъ онъ. — Не вините меня. Я васъ не виню. И если вамъ когда-нибудь надоѣстъ все это, то вы знаете, гдѣ найти меня.

Кривая улыбка дернула его губы.

— Теперь я удостоился уже признанія „Who's Who". И, кажется, этимъ больше всего гордился мой отецъ передъ смертью.

Она постаралась тоже улыбнуться. Ей казалось: вотъ-вотъ еще минута, и она не выдержитъ; но въ то же время въ ея умѣ стойко держалось прежнее разсужденіе.

— Благослови васъ Богъ, — сказалъ Дикки. — Спите спокойно. Это все рѣшено. Вамъ не о чемъ больше тревожиться. Я найду какой-нибудь предлогъ и уѣду завтра.

Она хотѣла отвѣтить ему тоже прощальнымъ привѣтомъ, но голосъ ея оборвался. Она пошла наверхъ; по ея щекамъ неудержимо катились слезы. Дикки смотрѣлъ вслѣдъ, пока она не исчезла изъ виду, и затѣмъ направился въ курительную. Онъ уже заперъ за собой дверь, когда замѣтилъ, что въ комнатѣ сидитъ сэръ Энтони, въ одиночествѣ. Повернуть и уйти — значило бы сознаться въ своей винѣ. Поэтому Дикки вынулъ папиросу и пошелъ къ камину, гдѣ на полкѣ лежали спички.

Сэръ Энтони выглянулъ изъ-за листа „Saturday Review" и многозначительно откашлялся.

— Великолѣпная ночь, — сказалъ Дикки.

— Да, на рѣдкость прекрасная, — проговорилъ сэръ Энтони, — для этого времени года.

Вторую часть своей фразы онъ добавилъ не сразу, какъ будто раньше онъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое, но пере-

мѣнилъ подъ вліяніемъ какой-то мысли. Дикки замѣтилъ это. Онъ ломалъ себѣ голову, какъ бы уйти, чтобы это не казалось намѣреннымъ. Онъ взглянулъ на часы. Былъ двѣнадцатый часъ. Можно было сказать, что идетъ спать. Онъ направился взять подсвѣчникъ изъ цѣлой фаланги, выстроенной на старинномъ комодикѣ въ другомъ углу комнаты.

Сэръ Энтони изъ-за своей газеты увидѣлъ движеніе Дикки и снова откашлялся.

— Что, спать отправляетесь? — спросилъ онъ.

— Уже двѣнадцатый часъ, — отвѣтилъ Дикки.

— Да, да, конечно... Но погодите минутку. Я хотѣлъ бы... я хочу кое-что сказать вамъ. Конечно, это не мое дѣло... но въ смыслѣ опыта я какъ будто чуточку старше васъ, не такъ ли?

— Я не очень склоненъ признать это, — сказалъ Дикки, улыбаясь.

— Нѣтъ? Но оно такъ ясно, что не требуетъ признанія.

— Что такое? — спросилъ Дикки.

— Одинъ маленькій совѣтъ, молодой человѣкъ.

Онъ положилъ газету къ себѣ на колѣни.

— Я слушаю.

— Не ухаживайте... э-э... не волочитесь за замужними женщинами. Это... это, разумѣется, нисколько меня не касается; но, голубчикъ, не дѣлайте этого!

— Я не дѣлалъ этого, — живо отвѣтилъ Дикки.

— Вы не дѣлали? Ну да, конечно, я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло...

— Вы видѣли, какъ я цѣловалъ лэди Діану, — сказалъ Дикки смѣло.

— Да, я видѣлъ. И если это не называется волочиться, то... я, должно быть старше, чѣмъ думалъ.

— Все-таки, я не волочился, — повторилъ Дикки съ жаромъ. — Я влюбленъ въ лэди Діану и... и поэтому уѣзжаю. Я уѣзжаю завтра. Больше я ее не увижу.

— Очень радъ за васъ, — сказалъ сэръ Энтони. — Вернитесь къ своему дѣлу... это самое лучшее, что вы можете сдѣлать. Въ своемъ дѣлѣ вы мастеръ.

Сэръ Энтони хотѣлъ подчеркнуть, что политика и дипломатія — не дѣло Дикки.

— Я надѣюсь, сэръ Энтони, что вы не будете говорить о томъ, что вы видѣли сегодня вечеромъ. Не прида-

вайте этому значенія. Я... я прощался съ ней. Завтра меня уже здѣсь не будетъ.

— Можете быть спокойны, милый юноша, можете довѣряться мнѣ. Я ничего не скажу, если меня не спросятъ. Разумѣется, нельзя совершенно забыть то, что видѣлъ своими глазами. Но у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться. Я ничего не скажу, если меня не спросятъ.

Дикки зажегъ свою свѣчу.

— Васъ никто не станетъ спрашивать, — сказалъ онъ.

— Я и самъ надѣюсь, что нѣтъ, — отвѣтилъ сэръ Энтони. — Спокойной ночи. Рано лечь — это очень благоразумно. Я тоже черезъ минутку отправлюсь спать. Но не забывайте того, что я вамъ сказалъ... вернитесь къ своему дѣлу... Спокойной ночи!

На лѣстницѣ Дикки встрѣтилъ дворецкаго, обходящаго на ночь свои владѣнія. Тотъ пожелалъ ему спокойной ночи. Дикки вспомнилъ, что завтра утромъ уѣзжаетъ и поспѣшно полѣзъ въ карманъ.

— Я уѣзжаю завтра утромъ, — сказалъ онъ. — Мнѣ надо быть въ городѣ.

— Въ воскресенье, сэръ?

— Да.

Дворецкій принялъ свою мзду гораздо спокойнѣе и естественнѣе, чѣмъ если бъ Дикки пожелалъ пожать ему руку.

— Благодарю васъ, сэръ, — сказалъ онъ.

— Вотъ что! Передайте, пожалуйста, лакею... я забылъ, какъ его зовутъ... чтобы онъ уложилъ мои вещи завтра утромъ, сейчасъ же послѣ кофе.

— Будетъ сдѣлано, сэръ. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

И Дикки пошелъ дальше наверхъ, между тѣмъ какъ дворецкій сходилъ внизъ, разсматривая то, что у него было въ рукѣ.

Когда Дикки легъ въ постель, часы въ разныхъ концахъ дома пробили двѣнадцать. Чувствовалось, что сонъ такъ же далекъ отъ него, какъ и прошлую ночь. Онъ взялъ со столика книгу и попробовалъ читать. Невольно приходило въ голову, перестрадалъ и перечувствовалъ ли авторъ то, о чемъ онъ пишетъ, какъ страдалъ теперь онъ, Дикки; думалось о томъ, какъ отразится пережитое на его творчествѣ и будетъ ли онъ имѣть силу продолжать его, какъ онъ смѣло заявилъ лэди Діанѣ.

Сейчасъ не было мужества въ его душѣ. Ночное время — плохой помощникъ для энергіи. Дикки зналъ, что только сонъ можетъ снова вернуть ему бодрость, но онъ не могъ сомкнуть глазъ, онъ отложилъ книгу. Мысли вихремъ кружились въ его мозгу, и каждая изъ нихъ болѣзненно взвинчивала его нервы.

Печальная усмѣшка блеснула въ его глазахъ. Онъ понималъ теперь, что человѣкъ въ такомъ состояніи можетъ напиться, чтобы заснуть. Все, что угодно, только не этотъ кошмаръ наяву, среди гнетущей тишины, когда, казалось, его окружаютъ бѣсы, радующіеся его отчаянію.

Дальше Дикки не могъ переносить этого, онъ вскочилъ съ постели и сталъ искать папиросъ въ карманѣ своего сюртука. Портсигара не было. Неужели и этого облегченія онъ будетъ лишенъ? Гдѣ онъ могъ оставить ихъ? Онъ сталъ припоминать весь этотъ вечеръ подъ рядъ и въ какихъ мѣстахъ онъ курилъ. Одинъ разъ въ столовой послѣ обѣда. Но тамъ онъ ихъ не оставилъ, потому что курилъ еще позже на террасѣ. Затѣмъ еще разъ въ фруктовомъ саду, въ аллеѣ, гдѣ они съ лэди Діаной прохаживались взадъ и впередъ. А потомъ гдѣ еще? Папиросы, значитъ, были у него въ карманѣ. Передумывать всѣ эти реальныя мелочи было само по себѣ большимъ облегченіемъ для его натянутыхъ нервовъ. Да, Господи, а курительная? Вѣдь тамъ онъ раньше всего закурилъ, когда вошелъ и увидѣлъ сэра Энтони.

Не раздумывая долго, Дикки накинулъ халатъ и открылъ дверь. Все въ домѣ спало. Не было слышно ни звука. Когда онъ спускался внизъ, часы въ вестибюлѣ пробили одинъ.

У подножья лѣстницы Дикки остановился. Здѣсь онъ вручилъ лэди Діанѣ ея свѣчу, здѣсь онъ въ послѣдній разъ пожелалъ ей спокойной ночи.

— Какъ глупъ можетъ быть человѣкъ, — пробормоталъ онъ и тихо пошелъ коридоромъ къ курительной. Но все-таки онъ былъ радъ своей „глупости“ и чувствовалъ, что если бъ сейчасъ лэди Діана появилась здѣсь передъ нимъ, онъ снова повторилъ бы то же самое.

У дверей курилки онъ остановился въ нерѣшительности: тамъ былъ свѣтъ. Онъ припалъ головой къ двери, ожидая услышать голоса — „Вѣроятно, затянувшійся политическій споръ“ подумалъ онъ — но все было тихо.

Дикки очень хотѣлось раздобыть свои папиросы, и

онъ сталъ убѣждать себя, что въ курительной никого нѣтъ.

„Просто забыли потушить свѣтъ“, — подумалъ онъ, тихо отворилъ дверь и вошелъ.

Однако, комната не оказалась пустой. Въ большомъ креслѣ, вытянувшись отнюдь не живописно, лежалъ лордъ Фредди. Онъ крѣпко спалъ.

XXI.

Первымъ движеніемъ Дикки было уйти, не тревожить спящаго; но онъ уже вошелъ въ комнату — такъ отчего не сдѣлать еще нѣсколько шаговъ? Его портсигаръ лежалъ на полочкѣ надъ каминомъ. Затаивъ дыханіе, Дикки сталъ на цыпочкахъ пробираться туда. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ бралъ свой портсигаръ, лордъ Фредди пошевелился. Дикки оглянулся на него черезъ плечо, выронилъ портсигаръ, и тотъ съ звонкимъ металлическимъ стукомъ упалъ внизъ, за рѣшетку камина.

Лордъ Фредди открылъ глаза. Не измѣняя своего положенія, онъ съ крайнимъ недоумѣніемъ уставился на Дикки.

— Что? Что такое? — промычалъ онъ.

По его голосу Дикки сразу узналъ, что онъ пьянъ.

— Я оставилъ здѣсь свои папиросы и вотъ пришелъ за ними. Захотѣлось покурить передъ сномъ.

— Который часъ?

— Начало второго.

— Давайте выпьемъ.

Лордъ Фредди нашелъ возлѣ себя на столикѣ недопитый стаканъ виски и тотчасъ же поднесъ его къ губамъ.

— Нѣтъ, спасибо, — сказалъ Дикки.

Глотокъ виски нѣсколько оживилъ лорда Фредди. Онъ не безъ усилія сталъ принимать болѣе сидячее положеніе.

— Выпьемъ! — повторилъ онъ.

Дикки снова отказался, что, повидимому, является худшей обидой для человѣка, уже подвыпившаго.

Лордъ Фредди съ трудомъ поднялся на ноги, пошатываясь прошелъ черезъ комнату и долилъ свой стаканъ.

— Какой же вы компанейскій человѣкъ? — воскликнулъ онъ.

Дикки спокойно улыбнулся и закурилъ папиросу.

— Немножко позднее время теперь, чтобы проявлять свою компанейскую натуру, — замѣтилъ онъ.

Лордъ Фредди вернулся къ своему креслу.

— Чортъ меня побери! я ни въ какое время не видѣлъ васъ такимъ, — пробормоталъ онъ. — Вы пріѣзжаете сюда и гостите у насъ недѣлю и больше и бесѣдуете съ моей женой, но для меня, чортъ побери, у васъ никогда не находится ни слова. Для васъ я недостаточно развитъ. Такъ, что ли? Недостаточно тонокъ для такого утонченнаго человѣка, какъ вы.

Это было достаточно рѣзко, но даже рѣзкость, сказанная съ пьяныхъ глазъ, не вышла у лорда Фредди очень грубой. Онъ говорилъ почти спокойно и держался въ предѣлахъ приличія. Въ немъ все же чувствовался внукъ пятаго графа, хоть и сильно подъ хмѣлькомъ.

Однако на Дикки съ его легко уязвимымъ самолюбіемъ и болѣзненно-натянутыми въ этотъ вечеръ нервами, эти замѣчанія произвели ошеломляющее дѣйствіе. Онъ не зналъ, что́ отвѣчать. Лицо его горѣло.

— Я очень сожалѣю, если... если казался такимъ, — проговорилъ Дикки, конфузясь и какъ бы стараясь извиниться передъ хозяиномъ дома. Съ человѣкомъ, находящимся подъ хмѣлькомъ, такой тонъ не годится. Лордъ Фредди почувствовалъ себя господиномъ положенія. Онъ снова отпилъ изъ своего стакана. Если нѣсколько минутъ назадъ онъ испытывалъ нѣкоторую неувѣренность, то сейчасъ онъ вполнѣ овладѣлъ собой. Теперь Дикки опредѣленно представился ему высокомѣрнымъ гордецомъ — однимъ изъ зазнавшихся изъ свиты Діаны — котораго не мѣшаетъ осадить.

— Да, вы мнѣ казались такимъ, — продолжалъ лордъ Фредди запальчиво. — Немножко, милый человѣкъ, не по кораблю плаваніе. Конечно, вы умѣете писать красками и, говорятъ, даже хорошо... Но, въ концѣ концовъ, вы, вѣдь, всего только сынъ мельника; человѣкъ, который называетъ моего управляющаго „сэръ“.

При этихъ словахъ онъ возвысилъ голосъ. Да; онъ долженъ былъ возвысить его, чтобы заглушить какой-то внутренній инстинктъ, шептавшій ему, что этого говорить не слѣдовало.

Слова и тонъ задѣли Дикки за живое: точно струя воды плеснула ему прямо въ лицо. Вся кровь у него отхлынула, и щеки побѣлѣли. Сдѣлавъ надъ собой огромное,

почти невѣроятное усиліе, онъ, не говоря ни слова, повернулся къ двери. Еще моментъ — и его бы уже не было, онъ былъ бы спасенъ... но обстоятельства сложились иначе. Взглядъ лорда Фредди случайно упалъ на часы: было около половины второго.

— А зачѣмъ вы бродите такъ поздно ночью по дому? — спросилъ лордъ Фредди.

Ему внезапно вспомнилось все, что произошло въ этотъ вечеръ между нимъ и маленькой актрисой. Если бъ не ея увертки, онъ тоже могъ бы разгуливать въ этотъ поздній часъ въ халатѣ. Онъ не потерялъ еще надежды на ея благосклонность. А что́ же этотъ субъектъ дѣлаетъ у него въ домѣ? Невольно припомнилъ лордъ Фредди тотъ взглядъ, которымъ обмѣнялись Дикки съ Діаной утромъ на террасѣ — онъ съ лужайки замѣтилъ его. Да и все то, что ходило на ихъ счетъ! До его ушей долетѣли всѣ слухи: лэди Гамильтонъ и ея Ромней! Къ чорту Ромнея. Слишкомъ много онъ прощалъ Діанѣ. Теперь это уже черезчуръ.

— Зачѣмъ вы бродите? — повторилъ онъ.

— Я уже сказалъ вамъ, — произнесъ Дикки твердо, не понимая еще, къ чему тотъ клонитъ, — что пришелъ сюда за своими папиросами.

Лордъ Фредди расхохотался.

— Вы всегда не спите до двухъ часовъ ночи, а потомъ ходите за папиросами? — спросилъ онъ.

Въ умѣ Дикки мелькнула догадка. Рука его была уже на ручкѣ двери; онъ даже успѣлъ пріотворить ее, но теперь заперъ и вошелъ назадъ.

— Что́ вы хотите этимъ сказать? — спросилъ онъ.

— Что я хочу? А какъ вы думаете — что?

Самъ не зная зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, Дикки подошелъ къ столу, гдѣ стояли сифоны содовой воды и стаканы, и вынулъ пробку изъ графина рѣзного стекла.

— Я не имѣю никакого представленія, — сказалъ онъ.

Его спокойный голосъ вывелъ лорда Фредди изъ себя. Онъ, пошатываясь, направился къ нему ближе.

— Я хочу сказать, что вашу сказку о папиросахъ можете разсказывать кому-нибудь другому. Понадобились вдругъ папиросы ночью, въ половинѣ второго, когда всѣ въ домѣ спятъ, за исключеніемъ той, которая его ждетъ!

Дикки судорожно сжалъ пальцами пробку, которая была у него въ рукѣ.

— Вамъ слѣдуетъ лечь, — сказалъ онъ, — вы... вы пьяны.

— Я пьянъ? Пускай. Но все-таки голова у меня трезвая на столько, чтобы видѣть васъ насквозь.

Разъ подозрѣніе зародилось уже въ его мозгу, не было никакой возможности вырвать его оттуда. Отчасти его совѣсть была встревожена сознаніемъ собственной вины, отчасти онъ подзадаривалъ свое яко бы оскорбленное достоинство, но въ общемъ онъ рѣшилъ это дѣло выяснить. Они наединѣ. Въ этой части дома никто не можетъ ихъ услышать. А если бъ и такъ, ну и чортъ съ нимъ! Лордъ Фредди теперь уже окончательно увѣрилъ себя, что онъ поймалъ Дикки на мѣстѣ преступленія и сумѣетъ показать себя. Его дѣдъ выгналъ бы такого молодца палкой изъ дому, и онъ чувствовалъ въ себѣ ту же кровь. Еще не прошло доброе старое время, нѣтъ! Они могутъ считать палату лордовъ пустышкой — пускай! все-таки онъ покажетъ себя.

— Пьянъ я или не пьянъ, — загремѣлъ лордъ Фредди, — но вы не воображайте, что я буду сидѣть тутъ спокойно, пока вы пробираетесь въ ея спальню!

— Чью спальню?

Глаза Дикки метали молніи.

— Чью? Конечно, Діаны! Моей жены! Вы думаете, что я не знаю, — и всѣ другіе не знаютъ, — какую игру вы ведете вотъ уже второй годъ съ писаніемъ портрета и всей этой ерундой. Часами торчите вдвоемъ съ ней въ мастерской и не имѣете даже такта оставить это здѣсь, у меня въ домѣ!

Съ минуту Дикки не могъ выговорить ни слова. Онъ стоялъ, онѣмѣвъ отъ изумленія, съ полуоткрытытъ ртомъ и крѣпко стискивая въ рукѣ свою пробку.

— Что жъ? Я вижу, что вамъ нечего на это сказать? — закричалъ лордъ Фредди.

— Нечего? — задыхаясь, проговорилъ Дикки. — Да, я сынъ мельника, и по праву вашего титула я бы долженъ называть васъ „сэръ“. Но по своему собственному, человѣческому праву и на языкѣ мельникова сына я называю васъ презрѣнной и низкой гадиной. Если бъ вы не были мужемъ лэди Діаны, если бъ происходило это не у нея въ домѣ, я бы взялъ плеть и хлесталъ васъ до тѣхъ поръ, пока вы бы не упали. Подлая мелкая душонка!

Въ этихъ словахъ былъ ядъ мести, и лордъ Фредди не могъ не почувствовать его. На нихъ могъ быть данъ только

одинъ отвѣтъ — тотъ самый, который его сіятельный дѣдъ далъ бы семьдесятъ лѣтъ назадъ. Чувствуя въ себѣ духъ прекраснаго прошлаго, лордъ Фредди размахнулся кулакомъ въ лицо Дикки.

Дикки, защищаясь, поднялъ руку, державшую пробку, но слишкомъ поздно. Ударъ, не особенно сильный, попалъ въ цѣль. Лордъ Фредди, очевидно, счелъ борьбу легче, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ и, пользуясь своей удачей, сталъ сыпать направо и налѣво.

Оба скоро оказались съ синяками. У одного — на головѣ, у другого — была разбита губа. Это вызвало стонъ боли у Дикки, и тутъ уже глаза его налились кровью. Онъ сталъ страшенъ. Онъ былъ снова такимъ, какъ тогда на мосту въ паркѣ, когда боролся изъ-за собаки. Забывъ про граненую пробку, онъ высоко занесъ руку надъ головой лорда Фредди. Тотъ увидѣлъ грозящій ударъ и чувствуя, что онъ опасенъ, быстро наклонилъ голову вбокъ. Заостренная пробка ударила его за ухомъ. Онъ со стономъ свалился на землю.

Дикки провелъ рукой по лбу и положилъ пробку на столъ.

— А теперь вставайте и идите спать, — сказалъ онъ.— Развѣ я такъ больно ударилъ васъ?

Отвѣта не было.

„Онъ потерялъ сознаніе“, — подумалъ Дикки, съ тяжелымъ чувствомъ соображая, какъ онъ безпомощно свалился на землю. Онъ опустился на колѣни и произнесъ:

— Лордъ Фредди!

Въ тѣлѣ не было замѣтно никакого движенія. Дикки повернулъ его къ себѣ. За ухомъ зіяла глубокая рана; изъ нея упорно сочилась кровь. Сердце Дикки захолодѣло. Онъ взялъ попробовать пульсъ, но ничего не ощутилъ. — „Я слишкомъ взволнованъ, — сказалъ онъ себѣ, — поэтому не чувствую“. Онъ раскрылъ на груди лорда Фредди сорочку и приложился ухомъ: не было ни звука. Дикки всталъ на́ ноги, озираясь вокругъ. На столѣ лежало увеличительное стекло; онъ взялъ его и поднесъ къ губамъ лорда Фредди. Его рука дрожала, стекло стучало о зубы, но на немъ не было и слѣда дыханія.

— Онъ мертвъ, — пробормоталъ Дикки и, самъ не зная что́ дѣлаетъ, вынулъ изъ кармана своего халата носовой платокъ и сталъ затыкать кровь за ухомъ. Но что́ изъ того?

Онъ умеръ. Надо разбудить домъ. Дикки поднялся на ноги, невѣрной походкой прошелъ къ звонку и позвонилъ. Затѣмъ онъ снова вернулся къ тѣлу на полу и сталъ убѣждать себя.

— Теперь надо внимательно послушать. Черезъ минуту они будутъ здѣсь.

И онъ снова сталъ на колѣни возлѣ лорда Фредди и приложилъ ухо къ его груди. Сердце не билось. Это смерть. Дѣлать было нечего. Оставалось только ждать, пока придутъ. Онъ убилъ лорда Фредди, но убилъ, защищаясь. Они поймутъ это. Онъ ли можетъ, разсказать имъ, какъ это случилось. А какъ оно случилось? Они вступили въ ссору. Изъ-за чего? Изъ-за лэди Діаны. Лордъ Фредди обвинилъ его въ... но тутъ размышленія Дикки оборвались. Она не должна быть замѣшана въ это. Но отчего? Вѣдь, это ложь. Она можетъ честно... И снова мысль его замерла, какъ замираетъ на мгновеніе сердце. А сэръ Энтони? Можетъ ли онъ присягнуть? Вѣдь, ему Дикки признался, что онъ любитъ лэди Діану. Онъ обѣщалъ не говорить объ этомъ... если его не спросятъ. А теперь... теперь онъ сочтетъ своимъ долгомъ сказать.

Господи! Что же говорить имъ, когда они придутъ? Дикки побѣжалъ къ двери и насторожился: было тихо. Онъ минутъ десять стоялъ и ждалъ — казалось, прошла цѣлая вѣчность: домъ спалъ, никто не проснулся. Онъ заперъ дверь. Изъ его груди вырвался глубокій вздохъ облегченія. У него было время подумать.

Главное, лэди Діана. Ее надо во что бы ни стало спасти. Если бы сэръ Энтони разсказалъ что онъ знаетъ, ее могли бы даже заподозрѣть въ соучастіи. Ее постигло бы то самое, чего она такъ боялась — огласка, публичный скандалъ, трепаніе имени въ печати — отъ всего этого хоть отчасти надо уберечь ее. Такъ что жъ онъ можетъ сказать?.. Ничего. Ибо, если онъ будетъ говорить, то сэръ Энтони неизбѣжно скажетъ, что знаетъ.

Эта мысль заставила Дикки снова подойти къ двери, отворить ее и прислушаться. Глубокая тишина. Такъ кто же можетъ узнать? Никто. Лордъ Фредди былъ единственный человѣкъ, который зналъ, что онъ сошелъ внизъ. Сэръ Энтони видѣлъ, какъ онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, и дворецкій видѣлъ его. Кто же можетъ знать? Надо молчать. Только такимъ путемъ можно спасти ее. Мыслей о себѣ у Дикки не было.

Онъ оглядѣлъ комнату. Онъ не видѣлъ ничего такого, что могло бы быть уликой его присутствія здѣсь. Твердый въ своемъ рѣшеніи, Дикки тихонько вышелъ изъ курильной, закрывъ за собой дверь и оставивъ свѣтъ такъ, какъ онъ былъ. Затѣмъ, очутившись одинъ въ своей комнатѣ, онъ почувствовалъ себя въ полной безопасности. Не приходило ему въ голову только одно: что подумаютъ утромъ, когда найдутъ лорда Фредди мертвымъ? Мысль о томъ, что они зададутъ простой вопросъ: „Кто сдѣлалъ это?“, не приходила ему въ голову.

XXII.

Утромъ одна изъ горничныхъ, войдя въ курительную, нашла трупъ лорда Фредди. То, что она увидѣла свѣтъ въ комнатѣ, не поразило ее: часто онъ оставался на всю ночь. Но когда она наткнулась на неподвижное тѣло, лежавшее въ лужѣ крови, то съ страшными криками побѣжала въ кухню.

Дворецкій, сопровождаемый всѣмъ штатомъ домашней прислуги, взволнованной и любопытствующей, направился изслѣдовать дѣло. Женщины жались въ дверяхъ, мужчины вошли вмѣстѣ съ нимъ въ комнату. Они были подготовлены къ тому ужасу, который представился ихъ глазамъ. Горничная даже нѣсколько преувеличила его. Истерически всхлипывая, она кричала, что вся комната въ крови.

Хилльсъ приготовился отнестись къ событію хладнокровно и спокойно, но даже и онъ не выдержалъ и воскликнулъ „Боже мой!“, увидѣвъ хозяина, лежащимъ на полу.

— Онъ убилъ себя, — объявилъ Хилльсъ во всеуслышаніе, но такъ какъ и другое предположеніе было въ такой же степени вѣроятно, то онъ прибавилъ: — или кто-то его убилъ.

Суть въ томъ, что онъ былъ мертвъ. Тѣло застыло и окоченѣло.

— Пусть-кто нибудь изъ васъ пойдетъ, — сказалъ Хилльсъ, — и скажетъ ея милости, что лордъ Фредди скончались тутъ, въ курительной. Кто пойдетъ?

Онъ самъ былъ не изъ тѣхъ, кому хотѣлось взять это на себя. Впрочемъ, всѣ были согласны съ нимъ въ этомъ отношеніи: никто не откликался.

— Ну что же? — сказалъ Хилльсъ. — Кто пойдетъ? Кто-нибудь долженъ пойти.

Онъ указалъ на одну изъ дѣвушекъ, которая недавно сдѣлала ему непріятность. — Тиллетъ, — сказалъ онъ, — пойдите вы!

Дѣвушка жалобно захныкала.

— Нельзя сказать просто, что съ нимъ что-то случилось? — плакала она, — развѣ надо непремѣнно сказать, что онъ умеръ?

Тогда въ дѣло вмѣшалась камеристка лэди Діаны и заявила, что беретъ на себя увѣдомить госпожу. Хилльсъ стоялъ и отиралъ потъ со лба. Онъ зналъ, что это, собственно говоря, его обязанность, но былъ страшно радъ избавиться отъ нея.

— А вамъ совсѣмъ лучше уйти, — сказалъ онъ остальнымъ. — Какъ бы ни было, а это темное дѣло. Лэди не понравится, если цѣлая толпа будетъ стоять и глазѣть на нее. Расходитесь!

Перешептываясь между собой, они разошлись по коридорамъ, не особенно удрученные смертью хозяина. Первый испугъ прошелъ, и теперь было даже интересно. Что лэди Діана будетъ дѣлать? Это сильно занимало всѣхъ, особенно женщинъ. Одна изъ нихъ, любопытнѣе и смѣлѣе другихъ притаилась въ проходѣ и видѣла, какъ лэди Діана въ пеньюарѣ быстро пробѣжала мимо.

Въ курительной ее поджидалъ Хилльсъ. Когда она вошла, онъ стоялъ у дверей и сказалъ: „Доброе утро, ваша милость“. Онъ рѣшилъ предварительно, что онъ долженъ сказать именно это.

— Гдѣ онъ, Хилльсъ? — спросила она шопотомъ.

— Вонъ здѣсь, ваша милость. На полу? Я прикрылъ лицо, но я ничего не трогалъ. Вы тоже не извольте трогать.

Лэди Діана прошла черезъ комнату и остановилась, нервно прижимая руки къ лицу.

— Что дѣлать? — проговорила она едва слышно. — Вы увѣрены, что онъ... что онъ мертвъ?

— Къ сожалѣнію, увѣренъ. По-моему, смерть произошла нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Ахъ, Хилльсъ! какъ ужасно!

— Да, это ужасно!

Онъ думалъ, что она говоритъ о потерѣ мужа, но она говорила о смерти вообще, о такой внезапной и неожиданной смерти, какъ эта.

— Я ничего не могу, — пробормотала она. — Я не знаю, что дѣлать.

Внезапный ударъ ошеломилъ ея нервы. Съ усиліемъ она постаралась овладѣть собой.

— Пойдите, Хилльсъ, и попросите сюда сэра Вильяма Герришъ, — сказала она. — Скажите, что я прошу его придти сейчасъ же. Объясните ему, что́ произошло. Ступайте. Я подожду здѣсь.

Нѣсколько минутъ послѣ его ухода лэди Діана стояла, глядя на безгласное тѣло на полу. Она чувствовала жалость, но не къ нему. Ей было жаль растраченной, разбитой жизни. Она глядѣла, и въ сердцѣ ея было пусто. Она знала только одно: было бы лицемѣріемъ горевать и гнусно — радоваться своему освобожденію. Душа ея была въ смятеніи, и одно только сознаніе владѣло ею: такая смерть ужасна!

Наконецъ, словно загипнотизированная, она приблизилась къ тѣлу мужа. Ея сознанію еще не представлялась мысль, что она теперь свободна, что она можетъ выйти замужъ за Дикки. Но когда она стала снимать простыню, которой Хилльсъ накрылъ лицо покойника, эта мысль вдругъ сверкнула въ ея сознаніи, во всей полнотѣ своего значенія.

Тогда она снова опустила простыню; ей стало стыдно смотрѣть. Она опустилась на колѣни и закрыла лицо руками. Она свободна! Это ощущеніе поглощало все. Она боролась съ собой, боролась съ тѣмъ, чтобы не быть счастливой.

Но вотъ она нѣсколько пришла въ себя, отняла отъ своего лица руки. Какъ это случилось? Только сейчасъ эта сторона дѣла представлялась ей. Какъ это случилось? Фредди не могъ себя убить. Такихъ крайностей чувствъ и переживаній у него никогда не было. Онъ былъ убитъ. Будетъ слѣдствіе, и будутъ установлены всякія ужасныя подробности. Она содрогнулась при мысли, что должна будетъ давать показанія. Проклятая шумиха этихъ зловѣщихъ газетъ, которыя будутъ долго кормиться ея трагедіей — вотъ что томило ея душу страшнымъ предчувствіемъ.

Хилльсъ сказалъ: не трогайте ничего. Но что́ тутъ трогать? Вотъ онъ лежитъ. Ну, что можно вывести изъ этого? Лэди Діана почувствовала болѣзненное любопытство. Ей захотѣлось посмотрѣть, узнать, въ какое мѣсто онъ раненъ. Вотъ, подъ головой... и когда она стала разглядывать его бросилось въ глаза что-то бѣлое. Оно лежало подъ его плечемъ, пропитанное кровью.

Забывъ наставленіе Хилльса въ своемъ нервномъ возбужденіи, лэди Діана вытащила бѣлый предметъ изъ-подъ плеча мужа. Это былъ его носовой платокъ. Какъ онъ попалъ сюда? Но вдругъ взглядъ ея упалъ на монограмму въ уголкѣ платка: R. F. прочла она: Ричардъ Ферлонгъ! Это одинъ изъ платковъ, которые она какъ-то подарила Дикки. Что это значитъ? Она ничего не поняла, но инстинктъ самосохраненія проснулся въ ней: она поняла, что́ значило бы для людей, если бъ они нашли здѣсь этотъ платокъ.

Не давая себѣ времени обдумать и дѣйствуя по минутному наитію, лэди Діана отнесла окровавленный платокъ въ сторону, гдѣ на полу лежала газета. Стараясь не запачкать пальцы, она положила его на газету и быстро завернула. Инстинктъ ея дѣйствовалъ съ чудесной точностью. Она обвернула платокъ однимъ листомъ, потомъ другимъ, третьимъ. Теперь можно было не бояться; пятенъ не будетъ. Она вложила пакетикъ въ карманъ, среди пышныхъ складокъ своего пеньюара и тогда только подумала: что́ собственно она сдѣлала?

Она спасла Дикки — но отъ чего? Отъ ужаснаго подозрѣнія или отъ правосудія? Что изъ двухъ?

XXIII.

Ко времени утренняго завтрака весь домъ зналъ о трагическомъ событіи, Дикки лежалъ въ постели и ждалъ, чтобы лакей постучалъ въ дверь: мысль его была словно затуманена, но онъ все же со страхомъ ждалъ того момента, когда ему скажутъ о томъ, что произошло ночью. Разъ это будетъ пройдено, у него нѣтъ другихъ опасеній, кромѣ того, что сэръ Энтони можетъ счесть своимъ долгомъ говорить. Врядъ ли это будетъ такъ, но все-таки нѣкоторая вѣроятность имѣется. Помимо этихъ двухъ моментовъ ничто не удручало, не смущало Дикки. Сознаніе, что онъ спасъ лэди Діану отъ мучительныхъ осложненій и глухое ко всему прочему, точно усыпленное сознаніе давали ему спокойствіе, которое минутами изумляло его самого. Дня черезъ два только онъ понялъ, что его тогдашнее состояніе было очень похоже на гипнозъ, до того онъ былъ спокоенъ и невозмутимъ.

Даже когда наступилъ тотъ моментъ, котораго Дикки боялся, вышло такъ, какъ будто онъ со стороны смо-

тритъ на себя, разыгрывающаго роль, — смотритъ совершенно спокойно, потому что эту роль онъ должен̈ъ играть. Несомнѣнно, его спасала чистая совѣсть. Ударъ, который онъ нанесъ лорду Фредди, имѣлъ оправданіе. Ему нанесено было оскорбленіе; на него напали, онъ ударилъ, защищаясь: онъ хотѣлъ только проучить. Въ эту минуту, когда слѣпая ярость ударила ему въ голову, онъ не помнилъ, что у него въ рукѣ острая граненая пробка. И оттого онъ не испытывалъ никакихъ угрызеній. Если бы такой случай повторился, Дикки зналъ, что поступилъ бы точно такъ же, и возможно, что результатъ былъ бы тотъ же.

И вотъ когда въ дверь раздался ожидаемый стукъ, Дикки услышалъ свой отвѣтъ, спокойный и обычный. Вошелъ лакей.

Пока онъ ставилъ чайный подносъ на столикъ возлѣ кровати, Дикки быстрымъ взглядомъ окинулъ его лицо. Да, видно было, что онъ знаетъ, что всѣ уже знаютъ, но Дикки съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ ждалъ его словъ.

— Сегодня ночью, сэръ, случилось большое несчастье, — сказалъ, наконецъ, лакей, направляясь за платьемъ Дикки.

— Что такое? — спросилъ Дикки.

— Съ лордомъ Фредди, сэръ.

— А что съ нимъ?

— Онъ умеръ, сэръ.

— Умеръ?

— Убилъ себя или его убили... неизвѣстно, какъ.

Дикки съ минуту не отвѣчалъ. Это была не игра, но впечатлѣніе получалось гораздо сильнѣе, чѣмъ если бы онъ разразился восклицаніями изумленія.

— А лэди Діанѣ уже сказали? — спросилъ онъ.

— Да, сэръ. Первая увидѣла, что случилось, одна горничная. Она прибѣжала на кухню, и тогда Хилльсъ, и мы всѣ пошли въ курительную. А тамъ, на полу, онъ лежалъ въ своей собственной крови, можно сказать.

Трудно, дѣйствительно, было бы назвать ее какъ нибудь иначе.

— Затѣмъ Хилльсъ послалъ сказать ея милости, и онѣ сошли въ капотѣ и велѣли послать за сэромъ Вильямомъ Герришъ.

— Почему за нимъ? — спросилъ Дикки.

— Не могу знать, сэръ. Только думаю, что по старому знакомству.

Такимъ образомъ, Дикки получилъ полный отчетъ и чрезвычайно кратко изложенный, противъ лакейскаго обыкновенія.

— Хилльсъ сказалъ мнѣ, что вы желаете, сэръ, чтобы я уложилъ ваши вещи?

— Да. Я просилъ его объ этомъ вчера, когда шелъ спать. Но теперь, разумѣется, я не уѣду.

— Видите ли, сэръ, извините... пожалуй, ея милость теперь не расположена будетъ занимать гостей и вообще...

До того велико было самообладаніе Дикки, что онъ даже могъ улыбнуться этому замѣчанію.

— Я не то думаю, — сказалъ онъ. — Но, вѣдь, навѣрное, послали за полиціей?

— Да, я что-то слышалъ, сэръ. За сыщикомъ.

— Ну, вотъ. Ему надо будетъ, чтобы всѣ въ домѣ остались на нѣкоторое время на мѣстѣ. Такъ что укладывать вещи пока во всякомъ случаѣ нельзя.

— Слушаю, сэръ.

Вотъ какъ обошелся и закончился діалогъ, котораго онъ такъ боялся!. И когда, позже, Дикки встрѣтилъ въ коридорѣ сэра Энтони, съ вытянувшимся лицомъ и зловѣщимъ выраженіемъ, то былъ въ силахъ самъ начать разговоръ. У этого человѣка въ рукахъ отчасти лежала его судьба, Дикки рѣшилъ не затрагивать самому ихъ вчерашней бесѣды! Пусть сэръ Энтони самъ затрагиваетъ эту тему, но онъ не хотѣлъ уклоняться отъ того, что сейчасъ волновало всѣхъ.

— Какая страшная вещь! — сказалъ онъ спокойно, — такъ нежданно она нагрянула, что невозможно повѣрить.

Сэръ Энтони остановился, и его глаза зорко впились въ лицо Дикки. Если бъ Дикки сказали раньше, что ему придется пройти, не моргнувъ, сквозь пытку этого испытанія, онъ бы счелъ это невозможнымъ. Онъ сказалъ бы, что его нервы не выдержали и выдали бы его. Однако, анестезія его сознанія была такова, что онъ встрѣтилъ ищущій взглядъ сэра Энтони спокойно и невозмутимо.

Одна минута замѣшательства, и сэръ Энтони, какъ человѣкъ точный и справедливый во всѣхъ своихъ мысляхъ и поступкахъ, сталъ бы дѣйствовать совершенно иначе. Открытый же взглядъ Дикки почти убѣдилъ его въ его непричастности къ убійству. Онъ взялъ молодого человѣка за руку.

— Пойдемте на минутку въ гостиную, — сказалъ онъ. — Тамъ никого нѣтъ.

Дѣйствительно, комната была пуста. Когда Дикки вошелъ туда вслѣдъ за нимъ, сэръ Энтони заперъ дверь.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ объ этомъ ужасномъ дѣлѣ, — началъ онъ, — я мучаюсь, я думаю и передумываю... и не знаю, какъ быть. Какъ я долженъ... какъ мой долгъ велитъ поступить?

— То есть какъ это? — спросилъ Дикки спокойно. — Вы о чемъ?

— О чемъ? — воскликнулъ сэръ Энтони. — Неужели вы хотите сказать, что не понимаете серьезности своего положенія?

— Моего положенія? Почему мое положеніе можетъ быть серьезно?

Снова Дикки чувствовалъ, какъ будто онъ откуда-то издалека слушаетъ свой голосъ и одобряетъ его тонъ: ради Діаны онъ дѣлаетъ, то, что надо, чего нельзя не сдѣлать для ея спасенія.

Сэръ Энтони, нѣсколько удивленный, посмотрѣлъ на него.

— Какъ? Развѣ вы не понимаете,—продолжалъ онъ, — что, если бъ я разсказалъ то, что видѣлъ вчера вечеромъ, подозрѣніе всей тяжестью упало бы на васъ? Не мнѣ, конечно, быть судьей, тѣмъ болѣе, что я склоненъ думать, что вы не виновны. Но я долженъ рѣшить, и не на основаніи своего личнаго мнѣнія. Я уже говорилъ, что не могу быть судьей... но что же мнѣ дѣлать? Все утро меня мучитъ этотъ вопросъ... я не переставалъ думать о немъ, пока купался, затѣмъ брился, чесался и одѣвался. Сказать ли то, что я знаю, и тѣмъ бросить на васъ тѣнь подозрѣнія или молчать? Какой путь честнѣе, что́ правильнѣе? Увѣряю васъ, мнѣ кажется, что я постарѣлъ за это утро.

— Что же, — медленно произнесъ Дикки, — вы намѣрѣны сдѣлать?

Только въ эту минуту, впервые въ этотъ день, онъ почувствовалъ, какъ сильнѣе забилось его сердце.

— Мнѣ приходится принимать во вниманіе двухъ людей, — сказалъ сэръ Энтони: — лэди Діану и васъ. Я уже думалъ о ней. Я очень уважаю ее, м-ръ Ферлонгъ. Несмотря на то, что вы сказали мнѣ вчера вечеромъ, я очень уважаю ее. Такихъ женщинъ, какъ она, одна на тысячу. А въ этихъ дѣлахъ, гдѣ замѣшана репутація и доброе имя, надо судить женщинъ мягко и подходить съ правильной точки зрѣнія.

Онъ замолчалъ. Дикки ждалъ и не задавалъ больше вопросовъ. Онъ зналъ, что нетерпѣніе было бы для него гибелью. И дѣйствительно, почтенный старикъ былъ пріятно пораженъ тактомъ и выдержкой молодого человѣка. Наконецъ, онъ продолжалъ:

— Я рѣшилъ въ пользу лэди Діаны. Будь она единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ надо было бы считаться, я бы не сказалъ ничего. Но есть еще вы.

Онъ нахмурилъ брови, и его глаза снова испытующе остановились на глазахъ Дикки. Снова Дикки встрѣтилъ ихъ взглядъ. Сколько разъ еще будетъ повторяться эта пытка? Способенъ ли онъ будетъ и дальше такъ владѣть собою и реагировать на нее такъ сдержанно и обдуманно?

— Вы ушли спать вчера, — проговорилъ вдругъ сэръ Энтони, продолжая нить своихъ разсужденій. — Я видѣлъ, какъ вы зажгли свѣчку и пошли.

— Да.

— Видѣлъ еще кто-нибудь, какъ вы ушли къ себѣ?

— Дворецкій... я встрѣтился съ нимъ на лѣстницѣ. Говорилъ съ нимъ. Я сказалъ, что долженъ сегодня уѣхать... но теперь, конечно, я не могу. Вѣроятно, они задержатъ всѣхъ насъ... до завтра, минимумъ.

— Да, я думаю. Такъ, значитъ, есть еще свидѣтель того, что вы ушли спать. Это меня радуетъ. Это меня очень радуетъ! Оно облегчаетъ мою совѣсть. Пожалуйста, не думайте, голубчикъ мой, что хоть одно подозрѣніе на вашъ счетъ пришло мнѣ въ голову. Я только сомнѣвался въ томъ, что мнѣ должно дѣлать.

— Я понимаю васъ, — сказалъ Дикки.

Непреодолимо мучило желаніе спросить опредѣленно, каковы его намѣренія? Но Дикки ничего не спросилъ.

— Но теперь я рѣшилъ, — продолжалъ сэръ Энтони. — Ваша карьера только что блестяще началась и, если я не ошибаюсь, вамъ предстоитъ еще больше блеска впереди. Было бы жестоко подорвать ее такимъ опаснымъ подозрѣніемъ, какъ это. Голубчикъ мой, я... думается, что я правъ... я ничего не скажу о томъ, что видѣлъ и о чемъ вы такъ честно признались мнѣ вчера.

Онъ протянулъ Дикки руку, и тотъ тепло пожалъ ее не только съ чувствомъ радостнаго облегченія, но и съ чувствомъ восхищенія благородной прямотой старика.

— А теперь пойдемъ завтракать, — сказалъ сэръ

Энтони, — хотя сомнѣваюсь, чтобы у насъ былъ аппетитъ. Мнѣ ничего не хочется... Такъ развѣ немножко порриджа, яйцо и чего-нибудь изъ фруктовъ... вотъ все, что мнѣ надо.

Однако, за завтракомъ изъ нихъ двоихъ Дикки не взялъ ничего въ ротъ, тогда какъ сэръ Энтони ѣлъ отлично.

Послѣ полудня прибылъ детективъ. Лэди Діана не показывалась. Она оставалась у себя въ спальнѣ, и только сэръ Вильямъ Герришъ имѣлъ съ ней утромъ разговоръ. Дикки не удивляло, что она не посылала за нимъ. Послѣ своего интервью съ сэромъ Энтони онъ понималъ, какимъ безумiемъ было бы, чтобы ихъ видѣли вмѣстѣ. Но онъ не могъ угадать настоящей причины ея молчанія. Какъ только лэди Діана очутилась одна въ своей комнатѣ, она, со всѣми предосторожностями, сожгла найденный ею платокъ, а золу спрятала въ укромное мѣстечко на случай, если бы ее спросили откуда она взялась.

Сыщикъ оказался довольно язвительнымъ господиномъ. Онъ появился со своимъ помощникомъ и внесъ въ домъ атмосферу холоднаго правосудія. Онъ по очереди допросилъ всѣхъ обитателей и гостей, а Мэллинсона и сэра Вильяма, пожалуй, подробнѣе всѣхъ. Они были послѣдніе, видѣвшіе лорда Фредди въ курительной. Они вмѣстѣ ушли, оставивъ его одного и немножко „подъ хмѣлькомъ“, какъ они заявили.

Когда допрашивали Сильвію Стиръ, съ ней случилась истерика. Объяснялась она, безъ сомнѣнія, воспоминаніемъ о вчерашнелъ флиртѣ и мучительной невозможностью согласовать его со страшной трагедіей.

— Я гуляла съ лордомъ Фредди въ саду въ половинѣ десятаго, — сказала она и заплакала.

Детективъ кивнулъ своему помощнику, показывая глазами на дверь.

Ему сказали, что она на сценѣ, и объяснили ея амплуа.

— Вы не видали его послѣ того, какъ разстались съ нимъ въ вестибюлѣ, чтобы идти спать?

— Нѣтъ.

— Много онъ пилъ при васъ?

Ея отвѣтъ былъ до того безтолковъ и сбивчивъ, что сыщикъ рѣшилъ не тратить на нее попусту времени. Всѣ были уже допрошены. Допросъ Дикки былъ очень кратокъ. Онъ держался съ тѣмъ же невозмутимымъ самообладаніемъ.

Послѣ этого всѣ были приглашены въ гостиную, гдѣ сэръ Вильямъ сказалъ нѣсколько словъ — онъ не могъ отка-

заться отъ искушенія произнести цѣлую небольшую рѣчь. Это выходило какъ-то само собою. Онъ стоялъ, а всѣ сидѣли. Это напомнило ему ужины послѣ охоты, и онъ никакъ не могъ избавиться отъ этой ассоціаціи.

— Детективъ говоритъ, — закончилъ онъ, — что онъ не считаетъ необходимымъ держать... э-э... то-есть задерживать дольше кого бы то ни было. Всѣ свободны. Если... мнѣ позволено будетъ внести предложеніе, то я бы предложилъ, ради лэди Діаны, чтобы мы всѣ разъѣхались до обѣда. Прислуга переутомлена... то-есть, я хочу сказать, разстроена, и лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это, мнѣ кажется...

— Я вполнѣ готовъ уѣхать сегодня... передъ обѣдомъ, — сказалъ сэръ Энтони.

Всѣ выразили солидарность.

Дикки долженъ былъ ѣхать съ первой партіей гостей. До послѣдней минуты онъ ждалъ какой-нибудь вѣсточки отъ лэди Діаны. Но ничего не было. Когда автомобиль повернулъ изъ широкой аллеи подъѣзда усадьбы на дорогу, Дикки оглянулся. Вотъ изгороди, вотъ тиссовая бесѣдка! Два дня тому назадъ она была здѣсь въ его объятіяхъ. Все, что произошло съ тѣхъ поръ, казалось спутаннымъ сномъ, и пробудился онъ окончательно только тогда, когда очутился у себя въ мастерской.

XXIV.

Газеты имѣли благодарную тему на цѣлую недѣлю Кто убійца лорда Фредди Чэртрисъ? Отсутствіе всякаго „ключа“ къ преступленію навело полицію на мысль, что его виновникомъ является кто-либо изъ домашнихъ. По этому поводу одна предпріимчивая газетка помѣстила фотографіи всѣхъ лицъ, гостившихъ въ Бембриджѣ въ ночь убійства. Разумѣется, газета не высказывала никакихъ догадокъ, а предоставляла своимъ читателямъ-физіономистамъ — каковыми является большинство — судить самостоятельно. М-ръ Мэллинсонъ былъ бы крайне удивленъ, если бы зналъ, сколько человѣкъ замѣтило въ его лицѣ явныя черты преступнаго типа.

Весь этотъ шумъ, сенсаціонные плакаты и выкрики на улицахъ становились невыносимы для Дикки. Куда онъ ни шелъ, вездѣ были толки о томъ же убійствѣ. Имя лэди Діаны не сходило со столбцовъ газетъ. Больше онъ не въ силахъ былъ переносить этого. Нервы не могли выдер-

живать больше напряженія. Онъ чувствовалъ, что видъ еще одного плаката или выкрикивающій послѣднюю новость газетчикъ можетъ быть той каплей, которая переполнитъ чашу его терпѣнія. Онъ заперъ свою мастерскую въ Чельси, отказался отъ всякихъ приглашеній и поѣхалъ въ Эккингтонъ. Только тамъ, на мельницѣ, онъ найдетъ покой. Только тамъ онъ можетъ продолжать свою работу, для которой онъ пожертвовалъ любовью лэди Діаны, — работу, которая должна спасти его отъ того паденія, къ которому онъ былъ такъ близокъ въ послѣдніе два года!

Привѣтливая встрѣча м-съ Флинтъ сразу успокоила взвинченные его нервы. Крики маленькаго Гарри, требовавшаго отъ него сказокъ, отвлекли его мысль отъ того, что́, какъ навожденіе, преслѣдовало его неотступно.

Въ эту ночь, впервые съ тѣхъ поръ, какъ онъ боролся съ искушеніемъ любви лэди Діаны, онъ спалъ спокойно, почти безмятежно. Монотонный, однообразный шумъ воды на плотинѣ навѣвалъ ему воспоминанія дѣтства и убаюкивалъ его, точно ребенка.

Утромъ, въ восемь часовъ, м-съ Флинтъ застала его крѣпко спящимъ. Дышалъ онъ ровно, спокойно. Она тихонько вышла изъ комнаты. Въ девять и въ десять онъ все еще спалъ. Хотя онъ наканунѣ заявилъ, что будетъ пить кофе въ половинѣ девятаго, м-съ Флинтъ не мѣшала ему спать. Она замѣтила, что онъ измученъ, что нервы его издерганы, и знала, что отдыхъ для него важнѣе всего. Въ половинѣ одиннадцатаго Дикки проснулся, обновленный, спасенный отъ угрожавшаго ему нервнаго разстройства.

Весь день онъ занимался устройствомъ своей новой мастерской въ помѣщеніи мельницы. Гарри усиленно старался помогать ему въ этомъ дѣлѣ, пока, наконецъ, м-съ Флинтъ не увела его спокойно, но твердо, безъ всякаго протеста съ его стороны.

Въ ея обхожденіи съ ребенкомъ, Дикки видѣлъ отраженіе ея душевнаго благородства и силы характера. Она требовала послушанія и получала его, а вмѣстѣ съ нимъ и горячую привязанность — одно неразрывно связанное съ другимъ. Мальчикъ для нея готовъ былъ на все.

— Вы сдѣлали ребенка своимъ, — сказалъ ей Дикки въ этотъ вечеръ, когда они уложили Гарри спать и сидѣли, бесѣдуя, вдвоемъ.

— Вы находите? — сказала она улыбаясь. — Вамъ, это непріятно?

— Да нѣтъ, почему же? — возразилъ онъ. — Какое я имѣю право выражать неудовольствіе? Я не былъ ему отцомъ.

— Вы не рождены для этой роли, — отвѣтила м-съ Флинтъ, — даже, чтобы быть отцомъ своего родного ребенка. Впрочемъ, я не считаю эту добродѣтель у мужчинъ особенно высокой. Она должна принадлежать матери — это ея спеціальность. Мужчина дѣлаетъ свое дѣло въ жизни и создаетъ примѣръ, образецъ — вотъ его роль. А мать должна научить сына, какъ подняться до этого образца.

— Милая утѣшительница, — съ грустной улыбкой сказалъ Дикки, — какъ отдыхаешь съ вами!

— А вамъ нуженъ отдыхъ, — отвѣтила она.

Въ этотъ вечеръ Дикки просидѣлъ до поздней ночи за своимъ столомъ: онъ написалъ завѣщаніе. Вѣдь, ничего нельзя предвидѣть: каждую минуту правда можетъ быть обнаружена. Какимъ образомъ? Кто знаетъ? Сказать нельзя, но онъ ясно сознавалъ полную возможность раскрытія его тайны.

„Завѣщаю все, принадлежащее мнѣ, — писалъ онъ, — въ чемъ бы оно ни состояло, м-съ Флинтъ въ полное ея распоряженіе до наступленія совершеннолѣтія сына моего, Гарри, когда все имущество должно перейти къ нему, за исключеніемъ суммы въ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ ежегодно, удерживаемыхъ м-съ Флинтъ до ея смерти“.

Этотъ документъ Дикки свезъ на слѣдующій день къ адвокату, м-ру Эршоу, для выполненія всѣхъ необходимыхъ формальностей.

Черезъ недѣлю онъ взялся уже за работу, и въ это время изъ-подъ его кисти вылились вдохновеннѣйшія произведенія, которыя надолго остались въ памяти людей, видѣвшихъ ихъ.

Дикки чувствовалъ теперь, что онъ долженъ дорожить каждой минутой. Онъ не испытывалъ ежеминутнаго томительнаго въ своемъ ужасѣ ожиданія раскрытія своей тайны. Онъ просто сознавалъ, понималъ разсудкомъ, что не можетъ считать себя въ безопасности.

И вотъ, черезъ недѣлю, когда всѣ приготовленія въ новой мастерской были закончены и Дикки переселился на мельницу, онъ приступилъ къ картинѣ съ этюда лэди Діаны на лугу въ Бембриджѣ. Строго говоря, это не портретъ; но

ея черты были такъ ясно запечатлѣны въ его памяти, такъ часто онъ рисовалъ ее въ разныхъ позахъ и раккурсахъ, что она вышла здѣсь, какъ живая. Не узнать ее нельзя. Фигура сама по себѣ великолѣпна, даже если бъ не было никакого сходства; но очарованіе картины въ ландшафтѣ и прозрачности воздушнаго фона, на которомъ граціозный силуэтъ лэди Діаны играетъ второстепенную роль.

Фантастическая разработка ландшафта сближаетъ это произведеніе съ полотнами Тернера. Тутъ нѣтъ прямого сходства, но есть въ извѣстной мѣрѣ подобіе въ воспріятіи природы.

Этимъ начинался новый періодъ творчества Дикки. Всѣ картины, созданныя за это время, были написаны здѣсь, въ окрестностяхъ Бредона, среди холмовъ, и изображаютъ эти мѣста. Но онѣ не таковы, какими вы ихъ помните и знаете; онѣ такія, какими вы видите ихъ въ лѣтній жаркій день, когда, полузакрывъ глаза, въ сладкой истомной дремотѣ, вы уноситесь мечтою въ невѣдомыя странствія, далеко отъ земли.

Ни въ одномъ изъ этихъ пейзажей нельзя узнать опредѣленно такое-то или такое-то мѣсто. Здѣсь течетъ не тотъ знакомый Эвонъ, проложившій свое спокойное русло среди луговъ, а какой-то стремительный, лучезарный потокъ, въ которомъ могли бы купаться боги, сойдя съ небесъ. Въ этихъ произведеніяхъ глубже прежняго отразилось поэтическое настроеніе Дикки, чувствовавшаго въ деревьяхъ аллегорическія существа, о которыхъ онъ когда-то разсказывалъ м-съ Флинтъ. Его тополи—не тополи, а стройныя принцессы въ прозрачныхъ одеждахъ, его вязы — коренастые пахари, честно согбенные къ землѣ, надъ которой они трудятся. Сучья его дубовъ не что иное, какъ палицы въ рукахъ великановъ для борьбы съ храбрѣйшимъ изъ людей; иглы его сосенъ — перья знатныхъ рыцарей. Вы видите, какъ они развѣваются по вѣтру, вы слышите бряцанье доспѣховъ, когда они сомкнутыми рядами проходятъ передъ вами.

Къ этому всѣ эти два года рвалась душа Дикки; ибо мощь его фантазіи была во много разъ сильнѣе его дара живописца-портретиста. Его мечтательный идеализмъ уносилъ его выше всѣхъ смѣлыхъ достиженій его современниковъ.

Цѣны, которыя онъ получалъ за эти картины, не могутъ, конечно, идти въ сравненіе съ тѣми портретами, но цѣнность ихъ возросла и будетъ еще возрастать до такихъ предѣловъ, которые ему и не грезились. Онъ работалъ все это

время день за днемъ, не зная отдыха, можетъ быть, даже боясь его — а отъ лэди Діаны по-прежнему не было ни письма, ни извѣстій.

Интересъ и волненіе въ публикѣ по поводу таинственнаго убійства лордъ Фредди Чэртрисъ уже улеглось. Газеты перестали писать о немъ. Съ тѣхъ поръ произошли другія убійства, много разводовъ и загадочныхъ смертей, жуткими подробностями которыхъ заполнялись столбцы ежедневной печати. Пресса использовала трагедію въ Бембриджѣ въ полной мѣрѣ и съ той же жаждой сенсаціи накинулась на свѣжія. Дикки никогда не заговаривалъ на эту тему съ м-съ Флинтъ. Они не касались даже косвенно его любви къ лэди Діанѣ, въ которой онъ какъ-то давно признался ей. Иногда Дикки удивлялся, почему она не упоминаетъ ни словомъ объ этомъ событіи — вѣдь, она знала, что онъ былъ въ числѣ гостей въ моментъ убійства.

Ему пришлось бы еще больше удивиться, если бъ онъ зналъ истинную причину ея молчанія.

М-съ Флинтъ видѣла въ свое время ту газетку съ фотографіями всѣхъ лицъ, гостившихъ въ Бембриджѣ. Она читала всѣ описанія смерти лорда Фредди и угадывала по нимъ, что онъ былъ человѣкъ невысокаго нравственнаго уровня. Кто-то изъ жившихъ въ домѣ, очевидно, убилъ его, разсуждали газеты; м-съ Флинтъ знала о любви Дикки къ лэди Діанѣ, и въ ея душѣ невольно проснулось подозрѣніе.

Она стала бороться съ нимъ и побѣдила: какъ могъ онъ, Дикки, совершить такое дѣло? Въ немъ не было низкихъ инстинктовъ, какъ бы глубоко и страстно ни было его чувство къ той женщинѣ. И мало-по-малу ко времени возвращенія Дикки на мельницу м-съ Флинтъ освободилась отъ этихъ темныхъ подозрѣній.

Но въ первый же вечеръ, распаковывая его вещи, она вытащила изъ сундука халатъ Дикки и увидѣла на рукавѣ пятно. Какъ хорошая хозяйка, она стала внимательно вглядываться: нельзя ли его вывести? Она намочила губку и стала тереть пятно. Вода, капавшая съ него, стала бурокрасной. Еще ничего не подозрѣвая, но съ возрастающимъ интересомъ, она продолжала тереть и вдругъ уронила халатъ на землю.

Это была кровь.

Всѣ старыя подозрѣнія разомъ нахлынули снова. Пятно не выходило. М-съ Флинтъ поспѣшно, какъ будто нельзя

было терять времени, унесла халатъ въ свою комнату и заперлась на ключъ. Тамъ она продѣлала съ нимъ то же, что лэди Діана съ платкомъ: разрѣзала его на части и сожгла въ каминѣ. Она чувствовала себя какъ бы сообщницей страшнаго дѣла, и сердце у нея неистово колотилось при звукѣ шаговъ по дому.

На слѣдующій день Дикки спросилъ, гдѣ его халатъ.

— Я уронила его въ ванну вчера, — сказала она, — а затѣмъ повѣсила сушить у камина, и онъ загорѣлся. Такъ и пропалъ. Обгорѣлъ сильно, и больше носить вы бы его не могли.

— Я не жалѣю, — отвѣтилъ Дикки. — Гнусная была вещь. Я всегда ненавидѣлъ ее.

М-съ Флинтъ ничего не сказала. Она понимала эту ненависть. Несмотря на всѣ подозрѣнія, она вѣрила въ благородство и душевную чистоту любимаго человѣка. И оттого она не произнесла ни слова относительно трагедіи въ Бембриджѣ и только ждала того момента, когда онъ самъ разскажетъ ей все.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія въ Бредонъ Дикки закончилъ портретъ лэди Діаны съ этюда, а затѣмъ, безъ всякаго письма послалъ его въ Лондонъ, какъ обѣщалъ тогда ей въ Бембриджѣ. Въ отвѣтъ на это получилось отъ нея письмо — конвертъ съ чернымъ ободкомъ и черной короной.

Увидя его утромъ въ столовой на столѣ, м-съ Флинтъ вышла изъ комнаты до выхода Дикки къ завтраку. Она оставила его наединѣ съ письмомъ, въ которомъ, можетъ быть, заключалась его судьба.

„Я пріѣду къ вамъ на мельницу повидаться“ — прочелъ онъ. Такъ письмо и начиналось, безъ всякаго обращенія, безъ ласковаго слова. Затѣмъ было указано время ея пріѣзда. Она пріѣдетъ на моторѣ, одна. Только ея подпись — Діана — подъ этимъ сухимъ сообщеніемъ говорило, что оно отъ нея.

Дикки медленно разорвалъ его на мелкіе кусочки и бросилъ въ каминъ.

„Она знаетъ“, подумалъ онъ. Но все ли? какъ могла она узнать? А если она знаетъ, то, можетъ быть, и другіе тоже? А если другіе?.. Онъ ничего не ѣлъ и пошелъ прямо въ мастерскую, пытаясь забыться въ работѣ. Но ничего не выходило. Краски получались мертвыя; въ линіяхъ — ни-

какого движенія. Онъ съ сердцемъ бросилъ кисти, вышелъ на воздухъ и скоро очутился на верхушкѣ Бредонскаго холма, гдѣ впервые встрѣтился съ лэди Діаной. Здѣсь онъ просидѣлъ больше часа и припоминалъ одно за другимъ всѣ событія прошлаго, начиная съ того дня.

Очень мало онъ измѣнилъ бы въ нихъ, кромѣ того, чтобы она любила его настоящей любовью. А сейчасъ у него было одно только терзаніе: много ли осталось ему времени? успѣетъ ли онъ создать все, что задумалъ? Если Діана знаетъ и другіе знаютъ, то сколько, спрашивается, осталось ему времени? Онъ всталъ съ мѣста. У него было ощущеніе преслѣдуемаго. Уже у ногъ своихъ онъ видѣлъ тѣнь судьбы. Далеко ли до того момента, когда она положитъ къ нему на плечо свою тяжелую руку? Онъ не чувствовалъ страха, но онъ не могъ больше сидѣть спокойно въ тиши этого яснаго дня.

Въ состояніи лихорадочной тревоги Дикки направился къ старому дубу, гдѣ когда-то въ дѣтствѣ они съ сестрой Анни устроили вышку въ вѣтвяхъ. Съ тѣхъ поръ тамъ сохранилась всего одна перекладина; но сколько при видѣ ея нахлынуло на него воспоминаній! Одно особенно овладѣло имъ и даже поглотило его лихорадочную тревогу.

Здѣсь, на этой вышкѣ онъ задумалъ свою первую большую картину „Идиллія“. Здѣсь, съ бѣлымъ листомъ бумаги передъ собой, онъ создалъ большую идею, здѣсь онъ безъ единаго мазка призналъ полную несостоятельность свою для ея воплощенія.

Теперь положеніе иное. Вся его фантазія загорѣлась отъ этой мысли. Создать еще это!. Передъ концомъ! Создать картину, которая должна изображать вѣчно-живую тягу человѣка къ красотѣ, къ идеалу.

Дикки вернулся на мельницу. Но эти нѣсколько часовъ одиночества среди холмовъ были, какъ годы: Дикки вернулся состарѣвшимся. М-съ Флинтъ тотчасъ замѣтила въ немъ перемѣну: его губы были плотно сжаты, съ выраженіемъ мрачной рѣшимости. „Это все письмо“, подумала она; и она не очень ошиблась.

Лэди Діана пріѣхала на другой день, въ половинѣ перваго. Дикки вышелъ на дорогу навстрѣчу ей, и когда увидалъ тучу пыли, поднявшуюся надъ изгородью, у него пересохли губы.

— Дикки, — сказала она, какъ только онъ подошелъ и отворилъ дверцу мотора, — вы были больны?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — я работалъ такъ много, какъ никогда. А что́?

— Вы измѣнились. Лицомъ измѣнились.

— Да. Это возможно, — сказалъ онъ.

Моторъ помѣстили во дворѣ, за мельницей. Дикки повелъ лэди Діану въ домъ и познакомилъ ее съ м-съ Флинтъ, при чемъ Діана и не подозрѣвала, съ какой нѣжной заботой эта женщина печется о благѣ человѣка, котораго онѣ обѣ любили, — любили и сейчасъ.

О лордѣ Фредди не говорилось ни слова. Передъ лёнчемъ Дикки показалъ ей свою мастерскую; и когда онъ сталъ показывать свои картины, прежнимъ огнемъ загорѣлись его глаза. Лэди Діана не могла придти въ себя.

— Та, что вы мнѣ прислали... — говорила она, — я думала, что лучше уже не можетъ быть. Какой тамъ ландшафтъ! Но эти... Боже! Милый другъ мой, какой дивный талантъ и какая душа сидятъ въ васъ! Неужели природа, дѣйствительно, кажется вамъ такой? Вѣдь, это волшебная сказка! Какимъ низменнымъ кажется свѣтъ послѣ этого!

Онъ стоялъ и слушалъ спокойно ея похвалы и съ страстнымъ волненіемъ — ласковыя слова. — Въ чемъ дѣло? — спрашивалъ онъ себя. — А какъ же письмо?

— Вы не сказали мнѣ цѣны за картину, — продолжала лэди Діана. — Богъ мой, она стоитъ цѣлое состояніе! Этюдъ у меня въ рамкѣ. Онъ виситъ у меня въ спальнѣ, какъ я сказала тогда, напоминая о... — она запнулась, одолѣваемая волненіемъ. — Отчего вы не сказали мнѣ цѣны?

— Оттого, что ея нѣтъ, — отвѣтилъ Дикки. — Я обѣщалъ ее вамъ.

— Да, я знаю... Но это былъ безумный счастливый мигъ. Но, вѣдь, теперь вы отказались отъ портретовъ. Вамъ надо жить.

— Я живу, теперь я живу, — сказалъ онъ. — Не говорите больше о цѣнахъ. Онѣ не интересуютъ меня. Пойдемъ завтракать. Я досталъ для васъ все, что было здѣсь лучшаго.

XXV.

М-съ Флинтъ знала, что ея присутствіе было бы лишнимъ — они сѣли за столъ вдвоемъ. И все еще ни одного слова не было произнесено о лордѣ Фредди. Только, послѣ завтрака, когда они вернулись въ мастерскую, лэди Діана,

чувствуя сердцебіеніе и щемящую тоску, нашла въ себѣ мужество начать разговоръ.

— Дикки,— произнесла она. — Я хочу сказать вамъ кое-что. Я пріѣхала нарочно ради этого. Вы, вѣроятно, догадались?

— Да, я угадалъ, — отвѣтилъ онъ.

Лэди Діана въ смущеніи искала словъ и растерянно глядѣла на него. Она боялась. Не стыдно ли?.. Она боялась.

— Говорите, — сказалъ Дикки спокойно, но внутренно волнуясь еще больше ея. — Скажите все.

Она заговорила торопливо, захлебываясь словами.

— Вы помните то утро, когда Фредди нашли въ курительной? Хилльсъ первымъ дѣломъ послалъ за мной. Я прибѣжала, какъ была, въ пеньюарѣ. Меня подняли съ постели. Я послала Хилльса за Вилли, потому что не знала, что дѣлать... я чувствовала себя до того безпомощной. Не знаю, какъ это вышло: я не боялась, но совершенно не могла дѣйствовать. Хилльсъ ушелъ, и я осталась одна. Не стоитъ говорить, что я передумала въ эти минуты о себѣ, о васъ... Да и не помню я всего. Знаю только, что я была одна съ... нимъ. И тутъ, Дикки, я еще до прихода Вилли нашла одну вещь...

Она смолкла. Вотъ онъ, моментъ!. Задыхаясь, трепеща каждымъ нервомъ, она не въ силахъ была продолжать. Голосъ ея оборвался.

— Вы нашли... что? — спросилъ Дикки. Онъ догадывался, что это было нѣчто, доказывавшее его присутствіе въ комнатѣ. Но что именно?

— Вашъ платокъ... онъ лежалъ подъ тѣломъ и былъ пропитанъ, — ея голосъ снова дрогнулъ, — кровью...

Дикки стоялъ, не отрывая отъ нея взгляда. Онъ почти забылъ о себѣ и былъ полонъ жалости къ ней. Какой ударъ это былъ для нея!

— Что́ же вы подумали тогда? — спросилъ онъ. — Что вы думали послѣ? А сейчасъ?

— Что я могу думать? Я никогда не знала, что жизнь можетъ быть такъ удручающе-тяжела, какъ всѣ эти мѣсяцы. Сплошной какой-то адъ! Что́ я могла думать, Дикки? Что вы заняли ему свой платокъ или что вы заняли его тому лицу, которое... которое совершило убійство. Но время шло, и ваше убійственное молчаніе съ каждымъ днемъ все мучительнѣе разжигало подозрѣніе.

— Вы сохранили этотъ платокъ? — спросилъ Дикки. — Или вы передали его полиціи?.. что вы съ нимъ сдѣлали?

— Полиціи?! Господи, какъ вы могли это подумать. Я при первой возможности унесла его къ себѣ въ комнату и сожгла. А золу я спрятала. Этотъ платокъ никто никогда не увидитъ.

Дикки наклонился впередъ и взялъ ея руку.

— Значитъ, я былъ вамъ дорогъ, — прошепталъ онъ, — даже тогда, даже при этихъ подозрѣніяхъ.

— Конечно, Дикки... Но какъ? Скажите, какъ онъ туда попалъ?

— Я пользовался имъ, — отвѣтилъ онъ внятно. — Я пользовался имъ, чтобы остановить кровотеченіе изъ раны. Я самъ не зналъ, зачѣмъ это дѣлаю, потому что въ томъ, что онъ умеръ, не могло быть никакихъ сомнѣній. Нѣсколько мгновеній я былъ точно въ трансѣ. Поэтому я и забылъ платокъ.

— Такъ значитъ... значитъ — вы убили его?

Ужасъ и волненіе одолѣвали ее, но она не забывала все-таки, что надо говорить очень тихо, едва слышнымъ шопотомъ.

— Да, Діана, я убилъ его. Я сдѣлалъ это, — и Дикки разсказалъ ей всю исторію этой ночи. Она нѣсколько разъ прерывала его разсказъ восклицаніями. „Какая низость!“ — вырвалось у нея по адресу покойнаго мужа, и затѣмъ еще то самое слово, которымъ она про себя назвала его вскорѣ послѣ ихъ свадьбы: „Ахъ, какая гадкая, какая подлая душонка!“

Но слушала она жадно, полузакрывъ губы, живо рисуя себѣ всѣ моменты трагическаго конфликта.

Дикки кончилъ.

— Но это вовсе не убійство! — воскликнула она.

— Нѣтъ. На этотъ счетъ моя совѣсть чиста. Я вспылилъ. Я не помнилъ себя. Я размахнулся сильнѣе, чѣмъ хотѣлъ. Если бъ онъ не наклонилъ голову, кто знаетъ? Во всемъ этомъ виноватъ случай, судьба или какъ ее назвать. Случайность, что я оставилъ въ курительной свои папиросы; случайность, что онѣ вдругъ непремѣнно понадобились мнѣ.

— Но отчего вы сейчасъ же тогда не разбудили всѣхъ? Отчего не позвали на помощь? Дикки, Дикки! Какой вы были глупый!

Онъ могъ даже улыбнуться этимъ словамъ.

— Развѣ? — сказалъ онъ. — А какъ же было бы съ сэромъ Энтони?

Онъ пересказалъ ей ихъ встрѣчу и разговоръ въ курительной.

— Вы понимаете, — продолжалъ онъ, — что тогда онъ бы заговорилъ! Меня не стали бы даже слушать. Кто повѣрилъ бы, что убійство совершено нечаянно, зная, изъ собственнаго моего признанія, что я влюбленъ въ васъ? Ни одна душа! Ни одна живая душа! И вдобавокъ васъ могли бы еще обвинить въ соучастіи. Господи! Неужели вы не понимаете, въ какомъ я оказался положеніи?

Лэди Діана глядѣла на него. Она старалась понять, какъ человѣкъ можетъ такъ жертвовать собою.

— Вы сдѣлали это ради меня? — прошептала она.

— А для кого же? — отвѣтилъ онъ. — Ваша ненависть къ газетнымъ сплетнямъ, къ сенсаціи. Если вы даже отъ любви отказались изъ страха стать жертвой прессы, то что́ же тутъ, если бы на васъ упала тѣнь этого страшнаго подозрѣнія? Печать не внушаетъ людямъ никакого милосердія. Она только сѣетъ низкія мысли и болѣзненное любопытство въ умахъ своихъ читателей. Да, я сдѣлалъ это для васъ. Но кромѣ того были, вѣдь, огромные шансы за то, что никто никогда не узнаетъ. Сэръ Энтони видѣлъ, какъ я ушелъ спать; Хилльсъ тоже. Я, конечно, думалъ и о себѣ; но первой мыслью моей было избѣгнуть скандала для васъ. Сразу, не подумавъ, я позвонилъ, но ни одна душа въ домѣ не проснулась. Тогда я подумалъ о васъ.

Лэди Діана слушала, старалась вникнуть, но не ощущала ничего, кромѣ величія того, что онъ сдѣлалъ для нея. Какому риску онъ подверженъ теперь, сейчасъ... Послѣ такого продолжительнаго молчанія кто повѣритъ правдѣ? Возможно, вѣдь, что кто-нибудь еще, кромѣ нея, видѣлъ этотъ платокъ. Сердце ея упало отъ этой мысли. Возможно, что сэръ Энтони разскажетъ, что́ онъ знаетъ. Надо укрѣпить дружбу съ нимъ, рѣшила она. Надо купить его молчаніе. Она обязана помочь теперь Дикки — онъ все сдѣлалъ для нея.

И поднявъ къ нему взглядъ, лэди Діана спросила, что теперь дѣлать?

— Дѣлать? — повторилъ онъ. — Да что́ же? Дѣлать нечего.

— А то, наше? — шепнула она. — Вы думаете, что я забыла о берегахъ Адріатики?

Дикки покачалъ головой.

— Теперь слишкомъ поздно, — сказалъ онъ. — То солнце и тѣ лазурныя воды будутъ сіять ужъ не для насъ. Какіе-то другіе счастливцы наслаждаются всѣмъ этимъ. Вы не можете соединить свою судьбу съ судьбой человѣка, который ежеминутно можетъ быть арестованъ за убійство того, кто былъ вашимъ мужемъ. Сэръ Энтони можетъ еще заговорить. Какая-нибудь мелочь, пустякъ можетъ раскрыть все дѣло. Неужели вы думаете, что полиція такъ тихо и сидитъ, успокоившись на томъ, что тайна есть тайна.

— Но вы? — спросила она, — что вы будете дѣлать? — Какъ вы будете оставаться здѣсь въ одиночествѣ, — съ нѣжной заботой говорила она, — и переносить все это?

Онъ отвѣтилъ на это не словами: онъ пошелъ къ занавѣси, висѣвшей близко у стѣны. За занавѣской стоялъ холстъ размѣромъ семь на пять. Онъ вытащилъ его и поставилъ передъ Діаной. На немъ не было ни одного мазка. Одна дѣвственная бѣлизна, ожидавшая его кисти.

— Что это? — спросила лэди Діана.

— Моя новая картина — сказалъ онъ. — „Идиллія“ — вотъ, что я хочу написать. Я не буду одинокъ. Не тревожьтесь обо мнѣ.

Она зарыдала. Дикки обнялъ ее и далъ ей выплакаться.

— Не надо, — шепталъ онъ, — не волнуйтесь за меня, моя хорошая. Вы сами, помните, сказали, что я отказался отъ васъ ради своего творчества. Ну вотъ, оно и есть. Можетъ быть, со мной ничего не случится; можетъ быть, такъ гладко жизнь и будетъ идти дальше. А вы иногда пріѣзжайте посмотрѣть мои работы. Одно ваше слово дороже похвалъ сорока тысячъ критиковъ. А теперь пойдемъ! Довольно говорить обо всемъ этомъ. Я хочу показать вамъ своего мальчика... и вотъ еще что: если бы худшее произошло со мной, то онъ будетъ нуждаться въ опекѣ и поддержкѣ, кромѣ той, какую это прекраснѣйшее существо, м-съ Флинтъ, въ состояніи дать ему. Ему нужно будетъ помочь вліяніемъ, связями. Вы мнѣ обѣщаете это?

Она только кивнула головой. Если бы для этого и были слова, она не могла бы произнести ихъ.

Гарри пришелъ, крѣпко ухватившись за руку м-съ Флинтъ. Быстрымъ взглядомъ Діана увидѣла въ немъ то, чѣмъ былъ Дикки въ юности. Видъ этого крошки опять сдавилъ у ней

горло. Она взяла его головку въ обѣ руки и расцѣловала его, а затѣмъ направилась къ двери.

— Мнѣ надо ѣхать, — сказала она твердо, — это около четырехъ часовъ ѣзды. Домой я попаду только къ семи.

Когда Дикки усадилъ ее въ автомобиль, она наклонилась къ нему и шепнула:

— Я скажу все, что можно сказать, если бы... если бы худшее пришло.

— Оно никогда не придетъ, — спокойно отвѣтилъ Дикки.

Въ ея глазахъ отражался страхъ. Она спросила его, чтб это значитъ. Тогда Дикки вынулъ изъ кармана маленькую бутылочку и показалъ ей.

— Я не намѣренъ переживать мученіе слѣдствія, — сказалъ онъ. — Къ этому я готовъ. Худшее, о которомъ вы думаете, никогда не наступитъ. Не думайте о немъ. Думайте о томъ, что я здѣсь работаю, о моей картинѣ. Въ ней будетъ вся наша любовь... все, что вы дали мнѣ. Прощайте, дорогая!

XXVI.

Быстро пролетѣла эта зима. Снова запахло весною, а картина Дикки все еще не была начата. Мѣшало ему то одно, то другое. Онъ былъ приглашенъ на сѣверъ (гдѣ его „Собраніе кредиторовъ“ создало ему большое имя) расписать стѣны одного огромнаго, только что отстроеннаго общественнаго зданія. Дикки пробылъ тамъ больше мѣсяца. Онъ уловилъ духъ и стиль фабричной страны, но ея мастерскія и плавильни преображались подъ его кистью въ красоту, какой мѣстные жители въ нихъ и не подозрѣвали. Все, что онъ создавалъ, дышало идеализмомъ. Художникъ училъ людей жизни гордиться своими коптящими трубами и раскаленными доменными печами. Стѣнная живопись Дикки говорила имъ то, чего никто не говорилъ имъ раньше объ ихъ закопченной странѣ.

— Это не грязь, — говорилъ имъ Дикки, — это не та чернота, о которой толкуютъ южане въ своихъ бѣлоснѣжныхъ виллахъ. Это — пыль труда. Словно отъ движущихся войскъ подымается она великолѣпной тучей въ лазурь неба.

Это говорила его живопись. Но Дикки сказалъ это и словесно, когда его на прощаніе чествовали большимъ обѣдомъ. Владѣльцы хлопчато-бумажныхъ фабрикъ и чугунно-

литейныхъ заводовъ сидѣли и слушали этого молодого человѣка, который говорилъ имъ, сколько красоты вокругъ нихъ... а они-то думали, что за красотой надо обязательно ѣхать на югъ!

— Существуетъ цѣлая скала красоты, — говорилъ Дикки, стоя въ позѣ оратора за большимъ, нарядно-убраннымъ столомъ и нервно вертя въ рукѣ свою вилку, какъ когда-то м-ръ Ниттсъ въ день его свадьбы, — и вамъ принадлежатъ въ ней глубокіе, звучные тона, съ своеобразными модуляціями. Не въ томъ дѣло, что́ именно вы здѣсь производите: женскія юбки или кольчуги[1]). Все равно. Вы создаете новыя цѣнности: въ этомъ есть своя особая красота.

И когда онъ сѣлъ, громко раздались привѣтствія, звенѣли бокалы. Діана была бы горда имъ.

За это время Дикки получилъ много предложеній писать портреты, но онъ принялъ только одно. Это былъ портретъ лорда Эллингэма, главнаго судьи въ Англіи, восьмидесятипятилѣтняго старика. Въ его глазахъ, окруженныхъ сѣтью морщинъ, но все еще живыхъ и сверкающихъ энергіей, свѣтится глубочайшій опытъ и мудрое пониманіе жизни. Это человѣкъ, передъ которымъ прошла вся низость человѣческая, вся грязь и порочность жизни, но который все-таки сохранилъ въ себѣ несокрушимой вѣру въ благую природу человѣка. Этой вѣрой полонъ его взглядъ, все еще привычно-проницательный взглядъ судьи.

Во время сеансовъ старикъ какъ-то заговорилъ съ Дикки объ убійствѣ лорда Фредди. Дикки долженъ былъ собрать все свое самообладаніе, чтобы не выдать себя такому неподкупно-строгому человѣку.

— Лэди Діана выйдетъ опять замужъ, — замѣтилъ старикъ, — и это будетъ хорошо для нея.

Но вотъ наступило лѣто, а такого извѣстія о ней не было. Два раза въ годъ она пріѣзжала въ Бредонъ навѣстить Дикки, каждый разъ съ подарками для Гарри. Она смотрѣла работы Дикки и уносила съ собой все болѣе высокое мнѣніе объ его талантѣ.

Дикки теперь совершенно отстранился отъ общества. Его признали въ Лондонѣ нелюдимымъ и поняли, что онъ не подходящій человѣкъ для всякихъ сборищъ и увеселеній. Онъ категорически отказывался отъ всего, связаннаго съ какимъ бы то ни было публичнымъ выступленіемъ.

---

[1]) По-англійски здѣсь игра словъ: Petticoats и coats of mail.

Возможно даже, что онъ поддался бы на удочку тщеславія, но онъ зналъ, что не имѣетъ времени для всего этого и потому рѣшительно отказывался.

Ибо съ того самаго дня, какъ онъ на холмѣ ожидалъ пріѣзда Діаны, душевное безпокойство все томительнѣе наростало въ немъ. Уже прошло полгода а его картина „Идиллія“ все еще не начата. Всю эту зиму душа его тосковала по веснѣ, когда онъ сможетъ приступить къ ней, и щемило сердце отъ жуткой мысли, что, можетъ быть, будетъ уже поздно...

Такого рода состояніе не могло конечно, не отразиться и физически, каждый прожитый день, казалось, прибавлялъ Дикки годы, и м-съ Флинтъ замѣтила сѣдые волосы у него на вискахъ.

Въ долгіе зимніе вечера, когда холодный дождь хлесталъ въ оконныя стекла, Дикки сидѣлъ у камина и старался читать или дѣлать карандашные наброски все для той же взлелѣянной большой картины, которую онъ надѣялся начать, когда вернется весна.

Но съ каждымъ новымъ порывомъ вѣтра, отъ котораго трясся весь старенькій домъ, Дикки останавливался въ своей работѣ, подымалъ голову и тяжко вздыхалъ — вздохомъ который тщетно пытается сбросить тяжелое бремя съ души.

Однажды вечеромъ, послѣ трехдневной бури, когда многіе могучіе вязы на полѣ были вырваны съ корнемъ и лежали, какъ воины, павшіе на полѣ брани, м-съ Флинтъ сидѣла за шитьемъ, но не переставала слѣдить за Дикки, который дѣлалъ видъ, что читаетъ.

Повидимому, онъ забылъ объ ея присутствіи въ комнатѣ, и когда снова завылъ въ трубѣ вѣтеръ, онъ положилъ книгу на колѣни и прошепталъ съ отчаяніемъ: „О, Боже! Боже мой!“

М-съ Флинтъ услышала это восклицаніе. Она медленно, но не колеблясь, отложила въ сторону свою работу, подошла къ креслу Дикки и опустилась на коверъ, рядомъ съ нимъ.

— Дикки! — сказала она, — помните, какъ вы обѣщали разсказывать мнѣ все: хорошее и дурное.

— Да, я помню.

— Такъ скажите мнѣ: что съ вами?

— Ничего. Меня волнуетъ, что нельзя работать. Эта погода, эти темные дни убиваютъ все. До весны я не могу ничего сдѣлать... Какая можетъ быть „Идиллія“ въ этихъ

безконечныхъ потокахъ воды съ свинцоваго неба? Вотъ ужъ четвертый день, какъ мы не видѣли луча свѣта. Какой далекой кажется весна! И я не знаю, какъ мнѣ ея додаться... О, Боже! увидѣть первый нарцисъ и голубое небо!

— Но тутъ есть еще что-то,—настаивала м-съ Флинтъ.— Я знаю, что тутъ еще что-то.

— Вы знаете? Откуда?

— Потому что зима бывала, вѣдь, и раньше. И вы находили свою прелесть и въ сѣромъ небѣ. Это не только то.

Она тихонько взяла его руку и заставила посмотрѣть себѣ въ глаза.

— Скажите мнѣ, что? — повторила она.

Дикки смотрѣлъ на нее, словно спрашивая, много ли она можетъ вынести. Ему безумно хотѣлось разсказать ей все. Страшное бремя его тайны давило его душу сильнѣе, чѣмъ свинцовое небо за окнами, Она поняла значеніе его взгляда.

— Все равно, что это, — отвѣтила она. — Многое я угадала. Я помогу вамъ нести это, если я только буду знать, что.

Дикки принесъ скамеечку, усадилъ м-съ Флинтъ, взялъ обѣ ея руки въ свои и разсказалъ все, какъ было, отъ начала до конца. Она слушала и таила въ себѣ слезы. Онъ не долженъ видѣть ни одной слезинки! Не время плакать— надо вдохнуть въ него бодрость.

Когда разсказъ былъ оконченъ, Дикки откинулся на спинку кресла и вздохнулъ такъ глубоко, точно дѣйствительно снялъ тяжесть съ души.

— Господи! какіе мы всѣ эгоисты, — сказалъ онъ, — какое я чувствую облегченіе, когда и вы узнали!

— Я знала это раньше, Дикки, — шепнула она, — я знала все время.

Она разсказала ему про халатъ, про кровавое пятно на немъ и свою догадку, построенную на такомъ шаткомъ основаніи.

Дикки наклонился впередъ и взялъ ея лицо въ обѣ руки.

— Какія вы, женщины, удивительныя существа!.. Подумать только, что вы для меня сдѣлали, — сказалъ онъ. — Но я прошу у васъ еще одного.

— Чего?

— Помогите мнѣ пережить эту зиму, пока не придетъ опять весна.

И она помогла ему. Кто бы могъ сдѣлать это лучше ея? Тысячью маленькихъ хитрыхъ пріемовъ, которые у женщины всегда подъ рукой, она занимала и отвлекала его мысли. Она внушила ему, что пора заниматься съ Гарри и что это — его обязанность. Она научилась разнымъ пасьянсамъ и научила его. Ему они не нравились, но все же противъ воли, это помогало коротать время въ долгіе вечера.

Однажды утромъ, въ концѣ января, она нашла почтовую посылку на свое имя. Она была изъ Лондона, присланное по ея заказу. Торопливо, нервно, любящей рукой она вскрыла ее.

Сойдя въ столовую къ завтраку, Дикки увидѣлъ на чистой бѣлой скатерти китайскую вазу съ нѣжными душистыми нарциссами.

XXVII.

Свои, полевые, нарцисы высунули въ свое время изъ травы бѣлыя и желтыя головки. Небеса прояснились, и весна пошла быстрымъ ходомъ. Долго не угасалъ день, хлопотали птицы, зацвѣли и осыпались черешни, наступила очередь яблонь.

Подъ вечеръ Дикки видѣлъ изъ окна своей мастерской м-съ Флинтъ, возившуюся въ саду возлѣ цвѣточныхъ грядокъ; Гарри былъ тутъ же, съ маленькой лопаткой въ рукахъ.

Первые тюльпаны роняли свои яркіе лепестки, когда начата была „Идиллія“. Послѣдніе майскіе тюльпаны стояли въ полномъ цвѣту, когда Дикки заканчивалъ картину. Каждое утро м-съ Флинтъ заходила въ мастерскую смотрѣть ее. Она была убѣждена, — хотя бы по одному тому, какъ Дикки говорилъ объ этой картинѣ, что это—геніальнѣйшая его вещь.

Впрочемъ, развѣ нужны тутъ были его слова? Она и сама видѣла, какая это красота! Какое богатство свѣта! Міръ купался въ свѣту, какъ бываетъ, когда солнце бьетъ прямо въ глаза.

Точно стоите вы на холмѣ и смотрите внизъ, въ золотящуюся долину, гдѣ серебряной ниткой вьется узоръ рѣки, покуда не теряется въ солнечной дымкѣ.

Вы знаете, что тамъ, внизу, широко раскинулись луга, прохладные и привольные съ сочной травою; вы знаете, что вонъ тамъ стоятъ вязы въ пышной листвѣ, а по берегу при каждомъ дуновеніи вѣтра ивы шевелятъ своими листьями на

серебряной подкладкѣ; но по-настоящему вы видите только рѣку — все же остальное трудно разглядѣть отъ ослѣпительнаго, все заливающаго свѣта. На мгновеніе вамъ можетъ удаться разсмотрѣть очертанія прекрасной долины глубоко внизу, но въ слѣдующій моментъ взоръ вашъ уже таетъ въ жаркомъ великолѣпіи солнечныхъ лучей.

Написать такое солнце безъ вспомогательнаго контраста тѣни, наполнить огромное полотно такимъ сверкающимъ свѣтомъ, что невольно щуришь передъ нимъ глаза — это достиженіе, ради котораго стоило бороться!

На переднемъ планѣ картины прямо передъ холмомъ, съ котораго разстилается видъ, двѣ стрекозы кружатся на самомъ припекѣ. Въ яркомъ освѣщеніи ихъ крылышки переливаютъ, точно алмазы, красными, зелеными, золотыми и опаловыми огнями, дивно искрящимися въ ихъ безпрерывномъ порханіи.

Въ каждомъ человѣкѣ картина эта вызывала свое, совершенно индивидуальное настроеніе. Всѣ смотрѣли на нее разно. Я ни разу не слышалъ, чтобы двое людей согласилось относительно производимаго ею впечатлѣнія.

Въ одно голубое іюньское утро Дикки объявилъ м-съ Флинтъ, что работа его почти окончена.

— Завтра сдѣлаю послѣдній мазокъ, — сказалъ онъ. — Не смотрите сегодня. Подождите до завтра, и тогда увидите.

Послѣ этого Дикки взялъ со стола свѣжую газету — нововведеніе это завелъ не онъ самъ, а м-съ Флинтъ, „для того, чтобы не поглупѣть окончательно“, говорила она.

Когда Дикки раскрылъ газетный листъ, ему бросились въ глаза два портрета; м-съ Флинтъ увидѣла страданіе на его лицѣ.

— Что такое? — спросила она съ испугомъ.

— Воспоминаніе о тайнѣ Чэртрисъ, — произнесъ онъ медленно. — Это заглавіе.

— Заглавіе чего? Что же тамъ говорится?

— Лэди Діана обручилась съ сэромъ Вильямомъ Герришъ.

Больше онъ ничего не сказалъ, поднялся изъ-за стола и, оставивъ свой завтракъ нетронутымъ, вышелъ изъ комнаты.

Въ то же утро въ Лондонѣ, сэръ Энтони Гопвудъ читалъ свою газету и вдругъ съ удивленіемъ отложилъ ее.

— Ты знаешь, что случилось? — спросилъ онъ жену.

— Что такое?

— Лэди Діана обручилась съ Герришемъ.

— А я думала, что она выйдетъ замужъ за того молодого художника, — отвѣтила она, — когда вся эта исторія уляжтся.

— Я думалъ то же самое, — медленно протянулъ сэръ Энтони. — Удивляюсь, что этого не случилось.

* * *

На третій день послѣ этого Дикки медленно поднялся къ себѣ въ мастерскую, чтобы положить на свою „Идиллію“ послѣдніе мазки. Дѣлать было почти нечего — оставались только мелкіе штрихи, которые даютъ окончательную отдѣлку уже готовой вещи.

Онъ отошелъ отъ мольберта — да, теперь она готова! и рѣшилъ позвать м-съ Флинтъ.

Онъ произнесъ вслухъ: „Всему этому я обязанъ ей“ и засмѣялся горькимъ смѣхомъ, сразу же оборвавшимся: онъ услышалъ, какъ звякнула садовая калитка.

Мысль, что, можетъ быть, это Діана пришла объяснить ему то, что онъ уже понялъ, заставила его подбѣжать къ окну. Онъ выглянулъ.

Внизу, подорожкѣ шло двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ поднялъ голову. Сердце Дикки замерло: это былъ тотъ детективъ, котораго онъ видѣлъ въ Бембриджѣ. Съ нимъ былъ полицейскій офицеръ въ формѣ.

Дикки быстро отошелъ отъ окна и кинулъ взглядъ на свою картину.

— Такъ вотъ оно... — произнесъ онъ вслухъ.

Машинально, словно по привычкѣ онъ взялъ свою палитру, соскребъ съ нея краску, вытеръ кисти и поставилъ ихъ на мѣсто. Затѣмъ рука его медленно направилась къ карману.

Онъ вынулъ маленькую бутылочку, посмотрѣлъ на нее, и, покоряясь неизбѣжному, въ послѣдній разъ поднялъ глаза къ мольберту

Его „Идиллія“ была окончена.

Съ англ. пер. **М. Славинская.**

Конецъ.

СТРАНИЧКА ПРОШЛАГО.

Это было давно. Такъ давно, что порою все, тогда видѣнное, кажется сномъ, и въ то же время разныя подробности этого „сна наяву“ стоятъ передъ глазами такъ ясно, точно случились вчера.

Мы вели тяжкую войну съ Турціей. Россія „глухо волновалась“, охваченная вся, отъ края до края, смутными чаяніями, неясными зовами лучшаго будущаго. Въ Петербургѣ шли грандіозные политическіе процессы. Ликвидировалась цѣлая историческая эпоха, огромное движеніе, захватившее своими широкими крыльями все живое въ странѣ. Дышать этой атмосферой крутой расправы, остраго сведенія политическихъ счетовъ было душно. И какъ только представился подходящій случай, я покинулъ мрачные берега Невы для береговъ иного, далекаго южнаго края, чтобы тамъ, „въ шумѣ битвы, среди побѣдно вѣющихъ знаменъ“, вдохнуть полной грудью свѣжаго воздуха чужой, возрождавшейся къ новой жизни земли.

Формировался „Летучій отрядъ имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Наслѣдницы Цесаревны“, предназначавшійся въ армію Наслѣдника Цесаревича, оперировавшую подъ Рущукомъ. Въ тѣ времена все было просто. Куда проще, чѣмъ потомъ! Нѣкоторыя живыя учрежденія не обратились еще въ мертвыя бюрократическія канцеляріи. Прошенія врачей, рвавшихся на войну, не залеживались цѣлыми грудами; дамы-патронессы не имѣли такого засилья, и протекція еще не стала системой. Я записался въ формировавшійся отрядъ и получилъ туда назначеніе очень скоро, безъ всякихъ хлопотъ и нудныхъ обиваній пороговъ. Начальникомъ отряда былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Р—скій. Во главѣ медицинской части стоялъ докторъ Щ—къ. Остальной, персоналъ составляли два младшихъ врача, семь студентовъ и братья милосердія, — сколько ихъ было, — не помню.

16-го декабря 1877-го года, въ сумрачный морозный день мы выѣхали изъ Петербурга. До Москвы добрались безъ всякихъ при-

ключеній. Но отсюда, чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ все медленнѣе и медленнѣе становилось наше движеніе. Съ тѣмъ большимъ восторгомъ отпраздновали мы переѣздъ черезъ румынскую границу. Долго въ эту ночь раздавались въ нашемъ вагонѣ студенческія пѣсни: „Gaudemaus igitur“, Будетъ буря, мы поспоримъ“, „Гей, не дывуйтесь, добріе люды“, „Проведемъ же, друзья, эту ночь веселѣй“ и т. д., и т. д. Много, много разъ повторялась арія, изъ которой остались въ памяти только слова: „Мы отчизну покидаемъ, и прощальный рогъ звучитъ“...

Вотъ, наконецъ, и Бухарестъ, — уголокъ Парижа, какъ его съ гордостью называли румыны. Онъ выглядѣлъ очень нарядно, со своими широкими, чистыми, сплошь асфальтированными улицами, красивыми домами, великолѣпными по тому времени гостиницами, отличными извозчиками. Русское золото дождемъ лилось въ широкіе карманы предпріимчивыхъ мѣстныхъ обывателей, и городъ богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ подъ этимъ благодатнымъ ливнемъ.

Съ жадностью набросились нѣкоторые изъ нашихъ на бухарестскія книжныя лавки, гдѣ такъ заманчиво глядѣли изъ оконъ запрещенныя русскія заграничныя изданія. „Впередъ“, „Набатъ“... Господи! какъ давно все это было! И какой густой „травой забвенья“ поросла вся эта далекая быль!..

Помню курьезный случай: въ одну изъ такихъ лавокъ вошелъ пожилой генералъ и два-три молоденькихъ армейскихъ офицера. Очевидно, съ русской запретной литературой имъ никогда раньше не приходилось встрѣчаться. Съ недоумѣвающимъ видомъ просматривали они груды разбросанныхъ на прилавкѣ листковъ, брошюръ, книгъ и тетрадокъ. Наконецъ, генералъ не выдержалъ и обратился къ одному изъ моихъ спутниковъ (мы носили форму студентовъ медико-хирургической академіи) съ просьбой помочь ему разобраться въ этомъ хаосѣ.

Генералъ въ данномъ случаѣ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: тогдашняя академія недаромъ носила репутацію ультранеблагонадежной. Съ глубокимъ вниманіемъ прослушана была этими офицерами импровизированная лекція однаго изъ юныхъ нашихъ студіозовъ о различныхъ направленіяхъ и взглядахъ зарубежныхъ властителей думъ тогдашней молодежи. Но выводъ который отсюда былъ сдѣланъ, оказался совсѣмъ неожиданный по тому времени: „Все это, господа, утопіи“, — улыбнулся генералъ, сверкая умными, насмѣшливыми глазами. „Намъ нужно сейчасъ совсѣмъ не то. Намъ нужна конституція; понимаете, — настоящая европейская конституція, а народу — школы и школы, де-

сятки тысячъ школъ. Вотъ, что намъ нужно!“ И генералъ, пожавъ всѣмъ руки, вышелъ изъ магазина.

Мы долго зажились въ Бухарестѣ: что-то дней 8 или 10. Рѣ—скому, — барину и бонвивану, — очень понравилась веселая кокетливая столица тогдашней нашей союзницы, съ ея театрами, кафе-шантанами и разными другими злачными мѣстами, наполненными интернаціональными искательницами приключеній, слетѣвшимися сюда со всѣхъ концовъ Европы. Впрочемъ, съ этими легкомысленными созданіями, — грѣшницами по професіи, очень успѣшно конкуррировали и мѣстныя „куконы“ („кукона“ — по-румынски — госпожа, замужня дама), оказавшимися чрезвычайно падкими и на русское золото, и на русскую военную молодежь... Наша студенческая компанія по шантанамъ не ходила, но мѣстную оперу посѣщала охотно. Въ одно изъ такихъ посѣщеній (шла, помнится, Аида), мы были очень удивлены враждебной демонстраціей, направленной, несомнѣнно, по нашему адресу: послѣ 2-го акта, когда спустили занавѣсъ, появилась передъ рампой прехорошенькая пѣвица, въ румынскомъ національномъ костюмѣ, но съ фригійской шапкой на головѣ и трехцвѣтнымъ, французскимъ республиканскимъ знаменемъ въ рукахъ. Оркестръ грянулъ „Марсельезу“. Здѣсь, изъ устъ этой пѣвицы, я впервые услышалъ полностью слова великаго гимна великой революціи. Пѣніе было очень выразительное и сопровождалось не менѣе выразительными аплодисментами и гнѣвными взглядами на насъ присутствовавшей въ театрѣ румынской публики. Румынія, какъ мы потомъ узнали, считала себя обиженной Россіей и подчеркивала это всѣми способами до театральныхъ призывовъ къ возстанію, включительно.

Наконецъ, мы покинули веселую столицу будирующаго княжества и черезъ Журжу, по временной желѣзной дорогѣ, построенной нашими инженерами, попали во Фратешти.

Тылъ дѣйствующей арміи!.. Тогдашній тылъ!.. кто не видалъ его, тотъ не имѣетъ понятія объ одномъ изъ самыхъ страшныхъ круговъ Дантовскаго Ада! Нѣкоторыя изъ его картинъ врѣзались въ память неизгладимо, на всю жизнь... Дѣло было послѣ паденія Плевны. Плѣнную армію знаменитаго Османа-паши гнали въ Россію. Во Фратештахъ мы застали одинъ изъ ея эшелоновъ, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Плѣнные помѣщались въ простыхъ палаткахъ, устроенныхъ въ видѣ длинныхъ-предлинныхъ сараевъ. Отапливался такой сарай одной-единственной крошечной печкой, съ колѣнчатой трубой, протянутой чуть не черезъ все помѣщеніе. Печка не столько грѣла, сколько нещадно дымила; а на дворѣ трещалъ 12-градусный морозъ.

Турки, изможденные до послѣдней степени, одѣтые въ ужасающіе лохмотья, сквозь которые просвѣчивало голое тѣло, казались не людьми, а какими-то страшными фантомами. Одни безсильно лежали вдоль стѣнъ, плотно прижавшись другъ къ другу; тѣ, кто покрѣпче, протискивались поближе къ печкѣ. Много было больныхъ тифомъ и дисентеріей. Нѣкоторые тутъ же, на мѣстѣ, отправляли свои естественныя надобности; другіе продѣлывали это возлѣ самыхъ палатокъ. Вокругъ умирающихъ тѣснились живые и, какъ воронье, набрасывались на теплые трупы, стаскивая съ нихъ послѣдніе остатки жалкихъ лохмотьевъ, что неизмѣнно сопровождалось ожесточеннѣйшими схватками. Раздѣтые догола трупы оставались среди живыхъ до утра. Неподалеку отъ жилыхъ палатокъ стоялъ такой же громадный холщевый сарай, куда складывались тѣла умершихъ турокъ. Когда онъ наполнялся доверха, пріѣзжали телѣги, и мерзлыя тѣла, застывшія въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, сваливались въ одну общую яму. Для рытья такой ямы наряжался обыкновенно цѣлый батальонъ.

Во Фратештахъ, въ ожиданіи переправы черезъ Дунай, мы расположились въ пассажирскомъ залѣ строившейся тогда желѣзнодорожной станціи; а Р—скій устроился очень комфортабельно у одного изъ своихъ петербурскихъ пріятелей, офицера гвардейскаго экипажа Х. Экипажъ зимовалъ здѣсь. Здѣсь же жилъ и Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

На станціи царилъ хаосъ. Никакихъ приспособленій для жилья не существовало; даже воды не было. И чтобы добыть кипятку для чая, мы, по многу разъ на день, набивали взявшійся откуда-то гиганскій самоваръ снѣгомъ изъ ближайшихъ сугробовъ. Питались консервами. Спали, не раздѣваясь, прямо на полу.

Наконецъ, Дунай сталъ. Ледъ былъ, правда, еще не надеженъ. Но намъ такъ надоѣло наше вынужденное бездѣйствіе, что мы рѣшили, во что бы то ни стало, попытаться переправиться на ту сторону тенерь же, захвативъ съ собой только самые необходимые медикаменты, перевязочныя средства и инструменты, а главную массу багажа оставить здѣсь, подъ присмотромъ братьевъ милосердія, пока ледъ на рѣкѣ окончательно не окрѣпнетъ. Принявъ это рѣшеніе, мы, врачи и студенты, черезъ особую депутацію, послали сообщить о немъ Р—скому. Нашъ уполномоченный никакъ не ожидалъ такого оборота дѣла. Онъ сначала замѣтно смутился; но быстро оправился и въ рѣшительной, хотя и очень вѣжливой, формѣ заявилъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, останется здѣсь.

Съ чувствомъ невыразимаго облегченія, разстались мы съ

этимъ тяжелымъ человѣкомъ, давившихъ насъ всѣхъ своимъ высокомѣріемъ. Мы и онъ, — это были два мира, враждебные по самой своей сущности, по всѣмъ основамъ своего міровоззрѣнія.

Время тогда было прямолинейное (Sit venia verbo), и компромиссы не допускались. Съ первыхъ же дней отношенія у насъ стали страшно натянутыми, и когда, наконецъ, они открыто порвались, — всѣ вздохнули свободно. Быстро собрались мы въ путь и пѣшкомъ, неся въ рукахъ свой багажъ, двинулись по зыбкому льду на болгарскую сторону.

Дунай въ этомъ мѣстѣ очень широкъ: но, къ счастью, раздѣленъ островами на отдѣльные протоки, что сильно, конечно, уменьшало рискъ нашей переправы.

Дошли до противоположнаго берега, когда уже стемнѣло. Здѣсь мы нашли небольшой казачій отрядъ, несшій сторожевую службу, и съ его помощью добрались до ближайшаго селенія, гдѣ и заночевали.

На другой день мы были уже въ штабѣ рущукскаго отряда.

Еще во Фратештахъ, передъ тѣмъ какъ отправить депутацію къ Р—скому, мы, студенты и врачи, составили, за общей подписью протестъ противъ дѣйствія нашего уполномоченнаго и поручили доктору Щ—ку передать этотъ протестъ начальнику штаба Наслѣдника Цесаревича.

Какъ Щ—къ, — старый врачъ, много служившій и видавшій всякіе виды, — могъ взять на себя такое порученіе, совершенно непонятно теперь! Но тогда, повторяю, все казалось намъ очень просто и удивительно прямолинейно. Когда начальникъ штаба, генералъ Ванновскій, — впослѣдствіи военный министръ и потомъ министръ народнаго просвѣщенія, — узналъ о нашемъ самовольномъ пріѣздѣ и прочелъ нашъ протестъ, онъ, говорятъ, страшно вспылилъ и разнесъ бѣднаго Щ—ка, что называется, вдребезги. „Какъ вы смѣли принять отъ нихъ такую бумагу? — кричалъ генералъ: — что вы революціонеровъ что ли хотите изъ нихъ сдѣлать?“ — И, чтобы пресѣчь зло въ самомъ зародышѣ, тутъ же рѣшилъ раскассировать нашъ отрядъ по разнымъ временнымъ военнымъ госпиталямъ: двухъ товарищей послали въ мѣстечко Бѣлу, на Тырновской дорогѣ, меня съ тремя коллегами, студентами Хрущевымъ, Гончаровымъ и Текутьевымъ, назначили въ 7-й военно-временный госпиталь, находившійся въ селѣ Куцино, — въ 20-ти верстахъ отъ г. Тырнова; въ какія мѣста попали другіе члены нашего злополучнаго отряда, — не помню. — De facto, „Летучій отрядъ имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Наслѣдницы Цесаревны“ пересталъ существовать, но, по бумагамъ, продолжалъ числиться таковымъ до конца кампаніи.

Р—скому тоже не поздоровилось. Ванновскій былъ человѣкъ справедливый и къ правдѣ чуткій, и, вѣроятно, въ нашемъ молодомъ, горячемъ протестѣ были такія искреннія нотки, какія нашли откликъ въ его простомъ, добромъ, солдатскомъ сердцѣ. — Р—скій былъ смѣненъ. На его мѣсто назначили изъ Петербурга совсѣмъ молодого человѣка, князя Ш—скаго.

На другой же день послѣ разгрома отряда, мы двинулись къ мѣстамъ нашихъ новыхъ назначеній. Стоялъ чудный январскій день. Все кругомъ было еще покрыто снѣгомъ; но въ блескѣ солнечныхъ лучей, въ темной синевѣ неба, въ мягкости дивнаго воздуха чуялось уже дыханіе южной весны, доносившейся сюда изъ-за дали поднимающихся навстрѣчу горъ.

На повозки былъ сложенъ нашъ незатѣйливый багажъ; а сами мы гарцовали на маленькихъ, взъерошенныхъ лошадкахъ. Не обошлось при этомъ безъ курьезовъ и болѣе или менѣе крупныхъ приключеній, такъ какъ почти всѣмъ моимъ спутникамъ тогда только впервые пришлось познакомиться съ тѣмъ видомъ спорта, который называется верховой ѣздой.

Было много смѣшныхъ положеніи, много молодого смѣха, и всѣ порядочно устали, когда къ вечеру добрались, наконецъ, до нашей цѣли, — села Куцино.

Насъ никто не встрѣтилъ. Не оказалось даже помѣщенія. И мы очутились цѣликомъ предоставленными самимъ себѣ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Да и немудрено! Весь, — и административный, и врачебный, — персоналъ 7-го военно-временнаго госпиталя олицетворялъ собою старшій врачъ-докторъ Монквицъ. Всѣ его ближайшіе помощники перемерли. Изъ нижнихъ чиновъ, прикомандированныхъ къ госпиталю въ качествѣ служителей, осталось тоже немного на ногахъ. Людей едва-едва хватало на удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ нуждъ больныхъ.

Мы оріентировались въ новой обстановкѣ очень быстро и уже черезъ какой-нибудь часъ по пріѣздѣ очутились въ большомъ чистомъ помѣщеніи съ бѣлыми, вымазанными известкой стѣнами, землянымъ поломъ, безъ всякихъ признаковъ какой-либо обстановки, но съ огромнымъ каминомъ, самаго первобытнаго, впрочемъ, устройства. Одна дверь, наружная, выходила прямо на дворъ; другая вела въ коровникъ, гдѣ хозяева держали своихъ буйволовъ. Острый запахъ скотнаго двора наполнялъ воздухъ.

Сами хозяева, — очень зажиточная болгарская семья, — занимали второй этажъ дома, непосредственно надъ той „квартирой“, которую они такъ великодушно уступили намъ.

Закусивъ на скорую руку остатками своихъ запасовъ, мы повалились на принесенную солому, конечно, не раздѣваясь, и заснули тѣмъ благодатнымъ сномъ, какой знаетъ только здоровая молодость.

На другой день мы, какъ говорится съ мѣста въ карьеръ, принялись за работу.

Село Куцино раскинулось по скатамъ холмистыхъ береговъ какой-то безымянной рѣчонки и до войны было населено на половину турками, на половину болгарами. Какъ только наши войска перешли Дунай, турецкое населеніе этой мѣстности почти поголовно бѣжало, увозя съ собою въ глубь страны все, что только можно было взять. А то, что осталось дома и хозяйственныя постройки, покинутыя „на потокъ и разграбленіе“, — обратилось вскорѣ въ царство мерзости запустѣнія.

Вотъ въ этихъ-то покинутыхъ домахъ и каменныхъ пристройкахъ и размѣщена была главная масса нашихъ больныхъ. Никакихъ постельныхъ принадлежностей не существовало. Больные лежали на соломѣ, прямо на полу, плотными рядами. — Огромное большинство ихъ принадлежало къ знаменитой 27-й пѣхотной дивизіи, которая почти вся обмерзла на Шипкинскомъ перевалѣ въ тѣ страшные дни и долгія зимнія ночи, когда „на Шипкѣ“ было „все спокойно“.

Дивизія выступила въ походъ съ стремительной неожиданностью и явилась на театрѣ военныхъ дѣйствій въ чемъ была, безъ всякихъ теплыхъ вещей. Всѣ эти вещи, — валенки, рукавицы, тулупы и проч., — получились въ штабъ дивизіи только въ іюлѣ слѣдующаго года! Трагическая иронія тогдашней трагической русской дѣйствительности! Солдаты обмороженной дивизіи заполнили всѣ военно-временные госпитали, начиная отъ Габрова, у подножія Балканъ, до Дуная. Почти у всѣхъ нашихъ куцинскихъ больныхъ были отморожены ступни обѣихъ ногъ; только немногіе „счастливцы“ поплатились одной ногой.

Антисептика тогда только еще зарождалась. Оперировать было опасно, да и некому, такъ какъ среди врачей свирѣпствовала большая заболѣваемость и смертность. И наша роль свелась къ тому, чтобы успѣть ежедневно перевязать всѣхъ больныхъ да безсильно при этомъ смотрѣть, какъ у нихъ отваливаются, одинъ за другимъ, суставы пальцевъ и другія кости стопы, а то и вся стопа цѣликомъ.

Вши, — этотъ исконный, истинно-русскій бичъ — конечно, кишмя-кишѣли здѣсь, какъ и вездѣ въ арміи... Много мѣсяцевъ спустя послѣ заключенія мира, я, находясь въ Журжѣ, отправился какъ-то на берегъ Дуная взглянуть на Рущукъ. Онъ очень живописенъ отсюда. Сидя на камнѣ, неподалеку отъ землянокъ, дав-

нымъ давно покинутыхъ нашими войсками, я любовался стройными минаретами города, ярко выступавшими въ лучахъ заходящаго солнца, темной громадой Арабъ-Табіи, всей этой оригинальной, такой типичной, чисто-турецкой картиной, какъ вдругъ, взглянувъ случайно на землю, замѣтилъ какіе-то большіе сѣровато-бѣлые шары, которые, мнѣ показалось, медленно передвигались. Нагнувшись ближе, я, съ дрожью отвращенія и ужаса, увидѣлъ, что эти шары состояли сплошь изъ вшей, выкатившихся изъ сосѣднихъ опустѣвшихъ солдатскихъ землянокъ. Я, какъ говорится, свѣта Божьяго не взвидѣлъ и бросился бѣжать отсюда со всѣхъ ногъ. Мнѣ живо вспомнился куцинскій госпиталь, наши больные, покрытые вшами. Вспомнилось, какъ мы сами, обовшивѣвшіе подъ конецъ тоже съ головы до ногъ, мучительно страдали отъ этихъ гнусныхъ паразитовъ...

Другимъ нашимъ бичемъ, но уже гораздо болѣе серьезнымъ, явился сыпной тифъ, бороться съ которымъ оказалось не подъ силу не только намъ, но и настоящимъ госпиталямъ глубокаго тыла арміи, поставленнымъ въ несравненно лучшія во всѣхъ отношеніяхъ условія.

Работы у насъ было по горло, и мы принялись за нее съ тѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, какое испытываетъ каждый, посвятившій себя медицинѣ, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ народнымъ бѣдствіемъ, властно требующимъ отъ него всѣхъ его знаній и силъ, — будь то война, голодъ, эпидемія, все равно.

Нашъ день начинался съ 7 часовъ. Выпивъ наскоро чаю съ твердыми, какъ камень, галетами и консервированнымъ молокомъ (молоко буйволицъ оказалось очень не вкуснымъ, съ какимъ-то особымъ, непріятнымъ запахомъ), мы отправлялись по своимъ „палатамъ“. Многія изъ этихъ „палатъ“, — бывшіе сараи, — освѣщались однимъ оконцемъ, помѣщеннымъ настолько высоко надъ землей, что внизу, — на полу, гдѣ копошились больные, ничего не было видно. Волей-неволей приходилось на время перевязки оставлять наружную дверь открытой. Самую перевязку можно было дѣлать только стоя на колѣняхъ. Ползешь, бывало, на колѣнахъ отъ одного больного къ другому, а за тобой, съ большимъ ящикомъ перевязочныхъ матеріаловъ, — такъ называемымъ фербандомъ, ползетъ служитель. И когда „обойдешь“ такимъ образомъ „палату“, — ноги такъ затекутъ, что первыя минуты съ трудомъ двигаешь ими. — Изъ первой „палаты“ переходишь во вторую, въ третью... Много ихъ было этихъ „палатъ“!.. Наступаетъ время обѣда. Больнымъ приносятъ супъ съ чернымъ хлѣбомъ. Боже мой! Что это былъ за супъ? навару никакого. Отвратительная водянистая

безвкусица и больше ничего! А хлѣбъ!.. Какъ больные могли ѣсть, — совершенно непонятно! Гдѣ, бывало, его не разломишь, — вездѣ зеленая плѣсень: она пронизывала насквозь всю его толщу... То было золотое время организованнаго грабительства, эпоха грандіознѣйшихъ интендантскихъ хищеній, борьба съ которыми по тогдашнимъ условіямъ являлась совершенно не мыслимой.

Работа у насъ шла безостановочно, не прерываясь и во время обѣда больныхъ, и заканчивалась только къ 5-ти часамъ вечера. Провести девять часовъ на колѣняхъ, да еще согнувшись въ три погибели, — такую марку могли выдержать, конечно, только молодыя ноги и молодыя спины; но и онѣ сильно ныли. И когда, бывало возвращаешься домой послѣ такого больничнаго „обхода", долго идешь, согнувшись, не будучи въ силахъ выпрямить спины.

Дома, въ нашей берлогѣ, насъ никто не ждалъ. Мы сами должны были ловить на дворѣ куръ (помню, хозяева брали съ насъ что-то копеекъ 30, или 40, за штуку) и сами готовить себѣ супъ. А въ ожиданіи этого супа, варили яйца, или дѣлали яичницу, пили чай. Главная же наша забота была — натаскать на ночь побольше сучьевъ валежника для нашего „камина". О, этотъ „каминъ"! Широкое горло его трубы, черезъ которое виднѣлись звѣзды, ничѣмъ не закрывалось, и пожиралъ онъ такъ много дровъ, давая такъ мало тепла!..

Наконецъ, дрова натасканы, куры готовы. Начинался пиръ Валтасара. Ѣли мы полулежа, изъ какихъ-то деревянныхъ чашекъ. Но зато для вина хозяева дали намъ стаканы, въ родѣ большихъ пивныхъ кружекъ, и мы съ наслажденіемъ тянули изъ нихъ мѣстное болгарское вино, котораго осталось здѣсь еще очень много: у нашего хозяина, напр., стояли въ погребѣ двѣ огромныя бочки вина собственныхъ виноградниковъ. Это бѣлое вино, кисленькое на-вкусъ и казавшееся сначала чѣмъ-то въ родѣ кваса, или сидра, тѣмъ не менѣе давала себя знать. Голова отъ него слегка кружилась, но тяжести совсѣмъ не чувствовалось; свойство всякаго натуральнаго вина, не сдобреннаго спиртомъ.

Спали мы, не раздѣваясь. Растапливали „каминъ", наваливая въ его ненасытное жерло цѣлые вороха сучьевъ, затѣмъ укладывались вповалку на полу, въ шубахъ, валенкахъ и шапкахъ; послѣдній, очередной на эту ночь, покрывалъ всѣхъ широкими буйволовыми попонами, и мы моментально засыпали, какъ убитые. Кто ночью просыпался, тотъ долженъ былъ подбросить сучьевъ въ каминъ; но къ утру огонь неизмѣнно потухалъ, и мы просыпались при морозѣ въ 6—7, а иногда и 10°.

Такъ прошло около трехъ недѣль. Болгары присмотрѣлись къ

нашему житью-бытью и, видя, что мы не обнаруживаемъ никакихъ поползновеній на цѣломудріе ихъ женщинъ, рѣшили облегчить намъ бремя нашего существованія. Во-первыхъ, они предложили намъ перейти въ одну изъ комнатъ верхняго помѣщенія, гдѣ, во всякомъ случаѣ, было тепло; а во-вторыхъ, стали немного заботиться о нашемъ столѣ. Болгарки, — жены двухъ сыновей нашего старика-хозяина, взрослыя дочки его, изъ которыхъ двѣ уже были замужемъ (семья жила вся вмѣстѣ патріархальной жизнью добраго стараго времени), — тѣ давно съ жаднымъ любопытствомъ, приглядывались къ намъ, и теперь съ трудно скрываемымъ удовольствіемъ старались скрасить нашу жизнь разными милыми, чисто-женскими пустяками. Когда не было въ комнатѣ своихъ мужчинъ, онѣ очень привѣтливо улыбались, пытались даже заводить разговоръ; но стоило показаться какой-нибудь мрачной болгарской мужской фигурѣ, какъ глаза ихъ сразу становились суровыми, а лица принимали отталкивающее каменное выраженіе. Мужчины подозрительно исподлобья, бросали взгляды на нихъ и на насъ, и я замѣтилъ, что всякій разъ при этомъ они какъ-то нервно ощупывали свои широкіе пояса; а за поясомъ у каждаго торчалъ ножъ, — такъ, на всякій случай, должно быть. 500 лѣтъ турецкаго владычества не могли пройти безслѣдно для этой націи, видавшей на своемъ вѣку столько безумныхъ ужасовъ.

Кстати, по поводу женщинъ. Мнѣ кажется, здѣсь, именно здѣсь, — въ нѣсколько легкомысленномъ отношеніи, какое было проявлено многими изъ нашей тогдашней военной молодежи къ святости болгарскаго домашняго очага, кроется одинъ изъ источниковъ тѣхъ антирусскихъ теченій, которыя такъ остро даютъ себя знать въ современной исторіи болгарскихъ отношеній къ намъ. — Honny soi qui mal y pense! Я не говорю о насиліяхъ, о насильничествѣ. Ничего подобнаго! Позоромъ изнасилованій, единичныхъ и массовыхъ, какимъ въ роды родовъ запятнали себя въ Бельгіи, Франціи, Сербіи и Польшѣ полчища Вильгельма II и Франца-Іосифа, русскія арміи никогда себя не пятнали. Нѣтъ, рѣчь идетъ здѣсь о тѣхъ романахъ, о тѣхъ романическихъ приключеніяхъ, какія нерѣдко разыгрывались тогда въ Болгаріи и въ основѣ которыхъ лежала, во всякомъ случаѣ, взаимная „страсть молодого увлеченія“.

Дѣло въ томъ, что у болгаръ, до освободительной войны 1877—1878 гг., существовалъ, между прочимъ, такой обычай: молодые люди, полюбивъ другъ друга, приходили къ своимъ родителямъ и просто заявляли имъ, что отнынѣ они будутъ жить какъ мужъ и жена. Старики принимали это заявленіе къ свѣдѣнію, и

дѣти, родившіяся отъ такого союза, считались законными, такъ же, какъ и самый союзъ. Проходилъ годъ-два, иногда нѣсколько лѣтъ, пока случай не посылалъ въ село болгарскаго священника, который тогда огуломъ вѣнчалъ всѣ такія свободныя пары и крестилъ ихъ дѣтей.

Именно трудностью имѣть поблизости священника, рѣдкостью его появленія, что, въ свою очередь, находилось въ связи съ религіозными преслѣдованіями, воздвигавшимися время отъ времени турками противъ подвластныхъ имъ христіанскихъ народностей, и объясняется возникновеніе того обычая свободныхъ союзовъ, о которыхъ только что шла рѣчь.

Мѣстами наша молодежь воспользовалась имъ довольно широко и внесла не мало горя и слезъ во многія болгарскія семьи: дѣвушка, брошенная своимъ женихомъ да еще ставшая матерью, считается тамъ опозорившей весь свой родъ и выбрасывается на всѣ четыре стороны, проклятая семьей и отверженная всѣми. Отсюда, повторяю, тотъ осадокъ горечи, который до сихъ поръ, несомнѣнно, даетъ себѣ знать: народная память долго хранитъ семейныя обиды. Особенно упорно должна хранить ихъ память народа съ такими чистыми семейными нравами, какъ болгарскій.

Другихъ, чисто-политическихъ, источниковъ антирусскихъ теченій въ болгарскомъ обществѣ я касаться не буду: я говорю только о томъ, что я тогда самъ видѣлъ и слышалъ.

Время отъ времени мы устраивали своимъ больнымъ праздникъ. Въ Куцинѣ основался складъ Краснаго Креста. Завѣдывалъ имъ студентъ-медикъ V курса московскаго университета (фамиліи совсѣмъ не помню). Вотъ отъ него, изъ этого склада, и получались тѣ лакомства, — табакъ, чай и сахаръ, — которыми мы „баловали“ иногда по вечерамъ несчастныхъ изувѣченныхъ людей, лежавшихъ въ мрачныхъ „палатахъ“ куцинскаго госпиталя. И надо было видѣть эти сіяющія лица, слышать этотъ гулъ благодарныхъ голосовъ, чтобы почувствовать, какъ много радости вносятъ такіе пустяки въ ихъ безрадостную, суровую жизнь. — Слушаешь, бывало, эти теплыя пожеланія и благословенія, несущіяся тебѣ вслѣдъ, и слезы навертываются на глаза. Господи! Какъ мало нужно имъ! И какъ просто они смотрятъ на себя, эти настоящіе герои-мученики долга!

Наконецъ пришла очередь свалиться и намъ. Сначала заболѣлъ Хрущовъ, за нимъ я, послѣ меня Текутьевъ. Одного Гончарова пощадилъ сыпной тифъ! Насъ всѣхъ троихъ положили вмѣстѣ, сначала въ большую палатку, но въ ту же ночь поднявшаяся буря изорвала ея гнилыя полотнища вдребезги, — и насъ

перенесли въ такую же турецкую избенку, въ какой лежали также наши больные солдаты.

Ваннъ, конечно не дѣлали: ихъ не было, да и некому было дѣлать. Только раза 2—3 въ день обтирали тѣло полотенцами, смоченными холодной водой. При этихъ обтираньяхъ, прійдешь, бывало, на минутку въ себя, а затѣмъ опять — „и мракъ, и ночь, и головокруженіе“. Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ интерваловъ, я увидѣлъ вдругъ надъ собой склоненную молодую женскую головку въ характерной бѣлой косынкѣ: и въ нашъ госпиталь прислали, наконецъ, сестеръ милосердія! Гончаровъ и д-ръ Монквицъ совсѣмъ выбились изъ силъ...

Сыпной тифъ мы всѣ продѣлали благополучно, и въ началѣ апрѣля я покинулъ Куцино.

В. Черевковъ.

НѢЧТО О МИѲАХЪ.

I.

Согласно любопытному парадоксу, выставленному Жоржемъ Сорелемъ, человѣчество живетъ миѳами, создаваемыми въ зависимости отъ времени и среды. Это относится, какъ къ отдѣльнымъ классамъ, такъ и къ цѣлымъ народностямъ. Чтобы придать миѳу правдоподобность, создается, въ зависимости отъ него, особая логика, подчиняемая, будто бы, законамъ и кажущаяся народу или классу неотразимой. Нигдѣ миѳотворчество не проявляется такъ сильно, какъ въ области политики. Такимъ миѳомъ, имѣющимъ свою миѳическую точку и свои миѳическіе „законы исторіи“ является идея наступательнаго національнализма.

Мнѣ вспоминается стихотвореніе, служащее предисловіемъ къ книгѣ Отто Танненберга „Gross-Deutschland“, о которой дальше. „Торъ стоялъ на самомъ рубежѣ сѣвернаго міра, — говоритъ стихотвореніе. — Онъ метнулъ свой молотъ, свой темный боевой молотъ. „Мнѣ принадлежитъ, — сказалъ Торъ, вся земля, докуда долетитъ мой молотъ“. И оружіе, съ силой брошенное богомъ, перелетѣло всю землю и упало на самомъ крайнемъ южномъ рубежѣ ея. То былъ знакъ, что вся земля принадлежитъ Тору. Съ тѣхъ поръ неотъемлемымъ правомъ германцевъ является добываніе земли мечемъ.

Wir sind des Hammergottes Geschlecht
Und wollen sein Weltreich erobern.

(Мы изъ племени бога, вооруженнаго молотомъ, и хотимъ завоевать его міровую имперію.) Въ послѣднихъ двухъ стихахъ формулированъ миѳъ наступательнаго національнализма. Публицистамъ, профессорамъ и государственнымъ дѣятелямъ оставалось создать логику и найти „законы исторіи“. Вотъ одна изъ этихъ попытокъ. „Въ Европѣ никогда не воцарится миръ до тѣхъ поръ, покуда маленькія народности, не подготовленныя къ тому, чтобы создать

національныя государства, — не будутъ подѣлены великими центрально-европейскими державами... Сильные и могущественные народы постоянно устраиваютъ между собою передѣлъ всей земли. Маленькіе народы должны исчезнуть.

„Они должны быть поглощены болѣе сильными сосѣдями... Борьба за жизнь оправдывается природой, разумомъ и правомъ... Сильные народы должны смотрѣть на территоріи маленькихъ народностей, какъ на добавочныя земли, которыя время отъ времени распредѣлятся между могущественными. Это распредѣленіе производится послѣ боя, но можетъ быть и мирное“.[1]) „Германія является только логическимъ развитіемъ коллектива, принявшаго миѳъ наступательнаго національнаго; миѳъ тутъ выставлялъ не то, что болѣе откровенно (можно было бы назвать примѣры не меньшей откровенности), а съ большей „научностью“, съ большей вѣрой въ собственное право. „Я хочу вамъ теперь объяснить великій секретъ Германіи, — писалъ проф. Оствальдъ въ началѣ войны. — Мы открыли факторъ организаціи. Другіе народы живутъ подъ режимомъ индивидуализма, тогда какъ мы — подъ режимомъ организаціи. Фазисъ этотъ (организація) свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ шагѣ цивилизаціи... Германія желаетъ организовать Европу, такъ какъ послѣдняя до сихъ поръ не была организована. У насъ изъ индивидуума извлекаютъ maximum того, что мы можемъ дать для государства... Война пріобщитъ къ нашей высшей цивилизаціи, т. е. къ организаціи индивидуумовъ, остальные народы“. (Цитирую по книгѣ Р. Роллана „Au — Dessus de la Mêlée“): „Мечъ всегда будетъ рѣшающимъ судьею среди великихъ народовъ, — говоритъ Фридрихъ Ланге. — „Естественный подборъ между народами путемъ доблести не прекратится и не долженъ прекратиться... Борьба внутри общества и борьба государства съ государствомъ должны остаться... Война порождаетъ все хорошее[2]).

Передъ нами одно изъ проявленій „идолопоклонства“, о которомъ писалъ уже три вѣка тому назадъ геніальный англійскій философъ. Бэконъ говоритъ о четырехъ группахъ идоловъ, владѣющихъ человѣческимъ умомъ. Первая группа — „идолы племени“, вторая — „идолы пещеры“ (idols of the Den), третья — идолы торжища и четвертая — идолы каѳедры (idols of the Theatre). Идолы племени унаслѣдованы цѣлой народностью, — объясняетъ

[1]) Ernst Hasse, „Das Deutsche Reich als Nationalstaat“, München, 1905 стр. 169—170.

[2]) F. Lange, „Deutschtum.“, 1904, стр. 235.

Бэконъ. „Идолы пещеры“, это тѣ, которые создаются каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ для себя. Затѣмъ являются „идолы торжища“, созданные общеніями человѣка съ человѣкомъ. Живи Бэконъ теперь, онъ сказалъ бы, вѣроятно, что громадной фабрикой идоловъ торжища является уличная пресса. Послѣдняя группа идоловъ порождена „различными ложными системами“, полоняющими мало-по-малу умы[1]). Самые страшные идолы — первой и четвертой группы. Культъ первыхъ идоловъ теперь усиленно насаждается коллективомъ, а четвертыхъ — школой, не свободной и находящейся всецѣло, какъ въ Германіи, напр., въ рукахъ коллектива. Въ такой школѣ культивируются самыя свирѣпыя слова, создаются „научныя“ теоріи для оправданія ихъ. Одинъ народъ можетъ зайти дальше всѣхъ въ поклоненіи идоламъ племени, торжища и каѳедры, но не надо думать, что другіе застрахованы отъ этого. Каждая нація, становящаяся въ орбитѣ миѳа, подчиняется его логикѣ. Принимающіе идоловъ племени или каѳедры этимъ самымъ становятся въ необходимость рано или поздно принять полный ритуалъ идоловъ. Иными словами, своеобразная логика миѳа превратитъ съ теченіемъ времени оборонительный націонализмъ въ наступательный. Подъ вліяніемъ „идола племени“ выдвигается такая теорія.

„Государство обязано увеличивать число подданныхъ, принадлежащихъ къ господствующему племени, и уменьшать число подданныхъ, принадлежащихъ къ подчиненному племени, — говоритъ цитированный уже Эрнестъ Гассе. — Необходимо германизовать поляковъ и бороться съ Римомъ... Государство обязано дать всѣмъ ассимилируемымъ народностямъ одинъ языкъ и одну общую культуру... Мы напомнимъ только естествоисторическій законъ, въ силу котораго каждый организмъ долженъ или усвоить или уничтожить инородное тѣло, попавшее въ него... Съ незапамятныхъ временъ сильныя и могущественныя государства ассимилировали, часто путемъ очень жестокихъ пріемовъ, чужія національности[2]). Такова философія наступательнаго націонализма. Къ великому несчастью, она поразительно быстро усваивается оборонительнымъ націонализмомъ, лишь только онъ становится хозяиномъ положенія...

Но въ этомъ письмѣ я хочу указать не на метаморфозы націонализма подъ вліяніемъ „логики миѳа“. Въ послѣднее время мнѣ пришлось познакомиться очень основательно съ писаніями

---

[1]) Bacon's Novum Organum, Aphorisms XXXIX—XLIV.

[2]) Das Deutsche Reich als Nationalstaat, стр. 56—58.

Ланга, Блея, Гассе, Вирта, Рорбаха и Танненберга, формулировавшихъ въ Германіи послѣ Трейчке философію наступательнаго національнализма и установившихъ для „миѳа“ реальныя заданія. И при чтеніи этихъ произведеній, намѣчающихъ конкретныя достиженія (въ своей рѣчи, произнесенной въ Рейхстагѣ 5 апрѣля, германскій канцлеръ формулируетъ требованія, выставленныя уже много лѣтъ тому назадъ Гассе, а въ особенности Танненбергомъ), у меня все время таился одинъ вопросъ. Я вполнѣ понимаю, что „идолы“ племени, торжища и каѳедры могутъ породить такія мечтанія, какія находимъ у упомянутыхъ германскихъ авторовъ. Я понимаю, какимъ образомъ средніе и трудящіеся классы Германіи подпали подъ власть „идоловъ племени“: однимъ общественнымъ элементамъ указывали на угрозу съ востока, другихъ соблазняли новыми рынками и стремительнымъ развитіемъ промышленности, третьимъ сказали, что дѣло идетъ „о землѣ для всѣхъ желающихъ“. Всѣ общественные элементы увѣровали, что германская культура — выше всего того, что создало до сихъ поръ человѣчество. Указывалось на то, чѣмъ Германія можетъ дѣйствительно гордиться, т. е. на ея школы, фабрики, заводы, желѣзныя дороги, корабли. Рафинированной интеллигенціи указывалось, что Kultur, это нѣчто высшее чѣмъ „Vernuft“, „Aufklärung“ и „Geist“: это „die Sublimierung des Dämonischen“ [1]). Я могу понять, какимъ образомъ цвѣтъ германской профессуры выступилъ со свирѣпымъ „манифестомъ“: все это результатъ вліянія „идоловъ племени, торжища и каѳедры“; все это — проявленіе „логики миѳа“. Мнѣ совершенно непонятно только одно. Германія (или, точнѣе, тотъ правящій классъ въ Германіи, который всѣми силами насаждалъ „культъ идоловъ“ и поощрялъ „логику миѳа“) являлась идеаломъ для крайнихъ консерваторовъ у насъ. Они полностью переняли у германскихъ націоналистовъ философію наступательнаго національнализма и, на горе намъ, усердно пытались пересадить его. Между тѣмъ германскій національнализмъ проникнутъ съ момента своего появленія, что было задолго до войны 1914 года, самымъ свирѣпымъ руссофобствомъ. Какъ могли наши націоналисты, любящіе по ихъ словамъ русскій народъ, увлекаться ученіемъ, проникнутымъ презрѣніемъ ко всему русскому? Какъ могли наши официальные консерваторы тянуться всѣми силами къ Германіи, когда германскій національнализмъ, т. е. политическое credo правящаго класса, требуетъ не только разгрома, но расчлененія Россіи. Пятаго апрѣля германскій канцлеръ вы-

[1]) См. статью романиста Томаса Мана въ „Neue Rundschau“, ноябрь 1914 года.

сказалъ только частичку этого credo, формулированнаго задолго до войны 1914 года. Въ этомъ письмѣ моемъ читатель найдетъ нѣсколько доказательствъ. Начну съ брошюры „Grossdeutschland und Mitteleuropa um das jahr 1950 г., появившейся въ 1893 году и намѣтившей тезисы, повторяемые съ тѣхъ поръ постоянно всѣми германскими націоналистами. Авторъ брошюры относится „очень дружественно“ къ тѣмъ элементамъ въ Россіи, которые выставили трехчленную формулу графа Уварова. И вотъ по чувству дружбы авторъ доказываетъ своимъ русскимъ единомышленникамъ, что Россія „выиграетъ“, если будетъ отброшена отъ Балтійскаго моря, и отъ Вислы, т. е. если Германія отниметъ Прибалтійскій край и Польшу. „Россія, избавленная отъ балтійскихъ провинцій съ протестантскимъ населеніемъ и отъ католической Польши, разовьется болѣе легко согласно національному идеалу святой, православной страны. Ей не придется тогда истощать свои силы въ напрасныхъ попыткахъ ассимилировать западную окраину, чуждую Россіи по расѣ религіи и культурѣ“. Въ 1893 году авторъ опредѣляетъ тѣ условія, мира, которыя будутъ предложены Россіи центрально-европейскими государствами послѣ войны.

Россія сохраняетъ доступъ къ Финскому заливу, но уступаетъ Финляндію Швеціи, балтійскія провинціи и Польшу — Германіи, и Бессарабію Австріи и Румыніи. Въ вознагражденіе за эти потери Россія получаетъ Галлиполи или какой-нибудь островъ у Дарданельскаго пролива, а также Афганистанъ и Белуджистанъ т. е. доступъ къ Индійскому океану, „если она завоюетъ эти области въ войнѣ противъ Англіи и Италіи“. Балтійскія провинціи становятся тремя независимыми герцогствами подъ властью государей изъ тюрингенской династіи. Органическіе статуты герцогства учтутъ въ равной мѣрѣ, какъ наличность германской культуры, такъ и права большинства, не нѣмецкаго, населенія пользоваться своимъ языкомъ. Въ судѣ, администраціи, церкви и въ школѣ приняты будутъ два языка.

Новыя герцогства не будутъ имѣть своей арміи, но зато тамъ будетъ нѣмецкій гарнизонъ. Почта, телеграфъ и желѣзныя дороги тоже будутъ въ рукахъ Германіи. Затѣмъ новыя государства войдутъ въ составъ германскаго таможеннаго союза, но не въ конфедерацію Большой Германіи[1]). Идейнымъ вдохновителямъ нашихъ реакціонеровъ, обличавшихъ съ такимъ пыломъ мнѣническихъ „мазепинцевъ“, принадлежитъ проектъ дальнѣйшаго расчлененія Россіи

[1]) „Grossdeutschland und Mitteleuropa um das jahr 1950“, Berlin, 1893, стр. 40.

путемъ выдѣленія Украины въ отдѣльное королевство. „Кромѣ созданія Польскаго королевства, Германія должна создать также самостоятельное королевство Руссинское, — говоритъ цитируемый авторъ. — Оба королевства войдутъ въ таможенный союзъ, но не въ Великогерманскую конфедерацію.

Польшѣ предоставлено будетъ заключать договоры съ Германіей, а Руссинскому королевству — съ „Австрійской имперіей". „Право" это будетъ странное: въ силу его „королевства откажутся имѣть собственную армію, а предоставятъ германскимъ и австрійскимъ войскамъ занять всѣ крѣпости". Почта, телеграфъ и желѣзныя дороги будутъ принадлежать Великогерманіи. Затѣмъ Великогерманія собирается захватить Богемію и выслать оттуда всѣхъ чеховъ, чтобы очистить мѣсто для нѣмецкихъ колонистовъ. Независимыя королевства, обязуются принять всѣхъ славянъ и евреевъ, прогнанныхъ такимъ образомъ изъ Германіи [1]) Эрнестъ Гассе тоже находитъ, что первой заботой Германіи должно быть присоединеніе балтійскихъ провинцій. Это надо выполнить „не только для того чтобы ослабить Россію": хотя въ провинціяхъ нѣмцы составляютъ только 15% населенія, „но они германскіе по духу и по культурѣ" [2]).

II.

Такъ писали двадцать лѣтъ тому назадъ вдохновители германскаго націонализма и лучшіе друзья нашихъ реакціонеровъ. Гораздо болѣе откровененъ Отто Рихардъ Танненбергъ, авторъ книги „Gross-Deutschland", вышедшей въ 1911 году. Профессоръ Массарикъ, живущій теперь въ Лондонѣ, сказалъ мнѣ, что Танненбергъ, — псевдонимъ извѣстнаго германскаго государственнаго дѣятеля, нашедшаго „неудобнымъ" выставить свое имя на такой откровенной книгѣ. Во всякомъ случаѣ, книга не только имѣла колоссальный успѣхъ, но признана была Кораномъ нѣмецкаго націонализма. „Gross-Deutschland" программа, которую хотѣли выполнить во время войны 1914 года. Намѣчая тѣ условія, на которыхъ Германія согласилась бы заключить миръ, германскій канцлеръ лишь повторилъ нѣкоторые пункты программы, выставленной Отто Танненбергомъ.

Авторъ выставляетъ нѣсколько основныхъ тезисовъ.

1. Предпринимая что-нибудь, Германія можетъ не думать о правѣ, такъ какъ у нея есть сила. „Политика, основанная на санти-

[1]) ib., стр. 41.

[2]) Das Deutsche Reich, стр. 111.

ментализмѣ — глупость. Гуманитарныя мечты — идіотизмъ. Политику надо вести дѣловымъ образомъ. Понятія о справедливости и несправедливости необходимы только въ гражданской жизни“ [1]).

2. Все то, что мы сдѣлаемъ, дозволено, ибо другія государства въ прежніе вѣка сдѣлали тоже самое.

3. Германія, начиная войну, подвергается минимальному риску. Враги Германіи будутъ раздѣлены. Съ Англіей возможно будетъ столковаться, чтобы она сохранила нейтралитетъ. Англія, прежде всего, страна купцовъ и не рискнетъ пониженіемъ своихъ бумагъ на биржѣ pour les beaux yeux маленькихъ народовъ на континентѣ.

4. Выгоды успѣшной войны колоссальны. Германія будетъ имѣть столько земли, сколько захочетъ. Послѣ войны произойдетъ распредѣленіе захваченной земли между всѣми нѣмцами. Передѣлъ произведенъ будетъ гораздо болѣе планомѣрно, чѣмъ во время великаго переселенія народовъ. Каждый нѣмецъ, желающій работать, получитъ свой участокъ земли. Каждый, кромѣ того, найдетъ легко необходимый капиталъ и земледѣльческія орудія. Каждому нѣмцу предоставлено будетъ плодиться, размножаться и населять землю. Малая Азія вся будетъ германская. Когда намъ понадобится еще земля, останется только протянуть руку.

5. Швейцарія, Бельгія и Голландія будутъ счастливы, что станутъ клѣтками удивительнаго организма, которому имя Германская Имперія.

Книга Отто Танненберга намѣчаетъ германскія колоніальныя имперіи въ Азіи, Африкѣ, Южной Америкѣ и въ Полинезіи. Малая Азія, Сирія, Палестина, Месопотамія, сѣверная Аравія, значительная часть Китая, Конго, Мадаскаръ, Марокко и вся Южная Америка до Амазонки — входятъ въ составъ Германской Имперіи. Кромѣ того, Германія присоединяетъ голландскія колоніи. Въ Европѣ Германія производитъ тоже общій передѣлъ. Начать съ того, что она беретъ у Австрійской Имперіи Богемію, и Верхнюю Австрію и Тироль и создаетъ новую федеративную Габсбургскую имперію, въ составъ которой входятъ королевства Венгрія, Польша, Румынія, Сербія и Болгарія. Германія стремится получить, прежде всего, землю для крестьянъ своихъ. „Въ Германіи народилась новая раса, жаждущая земли и знающая, что нѣмецкая деревня на восточной окраинѣ имѣетъ неизмѣримо большую цѣнность, чѣмъ фабрика на западной окраинѣ, даже если такая фабрика очень доходна и обѣщаетъ еще большіе дивиденды въ будущемъ. Земли, земли, земли!.. кричатъ наши крестьяне. „Дайте намъ землю не

[1]) Gross-Deutschland, стр. 297.

въ Африкѣ и не въ Азіи, но поблизости къ нашему дорогому отечеству“ [1]). Послѣ войны, — говоритъ Танненбергъ, — у Германіи будетъ много земли въ Европѣ. Останется только выселить коренное населеніе и замѣнить его нѣмецкими крестьянами. „Въ доброе старое время, завоеватели, захвативъ новую территорію, истребляли прежнихъ владѣльцевъ или выгоняли ихъ. Теперь такъ не поступаютъ, — иронизируетъ Танненбергъ. — Теперь все дѣлается по справедливости“. Маленькіе народы и обломки прежде сильныхъ народовъ придумали новый терминъ „права человѣка“. Въ сущности говоря, этотъ терминъ только спекуляція на наше глупое великодушіе [2]). „Въ области высшей политики слова справедливость и несправедливость не имѣютъ никакого смысла. Государственнымъ дѣятелямъ необходимо считаться только съ тѣмъ, что выгодно и невыгодно“, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Танненбергъ [3]).

Какъ всѣ нѣмецкіе аграріи, онъ мечтаетъ о расчлененіи Россіи. И читая книгу Танненберга, еще разъ приходится изумляться тому, какихъ странныхъ друзей выбрали себѣ русскіе реакціонеры. „Славянинъ рожденъ, чтобы повиноваться, а не чтобы приказывать, философствуетъ другъ русскихъ реакціонеровъ. — До тѣхъ поръ, покуда нѣмецкіе генералы и офицеры тратили свои силы, обрабатывая полутатаръ, полуславянъ и русскихъ мужиковъ, — Россія могла, опираясь на численное превосходство, играть ослѣпительную роль. Если нѣмцы уйдутъ (т. е. если балтійскія провинціи будутъ отдѣлены), все будетъ кончено для Россіи“ [4]). Вообще, вся русская цивилизація и государственность созданы нѣмцами, — увѣряетъ Танненбергъ. Татары были сломлены окончательно при Иванѣ IV только потому, что царь „нанялъ 7000 нѣмецкихъ ландскнехтовъ подъ предводительствомъ Георга фонъ Фафенбаха“. „Съ 1572 года до нашихъ дней нѣмецкіе бароны изъ балтійскихъ провинцій всѣми силами старались превратить Россію въ культурное государство“. „Не будь нѣсколькихъ нѣмецкихъ генераловъ, отступленіе во время русско-японской войны превратилось бы въ катастрофу“. „Если бы въ Петербургѣ желали проложить Аллею побѣдъ, то въ ней не было бы ни одной статуи вождя съ русскимъ именемъ.

Такимъ образомъ, отнимая территорію у Россіи, Германія

---

[1]) Gross-Dentschland, стр. 168.
[2]) ib., стр. 99.
[3]) стр, 180.
[4]) ib. стр. 185.

получитъ только запоздалый гонораръ за дѣятельность нѣмецкихъ полководцевъ, администраторовъ, помѣщиковъ. Въ 1911 году Танненбергъ составилъ не только подробный „Domesday Book“ территорій, которыя будутъ отняты у Россіи, но выработалъ даже планъ, какъ устроить новыя земли. „Земли, предназначенныя для колонистовъ, будутъ изслѣдованы экспертами и распредѣлены на три класса, въ зависимости отъ ихъ цѣнности, — пишетъ Танненбергъ. Къ фермамъ прирѣжутъ пятьдесятъ моргеновъ земли перваго класса, 75 моргеновъ второго класса и 100 моргеновъ — третьяго класса. Каждый моргенъ, въ зависимости отъ качества земли, будетъ оцѣненъ въ 100, 75 и 50 марокъ. Такимъ образомъ, стоимость каждой фермы будетъ отъ 5000—5250 марокъ. Каждый нѣмецъ, проработавшій десять лѣтъ работникомъ у помѣщика или крестьянина, получитъ право пріобрѣсть такую ферму. Ему придется внести только 500 марокъ; но отъ первоначальнаго взноса избавлены будутъ всѣ солдаты, которымъ, кромѣ того, каждый годъ службы будетъ засчитанъ за 50 марокъ [1])“. Всѣ старыя постройки будутъ снесены. Выстроены будутъ деревни „одинаковыя по стилю“. „Стиль церквей и школъ приблизится къ тому, который принятъ для этихъ построекъ въ восточной Пруссіи“. „Фундаментъ крестьянскихъ домовъ будетъ изъ тесанаго камня, крыши высокія, пестрыя... Каждый колонистъ долженъ быть женатъ непремѣнно на нѣмкѣ и имѣть не менѣе двухъ дѣтей“. Полъ дѣтей не указанъ. Мнѣ припоминается другой проектъ однотипныхъ деревень, выработанный Угрюмъ-Бурчеевымъ, который, какъ извѣстно, былъ воспитанъ на идеалахъ, принесенныхъ изъ прусской казармы. „Посерединѣ—площадь, отъ которой радіусами разбѣгаются во всѣ стороны улицы, или роты. Каждая рота имѣетъ шесть саженъ ширины — не больше и не меньше. Каждый домъ имѣетъ три окна, выдающіяся въ палисадникъ, въ которомъ растутъ: барская спѣсь, царскія кудри, бураки и татарское мыло. Всѣ дома окрашены свѣтло-сѣрою краской... Въ каждомъ домѣ живутъ подвое престарѣлыхъ, подвое взрослыхъ, подвое подростковъ и подвое малолѣтковъ“. Угрюмъ-Бурчеевъ требовалъ ввести также „организацію“, которая, по мнѣнію проф. Оствальда, представляетъ собою высшую ступень цивилизаціи. „Въ каждой поселенной единицѣ время распредѣляется самымъ строгимъ образомъ... Сперва поселенцы вступаютъ въ манежъ для колѣнопреклоненій потомъ въ манежъ для тѣлесныхъ упражненій, потомъ въ манежъ для принятія пищи... Затѣмъ всѣ выстраиваются на площадкѣ въ карре и оттуда, подъ

[1]) ib., стр. 195.

предводительствомъ командировъ, повзводно разводятся на общественныя работы. Работы производятся по командѣ. Обыватели разомъ нагибаются и выпрямляются; сверкаютъ лезвея косъ, взмахиваютъ грабли, стучатъ заступы, сохи бороздятъ землю, — все по командѣ". У насъ многіе готовы восторгаться германской дисциплиной. Почему забываютъ отечественнаго организатора Угрюмъ-Бурчеева?

Танненбергъ развиваетъ свой планъ устройства земель, если ихъ отнимутъ у Россіи. „Въ трехъ балтійскихъ провинціяхъ населенія 2.386.818 человѣкъ, — подсчитываетъ онъ. — Изъ нихъ нѣмцевъ 355.000, или 15%. Какъ только провинціи будутъ присоединены, многіе эстонцы и латыши вспомнятъ вдругъ, что въ жилахъ ихъ течетъ и нѣмецкая кровь. Такимъ образомъ, около 2 милліоновъ объявятъ себя нѣмцами. Такъ какъ эстонцы и латыши протестанты, то германизація ихъ не представится очень труднымъ дѣломъ". Германскому правительству надо будетъ только, выселивъ „упорствующихъ", переселить въ балтійскія провинціи 2.600.000 нѣмцевъ. Танненбергъ подробно объясняетъ, какъ надо производить германизацію новаго края. Въ высшія школы и въ два университета новой окраины будутъ принимать только дѣтей германскихъ родителей. Дѣти латышей и эстонцевъ будутъ приняты только при условіи, что родители перемѣнятъ свою фамилію на нѣмецкую и дадутъ подписку за себя и сыновей *быть нѣмцами*. Основнымъ требованіемъ будетъ, чтобы давшіе подобное обязательство говорили дома только по-нѣмецки и записались бы въ списокъ избирателей нѣмецкой куріи[1]). Проектъ Угрюмъ-Бурчеева былъ таковъ. „Всякій домъ есть не что иное, какъ *поселенная единица*, имѣющая своего командира и своего шпіона и принадлежащая къ десятку, носящему названіе взвода. Взводъ въ свою очередь имѣетъ командира и шпіона". Отто Таненнбергъ не говоритъ, будетъ ли въ каждой „поселенной единицѣ" шпіонъ, обязанный слѣдить за тѣмъ, дѣйствительно ли латыши и эстонцы, „обязавшіеся быть нѣмцами", говорятъ дома только по-нѣмецки; но присутствіе такого агента, повидимому, подразумѣвается само собою. Родители, давшіе подписку, обязуются, въ случаѣ надобности, возвратить государству по 500 марокъ за каждый годъ, проведенный дѣтьми въ средней школѣ и по 2.000 марокъ за каждый годъ въ университетѣ. Отвѣтственность родителей въ этомъ отношеніи распространяется на сыновей и дочерей ихъ. Сыновья латышей и эстон-

[1]) Gross-Deuschland, стр. 199.

цевъ подписываютъ обязательства въ предпослѣднемъ классѣ гимназіи, а дочери — въ послѣднемъ. Государство потребуетъ деньги, затраченныя на образованіе, если инородцы, прошедшіе школу и университетъ, измѣнятъ „германскому дѣлу“, т. е. если они проявятъ иныя политическія симпатіи, кромѣ офиціально-націоналистическихъ. Черезъ три года послѣ занятія балтійскихъ провинцій, Германія вводитъ тамъ обязательное обученіе, разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ. Что касается латышей и эстонцевъ, то первою цѣлью школы будетъ пропаганда нѣмецкаго языка. Помѣщеніе школы будетъ обязательно для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ шести до четырнадцати лѣтъ. Только тѣ, которыя пробудутъ въ школѣ восемь лѣтъ и заручатся аттестатомъ, удостовѣряющимъ ихъ полное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, — получатъ право унаслѣдовать недвижимое имущество отъ родителей. Законъ этотъ входитъ въ силу черезъ десять лѣтъ послѣ занятія края.

Не разрѣшается печатать никакихъ газетъ ни на латышскомъ, ни на эстонскомъ языкахъ, „такъ какъ это совершенно излишне“. Воспрещаются также къ ввозу всѣ книги и всѣ газеты на этихъ языкахъ. Не дозволяется пересылать также по почтѣ изданія на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ. Въ первыя десять лѣтъ послѣ занятія края служба въ церквахъ совершается для эстонскаго и латышскаго населенія на ихъ языкахъ; но по мѣрѣ германизаціи края божественная служба на иностранныхъ языкахъ сокращается. Черезъ тридцать лѣтъ разрѣшено будетъ пасторамъ произносить проповѣди только для стариковъ на ихъ родномъ языкѣ, да и то лишь разъ въ мѣсяцъ... Власти будутъ пользоваться въ обращеніи къ населенію только нѣмецкимъ языкомъ. Право пользоваться переводчикомъ въ судѣ дано лишь будетъ уплатившимъ спеціальный налогъ. Суммы, собранныя такимъ путемъ, пойдутъ на усиленіе германскаго колонизаціоннаго фонда. Черезъ три года послѣ занятія края всѣ города, деревни, отдѣльныя фермы, затѣмъ моря, заливы, проливы, острова, рѣки ручьи и озера, мосты, горы, долины, лѣса, луга и поля получаютъ новыя, нѣмецкія названія. Ежегодный приростъ населенія въ Германіи равенъ милліону. И вотъ каждый годъ колонизаціонное общество будетъ посылать въ балтійскій край пятьсотъ тысячъ нѣмцевъ-засельщиковъ, которыхъ устроятъ на „очищенныхъ территоріяхъ“. Въ первыя десять лѣтъ, покуда производится колонизація, край будетъ управляться генералъ-губернаторомъ, живущимъ въ Ригѣ „облеченнымъ неограниченной властью“. Когда организація недвижимой собственности будетъ закончена и великое дѣло цивилизаціи завершено, — три губерніи будутъ включены въ федерацію прусскихъ провинцій и

изберутъ пятьдесятъ депутатовъ въ ландтагъ и въ рейхстагъ. Такъ какъ только нѣмцы получатъ пассивное и активное избирательное право, по Танненберъ предвидитъ, что всѣ пятьдесятъ депутатовъ присоединятся къ старо-прусской партіи... Въ Германской имперіи „латышско-эстонская революція будетъ невозможна". Такъ какъ всѣ агитаторы будутъ изгнаны немедленно послѣ занятія края, то населеніе не окажетъ никакого сопротивленія германизаціи. Такимъ образомъ, прибавляетъ Отто Танненбергъ, Германія пріобрѣтетъ три новыхъ провинціи, которыя увеличатъ пространство имперіи съ 540.743 квад. километровъ до 660.000"[1]).

III.

Изъ рѣчи германскаго канцлера, произнесенной въ рейхстагѣ пятаго апрѣля, видно, что націоналисты зарятся не только на балтійскія провинціи. Упованія ихъ полностью изложены у того же Отто Танненберга. Пруссія „должна присоединить и южную часть прежней Самогитіи, занимающую пространство приблизительно въ 12 тысячъ квадратныхъ километровъ". Танненбергъ нашелъ даже куда притянуть новую территорію, если она будетъ взята: она составитъ четвертый округъ восточной Пруссіи, а именно Тильзитскій. „Сѣверная Литва съ Вильной, какъ главнымъ городомъ, будетъ состоять изъ трехъ округовъ Виленскаго, Ковенскаго и Вилейскаго. Центромъ южной Литвы явится Гродно. Въ составъ этого края войдутъ округи Гродненскій, Слонимскій и Новогрудскій. Каждая литовская провинція будетъ занимать площадь въ 3500 километровъ съ населеніемъ въ каждой въ 2,5 млл. „Тутъ есть коренное населеніе", но съ нимъ нечего церемониться. „Побѣжденнымъ надо оставить только глаза, чтобы плакать". Германское правительство „сдѣлаетъ подарокъ своему кузену Джонатану": оно выселитъ въ Америку изъ Литвы пятьсотъ тысячъ евреевъ, пятьсотъ тысячъ литовцевъ и столько же бѣлоруссовъ. Очищенныя мѣста заняты будутъ нѣмцами и, такимъ образомъ, „Deutschtum" сразу пріобрѣтетъ преобладающее вниманіе въ новомъ краѣ. Германія будетъ „великодушна": она не только даромъ повезетъ въ Америку прогнанное населеніе, но дастъ даже ему маленькое пособіе въ зависимости отъ численности дѣтей... Законы, введенные въ балтійскихъ провинціяхъ для защиты „Deutschtum," т.-е. наступательнаго германскаго націонализма, найдутъ также примѣненіе и въ литовскихъ провинціяхъ. Черезъ короткое время тѣ литовцы и бѣло-

[1]) Gross-Deutschland, стр. 206—202.

руссы, которые останутся (надо кому-нибудь работать на фабрикахъ и въ лѣсахъ!) будутъ совершенно германизированы, — говоритъ Отто Танненбергъ.

Германскій наступательный національнизмъ не можетъ удовлетвориться „только“ балтійскимъ краемъ и Старой Литвой. Германія должна присоединить еще Великую Литву; но это возможно будетъ при условіи, что Японія проявитъ бо́льшую энергію. (Въ 1911 году германскій наступательный національнизмъ выработалъ уже вполнѣ планъ войны, но сдѣлалъ ошибку въ опредѣленіи будущей комбинаціи силъ. Отто Танненбергъ, напримѣръ, учитывалъ, что Англія останется нейтральной и что Японія, вступивъ въ союзъ съ Германіей, нападетъ на Россію и займетъ всю Сибирь.) „Великая Литва дастъ больше всего мѣста для новой Германской колонизаціи“. Каковы границы новой территоріи? „Въ Великую Литву войдетъ верхнее теченіе Двины и Днѣпра. На югъ границу территоріи составитъ слiяніе Тетерева съ Сошью, а на западѣ — Березина и Припять“. Германскіе національнисты не только уже въ 1911 году предрѣшили исходъ войны, но выработали даже подробный планъ устройства „Великой Литвы“, въ случаѣ если она отойдетъ къ нѣмцамъ. „Великая Литва“, — пророчествуетъ Отто Танненбергъ, — раздѣлена будетъ на девять провинцій, каждая въ сорокъ тысячъ кв. километровъ. Когда край принадлежалъ Россіи, населенія тамъ было 11,5 мил. Двадцать процентовъ этого населенія, или 2,5 мил., — евреи“. Какъ только край отойдетъ къ нѣмцамъ, они всѣхъ евреевъ отправятъ въ Америку. Въ Великой Литвѣ останутся тогда 11 мил. бѣлоруссовъ, что составитъ только 25 человѣкъ на квад. километръ. „Эта цифра поразитъ насъ еще сильнѣе, — говоритъ Танненбергъ, если вспомнимъ, что плотность населенія въ Силезіи 116 человѣкъ на кв. милю, въ Саксоніи 112, въ Вестфаліи 158, и въ Рейнской провинціи 213“. Великая Литва будетъ заселена нѣмцами, такъ что плотность населенія будетъ 55 на кв. милю. Надо только поражаться предусмотрительностью и дальновидностью германскаго наступательнаго національнизма! Отто Танненбергъ придумалъ уже въ 1911 году нѣмецкія названія для десяти провинцій, на которыя будетъ раздѣлена Великая Литва.

„Провинція по западной Двинѣ получитъ названіе Вандалія въ честь древне-германскаго племени вандаловъ, затерявшихся безслѣдно въ Африкѣ. Территорія отъ источниковъ Днѣпра до Орши, гдѣ рѣка, текущая съ востока на западъ, поворачиваетъ какъ Рейнъ у Базеля, съ сѣвера на югъ, — получитъ названіе Суевія. Сюда надо будетъ присоединить также верхнее теченіе Сожи. Дальше

къ югу, по нижнему теченію Сожи, по восточному притоку ея Ипру и по германскому берегу Днѣпра — будетъ лежать провинція Квадія. Посрединѣ теченія Днѣпра будетъ находиться провинція Аланія. По верхнему теченію Березины будетъ провинція Тевтонія, а по сѣвернымъ притокамъ Припяти — Кимврія.

„Наконецъ, на югъ отъ Припяти, въ направленіи съ запада на востокъ, будутъ провинціи Визиготія, Остроготія и Маркомація.

Такимъ образомъ, — прибавляетъ Танненбергъ, — новыя провинціи напомнятъ о германскихъ племенахъ, исчезнувшихъ во время великаго переселенія народовъ“ [1]).

Изъ всѣхъ этихъ провинцій реальность надо признать только за девятой, да и то за второй половиной ея (Марко-манія)!

Сперва колонизированы будутъ нѣмцами провинціи Вандалія, Суевія и Квадія, — повѣствуетъ дальше Отто Танненбергъ. — Вѣдь дѣло идетъ о громадной территоріи, пространствомъ равной Пруссіи. Если ежегодно переселять въ новыя провинціи пятьсотъ тысячъ нѣмцевъ, то черезъ 21 годъ тамъ ихъ будетъ 10,5 мил. противъ девяти милліоновъ бѣлоруссовъ. Плотность населенія достигнетъ тогда до 55 на квадратный километръ, что составляетъ громадную цифру для страны, не вывозящей ничего, кромѣ мелкихъ продуктовъ. И въ Великой Литвѣ пойдетъ такой же процессъ націонализаціи, какъ и въ Балтійскомъ краѣ. По утвержденію Танненберга, нѣмцы имѣютъ „историческое право“ на Великую Литву, такъ какъ этотъ край во время переселенія народовъ долго былъ занятъ готами. „Мы, современные нѣмцы, занимаемъ теперь новый край и для того, чтобы ослабить его, — говоритъ Танненбергъ, — мы явимся, чтобы остаться тамъ навсегда. Мы раздѣлимъ землю между крестьянами, ибо знаемъ по опыту, что свободное крестьянское государство доставляетъ больше всего налоговъ и лучшихъ солдатъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ Танненбергъ писалъ свою книгу, германскій наступательный націонализмъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Танненбергъ просто говоритъ, что слабыя національности должны быть ограблены сильными и утверждаетъ, что таковъ естественный законъ. Теперь, судя по рѣчи канцлера въ рейхстагѣ, политика, намѣченная германскими націоналистами, должна называться заботой о свободѣ маленькихъ народностей.

На войну, которая должна дать Германіи столько земель, необходимы деньги. Наступательный германскій націонализмъ знаетъ, гдѣ взять ихъ: подъ бокомъ богатый банкъ — Франція. Надо только разгромить ее, — что Танненбергъ считалъ предрѣшеннымъ дѣломъ,—

---

[1]) Gross-Deutschland, стр. 207—209.

и тогда денегъ у Германіи будетъ сколько угодно. „Россія нашъ главный врагъ, а слѣдующій за нимъ — Франція, — писали нѣмецкіе воинственные націоналисты. Россія принесетъ намъ землю, а Франція деньги“. И опять приходится изумляться тому, что реакціонеры у насъ восторгались германскими консерваторами, открыто говорившими о разгромѣ и расчлененіи Россіи. Наши реакціонеры взяли у германскихъ націоналистовъ всю ихъ идеологію и формулы, но только передѣлали ихъ слегка. У насъ когда-то взяли комедію Шекспира и передѣлали на русскіе нравы: мировой судья Шалло былъ названъ Митрофаномъ Аввакумовичемъ Шаловымъ, Фордъ — Фордовымъ, Слендеръ — Иваномъ Абрамовымъ Лялюкинымъ и т. д. Точно такимъ же образомъ приспособлены были у насъ идеологія и формулы германскаго наступательнаго націонализма... „Франція въ послѣдніе годы дала Россіи взаймы двѣнадцать милліоновъ марокъ,— говоритъ Танненбергъ. — Эта колоссальная сумма доказываетъ нѣмцамъ, какъ глупы они были въ 1871 году, удовлетворившись всего пятью милліардами франковъ, или четырьмя милліардами марокъ Потребуй мы тогда тридцать милліардовъ марокъ и поддержи мы наши требованія продолжительнымъ занятіемъ всей сѣверной Франціи до Сены, мы непремѣнно получили бы эту сумму. Кромѣ того, Франція была бы тогда не въ состояніи оправиться и снабдить деньгами нашего дорогого сосѣда, чтобы вооружить его противъ насъ“. Германія „удивила міръ своимъ глупымъ великодушіемъ“, потребовавъ только пять милліардовъ послѣ такого разгрома Франціи, какъ въ 1871 году. Теперь великодушія не будетъ: Германія потребуетъ тридцать пять милліардовъ франковъ наличными и, кромѣ того, чтобы Франція уступила побѣдительницѣ всѣ долговыя обязательства Россіи. Германія уже знаетъ заранѣе, что сдѣлаетъ съ этими деньгами. На всю сумму русскаго долга Франціи — Германія выпуститъ выкупныя свидѣтельства и вознаградитъ ими русскихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, которыхъ выселятъ, чтобы дать мѣсто нѣмцамъ-колонистамъ.

И когда идеалы германскаго наступательнаго націонализма осуществятся, на землѣ начнется золотой вѣкъ. Германская имперія будетъ занимать на землѣ пространство въ 22.831.871 кв. километръ съ населеніемъ въ 136.553.915. Отто Танненбергъ высчитываетъ точно. „Пища германскому народу тогда будетъ обезпечена. Мы не будемъ больше зависѣть ни въ чемъ отъ другихъ народовъ. Мы увеличимъ благосостояніе народа. Не только тѣ, которые переселятся въ германскія колоніи, но и тѣ, которые останутся, найдутъ гдѣ приложить силы. Земельная собственность не будетъ дробиться такъ, какъ въ Палатинатѣ или въ Вюртембергѣ. Каждому юношѣ

предоставлена будетъ возможность послѣ десяти лѣтъ труда стать хозяиномъ фермы. Мы вольемъ новую жизнь въ деревню и дадимъ землевладѣльцу послушныхъ и понятливыхъ рабочихъ (т. е. тѣхъ бѣлоруссовъ, литовцевъ и латышей, которые не будутъ прогнаны). Промышленности мы дадимъ новыхъ работниковъ и внутренніе рынки. Нѣмецкіе корабли не будутъ больше отправляться изъ Гамбурга, Бремена, Роттердама и Амстердама въ Сѣверную Америку, въ Египетъ и Индію за хлѣбомъ. Они пойдутъ за нимъ въ германскія гавани: въ Кенигсбергъ, Мемель, Либаву, Ригу, Перновъ и Ревель. Балтійское море станетъ германскимъ Средиземнымъ моремъ. Мы выроемъ новые каналы и соединимъ ими Двину, Днѣпръ, Припять и Мемель. Каналы эти будутъ такъ глубоки, что дадутъ намъ возможность, въ случаѣ надобности, передвигать военныя суда... Мы возьмемъ подъ свое покровительство новыя государства, возникшія на востокѣ. За это мы вознаградимъ себя выгодными торговыми договорами. Такимъ образомъ, мы получимъ все сырье изъ богатаго черноземнаго края, лежащаго по низовью Днѣпра. Мы будемъ платить нашими фабрикатами. Россія пострадаетъ сильно, но она будетъ только наказана за свою черную неблагодарность по отношенію къ нѣмецкимъ баронамъ, просвѣтившимъ ее...

Пора кончить. Я хотѣлъ показать логическое развитіе одного изъ миѳовъ, о которомъ говоритъ Жоржъ Сорель. Миѳъ этотъ — наступательный національнизмъ. У нѣкоторыхъ паціентовъ болѣзни принимаютъ классическій характеръ и тогда особенно удобны для изученія. Такимъ больнымъ съ отчетливо выраженными симптомами является Германія. Къ великому несчастью, далеко не всѣ народы обладаютъ имунитетомъ къ болѣзни: — къ наступательному національнизму. Къ великому несчастью, иногда слабая, повидимому, невинная форма болѣзни принимаетъ бурный характеръ. И приходится пожелать человѣчеству, чтобы оно скорѣе создало себѣ новый миѳъ, потому что тотъ, который теперь находитъ столько сторонниковъ, весь пропитанъ кровью.

Затѣмъ, еще два слова. Какъ германскіе національнисты могли найти у насъ поклонниковъ? Таковъ вопросъ, который такъ и остается безъ отвѣта, когда мы закрываемъ такія книги, какъ Gross Deutschland.

Діонео.

*) Gross-Deutschland, стр. 224.

АГРАРІИ И ДОРОГОВИЗНА ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Когда говорятъ объ „аграріяхъ“ и ихъ вліяніи въ Германіи, въ частности о поддержкѣ ими дороговизны, возникаетъ вопросъ о численности этого общественнаго класса. По переписи 1907 г. въ Германіи насчитано 5.736 тыс. землевладѣльцевъ. Если бы всѣ они были сельскими хозяевами, выносящими свой продуктъ на рынокъ, то съ семьями это составило бы около 20 милл. чел., заинтересованныхъ въ ростѣ дороговизны. Въ дѣйствительности большая часть „землевладѣльцевъ“ приходится на имѣющихъ менѣе 2 гектаровъ (ок. $1^3/_4$ дес.), а именно 3.378 тыс. чел., обладающихъ вмѣстѣ всего 1.731 тыс. гект., менѣе $^1/_2$ десятины на человѣка. Изъ нихъ лишь 4 проц. занимаются, какъ главнымъ занятіемъ, сельскимъ хозяйствомъ за свой счетъ (т. е. не въ качествѣ рабочихъ). Для 96 проц. этихъ владѣльцевъ собственное производство является просто отраслью семейнаго домоводства, удовлетворяетъ часть семейныхъ потребностей, для полнаго обслуживанья которыхъ подобные „хозяева“ или члены ихъ семей прирабатываютъ еще кое-что на сторонѣ. Вторую группу землевладѣльцевъ составляютъ располагающіе отъ 2 до 10 гектаровъ (т. е. до 9 десятинъ). Ихъ 1.670 тыс. чел., и у всѣхъ у нихъ вмѣстѣ почти 8 милл. гект. Большая часть производимыхъ многими изъ нихъ продуктовъ предназначается уже для рынка, примѣрно, съ 5 милл. гект. Наконецъ, высшей группой являются владѣющіе болѣе чѣмъ 10-ю гектарами каждый. Ихъ меньше 700 тыс., и вмѣстѣ они ведутъ хозяйство за свой счетъ на 22,2 милл. гектар. сел.-хоз. площади. Зерновые, мясные, молочные и прочіе продукты этой площади почти цѣликомъ предназначены для рынка и доставляютъ свыше четырехъ пятыхъ всѣхъ туземныхъ сел.-хоз. продуктовъ, вообще

продаваемыхъ въ Германіи [1]). Эта сравнительно небольшая группа, вмѣстѣ съ членами семействъ составляющая всего $2^1/_2$ милл. чел., и получаетъ львиную долю выгодъ отъ роста дороговизны. Во главѣ ея стоятъ 23 тысячи помѣщиковъ-„юнкеровъ“, имѣющихъ свыше 100 гект. каждый, а въ общемъ обрабатывающихъ за свой счетъ 7 милл. гект. Ихъ поддерживаетъ крупное крестьянство (670 тыс. влад., 10—100 гект. съ 15,2 милл. гект.), солидарное съ помѣщиками и въ отношеніи къ рабочимъ, и въ отношеніи къ потребителямъ.

О размѣрахъ дороговизны, чтобы не загромождать изложенія безконечнымъ сопоставленіемъ цѣнъ всевозможныхъ продуктовъ, можно судить по ежемѣсячно публикуемому въ Германіи „продовольственному индексу“. Онъ составляется на основаніи среднихъ цѣнъ свыше двухсотъ городовъ Германіи. При этомъ берется не простая ариѳметическая средняя, но принимается во вниманіе количество жителей каждаго города. Цѣны берутся розничныя — въ каждомъ городѣ по даннымъ мѣстныхъ кооперативовъ, городскихъ крытыхъ рынковъ и частной мелочной торговли. Опредѣляется для каждаго мѣсяца средняя недѣльная стоимость продовольствія семьи изъ четырехъ человѣкъ (2 взрослыхъ и 2 дѣтей разнаго пола). Каждый разъ подсчитывается стоимость такого количества продуктовъ, которое потреблялось въ Германіи такими 4 человѣками въ среднемъ въ мирное время. Въ итогъ входитъ, такимъ образомъ, стоимость всѣхъ видовъ продовольствія, при томъ въ той пропорціи, какъ складывался составъ пищи изъ разныхъ ея родовъ въ мирное время. Такъ получается надежный критерій для сужденія о продовольственной дороговизнѣ въ ея цѣломъ и во всей странѣ, а не для какого-либо случайно выхваченнаго предмета или мѣста. Цифры показываютъ не то, сколько теперь дѣйствительно тратитъ населеніе на пищу, а сколько тратило бы, если бы питалось не хуже и не меньше, чѣмъ въ мирное время. Учетъ фактическихъ расходовъ произведенъ ниже; здѣсь же учитывается лишь степень дороговизны продовольствія въ каждый данный моментъ. Публикуемую недѣльную величину расхода на пропитаніе семьи изъ 4 человѣкъ я дѣлю на 4 и получаю недѣльную стоимость питанія средняго человѣка въ Германіи.

На измѣненіяхъ недѣльной стоимости продовольствія отражались всѣ мѣры по принудительному нормированію цѣнъ на разные

---

[1]) Согласно переписи, этимъ 700 тысячамъ принадлежитъ $^4/_5$ всѣхъ сел.-хоз. лошадей Германіи и почти всѣ с.-х. машины, приводимыя въ движеніе паромъ, электричествомъ, нефтью.

продукты. Въ Россіи, повидимому, до сихъ поръ нѣтъ отчетливаго представленія, что и въ какой степени предпринято въ этомъ отношеніи въ Германіи. Напр., въ статьѣ г. Алекс. Яблоновскаго въ „Кіевской Мысли“ отъ 8 янв. 1916 г. читаемъ: „Единственно, что могло бы еще измѣнить положеніе Германіи — это введеніе принудительныхъ цѣнъ на предметы первой необходимости и въ особенности на хлѣбъ. Но это задѣваетъ интересы аграріевъ, самаго вліятельнаго сословія въ странѣ, и нѣмецкое правительство на такую мѣру не рѣшается... Такимъ образомъ, нѣмецкому народу не остается ничего больше, какъ голодать, собирать картофельную кожуру и платить дань аграрію“ (статья „Продов. ростовщичество“).

О размѣрахъ „дани аграрію“ будетъ рѣчь ниже, о голодѣ я говорилъ въ послѣдней моей статьѣ („В. Е.“, мартъ), а здѣсь хочу лишь указать, что принудительныя цѣны на предметы первой необходимости установлены въ Германіи для всей страны и для всѣхъ видовъ продовольствія, при томъ обычно отдѣльно для оптовыхъ покупокъ отъ производителя и для продажи въ розничной торговлѣ потребителю. Въ особенности это относится къ цѣнамъ на хлѣбъ; принудительныя цѣны на рожь и пшеницу установлены союзнымъ совѣтомъ по районамъ еще 28 окт. н. ст. 1914 г., а послѣ введенія хлѣбной монополіи (съ февраля 1915 г.) проведена поставка муки правительствомъ всѣмъ городамъ по обязательной цѣнѣ, и на основаніи ея изданы городами таксы для продажи булочниками готоваго хлѣба жителямъ. Кило ржаного хлѣба стоило въ Берлинѣ предъ войной 28 пф., въ концѣ января 1915 г. уже свыше 50 пф., затѣмъ введена была монополія, и съ мая по сіе время оно стоитъ 40 пф. (почти $7^1/_2$ коп. за русск. фунтъ). Подобно этому картофель, стоившій въ Берлинѣ предъ войной 30 пф. за 5 килогр. и дошедшій къ срединѣ мая 1915 г. до 75 пф., въ августѣ, при новомъ урожаѣ, стоившій еще 70 пф., былъ затѣмъ октябрьскими законами сведенъ до 40 пф. и т. д. Долгое время, однако, принудительныя цѣны, вводившіяся для отдѣльныхъ продуктовъ, не могли парализовать общаго роста дороговизны, потому что тѣмъ энергичнѣе шли вверхъ цѣны прочихъ продуктовъ. Практика принудительнаго регулированія не была еще достаточно всеобъемлюща, и весь первый годъ войны былъ непрерывнымъ движеніемъ общей кривой вверхъ.

Охарактеризованная выше недѣльная стоимость продовольствія средней семьи изъ 4-хъ человѣкъ составляла 25 мар. 12 пф. въ послѣдній мѣсяцъ передъ войной (іюль н. ст. 1914 г.). Затѣмъ имѣемъ такую таблицу для перваго года войны:

августъ 1914 г.	26 м.	44 п.	февраль 1915 г.	31 м.	49 п.
сентябрь „	26 „	74 „	мартъ „	32 „	90 „
октябрь „	27 „	09 „	апрѣль „	34 „	91 „
ноябрь „	27 „	86 „	май „	36 „	49 „
декабрь „	28 „	74 „	іюнь „	37 „	36 „
январь 1915 г.	29 „	65 „	іюль „	38 „	88 „

Въ среднемъ, за весь первый годъ войны получается 31 м. 50 пф. (какъ въ февралѣ 1915 г.), т. е. на 25 проц. выше уровня послѣдняго мирнаго мѣсяца — іюля. По даннымъ Московскаго союза потребителей, средняя оптовая цѣна, по какой отпускались товары кооперативнымъ потребительскимъ лавкамъ со складовъ союза, возросла въ Москвѣ съ іюля 1914 г. по февраль 1915 г. на 37 проц., т. е. въ полтора раза энергичнѣе, чѣмъ въ Германіи. Розничныя цѣны, и не въ кооперативахъ, а у частныхъ торговцевъ, возросли, вѣроятно, къ этому времени въ Москвѣ еще болѣе чѣмъ на 37 проц., — а для Германіи приведены именно розничныя цѣны. Цѣлью настоящихъ очерковъ является не столько скорбь по поводу чужихъ бѣдъ, сколько желаніе привлечь вниманіе къ тѣмъ принципамъ и пріемамъ, съ помощью которыхъ ихъ смягчаютъ тамъ, пожалуй, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ.

Во второй годъ войны (августъ 1915 г.) Германія выступила съ принудительными цѣнами почти только на муку (40 проц. нынѣшняго питанія, какъ мы знаемъ, считая по калоріямъ). Въ сентябрѣ были регулированы цѣны на сахаръ (еще 7 проц. калорій) и картофельныя издѣлія (карт. мука, крахмалъ и т. д.). Но общая равнодѣйствующая все шла вверхъ, и въ октябрѣ стоимость нормальнаго недѣльнаго продовольствія четырехчленной семьи составила уже 41 м. 90 пф., почти на двѣ трети выше соотвѣтственной величины мирнаго времени. Это переполнило чашу терпѣнія, и правительство принуждено было уступить народнымъ требованіямъ. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ союзный совѣтъ издалъ правила о принудительныхъ цѣнахъ (для производителей, оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ) на картофель, рисъ, стручковыя растенія и почти на всѣ сорта овощей, на масло, молоко, свиное мясо и сало, и на всѣ сорта колбасы и вятчины, на всѣ растительныя масла, на дичь, фрукты, рыбу, варенье, разные сиропы и другія сладости, на разные консервы, просо, гречиху, всякую крупу и т. д. Въ январѣ присоединились принудительныя цѣны на маргаринъ, всѣ сорта сыра и т. д. — словомъ, отнынѣ свыше 90 проц. всего продовольствія (считая по калоріямъ) оковано принудительными цѣнами и регламенти-

ровано тѣмъ или инымъ способомъ (о которыхъ ниже). Въ иныхъ случаяхъ пониженіе цѣнъ было очень рѣзкимъ — для риса и стручковыхъ, напр., вдвое, но въ общемъ цѣны зафиксированы были значительно выше уровня мирнаго времени, такъ что стоимость недѣльнаго продовольствія четырехъ членной семьи понизилась въ ноябрѣ всего до 38 мар. 36 пф. и съ тѣхъ поръ все время стоитъ на величинѣ около 39 мар. Иначе сказать, хотя ростъ дороговизны былъ остановленъ, но добиться значительнаго обратнаго пониженія цѣнъ населенію не удалось. Если взять все первое полугодіе второго года войны, то средняя стоимость недѣльнаго продовольствія окажется на 58 проц. выше стоимости ея въ послѣдній мѣсяцъ мирнаго времени. Если даже принять во вниманіе лишь послѣдній періодъ, съ ноября, и то во второй годъ войны дороговизна возросла еще на такую величину, какую составила она въ среднемъ въ первый годъ. Тѣмъ, что правительство оттянуло на цѣлый годъ зафиксированье цѣнъ и проведеніе такой регламентаціи, безъ которой фиксація остается бумажной, — оно удвоило интенсивность средняго удорожанія въ странѣ всѣхъ продуктовъ, взятыхъ вмѣстѣ.

При такихъ итогахъ возникаютъ два вопроса: какъ справляется населеніе съ такой дороговизной, какъ сводитъ концы съ концами, и каково соціальное значеніе перераспредѣленія имуществъ и доходовъ въ результатѣ продовольственной дороговизны, какія доли ея слѣдуетъ отнести соотвѣтственно на счетъ производителей, оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ, отъ кого въ первую голову приходится охранять себя потребителямъ.

На городской площадкѣ для скота при берлинской бойнѣ регистрируются всѣ покупки свиней оптовыми торговцами отъ производителей и ихъ представителей. На особо отстроенномъ центральномъ городскомъ рынкѣ оптовики продаютъ свиное мясо розничнымъ торговцамъ. Наконецъ, регистрируются цѣны при продажѣ мясниками свинины потребителямъ въ 60 районныхъ городскихъ рынкахъ Берлина. Благодаря этому городское самоуправленіе въ состояніи ежемѣсячно опредѣлить долю всѣхъ этихъ лицъ въ окончательной цѣнѣ свинины. Потребителю 50 кг. средней свинины обходилось до войны, въ іюнѣ 1914 г., въ 78 мар., затѣмъ въ августѣ 1915 г. уже 167 мар., къ концу октября — 200, а съ закона 4 нояб. н. ст. — не свыше 140 мар. По городскимъ даннымъ имѣемъ такую таблицу:

	доля производителя	доля оптовика	доля розничн. мясника
іюнь 1914 г.	43 м. 51 п.	10 м. 49 п.	24 м. 00 п.
августъ 1915 г	135 „ 63 „	25 „ 03 „	6 „ 34 „

Производитель-аграрій выигралъ на каждыхъ 50 кг. (3 пуда) 92 мар. 12 пф., оптовикъ выигралъ 14 мар. 54 пф., а розничный мясникъ даже потерялъ. Послѣднее понятно, ибо по капитальной своей слабости и кредитной зависимости отъ оптовика мясникъ принужденъ принимать его условія; а желаніе удержать покупателя, изъ всѣхъ видовъ пищи раньше всего готоваго отказаться въ крайности отъ мяса, побуждаетъ его насколько возможно уменьшать долю своей прибыли. Съ 4 ноября н. ст. союзный совѣтъ установилъ такія максимальныя цѣны [1]) за 50 кг.: производителю 100 мар., оптовому и розничному торговцу вмѣстѣ — 40 марокъ. Изъ всего удорожанія сравнительно съ мирнымъ временемъ аграрій получаетъ, слѣдовательно, 56 мар. 49 пф., а оба торговые посредника только 5 мар. 51 пф. На долю аграрія приходится 90 проц. дороговизны.

До войны масло лучшаго качества стоило въ Берлинѣ въ розничной продажѣ 2 мар. 75 пф. за килогр., въ томъ числѣ около 25 пф. доставалось торговымъ посредникамъ. Закономъ 22 окт. н. ст. союзный совѣтъ установилъ максимальную цѣну для производителей въ 4 мар. 80 пф., оптовикамъ разрѣшилъ набавлять не свыше 8 пф., и розничнымъ торговцамъ не свыше 22 пф. Слѣдовательно, и здѣсь аграріямъ достается свыше 90 проц. удорожанія.

Центральный органъ кооперативовъ въ связи съ работой „вѣдомствъ цѣнъ“ произвелъ анализъ удорожанія молока (въ среднемъ на $6^1/_2$ пф. съ литра). Оказалось, 5 пф. приходится на долю производителя, полпфеннига — оптовика или молочной и 1 пф. — розничнаго торговца. Тутъ аграрій получаетъ, слѣдовательно, до 80 проц. всего удорожанія продукта (цѣна молока ограничена теперь 30 пф. за литръ).

Можно было бы привести такіе же итоги относительно многихъ другихъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что центръ тяжести вопроса лежитъ въ Германіи не въ спекуляціи торговцевъ. Семьсотъ тысячъ дѣйствительныхъ сельскихъ хозяевъ организованы здѣсь на экономической почвѣ прямо образцово. Уже много лѣтъ всѣ они входятъ въ „Союзъ снабженія германскихъ сельскихъ хозяевъ“. Первоначально, четверть вѣка назадъ, онъ былъ созданъ для объединенія закупокъ искусственнаго удобренія и постепенно расширилъ свою дѣятельность. Теперь ему, между прочимъ, переданы союзнымъ совѣтомъ функціи общегосударственнаго центра по кормовой монополіи (подъ надзоромъ „имперскаго бюро кормовыхъ для скота

---

[1]) Для Берлина съ его райономъ; для каждаго района Германіи союзный сов. предписалъ особыя цѣны; между прочимъ берлинскія совпадаютъ со средними для всей страны.

средствъ", учрежденнаго закономъ 23 іюля н. ст. 1915 г.). Второй сѣтью служитъ централизованная организація сел.-хоз. кооперативовъ. Не считая всякаго рода кредитныхъ,ъ жилищныхъ и иныхъ кооперацій, въ Германіи имѣлось къ 1 янв. 1915 г. почти 10 тысячъ (9.750) сельскохозяйственныхъ товариществъ, объединявшихъ ту же самую группу хозяевъ, какъ продавцовъ и какъ покупателей, иногда, какъ производителей. Третьей цѣпью, сплачивающей аграріевъ, являются сельско-хозяйственныя палаты, гдѣ они систематически обсуждаютъ „положеніе промысла" и вырабатываютъ лозунги въ области цѣнъ. Во главѣ центральной общегерманской сел.-хоз. палаты стоитъ, между прочимъ, извѣстный консервативный дѣятель, предсѣдатель прусскаго ландтага графъ Шверинъ-Левицъ. Все это дополняется, какъ извѣстно, отличной политической организаціей („Bund der Landwirte", консервативная партія) и многочисленной прессой, усердно проводящей дѣловые директивы мѣстныхъ и общихъ центровъ. Наконецъ, въ своей совокупности аграріи гораздо сильнѣе оптовыхъ торговцевъ не только организаціей, но и капиталомъ. Все это объясняетъ, почему имъ удавалось направить въ свои карманы львиную долю удорожанія и до введенія принудительныхъ цѣнъ (и почему они такъ противились). А когда введеніе стало неизбѣжнымъ — находящійся, главнымъ образомъ, въ ихъ рукахъ союзный совѣтъ, понизивъ нѣсколько уровень цѣнъ, зафиксировалъ раздѣлъ добычи отъ удорожанія между аграріями и торговцами съ соблюденіемъ привычной для аграріевъ пропорціональности.

Желаніе выполнять волю сельскихъ хозяевъ и боязнь слишкомъ раздражить населеніе, толкаетъ иногда имперское правительство къ прозрачнѣйшимъ по содержанію мѣрамъ. Напр., въ октябрѣ для картофеля при покупкѣ или отчужденіи отъ производителей установлена предѣльная цѣна въ 2 мар. 75 пф. за три пуда (50 кг.), чему соотвѣтствуетъ въ розничной торговлѣ 8 пф. за кг. (почти полторы коп. за русск. фунтъ), такъ это и было закрѣплено. Это въ точности равно среднимъ цѣнамъ 1913 г. Теперь помѣщики потребовали прибавки. Не взирая на торжественныя официальныя октябрьскія заявленія, что цѣна не будетъ въ дальнѣйшемъ повышена, союзный совѣтъ въ концѣ января 1916 г. разрѣшилъ повысить производителямъ плату на 2 мар. 25 пф. за 500 кг. Такъ какъ остается продать еще 4 милл. тоннъ, то это равносильно подарку въ 100 милл. мар. Интересно, что урожай картофеля весьма хорошъ, и по завѣреніямъ одного изъ лидеровъ мелкокрестьянскихъ организацій бывш. деп. Гейма, достаточно было бы и $2^1/_2$ милл. за 50 кг. Имперская „Reichscartofelstelle" имѣетъ право принудительно отчудить нехватающіе еще до конца с.-х. года покупающему населенію

4 милл. тоннъ, — но правительство все же уступаетъ. А чтобы не повышать розничныхъ цѣнъ на картофель, союзный совѣтъ постановилъ: половину прибавки принимаетъ на свой счетъ государство, половину обязаны внести мѣстныя самоуправленія, а населеніе будетъ получать картофель по прежней цѣнѣ. И такой „соціальной эквилибристикой“ занимается союзный совѣтъ въ дѣлѣ съ картофелемъ уже не первый разъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что имѣетъ мѣсто не повышеніе цѣны продукта въ соотвѣтствіи съ возросшими издержками производства, но просто безпощадное использованіе земледѣліемъ военной конъюнктуры. Еще въ первые мѣсяцы войны извѣстный другъ кронпринца ф.-Ольденбургъ-Янушау (когда-то прославившійся мыслью о разгонѣ рейхстага „однимъ прусскимъ лейтенантомъ и десятью рядовыми“, а впослѣдствіи убитый на войнѣ) публично взывалъ: „Въ этомъ году мы должны вогнать картофель въ 10 марокъ“ (за центеръ, т. е. за 50 кг.). Подобные лозунги давались и относительно другихъ продуктовъ; напр., центральныя организаціи аграріевъ и прусскій мин. сел. хоз. требовали таксы въ 300 марокъ за тонну ржи (установлено 220) и т. п. Между тѣмъ, общая стоимость рабочей силы въ сельскомъ хозяйствѣ не возросла (въ отличіе отъ индустріи). Предпринятое союзомъ сел.-хоз. рабочихъ обслѣдованіе, опубликованное въ январѣ 1916 г., показало, что плата нѣмецкимъ с.-х. рабочимъ возросла не повсемѣстно, а гдѣ возросла — на небольшую величину, которая всецѣло, если не съ избыткомъ, покрывается удешевленнымъ трудомъ плѣнныхъ солдатъ и задержанныхъ при объявленіи войны польскихъ рабочихъ, а также усиленіемъ примѣненія женскаго труда вмѣсто мужского. Къ такому же выводу пришелъ депутатъ Вендорфъ, самъ помѣщикъ, говорившій отъ имени партіи прогрессистовъ въ январской сессіи рейхстага. Таковъ же выводъ весьма осторожнаго и избѣгающаго крайностей журнала „Soziale Praxis“ (органъ „Союза соціальной политики“, предсѣдательствуемаго быв. имп. министромъ Берлепшемъ). Сел.-хоз. рабочіе, въ томъ числѣ и семейные, обычно получаютъ въ Германіи все или значительную часть продовольствія натурой (иногда въ формѣ небольшого участка земли — такъ наз. „депутатъ“). Поэтому продовольственная дороговизна не затронула ихъ въ такой степени, какъ неземледѣльческихъ рабочихъ. Въ итогѣ настоянія ихъ о повышеніи заработной платы были менѣе энергичны и самое повышеніе болѣе незначительно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности.

Стоимость содержанія скота увеличилась менѣе, чѣмъ можно думать, судя по вздорожанію кормовыхъ средствъ: дорогія привозныя

средства вышли почти изъ употребленія, въ крупныхъ и среднихъ экономіяхъ стали обходиться преимущественно собственными кормовыми рессурсами. Дороговизна кормовыхъ средствъ ударила, главнымъ образомъ, городскихъ содержателей скота и мелкихъ крестьянъ, не играющихъ особой роли на рынкѣ сбыта сел.-хоз. продуктовъ. То же, что къ корму, относится и къ удобренію. Впрочемъ, лучшими свидѣтелями служатъ арендныя цѣны. Изъ данныхъ, опубликованныхъ къ 1 янв. 1916 г. управленіемъ прусскихъ госуд. земель, видно, что при возобновленіи осенью 1915 г. и позже арендныхъ договоровъ въ различныхъ частяхъ страны арендная плата повышена была вдвое, иногда еще больше, рѣдко нѣсколько меньше. Данныя о продажѣ имѣній, собранныя за послѣдніе мѣсяцы, тоже свидѣтельствуютъ о повышеніи продажной цѣны гектара вдвое и болѣе, смотря по району. До чего дороговизна возникла вовсе не въ связи съ удорожаніемъ производства, отлично показываетъ примѣръ молока и масла. Здѣсь цѣны взлетѣли стремительно вверхъ какъ разъ въ концѣ лѣта и началѣ осени 1916 г., т. е. когда коровы пользовались зеленымъ подножнымъ кормомъ (иначе сказать, въ сезонъ наиболѣе дешеваго производства молочныхъ продуктовъ). Какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ членовъ рейхстага въ январской сессіи 1916 г., „неизвѣстно ни одного случая, чтобы какое-либо сельское хозяйство пріостановило во время войны свое производство по случаю его невыгодности, между тѣмъ въ одномъ Лейпцигѣ закрылось пока уже 760 различныхъ городскихъ предпріятій“.

Въ Германіи дѣлались попытки высчитать, на какую сумму больше платитъ теперь народъ фактически за свое продовольствіе, какую часть получаютъ производители, какую — перерабатыватели (сахарные заводы, мельницы и т. п.) и торговцы. Цѣны мирнаго времени сравниваютъ съ установленными нынѣ обязательными таксами, исключая изъ расчета армію, и получаютъ для второго года войны прибавку до 9 мд. марокъ, при чемъ изъ нихъ около 5 мд. попадаютъ въ карманы производителямъ и около 3 мд. перерабатывателямъ и торговцамъ. Если вспомнить, что всѣхъ производителей, поставляющихъ на рынокъ свыше $^4/_5$ продовольствія, всего менѣе 700 тыс. чел., то каждому изъ нихъ годъ войны приноситъ теперь добавочныхъ семь тысячъ марокъ, и тѣмъ больше, чѣмъ больше хозяйство. Въ частности, 23,5 тыс. помѣщиковъ, имѣющихъ въ среднемъ по 300, получаютъ благодаря войнѣ теперь въ годъ на шестьдесятъ тысячъ марокъ на владѣльца больше, чѣмъ въ мирное время. Война оказывается для нихъ чрезвычайно выгоднымъ предпріятіемъ, и это укрѣпляетъ ихъ въ требованіи воевать

„до завоеванія и полной побѣды“, а не только „до согласія на миръ противниковъ“, какъ предлагали имъ Шейдеманъ и другіе.

Основательность подобныхъ расчетовъ легко провѣрить. Продовольствіе 4-хъ человѣкъ разнаго возраста и пола стоило въ Германіи въ мирное время около 25 марокъ въ недѣлю. Теперь въ распоряженіи населенія имѣется, какъ мы знаемъ, лишь 78 проц. прежняго количества калорій т. е. примѣрно на $19^1/_2$ мар. Между прочимъ, продовольствіе иностраннаго происхожденія доставляло по Эльцбахеру въ мирное время 20 проц. калорій; теперь, во второмъ году войны, осталось продовольствіе почти исключительно туземнаго происхожденія. Но платятъ за эти $^4/_5$-хъ прежняго количества уже не $19^1/_2$ мар., а больше. Первый годъ войны платили въ среднемъ больше на 25 проц. т. е. почти $24^1/_2$ мар., второй годъ войны, судя по первому полугодію, заплатятъ въ среднемъ на 55—60 проц. больше, т. е. около 31 марки. Если не считать около 7 милл. членовъ семей сельскихъ хозяевъ, не покупающихъ на рынкѣ все нужное имъ продовольствіе, то остальные 55 милл. гражданскаго населенія должны заплатить больше обычнаго за свое продовольствіе въ первомъ году войны на $3^1/_2$ мд. мр., а во второмъ году — на $8^1/_4$ мд. Счетъ сходится.

За уменьшающееся количество пищи (въ первомъ году около 90 проц. обычнаго количества калорій, во второмъ — около 78 проц.) населеніе платитъ увеличивающуюся сумму денегъ. Неудивительно, что въ серединѣ второго года войны населеніе заставило распространить принудительныя таксы, гарантируемыя обычно правомъ отчужденія и организованнымъ распредѣленіемъ, на всѣ главные продукты. Первое полугодіе войны правительство въ силахъ было не принимать еще никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Второе полугодіе, если не считать хлѣбной монополіи, оно старалось приковать вниманіе, главнымъ образомъ, къ торговцамъ: послѣднее звено цѣпи, съ которой имѣетъ дѣло потребитель, должно было прикрыть собою аграріи и сойти за первопричину. Третье полугодіе заставило, наконецъ, власть имущихъ сдать уже цѣлый рядъ существенныхъ аграрныхъ позицій и положить начало цѣлой системѣ государственно-коммунальнаго снабженія, компромиссный характеръ разныхъ отраслей которой, судя по прежнему, долженъ затѣмъ уступать мѣсто все большей стройности. За эту организацію нѣмцы заплатили пока аграріямъ тѣмъ, что расходуютъ на продовольствіе 4-хъ членной семьи 31 марку въ недѣлю вмѣсто мирныхъ 25-ти, при чемъ получаютъ за это только около $^4/_5$-хъ прежняго количества продуктовъ. Правда, не будь всей этой организаціи, дороговизна была бы еще больше и росла бы все дальше, а количество продук-

товъ не увеличилось бы, но только распредѣленіе ихъ стало бы еще болѣе неравномѣрнымъ, чѣмъ теперь [1]).

II.

Естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ масса нѣмецкаго населенія оказывалась въ состояніи платить во второй годъ войны за продовольственные припасы на 58 проц. больше ихъ мирной стоимости. Вѣдь если бы народъ оказался не въ силахъ платить, то безполезно было бы и вводить „равномѣрное распредѣленіе продуктовъ“, требуя за нихъ на 58 проц. больше: оно осталось бы на бумагѣ или замѣнено было бы безплатной раздачей продуктовъ (съ отнесеніемъ, напр., ихъ стоимости въ счетъ военныхъ издержекъ — частично такія предложенія уже дѣлались, а относительно части стоимости картофеля, какъ указано выше, нѣчто подобное уже осуществлено). Совершенно не стоило было бы подводить итоги перераспредѣленію продовольствія въ результатѣ госуд.-комм. его организаціи, если бы не то, что пока народныя массы оказываются въ силахъ выдерживать такой уровень дороговизны на продовольствіе безъ отказа отъ причитающейся имъ доли.

Происходитъ это по четыремъ причинамъ. Во-первыхъ, правда, цѣны возросли на 58 проц., и къ 1 февраля 1916 г. за пропитаніе четырехъ человѣкъ (мужчина и женщина, мальчикъ и дѣвочка) приходилось платить 39 мар. 70 пф. вмѣсто 25 мар. 12 пф., которые расходовались на то же количество продовольствія въ іюлѣ 1914 г. Но вѣдь въ дѣйствительности продуктовъ въ странѣ стало на 22 проц. калорій меньше, питаніе ухудшилось приблизительно на одну пятую, поэтому въ дѣйствительности приходится тратить всего 31 марку въ недѣлю. Фактическій лишній расходъ составляетъ всего полторы марки въ недѣлю на человѣка въ среднемъ или 78 мар. въ годъ. Между тѣмъ, какъ указано выше, средній доходный бюджетъ на душу для 88 проц. населенія (семьи лицъ, получающихъ менѣе 101 руб. въ мѣсяцъ) составлялъ въ Германіи до войны только 426 мар. Понадобилось бы увеличеніе его на 18 проц., чтобы полностью покрыть увеличеніе расходовъ на продовольствіе.

---

[1]) Для сравненія можно прибавить, что, по публикуемымъ въ названныхъ ниже страницахъ индексамъ, среднее удорожаніе продовольствія составлявшее въ Германіи къ началу 1916 г. 58 проц. составляло по случайному совпаденію какъ разъ ту же величину (58 проц.) и въ Англіи (а во Франціи 40 проц., въ Швейцаріи 26 проц.).

Хотя и не въ такой мѣрѣ, но повышеніе общаго уровня заработной платы въ Германіи за послѣдніе полтора года, несомнѣнно, произошло — въ этомъ вторая изъ четырехъ причинъ. Такъ какъ увеличеніе заработной платы отстало отъ роста дороговизны, то поднявшаяся номинально заработная плата имѣетъ теперь меньшее реальное значеніе, чѣмъ до войны имѣла прежняя. Въ этомъ одно изъ основаній, почему союзы и журналы хозяевъ и рабочихъ ждутъ въ Германіи по заключеніи мира обостренія междуклассовой борьбы. Рабочіе будутъ не только пытаться реализовать данныя имъ торжественно политическія обѣщанія (тронная рѣчь въ прусскомъ ландтагѣ въ январѣ 1915 г. о реформѣ избирательнаго права и т. д.), но и захотятъ вернуть полностью матеріальный уровень своего быта, какъ онъ былъ до войны.

Лейпцигская больничная касса предъ войной насчитывала среди своихъ членовъ 130 тыс. рабочихъ мужчинъ. Изъ нихъ свыше $4^1/_4$ марокъ въ день зарабатывали въ 1913 г. въ среднемъ 54,4 проц. Къ январю 1916 г. процентъ этотъ повысился до 57,6, а къ на 7 окт. н. ст. 1915 г. ихъ было уже 64,7 проц. (по отчетамъ Reichsarbeitsblatt'a). Въ Кельнѣ профессіональные союзы всѣхъ трехъ направленій (с. д., либер., католич. центра) установили, что сначала войны по декабрь 1915 г. заработная плата металлистовъ возросла въ общемъ на 9 проц. Союзъ транспортныхъ рабочихъ заключилъ недавно соглашеніе, по которому для рабочихъ этой отрасли съ 1 янв. н. ст. 1916 г. плата повышена въ среднемъ на 13 проц. (сверхъ того повышенія, которое было уже разъ произведено въ теченіе войны). На конференціи деревообдѣлочниковъ съ союзами хозяевъ 12 окт. н. ст. хозяева обѣщали „по возможности“ поднять плату во всей Германіи. Повышенія около 10 проц. отмѣчались разновременно въ органахъ рабочихъ по обработкѣ кожи, по изготовленію платья и бѣлья, табачныхъ и т. д. По общему признанію рабочей печати, хуже всего обстояло дѣло у углепромышленныхъ рабочихъ. Въ концѣ первой четверти 1915 г. на этой почвѣ происходило здѣсь серьезное броженіе, грозившее всеобщей забастовкой. Только тогда послѣдовало нѣкоторое улучшеніе. Въ такъ называемомъ „Рурскомъ бассейнѣ“ предъ войной числилось 360 тыс. углепромышленныхъ рабочихъ со среднимъ дневнымъ заработкомъ въ 5 марокъ 22 пф. во вторую четверть 1914 г. Вслѣдствіе повторныхъ мобилизацій и несмотря на частичныя освобожденія, число ихъ сократилось къ третьей четверти 1915 г. до 270 тыс. Дневная плата составляла во второй четверти 1915 г. лишь 5 мар. 18 пф. на человѣка въ среднемъ. Упомянутое броженіе повысило эту среднюю въ третьей четверти до 5 мар. 39 пф., т. е. на 3 проц. выше

уровня послѣдней четверти мирнаго времени, а въ послѣдней четверти 1915 г. превышеніе составляло около 7 проц. Судя по этому, можно считать, что въ общемъ заработная плата повысилась къ началу 1916 г. во всей странѣ не менѣе чѣмъ на 8 или 9 проц. въ общемъ Слѣдовательно, половина вызваннаго вздорожаніемъ излишняго расхода на продовольствіе покрывается повышеніемъ номинальной заработной платы, и остается дефицитъ лишь около 40 марокъ въ годъ на душу (изъ всего вздорожанія въ 78 мар. на чел. при среднемъ доходѣ въ 424 мар. — ср. гл. III).

До нѣкоторой степени малозажиточное населеніе стремится, затѣмъ, парализовать разорительное вліяніе дороговизны измѣненіемъ качественнаго состава своей пищи. Вмѣсто дорогого продукта отыскивается подобный, хуже качествомъ, но подешевле, либо какой-либо суррогатъ. Отчеты берлинскаго рабочаго кооператива прекрасно иллюстрируютъ, какъ это дѣлается. Въ кооперативъ входитъ теперь уже свыше ста тысячъ семействъ. Въ мартѣ 1914 г. кооперативъ продавалъ коровье масло по 1 мар. 40 пф. за нѣм. фунтъ ($1\frac{1}{4}$ русск.), растительное масло и сало по 73 пф. и маргаринъ по 85 пф. Продажа коровьяго масла настолько преобладала, что средняя продажная цѣна всѣхъ этихъ жировъ составляла 1 мар. 23 пф. за нѣм. фунтъ. Черезъ годъ, въ мартѣ 1915 г., цѣна коровьяго масла возросла уже на 20 проц., растительнаго на 33 проц., маргарина на 12 проц. и сала на 100 проц. сравнительно съ мартомъ 1914 г. Если бы населеніе покупало въ 1915 г. всѣ эти жиры въ прежней пропорціи, то средняя продажная цѣна всѣхъ ихъ за нѣм. фунтъ составляла бы уже 1 мар. 64 пф. Но вмѣсто дорогого коровьяго масла и отчасти сала стали больше покупать менѣе вздорожавшій маргаринъ. Благодаря этому, средняя продажная цѣна всѣхъ жировъ составила лишь 1 мар. 39 пф. — только на 13 проц. больше прошлогодняго, а не на 33 проц., какъ было бы безъ качественной перегруппировки внутри даннаго разряда продуктовъ. Подобную же передвижку отмѣчаетъ отчетъ и относительно другихъ группъ товаровъ, напр. обыкновеннаго кофе, ячменнаго кофе и другихъ кофейныхъ суррогатовъ.

Четвертымъ источникомъ являются сбереженія прежняго времени. Въ 1913 г. въ сберегательныхъ кассахъ Германіи 23.871 тыс. чел. имѣли сберегальныя книжки на общую сумму въ 19.689 милл. мар. или около 820 марокъ на книжку. Если распредѣлить сумму этихъ сбереженій поголовно между всѣми жителями, то къ началу войны пришлось бы около 280 марокъ на душу. Разумѣется, на дѣлѣ распредѣленіе неравномѣрно, но во всякомъ случаѣ далеко

общеизвѣстна наличность въ нѣмецкой рабочей средѣ обычая имѣть книжку сберегательной кассы. Въ правительственныхъ инструкціяхъ по выдачѣ государственно-коммунальныхъ пособій безработнымъ спеціально оговорено, что наличность „пары сотъ“ марокъ въ сберег. кассѣ и собственной мебели не должна служить препятствіемъ къ полученію пособій. То же относится и къ пособіямъ семействамъ солдатъ. Но если предположить, что менѣе зажиточная половина населенія имѣетъ въ сберег. кассахъ только по 80 мар. на душу, а не по 280 — и то это уже достаточный источникъ для покрытія годового дефицита въ 40 мар. на человѣка, какой долженъ образоваться, вслѣдствіе отставанія роста заработной платы отъ роста дороговизны.

На долю малозажиточныхъ 88 проц. населенія приходится теперь, какъ увидимъ, около трехъ четвертей всего продовольствія. Значитъ, изъ 8 мд. мар. общаго перерасхода на пищу покупающаго ее населенія эти 88 проц. уплачиваютъ около 6 мд. Половина, повидимому, покрывается повышеніемъ заработной платы. Значитъ, въ конечномъ итогѣ установившаяся во второмъ году степень дороговизны продовольствія, зафиксированная уже теперь правительственными таксами, означаетъ ежегодное переведеніе трехъ милліардовъ марокъ изъ сбереженій широкой работающей массы населенія въ карманы аграріевъ. Получатъ ли они какую-либо контрибуцію извнѣ, въ этомъ позволительно болѣе чѣмъ сомнѣваться, но контрибуцію съ собственнаго трудящагося народа они уже взыскали и продолжаютъ взыскивать. Такова плата за хотя бы вынужденное согласіе ихъ на государственно-коммунальную организацію продовольствія. Аграріи считаютъ себя обиженными, потому что безъ такой организаціи они перевели бы въ свои карманы не часть только, но всѣ народныя сбереженія, во всякомъ случаѣ перевели бы гораздо больше. Если уровень дороговизны спустился съ 64 проц. въ октябрѣ до 55 проц. въ среднемъ за 3 мѣсяца (ноябрь 1915 — январь 1916), то дѣйствительные итоги борьбы съ дороговизной въ Германіи значительно благопріятнѣе, чѣмъ это представляется при такомъ сравненіи. Ибо принудительное пониженіе цѣнъ (гарантируемое карточной системой распредѣленія, либо секвестромъ или правомъ отчужденія безъ согласія владѣльца и т. д.) — это пониженіе имѣло мѣсто не для всѣхъ продуктовъ одновременно. На одинъ продуктъ понижали цѣну, но зато продолжали дорожать „свободные“ товары, и кривая цѣнъ въ общемъ росла, пока, наконецъ, принудительное регулированіе не стало столь всеобъемлющимъ, что послѣднія пониженія повели уже и къ абсолютному паденію уровня дороговизны. Если взять высшія среднія мѣсячныя цѣны каждаго

продовольственнаго продукта за все время войны (до послѣдовавшаго окончательнаго его регулированія) и по нимъ высчитать недѣльную стоимость продовольствія семьи изъ 4-хъ человѣкъ (при томъ количествѣ и составѣ продуктовъ, какъ въ мирное время — по методу индекса), то окажется, что всей германской системой въ ея цѣломъ достигнуто пониженіе продовольственной дороговизны приблизительно съ 80 проц. до 55 проц., на треть, а не только съ 64 до 55. Результаты могли бы быть еще гораздо болѣе рѣшительными, если бы народъ взялся за дѣло на годъ раньше и не позволилъ бы допустить безпрепятственное взвинчиваніе цѣнъ, — или если бы теперь вся система была не компромиссомъ, вынужденнымъ очень серьезнымъ давленіемъ на аграріевъ, а результатомъ полнаго уничтоженія ихъ политическаго вліянія въ Германіи.

Но главное значеніе нынѣшней германской продовольственной системы лежитъ не въ области цѣнъ. Безъ нея не только аграріи забрали бы себѣ гораздо большую долю народныхъ сбереженій, чѣмъ теперь, но еще вмѣстѣ съ тѣмъ народныя массы получали бы гораздо меньше продовольствія, чѣмъ сейчасъ. При „свободной игрѣ экономическихъ силъ“, либо при однѣхъ мѣстныхъ таксахъ, всегда бумажныхъ и иллюзорныхъ безъ секвестра, карточекъ и общеимперскаго регулированія, — безъ всего этого зажиточные элементы поднятіемъ цѣнъ сумѣли бы сосредоточить въ своихъ кухняхъ и столовыхъ обычное для нихъ и въ мирное время количество пищи. Упоминавшійся депутатъ Вендорфъ, самъ принадлежащій къ господствующимъ классамъ современной Германіи, констатировалъ въ январѣ 1916 г. въ рейхстагѣ „отсутствіе, къ сожалѣнію, пониманія у владѣющихъ классовъ необходимости сдерживаться въ питаніи въ интересахъ работающаго населенія“ (стен. отч.). И безъ принудительнаго регулированія массы германскаго народа принуждены были бы понизить свое питаніе гораздо ниже нынѣшняго уровня — со всѣми послѣдствіями для здоровья, жизненной силы и будущаго всего народа и грядущихъ поколѣній. Этой разницей въ распредѣленіи продовольствія безъ государственно-коммунальной организаціи и при ней и должно измѣрять ея національное значеніе и соціальную роль. Какъ очень часто, такъ и здѣсь, истинными охранителями страны отъ вырожденія и т. под. оказались не стоящія формально во главѣ ея группы, а силы самой демократіи, поскольку онѣ себя сознали и проявили.

III.

Соціальные итоги государственно-коммунальнаго регулированія распредѣленія продовольствія въ Германіи во второмъ году войны

потребовали бы слишкомъ много мѣста, если бы тутъ же предварительно описать, какъ распредѣляется юридически и фактически каждый продуктъ и въ какихъ пропорціяхъ это происходитъ. Но, для оцѣнки собственно продовольственныхъ результатовъ системы, достаточно привести конечные выводы — какъ распредѣлялось бы продовольствіе при стихійномъ ходѣ вещей, безъ планомѣрнаго регулированія, и какъ оно распредѣляется теперь, при наличности такового вида германской системы организаціи продовольствія, какой она имѣетъ послѣ полутора лѣтъ войны.

Выше подсчитано, что вмѣсто 887 сотъ мд. калорій продовольствія мирнаго времени — теперь, во второмъ году войны 63 милл. учитываемыхъ жителей Германіи имѣютъ въ своемъ распоряженіи только около 656 сотенъ мд. кал., или почти на 22% меньше (имѣется 78,3% мирнаго количества), если принять во вниманіе, что на 63 милл. чел. пришлось бы въ 1912/13 г. только 838 сот. мд. кал. (ибо все тогдашнее населеніе составляло 66 2/3 милл. чел.) Въ мирное время на жителя приходилось ежедневно въ среднемъ 3.650 калорій продовольствія, а теперь только 2.858. Зажиточные 12% населенія (семьи лицъ съ доходомъ свыше 101 руб. въ мѣсяцъ) имѣли ежедневно по 8.400 калорій на душу, а малоимущіе остальные 88% жителей получали только по 3.000 кал. въ среднемъ. Если бы не было принудительнаго регулированія и зажиточные 12% поднятіемъ цѣнъ могли бы сохранить свои ежедневныя 8.400 калорій, то остальной массѣ населенія осталось бы лишь около 2.100 кал. въ день на душу (точнѣе: 2.104). Предлагаемая таблица сравниваетъ распредѣленіе всей массы продуктовъ между обѣими группами населенія, какъ оно было бы въ такомъ случаѣ безъ регулированія, и какъ оно есть теперь при регулированіи. Въ мирное время 12% изъ 63 милл. чел. получили бы за годъ 232 сот. мд. кал. (27,5% общей суммы калорій) и остальные 88% (малоимущіе) получили бы 606 сот. мд. кал. (72,5% общаго количества). Для военнаго второго года, когда налицо всего 656 сот. мд. для всѣхъ имѣемъ такую таблицу (въ сотняхъ мд. кал.):

Продукты	Безъ регулированія. Доли: 12%	88%	При регулированіи. Доли: 12%	88%	Всего ост. мд. кал. продукта.
Мучные	32	233	25	240	265
Мясные	68	35	53	50	103
Молочные	44	2	11	35	46
Картофель	11	93	11	93	104
Сахаръ	13	35	13	35	48
Прочее	64	26	54	36	90
Итого . . .	232	424	167	489	656

Иначе говоря, безъ нынѣшняго регулированія зажиточные 12% получали бы 35,4% всего наличнаго продовольствія, а остальной народъ — 64,6%; теперь же зажиточные получаютъ 25,4%, а остальные 88,6% населенія — 74,6%. Регулированіе возстановило то соотношеніе въ распредѣленіи продовольствія между обѣими частями населенія, какое существовало въ мирное время (27,5% и 72,5%). При этомъ зажиточные получаютъ теперь 72% того количества продовольствія, какимъ они пользовались раньше, а малоимущіе — почти 81% (80,8). Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что зажиточные питаются хуже малоимущихъ. Въ мирное время они получали больше малоимущихъ (8.400 калорій на душу въ день противъ (3.000), поэтому и теперь продовольствуются лучше, несмотря на большое относительно ограниченіе.

Безъ принудительнаго регулированія раціонъ зажиточныхъ составлялъ бы теперь 8.400 калорій въ день, а малоимущихъ — 2.100. При нынѣшнемъ регулированіи зажиточные получаютъ 6.048 калорій въ день на человѣка, а малоимущіе — по 2.424 кал. въ среднемъ. Регулированіе улучшило питаніе народныхъ массъ на 15,2 проц. (2.424 вмѣсто 2.100), уменьшивъ почти на 30 проц. прежній раціонъ зажиточныхъ. Но и за всѣмъ тѣмъ зажиточные и нынѣ питаются вдвое лучше, чѣмъ питались малоимущіе даже въ мирное время, и въ $2^1/_2$ раза лучше, чѣмъ малоимущіе питаются теперь. Если бы германская система была не компромиссомъ, а строгимъ и полнымъ осуществленіемъ принципа равномѣрнаго распредѣленія въ примѣненіи ко всѣмъ продуктамъ, то каждый житель получалъ бы по 2.858 калорій въ день, одинаково зажиточные и малоимущіе. Зажиточные имѣли бы тогда, правда, всего до 34 проц. своего мирнаго раціона, но зато вся народная масса, 88 проц. населенія, пользовалась бы и теперь 95,3 проц. своего нормальнаго питанія (напоминаю, абсолютная величина раціона была бы для всѣхъ классовъ одинакова — 2.858 калорій на „средняго человѣка“ въ день). Но добиться такой полной реализаціи принциповъ равномѣрнаго распредѣленія у германскаго народа не хватило пока желанія и настойчивости. Быть можетъ, если война затянется на третій годъ, наступитъ дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи. Если произойдетъ дальнѣйшее сокращеніе продовольственныхъ рессурсовъ, то имѣется возможность цѣликомъ покрыть его болѣе полнымъ принудительнымъ ограниченіемъ потребленія зажиточныхъ 12 проц., не умаляя и безъ того уже низкаго уровня потребленія народныхъ массъ. Сведеніе потребленія зажиточныхъ до тѣхъ же 2.424 калорій въ день, которыми живутъ теперь малоимущіе, позволило бы выдержать уменьшеніе продовольственныхъ рессуровъ еще на 15 проц. даже того ихъ

количества, какое было въ распоряженіи страны во второмъ году войны. Если принять все количество продовольствія въ годъ до войны за 100, то въ первый годъ войны Германія имѣла около 90, во второй годъ — 78, и въ третій годъ могла бы обойтись 667,, установивъ для всего населенія тотъ раціонъ въ 2.424 кал., который у 12 проц. жителей замѣненъ пока раціономъ въ 6.048 кал. Впрочемъ, я не вижу достаточныхъ основаній ожидать, чтобы дальнѣйшее возможное уменьшеніе продовольственныхъ рессурсовъ достигло обязательно въ третьемъ году войны такой интенсивности, что страна располагала бы всего двумя третями мирнаго количества пищи.

Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшее пониженіе питанія народныхъ массъ наткнулось бы на очень серьезное ихъ противодѣйствіе, и фактическое содержаніе заключеннаго пока компромисса представляется мнѣ не случайнымъ. Когда въ первую четверть второго года средній продовольственный раціонъ человѣка изъ народа упалъ значительно ниже нынѣшнихъ 2.424 калорій въ день, то не случайно наиболѣе лойяльные органы стали писать о „самыхъ грозныхъ послѣдствіяхъ“, какія можетъ имѣть возникшее въ связи съ этимъ „броженіе среди широкихъ массъ“. Не случайно канцлеръ внезапно и внѣ программы бросилъ главный штабъ (гдѣ находится все время по примѣру Бисмарка), явился въ Берлинъ, и бюрократическая машина заработала съ необычайной для нея быстрой, градомъ посыпались законы о свиномъ мясѣ, и т. д., при томъ въ смыслѣ пониженія цѣнъ болѣе энергичные, чѣмъ была въ свое время хлѣбная монополія. И не случайно, наконецъ, правительство и аграріи оказались въ силахъ остановиться на охарактеризованномъ уровнѣ уступокъ, оказались въ состояніи не провести до конца безъ компромиссовъ принципъ равномѣрнаго распредѣленія всѣхъ продуктовъ и — тѣмъ не менѣе въ народѣ наступило несомнѣнное успокоеніе, напряженность положенія понизилась до той степени, какая была уже и раньше и какую правящая Германія не считаетъ опасной для внутренняго спокойствія.

Дѣло въ томъ, что, какъ оказывается, фактическій уровень продовольственнаго компромисса почти точно совпадаетъ съ тѣмъ физіологическимъ минимумомъ, какой необходимъ для поддержанія не только жизни, но и работоспособности народа. Между тѣмъ въ началѣ осени 1915 г. питаніе народныхъ массъ („малоимущихъ 88 проц.“) опустилось было ниже этого физіологическаго минимума. А нынѣшнимъ содержаніемъ государственно-коммунальной организаціи продовольствія оно поднято опять какъ разъ до этого минимума — народная масса обезпечила себѣ физическую способность

работать, безъ чего она не можетъ существовать. Потому можно ждать, что всякое дальнѣйшее сокращеніе общихъ продовольственныхъ рессурсовъ страны будетъ возлагаемо впредь народными массами на зажиточныхъ съ гораздо большей настойчивостью, чѣмъ это было въ начальныхъ стадіяхъ сокращенія, напримѣръ, весь первый годъ войны.

Если принять среднимъ нормальнымъ дневнымъ раціономъ мужчинъ отъ 15 лѣтъ и старше 3.120 калорій въ день, то при данномъ возрастномъ и половомъ составѣ учитываемыхъ 63 милл. населенія Германіи — среднимъ для всѣхъ раціономъ должно быть 2.442 кал. въ день (для поддержанія нормальной работоспособности населенія). Если исходной величиной взять по Эльцбахеру 3.000 кал. для мужчины (средняя величина изъ американскихъ, датскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ данныхъ), то физіологически необходимой для поддержанія нормальной работоспособности народа величиной будетъ средній раціонъ въ 2.348 калорій въ день. Между тѣмъ средній фактическій раціонъ малоимущихъ 88 проц. населенія составляетъ теперь 2.424 кал. Результатъ германской системы регулированія почти точно совпадаетъ съ физіологически обязательнымъ для сохраненія работоспособности минимумомъ. Масса германскаго народа — не столько объективно англійской блокадой, сколько соціально, собственными зажиточными классами — оттѣснена уже на самую грань физіологически обязательнаго обезпеченія трудоспособности. Не столько объективно англійской блокадой — потому что, какъ мы видѣли, при вполнѣ равномѣрномъ распредѣленіи всѣхъ припасовъ она и теперь получала бы свыше 95 проц. обычнаго своего продовольствія. Она получаетъ значительно меньше просто въ виду того, что зажиточная восьмая часть жителей получаетъ все еще больше, чѣмъ пришлось бы ей при строгомъ проведеніи принципа равномѣрнаго распредѣленія.

Но безъ достигнутаго регулированія народъ могъ бы совершать всю обычную работу только цѣной непосредственнаго вырожденія и разрушенія своего организма, какъ, можетъ быть, и происходитъ съ малоимущимъ большинствомъ горожанъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Нѣмецкое населеніе поражено этими бѣдами въ меньшей степени (какъ свидѣтельствуетъ прежде всего почти полная неизмѣнность уровня смертности гражданскаго населенія сравнительно съ мирнымъ временемъ) — въ первую голову вслѣдствіе того, что нѣмецкая демократія оказалась въ силахъ добиться въ извѣстной мѣрѣ принудительнаго перераспредѣленія продовольственныхъ запасовъ между разными частями населенія. Соціальное значеніе германской государственно-коммунальной организаціи про-

довольствія въ нынѣшнемъ ея видѣ отлично иллюстрируется слѣдующей таблицей, показывающей, какую часть своего обычнаго мирнаго продовольствія могутъ получать малоимущія народныя массы Германіи (88 проц. населенія) во второй годъ войны при:

отсутствіи регулированіи	70,0	процентовъ
нынѣшнемъ регулированіи . . .	80,8	„
полномъ регулированіи	95,3	„

Это означаетъ, что народъ завоевалъ себѣ улучшеніе, какое вообще можно было завоевать при данныхъ продовольственныхъ рессурсахъ страны.

М. Лурье.

Стокгольмъ.

ПРОБЛЕМЫ БУДУЩАГО МИРА.

(ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ).

Нынѣшняя небывалая и ужасная война, захватившая почти всѣ культурныя націи Европы, отличается однимъ любопытнымъ и чрезвычайно знаменательнымъ обстоятельствомъ, придающимъ ей совершенно исключительный характеръ. Всѣ воюще народы жаждутъ побѣды, и ни одинъ изъ нихъ не допускаетъ мысли о мирѣ, который явился бы санкціей его пораженія и тріумфомъ врага.

Но чѣмъ сильнѣе растетъ ожесточеніе и упорство борьбы, тѣмъ прочнѣе укрѣпляется въ народныхъ массахъ и среди европейской интеллигенціи стремленіе къ тому, чтобы „миръ черезъ побѣду“ навсегда упразднилъ войну и свергнулъ съ его пьедестала ненасытнаго Молоха, требующаго безконечныхъ жертвъ золотомъ и кровью. Въ разгарѣ національныхъ страстей, среди кроваваго вихря разрушенія и смерти, люди страстно мечтаютъ о вѣчномъ мирѣ и вѣрятъ въ возможность его осуществленія.

Явленіе это, несмотря на свою кажущуюся внѣшнюю противорѣчивость, вполнѣ, конечно, объяснимо. Настоящая война совершенно не похожа на войны, которыя имѣли мѣсто въ прошломъ. Это война не между профессіональными арміями, а между цѣлыми вооружившимися націями.

Ея удары не локализированы, они тяжко падаютъ на весь государственно-національный организмъ и разятъ его во всѣхъ частяхъ. Тылъ органически связанъ съ фронтомъ; они представляютъ, въ сущности, одно цѣлое, а бѣдствія, страданія и трауръ, порождаемые войной, принимаютъ размѣры поистинѣ гиганскіе. Къ тому же, стихія разрушеній и варварскихъ опустошеній никогда еще не свирѣпствовала съ такой силой, ибо ей на помощь пришли всѣ изобрѣтенія, всѣ открытія научной техники XX вѣка.

Отъ настоящей войны страдаютъ цѣлые народы, строй жизни, которыхъ она расшатала и поколебала. Дѣйствительность, наконецъ, сорвала съ войны тотъ романтическій флеръ, которымъ она была прикрыта въ глазахъ многихъ. Война разверзла передъ человѣчествомъ такую бездну, пронеслась такимъ уничтожающимъ ураганомъ, обнажила въ такой отвратительной формѣ сущность свою, что сама идея войны, естественно, сдѣлалась ненавистной. Вѣдь не нужно забывать, что культурное сознаніе европейскихъ народовъ сильно выросло за послѣдніе полвѣка и все болѣе проникалось началами мирной гражданственности, и неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, борясь сейчасъ, люди, въ разныхъ странахъ по-своему, мечтаютъ о будущемъ, въ которомъ войнѣ не должно быть мѣста.

Развѣ не видъ опустошеній, производимыхъ ударомъ молніи, вызвалъ мысль о необходимости изобрѣтенія грамоотвода? Развѣ всѣ мѣры для борьбы противъ разрушительнаго дѣйствія слѣпыхъ силъ природы не были придуманы людьми, когда ясно обнаружилось, что безъ такихъ мѣръ невозможно нормальное существованіе человѣческихъ обществъ? Теоретически вполнѣ допустимо, что по отношенію къ стихіи войны человѣчество будетъ дѣйствовать, подчиняясь тому же закону, что и въ борьбѣ противъ стихій природы. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ сейчасъ многіе представители европейской научной мысли.

Указанное явленіе — стремленіе къ побѣдѣ ради прочнаго мира и упраздненія войны — замѣчается особенно выпукло и ярко во Франціи. Французскій народъ не желалъ войны. Послѣ страшнаго опыта 1870-го года миролюбивыя тенденціи глубоко пропитали страну, а полвѣка демократическаго режима содѣйствовали ихъ чрезвычайному укрѣпленію. Какъ народъ высоко культурный и демократическій, французы были миролюбивы. Они приняли войну, какъ тяжкій долгъ, какъ неизбѣжную необходимость, чтобы защититься отъ напавшаго насильника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, война ложится на нихъ очень давящимъ бременемъ. Благодаря своему особенному положенію въ нынѣшнемъ конфликтѣ, Франціи пришлось сдѣлать усилія пропорціонально бо́льшія, чѣмъ ея союзникамъ. Укажу хотя бы на то, что Франція мобилизовала всѣхъ своихъ взрослыхъ гражданъ отъ 18 до 48 лѣтъ, безъ всякаго исключенія, чего не сдѣлала пока ни одна изъ союзныхъ странъ, и что ею тра-

тится на веденіе войны почти столько же, сколько и Россіей. Между тѣмъ ея населенія не превышаетъ 38 милліоновъ, въ пять разъ меньше, чѣмъ въ Россіи, немногимъ больше, чѣмъ въ Италіи. Но въ то же время ни одной изъ союзныхъ державъ, если не считать Бельгію и Сербію, возможное пораженіе не грозитъ такими гибельными послѣдствіями, какъ Франціи. Выйти побѣжденной и умаленной изъ настоящей войны, въ которой она напрягла до максимума свою творческую энергію, всѣ свои матеріальныя и моральныя силы и гдѣ она пользовалась поддержкой трехъ могучихъ военныхъ государствъ, значитъ для нея навсегда лишиться того ранга, который она занимала въ мірѣ, и неизбѣжно превратиться въ вассала своего грознаго зарейнскаго сосѣда. Послѣ такого пораженія Франція, немогущая разсчитывать на быстрый ростъ своего населенія и своихъ богатствъ, подобно молодымъ странамъ Европы, никогда не смогла бы уже оказать сопротивленія Германіи въ такомъ масштабѣ, какъ сейчасъ, и врядъ ли при такой благопріятной международной обстановкѣ, какъ нынѣ.

Наконецъ, въ случаѣ побѣды Германіи, германскій милитаризмъ неизбѣжно овладѣлъ бы важнѣйшими стратегическими путями, открывающими для удара основные жизненные центры Франціи. Надъ ея столицей, надъ ея лучшими и богатѣйшими провинціями нависла бы постоянная угроза нашествія, которому трудно, почти невозможно было бы оказать противодѣйствія.

Во всемъ этомъ прекрасно отдаютъ себѣ отчетъ французы,—всѣ французы, отъ профессора до крестьянина. Отсюда неукротимое пламенное стремленіе къ побѣдѣ, несмотря на всѣ ужасы и бѣдствія кровавой войны. Но какъ я уже говорилъ выше, культурность и демократичность французскаго народа, его сильно укрѣпившаяся за полвѣка привязанность къ миру въ связи съ чрезвычайно тяжелыми жертвами, которыя ему приходится приносить, порождаютъ не менѣе пламенное желаніе путемъ побѣды надъ реакціонной военной державой, вызвавшей войну, обезпечить навсегда длинный и прочный миръ.

Это настроеніе сейчасъ самое распространенное въ странѣ, имъ проникнуто глубоко и огромное большинство арміи.

— Мы сражаемся для того, чтобы нашимъ дѣтямъ не пришлось сражаться, — такой отвѣтъ приходится чаще всего слышать отъ французскаго солдата, когда спрашиваешь его о смыслѣ войны. И само правительство всячески старается

поддержать это убѣжденіе въ рядахъ арміи, прекрасно понимая его значеніе для укрѣпленія моральной стойкости вооруженной націи.

Опасности и лишенія, которымъ подвергаются французскіе солдаты на фронтѣ, ихъ терпѣніе, мужество и твердость передъ лицомъ смерти получаютъ, благодаря этому, какой-то особенно возвышенный и трогательный характеръ. Это отцы приносятъ себя въ жертву ради спасенія своихъ дѣтей, дабы предохранить ихъ отъ тѣхъ ужасовъ, которые имъ приходится переживать самимъ! Допустимъ даже, что они ошибаются, что жизнь безжалостно разобьетъ ихъ мечты, какъ она разбила столько высокихъ, благородныхъ надеждъ. Но внутренняя красота описываемаго настроенія отъ этого не умаляется. Понятно, что при такихъ условіяхъ вопросъ о способахъ и средствахъ для предовращенія вооруженныхъ международныхъ конфликтовъ въ будущемъ, о мѣрахъ, которыя могли бы превратить настоящую войну въ кровавый порогъ новой эры мирнаго развитія Европы, сильно интересуетъ общественное мнѣніе и представителей мысли.

Этотъ вопросъ уже породилъ весьма обширную литературу. И замѣчательно, что даже крайніе націоналисты, за исключеніемъ двухъ-трехъ оторванныхъ отъ жизни резонеровъ, въ родѣ Поля Бурже, стремятся обосновать свои явно захватные планы исключительно интересами мирнаго будущаго.

II.

Авторы многочисленныхъ работъ, посвященныхъ указанному выше вопросу, строятъ всѣ свои системы и планы на предположеніи, или скорѣе увѣренности, о неизбѣжномъ пораженіи Германіи. Такова отправная точка всѣхъ ихъ разсужденій. Мы знаемъ, что сила Германіи еще пока не сломлена. Не заключаетъ ли поэтому названный способъ разсужденій элементовъ фанфаронства? У отдѣльныхъ авторовъ, можетъ быть, да, но у огромнаго большинства, отнюдь нѣтъ. Они просто исходятъ изъ того, несомнѣнно, правильнаго соображенія, что если самая могущественная милитаристическая имперія современности, для которой милитаризмъ является raison d'être, одержитъ побѣду надъ объединившимися противъ нея народами, то ни о какомъ дѣйствительномъ мирѣ, не сможетъ быть и рѣчи. Лишь націи рабовъ смогли бы безропотно подчиниться желѣзному игу Германіи, но къ счастью Европа не населена рабами.

И французскіе соціалисты въ резолюціи своего конгресса громко провозгласили, что не можетъ быть длительнаго и прочнаго мира, пока не будетъ сокрушенъ прусскій милитаризмъ, ибо „прусскій милитаризмъ, — система грубой силы, стремленіе къ гегемоніи, сначала германской, а затѣмъ міровой, — является изъ всѣхъ милитаризмовъ наиболѣе опаснымъ для спокойствія міра, препятствіемъ для возвращенія самой Германіи на путь мирнаго прогресса.

Признавая правильность всѣхъ подобныхъ утвержденій люди, чрезмѣрно критически настроенные, могутъ, однако, усомниться въ цѣлесообразности работъ, трактующихъ вопросы будущаго мира, разъ онѣ всѣ построены на фактѣ, который въ дѣйствительности еще не осуществился. Такія возможныя сомнѣнія врядъ ли основательны. Работы, посвященныя вопросу о мирѣ, выясняютъ рядъ чрезвычайно важныхъ проблемъ, онѣ обнаруживаютъ всѣ громадныя затрудненія и препятствія, которымъ усѣянъ путь, могущій вести человѣчество изъ страшныхъ ущелій современной милитаристической эпохи, и указываютъ мѣры для ихъ преодолѣнія. Ихъ воспитательное значеніе — велико. Пусть онѣ построены на голомъ предположеніи, но тѣ, кто вѣрятъ въ мирное будущее, что оно осуществится рано или поздно, несмотря на всѣ сюрпризы исторіи, не могутъ не считать цѣнными попытокъ, имѣющихъ цѣлью использовать создавшееся благопріятное настроеніе въ интересахъ этого будущаго. Указанныя работы стремятся дать ясное и отчетливое выраженіе еще недостаточно оформленнымъ чаяніямъ и надеждамъ, укрѣпить подъ ними почву.

* *
*

Книги и брошюры французскихъ авторовъ, трактующихъ вопросы будущаго мира раздѣляются на двѣ рѣзко отграниченныя категоріи. Къ первой категоріи относятся работы націоналистическихъ писателей, проповѣдывающихъ захватъ и аннексію территорій германской имперіи, въ немъ они видятъ единственное средство для обезпеченія дѣйствительнаго мира человѣчеству. Вторая категорія состоитъ изъ работъ, въ основу которыхъ положенъ принципъ свободы національностей Націоналистическіе писатели остаются вѣрными себѣ и вполнѣ послѣдовательными. Они были націоналистами до войны, и война, конечно, не могла заставить ихъ измѣнить свои убѣжденія. Они лишь спекулируютъ на создавшемся отвра-

щеніи къ военнымъ конфликтамъ, обосновать свои захватные планы интересами мирнаго развитія Европы. Это несомнѣнно, въ своемъ родѣ, знаменіе времени. Литературную пропаганду націоналистическихъ писателей не слѣдуетъ ни преуменьшать, ни преувеличивать. Они выражаютъ лишь въ новой фирмѣ исконные взгляды опредѣленныхъ общественныхъ группъ, далеко не пользующихся преобладающимъ моральнымъ или политическимъ вліяніемъ въ странѣ. Выдавать ихъ взгляды за отраженіе господствующихъ во Франціи настроеній, какъ это пытаются дѣлать нѣкоторые русскіе публицисты въ нашей журналистикѣ — неправильно и несправедливо.

Во всякомъ случаѣ, произведенія націоналистическихъ писателей не имѣютъ никакого серьезнаго отношенія къ вопросу о способахъ и средствахъ для обезпеченія мирной эры въ международныхъ отношеніяхъ. Въ настоящей статьѣ мы ихъ касаться не будемъ, а перейдемъ къ тѣмъ работамъ, въ которыхъ судьбы будущаго мира связываются съ принципомъ національностей и съ нормами права. Въ этихъ работахъ, какъ разъ затронуты съ различныхъ точекъ зрѣнія важнѣйшія проблемы, выдвинутыя передъ сознательными людьми современными событіями.

* * *

Принципъ національностей является одной изъ прочныхъ традицій французской общественной мысли. Этотъ принципъ былъ торжественно провозглашенъ творцами новой Франціи въ бурную эпоху великой Революціи, какъ логическій выводъ изъ Декларація правъ человѣка и гражданина въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ.

Указанная традиція сыграла значительную роль въ исторіи внѣшней политики Франціи. Выступленія французскихъ армій противъ Голландіи для освобожденія Бельгіи, военная помощь, оказанная французами грекамъ въ ихъ борьбѣ противъ турецкаго господства, наконецъ, даже итальянская война Наполеона III были въ значительной степени опредѣлены живыми симпатіями общественнаго мнѣнія. Если политика Наполеона III и была запечатлѣна династическими мотивами, то тѣмъ не менѣе всякій разъ, когда императоръ выступалъ въ защиту порабощенной національности, онъ встрѣчалъ горячее сочувствіе и поддержку даже со стороны своихъ враговъ, республиканцевъ.

Отторженіе отъ Франціи двухъ провинцій, послѣ несчастной войны 1870 года, создало еще большую популярность принципу національности. Въ данномъ случаѣ отъ нарушенія этого принципа пострадали сами французы и естественно, что въ своемъ протестѣ противъ насилія, совершеннаго надъ ними Германіей, они должны были аппелировать къ нему, обосновывать его, выдвигать на первый планъ. Извѣстно, сколько страсти и энергіи потратилъ на это Ренанъ, напр., и какое громадное впечатлѣніе произвела на французовъ его теоретическая кампанія въ пользу независимости націй.

Человѣчество идетъ навстрѣчу истребительнымъ войнамъ, — писалъ Ренанъ, — потому, что нарушается спасительный принципъ, гласящій, что каждая нація имѣетъ право свободно располагать собой. Государства взяли себѣ право анексировать территоріи, вопреки желанію ихъ населенія. Трансцедентные политики насмѣхаются надъ нашимъ французскимъ принципомъ, требующимъ, чтобы прежде, чѣмъ присоединить какую-либо территорію, былъ опрошенъ населяющій ее народъ. Они могутъ смѣяться сколько имъ угодно Правда на нашей сторонѣ [1]).

Завѣты Ренана еще очень живы среди французской интеллигенціи. Лучшая часть ея, подобно своему учителю, считаетъ принципъ національностей искони французскимъ принципомъ, а его нарушеніе измѣной лучшимъ традиціямъ Франціи. Освобожденіе угнетенныхъ націй, предоставленіе всѣмъ народамъ свободы для рѣшенія своей судьбы, таково, по мнѣнію ряда авторовъ, одно изъ важнѣйшихъ условій для устраненія въ будущемъ опасности войны.

Проф. Сеньобосъ высказывается въ пользу свободы національностей не только въ силу идеалистическихъ соображеній. Какъ историкъ, онъ глубоко убѣжденъ что безъ такой свободы не будетъ дѣйствительнаго, прочнаго міра. Въ своей книжкѣ „1815—1915“ авторъ „Политической исторіи Европы“ показываетъ, какъ пренебреженіе принципамъ національностей явилось одной изъ причинъ, приведшихъ къ системѣ „вооруженнаго мира“, завершившейся такимъ трагическимъ крахомъ.

III.

Сеньобосъ начинаетъ свою книжку, написанную свойственнымъ ему сжатымъ и яснымъ языкомъ, характеристикой

[1]) Ernest Renan. „Préface aux discours et conférences“, стр. 74. Paris, 1887.

творенія Вѣнскаго конгресса 1815 года. По его мнѣнію, представители великихъ державъ, собравшіеся въ Вѣнѣ, искренне желали созданія прочнаго мира. Войны наполеоновской эпохи принесли много страданій европейскимъ государствамъ, и правители Европы ставили себѣ цѣлью помѣшать повторенію международныхъ вооруженныхъ конфликтовъ; но какими же способами надѣялись они осуществить эту цѣль? Возстановленіемъ „справедливаго“ равновѣсія между державами, „справедливымъ“ распредѣленіемъ силъ.

Въ возстановленіи европейскаго равновѣсія Вѣнскій конгрессъ видѣлъ гарантію европейскаго мира. Въ соотвѣтствіи съ этимъ убѣжденіемъ конгрессъ перекроилъ политическую карту Европы. Пять крупныхъ державъ должны были составлять противовѣсъ одна другой: Англія и Франція — традиціонные соперники на западѣ, Австрія и Пруссія взаимно „уравновѣшивались“ въ центрѣ, на востокѣ, единственная держава, Россія, территоріальная обширность которой компенсировалась ея экономической слабостью. Значительная часть центральной Европы осталась разбитой на рядъ мелкихъ государствъ, недостаточно сильныхъ, чтобы проводить самостоятельную политику. Италія, раздѣленная на восемь государствъ, лишенныхъ общей связи, оставалась, какъ желалъ этого Метернихъ, „лишь географическимъ терминомъ“.

Но все это, довольно стройное на первый взглядъ, европейское зданіе покоилось на крайне зыбкомъ фундаментѣ. Перекраивая карту Европы, распредѣляя территоріи между различными государствами, дипломаты Вѣнскаго конгресса совершенно игнорировали желанія и настроенія народовъ. Государи дѣйствовали точно такъ же, какъ крупные землевладѣльцы. Ихъ интересовали лишь число и богатство подданныхъ, но отнюдь не ихъ чувства и стремленія. Оцѣнки совершались на основѣ количества душъ, терминъ, заимствованный изъ церковныхъ регистровъ, исключающихъ какое бы то ни было уваженіе къ волѣ и чаяніямъ людей.

„Перестройка 1814—1815 года, — пишетъ Сеньобосъ явилась исключительно дѣломъ государей и ихъ министровъ, — націи не приняли въ ней никакого участія. Она была произведена согласно духу „просвѣщеннаго деспотизма“ XVIII вѣка и опредѣлена единственно „государственнымъ интересомъ“ (Raison d'Etat), т. е. комбинаціей династическихъ приличій, интересовъ дирижирующихъ классовъ, традицій и теоретическихъ концепцій, ведущихъ свое начало отъ макіавелизма

XVI столѣтія, далекимъ отъ чувствъ и идей, которыя вдохновили три революціи Англіи, Франціи и Америки".

Но принципъ національностей, отброшенный Вѣнскимъ конгрессомъ, не преминулъ отомстить за себя. Онъ именно явился той миной, которая изнутри взорвала столь тщательно возведенное европейское зданіе. Уже очень скоро въ стѣнахъ зданія стали появляться трещины. Въ 1820 году вспыхнуло возстаніе грековъ, которое закончилось образованіемъ независимаго греческаго королевства, какъ разъ благодаря вмѣшательству абсолютистскаго монарха, императора Николая I. Затѣмъ французская революція 1830-го года дала толчокъ національной революціи въ Брабантѣ противъ голландскаго короля, Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи, и родилось бельгійское королевство. Наконецъ, національная революція полковъ закончилась уничтоженіемъ королевства Польши. Послѣдній лоскутъ польскаго государства, маленькая аристократическая Краковская республика исчезла въ 1846 году, поглощенная Австріей. Но все это были лишь трещины. Революціонныя движенія 1848 года, охватившія значительную часть Европы, чуть было не вызвали полнаго крушенія всего зданія. Въ Италіи національныя войны противъ Австріи, республиканскія революціи противъ папы и герцога Тосканскаго; въ Германіи національная война въ герцогствахъ противъ Даніи, въ Венгріи національныя войны мадьяръ противъ нѣмцевъ, сербовъ, кроатовъ и румынъ противъ мадьяръ. Однако, реакція 1849 года возстановила прежнее зданіе, — въ немъ остались лишь небольшія трещины. Оно держалось еще нѣсколько десятилѣтій силою правительствъ, подавлявшихъ волю націй. Три человѣка: итальянецъ Кавуръ, нѣмецъ Бисмаръ и императоръ Наполеонъ, явились его настоящими разрушителями. Они, если можно такъ выразиться, провели фитиль къ минѣ, лежавшей въ его фундаментѣ, зажгли фитиль и вызвали взрывъ.

Національное сознаніе росло и развивалось, вопреки дипломатамъ и „просвѣщеннымъ деспотамъ". Оно привело къ объединенію итальянцевъ вокругъ Сардинскаго королевства и ихъ выступленію противъ Австріи; поддержка Наполеона, а затѣмъ Пруссіи, обезпечила ему успѣхъ. Оно же привело къ войнѣ Пруссіи противъ той же Австріи, чѣмъ было положено начало германскому единству, окончательно завершенному послѣ франко-прусской войны.

Послѣ 1871 года Европа представляла уже собою совер-

шенно ясную картину. Франція была отброшена къ своимъ границамъ XVII вѣка, Австрія отпала отъ Германіи, Италія и Германія превратились въ двѣ великія державы, Венгрія преобразована въ самостоятельное государство, герцогства отобраны у датскаго короля.

„Это было, — говоритъ Сеньобосъ, — полное разрушеніе стараго порядка въ центральной Европѣ, а также и всего зданія, возведеннаго Вѣнскимъ конгрессомъ. Когда, послѣ паденія имперіи, Тьеръ отправился молить великія державы о помощи, то австрійскій министръ Бейстъ отвѣтилъ ему: „Я не вижу болѣе Европы".

„Договоры 1815-го года, — утверждаетъ авторъ, — погибли въ бурѣ, вызванной Наполеономъ III, который ихъ ненавидѣлъ, и, вмѣстѣ съ ними, рушилось довѣріе къ интернаціональнымъ соглашеніямъ, разрушенное грубыми пріемами и циничными заявленіями Бисмарка".

* * *

Такъ печально кончилась система европейскаго равновѣсія, основывавшаяся на подавленіи національнаго принципа. Новая система характеризовалась преобладаніемъ самой могущественной военной державы, Германіи. Почва подъ новой системой также была минирована. Германская имперія, объединенная желѣзомъ и кровью, подавила волю населенія ряда областей и провинцій, включенныхъ въ ея составъ. Она насиловала волю поляковъ Познани, по отношенію къ которымъ она не исполнила своего обѣщанія о свободѣ языка, датчанъ Шлезвига, которыхъ она отказалась консультировать вопреки спеціальной статьѣ договора 1866 года, наконецъ, населенія Эльзасъ-Лотарингіи, которую подъ лживой этикеткой „имперской земли", она поставила подъ дискреціонную власть Берлина.

Аннексія Эльзасъ-Лотарингіи представляла самую большую опасность. Аннексіи не были новостью въ Европѣ, но, въ данномъ случаѣ, Германія сдѣлала опытъ, не имѣвшій прецедентовъ. Она оторвала двѣ провинціи отъ территоріи великой державы, инкорпорировала населеніе, національное чувство котораго, насилованное завоевателемъ, находило поддержку въ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношеніемъ со старымъ отечествомъ.

Чтобы сохранить захваченныя ею чужія территоріи, Германія вооружилась съ ногъ до головы; милитаризмъ сдѣлался

ея кумиромъ и какъ бы ея raison d'être. Европа, очутившись подъ угрозой германскаго бронированнаго кулака, вынуждена была послѣдовать ея примѣру. Наступила эра вооруженнаго мира, высосавшаго изъ Европы ея лучшіе соки и создавшаго постоянную опасность войны. Подавленное національное начало снова жестоко отомстило за себя. И это тѣмъ болѣе, что цѣлый рядъ народностей и національностей продолжали оставаться угнетенными и въ другихъ государствахъ. Правда, созданіе венгерскаго государства освободило венгровъ отъ нѣмецкаго господства Вѣны, но зато всѣ прочія національности королевства: кроаты, сербы, словаки, румыны, даже нѣмцы Трансильваніи и Богеміи очутились подъ игомъ мадьярскаго меньшинства. Австрійская монархія, въ обѣихъ своихъ половинахъ, оставалась, какъ говоритъ Сеньобосъ, вызовомъ національному чувству ея подданныхъ.

Вообще, во всю ширину Европы, отъ Ледовитаго океана до Архипелага, простиралась зона маленькихъ порабощенныхъ націй, болѣе или менѣе гонимыхъ; всѣ подчиненныя иностраннымъ правительствамъ, большинство изъ нихъ чиновникамъ, нѣкоторыя — аристократіи чужой націи. Словомъ, послѣ 1871 года, какъ и послѣ 1815, Европа управлялась силою правительствъ, но не волею народовъ.

Русско-турецкая война 1876 года имѣла результатомъ частичное освобожденіе нѣсколькихъ балканскихъ народовъ, но, въ общемъ, національный вопросъ продолжалъ оставаться крайне запутаннымъ и неразрѣшеннымъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣми условіями, которыя создались послѣ 1871 года, какъ-то: военное и дипломатическое преобладаніе Германіи, вооруженный миръ, нарушеніе европейскаго равновѣсія, сильно ослажняло и безъ того сложное и опасное международное положеніе. Правда, подъ вліяніемъ нѣмецкой Weltpolitik, серьезно угрожавшей Англіи, европейское равновѣсіе постепенно возстановилось. Тройственное согласіе явилось противовѣсомъ тройственному союзу, но это равновѣсіе, однако, не возстановило европейскаго концерта. Европа оставалась раздѣленной на двѣ глухо враждовавшія группировки державъ, и въ этомъ опять-таки сказалось вліяніе подавленнаго національнаго начала. Главнымъ препятствіемъ на пути сближенія между обѣими группировками былъ все тотъ же эльзасскій вопросъ, вырывшій глубокую пропасть между Франціей и Германіей. Между тѣмъ скачка вооруженій и грубая политика германской дипломатіи, характеризовавшихся то явно неис-

кренними заигрываніями, то угрозами, политика „пряника и плетки“, содѣйствовали созданію крайне удушливой международной атмосферы. Европа катилась по наклонной плоскости къ войнѣ.

Я старался набросать здѣсь бѣглыми штрихами общую картину международнаго положенія за послѣднія десятилѣтія, придерживаясь общихъ линій схемы Сеньобоса, начерченной имъ въ его книжкѣ.

* * *

Національныя стремленія и движенія оказали большое вліяніе и на ускореніе катастрофы, которую переживаетъ сейчасъ человѣчество. Сербія, все болѣе приходившая къ полному національному самосознанію, сбросила съ себя, послѣ 1903 года, экономическія и политическія цѣпи австрійской зависимости и стала жить въ постоянной враждѣ съ Австріей, угнетавшей сербовъ Босніи, съ венграми, преслѣдовавшими сербовъ Венгріи. Съ другой стороны, союзъ христіанскихъ государствъ Балканъ, заключенный вопреки Вѣнѣ, ихъ побѣда надъ турками въ 1912 году, разрушили австрійскую политику на Балканскомъ полуостровѣ.

„Расширеніе сербской территоріи въ 1913 году, — пишетъ Сеньобосъ, — загородило Германіи дорогу къ Салоникамъ, а Австріи — путь къ господству на Балканахъ. Германія, разочарованная въ своей міровой политикѣ, Австрія, разочарованная въ своей борьбѣ противъ Сербіи, столковались. Изъ ихъ комбинированнаго разочарованія родилось уже въ 1813 году рѣшеніе избавиться отъ сербовъ. Покушеніе въ Сараевѣ явилось благовиднымъ предлогомъ; оба императора съ легкимъ сердцемъ пошли навстрѣчу катастрофѣ“.

Итакъ, если національныя проблемы и не явились исключительной причиной настоящей войны и не сыграли въ ея возникновеніи непосредственной роли, то онѣ все-таки были одной изъ важныхъ косвенныхъ причинъ. Не потому вспыхнула война, что сербскій народъ пожелалъ завоевать себѣ полную независимость, а потому, что его успѣхи въ борьбѣ за эту независимость явились препятствіемъ на пути двухъ крупныхъ имперіалистическихъ державъ. Національныя стремленія сербовъ столкнулись съ имперіалистическими стремленіями центральныхъ имперій, — это столкновеніе вызвало міровую войну.

Въ запутанномъ клубкѣ причинъ, обусловившихъ ны-

нѣшнюю войну, можно открыть еще болѣе замѣтную нить національнаго начала. Извѣстно, что венгерское правительство всѣми силами поддерживало аггрессивныя стремленія Берлина и съ холодной жестокостью толкало Австрію противъ Сербіи. Разоблаченія бывшаго румынскаго министра Такэ Іонеско во французской печати очень ярко освѣтили эту роль всесильнаго графа Тиссы и его приспѣшниковъ. Но какимъ же интересомъ они руководились? Они желали раздавить Сербію, территоріально расширенную, выросшую въ національно-культурномъ отношеніи, которая притягивала къ себѣ, какъ могучій магнитъ, сербовъ и кроатовъ Венгріи. Подавленіе Сербіи для нихъ означало подавленіе сепаратнаго движенія ихъ славянскихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ, и въ 1914 году, какъ и въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, подавленное національное начало отомстило за себя. Европейское зданіе, возведенное послѣ франко-прусской войны, рушилось, какъ и зданіе Вѣнскаго конгресса. Теперь необходимо построить новое зданіе, и, въ интересахъ человѣчества и цивилизаціи, болѣе прочно, болѣе устойчивое. Но чтобы достигнуть этого, нужно раньше всего позаботиться о томъ, чтобы почва подъ его фундаментомъ была очищена отъ взрывчатыхъ веществъ. Такими веществами, какъ показываетъ урокъ прошлаго, являлись неразрѣшенныя національныя проблемы. Слѣдовательно, кто желаетъ прочнаго мира въ будущемъ, долженъ желать, чтобы настоящая война принесла полное освобожденіе всѣмъ угнетеннымъ національностямъ. И это тѣмъ болѣе, что за послѣднее столѣтіе самосознаніе народовъ сильно выросло повсюду подъ вліяніемъ общаго развитія культуры. Пренебреженіе національнымъ принципомъ теперь можетъ вызвать гораздо болѣе могучую реакцію, чѣмъ въ эпоху Метерниха или даже Бисмарка. Къ тому же, настоящая война рѣзко обострила національное чувство народовъ. Настоящая война, какъ справедливо указываетъ Сеньобосъ, явилась вездѣ національной войной.

IV.

Можетъ ли, однако, настоящая война принести полное освобожденіе угнетеннымъ народамъ, легко ли разрѣшить нерѣшенныя національныя проблемы? Раньше всего для этого необходима такая побѣда союзниковъ, которая дала бы имъ возможность продиктовать свою волю Германіи и которая при-

вела бы къ окончательному распаденію имперію Габсбурговъ. Осуществимо ли это? Мы пока не знаемъ. Затѣмъ, необходимо также, чтобы всѣ союзныя правительства искренно и открыто признали принципъ національностей и руководились имъ при выработкѣ условій мира. Возможно ли это? На это опять-таки трудно дать сейчасъ опредѣленный отвѣтъ. Наконецъ, имѣется еще и другое препятствіе, быть можетъ, самое важное.

Коллега Сеньобоса по Сорбоннѣ, профессоръ Эрнестъ Дени, въ своей интересной книгѣ „La guerre“ подробно на немъ останавливается.

Чѣмъ должно руководиться при разрѣшеніи національныхъ вопросовъ? Идеальный критерій — это свободно выраженная воля націи. Но, утверждаетъ Дени, воля націи не вездѣ выражена съ достаточной ясностью и не вездѣ легко открыть, насколько она соотвѣтствуетъ справедливости. Нерѣдко различныя этническія индивидуальности предъявляютъ права на однѣ и тѣ же территоріи. Въ другихъ мѣстностяхъ различныя національности связаны одна съ другой посредствующими смѣшанными группами, еще не обладающими опредѣленнымъ національнымъ самосознаніемъ, а это обстоятельство служитъ причиной споровъ, нерѣдко весьма тяжелыхъ.

Но и этого еще мало. Всякое государство является какъ бы живымъ существомъ, моральной персоной, которая можетъ жить и развиваться лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Поставьте его въ такое положеніе, что его нормальная жизнь окажется парализованной, — оно исчезнетъ или разобьетъ рамки, въ которыя его втиснули. Оно превратится тогда въ опасный элементъ раздоровъ и разложенія.

Ясно, слѣдовательно, что не вездѣ можно руководиться даже ясно выраженной волей опредѣленной національности, если осуществленіе этой воли рискуетъ поставить въ ненормальное положеніе государство, къ которому принадлежитъ національность. Какой же выходъ изъ этого затрудненія?

По мнѣнію Дени, выходъ можетъ быть только одинъ: пытаться скомбинировать, съ возможной справедливостью, стремленія народовъ и историческія традиціи, примирять указанія политической экономіи съ интересами созданія жизненныхъ государствъ, въ извѣстной мѣрѣ насыщенныхъ. Иначе поступить невозможно. Европа не представляетъ собою table rage. Прошлое тяготѣетъ надъ настоящимъ;

лишь учитывая прошлое, можно построить прочное зданіе будущаго.

Теоретически можно признать планъ Дени болѣе или менѣе цѣлесообразнымъ. Но все дѣло въ его практическомъ выполненіи. Здѣсь нужны гарантіи безпристрастія и безкорыстія при комбинированіи различныхъ факторовъ, перечисленныхъ Дени. Имѣются ли эти гарантіи, какимъ образомъ могутъ онѣ быть созданы? Этого авторъ не указываетъ. Правда, Дени предвидитъ, что даже при идеальномъ выполненіи его плана нѣкоторыя національности должны будутъ остаться, вопреки своей волѣ, въ рамкахъ тѣхъ или иныхъ государствъ. Чтобы парализовать возможныя опасныя послѣдствія такого факта, Дени настаиваетъ, чтобы будущій конгрессъ провозгласилъ равенство всѣхъ расъ и націй и обязалъ всѣ державы предоставить подчиненнымъ имъ національностямъ широкую культурно-національную автономію, политическое и гражданское равенство, а также равенство языка. Но здѣсь мы опять таки натыкаемся на прежній вопросъ: гдѣ гарантіи, что будущій конгрессъ мира послѣдуетъ совѣтамъ Дени, а если такихъ гарантій нѣтъ, то что нужно сдѣлать, чтобы этотъ конгрессъ строго руководился въ своихъ рѣшеніяхъ принципомъ національностей? Отвѣта на этотъ вопросъ мы у автора не находимъ. Между тѣмъ, здѣсь передъ нами одна изъ важнѣйшихъ проблемъ будущаго мира.

Но если бы даже удалось преодолѣть всѣ препятствія, стоящія на пути правильнаго разрѣшенія національныхъ вопросовъ, то все же этого не оказалось бы достаточнымъ для обезпеченія прочнаго мира человѣчеству. Допустимъ, что всѣ угнетенныя націи получили въ той или иной формѣ свободу. Но если устои международныхъ отношеній останутся такими, какими они были до сихъ поръ, то опасность войны далеко не будетъ устранена. Ничто не сможетъ помѣшать смѣлымъ государствамъ напасть на государства слабыя, начнется сказка про бѣлаго бычка и сказка весьма трагическая, и возможно, что освобожденныя націи снова очутятся подъ игомъ завоевателя, на что указываетъ и Сеньобосъ. [Разрѣшеніе національныхъ вопросовъ, пишетъ онъ, уменьшаетъ шансы войны, но не уничтожаетъ ихъ, пока націи остаются враждебными. Всякое длительное соглашеніе между группами, какъ и между индивидуумами, предполагаетъ наличность общей морали, изъ которой выводятся правила всѣми соблюдаемыя. Послѣ паденія политическаго идеала средневѣковья,

основаннаго на религіозномъ авторитетѣ, никакое правило не руководитъ отношеніями между государствами, эта интернаціональная епархія зиждется на самой идеѣ суверенитета, опредѣленной въ XVI вѣкѣ Бодэномъ: „абсолютное и вѣчное могущество республики“.

Отличительная черта абсолютной власти заключается въ томъ, что она не признаетъ надъ собою ни правилъ, ни контроля. Въ примѣненіи къ внутренней политикѣ этотъ принципъ даетъ абсолютную монархію, — примѣненный къ международнымъ отношеніямъ, онъ приводитъ къ моральной анархіи, которую Макіавелли возвелъ въ доктрину, консолидированную практикой дипломатіи: между государствами не существуетъ ни права, ни долга, ни обязанностей. Интернаціональныя правила опредѣляются исключительно интересами, — они измѣняются вмѣстѣ съ этими интересами. Договоръ есть лишь протоколъ, констатирующій данное положеніе вещей. Абсолютная монархія и макіавелизмъ суть двѣ разновидности одного и того же абсолютизма. Въ XIX вѣкѣ абсолютизмъ былъ удаленъ изъ внутренней политики, но онъ укрѣпился въ области политики внѣшней; народы не реагировали противъ этого по невѣжеству, ибо они не замѣчали опасности. Настоящая война обнаружила эту опасность.

Итакъ, чтобы обезпечить миръ, необходимо изгнать абсолютизмъ изъ внѣшней политики. До тѣхъ поръ, утверждаетъ Сеньобосъ, пока въ интернаціональныхъ отношеніяхъ будетъ господствовать отжившее понятіе суверенитета, миръ не будетъ прочнымъ. Необходимо вырвать изъ сознанія народовъ понятіе абсолютнаго суверенитета государства по отношенію къ другому государству, какъ было удалено понятіе абсолютнаго суверенитета владѣтеля по отношенію къ своимъ подданнымъ.

* * *

Передъ нами славная и грандіозная проблема. Чтобы обезпечить миръ, недостаточно разрѣшить національные вопросы, — требуется еще настоящая революція въ международныхъ отношеніяхъ, или радикальная реформа въ этой области. Нужно создать интернаціональный правовой режимъ, выработать правила поведенія, обязательныя для всѣхъ государствъ, ограничить этими правилами ихъ абсолютизмъ, какъ конституція ограничиваетъ абсолютную власть монарха. Словомъ, необходима своего рода международная конституція, основанная на правѣ, ставящая право выше силы.

Возможно ли это? Существуетъ ли сейчасъ въ сознаніи народовъ достаточно прочный моральный базисъ, на которомъ можно было бы построить величественный храмъ интернаціональнаго права?

Современная война безжалостно растоптала всѣ морально-правовые зачатки въ отношеніяхъ между государствами которые медленно, съ трудомъ и усиліями, создавала цивилизація. Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи, ею же самой гарантированный. Ея имперскій канцлеръ публично заявилъ, что, „необходимость выше закона“, и объявилъ международный договоръ „клочкомъ бумаги“. Печальную участь потерпѣли всѣ важнѣйшія конвенціи мирныхъ конгрессовъ въ Гаагѣ. Мало того, нѣкоторые нѣмецкіе публицисты заранѣе предупреждаютъ, что если Германія окажется вынужденной принять невыгодныя для нея условія мира, то она при первой же возможности нарушитъ ихъ. Максимиліанъ Гарденъ писалъ недавно, что если во Франціи не считаютъ возможнымъ согласиться на миръ, прежде, чѣмъ не будетъ возвращена Эльзасъ-Лотарингія, и если необходимость заставитъ Германію подписать такой мирный договоръ, то семьдесятъ милліоновъ нѣмцевъ сумѣютъ скоро разорвать его.

Нѣкоторые писатели-спеціалисты, даже принадлежащіе къ нейтральнымъ странамъ, видятъ во всемъ этомъ полное крушеніе идеи международнаго права и сомнѣваются въ возможности найти послѣ настоящей войны истинный правовой базисъ для международныхъ отношеній. Приведу для примѣра краткую выдержку изъ отвѣта лозанскаго профессора соціологіи, Мориса Мильо, на анкету швейцарской газеты „Voix de l'Humanité“ по слѣдующему вопросу: „Допустимо ли, чтобы будущій миръ санкціонировалъ аннексію какой-либо страны, вопреки волѣ ея населенія?“ Лозанскій профессоръ полагаетъ что, пожалуй, и допустимо въ интересахъ мира, и допустимъ не потому, что онъ не сочувствуетъ принципу національности. Мильо высоко ставитъ этотъ принципъ; но, утверждаетъ: „мнѣ кажется, вы закрываете глаза на страшный урокъ настоящей войны, болѣе трагическій, чѣмъ сама война, а именно, что въ отношеніяхъ между націями отсутствуетъ взаимная искренность и что прежде, чѣмъ думать о содержаніи мирнаго договора, необходимо выяснить, какъ создать условія, которыя обезпечили бы ему дѣйствительную силу. Быть можетъ, удастся найти другія цѣлесообразныя санкціи, чѣмъ раздробленіе территоріи. Я желалъ бы этого. Но если найти не удастся, то

я утверждаю, что нельзя отступать и передъ этой санкціей, потому что раньше всего необходимо создать фундаментъ, на которомъ можно было бы строить соглашенія".

Если согласиться съ профессоромъ Мильо, то трудно избѣжать рѣзкаго противорѣчія. Аннексія территоріи, вопреки волѣ населенія, можетъ явиться, по его мнѣнію, однимъ изъ условій, обезпечивающихъ прочный миръ. Но вѣдь насиліе надъ волей той или иной націи, въ свою очередь, грозитъ создать международныя осложненія въ будущемъ. Мало того, правовое зданіе окажется построеннымъ на несоотвѣтствующемъ ему базисѣ, иными словами, на началѣ насилія. Къ счастью, не всѣ авторы, трактующіе вопросы о будущемъ мирѣ, настроены такъ пессимистически, какъ Мильо, не всѣ они убѣждены, что настоящая война подкосила въ корнѣ самую идею права.

Противоположный тезисъ особенно ярко и рельефно изложилъ французскій профессоръ Андрэ Вейсъ въ итальянскомъ журналѣ „Scientia".

Вейсъ отрицаетъ крушеніе идеи международнаго права уже по одной той причинѣ, что союзники, по его мнѣнію, борются во имя этой идеи. Изъ глубины траншей, обсыпаемыхъ снарядами, пишетъ онъ, мужество нашихъ защитниковъ протестуетъ противъ подобныхъ обезкураживающихъ утвержденій. Во имя права проливаютъ наши безстрашные сыновья свою благородную кровь. И это право, которое восторжествуетъ силою нашего оружія, не будетъ эгоистическимъ правомъ народа, считающаго себя предназначеннымъ божественнымъ декретомъ къ господству надъ мірами, это не будетъ нѣмецкое право, синонимъ угнетенія и насилія: — это будетъ право освобожденнаго человѣчества, право націй, всѣхъ націй. Международное право не только не умретъ, по мнѣнію Вейса, но возродится съ новой силой, ибо оно усовершенствуется благодаря опыту, пріобрѣтенному такою дорогою цѣною... Всѣ усилія должны будутъ имѣть цѣлью помѣшать повторенію кровавыхъ гекатомбъ, упроченію завоеваннаго мира на болѣе прочномъ фундаментѣ, замѣну реальностями иллюзій прошлаго, такъ грубо разсѣянныхъ. Словомъ, по мнѣнію Вейса, настоящая война, показавъ человѣчеству бездну, въ которую оно рискуетъ свалиться, дастъ новый и могучій толчекъ развитію идеи международнаго права и его осуществленію въ жизни. И это тѣмъ болѣе, что названная идея не искусственная, не наносная, она коренится глубоко въ сознаніи людей.

Вейсъ посвящаетъ большую часть своей статьи описанію

послѣдовательныхъ усилій, отмѣчавшихъ этапы эволюціи дорогой ему идеи. Первыя попытки древности въ предѣлахъ узкихъ однородныхъ группъ, какъ союзъ греческихъ городовъ, интернаціональная конституція христіанскаго міра въ средніе вѣка, арбитражныя функціи папы. Вестфальскіе договоры и зарожденіе принципа національностей въ теченіе XIX вѣка, гаагскія конференціи, созданіе арбитражнаго суда, международнаго суда морскихъ призовъ, выработка многочисленныхъ международныхъ конференцій, наконецъ, заключеніе арбитражныхъ договоровъ. Но, скажутъ, несмотря на все это, европейская война вспыхнула и охватила пожаромъ большинство наиболѣе культурныхъ странъ? Да, къ несчастію, вспыхнула, отвѣчаетъ Вейсъ, но не потому, что идея международнаго права, по существу, является миражемъ, утопіей, а по той причинѣ, что, разрабатывая это право, не позаботились освятить, упрочить его надлежащими санкціями. Оно опиралось лишь на моральную силу, на могущество интернаціональнаго мнѣнія, — но этого не оказалось достаточнымъ. И вотъ почему основная задача, которую выдвигаетъ исторія передъ человѣчествомъ, заключается въ томъ, чтобы забронировать международное право системой санкцій. Таковы выводы Вейса. „Главной задачей будущаго конгресса, который создастъ международное право, пишетъ Вейсъ, будетъ выработка такихъ энергичныхъ санкцій, перспектива которыхъ могла бы обезкуражить тѣхъ, у которыхъ появилось бы искушеніе нарушить свое слово“.

Къ такому же приблизительно выводу приходятъ и профессоръ Дени, въ своей книгѣ „La guerre“ и профессоръ Эдгаръ Мильо, въ очень интересной и поучительной книжкѣ — „Du droit de la force et la force du droit“.

Мильо особенно настаиваетъ на одномъ пунктѣ, который онъ считаетъ капитальнымъ, а именно, что не всѣ воюющія страны оказались виновными въ нарушеніи договоровъ, а только одна Германія. Но моральное банкротство одного государства нельзя разсматривать, какъ моральное банкротство всѣхъ государствъ, — нельзя поэтому утверждать, что международное право потерпѣло окончательный крахъ. Доказательства? Ихъ очень много, по мнѣнію автора. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одинъ такой фактъ, что нарушеніе нейтралитета Люксембурга и Бельгіи и циничныя заявленія Бетмана-Гольвега вызвали возмущеніе и пламенные протесты сознательныхъ, честныхъ людей во всемъ мірѣ. Мильо приводитъ

еще болѣе яркій аргументъ въ защиту своего тезиса. До сихъ поръ, утверждаетъ онъ, было заключено 250 международныхъ арбитражныхъ конвенцій. Между тѣмъ, ихъ осуществленіе ни разу не встрѣчало сопротивленія, ни разу не вызвало даже оспариванія. Слѣдовательно, не всеобщее недовѣріе всѣхъ противъ всѣхъ наблюдается въ международной дѣйствительности, а лишь недовѣріе къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ государственнымъ единицамъ. И если жизнь властно диктуетъ необходимость окружить себя гарантіями противъ нихъ, то такія гарантіи можно создать, опираясь на совокупность государствъ.

Противъ аргумента Мильо можно, конечно, выдвинуть серьезное возраженіе. Конвенціи, о которыхъ онъ говоритъ, касались преимущественно второстепенныхъ проблемъ, онѣ не затрагивали основныхъ жизненныхъ интересовъ народовъ. Но все-таки его аргументъ сохраняетъ нѣкоторую силу. Во всякомъ случаѣ, Мильо, подобно Вейсу, считаетъ нужнымъ вооружить международное право санкціями: будущее международное право, говоритъ онъ, будетъ правомъ, вооруженнымъ санкціями, *или его вовсе не будетъ*.

Но здѣсь-то мы и подходимъ къ самому существу проблемы. Возможны ли санкціи международнаго порядка, какъ осуществить ихъ

V.

Эрнестъ Дени посвящаетъ спеціальную главу своей книги вопросу объ организаціи будущаго международнаго права и санкціямъ, которыми оно должно быть забронировано.

Между народами неизбѣжно будутъ возникать конфликты интересовъ, споры. Нужно сдѣлать такъ, чтобы всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія разрѣшались мирнымъ, а не кровавымъ путемъ. Для этого, раньше всего, необходимо расширить компетенцію гаагскаго трибунала, и не только расширить, но и декретировать, *что никакая война не будетъ признана законной, если враждующія стороны предварительно не прибѣгли къ арбитражу*. Мало того, необходимо также декретировать, что военныя дѣйствія могутъ быть начаты не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, послѣ офиціальнаго объявленія войны. Такимъ образомъ исчезнутъ опасенія внезапныхъ атакъ и не останется мѣста для обвиненій въ преждевременной мобилизаціи, служащихъ предлогомъ для нападенія.

Но какія же санкціи смогутъ быть приняты противъ нарушителей международныхъ постановленій и законовъ? Многіе пацифисты и до войны, и сейчасъ, выдвигали и выдвигаютъ идею международной арміи, охраняющей точное исполненіе международныхъ конвенцій. Дени отвергаетъ эту идею. По его мнѣнію, достаточно будетъ объявить, что всякій народъ, нарушившій перечисленныя имъ постановленія, лишается своихъ правъ и выбрасывается изъ семьи цивилизованнаго человѣчества, какъ бы справедливо ни было его дѣло, какъ бы очевидны ни были злокозненныя намѣренія его противника. Съ такимъ народомъ будетъ прекращена всякая торговля, его лишатъ кредита, ни одинъ консулъ не возьметъ на себя защиту его подданныхъ. Миръ, навязанный имъ побѣжденному, не будетъ имѣть никакой юридической силы, никакая аппеляція на условія, продиктованныя ему побѣдителемъ, не будетъ допущена. Этотъ народъ будетъ снова принятъ въ міровое общество, если онъ дастъ законное удовлетвореніе тѣмъ, которые подверглись его нападенію, и вознаградитъ остальное человѣчество за понесенные имъ, вслѣдствіе его преступной попытки, убытки.

Но гдѣ же гарантія, что невоюющіе народы останутся вѣрны международному праву и не измѣнятъ ему? Эту гарантію Дени видитъ въ ихъ собственномъ интересѣ. Нейтральныя страны, которыя будутъ имѣть возможность предупредить кровавый конфликтъ, не подвергаясь ни риску, ни опасности, несомнѣнно, сдѣлаютъ это, ибо война можетъ вѣдь существеннымъ образомъ отразиться на ихъ собственныхъ интересахъ. Развѣ сейчасъ нейтральныя страны не страдаютъ отъ войны, спрашиваетъ Дени, несмотря на то, что можетъ быть нѣкоторые изъ ихъ гражданъ обогащаются? Развѣ Данія, Голландія, Норвегія, Соединенные Штаты и т. д. не предпочли бы мирное рѣшеніе того спора, который вызвалъ настоящую войну? Наконецъ, вмѣшательство нейтральныхъ странъ съ цѣлью предупрежденія конфликта опредѣляется тѣмъ властнымъ соображеніемъ, что онѣ, быть можетъ, будутъ, въ свою очередь, когда-либо нуждаться въ такомъ вмѣшательствѣ. „Вѣдь, въ концѣ концовъ, что такое гражданскій порядокъ, спрашиваетъ Дени, какъ не постоянная коалиція мирныхъ гражданъ противъ инстинктовъ грабежа? Почему же воля къ соціальному самосохраненію не сможетъ проявлять своего дѣйствія въ болѣе расширенной области?..

Санкціи, предлагаемыя Дени, сводятся, какъ мы видимъ,

къ всеобщему экономическому и моральному бойкоту того государства, которое осмѣлится нарушить предписанія международнаго права. Допустимъ, что такой бойкотъ удастся организовать, что соображенія, формулированныя Дени, окажутся въ дѣйствительности настолько властными, чтобы заставить всѣ нейтральныя государства принять участіе въ бойкотѣ. Весь вопросъ, однако, въ томъ, будетъ ли онъ цѣлесообразенъ, сможетъ ли перспектива бойкота, въ той формѣ, какъ онъ очерченъ авторомъ, устрашить правительство страны, замыслившей нападеніе на сосѣда, парализовать стремленіе къ захватамъ, стремленіе къ господству, къ власти?

Эдгаръ Мильо, спеціально разработавшій эту сторону вопроса, съ большой логической силой доказываетъ, что однѣхъ, такъ сказать, пассивныхъ санкцій совершенно недостаточно для забронированія будущей системы международнаго права отъ покушеній и нарушеній. Его разсужденія и доводы привлекли серьезное вниманіе французской демократической печати, — они дѣйствительно представляютъ незаурядный интересъ, и съ ними полезно ознакомиться, хотя бы въ бѣгломъ изложеніи.

Цѣлесообразность санкцій опредѣляется ихъ репрессивной силой: необходимы такія санкціи, при помощи которыхъ сопротивленіе нарушенія международнаго права могло бы быть окончательно сломлено. Этого мало, въ интересахъ мира важно, чтобы санкціи обладали еще, такъ сказать, предупреждающимъ свойствомъ, чтобы всякій, возымѣвшій намѣреніе разорвать договоръ, былъ остановленъ перспективой неизбѣжныхъ и всемогущихъ санкцій, огромностью потерь, которыя онѣ нанесутъ ему. Можетъ ли обладать такимъ свойствомъ всеобщій бойкотъ государства, нарушающаго право? Полная экономическая изоляція какой-нибудь страны не осуждаетъ ее еще неизбѣжно на немедленный голодъ. Ея земледѣльческое производство можетъ быть достаточно обильнымъ, чтобы позволить ей поддерживать жизнь своего населенія. Но несомнѣнно, однако, что такая мѣра, примѣненная къ опредѣленной странѣ, влечетъ за собою, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, торговое, индустріальное и финансовое разрушеніе этой страны, иными словами, ея разореніе и, какъ фатальный результатъ, — капитуляцію. Но тутъ-то мы встрѣчаемся съ главнымъ затрудненіемъ. Государство, очутившееся въ такомъ безвыходномъ положеніи, обреченное на медленную агонію и неизбѣжное пораженіе, которому уже, въ сущности,

нечѣмъ рисковать, вѣрнѣе всего попытается силой разбить сдавливающую его блокаду. Вѣдь въ роли нарушителя международнаго права осмѣлится выступить лишь государство могущественное, сильное, опьяненное сознаніемъ своей мощи. Оно, конечно, не остановится передъ тѣмъ, чтобы силою разорвать окружающее его кольцо враждебности, чтобы подчинить своей волѣ то или иное государство, нѣсколько государствъ, если это окажется возможнымъ, даже весь міръ. Экономическій и моральный бойкотъ оказываются, такимъ образомъ, недостаточными для окончательнаго парализованія аггрессивной воли въ международныхъ отношеніяхъ. Такая мѣра можетъ устрашить слабыя государства, а на сильныя она не будетъ имѣть такого вліянія.

Мильо очень удачно вскрываетъ не менѣе важное рѣзкое противорѣчіе послѣдствія пассивныхъ санкцій. Представимъ себѣ, что какая-либо изъ крупныхъ дѣржавъ, одушевленная аггрессивными намѣреніями, нападаетъ на сосѣднюю державу и при этомъ врывается еще въ нейтральную страну. Всѣ остальныя государства продолжаютъ хранить нейтралитетъ. Что же отъ этого можетъ получиться? Во многихъ случаяхъ—очень большая стратегическая выгода для нападающаго. Авторъ иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ нынѣшней войны. Германія цинично и грубо нарушила нейтралитетъ Бельгіи. Въ тотъ же день она получила ноту отъ швейцарскаго правительства, увѣдомлявшую, что Швейцарія твердо намѣрена оставаться нейтральной. Германскій канцлеръ тотчасъ же отвѣтилъ швейцарскому правительству, что онъ прочелъ съ искреннимъ удовлетвореніемъ его декларацію о нейтралитетѣ и разсчитываетъ, что конфедерація, благодаря своей сильной арміи и непоколебимой волѣ всего швейцарскаго народа сумѣетъ охранить свой нейтралитетъ отъ всякаго искушенія.

„Искреннее удовлетвореніе“ имперскаго канцлера было дѣйствительно искреннимъ. Въ то время, какъ германскія арміи наводняли нейтральную Бельгію, нейтралитетъ Швейцаріи охранялъ Германію отъ нашествія союзныхъ армій, а нейтралитетъ Голландіи помѣшалъ англійскому правительству прислать необходимое количество войскъ на помощь Антверпену черезъ устье Шельды. Германія была защищена нейтралитетомъ Швейцаріи и Голландіи въ своемъ нарушеніи нейтралитета Бельгіи. Трудно представить

себѣ положеніе, говоритъ Мильо, въ которомъ было бы больше трагической ироніи.

Но если бы нарушеніе какой-либо державой нейтралитета другой державы имѣло юридическимъ слѣдствіемъ освобожденіе всѣхъ странъ міра отъ нейтральныхъ обязательствъ по отношенію къ напавшей сторонѣ, то положеніе получилось бы совершенно иное. Тогда передъ народами, вставшими на защиту права, во имя интересовъ человѣчества, открылись бы стратегическіе пути для нанесенія быстраго сокрушительнаго удара насильнику. Мильо полагаетъ, что одной такой угрозы было бы достаточно, чтобы отбить охоту къ аггрессивнымъ дѣйствіямъ у самой могущественной державы. Выводъ изъ всего этого, конечно, ясенъ: для обезпеченія международнаго права необходима военная санкція. Такой выводъ и дѣлаетъ Мильо. Авторъ не безъ основанія доказываетъ, что и экономическій бойкотъ безъ такой санкціи не можетъ быть осуществленъ. Выше мы уже видѣли, что государство, подвергшееся экономическому бойкоту, вѣрнѣе всего попытается разрушить его силой оружія. Уже вслѣдствіе этого необходима международная вооруженная сила, которая могла бы обезпечить успѣхъ международному экономическому дѣйствію. Экономическая санкція, такимъ образомъ, неизбѣжно, логикою вещей, превращается въ санкцію военную. Нарушеніе одной изъ органическихъ статей международнаго статута явится, по существу, такимъ актомъ, который потребуетъ немедленнаго вмѣшательства силы, стоящей на сторонѣ права. „Международное право, вооруженное санкціями, говоритъ Мильо, будетъ правомъ, опирающимся на силу, на самую большую силу, на высшую силу совокупности націй".

Мильо полагаетъ, что для организаціи международной военной санкціи вовсе нѣтъ необходимости въ созданіи спеціальной интернаціональной арміи, въ сліяніи военныхъ организмовъ всѣхъ державъ. Военная автономія каждой изъ нихъ можетъ быть сохранена, — она даже должна быть сохранена, чтобы дать максимумъ результатовъ. Нужна лишь свободная координація усилій, одновременная мобилизація и согласованность военныхъ выступленій всѣхъ націй, связанныхъ международнымъ закономъ, поднимающихся вмѣстѣ и сразу для защиты угрожаемаго общаго закона.

„Когда на всей поверхности нашей планеты, восклицаетъ авторъ, всѣ народы, желающіе жить въ мірѣ, основанномъ на взаимномъ уваженіи правъ, сдѣлаютъ, такимъ образомъ, изъ

своихъ объединенныхъ силъ суверенную силу, обладающую всесокрушающимъ могуществомъ въ области экономической и непобѣдимымъ могуществомъ въ области военной, — тогда хищническія націи, или, чтобы быть болѣе точнымъ, хищническія касты, господствующія еще въ нѣкоторыхъ полуфеодальныхъ имперіяхъ, не смогутъ даже попытаться увлечь массы въ авантюры, заранѣе и съ очевидностью обреченныя на абсолютное и непоправимое пораженіе. Въ тотъ день миръ будетъ окончательно и прочно обезпеченнымъ".

Система, предлагаемая Мильо, можетъ имѣть, по словамъ автора, еще и другой не менѣе важный благотворный результатъ: сокращеніе милитаризма и вооруженій.

Чѣмъ обусловливался ростъ милитаризма? Именно тѣмъ, что сила, а не право господствовала въ международныхъ отношеніяхъ. Но поскольку это положеніе вещей будетъ измѣнено, поскольку сила перестанетъ быть ultima ratio и мѣсто его займетъ право, постольку національныя арміи превращаются лишь въ составныя элементы международной арміи, являющейся коллективнымъ стражемъ права. Но тогда скачка вооруженій потеряетъ всякій смыслъ. Достаточно будетъ, чтобы коллективная международная сила могла съ очевидностью обезпечить народы отъ возможнаго покушенія со стороны государствъ — хищниковъ. Такимъ образомъ создается возможность не только ограниченія, но даже сокращенія вооруженій, при условіи, чтобы эта мѣра была всеобщей и обязательной, чтобы она была гарантирована серьезными санкціями, чтобы контроль надъ ея проведеніемъ въ жизнь былъ порученъ международнымъ комиссіямъ, надѣленнымъ широкими полномочіями для разслѣдованія и наблюденія...

Система Мильо, изложенная мною въ общихъ чертахъ, въ случаѣ своего успѣшнаго примѣненія можетъ, слѣдовательно, привести къ чрезвычайно благотворнымъ разультатамъ. Она даетъ возможность организовать международныя отношенія на основѣ права, не совершая насилія надъ какимъ бы то ни было народомъ, она устраняетъ опасность войны, она избавляетъ человѣчество отъ страшной тяжести милитаризма.

Мильо въ своей книжкѣ оставляетъ въ сторонѣ національный вопросъ. Онъ основывается лишь на томъ убѣжденіи, что созданіе международнаго правового режима, опирющагося на цѣлесообразныя санкціи, даетъ возможность правильно и справедливо разрѣшить національныя проблемы. Но правильное и справедливое разрѣшеніе національныхъ проблемъ является

предварительнымъ условіемъ для осуществленія рекомендуемой имъ системы. Въ дѣйствительности, поскольку будущій миръ освятитъ насиліе надъ какой-либо, націей или аннексію чужихъ территорій, то солидарное коллективное выступленіе всѣхъ цивилизованныхъ государствъ противъ нарушителя мира сдѣлается маловѣроятнымъ. Выступивъ въ защиту нарушеннаго мира, цивилизованныя государства при указанныхъ условіяхъ фактически оказались бы вынужденными защищать и тѣ несправедливости, которыя миръ санкціонировалъ. И это тѣмъ болѣе, что страна, подвергшаяся несправедливости, вѣрнѣе всего первая и явится нарушителемъ мира.

Совершенно очевидно, что, несмотря на всю свою приверженность къ мирному правильному порядку, далеко не всѣ государства согласятся взяться за оружіе, чтобы помочь насильнику или насильникамъ удержать захваченное. Ихъ воля къ обезпеченіе мира будетъ парализована моральнымъ факторомъ огромнаго значенія.

Національный вопросъ оказывается, такимъ образомъ, тѣсно связаннымъ, или, вѣрнѣе, слитымъ съ вопросомъ о созданіи международнаго права. Не можетъ быть правильнаго раздѣленія національныхъ проблемъ безъ созданія прочнаго и забронированнаго международнаго права, безъ правильнаго разрѣшенія національныхъ проблемъ. Оба эти вопроса являются въ сущности двумя сторонами одной и той же общей проблемы о мирѣ.

Люди, скептически настроенные, у которыхъ война вызвала особенное его обостреніе, вѣроятно, лишь пожмутъ презрительно плечами, ознакомившись съ идеями Мильо. Но не характерно ли, что эти идеи встрѣчаютъ широкое сочувствіе во Франціи, и что въ Англіи, и въ цѣломъ рядѣ нейтральныхъ странъ, выдающіеся государственные дѣятели выступаютъ съ пропагандой приблизительно такихъ же идей.

Англійскій премьеръ Асквитъ, въ рѣчи, произнесенной на народномъ собраніи въ Дублинѣ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее.

„Идея общественнаго права въ европейской политикѣ означаетъ или должна означать, что сила, борьба враждебныхъ честолюбій, группировка исторіи и непрочное равновѣсіе будутъ медленно и постепенно замѣнены въ международной области настоящей ассоціаціей государствъ Европы, основанной на признаніи легальныхъ правъ, упроченной и обезпеченной общей волей“ Асквитъ добавилъ, что годъ тому назадъ

такая мысль могла казаться утопической, но, если война кончится въ пользу союзниковъ, ее будутъ считать вполнѣ естественной.

Еще болѣе рѣшительно высказался въ томъ же духѣ также Рузвельтъ, какъ извѣстно, весьма трезвый политикъ, мало склонный къ романтическимъ увлеченіямъ. „Необходимо, писалъ онъ въ „New-York-Times", необходимо во что бы то ни стало найти способъ для обезпеченія совмѣстнаго выступленія всѣхъ великихъ цивилизованныхъ державъ въ защиту государства, право котораго, безъ всякой провокаціи, подвергнется нарушенію". Эту же мысль, но въ нѣсколько иной формѣ, выразилъ въ публичной декларації другой бывшій президентъ штатовъ, Тафтъ. Даже первый министръ милитаристической Японіи раздѣляетъ такіе взгляды. Въ своемъ отвѣтѣ на приглашеніе мирнаго конгресса въ Санъ-Франциско, графъ Окума писалъ: „Я убѣжденъ, что послѣ настоящаго страшнаго опыта, всѣ націи земли поймутъ безуміе вооруженнаго мира и войдутъ въ соглашеніе для созданія прочнаго царства закона и справедливости". Цитатъ подобнаго рода можно привести еще много.

Въ дѣйствительности, что можно возразить противъ системы, начерченной Мильо? Что народы не желаютъ мира? Но это никто не осмѣлится утверждать. Народы всегда желали мира, который дастъ возможность заниматься продуктивнымъ трудомъ и пользоваться плодами его. Они всегда ненавидѣли войну или, въ худшемъ случаѣ, опасались ея. Къ войнѣ стремились лишь немногочисленныя, но вліятельныя соціальныя группы, видѣвшія въ ней средства для господства или обогащенія. Онѣ и вызывали ее, спекулируя на наивную довѣрчивость массъ. Но страшный опытъ настоящей войны, невѣроятныя разрушенія, нагроможденныя, громадныя неисчислимыя жертвы, поглощенныя кровавымъ Молохомъ, во много разъ усилили стремленіе къ миру. Какъ правильно выразился одинъ французскій писатель, „человѣкъ, продѣлавшій всѣ страшные опыты современной войны и послѣ того еще не желающій сдѣлаться пацифистомъ, — долженъ быть преступникомъ или безумцемъ".

Когда умолкнетъ громъ пушекъ, когда разберутъ проволочныя загражденія и сравняютъ съ землею траншеи, когда народы вернутся къ нормальной жизни, съ особенной трагической ясностью обнаружатся ужасныя зіяющія раны, которыя нанесла война, съ особенной остротой почувствуется ихъ боль.

Можно, конечно, еще возразить, что современный экономическій случай создаетъ постоянную опасность международныхъ вооруженныхъ конфликтовъ. Капитализмъ, въ современномъ своемъ фаизисѣ, нарождаетъ имперіализмъ, стремленіе къ все большему расширенію границъ экономической дѣятельности капиталистическихъ классовъ, которымъ становится тѣсно въ собственныхъ національныхъ предѣлахъ. Имперіализмъ, сталкивая великія державы въ борьбѣ за овладѣніе міровымъ рынкомъ, ведетъ къ войнамъ.

Но развѣ опытъ нынѣшней войны не показалъ, что война является совершенно негоднымъ средствомъ для осуществленія экономическихъ цѣлей. Изъ теперешняго великаго столкновенія всѣ участники его выйдутъ истощенными и разоренными, побѣдители, какъ и побѣжденные. Война, по самымъ скромнымъ подсчетамъ, обойдется минимумъ въ триста милліардовъ франковъ, не считая уничтоженныхъ матеріальныхъ богатствъ и милліоновъ человѣческихъ жизней. Понадобятся, быть можетъ, цѣлыя десятилѣтія, чтобы европейское населеніе могло снова подняться до того уровня экономическаго благосостоянія, который существовалъ до войны. Сократится, несомнѣнно, въ огромныхъ размѣрахъ емкость международнаго рынка, сократится, вѣроятно, въ неменьшихъ размѣрахъ производительная способность цѣлаго ряда странъ. Къ тому же, громадные милліардные долги обременятъ государственные финансы, и тяжелые прямые и косвенные налоги лягутъ на плечи народовъ. Война ведетъ не къ обогащенію, а къ обѣднѣнію — это самый неоспоримый урокъ нынѣшней войны. Кто осмѣлится теперь утверждать, что война можетъ содѣйствовать экономическому развитію кого бы то ни было, даже побѣдителя? Очевидно, придется теперь человѣчеству искать иныхъ путей, иныхъ способовъ для отстаиванія экономическихъ интересовъ въ международной области.

Но все же планъ организаціи международнаго правового режима, интернаціональной конституціи, снабженной санкціями, опирающейся на коллективную силу цивилизованныхъ государствъ, встрѣчаетъ большое и серьезное препятствіе. Оно, думается намъ, лежитъ исключительно въ области политической. Для осуществленія этого плана необходимо, чтобы во всѣхъ странахъ, играющихъ рѣшающую роль въ міровой политикѣ, народная воля получила возможность свободнаго выраженія, возможность вліянія на государственныя дѣла для парализованія аггресивныхъ стремленій отдѣльныхъ

кастъ и группъ, которымъ война можетъ принести выгоды. Пока этого не будетъ — зданіе международной юстиціи, даже если его удастся воздвигнуть, будетъ построено на пескѣ. Тайное соглашеніе хотя бы между двумя великими державами, съ полуабсолютисткимъ внутреннимъ режимомъ, всегда сможетъ его разрушить.

Думается, что Сеньобосъ, утверждавшій, что внутренняя революція, начавшаяся въ 1789 году, должна быть дополнена революціей интернаціональной, не совсѣмъ полно изложилъ сущность проблемы. Принципы 1789 года далеко еще не вездѣ получили осуществленіе, далеко не вездѣ еще абсолютизмъ во внутренней жизни ограниченъ прочными правовыми нормами. Дѣло идетъ сейчасъ не о томъ, чтобы дополнить ограниченіе внутренняго абсолютизма ограниченіемъ абсолютизма въ международныхъ отношеніяхъ, нужно сначала осуществить широко по возможности первое условіе. Только тогда создастся фундаментъ, на которомъ можно будетъ построить зданіе международнаго права, устойчивое въ грозу и бурю. И только тогда можно будетъ правильно разрѣшать и другую важную проблему, связанную съ судьбами будущаго мира, — проблему національную. Общая проблема будущаго мира силою вещей превращается въ проблему демократизаціи Европы.

Но не создаетъ ли настоящая война, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ миру, и стремленіе къ демократіи, не обнаруживаетъ ли она съ достаточной ясностью тѣсную связь между демократіей и миромъ? Факты жизни позволяютъ предполагать это, — надо, во всякомъ случаѣ, вѣрить въ это.

Какъ ни мрачно, какъ ни страшно настоящее, но кровавый туманъ не долженъ закрывать для нашихъ глазъ очертаній историческихъ перспективъ. Человѣчество перенесло не мало бурь, его исторія полна насилія, жестокости, крови, и, однако, оно неуклонно двигалось впередъ, отъ варварства къ человѣчности, отъ мрака къ свѣту. Оно падало, но неизмѣнно поднималось, еще выше поднимая свой свѣтильникъ. Будущее сильнѣе прошлаго, какъ бы ни была велика власть послѣдняго надъ настоящимъ.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда полуфеодальный абсолютизмъ еще тяготѣлъ надъ Европой, а блѣдные чуть замѣтные лучи свѣта еле-еле прорѣзывали царившій кругомъ густой мракъ, Тюрго писалъ слѣдующія строки.

„Интересъ, честолюбіе и ненависть измѣняютъ безпре-

рывно лицо міра и заливаютъ землю кровью. Но среди опустошеній, которыя они производятъ, нравы смягчаются и человѣческій разумъ просвѣщается. Изолированныя народы сближаются одни съ другими, торговля и политика объединяютъ всѣ части земного шара, и вся масса рода человѣческаго, черезъ альтернативы спокойствія и агитаціи, добра и зла, идетъ всегда, хотя и медленными шагами, къ все большему усовершенствованію". Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, человѣчество пережило вѣкъ величайшихъ научныхъ открытій, стремительнаго техническаго прогресса, широкихъ экономическихъ преобразованій и политическихъ революцій. И думается, что несмотря на настоящую войну, можно сохранить бодрый оптимизмъ французскаго мыслителя восемнадцатаго столѣтія и раздѣлить глубокою вѣру демократическихъ писателей современной Франціи.

Е. Сталинскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Французскіе гости въ Россіи и франко-русскій банкетъ. — Русскіе парламентскіе дѣятели въ Англіи и Франціи. — Значеніе и роль Государственной Думы въ международной политикѣ. — Реальныя событія и дипломатическіе конфликты.

Взаимныя дружескія манифестаціи занимаютъ довольно много мѣста въ отношеніяхъ союзныхъ государствъ, находящихся въ войнѣ съ Германіею. Англичане высказываютъ свои чувства симпатіи и восхищенія по адресу Франціи и Россіи и ихъ доблестныхъ армій; французы превозносятъ заслуги Россіи и Англіи и ихъ несравненныхъ войскъ; мы, конечно, съ своей стороны восторгаемся подвигами англичанъ и французовъ. Свиданія министровъ, поѣздки парламентскихъ дѣятелей, совѣщанія спеціальныхъ делегатовъ по военнымъ, политическимъ и финансовымъ вопросамъ, — все это давало поводъ не только къ серьезному обмѣну мыслей между представителями разныхъ странъ, но и къ подтвержденію установившейся солидарности союзниковъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Офиціальныя заявленія и рѣчи министровъ постоянно возвращаются къ той же темѣ о крѣпости связей, соединяющихъ союзныя державы, и о неминуемой будущей ихъ побѣдѣ. По всей вѣроятности, взаимныя обязательства союзниковъ опредѣляются и обезпечиваются не этими рѣчами, а положительными договорами, содержаніе которыхъ составляетъ, разумѣется, дипломатическую тайну; точно также увѣренность въ будущемъ окончательномъ торжествѣ, несомнѣнно, вытекаетъ изъ обстоятельствъ, которыя не подлежатъ оглашенію и не могутъ быть извѣстны публикѣ. Однако и министерскія рѣчи, и многообѣщающія заявленія имѣютъ свою цѣну, поддерживая бодрость и нравственный подъемъ среди заинтересованныхъ націй, а бодрая вѣра есть одна изъ весьма важныхъ условій успѣха.

Такое бодрое настроеніе проявлялось во всѣхъ манифестаціяхъ

по поводу пріѣзда въ Россію двухъ выдающихся французскихъ дѣятелей — бывшаго премьера, нынѣ министра юстиціи, Ренэ Вивіани, и завѣдующаго военнымъ снаряженіемъ арміи товарища военнаго министра Альбера Тома. Оба они — горячіе патріоты, убѣжденные соціалисты и отличные ораторы; въ то же время, по своему официальному положенію, они обязаны быть дипломатами и говорить только то, что соотвѣтствуетъ характеру правительства той страны, гдѣ они находятся. Въ ихъ честь устроенъ былъ въ Петроградѣ, 3 мая, политическій банкетъ; съ которымъ связывалось празднованіе двадцатипятилѣтняго франко-русскаго союза. Въ сущности, никакого юбилея тутъ не было, и никакого факта, знаменующаго начало франко-русскаго сближенія, не совершилось 3 мая 1891 года. Знаменитое посѣщеніе Кронштадта эскадрой адмирала Жерве состоялось только въ іюлѣ означеннаго года, и союзный договоръ подписанъ 15 (27) августа; отвѣтный визитъ эскадры адмирала Авелана въ Тулонѣ состоялся въ октябрѣ 1893 года, а военная конвенція заключена лишь въ началѣ 1894 г. Впервые существованіе союза было возвѣщено официальнымъ тостомъ за „дружественную и союзную націю“ на броненосцѣ „Pothuau“ въ 1897 году. Таковы главныя даты въ исторіи франко-русскаго союза, и ни одна изъ нихъ не давала повода праздновать юбилей его именно въ маѣ текущаго года; но прибытіе французскихъ гостей возбудило желаніе передвинуть срокъ этого чествованія съ августа на май, и никто не возражалъ, такъ какъ въ военное время можно себѣ позволить въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторыя отступленія отъ исторической точности. Банкетъ 3-го мая долженъ былъ произвести пріятное впечатлѣніе на представителей французской республики. Отъ имени Государственной Думы говорилъ ея предсѣдатель, напомнившій о зарожденіи, четверть вѣка тому назадъ, „незыблемой, искренней, сердечной дружбы“ двухъ народовъ, которые до сихъ поръ „остались вѣрны своимъ общимъ идеаламъ и презрительно отворачиваются отъ лукавыхъ нашептываній“. Русскій народъ, быть можетъ, не знаетъ и не раздѣляетъ этихъ общихъ идеаловъ, присущихъ, по мнѣнію оратора, обѣимъ націямъ, — какъ и наоборотъ, французы, вѣроятно, не во всемъ сочувствуютъ политическому міросозерцанію русскаго народа; но для успѣшнаго хода общаго дѣла нужна не только внѣшняя, но и внутренняя солидарность, которая даетъ намъ возможность „совокупными усиліями въ корнѣ сломить безнравственныя начала завоевательной алчности нашихъ враговъ и отстоять идеи правды и права народовъ на свободное самостоятельное бытіе“. Къ сожалѣнію, войны всегда приводили къ несправедливымъ завоеваніямъ и нарушали права народовъ на независимое существованіе; и въ этомъ отношеніи наши враги,

слѣдуютъ по старымъ путямъ, и надо непременно побѣдить ихъ чтобы они не въ состояніи были осуществить свои завоевательные планы.

Послѣ чисто-офиціальнаго тоста французскаго посла въ Петроградѣ, г. Палеолога, произнесъ небольшую рѣчь министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ. По его словамъ, союзникамъ предстоитъ „отбить нападающаго“ и оказывать ему въ будущемъ такое же упорное сопротивленіе, какое встрѣтили германцы у Вердена; о какихъ-либо активныхъ начинаніяхъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ, для уничтоженія прусскаго милитаризма или „прусачества“ онъ вовсе не упоминалъ, придавая войнѣ какъ будто только оборонительный характеръ. Впрочемъ, онъ высказалъ увѣренность, что союзники одинаково испытываютъ „законный гнѣвъ“, вызываемый „гнуснымъ покушеніемъ врага на миръ всего міра, покушеніемъ, противъ котораго и мы, такъ же точно, какъ и вы (союзники), исполнены рѣшимости бороться, пока не восторжествуемъ“ Нашему министру красиво и эффектно отвѣчалъ Вивіани. „Нашъ союзъ — говорилъ онъ — союзъ совмѣстной методической, постепенной подготовки. Общія усилія для борьбы, усилія для побѣды дадутъ реальные результаты... Мы будемъ продолжать войну безъ колебаній, мы сообща доведемъ ее до конца, не допуская и мысли о сепаратномъ мирѣ. Насъ соединяетъ долгъ чести, долгъ крови, и мы будемъ бороться вмѣстѣ до конца, до наступленія того дня, когда восторжествуетъ попранное право. Это долгъ передъ будущими поколѣніями, которыя должны получить возможность жить въ спокойной Европѣ, основанной на началахъ права“. Въ заключеніе депутатъ В. А. Маклаковъ доказывалъ, что настоящая война, отвратительная по своему грубому безправію и по своимъ безчестнымъ пріемамъ, заставитъ всѣхъ признать разъ навсегда недопустимымъ употребленіе силы въ международныхъ спорахъ и, такимъ образомъ, неизбѣжно приведетъ къ торжеству пацифизма. „Мы видѣли — сказалъ онъ между прочимъ — это чудовищное соединеніе германской маніи величія съ пассивнымъ тупоуміемъ Австріи, продажностью Турціи съ національнымъ предательствомъ Болгаріи. Вотъ та шайка рабовъ, которая претендуетъ диктовать свою волю Европѣ. Сторонникамъ постояннаго мира задача указана заранѣе. И не только какъ патріоты, во имя родины, но и какъ пацифисты, мы привѣтствуемъ эту войну ради защиты права и мира. Противъ насилія Германіи нужна была сила, а сила, — въ единеніи, союзѣ государствъ, солидарности классовъ и партій внутри отдѣльныхъ странъ. Эта война есть послѣдняя борьба двухъ началъ — права силы съ силою права; въ результатѣ получится самоубійство войны“. Какъ талантливый и остроумный ораторъ,

В. А. Маклаковъ сумѣлъ въ немногихъ словахъ дать яркую характеристику исключительныхъ условій настоящей войны и тѣхъ общихъ цѣлей, которыя должны быть преслѣдуемы союзниками. Основная идея всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ на банкетѣ 3 мая, — сознаніе безусловной необходимости побѣды надъ враждебною коалиціею для общаго блага народовъ; но утвердится ли послѣ этой побѣды постоянный и окончательный миръ въ духѣ пацифизма, — это другой вопросъ, о которомъ было бы преждевременно высказывать какія-либо опредѣленныя сужденія.

Одновременно съ чествованіемъ французовъ въ Петроградѣ, происходили однородныя официальныя празднества въ честь русскихъ парламентаріевъ въ Англіи и Франціи. Прибывшіе въ Лондонъ члены нашихъ законодательныхъ учрежденій были приняты 26 апрѣля (9 мая) королемъ Георгомъ, который произнесъ по этому случаю политическую рѣчь. Британскій народъ, по его словамъ, „преисполненъ желанія, чтобы отношенія между обѣими имперіями стали еще болѣе тѣсными и дружественными послѣ окончанія войны, когда будетъ достигнута общая цѣль, объединенная братствомъ по оружію“. Англичане „готовы принести всѣ жертвы, необходимыя для торжества дорогого союзникамъ дѣла“; они „радуются при мысли, что могли своимъ флотомъ оказать услуги Россіи и иными способами доставить ей то, въ чемъ она чувствовала потребность“. Обѣ страны значительно выиграютъ отъ установленія близкихъ взаимныхъ связей; „каждому изъ двухъ великихъ народовъ есть чему поучиться у другого и подѣлиться съ нимъ своими знаніями; чѣмъ лучше они познаютъ другъ друга, тѣмъ болѣе они сблизятся“. Въ тотъ же день, вечеромъ, состоялся банкетъ, устроенный членами британскаго правительства, подъ предсѣдательствомъ премьера Асквита. Премьеръ началъ свою рѣчь выраженіемъ удовольствія, что ему приходится привѣтствовать русскихъ парламентскихъ дѣятелей наканунѣ десятилѣтія перваго созыва Государственной Думы. „Великое братство парламентовъ — продолжалъ онъ — обнимаетъ нынѣ почти весь культурный міръ, и на нашу долю выпала привилегія — быть можетъ, грустная привилегія старости — выразить вамъ свои пожеланія въ колыбели парламента“. Говоря о практическомъ значеніи англо-русскаго союза, премьеръ упомянулъ „о полномъ согласіи, которое установилось между обоими союзными правительствами по отношенію къ восточнымъ дѣламъ“ и, въ частности, относительно Турціи и Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ „возрастаетъ и укрѣпляется чувство братства и солидарности между народами; всѣ недоразумѣнія прошлаго исчезли, и въ этомъ чувствѣ взаимнаго довѣрія и симпатіи заключается за-

логъ лучшаго будущаго для человѣчества". Попытка германцевъ посѣять рознь между союзниками обречена на безсиліе; „Германія знаетъ, что, будучи объединенными и поддерживая это объединеніе, мы должны побѣдить, и мы это знаемъ; въ этомъ сознаніи мы будемъ стоять и дѣйствовать рядомъ, какъ бы ни была тяжело и продолжительно испытаніе нашей общей выносливости, и будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока не сокрушимъ противостоящихъ намъ силъ и не начнемъ въ мирной работѣ и во взаимномъ согласіи возсоздавать прочный порядокъ вещей въ Европѣ". Отвѣтныя рѣчи П. Н. Милюкова и В. І. Гурко болѣе или менѣе подтверждали заявленія Асквита, при чемъ первый ораторъ сообщилъ объ единеніи всѣхъ русскихъ партій и народностей на почвѣ національной обороны.

Второй банкетъ въ честь русскихъ гостей устроенъ былъ лондонскимъ лордъ-мэромъ въ зданіи городской ратуши, 7 (20) мая. Главная рѣчь на этомъ банкетѣ была произнесена министромъ иностранныхъ дѣлъ сэромъ Эдуардомъ Греемъ. Подобно премьеру Асквиту, который „говорилъ и говоритъ не только отъ имени всѣхъ своихъ коллегъ, но и отъ имени націи", Грей прежде всего указалъ на безплодность всѣхъ германскихъ стараній возбудить подозрительность и недовѣріе между союзниками. Враги настойчиво увѣряютъ, что „союзныя державы вовсе не объединены одной цѣлью, а каждая изъ нихъ преслѣдуетъ свои особые интересы, и что со временемъ обнаружится, какъ мало отдѣльныя державы принимаютъ въ разсчетъ интересы союзниковъ". Эти увѣренія, по словамъ Грея, совершенно неосновательны: „общая опасность, общее дѣло, общія усилія объединяютъ насъ одинаково тѣсно, какъ въ настоящей борьбѣ, такъ и въ условіяхъ мирнаго времени". Особые интересы Россіи, какъ и другихъ союзныхъ державъ, — говорилъ далѣе министръ — должны быть приняты во вниманіе, соблюдены и удовлетворены съ такою же тщательностью, какъ и наши собственные. Наша страна, какъ могутъ убѣдиться русскіе гости, вноситъ все, что имѣетъ, въ борьбу съ врагомъ, какъ людьми, такъ и кораблями, деньгами и матеріалами. Мы желаемъ, чтобы нашъ вкладъ въ общее дѣло былъ наибольшимъ, какой только возможенъ для нашей страны, „чтобы употребляемыя нами усилія были наиболѣе полезны нашимъ союзникамъ и общему дѣлу". Присутствовавшій на банкетѣ премьеръ автономной австралійской колоніи, м-ръ Гюгсъ, заявилъ съ своей стороны, что „Австралія и остальныя колоніи вполнѣ солидарны съ Великобританіею въ рѣшимости довести эту войну до конца и идти вмѣстѣ съ союзниками къ этой цѣли". Отъ имени Россіи и русскаго парламента отвѣчали членъ Государствен-

наго совѣта В. І. Гурко и товарищъ предсѣдателя Думы А. Д. Протопоповъ.

Такія же торжественныя встрѣчи, съ банкетами и министерскими рѣчами, ожидали нашу парламентскую делегацію во Франціи. Въ первый же день по прибытію въ Парижъ, 9 (22) мая, русскіе делегаты были приглашены въ президіумъ палаты депутатовъ, гдѣ ихъ привѣтствовали президентъ палаты Поль Дешанель и глава кабинета Аристидъ Бріанъ. „Мы не хотѣли воевать, — говорилъ Бріанъ, — но насъ заставили взяться за оружіе, и мы должны теперь побѣдить во что бы то ни стало. Миръ будетъ заключенъ лишь послѣ побѣды союзниковъ и долженъ быть основанъ на международномъ правѣ, обезпеченномъ гарантіями, которыхъ ни одна держава не будетъ въ состояніи нарушить. Такой миръ дастъ народамъ возможность жить и развиваться въ полномъ спокойствіи. Это тотъ единственный миръ, ради котораго мы должны стремиться къ побѣдѣ, и мы его добьемся путемъ согласованныхъ дѣйствій и активнаго, все болѣе крѣпнущаго братства. Эту побѣду мы обязаны доставить человѣчеству; она уже близка. Нынѣ успѣхамъ Германіи наступилъ конецъ; ея престижъ съ каждымъ днемъ падаетъ все болѣе и болѣе въ глазахъ остального міра; она живетъ въ страхѣ. Это начало конца; мы увѣрены, что скоро настанетъ для насъ часъ побѣды". Затѣмъ состоялся пріемъ въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ президентъ республики обратился къ нашимъ парламентаріямъ съ большою привѣтственною рѣчью; по этому случаю онъ вновь подтвердилъ рѣшимость Франціи бороться до тѣхъ поръ, „пока окончательная побѣда не возстановитъ торжества права и не обезпечитъ всеобщаго мира". Наши делегаты направились послѣ этого въ Люксембургскій дворецъ, въ помѣщеніе сенатскаго президіума, гдѣ также произнесены были рѣчи о франко-русскомъ союзѣ и высказывавшія непоколебимую вѣру въ окончательное торжество. На слѣдующій день, 10 мая, русскіе гости были приглашены къ завтраку въ Елисейскій дворецъ, гдѣ присутствовали также президенты обѣихъ палатъ, министры, предсѣдатели и докладчики нѣкоторыхъ парламентскихъ комиссій и русскій посолъ А. П. Извольскій. И опять говорились рѣчи, все болѣе искреннія и содержательныя, и представители обѣихъ націй съ полнымъ взаимнымъ довѣріемъ дѣлились своими мыслями и впечатлѣніями, знакомясь въ то же время съ лихорадочною дѣятельностью французскихъ заводовъ по изготовленію орудій и боевыхъ снарядовъ, — какъ приходилось имъ раньше знакомиться съ положеніемъ этого дѣла въ Англіи. Благодаря живому участію парламентскихъ дѣятелей заинтересованныхъ странъ взаимное сближеніе союзныхъ державъ

перестало быть простою дипломатическою комбинаціею, а получило характеръ жизненной національной связи, проявляемой въ цѣломъ рядѣ общедоступныхъ и краснорѣчивыхъ фактовъ. Народы, въ лицѣ своихъ представителей, получили возможность понимать и цѣнить другъ друга, и формальный политическій союзъ превратился въ живое общее дѣло, выходящее далеко за предѣлы компетенціи дипломатическихъ канцелярій.

Мы ясно видимъ теперь, какое огромное значеніе имѣетъ наше — хотя и урѣзанное — народное представительство для международной политической роли и авторитета Россіи. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія франко-русскій союзъ, несмотря на необходимость и даже спасительность его для Франціи, оставался чѣмъ-то искусственнымъ и не пользовался популярностью въ передовыхъ классахъ французскаго общества; онъ вызывалъ невольно какія-то оговорки и ставилъ какъ будто въ затруднительное положеніе представителей французской республики. Выражая горячія симпатіи русской арміи и флоту, французы чувствовали, однако, нѣкоторую натянутость или холодность по отношенію къ официальной Россіи, которая попрежнему была мало доступна ихъ пониманію. Русское общество и русскій народъ безмолвствовали; они не имѣли органа для выраженія своихъ чувствъ и желаній. Отъ имени Россіи говорили — и то не публично, — нѣкоторые властные сановники, министръ иностранныхъ дѣлъ и посланники; изъ этихъ секретныхъ бесѣдъ только весьма немногое проникало въ печать. Правда, наши газеты довольно свободно разсуждали объ иностранной политикѣ, и за границей эти сужденія принимались иногда за серьезные отголоски правительственныхъ взглядовъ, такъ какъ, по общему убѣжденію, у насъ можно было высказывать только то, что дозволялось правительствомъ. Союзныя или дружественныя съ нами націи имѣли дѣло только съ немногими носителями русской государственной власти; онѣ не видѣли предъ собою живой, народной и общественной Россіи и имѣли о ней лишь самыя смутныя представленія. Иностранные кабинеты знали русскую дипломатію, въ ея корректномъ и сухомъ бюрократическомъ обликѣ. Россія, какъ нація, впервые предстала предъ ними послѣ введенія народнаго представительства; она показала себя живою силою, съ которою возможно сознательное общеніе. Оттого Государственная Дума, какъ дѣйствующій и отвѣтственный органъ пробудившейся политической жизни Россіи, сразу пріобрѣла такую громадную, всеобщую популярность въ культурномъ мірѣ; она раздвинула рамки нашихъ международныхъ официальныхъ связей, внесла въ нихъ жизнь и движеніе, вступила на равныхъ

правахъ въ сношенія съ старѣйшими иностранными парламентами и сдѣлала русское государство живымъ активнымъ участникомъ международнаго общенія. Представители нашихъ законодательныхъ учрежденій, ѣздившіе въ союзныя страны, должны были наглядно убѣдиться въ великой практической важности народнаго представительства для взаимнаго пониманія и внутренняго сближенія народовъ. Они чувствовали, что на ихъ долю выпала честь представлять собою ту Россію, на которую, въ концѣ концовъ, разсчитываютъ союзники, и только послѣ того, какъ выступила на сцену выборная Государственная Дума, сталъ возможнымъ дѣйствительный, живой союзъ Россіи съ Англіею. Международныя празднества, торжественные банкеты, министерскія и парламентскія рѣчи, сопутствовавшія разъѣздамъ нашихъ парламентаріевъ за границею, служатъ весьма эффектною и поучительною иллюстраціею къ идеѣ народнаго представительства даже въ томъ скромномъ видѣ, въ какомъ эта идея осуществилась въ Россіи.

На первый взглядъ можетъ показаться, что бодрый оптимизмъ французскихъ и англійскихъ министерскихъ рѣчей не оправдывается фактическимъ положеніемъ дѣлъ на соотвѣтственныхъ театрахъ войны. Событія развиваются пока не по тому пути, который намѣченъ союзниками, и нѣкоторые крупные факты даже какъ будто противорѣчатъ существующей группировкѣ борющихся военныхъ силъ; такъ, напр., никто не предполагалъ, что Австро-Венгрія, казавшаяся уже окончательно разбитою въ началѣ прошлаго года, будетъ въ состояніи не только продолжать упорную борьбу на русскомъ фронтѣ и разгромить Сербію и Черногорію, но еще воевать цѣлый годъ съ Италіею и предпринять противъ нея рѣшительное наступленіе, которое побудило бы извѣстныя части итальянскихъ войскъ отступить „въ образцовомъ порядкѣ“ на заранѣе приготовленныя позиціи. Всѣ думали, что итальянскія области Австро-Венгріи достанутся Италіи безъ особенныхъ жертвъ, такъ какъ австрійцы достаточно заняты военными дѣйствіями противъ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ; а теперь оказывается, что всѣ итальянскія военныя силы, имѣя противъ себя только часть австрійской арміи, вынуждены отступать подъ ея напоромъ послѣ цѣлаго года сложныхъ стратегическихъ операцій. Въ результатѣ, присоединеніе Италіи къ противогерманской коалиціи мало помогло союзникамъ и не измѣнило существенно прежняго соотношенія силъ.

Точно такъ же казалось, что Турція неспособна уже бороться съ своими могущественными противниками, что ея силы окончательно подорваны въ Малой Азіи, Месопотаміи и Персіи, — какъ

вдругъ получается извѣстіе, что генералъ Тауншендъ, командовавшій экспедиціоннымъ корпусомъ въ Месопотаміи и осажденный турками въ Кутъ-эль-Амара, сдался на капитуляцію 26 (13) апрѣля безъ всякихъ условій, съ отрядомъ въ 2970 англичанъ и около 6000 индусовъ; турецкія телеграммы увеличиваютъ число плѣнныхъ до 13.300 человѣкъ, а берлинскія сообщенія — до 18 тысячъ. Нельзя отрицать, что эта капитуляція британскаго генерала, хотя и вынужденная полнымъ истощеніемъ запасовъ продовольствія и боевыхъ снарядовъ, должна была нанести сильный ударъ авторитету и престижу Великобританіи въ пограничныхъ турецкихъ и персидскихъ областяхъ и особенно въ Индіи; тѣмъ не менѣе англичане отнеслись спокойно къ совершившемуся факту и признали его неизбѣжность послѣ неудачныхъ попытокъ придти на помощь осажденнымъ, стойко выдерживавшимъ осаду въ теченіе 143 дней.

Британскіе правители и политическіе дѣятели вообще не теряютъ самообладанія при самыхъ неожиданныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ; они не растерялись и при извѣстіи о нелѣпой вспышкѣ вооруженнаго возстанія, подготовленнаго германскими агентами въ юго-западной части Ирландіи. Въ ночь на 21 апрѣля къ ирландскому побережью пристала лодка, изъ которой вышли три человѣка; эта лодка обратила на себя вниманіе случайно проходившаго крестьянина, который замѣтилъ на днѣ ея нѣсколько ружей; онъ направился въ ближайшее село къ полицейскому сержанту и сообщилъ о странной находкѣ; сержантъ явился и при осмотрѣ мѣстности встрѣтилъ двухъ человѣкъ изъ тѣхъ трехъ, которые, по свидѣтельству крестьянина, высадились изъ лодки на берегъ; оба они были арестованы, и одинъ изъ нихъ оказался сэромъ Рожеромъ Кэзементъ, усердно занимавшимся въ послѣднее время революціонною агитаціею среди ирландцевъ. По разслѣдованіи выяснилось, что у берега появилось коммерческое судно подъ датскимъ флагомъ; въ то же время приблизилась подводная лодка, изъ которой три человѣка перешли на небольшое рыбацкое судно, доставившее ихъ на берегъ. Сторожевой британскій корабль остановилъ датскій пароходъ и повелъ его въ Кинстоунъ для осмотра груза; но въ пути задержанное торговое судно, нагруженное ружьями, внезапно подняло германскій флагъ и взорвало себя, при чемъ весь экипажъ былъ спасенъ англичанами. На слѣдующій день начались волненія въ Дублинѣ, и 24 (11) апрѣля мѣстные отряды ирландскихъ „независимыхъ“ или „синнъ-фейнеровъ“ устроили настоящее возстаніе, завладѣли нѣкоторыми общественными зданіями и укрѣпились въ нихъ; черезъ нѣсколько дней они были,

конечно, разбиты подоспѣвшими войсками; многіе погибли, другіе попали въ плѣнъ, а остальные сдались добровольно. Организація „синнъ-фейнеровъ“ существовала открыто, на глазахъ властей; она состояла преимущественно изъ молодыхъ людей, сельскихъ и городскихъ учителей, начинающихъ писателей и вообще „интеллигентовъ“, любителей ирландскаго языка и ирландской старины; они собирались въ видѣ спортсменскихъ отрядовъ, имѣли особую форму и производили публично разныя военныя упражненія; мѣстная власть относилась къ этимъ забавамъ совершенно безразлично, не придавая имъ никакого значенія, а между тѣмъ втихомолку велась дѣятельная пропаганда съ цѣлью убѣдить „синнъ-фейнеровъ“ въ необходимости вооруженнаго возстанія для пріобрѣтенія національной независимости при помощи Германіи. Къ этому смѣлому фантастическому проекту примкнули почему-то нѣкоторые серьезные люди, въ родѣ бывшаго консула, сэра Рожера Кэземента, братьевъ Пленкеттъ, дочери ирландскаго баронета Буса, состоящей въ замужествѣ за польскимъ художникомъ Маркевичемъ, и другихъ. Офиціальный вождь ирландскихъ націоналистовъ, Джонъ Редмондъ, съ негодованіемъ осудилъ безсмысленное возстаніе „синнъ-фейнеровъ“, котораго онъ никакъ не могъ предвидѣть; онъ откровенно призналъ себя въ нѣкоторой долѣ отвѣтственнымъ за свое недостаточное вниманіе къ новѣйшей эволюціи этого своеобразнаго національно-ирландскаго движенія. Статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, Биррель, обнаружившій такую же неосвѣдомленность въ данномъ случаѣ, тотчасъ же счелъ долгомъ выйти въ отставку, и вся эта загадочная исторія прошла безъ замѣтныхъ послѣдствій для Англіи. Она не помѣшала спокойному обсужденію билля объ обязательной воинской повинности, который наконецъ принятъ палатою общинъ, 4 мая, большинствомъ 328 противъ 35 голосовъ. Соглашаясь на эту крупнѣйшую реформу, противорѣчащую всѣмъ историческимъ традиціямъ Англіи, англичане показали этимъ всему міру, что они готовы на самыя чувствительныя жертвы — не только матеріальныя, но и принципіально-политическія, — для обезпеченія успѣха въ нынѣшней міровой войнѣ.

Въ области международной политики слѣдуетъ отмѣтить окончаніе безконечнаго спора между Германіею и Соединенными Штатами по поводу пріемовъ подводной войны, опасныхъ для жизни ни въ чемъ не повинныхъ гражданъ нейтральныхъ государствъ. Германское правительство передало американскому послу въ Берлинѣ, 4 мая (нов. ст.), длинную отвѣтную ноту на энергическій протестъ или ультиматумъ, вызванный потопленіемъ почтово-пасса-

жирскаго парохода „Sussex“ [1]). По существу, Германія подчинилась основнымъ требованіямъ вашингтонскаго кабинета и обязалась дать командирамъ подводныхъ лодокъ инструкцію, въ силу которой они не имѣютъ права топить торговые пароходы безъ предупрежденія и безъ предоставленія возможности спастись экипажу и пассажирамъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда пароходы окажутъ сопротивленіе или сдѣлаютъ попытку бѣгства. Германія, однако, со своей стороны, взамѣнъ этой уступки, требуетъ, чтобы правительство Соединенныхъ Штатовъ побудило Англію отказаться отъ незаконной блокады, закрывающей для нѣмцевъ доступъ къ иностранному хлѣбу; въ противномъ случаѣ, если эти переговоры не приведутъ къ желанному результату, Германія оставитъ за собою свободу дѣйствій. Вашингтонскій кабинетъ, въ своемъ краткомъ и ясномъ отвѣтѣ отъ 9 мая, категорически отклонилъ эту двусмысленную оговорку и принялъ къ свѣдѣнію положительныя обязательства германскаго правительства, безъ всякихъ ограничительныхъ условій, ибо „нельзя ни на минуту допустить, чтобы соблюденіе германскими морскими властями правъ американскихъ гражданъ на моряхъ ставилось въ какой бы то не было мѣрѣ въ зависимость отъ образа дѣйствій посторонняго правительства относительно правъ нейтральныхъ и не воюющихъ: въ этомъ пунктѣ отвѣтственность остается индивидуальною; она безусловна, а не относительна“. Повидимому, германская дипломатія не собирается возражать противъ этого вполнѣ логическаго разъясненія, и такимъ образомъ продолжительная германо-американская полемика можетъ пока считаться законченною. Дальнѣйшее зависитъ уже отъ степени добросовѣстности, съ какою германское морское вѣдомство будетъ исполнять принятыя имъ новыя правила подводной войны.

Другой вопросъ, волновавшій въ послѣднее время общественное мнѣніе, какъ у насъ, такъ и за границей, касается возникшихъ разногласій между Россіею и Швеціею по поводу укрѣпленія Аландскихъ острововъ. Обстоятельства этого спора весьма несложны. Въ день заключенія парижскаго трактата, 30 марта 1856 года, подписана была тремя державами, Англіею, Франціею и Россіею, спеціальная конвенція, которою русское правительство обязывается „не возводить на Аландскихъ островахъ никакихъ укрѣпленій и не

[1]) Въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, на стр. 277, вслѣдствіе пропуска нѣсколькихъ строкъ, получилось невѣрное свѣдѣніе, что въ числѣ погибшихъ на пароходѣ „Sussex“ былъ и американскій профессоръ Бальдуинъ съ женою и дочерью; въ дѣйствительности эти пострадавшіе остались живы и только дочь была тяжело ранена, и всѣ они были доставлены въ Булонь.

устраивать и не поддерживать тамъ никакого военнаго или морского сооруженія или заведенія". Официальнымъ мотивомъ этого договора служило желаніе „распространить на Балтійское море силу столь счастливо установившагося согласія между участвующими державами на Востокѣ и этимъ упрочить благодѣянія всеобщаго мира". Предполагалось, что укрѣпленіе Аландскихъ острововъ явилось бы угрозою относительно Швеціи и могло бы способствовать нарушенію мира въ Балтійскомъ морѣ; теперь же свирѣпствуетъ война, и державы, заключившія этотъ договоръ, сообща воюютъ противъ Германіи, которая могла бы воспользоваться беззащитными Аландскимъ островами для военныхъ приготовленій и дѣйствій противъ Россіи. Чтобы предупредить враждебный шагъ Германіи въ этомъ направленіи, было бы вполнѣ естественно подумать о соотвѣтственныхъ предохранительныхъ военныхъ мѣрахъ, которыми временно нарушенъ былъ договоръ 1856 года съ вѣдома и согласія самой Швеціи, такъ какъ интересы ея безопасности тутъ абсолютно не при чемъ. По всей вѣроятности, наша дипломатія своевременно вступила по этому предмету въ дружескіе переговоры съ шведскимъ правительствомъ, которое, конечно, не имѣло бы основанія усматривать что-либо непріязненное или подозрительное въ проектѣ, поддерживаемомъ Франціею и Англіею. Необыкновенный шумъ, поднятый нѣмецкою и германофильскою печатью по поводу предполагаемаго укрѣпленія Аландскихъ острововъ, свидѣтельствуетъ о настойчивомъ стремленіи Германіи привлечь на свою сторону Швецію или, по крайней мѣрѣ, оттолкнуть ее отъ Россіи. Можно, кажется, быть увѣреннымъ, что здравый смыслъ шведскаго народа и его правителей разстроитъ всѣ эти сомнительныя комбинаціи и положитъ конецъ опасеніямъ возможнаго будто бы конфликта съ мирною сосѣднею страною, вынужденною обороняться отъ напора германскихъ армій.

Много толковъ вызвало также двусмысленное поведеніе Румыніи, которая, послѣ долгихъ переговоровъ, заключила съ центральными имперіями соглашеніе съ Турціею и Болгаріею. Дѣло идетъ пока о вывозѣ въ Германію необходимыхъ для нея пищевыхъ продуктовъ, въ обмѣнъ на нужные румынамъ фабрикаты, а также вообще о возобновленіи правильныхъ торговыхъ сношеній съ сосѣдними странами, принадлежащими къ враждебной намъ коалиціи. При данныхъ обстоятельствахъ экономическое соглашеніе является какъ будто предвѣстникомъ политическаго сближенія, которое давно уже старательно подготовляется германскою дипломатіею. Повидимому, правящіе круги Румыніи все болѣе проникаются увѣренностью въ прочности военныхъ успѣховъ Германіи и ея со-

юзниковъ, и не послѣднюю роль въ этомъ отношеніи сыграло австрійское наступленіе на итальянскомъ фронтѣ. Нуженъ рѣшительный поворотъ въ ходѣ событій, чтобы удержать Румынію на скользкомъ пути соглашеній, противорѣчащихъ политикѣ благожелательнаго къ намъ нейтралитета.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Десятилѣтіе народнаго представительства. — Адресъ первой Думы и программа прогрессивнаго блока. — „Измѣненіе“ положеній земскаго и городового. — Совѣщаніе о введеніи земства на Кавказѣ. — „Министерство самоуправленія“. — Пятидесятилѣтіе новаго суда. — Юбилей Д. В. Стасова. — П. А. Харитоновъ, С. Ф. Платоновъ, П. В. Никитинъ и кн. Б. Б. Голицынъ †.

Не радостно было настроеніе, въ которомъ значительная часть русскаго общества встрѣтила десятилѣтнюю годовщину нашего народнаго представительства. Слишкомъ великъ контрастъ между тогдашними надеждами и позднѣйшими, до сихъ поръ длящимися разочарованіями. Но это не значитъ, что изгладилась или поблекла память о первой Думѣ. Такіе дни, какъ 27-е апрѣля 1906-го года, не проходятъ безслѣдно, каковы бы ни были ихъ ближайшіе результаты; они свѣтятъ и въ темнотѣ, они указываютъ путь среди бездорожья. И какъ ни коротокъ былъ медовый мѣсяцъ русской политической жизни, отъ него осталось цѣнное наслѣдство въ видѣ адреса первой Думы. Перечитывая его теперь, испытываешь два противоположныя чувства: горькое сознаніе недостигнутой цѣли и бодрую увѣренность, что она достижима.

Однимъ изъ основаній для такой увѣренности служитъ, въ моихъ глазахъ программа прогрессивнаго блока. Какъ! — могутъ возразить мнѣ: что общаго между рѣшительными, опредѣленными, далеко идущими требованіями майскаго адреса 1906-го года, вокругъ котораго сплотилась почти вся первая Дума — Дума, сравнительно свободно избранная на сравнительно широкой основѣ декабрьскаго избирательнаго закона, — и скромными, болѣе чѣмъ умѣренными пожеланіями большинства четвертой Думы — Думы, обязанной своимъ бытіемъ положенію третьяго іюня, административно разъясненному и административно приведенному въ дѣйствіе? Да, велика разница между содержаніемъ адреса и программы, но тѣмъ не менѣе бросается въ глаза генетическая связь между ними; велика разница между первой Думой, еще почти не знавшей разногласія, и прогрессивнымъ блокомъ, въ составъ котораго вошли недавно враждебныя другъ другу группы — но тѣмъ знаменательнѣе эволюція, создавшая для нихъ, хотя бы на время,

общее поле дѣйствій. Десятилѣтній опытъ показалъ, что многое, считавшееся несбыточнымъ, несвойственнымъ русскому духу, непримиримымъ съ русской дѣйствительностью, настоятельно требуется жизнью и укладывается въ ея рамки, хотя, быть можетъ, и не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно намѣчалось сначала. Казавшееся крайнимъ усваивается «золотой серединой». Въ адресѣ первой Думы указана была необходимость освободить Россію отъ дѣйствія усиленной и чрезвычайной охраны; программа прогрессивнаго блока говоритъ, въ сущности, то же самое, настаивая на измѣненіи пріемовъ управленія, на строгомъ проведеніи начала законности, на возвращеніи высланныхъ въ административномъ порядкѣ по дѣламъ политическаго и религіознаго характера. «Только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы», — гласитъ адресъ, — «можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы». Смягченнымъ, но достаточно яснымъ выраженіемъ той же мысли являются слова блока о «созданіи правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы». Столь же категорично, какъ и первая Дума, прогрессивный блокъ высказывается за уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями. Большаго оставляютъ желать тѣ пункты программы блока, которыя относятся къ уравненію національностей; и здѣсь, однако, замѣтенъ поворотъ въ сторону той дороги, которая намѣчена адресомъ первой Думы. И если многое въ требованіяхъ адреса могло быть приписано — съ точки зрѣнія «осторожныхъ и боязливыхъ»—увлеченію, необдуманности, незнанію народныхъ нуждъ, непониманію народныхъ взглядовъ, то ничего подобнаго о программѣ прогрессивнаго блока сказать нельзя: она представляетъ собою результатъ «ума холодныхъ наблюденій», постепенно накоплявшихся, постепенно бравшихъ верхъ надъ предразсудками и рутиной. Рѣшающая роль въ томъ переворотѣ, который отдалилъ націоналистовъ отъ націонализма, сблизилъ охранителей съ прогрессистами, напомнилъ октябристамъ о «потерянномъ документѣ», принадлежитъ, безъ сомнѣнія, уроканъ, даннымъ войною — и это заставляетъ вѣрить въ прочность происшедшей перемѣны. Слишкомъ ясенъ смыслъ совершившихся и совершающихся событій; слишкомъ краснорѣчивъ комментарій, который они даютъ къ недавнему прошлому.

Само собою разумѣется, однако, что прогрессивному блоку предстоитъ впереди еще немало испытаній. Есть вопросы, которые только поставлены имъ на очередь, безъ всякаго указанія на желательное ихъ рѣшеніе. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи. Въ адресѣ первой Думы ему было отведено нѣсколько строкъ, но въ этихъ строкахъ было сказано существенное, главное: къ *равному* участію въ мѣстномъ самоуправленіи, на началахъ *всеобщаго избирательнаго права*, Дума считала

нужнымъ привлечь *все населеніе*. Въ программѣ прогрессивнаго блока говорится только въ общихъ словахъ объ *измѣненіи* земскаго положенія 1890-го и городового положенія 1892-го года, безъ объясненія, въ чемъ должна заключаться, въ какую сторону должна быть направлена перемѣна. Между тѣмъ, надъ пересмотромъ обоихъ положеній работаютъ думскія комиссіи, работаетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, бюро прогрессивнаго блока предполагаетъ приступить къ обсужденію обѣихъ реформъ — земской и городской — въ продолженіе сессіи, открывающейся 16-го мая. Чрезвычайно важно было бы, поэтому, установить уже теперь главныя начала той и другой, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ будетъ проводить прогрессивный блокъ. Нельзя допустить и мысли, чтобы въ основаніе земской реформы былъ положенъ блокомъ проектъ земскаго избирательнаго права, составленный подкомиссіею, выдѣленною изъ среды земской комиссіи Государственной Думы [1]). Оставляя въ силѣ земельный имущественный цензъ и ограничиваясь пониженіемъ его размѣра (на половину противъ существующаго), подкомиссія проектируетъ устройство четырехъ избирательныхъ курій: въ первую входятъ владѣльцы полнаго ценза, во вторую — владѣющіе не менѣе $^1/_5$ ценза, въ третью — тѣ, владѣніе которыхъ меньше $^1/_5$ ценза, и крестьяне-общинники, въ четвертую — городскіе избиратели. Въ третьей и четвертой куріяхъ выборы должны быть двухстепенные. Распредѣленіе гласныхъ между куріями проектировано такое, которое должно лишить вторую курію вліянія на земскія дѣла: первой куріи, вмѣстѣ съ третьей, предоставляется въ большинствѣ уѣздныхъ собраній около $^2/_3$ мѣстъ ... Прежде внесенія въ общее собраніе Думы проектъ подкомиссіи долженъ пройти черезъ комиссію — и здѣсь, нужно надѣяться, онъ встрѣтитъ рѣшительный отпоръ со стороны представителей прогрессивнаго блока. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы неопредѣленно ни было выраженіе программы: *измѣненіе* земскаго положенія—рядомъ съ нимъ имѣются другія, устраняющія возможность слишкомъ узкаго его пониманія. Съ куріальной системой несовмѣстимо, прежде всего, требуемое блокомъ уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями. Не можетъ быть рѣчи объ уравненіи, если цѣлая категорія крестьянъ зачисляется въ курію, рѣзко отличающуюся отъ другихъ и способомъ голосованія, и относительнымъ значеніемъ среди избирателей. Прогрессивный блокъ стоитъ за «политику, направленную къ сохраненію внутренняго мира и устраненію розни между классами» — а такой политикѣ явно противорѣчитъ искусственное преобладаніе небольшого меньшинства надъ громадной массой населенія. Въ составъ этой массы, при дѣйствіи системы, проектируемой подкомиссіею, вошли бы и мелкіе землевладѣльцы, не включенные во вторую курію — а преобладающимъ элементомъ между ними во многихъ

[1]) См. передовую статью въ № 102 „Русскихъ Вѣдомостей“.

случаяхъ также оказались бы крестьяне, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается все бо́льшее и большее число сравнительно небольшихъ земельныхъ участковъ. И въ какой моментъ совершилось бы это явное нарушеніе равновѣсія между произвольно обособленными группами земскихъ плательщиковъ? Въ моментъ окончанія великой войны, тяжесть которой вынесъ на себѣ весь народъ, въ моментъ возвращенія къ роднымъ домамъ и полямъ милліоновъ солдатъ, которыхъ многому научили испытанія военнаго времени. Менѣе чѣмъ когда-либо цѣлесообразна была бы, при такихъ условіяхъ, перестройка земскихъ учрежденій, обостряющая классовую рознь, подчеркивающая — и тѣмъ самымъ усиливающая — противоположность взглядовъ и интересовъ... Въ программѣ прогрессивнаго блока, какъ и въ программѣ министерства, стоитъ, рядомъ съ измѣненіемъ земскаго положенія, введеніе волостного земства. Это — новый и сильный доводъ противъ куріальной системы. Отъ сохраненія или усложненія ея въ уѣздномъ земствѣ только одинъ шагъ до установленія ея въ мелкой земской единицѣ — а здѣсь она еще болѣе опасна, чѣмъ въ уѣздномъ земствѣ. На небольшомъ пространствѣ волости всякое преимущество немногихъ передъ многими будетъ бить въ глаза съ особенною силой; столкновенія лицомъ къ лицу, на узкой почвѣ, слишкомъ легко могутъ принять острый характеръ. Съ другой стороны, опытъ, пріобрѣтенный въ волости, будетъ использованъ въ уѣздѣ; мелкая земская единица послужитъ школой для массы избирателей — и еще меньше, чѣмъ теперь, можно будетъ оправдывать существованіе курій превосходствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ надъ мелкими въ сферѣ знанія и пониманія земскаго дѣла.

Итакъ, основы, на которыхъ построенъ прогрессивный блокъ, исключаютъ, думается мнѣ, возможность поддержки такой «якобы реформы», какою является проектируемое подкомиссіею куріальное земство. Нельзя, однако, отрицать наличность въ средѣ блока стремленій, неблагопріятныхъ для коренного преобразованія земскаго избирательнаго права. Численный перевѣсъ въ средѣ нѣкоторыхъ фракцій, вошедшихъ въ составъ блока, безспорно принадлежитъ землевладѣльцамъ, не освободившимся еще отъ вліянія «помѣщичьихъ» традицій. Возвысятся ли они до рѣшимости вступить на новую дорогу? Увѣреннымъ въ этомъ быть нельзя, но для надежды все же есть нѣкоторое основаніе. Что привело къ основанію прогрессивнаго блока, то должно способствовать его сохраненію — а сохраненіе его невозможно безъ новыхъ шаговъ на однажды избранномъ пути. Что заставило недавнихъ «націоналистовъ» осудить политику розни между націоналистами, недавнихъ союзниковъ самодовлѣющей власти — провозгласить необходимость общественнаго довѣрія къ правительству, то должно повлечь за собою отказъ отъ узко-тенденціознаго строительства мѣстной жизни. Въ настоящую минуту крушеніе прогрессивнаго блока означало бы собою крупный шагъ назадъ къ полному безсилію народнаго представитель-

ства—безсилію не только матеріальному, но и нравственному. Уменьшились бы шансы мирнаго разрѣшенія задачъ, которыя должны стать на очередь по окончаніи войны; уменьшились бы шансы нормальнаго теченія предвыборной агитаціи, нормальнаго производства самыхъ выборовъ въ новую Государственную Думу. Едва ли пойдутъ на это устроители союза, въ самомъ образованіи котораго лежитъ лучшее доказательство его настоятельной необходимости. Забыть глубокія разногласія, еще недавно казавшіяся непримиримыми, значило сознать опасность, которою грозило бы ихъ продолженіе. За время существованія блока эта опасность скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась.

Коренное измѣненіе земскаго положенія представляется особенно важнымъ, между прочимъ, и потому, что на очереди стоитъ введеніе земскихъ учрежденій на окраинахъ государства. Болѣе чѣмъ сомнительной была бы цѣнность этого дара, если бы онъ былъ облеченъ въ старую или только слегка, больше повидимому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ подновленную форму. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что происходитъ теперь на Кавказѣ. Вопросъ о введеніи земства въ Кавказскомъ краѣ возникалъ уже нѣсколько разъ. Въ 1909-мъ году онъ обсуждался совѣщаніемъ, къ участію въ которомъ были привлечены, между прочимъ, представители крестьянства. Ни къ какимъ результатамъ это совѣщаніе не привело. Теперь совѣщаніе по данному вопросу созвано вновь, но въ другомъ составѣ [1]). Крестьянъ въ немъ нѣтъ вовсе; кромѣ должностныхъ лицъ, приглашены представители дворянства, губернскихъ городовъ, биржъ, сельско-хозяйственныхъ и просвѣтительныхъ обществъ; въ числѣ 140 членовъ есть *одинъ* представитель закавказскихъ кооперативовъ. Большинство совѣщанія (преимущественно — землевладѣльцы) стоитъ за примѣненіе къ Кавказу, безъ всякихъ измѣненій, земскаго положенія 1890-го года, съ пріуроченіемъ его къ нынѣ существующему дѣленію края на губерніи и уѣзды. Между тѣмъ, это дѣленіе совершенно случайно и вовсе не соотвѣтствуетъ ни національному составу населенія, ни мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Въ Елизаветпольской губерніи, напримѣръ, рѣзко различны между собою полосы нагорная, гдѣ преобладаютъ армяне, и полоса низменная, гдѣ преобладаютъ татары. Велики различія и внутри уѣздовъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ губерніяхъ агрономическое дѣло ведется не по уѣздамъ, а по особо организованнымъ участкамъ. Нѣчто подобное этому дѣленію меньшинство совѣщанія предлагало внести въ земское устройство края, но большинство стояло на своемъ, находя, очевидно, что именно сословное земство, созданное положеніемъ 1890-го года, всего лучше обезпечитъ интересы закавказскаго дворянства. Въ составѣ этого дворянства много грузинъ и татаръ, очень мало армянъ; тор-

[1]) См. № 104 „Русскихъ Вѣдомостей“ („Земскія совѣщанія на Кавказѣ“) и № 121 „Рѣчи“ (передовая статья).

жество большинства будетъ торжествомъ «грузино-татарскаго блока» надъ армянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ — крупныхъ землевладѣльцевъ надъ крестьянами. Предвидя, по всей вѣроятности, возможность отпора со стороны Государственной Думы, большинство совѣщанія настаивало на томъ, чтобы поддерживаемый имъ законопроектъ былъ осуществленъ въ порядкѣ ст. 87 зак. основн. Нужно надѣяться, что успѣху этого домогательства помѣшаетъ предстоящее открытіе законодательной сессіи.

Все сказанное до сихъ поръ объ «измѣненіи» земскаго положенія примѣнимо вполнѣ и къ «измѣненію» городового положенія 1892-го года. Это «измѣненіе», предусмотрѣнное программой прогрессивнаго блока, также будетъ поставлено имъ на очередь во время предстоящей сессіи Государственно Думы. И здѣсь, очевидно, рѣчь должна идти не о какихъ-нибудь мелкихъ починкахъ и поправкахъ, а о коренномъ пересмотрѣ закона, несостоятельность котораго обнаружена такъ ярко двадцатилѣтнимъ опытомъ. Перемѣной къ лучшему могло показаться, въ свое время, положеніе 1903-го года о городскомъ общественномъ управленіи Петербурга, распространившее избирательное право на нѣкоторую часть квартиронанимателей; но кто же сомнѣвается теперь въ полномъ крушеніи этой полумѣры, оказавшейся скорѣе шагомъ назадъ, чѣмъ впередъ? Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе поучительное, чѣмъ результатъ послѣднихъ городскихъ выборовъ въ Петроградѣ? Вышедшая изъ нихъ городская дума поспѣшила обнаружить свои настоящія свойства: она проявила свою заботу о населеніи — походомъ противъ биржи труда и увеличеніемъ числа доступныхъ для тласныхъ платныхъ должностей (только случайно не достигшимъ намѣченныхъ колоссальныхъ размѣровъ). Свою «дѣловитость» они доказали избраніемъ въ городскіе головы наименѣе дѣловитаго изъ всѣхъ, когда-либо занимавшихъ этотъ постъ. Кому пришлось засѣдать въ городской думѣ въ началѣ девятисотыхъ годовъ, тѣ, конечно, помнятъ, въ чемъ выражалась дѣятельность П. И. Лелянова — или, лучше сказать, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходило его бездѣйствіе, его безучастіе къ городскому дѣлу. — Вотъ что замѣчательно: когда г. Леляновъ, къ кандидатурѣ котораго отрицательно отнеслась вся петроградская печать, не рѣшался объявить, что согласенъ баллотироваться, его колебаніямъ положили конецъ увѣщанія товарища министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Бобринскаго, и самого предсѣдателя совѣта министровъ. Особенно характернымъ этотъ фактъ становится при сравненіи его съ недавнимъ отказомъ въ утвержденіи кн. Львова московскимъ городскимъ головою, съ затрудненіями, которыя долго встрѣчало утвержденіе предшественника г. Лелянова, гр. И. И. Толстого. Ненормально положеніе дѣлъ, при которомъ возможно такое отношеніе власти къ мѣстному самоуправленію. Интересамъ государства сосредоточеніе городскихъ дѣлъ въ рукахъ мало способныхъ или мало энергичныхъ никогда соотвѣтствовать не можетъ: оно можетъ быть удобно только

для отдѣльныхъ лицъ, освобождая ихъ отъ докучныхъ коллизій, отъ непріятныхъ треній и обезпечивая за ними наибольшую сумму вліянія при наименьшей суммѣ усилій. Судя по слухамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ готово отказаться, при пересмотрѣ положеній земскаго и городового, отъ принадлежащаго ему теперь дискреціоннаго права утвержденія или неутвержденія выбранныхъ земскими собраніями и городскими думами должностныхъ лицъ. Эпизодъ съ избраніемъ г. Лелянова показалъ, что этого мало: необходимо такое преобразованіе избирательнаго права, которое, измѣнивъ составъ собраній, сдѣлало бы невозможными или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятными избранія въ родѣ только что состоявшагося въ Петроградѣ. Мало пользы принесетъ отказъ власти отъ права veto, если рекомендаціей въ глазахъ избирателей будетъ служить безцвѣтность и безвольность избираемаго.

Вѣроятная близость реформъ городской и земской возбуждаетъ усиленное вниманіе къ вопросамъ, связаннымъ съ судьбами нашего мѣстнаго самоуправленія. На-дняхъ членъ Госуд. Думы Н. Н. Львовъ выступилъ съ докладомъ объ организаціи надзора надъ земскими и городскими учрежденіями. Онъ считаетъ желательнымъ учредить, съ этою цѣлью особое министерство самоуправленія, разсчитывая освободить, такимъ образомъ, города и земства изъ-подъ власти вѣдомства, на все смотрящаго съ полицейской точки зрѣнія. Мысль Н. Н. Львова, судя по краткому газетному сообщенію, не встрѣтила сочувствія среди его слушателей — членовъ Думы, земцевъ, публицистовъ. Они нашли, что вопросу о надзорѣ Н. Н. Львовъ придаетъ слишкомъ большое значеніе и что проектируемое имъ министерство мало чѣмъ будетъ отличаться отъ существующихъ бюрократическихъ вѣдомствъ. Это послѣднее мнѣніе кажется мнѣ совершенно правильнымъ. Меньше всего перемѣны къ лучшему могутъ быть достигнуты созданіемъ новыхъ правительственныхъ органовъ, которыхъ у насъ и теперь скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Что выиграли, напримѣръ наша торговля, наша промышленность отъ передачи ихъ въ вѣдѣніе особаго министерства? Со времени его учрежденія прошло болѣе десяти лѣтъ — а въ чемъ же выразились результаты его дѣятельности? Оказалось ли оно на высотѣ положенія хотя бы въ такую минуту, какая теперь переживается Россіей? Не больше ли сдѣлалъ для торгово-промышленнаго міра С. Ю. Витте, въ послѣдніе годы своего управленія министерствомъ финансовъ, чѣмъ всѣ стоявшіе, начиная съ 1905-го года, во главѣ вновь созданнаго министерства? Степень и характеръ заботы о данной отрасли управленія зависитъ не отъ ея спеціализаціи, а отъ общаго теченія государственныхъ дѣлъ, отъ общаго духа правительственной политики и, затѣмъ, отъ личныхъ качествъ министра. Если министерство внутреннихъ дѣлъ смотрѣло и смотритъ на мѣстное самоуправленіе съ полицейской точки зрѣнія, то это объясняется не тѣмъ, что въ составъ министерства входитъ департаментъ полиціи, а тѣмъ,

что своеобразная охрана своеобразно понимаемаго порядка въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій давала тонъ всей дѣятельности правительства, все собою обусловливала и всюду проникала. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что до 1880-го года *политическую* полицію вѣдало не министерство внутреннихъ дѣлъ, а третье отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи; между тѣмъ, развѣ въ образѣ дѣйствій П. А. Валуева и А. Е. Тимашева по отношенію къ земству полицейская точка зрѣнія чувствовалась меньше, чѣмъ въ образѣ дѣйствій гр. Д. А. Толстого и И. Н. Дурново? Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго вѣка земство, подъ вліяніемъ мысли о несовмѣстимости его съ абсолютизмомъ, стало испытывать на себѣ усиленный гнетъ власти; но развѣ этотъ гнетъ былъ бы меньше, если бы орудіемъ его было особое вѣдомство, отдѣленное отъ министерства внутреннихъ дѣлъ? Скажу больше: министерство самоуправленія, все вниманіе котораго было бы сосредоточено на земствахъ и городахъ, могло бы довести свой «надзоръ» до такой виртуозности, до которой трудно было бы дойти министерству внутреннихъ дѣлъ, обремененному массою другихъ занятій. Нѣтъ, наконецъ, никакой надобности возлагать надзоръ, ограничиваемый одною законностью (а не цѣлесообразностью) земскихъ и городскихъ постановленій, на административное вѣдомство, общее или спеціальное; гораздо правильнѣе поручить его суду или учрежденію судебнаго типа, какъ это и проектируется одною изъ думскихъ комиссій.

Прогрессивный блокъ намѣренъ, повидимому, принять мѣры противъ повторенія ошибки, допущенной имъ при разсмотрѣніи запроса объ антиеврейскихъ циркулярахъ [1]). Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій бюро блока рѣшено, по предложенію В. А. Маклакова, разсмотрѣть всѣ вопросы, касающіеся ограниченія правъ инородцевъ и, въ частности, евреевъ, съ цѣлью выясненія, какія изъ нихъ могли бы быть предложены къ отмѣнѣ въ ближайшее время. Многаго ли удастся достигнуть, въ этой области путемъ соглашенія между фракціями, входящими въ составъ блока — предвидѣть трудно; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ пожелать, чтобы сдвинулась съ мертвой точки одна изъ главнѣйшихъ преградъ, лежащихъ на пути къ лучшему будущему. Въ правительственныхъ сферахъ господствуетъ, повидимому, противоположное настроеніе: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пріостановлена разработка матеріаловъ по еврейскому вопросу, предпринятая по распоряженію А. Н. Хвостова. При такомъ положеніи дѣла иниціатива Государственной Думы должна быть признана особенно своевременной и цѣлесообразной.

* * *

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось полвѣка со времени открытія, въ столичныхъ округахъ, новыхъ судебныхъ установленій. Немного оста-

[1]) См. статью: „На темы дня" въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы".

лось между нами свидѣтелей, еще меньше — дѣятелей этого времени. Среди послѣднихъ не всѣ продолжаютъ работать на избранномъ когда-то поприщѣ. Куда бы, однако, ни занесла ихъ судьба, одинаково незабвенны для нихъ дни ихъ молодости, совпавшіе съ рожденіемъ новаго суда. Весною 1866-го года настроеніе русскаго общества было далеко не такимъ радостнымъ и свѣтлымъ, какъ на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ; въ ближайшемъ прошломъ было уже немало разбитыхъ надеждъ, неисполнившихся ожиданій; въ настоящемъ, особенно послѣ 4-го апрѣля, были серьезные поводы къ тревоги. И все-таки въ введеніи новаго суда невольно видѣлось нѣчто бо́льшее, чѣмъ огражденіе частныхъ гражданскихъ правъ, очень цѣнное само по себѣ, но недостаточное для улучшенія общихъ условій народной жизни. Введеніе суда присяжныхъ и мирового суда казалось первымъ шагомъ къ уничтоженію сословныхъ перегородокъ, судебное преслѣдованіе проступковъ печати — преддверіемъ свободы слова, примѣненіе обвинительнаго порядка къ политическимъ процессамъ — началомъ конца полицейской расправы, созданіе самоуправляющейся адвокатуры — отказомъ отъ во все вмѣшивающейся, всюду проникающей регламентаціи. На первыхъ порахъ дѣйствительность не расходилась съ этими предположеніями. Довѣріе къ мировому суду росло не по днямъ, а по часамъ, не только въ виду доступности и быстроты судопроизводства, но и въ виду одинаковаго отношенія судей ко всѣмъ тяжущимся и подсудимымъ; процессы печати слѣдовали одинъ за другимъ и не всегда оканчивались обвиненіемъ; въ верховномъ судѣ, хотя и засѣдавшемъ при закрытыхъ дверяхъ, защита пользовалась полной свободой и могла добиться оправданія одного изъ главныхъ подсудимыхъ; ничто не мѣшало совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ положить прочный фундаментъ для корпоративной жизни. Скоро, очень скоро началась пора разочарованій. Они были неизбѣжны, разъ что не измѣнились основы государственнаго строя. Отвѣтственность передъ судомъ не устранила отвѣтственности передъ полиціей; уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прекратились процессы печати, для обузданія которой были пущены въ ходъ другія, отчасти старыя, отчасти новыя средства; нѣсколько позже наступилъ долгій перерывъ политическихъ процессовъ, отнюдь не означавшій перемѣну къ лучшему въ судьбѣ политическихъ преступниковъ; исчезли почти повсемѣстно мировые судьи, преемники которыхъ опять внесли въ судебную сферу — на ступеняхъ, наиболѣе близкихъ къ народу, переставшую, въ сущности, быть судебною, — духъ сословности, несовмѣстимый съ принципомъ равенства передъ закономъ. Прошло еще нѣсколько времени, возобновились процессы печати, возобновились и политическіе процессы; но воскресла ли обстановка, при которой проходили тѣ и другіе на разсвѣтѣ судебной реформы? На этотъ вопросъ приходится, съ глубокою скорбью, дать отрицательный отвѣтъ. Измѣнились судебные нравы — и нѣтъ еще налицо условій, при которыхъ можно было бы ожи-

дать возвращенія къ лучшимъ завѣтамъ первыхъ временъ судебной реформы. Тускло, безъ подъема, прошли, поэтому, оффиціальныя поминки 17-го и 23-го апрѣля.

Инымъ, болѣе приподнятымъ было въ эти дни настроеніе присяжной адвокатуры. И въ ея прошедшемъ, конечно, можно найти темныя страницы, и въ ея настоящемъ не все обстоитъ благополучно; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, есть точки опоры для вѣры въ будущее. Черезъ полувѣковыя испытанія, иногда весьма тяжелыя, адвокатура пронесла неприкосновеннымъ свое корпоративное устройство, свое самоуправленіе; пополняя пробѣлы и недомолвки закона, она организовала сама себя, создала, можно сказать изъ ничего, стройный институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, выработала кодексъ адвокатской этики, доказала наглядно, что товарищескій судъ можетъ быть свободенъ отъ товарищеской снисходительности. Въ дѣлахъ политическихъ она сумѣла охранить свою самостоятельность, осуществить свободу рѣчи; защищая подсудимыхъ, она не отступала, когда было нужно, передъ защитой основныхъ началъ справедливости и права. Какою она была, въ этомъ отношеніи, въ семидесятыхъ годахъ, такою она осталась до настоящаго времени. Эта черта была ярко освѣщена въ рѣчи присяжнаго повѣреннаго О. О. Грузенберга, произнесенной въ адвокатскомъ собраніи 17-го апрѣля.

Для петроградской адвокатуры юбилей сословія совпалъ съ юбилеемъ старѣйшаго его представителя, Дмитрія Васильевича Стасова — и это придало празднеству особый характеръ задушевности. Д. В. Стасовъ — живая исторія русской адвокатуры и воплощеніе лучшихъ ея сторонъ. Когда самостоятельность, проявленная имъ въ одну изъ трудныхъ минутъ русской общественной жизни, положила конецъ его государственной службѣ, онъ показалъ своимъ примѣромъ, что работать на пользу правосудія, даже при самыхъ трудныхъ условіяхъ, можно и на пути такъ называемаго хожденія по дѣламъ. Почетная извѣстность, въ короткое время пріобрѣтенная имъ на этомъ пути, доставила ему первое мѣсто въ первой, по времени, правильно организованной адвокатской корпораціи: вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты. Съ тѣхъ поръ, неизмѣнно вѣрный своему призванію, онъ оставался въ первыхъ рядахъ адвокатуры, отдавая много времени и труда сословнымъ дѣламъ, почти безпрерывно засѣдая въ совѣтѣ, то въ качествѣ члена, то въ качествѣ товарища предсѣдателя или предсѣдателя. Только недавно, въ концѣ девятаго десятилѣтія своей жизни, онъ рѣшился воспользоваться давно заслуженнымъ покоемъ. Кому знакомы приливы и отливы общественнаго мнѣнія, особенно чувствительные въ средѣ самоуправляющейся корпораціи, для того понятно значеніе устойчивой популярности, въ основѣ которой, вмѣстѣ съ любовью, лежитъ и глу-

бокое уваженіе. Имя Стасова чтится не одними ближайшими свидѣтелями его дѣятельности: оно дорого всей русской адвокатурѣ, и не случайно въ чествованіи его приняли участіе представители всѣхъ открытыхъ въ Россіи совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Оно отразило въ себѣ нравственную солидарность присяжной адвокатуры, единство вдохновляющаго ее идеала.

Ту центральную роль, которую занялъ Д. В. Стасовъ въ исторіи адвокатуры, лица, издавна ему близкія, могли предвидѣть уже тогда, когда свободная судебная защита рисовалась только въ неопредѣленныхъ мечтахъ, когда стояла еще неприкосновенной «твердыня сплошного зла», воплощенная въ старомъ судѣ. Д. В. умѣлъ объединять вокругъ себя родственныхъ ему по духу людей и, какъ старшій годами, естественно становился ихъ вождемъ. По его иниціативѣ былъ открытъ первый, по времени, юридическій кружокъ, цѣлью котораго было приготовленіе къ дѣятельности въ обновленномъ судѣ, способами достиженія цѣли — изученіе очередныхъ законопроектовъ и обсужденіе спорныхъ вопросовъ процесса и права. Образованный осенью 1859-го года, за три года до обнародованія основныхъ положеній судебной реформы, въ составѣ всего пяти членовъ, этотъ кружокъ существовалъ около десяти лѣтъ. Съ особенною энергіею онъ работалъ въ то время, когда еще не были введены въ дѣйствіе судебные уставы; позднѣе новыя условія вызвали къ жизни новыя, болѣе широкія учрежденія. Юридическіе кружки, выполнивъ свою роль, уступили мѣсто юридическимъ обществамъ. Членами кружка, за которымъ должно остаться названіе стасовскаго, перебывали, между прочимъ (называю только умершихъ, въ порядкѣ вступленія ихъ въ составъ кружка), А. А. Кониримъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ цивилистовъ, дѣятельнѣйшій членъ, въ концѣ жизни предсѣдатель комиссіи, составившей проектъ гражданскаго уложенія; А. А. Квачевскій, много писавшій о предварительномъ слѣдствіи и о судѣ присяжныхъ; Д. Д. Дашковъ, оставившій глубокій слѣдъ въ рязанскомъ земствѣ; А. А. Сабуровъ и Д. Г. фонъ-Дервизъ, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущей книжкѣ нашего журнала; И. И. Шамшинъ, одинъ изъ первыхъ предсѣдателей петербургскаго окружнаго суда, одинъ изъ сенаторовъ-ревизоровъ Лорисъ-Меликовской эпохи; П. А. Марковъ, съ достоинствомъ занимавшій постъ первоприсутствующаго въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ сената; Я. М. Серебряный, за которымъ, несмотря на позднѣйшія ошибки, остается честь произнесенія, въ верховномъ судѣ 1866-го года, защитительной рѣчи, увѣнчавшейся оправданіемъ доктора Кобылина; В. П. Гаевскій, сыгравшій одинаково замѣтную роль и въ литературѣ, и въ адвокатурѣ; наконецъ, В. Д. Спасовичъ, перенесшій традиціи стараго кружка въ новый, существовавшій до самаго открытія юридическаго общества при петербургскомъ университетѣ. Связующимъ звеномъ кружка, до лѣта 1866-го года, оставался Д. В. Стасовъ, и

многіе изъ членовъ кружка вошли, вслѣдъ за нимъ, въ составъ петербургской адвокатуры. Дѣло, начатое имъ въ небольшихъ размѣрахъ, послужило какъ бы введеніемъ къ тому широкому и славному труду, которымъ была вся его позднѣйшая дѣятельность.

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу видные представители правительственнаго и научнаго міра. За А. А. Сабуровымъ и Д. Г. фонъ-Дервизомъ послѣдовали П. А. Харитоновъ и С. Ѳ. Платоновъ, за М. М. Ковалевскимъ — кн. Б. Б. Голицынъ и П. В. Никитинъ. П. А. Харитоновъ, вступивъ въ 1907 г. въ кабинетъ П. А. Столыпина, оставался государственнымъ контролеромъ и при гр. Коковцовѣ, и при И. Л. Горемыкинѣ, пока обострившіяся осенью прошлаго года, разногласія въ средѣ министерства не заставили его удалиться отъ власти. Ему приписывали тогда склонность къ соглашенію съ прогрессивнымъ блокомъ, приписываютъ теперь, въ одномъ изъ некрологовъ, сознаніе ненормальности положенія, которое занимаетъ у насъ государственный контролеръ, какъ членъ совѣта министровъ. Едва ли, однако, можно провести рѣзкую демаркаціонную черту между нимъ и бывшими товарищами его по министерству. Восьмилѣтнее пребываніе его въ составѣ кабинета дѣлало его солидарнымъ съ политикой, далекой отъ уступокъ общественному мнѣнію. Для оцѣнки дѣятельности его, какъ главы вѣдомства, важно не столько то, что онъ думалъ о роли и назначеніи государственнаго контролера, сколько отсутствіе существенной разницы между образомъ дѣйствій его и его предшественниковъ.

Въ памяти тѣхъ, кто въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ стоялъ близко къ новому суду и къ юридической литературѣ, С. Ѳ. Платоновъ рисуется какъ энергичный, талантливый работникъ въ области новаго суда. Заключенія по гражданскимъ дѣламъ, которыя онъ давалъ, въ спб. окружномъ судѣ въ качествѣ товарища прокурора, отличались тѣми же достоинствами, какъ и заключенія его предшественниковъ — И. Я. Голубева, А. А. Герке, А. Л. Боровиковскаго. Его статьи въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права» всегда представляли много интереснаго. Какъ товарищъ оберъ-прокурора гражд. кассац. департамента, онъ, принадлежалъ къ числу юристовъ школы А. А. Книрима, чуждыхъ формализма и буквоѣдства. Какъ одинъ изъ старшихъ чиновниковъ при сенаторѣ Шамшинѣ, ревизировавшемъ въ 1880—81 гг. губерніи, Саратовскую и Самарскую, онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ правовое положеніе крестьянъ, склоняясь къ охраненію крестьянскаго самоуправленія, не потому, чтобы оно было идеально лучшимъ, а потому, что онъ считалъ опасной перемѣну, идущую не изъ среды самого крестьянства. О роли С. Ѳ. Платонова въ до-конституціонномъ Госуд. Совѣтѣ судить трудно: слиш-

комъ мало для того, пока, общедоступныхъ и достовѣрныхъ данныхъ. Какъ предсѣдатель учрежденнаго въ 1903 г. особаго присутствія по городскимъ дѣламъ Петербурга, онъ, по общему отзыву, не былъ склоненъ къ злоупотребленію своими полномочіями. Когда Госуд. Совѣтъ обратился въ верхнюю палату, С. Ѳ. примкнулъ къ центру, но не игралъ въ немъ замѣтной роли. По словамъ одного изъ некрологовъ, онъ сочувствовалъ программѣ прогрессивнаго блока. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: смерть П. А. Харитонова (также принадлежавшаго къ центру) и С. Ѳ. Платонова, грозитъ новымъ усиленіемъ крайнихъ правыхъ, ряды которыхъ пополняются, въ послѣднее время, всѣми вновь назначаемыми членами Госуд. Совѣта.

По роду своей спеціальности ни князь Б. Б. Голицынъ, замѣчательный физикъ, ни П. В. Никитинъ, не менѣе замѣчательный филологъ, не могли пользоваться широкою популярностью, но въ кругахъ, имъ близкихъ, они оставили самую хорошую память. Особенно ярко это выразилось въ статьяхъ, посвященныхъ П. В. Никитину. Кн. Голицынъ никогда не былъ профессоромъ, не приходилъ въ непосредственное общеніе съ молодежью, чуткою и къ выдающимся научнымъ заслугамъ, и къ высокимъ душевнымъ качествамъ, долго сохраняющею благодарную о нихъ память. На долю П. В. Никитина выпало послѣ смерти то, что не было ему дано при жизни: восторженная его оцѣнка, какъ человѣка и какъ ученаго. Эта оцѣнка принадлежитъ двумъ его ученикамъ, съ честью идущимъ по его дорогѣ — профессорамъ Ѳ. Ф. Зѣлинскому и М. И. Ростовцеву. Нужно прочесть ихъ статьи [1]), чтобы понять, какую потерю понесла въ лицѣ П. В. Никитина наука, какъ многаго, еще раньше, лишился университетъ, на пользу котораго онъ работалъ, какъ профессоръ, какъ деканъ, какъ ректоръ, въ годы, особенно тяжелые для высшей школы. Если послѣдніе годы жизни П. В. Никитина прошли въ спокойной гавани академіи наукъ, то сколько бурь ему пришлось перенести на постахъ, гдѣ такъ легко было усугублять бѣду и такъ трудно — предохранять отъ ея послѣдствій!

К. Арсеньевъ.

---

[1]) Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, № 15547 и въ „Рѣчи“, № 124.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СУРИКОВЪ.

(† 6 МАРТА 1916 г.)

Въ сѣрый зимній день, среди чисто-русскаго „нестеровскаго“ пейзажа изъ напряженно вытянувшихся чуткихъ осинокъ и чахлыхъ елей опустили москвичи въ могилу тѣло академика живописи, Василія Ивановича Сурикова. И въ наступившую острую минуту тишины прогудѣлъ гдѣ-то въ выси незримый за паутиною вѣтвей аэропланъ, слабо донеслись звуки военнаго оркестра, провожавшаго на вокзалъ маршевую роту. У могилы художника, такъ любившаго народную толпу, съ такимъ несравненнымъ мастерствомъ возсоздававшаго ее на своихъ холстахъ, собралась небольшая кучка молодежи да два-три сотоварища по оружію. Похороны Сурикова были такъ же скромны, какъ и вся его замкнутая жизнь, протекшая внѣ общественнаго вниманія, безъ всякихъ выступленій и напоминаній о себѣ, среди походной обстановки меблированныхъ комнатъ, въ замкнутости постояннаго углубленія въ самого себя и въ любимую имъ русскую исторію.

Во всемъ внѣшнемъ обликѣ Сурикова было что-то суровое, затаенное, даже загадочное. Почти никогда не говорилъ онъ о себѣ, о своей жизни, не высказывался и по поводу глубоко волновавшихъ его текущихъ событій. Почти никому не показывалъ своей мастерской, своихъ неоконченныхъ работъ и въ московскихъ художественныхъ кружкахъ ходилъ даже анекдотъ о какомъ-то любопытномъ, взобравшемся по водосточной трубѣ, чтобы заглянуть въ окно суриковской студіи. Постоянно работалъ и очень скупо говорилъ о своихъ замыслахъ. Рѣдко-рѣдко появлялся въ большомъ обществѣ и держался молчаливо, но иной разъ охотно и весело говорилъ и смѣялся въ интимномъ кругу, среди людей, которыхъ любилъ, которые ему нравились. Никого не училъ и не хотѣлъ учить живописи, но самъ учился всю жизнь, до гробовой доски. Художникъ-прозорливецъ, вьявь видѣвшій нашу древнюю Русь, чувствовавшій

и знавшій ее съ такою силой и правдой, какъ могутъ знать и чувствовать одни современники и очевидцы, онъ самыя послѣднія мелочи своихъ картинъ бралъ изъ жизни.

„Подвигъ — вся жизнь Сурикова“, мѣтко сказалъ Н. К. Рерихъ, однимъ словомъ характеризуя творческіе пути великаго мастера. Жизнью средневѣковыхъ живописцевъ-монаховъ жилъ Суриковъ, въ постоянномъ уединеніи, непрерывномъ трудѣ, неустанномъ раздумьѣ о своемъ искусствѣ. И какъ кельи его отдаленныхъ средневѣковыхъ предтечъ внезапно озарялись небеснымъ сіяніемъ неземныхъ видѣній, такъ и суриковскую трудовую келью посѣщали видѣнія нашего прошлаго. Не въ отвлеченномъ, не въ переносномъ смыслѣ слова видѣлъ, долженъ былъ видѣть Суриковъ свои картины, а въ самомъ обыденномъ и прямомъ значеніи этого слова. Потому что, только воочію увидѣвъ, можно запечатлѣть видѣнное съ такою сокрушительною, разрушающею всяческое сомнѣніе правдой, какою пронизано все суриковское творчество.

Къ сожалѣнію, жизнь Сурикова во многомъ остается загадкою. Для его біографіи почти нѣтъ матеріаловъ, кромѣ сухихъ записей академическаго формуляра художника. Когда пишущій эти строки адумалъ посвятить Сурикову небольшую монографію (увы, и понынѣ единственную), то ему ничего не оставалось, какъ обратиться за біографическими данными, пользуясь давнимъ знакомствомъ, къ самому художнику. Суриковъ писалъ письма чрезвычайно неохотно, и наша переписка быстро прервалась. Но все же кое-что изъ своей жизни онъ нашелъ возможнымъ сообщить.

„Очень радъ былъ получить ваше письмо, которое напомнило мнѣ о прошломъ, — пишетъ Суриковъ въ первомъ своемъ письмѣ отъ 21-го декабря 1909 года. — Относительно вашего желанія, чтобы я далъ вамъ какія-нибудь свѣдѣнія о моей жизни — она была очень сложна, и говорить о ней долго будетъ, да я и не люблю о себѣ говорить. Но все-таки я дамъ вамъ нѣкоторыя указанія.

„Я родился въ г. Красноярскѣ въ 1848 году. Учился въ гимназіи и въ 1870 году поступилъ въ Академію, гдѣ кончилъ научное и художественное образованіе.

„Родъ мой казачій, очень древній. Уже въ концѣ XVII столѣтія упоминается наше имя (исторія красноярскаго бунта въ 1693 году) и до средины XIX столѣтія были простые казаки, а съ 30 годовъ прошлаго столѣтія былъ одинъ атаманъ и многіе сотники и есаулы.

„Въ 1879 году я пріѣхалъ въ Москву и сталъ работать надъ исторического живописью. Идеалы историческихъ типовъ воспитала во мнѣ Сибирь съ дѣтства, она же дала мнѣ духъ, и силу, и здоровье.

„Картины мои вы, навѣрно, всѣ знаете и гдѣ онѣ помѣщены. „Разинъ“ [1]) мною еще не оконченъ и потому фотографіи съ него я не снимаю.

„У частныхъ лицъ имѣются только мои этюды для картинъ.

„Портретъ, который вы у меня просили для изданія, я посылаю вамъ самый удачный, и его, если понадобится, вы и помѣстите. Другого я не желалъ бы. Онъ послѣдній снимокъ съ меня К. А. Фишера. Рѣпинскій портретъ съ меня [2]) слишкомъ молодъ и въ немъ моего духа нѣтъ. Ну, будьте здоровы.

Вашъ В. Суриковъ“.

Теперь, послѣ ряда статей о Суриковѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, эти скудныя данныя можно нѣсколько пополнить, но въ 1909 году ихъ оказалось слишкомъ мало. Пришлось просить дополненій по поводу картины „Стенька Разинъ“ и о пенсіонерствѣ. Въ отвѣтъ пришло оригинальное письмо отъ 29-го декабря того же 1909 года, написанное не перомъ, а кистью на чистомъ конвертѣ, у котораго кругомъ обрѣзаны клапаны:

„На письмо ваше я отвѣчаю, что я не принялъ предложенія Академіи ѣхать на 3 года за границу, а вмѣсто того я взялъ заказъ написать „Вселенскіе соборы“ въ храмъ Спасителя. И отлично сдѣлалъ. Пріѣхавши въ Москву, этотъ центръ русской народной жизни, я сразу сталъ на свой путь. Относительно „Разина“ скажу, что я надъ той же картиной работаю. Усиливаю типъ Разина. Я ѣздилъ въ Сибирь на родину и тамъ нашелъ осуществленіе мечты о немъ.

„Благодарю Васъ за присылку вашихъ работъ. Я только началъ ихъ читать. Нѣту пера, пишу кистью.

Вашъ В. Суриковъ“.

При третьемъ письмѣ къ Сурикову, мы, для облегченія отвѣта, приложили вопросный листокъ съ пробѣлами для вписыванія отвѣтовъ. 11-го января 1910 года эта „анкета“ была заполнена Суриковымъ и принесла нужныя свѣдѣнія.

На вопросъ былъ ли и когда именно Суриковъ за границей, отвѣтъ гласитъ: „Я былъ три раза за границей и въ одной изъ поѣздокъ написалъ картину „Изъ римскаго карнавала“ въ 1884 году“.

На вопросъ, когда была выставлена картина „Христосъ исцѣ-

---

[1]) Картина такъ и осталась неоконченною. *Прим. авт.*

[2]) Портретъ, написанный въ 1887 году, находится въ Третьяковской галлерѣе. *Прим. авт.*

ляетъ слѣпого" и гдѣ она находится, Суриковъ отвѣчаетъ: „Она была выставлена, кажется, въ 1890 или 91 году. Она у меня".

На аналогичный вопросъ о картинѣ „Переходъ Суворова черезъ Альпы" дается болѣе длинный отвѣтъ: „Суворовъ" былъ выставленъ въ 1899 г. Этотъ годъ совершенно случайно совпалъ со столѣтіемъ перехода его черезъ Альпы, и никто мнѣ этой картины не заказывалъ, да и Ермака тоже. Я никогда своихъ картинъ по заказу не писалъ, кромѣ „Храма Спасителя въ Москвѣ".

Послѣдній вопросъ былъ поставленъ нами такъ: „кто былъ вашимъ профессоромъ въ Академіи". Суриковъ отвѣтилъ на него подробнымъ перечисленіемъ: „Шамшинъ, Виллевальдъ, Чистяковъ, Бруни, Іорданъ, Венигъ, Неффъ, а въ красноярской гимназіи учитель Николай Васильевичъ Гребневъ. Онъ въ юности моей горячо желалъ, чтобы я шелъ дальше и ѣхалъ въ Академію. Слухъ обо мнѣ дошелъ до извѣстнаго сибирскаго золотопромышленника П. И. Кузнецова, который и помогъ мнѣ добраться до Академіи".

Немногимъ можно пополнить и теперь эти автобіографическія замѣтки Сурикова. Но когда-нибудь тайны суриковской жизни вскроются и освѣтятъ по-новому жизнь и творчество великаго живописца, отъ головы до пятъ являвшагося мастеромъ русскимъ, художникомъ національнымъ въ самомъ лучшемъ, хочется сказать святомъ смыслѣ слова.

Вдохновленное В. М. Васнецовымъ движеніе къ воскрешенію древне-русскаго стиля въ живописи не коснулось Сурикова. Предъ нимъ стояла иная задача: воскресить нашу древность въ общеевропейскихъ формахъ живописнаго реализма, повѣствовать о старинѣ не воскрешеннымъ языкомъ былинъ и лѣтописей, а нормальною, современною, даже разговорною рѣчью. Не приближать къ намъ старину употребленіемъ древняго живописнаго языка, а приблизиться къ ней, оставаясь человѣкомъ своего времени, хотѣлъ Суриковъ и осуществилъ свою задачу съ исключительнымъ мастерствомъ, съ исчерпывающей полнотой проникновенія и раскрытія. И въ этомъ смыслѣ, съ этой точки зрѣнія Суриковъ, будучи мастеромъ глубоко-національнымъ по духу своихъ твореній, остается вполнѣ европейцемъ, говоритъ на томъ живописномъ языкѣ, который равно понятенъ людямъ различныхъ культуръ. Европа очень мало еще знаетъ Сурикова, прятавшагося отъ большого свѣта даже и въ Россіи, но, узнавъ его, безспорно признаетъ Сурикова равноправнымъ членомъ своей великой семьи мастеровъ живописи.

Художника всегда хочется сравнивать съ писателями, потому что ихъ мы лучше, интимнѣе знаемъ, ихъ внутренніе облики обрисовываются намъ болѣе четко. Въ суриковскомъ творчествѣ есть

нѣчто и отъ Льва Толстаго, и отъ Достоевскаго, и отъ Шекспира. Отъ Толстого идетъ суриковская глубина захвата самой сущности историческихъ событій, умѣнье обернуть ихъ къ зрителю новою, еще не виданною, но извѣстною гранью, неразрывно связующей прошлое съ настоящимъ; отъ Достоевскаго — надломленная, почти болѣзненная и въ то же время могучая душевная красота суриковскихъ типовъ; отъ Шекспира — эпическая мощь трагизма и неисчерпаемое краснорѣчіе простѣйшей формы.

Вдохновившіе его образы людей нашего прошлаго Суриковъ врѣзалъ въ наше пониманіе исторіи съ такою четкостью и остротою линій, которыя могутъ быть стерты лишь поколѣніями дальнѣйшаго изученія нашей исторіи, быть можетъ, только послѣ открытія новыхъ историческихъ матеріаловъ о томъ или иномъ событіи. Углубившись въ русскую исторію, Суриковъ нашелъ въ ней сюжеты почти сплошь трагическіе, особенно близкіе его загадочной и тоже запечатлѣнной какимъ-то трагизмомъ натурѣ. Трагическое столкновеніе или великій подвигъ — иныхъ сюжетовъ почти и не знала суриковская кисть. Питомецъ идей содержательнаго искусства, онъ хотѣлъ дать въ своихъ картинахъ особую глубину содержанія, хотѣлъ, чтобы они были равноцѣнны историческимъ поэмамъ, хотѣлъ сплавить и отлить въ горнилѣ своего творчества скучные и полунѣмые для толпы историческіе матеріалы и изслѣдованія въ вѣчные, великіе своею внутреннею правдой, покоряющіе своимъ краснорѣчіемъ живые образы.

Потомокъ гражданъ древнихъ казачьихъ общинъ — покорителей Сибири, влюбленный въ свой казачій родъ и какъ будто гордившійся даже участіемъ своихъ предковъ въ сибирскихъ бунтахъ противъ воеводскихъ утѣсненій, Суриковъ воспѣлъ въ своемъ творчествѣ народную массу, какъ стихію, творившую исторію. Онъ не признавалъ распространенной въ его время исторической живописи опернаго склада: солиста-героя на фонѣ хора-народа. Онъ вдвигалъ своихъ героевъ въ гущу народныхъ массъ, сливалъ ихъ съ толпою въ неразрывное цѣлое, выдвигалъ на первое мѣсто хоръ, ансамбль, а не солистовъ. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Суриковъ не заполнялъ свои громадные холсты народными массами, онъ избиралъ, въ герои людей, вышедшихъ изъ народныхъ низовъ, прошедшихъ длинный путь отъ лотка пирожника до графской короны, какъ его Меньшиковъ. Но изъ картинъ, создавшихъ славу Сурикову, только въ одномъ по-шекспировски просто и значительно трактованномъ: „Меньшиковѣ въ Березовѣ“ — мы не видимъ толпы. Она всегда главное дѣйствующее лицо у Сурикова, внѣ толпы — нѣтъ для него высокаго, подлинно историческаго сюжета.

Въ этой особенности пониманія смысла историческихъ событій кроется глубина суриковскаго захвата, сила того натиска, который производятъ на зрителя всѣмъ извѣстныя картины его: „Утро стрѣлецкой казни“, „Боярыня Морозова“, „Покореніе Сибири“, „Переходъ Суворова черезъ Альпы“. Суриковскія картины — это живыя свидѣтельства тѣхъ чудесъ, какія можетъ творить вѣра. Сила его картинъ пропорціональна силѣ вѣры художника въ свою правоту, въ истинность своего пониманія даннаго сюжета, въ подлинность своего творческаго прозрѣнія въ глубины нашего прошлаго. Но въ суриковской вѣрѣ нѣтъ вспышекъ энтузіазма, фанатизма. Какъ медленно создавалась и крѣпла въ душѣ художника его вѣра, оправданная неустаннымъ дѣланіемъ, непрерывнымъ подвижничествомъ въ трудѣ, вѣнчавшемся незабываемымъ видѣніемъ прошлаго, воплощеннымъ въ линіяхъ и краскахъ, — такъ и зрителя плодовъ этой вѣры она не потрясаетъ, не уноситъ мгновенно въ бурномъ порывѣ, а любовно, какъ мать, тихо и ласково покоряетъ съ перваго взгляда, но уже навсегда.

Исторія созиданія любой суриковской картины вскрываетъ тайну ея неотразимости. Прежде, чѣмъ воплотить свое видѣніе, художникъ цѣлыми годами терпѣливо трудится надъ поисками подлинныхъ, живыхъ реальныхъ формъ и красокъ. Для Сурикова исторія всегда налицо, всегда жива, надо только умѣть найти ее, надо увидѣть въ лицѣ какого-нибудь отставного землемѣра обликъ меньшиковской гордыни; въ лицѣ могильщика того московскаго кладбища, которое пріютило теперь прахъ Сурикова, — лицо одного изъ своихъ стрѣльцовъ; чтобы понять, какъ могли переходить черезъ Альпы суворовскіе чудо-богатыри — ему надо поѣхать зимою въ Швейцарію и самому скатываться съ горъ по снѣгу. И такъ во всемъ, до ничтожнѣйшей мелочи. Все чудесное видѣніе, посѣтившее мастера въ его студіи-кельѣ, живетъ вокругъ художника, разбитое на тысячи отдѣльныхъ кусковъ — надо найти и собрать всѣ эти осколки для того, чтобы создать недѣлимое цѣлое. И въ этой искренности, правдивости каждаго вершка, каждаго мазка суриковской кисти — тайна силы его картинъ, разъ и навсегда убѣждающихъ зрителя, что данное историческое событіе происходило и могло происходить только такъ, какъ изобразилъ его художникъ, а не иначе.

Правда, спеціалисты находили въ картинахъ Сурикова недостатки (И. Е. Рѣпинъ, напримѣръ, печатно сожалѣлъ о суриковскомъ „не-крѣпкомъ рисункѣ, о слабой формѣ“) даже историческія неточности. Боярыню Морозову везли, напримѣръ, по Москвѣ прикованною посредствомъ особаго „огорлія“ за шею къ сидѣнью, а не

только со скованными руками, какъ изобразилъ ее Суриковъ. Дружина Ермака стрѣляетъ изъ ружей такой системы, какой не существовало еще въ эпоху покоренія Сибири. Л. Н. Толстой обращалъ вниманіе Сурикова на неестественное смѣшеніе людей разныхъ воинскихъ частей въ „Переходѣ Суворова черезъ Альпы“. Суриковъ не могъ не знать про „огорліе“ Морозовой, потому что о немъ говорится въ житіи боярыни, но отбросимъ это „огорліе“ по безспорному праву поэта, по велѣнію художественнаго таланта, не нуждающагося ни въ защитѣ, ни въ оправданіи своихъ ошибокъ и вольностей, ибо онъ побѣдитель, котораго не судятъ. Какъ Левъ Толстой, Суриковъ богатыремъ вошелъ въ исторію русскаго искусства со всѣми своими ошибками и недостатками, безъ которыхъ онъ, быть можетъ, и не былъ бы Суриковымъ, какъ прокорректированный археологами Шекспиръ пересталъ бы быть великимъ Шекспиромъ.

Избравъ своимъ главнымъ героемъ толпу, Суриковъ волей-неволей долженъ былъ уподобиться композитору и „оркестровать“ свои сюжеты, расчленять свои симфоніи на десятки отдѣльныхъ инструментовъ, ведущихъ самостоятельныя партіи въ строгомъ подчиненіи единству общаго замысла, создающихъ единую, совершенную гармонію. И эта скрытая отъ глазъ зрителей „оркестровка“ суриковскихъ картинъ доведена до предѣловъ законченности. Къ саженному суриковскому холсту нельзя безнаказанно прибавить или убавить даже одинъ вершокъ, такъ все въ картинѣ необходимо, цѣнно, совершенно оправдано высшею необходимостью.

Ликующіе потоки солнечныхъ лучей не находили себѣ мѣста въ суриковскихъ сюжетахъ: трагедіи свойствененъ полумракъ. Но и въ сумеречныхъ, темноватыхъ тонахъ Суриковъ ярко проявилъ свое чистое живописное мастерство, свою любовь къ вѣрному, подлинному, а не приблизительному только тону краски. И эта любовь къ звучности и мощности колорита объединяла Сурикова съ современною художественною молодежью, съ искателями солнечнаго сверканія красокъ, съ поборниками, такъ называемаго, чистаго цвѣта въ живописи. Онъ не могъ примириться съ формами новаго искусства, но ясно понималъ всю цѣнность свѣта и цвѣта — этихъ насущныхъ элементовъ живописи и сочувствовалъ борьбѣ молодежи за новые принципы и пути въ искусствѣ.

Въ бесѣдѣ съ Суриковымъ намъ привелось однажды заговорить о поддержкѣ молодымъ талантливымъ художникамъ. Суриковъ своеобразно высказался противъ всякой поддержки:

— Это вотъ, какъ я былъ на Кавказѣ. Неприступнѣйшая скала, а изъ нея бьетъ родникъ. Какъ проложилъ онъ дорогу себѣ,

кому нуженъ — никто не знаетъ, а бьетъ... Талантъ самъ пробьетъ дорогу.

И Суриковъ, какъ этотъ горный ключъ, самъ, одинъ, пробилъ себѣ путь въ русскомъ искусствѣ, великій, воистину богатырскій путь сквозь дебри безчисленныхъ лже-историческихъ картинъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Въ горделивомъ одиночествѣ пробивалъ онъ свой путь, одиноко прошелъ его и, одинокій, скрылся за неизбѣжною гранью вѣчности. Скрылся, какъ человѣкъ, но вѣчно будетъ жить, какъ великій русскій художникъ.

Викторъ Никольскій.

Москва.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Десятилѣтіе Государственной Думы и крестьянскій вопросъ. — Юридическая справка по дѣлу В. А. Сухомлинова. — Рабочій вопросъ въ военно-промышленныхъ организаціяхъ. — Попытка возродить мертвый законъ 1903 года о заводскихъ старостахъ. — Г. Меньшиковъ о трудовой повинности интеллигентной молодежи.

«Недолги были дни первой Государственной Думы, не суждено было ея членамъ ни сказать, ни сдѣлать всего, зачѣмъ посылали ихъ въ Думу сознавшіе себя россійскіе граждане-избиратели. Не дано было имъ добиться ни земли, ни воли, но память о первой Думѣ жива и неизгладима въ душѣ народной...».

Эти слова принадлежатъ трудовой группѣ четвертой Думы, и ими вѣрно выражено отношеніе къ первой Думѣ народнаго сознанія. Память о ней дѣйствительно жива и неизгладима, хотя она и не оставила послѣ себя ни одного ею созданнаго законодательнаго акта. А третья Дума, наложившая свой штемпель на тысячи актовъ министерскаго законодательнаго творчества — забыта.

Передъ закрытіемъ Думы на пасхальныя вакаціи, трудовая группа внесла заявленіе, въ которомъ, сопоставляя завѣты первыхъ избранниковъ народа съ тѣмъ, что и по истеченіи десяти лѣтъ составляетъ политическую потребность минуты, она предлагала послать членамъ первой Думы привѣтъ, а тѣхъ изъ нихъ, кто нашли успокоеніе въ гробу, — почтить вставаніемъ. Въ другихъ фракціяхъ и группахъ заявленіе отклика не встрѣтило и никакого «движенія» оно не получило. Въ связи съ предстоявшимъ юбилеемъ дня созыва первой Думы, въ Думѣ имѣло «движеніе» предложеніе совершенно иного рода, — объ установленіи тысяча перваго юбилейнаго нагруднаго знака для украшенія имъ сюртуковъ, мундировъ и рясъ членовъ Думы всѣхъ четырехъ созывовъ и чиновъ думской канцеляріи. Зародившееся въ головѣ одного изъ представителей націоналистовъ, это предложеніе совѣщаніемъ при предсѣдателѣ было отвергнуто, ибо его, выражаясь мягко, необоснованность слишкомъ ужъ очевидна. Но принятію предложенія трудовиковъ не въ силахъ былъ помочь и прогрессивный блокъ.

Чествованіе дня созыва первой Думы безъ одновременнаго воспоминанія о днѣ 3 іюня 1907 года немыслимо. И трудовики, конечно, могли говорить въ своемъ заявленіи: «Исторія россійской общественности не забудетъ этой мрачной даты. На этотъ актъ безпристрастный историкъ возложитъ отвѣтственность за то, что не сбылись до сего времени завѣты первой и второй Думъ». Но возможно ли требовать такого отношенія къ акту 3 іюня отъ октябристовъ, правыхъ и лѣвыхъ, и отъ націоналистовъ, правовѣрныхъ и отколовшихся, когда именно ему они обязаны своимъ присутствіемъ въ Таврическомъ дворцѣ?

Самымъ знаменательнымъ фактомъ, который всего на мѣсяцъ опередилъ десятилѣтіе дня 27 апрѣля 1906 года, было оповѣщеніе думской судебной комиссіи, что она «закончила» выработку законопроекта объ отмѣнѣ «нѣкоторыхъ» ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ, бывшихъ податныхъ состояній. Ни въ бытовомъ отношеніи, ни въ правовомъ, ни въ экономическомъ пережитки крѣпостного права все еще у насъ не исчезли. Они живы, и Россія все еще продолжаетъ дѣлиться на Россію «бывшихъ» господъ и Россію «бывшихъ» рабовъ. Отмѣна ограниченій въ правахъ «сельскихъ обывателей» составляетъ еще предметъ «законопроекта», и притомъ, отмѣна «всѣхъ» ограниченій даже не стоитъ на очереди.

Главная заслуга первой Думы заключалась въ томъ, что она ставила во главу угла намѣченной въ отвѣтномъ адресѣ сложной государственно-созидательной работы разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Если о правовой его половинѣ говорилось въ Думѣ немного, то не потому, что ею Дума менѣе интересовалась, а исключительно потому, что эта его половина, въ глазахъ Думы, цѣликомъ покрывалась принципомъ равноправія, о смыслѣ и значеніи котораго тогда двухъ мнѣній не существовало. Первая Дума вообще съ непоколебимой твердостью стояла за отмѣну сословныхъ и національныхъ привилегій или ограниченій. А потому правовая часть крестьянскаго вопроса даже вопросомъ — т. е. тѣмъ, что можетъ быть предметомъ спора, — ей не представлялась.

Не представлялась она вопросомъ десять лѣтъ тому назадъ и правительству. Указъ 5-го октября 1906 года былъ, по воззрѣнію правительства, только первымъ шагомъ на пути дарованія крестьянамъ равноправія съ другими сословіями. Въ 1907 г. П. А. Столыпинымъ былъ внесенъ во вторую Думу законопроектъ объ упраздненіи института земскихъ начальниковъ, И. Г. Щегловитовымъ — объ упраздненіи волостныхъ судовъ. Въ 1916-мъ же году продолжаютъ почти вездѣ дѣйствовать во всей неприкосновенности «крестьянскія учрежденія», образованныя въ 1889-мъ году. Крестьяне и черезъ десять лѣтъ послѣ созыва первой Думы продолжаютъ быть даже не гражданами второго сорта, а «ли-

цами бывшихъ податныхъ состояній». Эта эволюція неразрывно связана съ актомъ 3-го іюня.

Что касается экономической половины крестьянскаго вопроса, то на второй годъ войны наблюдается, что деревня стала нѣсколько крѣпнуть, частью вслѣдствіе громаднаго повышенія цѣнъ на рабочія руки и на продукты сельскаго хозяйства, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе закрытія кабаковъ и отказа отъ политики выкачиванія въ казну «послѣдней мужицкой копейки». Но удовлетворена ли, хоть не вполнѣ, хоть частично, та острая земельная нужда трудового крестьянства, въ отношеніи которой первая Дума писала въ адресѣ, что она «не исполнила бы своего долга, если бы не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности, путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ»? Не слышатся ли изъ деревни все прежнія просьбы о землѣ? Не раздается ли отовсюду, что какъ только кончится война, — снова встанетъ во всей полнотѣ земельный вопросъ?

Чтобы стало ясно, какія «завоеванія» сдѣлалъ земельный вопросъ въ теченіе минувшаго десятилѣтія, нѣтъ надобности, впрочемъ, тревожить память первой Думы. Для этого вполнѣ достаточно даже того документа, который былъ направленъ противъ нея и который вызвалъ въ Думѣ взрывъ негодованія, повлекшій за собою ея роспускъ. Въ правительственномъ сообщеніи отъ 20 іюня 1906 года гг. Горемыкинъ, Столыпинъ, Стишинскій и Гурко торжественно обѣщали нуждающимся въ землѣ крестьянамъ, во-первыхъ, что имъ будутъ переданы на льготныхъ условіяхъ «всѣ» годныя для земледѣлія казенныя земли и, во-вторыхъ, что, сверхъ того, государство будетъ скупать «для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства» добровольно продаваемыя частновладѣльческія земли, съ принятіемъ на счетъ казны возможныхъ при такой операціи убытковъ. Такова была программа не Думы, а правительства.

Въ 1916-мъ году къ услугамъ этой программы внезапно и неожиданно оказался колоссально большой земельный фондъ, исчисляемый въ милліоны десятинъ культурной земли. Использованъ ли онъ въ порядкѣ правительственныхъ предположеній 1906-го года? Увеличилась ли за счетъ земли, принудительно отчужденной отъ непріятельскихъ подданныхъ и отъ выходцевъ изъ непріятельскаго подданства, площадь землевладѣнія «малоземельной части крестьянства»? Отвѣтъ даетъ слѣдующая замѣтка, напечатанная въ газетахъ 23-го апрѣля: «Въ министерство внутреннихъ дѣлъ представлены сводныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по примѣненію узаконеній 2-го февраля и 13-го декабря 1915-го года въ Кіевской губерніи и въ области Войска Донского. Въ первой опубликовано къ отчужденію 566 нѣмецкихъ

имуществъ, общей площадью болѣе 60,300 десятинъ. Во второй опубликовано 3,041 имущество, общей площадью свыше 106,400 десятинъ».

Фондъ выброшенъ на спекулятивный рынокъ. Въ концѣ концовъ, всѣ эти идущія сейчасъ съ торговъ, «нѣмецкія земли», надо думать, все-таки попадутъ въ руки крестьянъ. Но попадутъ черезъ посредство спекулянтовъ, по истеченіи многихъ лѣтъ и по тройной цѣнѣ. Пока что, земельнымъ спекулянтамъ раскрыты всѣ прелести и выгоды «опубликованія къ отчужденію».

* * *

Самую животрепещущую злобу дня, отвлекшую вниманіе отъ всего остального, составляютъ привлеченіе къ отвѣтственности за измѣну и арестъ бывшаго военнаго министра В. А. Сухомлинова. И въ обычныхъ условіяхъ мирнаго времени слова «измѣна» и «шпіонство» настолько дико звучатъ даже въ приложеніи къ имени рядового военнаго генерала, что подобное обвиненіе не могло бы не приковать къ себѣ общественнаго вниманія. Если же обвиненіе возникло во время войны, совершенно къ тому же исключительной, и если оно направлено противъ бывшаго военнаго министра, — противъ лица, въ теченіе многихъ лѣтъ до войны и въ теченіе цѣлаго почти года послѣ ея начала сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ высшее административное военное управленіе и высшее руководительство службою генеральнаго штаба, — то такой актъ, несомнѣнно, представляетъ собою событіе государственной и исторической важности. Ни въ нашемъ прошломъ, ни, насколько припоминаемъ, въ прошломъ всей Европы возбужденіе противъ военнаго министра дѣла объ измѣнѣ не имѣло прецедентовъ.

И вполнѣ понятны какъ нервность общественнаго мнѣнія, съ которою оно стремится проникнуть въ окутывающую дѣло тайну, такъ равно отклики этой нервности въ ежедневной прессѣ. Но законъ ставитъ неодолимое препятствіе къ тому, чтобы данныя предварительнаго слѣдствія, ранѣе судебнаго процесса, могли стать достояніемъ гласности. А потому газетамъ по необходимости приходится ограничиваться или описаніемъ подробностей ареста и отправленія В. А. Сухомлинова въ Петропавловскую крѣпость, что не поднимаетъ и уголка завѣсы надъ тайной, или пересказомъ старыхъ слуховъ, которые тоже, въ сущности, ничего не раскрываютъ. Въ чемъ конкретно и фактически выразилась преступная дѣятельность В. А. Сухомлинова, — этого въ настоящую минуту знать нельзя и достовѣрно узнать невозможно. Единственно достовѣрный документъ по дѣлу — оффиціальное сообщеніе, въ которомъ было напечатано буквально слѣдующее:

«Производящій слѣдствіе о генералѣ-отъ-кавалеріи Сухомлиновѣ сенаторъ Богородскій въ присутствіи оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената Носовича произвелъ 20 сего апрѣля въ квартирѣ генерала Сухомлинова допросъ его въ качествѣ обви-

няемаго въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 338, 339, 341 и 362 улож. о наказ. и 108 угол. улож. Послѣ допроса сенаторъ Богородскій избралъ мѣрою пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія содержаніе его подъ стражею и во исполненіе такого постановленія слѣдственной власти Сухомлиновъ того же 20 апрѣля былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость».

Но есть что можно сказать и въ предѣлахъ опубликованнаго сообщенія. Статьи двухъ нашихъ уголовныхъ кодексовъ, стараго и новаго, номера которыхъ приведены въ сообщеніи, требуютъ сложныхъ поясненій. Когда человѣка обвиняютъ въ убійствѣ или въ кражѣ, надобности въ юридическихъ поясненіяхъ не требуется. Но природа служебныхъ преступленій, особенно такихъ, какъ предусмотрѣнныя ст. 338, 339, 341 и 362 улож. о нак., а равно государственной измѣны, отнюдь не столь проста.

Изъ ссылки на ст. 338, 339 и 341 явствуетъ, что В. А. Сухомлиновъ обвиняется, прежде всего, въ превышеніи и въ бездѣйствіи власти. Съ житейской точки зрѣнія, превышеніе власти и ея бездѣйствіе — антиподы. Съ юридической же — это чрезвычайно мало другъ отъ друга отличныя разновидности нарушенія служебнаго долга. Законъ очерчиваетъ каждому должностному лицу извѣстный кругъ власти, и потому ли кругъ власти оказался нарушеннымъ, что служащій перешелъ его границу, или потому, что онъ не примѣнилъ имѣвшихся у него полномочій, — вопросъ второстепенный. По содержанію, какъ превышеніе власти, такъ и бездѣйствіе, представляютъ собою преступленія формальнаго характера. И этотъ ихъ характеръ породилъ довольно распространенный ходячій афоризмъ, что каждое начальствующее лицо — начальники высшихъ степеней тѣмъ болѣе, — ежедневно или превышаетъ власть, или совершаетъ бездѣйствіе. Но нашимъ закономъ и превышенію, и бездѣйствію власти даны настолько многообъемлющія понятія, что генералу Андріанову, преступная дѣятельность котораго имѣла слѣдствіемъ московскій погромъ, сопровождавшійся убійствами, грабежемъ и поджогами, также предъявлено обвиненіе лишь въ бездѣйствіи власти. Не имѣя свѣдѣній, что именно инкриминируется, какъ превышеніе и бездѣйствіе власти, В. А. Сухомлинову, нельзя судить о характерѣ имъ учиненнаго. Но, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что въ данномъ отношеніи его преступность не имѣла и тѣни того чудовищнаго, что скрывается подъ словомъ «измѣна».

362 ст. улож. о нак. караетъ за служебный подлогъ. Подлогъ уже есть нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ превышеніе и бездѣйствіе власти, ибо въ основѣ подлога лежитъ ложь, — ложь преднамѣренная, овеществленная, — ложь, которой сознательно придано обличіе правды. Подлогъ свидѣтельствуетъ о томъ, что составители нашего дѣйствующаго военно-уголовнаго законодательства называли «нравственной развращенностью человѣка»; онъ свидѣтельствуетъ, если не всегда о продажности виновнаго, то всегда —

о его нечистоплотности. И потому нелегко примириться съ мыслью, что на посту военнаго министра такъ долго могъ оставаться человѣкъ, способный совершать подлоги, т. е. руководствоваться въ своей служебной дѣятельности «корыстными или иными личными видами». Но и подлогъ, конечно, о чемъ бы онъ ни свидѣтельствовалъ, не только блѣднѣетъ, а безъ слѣда растворяется рядомъ съ обвиненіемъ военнаго министра въ измѣнѣ.

Ссылка въ офиціальномъ сообщеніи на ст. 108 уголовнаго уложенія вызываетъ въ формальномъ отношеніи самое крайнее недоумѣніе. Она явно ошибочна, ибо хотя В. А. Сухомлиновъ и не состоитъ въ настоящее время на дѣйствительной военной службѣ, но ему предъявлено обвиненіе за дѣяніе, совершенное ранѣе, когда онъ былъ военнымъ министромъ, т. е. воинскимъ чиномъ. Воинскіе же чины подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ лишь тогда, когда преступленіе, въ которомъ они обвиняются, не предусмотрѣно закономъ военно-уголовнымъ. А такъ какъ измѣна въ военное время предусмотрѣна и военно-уголовными законами, то В. А. Сухомлиновъ подлежитъ отвѣтственности не по ст. 108, общаго кодекса, опредѣляющей смертную казнь только за особо тяжкіе случаи измѣны, а по ст. 243 кодекса военнаго, которая назначаетъ высшую кару за «всякое нарушеніе обязанностей службы, съ намѣреніемъ способствовать или благопріятствовать непріятелю въ военныхъ или другихъ враждебныхъ его дѣйствіяхъ» [1]).

Мы принадлежимъ къ принципіальнымъ противникамъ смертной казни и отнюдь не изъ-за желанія повѣшенія В. А. Сухомлинова, если онъ будетъ признанъ виновнымъ въ измѣнѣ безъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, отмѣчаемъ допущенную формальную ошибку, которая независимо отъ насъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не можетъ остаться не исправленной. Въ интересахъ разъясненія законнаго состава измѣны, намъ важенъ текстъ ст. 243 воинск. уст. потому, что въ немъ съ совершенной опредѣленностью формулированъ тотъ основной признакъ, который по ст. 108 угол. улож. приходится устанавливать путемъ толкованія. Этотъ признакъ — намѣренность дѣянія, намѣренность «способствовать или благопріятствовать непріятелю». Случайной, слѣдовательно, измѣны, или измѣны легкомысленной или неосторожной, юридически быть не можетъ. Для бытія измѣны необходимо доказать, что виновный намѣренно причинялъ вредъ своей родинѣ, дабы благопріятствовать непріятелю, или намѣренно благопріятствовалъ непріятелю, дабы причинить вредъ родинѣ.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ всѣ нити, связующія оборону Россіи въ одно организованное цѣлое, сосредоточивались въ рукахъ В. А. Сухомлинова, и въ

---

[1]) По тому же основанію представляется ошибочной въ сообщеніи ссылка на ст. 338, 339 и 341 улож. о нак., вмѣсто ст. 141, 142 и 145 воинскаго устава.

его же рукахъ было созданіе и поддержаніе военной мощи государства. Конечно, ни одинъ человѣкъ въ государствѣ не обладаетъ тѣми возможностями военнаго предательства, какими обладаетъ военный министръ. Но именно потому, что военный министръ стоитъ въ центрѣ военныхъ тайнъ, именно потому, что отъ него непосредственно зависитъ все, касающееся боевой мощи — именно въ силу этого логически непостижимо, какъ могъ ген. Сухомлиновъ сдѣлаться измѣнникомъ. Обычный мотивъ предателей — деньги, корысть. Но можно ли перевести на деньги оцѣнить милліонами, милліардами, услуги непріятелю, если ихъ намѣренно оказываетъ военный министръ?..

* * *

Дѣйствительно ли промышленники, работающіе на оборону, желаютъ разрѣшенія рабочаго вопроса? Дѣйствительно ли они желаютъ хотя бы сгладить углы во взаимныхъ отношеніяхъ труда и капитала и провести въ жизнь способствующіе тому институты? Дѣйствительно ли они считаютъ, что въ интересахъ обслуживанія потребностей войны необходимо и въ военно-промышленныхъ комитетахъ, и внутри фабрично-заводскихъ стѣнъ представительство рабочаго класса?

Когда, въ первыхъ засѣданіяхъ центральнаго военно-промышленнаго комитета и на первомъ съѣздѣ, по адресу правительства раздавались пламенныя рѣчи о недопустимости препятствій для пополненія состава комитета выборными представителями отъ рабочихъ и когда затѣмъ, открывая избирательныя собранія рабочихъ, А. И. Гучковъ взывалъ къ патріотическому долгу и требовалъ, чтобы, не взирая на закрытіе профессіональныхъ организацій, рабочіе во что бы то ни стало образовали представительство,— тогда и въ мысляхъ ни у кого не было, что возможны сомнѣнія въ утвердительныхъ отвѣтахъ на поставленные выше вопросы. Тогда казалось, что промышленники, отдавшіеся долгу добрыхъ патріотовъ, искренно готовы протянуть руку рабочимъ, какъ равные равнымъ, дабы вмѣстѣ вложиться въ великое дѣло мобилизаціи промышленности, совмѣстными усиліями труда и капитала придти на помощь оборонѣ отъ внѣшняго врага. Тогда думалось, что въ отношеніи обслуживанія военныхъ потребностей представители капитала сознали губительность ихъ классовой борьбы съ представителями труда, что они готовы на самыя широкія жертвы и уступки и что именно этимъ сознаніемъ и этой готовностью обусловлены ихъ требованія, обращенныя къ власти, объ отказѣ отъ политики, лишь въ одной половинѣ диктуемой полицейскими соображеніями, а въ другой — диктуемой отраженіемъ интересовъ капитала.

Что касается такихъ обращеній, поскольку они исходятъ не только отъ съѣздовъ, но и отъ руководящихъ органовъ мобилизованной промышленности, то здѣсь нѣтъ и намека, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, на

измѣненіе воззрѣній, усвоенныхъ центральнымъ военно-промышленнымъ комитетомъ въ моментъ его образованія. Комитетъ, напротивъ, пользуется каждымъ случаемъ, чтобы напомнить правительству о закрытыхъ профессіональныхъ союзахъ рабочихъ и даже объ отсутствіи рабочей прессы. Но если обратиться къ тому, что относится къ области собственныхъ дѣйствій работающихъ на оборону промышленниковъ, то въ этихъ дѣйствіяхъ отраженія направляемыхъ къ власти требованій отнюдь не наблюдается. Общество фабрикантовъ и заводчиковъ категорически отказалось произвести выборы представителей въ примирительныя камеры и этимъ отказомъ, лицемѣрно покрытымъ ожиданіемъ законодательнаго разрѣшенія вопроса, похоронило институтъ, о которомъ на второмъ съѣздѣ было сказано столько громкихъ и хорошихъ словъ. Не менѣе характерно послѣднее циркулярное предложеніе центральнаго военно-промышленнаго комитета о введеніи института старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Февральскій второй съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ принялъ, въ ряду другихъ, слѣдующее постановленіе: «Съѣздъ вмѣняетъ въ обязанность военно-промышленнымъ комитетамъ озаботиться установленіемъ на фабрикахъ и заводахъ института старостъ». И, «сообщая о семъ къ исполненію», отдѣлъ центральнаго комитета по обезпеченію промышленныхъ препріятій рабочимъ составомъ разослалъ текстъ изданнаго во времена Плеве закона 10-го іюня 1903-го года «объ учрежденіи старость въ промышленныхъ предпріятіяхъ». Съ своей стороны, отдѣлъ полагаетъ, что хотя законъ этотъ, «по цѣлому ряду причинъ, оказался неиспользованнымъ», но что условія военнаго времени «требуютъ» введенія его въ жизнь, «къ чему не усматривается никакихъ препятствій».

Что можетъ быть проще, конечно, для разрѣшенія возникшаго вопроса о старостахъ, какъ примѣненіе закона, изданнаго тринадцать лѣтъ тому назадъ именно съ данной цѣлью и лишь всѣми забытаго, по какому-то невѣдомому «цѣлому ряду причинъ»? Это такъ просто, что циркуляръ центральнаго военно-промышленнаго комитета звучитъ даже не укоромъ, а чѣмъ-то инымъ, близкимъ къ насмѣшкѣ. Зачѣмъ рабочіе ломятся въ открытую дверь? Зачѣмъ присоединился къ такому ихъ безцѣльному занятію съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ? Составители циркуляра отвѣчаютъ, что постановленіе съѣзда по вопросу о старостахъ «явилось результатомъ глубокаго убѣжденія, основаннаго на болѣе чѣмъ полуторагодичномъ опытѣ мобилизованной промышленности за время войны, что дезорганизованность и распыленность рабочаго класса въ сильной мѣрѣ затрудняетъ работу промышленности, призванной къ обслуживанію потребностей арміи и флота». Какая же цѣна этому «глубокому убѣжденію», если ни одинъ членъ съѣзда не удосужился предварительно заглянуть въ сводъ законовъ, въ столь извѣстный и промышленникамъ, и рабочимъ уставъ о промышленномъ трудѣ?

Не по цѣлому ряду причинъ законъ 10 іюня 1903 г. «оказался неиспользованнымъ», а всего только по одной. И эта единственная причина заключается въ томъ, что рабочіе въ немъ трактуются не какъ равноправная съ хозяевами предпріятій сторона, а какъ ихъ слуги полукрѣпостного типа, отданные имъ во власть и на волю ихъ усмотрѣнія. Законъ гласитъ, что «фабричныя, заводскія и промысловыя управленія имѣютъ право, по предварительномъ распредѣленіи рабочихъ заведеній или промысла на разряды, предоставлять этимъ разрядамъ избирать изъ своей среды кандидатовъ въ старосты. Изъ числа избранныхъ по каждому разряду кандидатовъ управленіе предпріятія утверждаетъ одного старостою даннаго разряда.» Число кандидатовъ въ старосты, порядокъ ихъ избранія и даже наименьшій возрастъ — все это также точно устанавливается управленіемъ предпріятія. На случай же, если и въ такихъ условіяхъ со стороны управленія предпріятія «произойдетъ ошибка» и старостою будетъ утвержденъ не надлежащій человѣкъ, законъ даетъ губернатору право устранять старость отъ исполненія обязанностей «до истеченія срока, на который они были избраны». Относительно существа обязанностей старостъ законъ говоритъ, что они признаются уполномоченными для заявленій о нуждахъ и ходатайствахъ рабочихъ и что черезъ нихъ передаются рабочимъ какъ распоряженія управленія предпріятія и начальства, такъ и разъясненія по сдѣланнымъ ими заявленіямъ».

Такихъ «выборныхъ» старостъ хорошо знала крѣпостная деревня. Помѣщики того времени не мѣшали своимъ рабамъ выбирать бурмистровъ и старостъ, дабы было черезъ кого передавать «распоряженія» и «разъясненія» по дѣлаемымъ заявленіямъ о мужицкихъ «нуждахъ и ходатайствахъ». Но, конечно, старостою или бурмистромъ бывалъ тотъ, кого хотѣлъ «баринъ». И если въ дни Плеве къ услугамъ «барина отъ промышленности» былъ созданъ институтъ подобныхъ «старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ», то неужели можно удивляться его тринадцатилѣтнему мирному почиванію на бумагѣ? Достойно удивленія не то, что о законѣ 10 іюня 1903 г. забыли рабочіе, и забылъ съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ, а то, что о немъ вспомнилъ отдѣлъ центральнаго комитета, завѣдующій обезпеченіемъ промышленныхъ предпріятій рабочимъ составомъ. Сколько нужно имѣть смѣлости, чтобы не сказать болѣе, дабы, исполняя резолюцію съѣзда объ установленіи на фабрикахъ и заводахъ института старостъ и, ссылаясь, на выдвинутую потребностями войны необходимость «постояннаго рабочаго представительства», — рекомендовать законъ 10 іюня 1903 г., какъ законъ, къ проведенію котораго въ жизнь не встрѣчается никакихъ препятствій»?!..

Да, со стороны промышленниковъ, которые въ классовой борьбѣ капитала съ трудомъ, даже въ интересахъ защиты государства отъ внѣшняго врага, не желаютъ уступать ни шага, нѣтъ и не можетъ быть ника-

кихъ препятствій къ тому, чтобы создалась фикція постояннаго рабочаго представительства. По ихъ волѣ и по ихъ указаніямъ посаженныхъ старостъ, которымъ они будутъ передавать «разъясненія», хозяева предпріятій великодушно готовы вовсе не считать фиктивными представителями рабочихъ. Но сами рабочіе, — будутъ ли они и могутъ ли они считать фиктивныхъ старостъ за настоящихъ? Если же для рабочихъ правила закона 10 іюня 1903 г. абсолютно непріемлемы, вслѣдствіе чего они и «оказались неиспользованными», то отдалятъ ли попытки, которыя рекомендуются центральнымъ военно-промышленнымъ комитетомъ, самую тяжелую угрозу дѣлу своевременнаго и успѣшнаго снабженія арміи: забастовки?

Въ дѣятельность военно-промышленныхъ организацій стали вкрадываться нездоровыя ноты. Исчезаетъ искренность и прямота. Изъ-за словъ начинаютъ проглядывать противорѣчащія имъ мысли. Съѣзды, въ своихъ резолюціяхъ, еще сохраняютъ настроеніе, которымъ лѣтомъ прошлаго года была охвачена вся Россія. На съѣздахъ хозяева предпріятій, по крайней мѣрѣ откровенно и открыто, не противополагаютъ своихъ интересовъ интересамъ рабочихъ. На съѣздахъ еще чувствуется торжество общей цѣли и общихъ для всѣхъ борющихся классовъ задачъ, повелительно диктуемыхъ обстоятельствами момента. Но на съѣздахъ есть для того, во-первыхъ, подходящая обстановка; а, во-вторыхъ, на съѣздахъ основной тонъ даютъ не столько хозяева предпріятій и не столько даже рабочіе, сколько общественные дѣятели, знакомые по работѣ въ другихъ, обслуживающихъ войну организаціяхъ, главнымъ образомъ, въ земскомъ и въ городскомъ союзахъ, — люди, стоящіе внѣ непосредственнаго участія въ классовой борьбѣ труда и капитала. Центральный же военно-промышленный комитетъ не обнаружилъ полной искренности и въ вопросѣ о примирительныхъ камерахъ. Его циркуляръ по вопросу о старостахъ знаменуетъ еще большее...

Г. Меньшиковъ скорбитъ въ «Новомъ Времени», что «изъ красивой мысли — послать въ деревню трудовыя дружины учащихся взамѣнъ работниковъ, ушедшихъ на войну, едва ли что-нибудь выйдетъ серьезное». И, останавливаясь на причинахъ, онъ пишетъ: «Если мысль послать въ деревню учащихся подростковъ провалится, то не потому, что она не хороша, а пожалуй, по обратной причинѣ. Именно хорошія-то мысли у насъ и не удаются. Дѣло въ томъ, что хорошія мысли нуждаются въ поддержкѣ общаго здравомыслія; если же послѣдняго не хватаетъ, то самая яркая идея гаснетъ, какъ искра въ азотѣ». Далѣе г. Меньшиковъ разсказываетъ, что какъ только мысль возникла, «нѣкоторые помѣщики», удрученные недостаткомъ рабочихъ, обратились къ директорамъ высшихъ и

среднихъ школъ: «Вышлите, молъ, столько-то человѣкъ». «Умные», по его словамъ, директора, конечно, сумѣли бы немедленно исполнить желаніе «нѣкоторыхъ помѣщиковъ». Но таковыхъ, на горе помѣщикамъ, не оказалось, и на ихъ обращеніи неизмѣнно слѣдуютъ отказы.

Такимъ образомъ, г. Меньшиковъ и въ данномъ случаѣ себѣ не измѣнилъ: мысль, несомнѣнно, красивая, въ его головѣ получила далеко не красивыя очертанія. Иниціаторы образованія трудовыхъ дружинъ изъ студентовъ и воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣли въ виду придти на помощь тѣмъ матерямъ, женамъ и вдовамъ крестьянъ, отъ которыхъ война отняла единственныхъ кормильцевъ и работниковъ. Нововременскій же публицистъ усматриваетъ красоту въ томъ, что интеллигентная молодежь займетъ пустующія мѣста батраковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, — правда, на благо общихъ итоговъ производительности земли, но, прежде всего, на благо помѣщиковъ и помѣщицъ, продающихъ сейчасъ зерно за тройныя и четверныя цѣны. «Одна моя корреспондентка, — читаемъ въ его статьѣ, — южная помѣщица, и нынче, съ наступленіемъ весны, запросила директора одной петроградской гимназіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ отпустить группу молодежи изъ холоднаго, голоднаго и грязнаго Петрограда на полевыя работы въ благодатную Малороссію. Получился отвѣтъ, что вопросомъ этимъ занято общество трудовой помощи, что дѣти вербуются и записываются сами, что педагогическій персоналъ къ этому дѣлу непричастенъ. А главное, установленъ принципъ, что учащіеся могутъ идти только въ семьи крестьянъ, замѣняя ушедшихъ на войну воиновъ». Что помѣщица этимъ отвѣтомъ возмущена, — удивляться не приходится; но какъ можетъ раздѣлять ея возмущеніе человѣкъ, претендующій на роль выразителя общественнаго мнѣнія?!..

Но и въ дѣйствительной обрисовкѣ красоты, возникшая мысль, конечно, не можетъ получить осуществленія въ широкомъ масштабѣ, какъ дѣло организованное и введенное въ систему. Думающіе иначе, пусть вспомнятъ Левина изъ «Анны Карениной» и художественное изображеніе Толстымъ, который самъ и пахалъ, и косилъ, какъ Левинъ, сильный и здоровый человѣкъ, придя на сѣнокосъ и взявъ въ руки косу, сначала шелъ впереди истощенныхъ недоѣданіемъ мужиковъ и какъ затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ прокосовъ, онъ сдалъ. Полевая работа только изъ кабинета царскосельской дачи можетъ казаться чѣмъ-то въ родѣ спорта — игры въ футболъ или въ лаунъ-теннисъ. Какъ и всякая физическая работа, она требуетъ не одной силы и не одного здоровья, а, сверхъ того — умѣнья и привычки. Полевая работа — не спортъ и не забава.

Вл. Кузьминъ-Караваевъ.

НА РУБЕЖѢ.

ТВОРЧЕСТВО ГОРЬКАГО ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ.

I.

Если Байронъ говорилъ, что онъ въ одно утро проснулся знаменитостью, то съ М. Горькимъ случилось нѣчто подобное, но только въ обратномъ смыслѣ: прославленный писатель вдругъ низведенъ былъ съ пьедестала, и совершенно опредѣленно заговорили о „концѣ Горькаго“. Это не былъ „судъ глупца“, укоръ толпы непосвященной. О „концѣ Горькаго“ возгласили люди, съ сужденіями которыхъ нельзя было не считаться. Статья Д. Философова „Конецъ Горькаго“ въ „Русской Мысли“ (апр. 1906 г.) — была своего рода приговоромъ, вызваннымъ послѣдними произведеніями Горькаго — „Варварами“, „Врагами“, „Въ Америкѣ“, „Мои интервью“, которыя, по словамъ Д. Ф., „нанесли такой уронъ его литературной славѣ, обнаружили признаки такого серьезнаго разложенія его дарованія, что въ возрожденіе писателя Горькаго уже мало какъ-то вѣрится“. И сознаніе отъ этихъ словъ было тѣмъ болѣе мучительное, что тотъ „наивный, непродуманный соціализмъ“, та „претенціозная риторика и дешевый матеріализмъ“, о которыхъ говоритъ Д. Философовъ, казалось, дѣйствительно, парализовали дѣятельность писателя и отклонили ее отъ прямыхъ ея путей въ сторону творческаго безсилія и увяданія. Трудно было мириться съ тѣмъ, что писатель промѣнялъ родную стихію — яркое, волнующее творчество — на самую элементарную и низкопробную публицистику, что на мѣсто красивыхъ, романтическихъ порывовъ, дышавшихъ гордостью и силой, огнемъ страсти и одушевленія, стали сухія и бездушныя формулы. Казалось, не въ самомъ ли дѣлѣ это знаменуетъ „конецъ“ и не права ли въ своемъ прогнозѣ возвѣстившая объ этомъ „концѣ“ критика.

II.

Но „прозорливость“ критики оказалась миѳомъ. Обращеніе писателя-художника на путь публицистики — явленіе не новое въ

русской литературѣ. Къ нему причастны лучшіе наши писатели-корифеи вплоть до Льва Толстого, В. Г. Короленко и др. Какъ ни велика и неотразима сила художественныхъ образовъ, русскому писателю, въ извѣстные моменты нашей общественности, представлялось цѣлесообразнымъ возвысить свой голосъ путемъ именно публицистическаго слова. Однако, родники творчества отъ этого нисколько не изсякали; зачастую — совершенно даже наоборотъ. Такъ и съ Горькимъ. Противъ формулы: „Горькій, какъ художникъ, погибъ и не возродится“, противъ причисленія Горькаго къ „живымъ мертвецамъ“, выступилъ А. Г. Горнфельдъ, совѣтуя критикамъ быть менѣе поспѣшными и категоричными. И дѣйствительно, появившееся въ XVI сборникѣ „Знанія“ начало новой повѣсти Горькаго „Мать“ краснорѣчиво опровергло, по мнѣнію Горнфельда, всякія предположенія и заключенія критики. „Все въ разсказѣ, — писалъ онъ — ново и значительно, содержательно и убѣдительно: и отдѣльныя фигуры, и мелкія подробности. Надо было сохранить еще большой запасъ жизненныхъ воспоминаній и большую силу возсозданія, чтобы такъ поставить предъ читателемъ угрюмый міръ былой фабричной слободки съ ея живымъ воплощеніемъ, старымъ слесаремъ Власовымъ, мужемъ героини разсказа“. При всей обычности среды и положеній, при всей подчасъ вычурности отдѣльныхъ мѣстъ и изреченій, критикъ почувствовалъ въ разсказѣ „какую то новую атмосферу, новую теплоту, какой не чувствовалъ раньше въ Горькомъ“. Онъ, правда, не находилъ здѣсь „былыхъ чудесъ невѣдомаго міра, которыя раскрывалъ передъ нами Горькій“; но его подкупали воспроизведенные здѣсь образы и фигуры, особливо центральный образъ матери. — Такъ, въ сущности, одно изъ наименѣе яркихъ произведеній сразу показало всю несостоятельность утвержденій критики относительно „паденія“ Горькаго, относительно проблематичности его возрожденія, какъ художника.

III.

„Мать“ — произведеніе, относящееся къ періоду увлеченія Горькаго соціалъ-демократическими тенденціями. Этотъ второй, такъ сказать, соціалъ-демократическій, періодъ такъ же, какъ и первый, ему предшествующій, не входитъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія. И если вскользь о немъ упоминаемъ, то лишь въ связи съ кризисомъ, который не замедлилъ вскорѣ обозначиться и опредѣлить, такимъ образомъ, собою третій, послѣдній періодъ творчества Горькаго. „Городокъ Окуровъ“ — вотъ грань, съ которой, собственно, начинается этотъ періодъ. За полосой доктринерства нахлынула волна творческихъ думъ и живыхъ воплощеній. Горькій возвращается къ

излюбленнымъ мотивамъ и настроеніямъ и къ той средѣ, которыя возростили его, какъ художника, и дали ему имя одного изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей. Въ „Городкѣ Окуровѣ“ заигралъ снова знакомый намъ талантъ писателя. Со страницъ „Окурова“ на насъ повѣяло чѣмъ-то роднымъ и близкимъ, заставившимъ насъ снова полюбить писателя, въ возрожденіе котораго мы вчера еще такъ плохо вѣрили. На насъ пахнуло живой струей яркаго и самобытнаго дарованія, къ которому мы такъ привыкли въ давнишнихъ произведеніяхъ, предъ нами встали знакомые намъ образы и картины, — и мы убѣдились, что источники творчества Горькаго далеко не изсякли, что свѣтъ его искрящагося таланта не погасъ. Болѣе того, мы могли уловить въ „Окуровѣ“ черты нѣкоего новаго настроенія, въ большей или меньшей степени окрасившаго собою всѣ вообще писанія Горькаго послѣднихъ лѣтъ. Настроеніе это — чувство извѣстной какъ бы умиротворенности въ противоположность къ тому острому протестующему чувству, какое звучало въ произведеніяхъ перваго періода.

IV.

Съ точки зрѣнія внутренняго содержанія Горькій не высказываетъ въ „Окуровѣ“ ни новыхъ идей, не открываетъ какихъ-либо новыхъ психологическихъ горизонтовъ. Тѣ же думы о „нетвердой землѣ“ подъ человѣкомъ, о „неприлѣпленности ни къ чему“ человѣка, объ отсутствіи „стержня“; тѣ же мысли о мѣщанствѣ, о разнообразныхъ сторонахъ жизни, дикой и безтолковой; та же пытливость въ разгадкѣ психологіи народныхъ массъ; тѣ же сентенціи о душѣ, объ отсутствіи „свѣта и тепла, необходимыхъ для роста жизни и внѣ и внутри души“; словомъ, все то, что съ давнихъ лѣтъ занимало и волновало поэта „бывшихъ людей“, — проступаетъ въ „Городкѣ Окуровѣ“. И Яковъ Тіуновъ, и Матвѣй Кожемякинъ, и Пелагея, мачеха Матвѣя, и дядя Маркъ, и постоялка Мансурова, и другіе мелькающіе здѣсь образы не новы въ галлереѣ типовъ, созданныхъ творческой фантазіей Горькаго; все это персонажи, съ разновидностями которыхъ — то большей, то меньшей яркости — мы уже встрѣчались въ прежнихъ произведеніяхъ. Облюбовавъ ихъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности, Горькій то и дѣло возвращается къ нимъ снова. Ихъ идеологія — извѣстна, мысли — предопредѣлены, ихъ жизнь, подобно жизни Кожемякина, „трудная, одинокая, обильно оплеванная ядовитою слюною строгихъ въ законахъ людей“. Плоть отъ плоти своихъ прежъ-

нихъ собратьевъ, они, въ сущности, повторяютъ всю ту горечь и желчь, какими облиты страницы первыхъ произведеній Горькаго. Они не щадятъ красокъ, не жалѣютъ словъ въ изображеніи дѣйствительности. Ихъ рѣчи — грустны, порой ѣдки и рѣзко-обличительны. Но былой, часто ненужный и нерѣдко мелодраматическій, пафосъ исчезъ, и зазвучали ноты скорбнаго, но ровнаго, умиротвореннаго настроенія. Это настроеніе въ „Окуровѣ“, несомнѣнно, на лицо; оно въ то время своего рода отправная точка, преобладающій аккордъ въ произведеніяхъ Горькаго послѣдняго періода вообще.

V.

„Мысленныя и сердечныя замѣчанія, а также нѣкоторые случаи изъ жизни города Окурова, записанные неизвѣстнымъ, жителемъ сего города, по разсказамъ и собственнымъ наблюденіямъ“ — въ высокой степени характерны въ смыслѣ подтвержденія выдвинутой тезы. Эти воспоминанія Матвѣя Савельева Кожемякина, „назначенныя молодому другу Борису Петровичу Мансурову для чтенія съ довѣріемъ и для познанія скорбной жизни уѣзднаго русскаго города“ — любопытны, какъ цѣнное доказательство того, что „души тревога“ писателя въ значительной мѣрѣ „смирилась“ и вступила въ полосу болѣе сосредоточеннаго, болѣе спокойнаго и уравновѣшеннаго настроенія. Правда, отголоски прошлаго слышны, и порой ярко, и въ „Кожемякинѣ“. Потокъ „кипящихъ словъ“ просачивается то здѣсь, то тамъ, неизмѣнно избирая старыя, излюбленныя мѣста. Устами Евгеніи Петровны Мансуровой Горькій бросаетъ мимолетное замѣчаніе объ „образованныхъ людяхъ — хилыхъ цвѣтахъ“ въ сопоставленіи съ настоящей почвой — народомъ. Устами той же Мансуровой онъ обличаетъ великое равнодушіе и затхлый покой, въ которыхъ живутъ „набитые полуслѣпыми людьми города“; Дворникъ Алексѣй отзывается о людяхъ, точно о червячкахъ на кладбищѣ: „есть свѣженькій покойничекъ — займутся, сожрутъ, нѣту — промежду себя шевелятся“... Яковъ Тіуновъ зло говоритъ о томъ, что мы, дескать, „колокола безъ языковъ, звонимъ лишь, когда снаружи треснутъ“.., что мы не живемъ — крадемся, каждый въ свой уголокъ, гдѣ бы спрятаться отъ командующихъ людей“. Своеобразный философъ, онъ высказывается о жалости, какъ о „кладбищенскомъ чувствѣ, достойномъ мертвыхъ“, говоритъ о томъ, что „людей надо учить сопротивленію, а не терпѣнію безъ всякаго смысла“. Эти и имъ подобныя рѣчи можно бы безъ числа умножить; онѣ напоминаютъ старыя, хорошо извѣстныя истины, которыя изрекалъ Горькій въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ. Все это гово-

ритъ о томъ, что писатель остался самимъ собою, нимало не отрекся отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Но насъ интересуетъ не эта сторона; мы говоримъ объ эволюціи настроенія, — эволюціи, безспорно отразившейся на „Матвѣѣ Кожемякинѣ“ (Сб. „Знанія“ XXVIII—XXXVII; Соч. М. Горькаго, изд. „Жизнь и Знаніе“, тт. XI—XIII).

VI.

Идеологія Горькаго, общая концепція его тревожнаго и протестующаго міросозерцанія осталась, говоримъ мы, та же. Художникъ смотритъ на окружающее все тѣми же испуганными и скорбными очами. Изображая окуровскую жизнь, Горькій, въ сущности, расширяетъ сферу своихъ наблюденій до мыслей и разсужденій о томъ „что такое Россія, и отчего въ ней такъ трудно жить людямъ, почему всѣ такъ несчастны и судорожны, или несчастны и неподвижны, и точно окаменѣвшіе“, — какъ говоритъ Мансурова въ письмѣ къ Кожемякину. Горькій описываетъ дикость, невѣжество, пьянство, разгулъ, тупость, безпечность, нищету и грязь сѣрыхъ народныхъ массъ. Онъ рисуетъ всеобщій развалъ, который царитъ на всѣхъ поприщахъ жизни, во всѣхъ ея слояхъ. Онъ даетъ картины сплошного оцѣпенѣнія и безгласности. Онъ, словомъ, повѣствуетъ о необъятномъ морѣ золъ, которыми полна наша скорбная и сумрачная жизнь. Окуровъ — только атомъ, ничтожная частица „благодатной стороны“, въ которой, какъ замѣчаетъ Тіуновъ, всего вдоволь и которой не хватаетъ только одного — разума. Отсюда — эти исканія и поиски души, разговоры о „двусоставности человѣка, о моральной дряблости и пришибленности, объ обезличеніи человѣка, о покинутости и одиночествѣ, о внутреннемъ распадѣ и нравственной порабощенности, о безвѣріи, объ отсутствіи въ человѣкѣ творческаго элемента, о пересозданіи жизни на новыхъ началахъ. Отсюда цѣлая вереница лицъ, призванныхъ выразить скорбь и печалованіе автора. Отсюда — столь много мрачныхъ мѣстъ и отдѣльныхъ горькихъ думъ въ запискахъ Кожемякина. Но, за всѣмъ тѣмъ, общій тонъ произведенія замѣтно отличается отъ того, которымъ проникнуты первыя произведенія Горькаго: яркая непримиримость значительно смягчена — слышится скорѣе какая-то углубленная грусть, ѣдкая печаль, тоска души; надъ замиреннымъ чувствомъ поднимается искренняя вѣра въ торжество добра, радость бытія. Когда Евгенія Петровна Мансурова говоритъ, что „есть теперь люди, которые начали говорить, что наше время — не время великихъ задачъ, крупныхъ дѣлъ, что мы должны взяться за простую, черную, будничную работу“, что „можетъ быть, простая-то работа и есть величайшая задача, истинное геройство“ (стр. 87, II); когда Тіуновъ мечтаетъ

о будущей возрожденной Россіи: „возникаетъ Россія, появился народъ всѣхъ сословій, всѣ размышляютъ, просыпается въ народѣ любовь къ своей странѣ“ и т. д.; когда Матвѣй Савельевъ Кожемякинъ говоритъ въ концѣ своихъ записокъ, что „возникли нынѣ въ жизни новые работники, сердца, наполненныя любовью къ землѣ, засоренной нами; плуги живые, — вспашутъ они ниву Божію глубоко, обнажатъ сердце ея, и вспыхнетъ, расцвѣтетъ оно новымъ, яркимъ солнцемъ для всѣхъ и будетъ благо всѣмъ и тепло, и счастливо польется жизнь...“ (стр. 201, IV), — мы слышимъ здѣсь настроеніе подлиннаго оптимизма самого автора.

VII.

Разсказъ „Три дня“ („Вѣстникъ Европы“, №№ 4 и 5, 1912 г. Соч. М. Горькаго, изд. „Жизнь и Знаніе“, т. XVIII) полонъ того же настроенія. И здѣсь — деревенская темень, невѣжество безпросвѣтное, суевѣрія, предразсудки, пьянство, распутство, драки, грязь. И здѣсь по адресу интеллигента, архитектора Будилова, сочатся злобныя и презрительныя слова мельникова сына, парня Николая Назарова. И здѣсь то Назаровъ жалуется на „дешеву правду“, на отсутствіе связи и близости между людьми, что „никто никому не вѣритъ, всякій хочетъ съѣсть свой кусокъ въ одиночку, въ сторонкѣ отъ людей“, что „книжное все, не подходятъ мужику не мужицкія мысли“ и т. д. и т. д. Между разновидностями двухъ типовъ — крестьянскаго парня Назарова и культрегера-интеллигента, архитектора Будилова — нѣтъ гармоніи, нѣтъ созвучія, нѣтъ сколько-нибудь тѣсно соприкасающихся другъ съ другомъ точекъ. Будиловъ отмѣчаетъ Назарову его лакейскую привычку употреблять въ разговорѣ съ „господами“ частицу „еръ-есъ“ и многое другое, недостойное развитой личности; Назаровъ, въ свою очередь, называетъ мысленно Будилова „паяцъ, лыковая рожа“, ему даже кажется, что „мужики благороднѣе ѣдятъ“ и т. п. Назаровъ съ трудомъ подавляетъ обиды, наносимыя ему Будиловымъ; все же этотъ послѣдній вызываетъ у него сложное чувство не то зависти, не то уваженія, не то того и другого вмѣстѣ. У Назарова свои взгляды на вещи; однако, рѣчи архитектора не проходили для него безслѣдно, служили какъ бы руководящей нитью въ его планахъ и мечтахъ о жизни. Стираются понемногу грани, антагонисты, жители разныхъ полюсовъ, начинаютъ постепенно приближаться другъ къ другу. До гармоніи еще далеко. Изъ смрадныхъ клѣтушекъ глядятъ на насъ страдальческіе лики больныхъ стариковъ и старухъ, несчастныхъ бабъ, золотушныхъ, обездоленныхъ дѣтей, свирѣпые образы Ѳаддѣевъ Назаровыхъ, загадочные и темные — тетокъ

Татьянъ, Рогачихъ и др., — зыблется горе-злосчастье, мракъ, безнадежность. Но вотъ Будиловъ говоритъ объ энергіи и трудѣ, объ уваженіи къ труду, о полезности каждаго на своемъ мѣстѣ, о культурѣ и культурныхъ людяхъ, разсадникахъ жизни, знанія и просвѣщенія; говоритъ о томъ, какая можетъ быть земля черезъ сто лѣтъ — „прекраснымъ садомъ будетъ земля, и въ этомъ скрытъ смыслъ жизни“ (стр. 78), — и мы чувствуемъ, что проясняются дали, свѣтлѣютъ горизонты. И ужъ сущимъ гимномъ разуму, труду звучатъ слова другого выведеннаго здѣсь представителя культуртрегерской интеллигенціи, учителя Покровскаго, обращенныя къ молодымъ побѣгамъ деревни, Назарову, бобылкину сыну Степану, въ отвѣтъ на ихъ вопросъ о томъ, какъ надо лучше жить, какъ опредѣлить свое отношеніе къ окружающему: „Вотъ такъ понемногу, въ сотнѣ тысячъ деревень, — захлебываясь словами, говорилъ онъ,— каждодневно входятъ въ жизнь молодые умы, люди благожелательные, сердечные, и однажды Русь увидитъ себя умной, честной... Не забывайте только, что внутри каждой души теплится живой, Божій, всей жизни огонекъ, и что его надо раздуть въ пламя великое“... (стр. 87). Такъ чувство примиренности, озаренной вѣрой въ живое грядущее, свѣтится въ приведенныхъ словахъ учителя-идеалиста.

VIII.

Въ очеркахъ „По Руси“ („Вѣстн. Евр.“, №№ 1, 2 и 5, 1913 г., соч. М. Горькаго, изд. „Жизнь и Знаніе“, т. XIX) мы встрѣчаемся съ бродяжническимъ элементомъ. Это все тѣ же „соціальные отбросы“, представители, такъ называемаго, lumpen-пролетаріата, воспѣтаго Горькимъ и опоэтизированнаго имъ въ его раннихъ произведеніяхъ. Бездѣльники, золоторотцы, пропойцы, отщепенцы, фатальные женщины въ родѣ Мальвы, арестанты Коневы, отцеубійцы въ родѣ парнишки изъ очерка „На пароходѣ“ — всѣ они проходятъ передъ нами, будятъ фантазію, воскрешаютъ прошлое. Какая-то щемящая грусть, безотчетная тоска овладѣваетъ при чтеніи этихъ унылыхъ очерковъ объ этомъ „оборѣ, никудышномъ оборѣ“, объ этихъ выбитыхъ изъ общественной среды и человѣческаго оборота людяхъ. Старые наши знакомцы, они бредутъ по великой Руси, по ея степямъ и станицамъ, всюду оставляя слѣды своего жалкаго, незатѣйливаго существованія. Ихъ жизнь — нелѣпый случай, мучительная сказка, тюрьма да невзгоды сопутствуютъ этимъ людямъ въ ихъ вѣчномъ странствіи по роднымъ равнинамъ. Тяжелы набрасываемыя Горькимъ картины; неподдѣленъ трагизмъ, съ какимъ онъ рисуетъ свои живыя и непосредственныя наблюденія. Писатель страстно ищетъ жизни высо-

кой и свѣтлой, онъ, по крайней мѣрѣ, хочетъ видѣть ее такою; но вмѣсто того онъ натыкается на одни провалы, зіяющіе мракомъ и непроглядной тьмой. Въ очеркѣ „Губинъ“ лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, съ горечью твердитъ о низкой и постыдной человѣческой жизни. Въ очеркѣ „Покойникъ“ непробудно запившій дьячекъ Демидъ Кубасовъ, носящій великое горе въ груди, формулируетъ не менѣе жутко свои мысли и впечатлѣнія отъ жизни. Такихъ разсужденій въ очеркахъ много; они навѣваютъ печаль, рождаютъ тоску, усиливаютъ тотъ, въ общемъ, грустный, меланхолическій налетъ, которымъ подернуты нарисованные здѣсь образы и картины. Но и здѣсь, въ этихъ, несомнѣнно, минорныхъ очеркахъ, мы находимъ зовущія, умиротворяющія ноты. Въ словахъ чтеца изъ очерка „Покойникъ“ сказывается и одушевленная вѣра писателя, что „мертвое претворится въ живое“, что все то злое, безчеловѣчное, жестокое и слѣпое, которымъ полна жизнь, сгинетъ, безвозвратно канетъ въ вѣчность. „Стонетъ душа, нестерпимо хочется говорить о красотѣ солнца, когда оно, обнявъ эту землю своими лучами, несетъ ее, любимую, въ голубомъ пространствѣ, оплодотворяя и лаская. Хочется сказать людямъ какія-то слова, которыя подняли бы головы ихъ“ и т. д. Не слышится ли въ этихъ простыхъ, но глубокихъ и интимныхъ словахъ пѣснь примиренія, омраченнаго скорбной думой художника? Не бьется ли въ нихъ мятущаяся, но объятая вѣрой и живительнымъ трепетомъ душа писателя?

IX.

Небольшой этюдъ „Зыковы“ („Современникъ“, янв. 1915 г.) и разсказъ „Пожаръ“ („Вѣстн. Евр.“, май, 1915 г.) характерны для настроенія Горькаго послѣдняго времени. Въ „Зыковыхъ“ среда мѣщанская, въ „Пожарѣ“ мастеровая — столяры, жестяники, печники, скорняки, портные и т. п. Антипа Зыковъ съ желчью говоритъ о людяхъ. Они для него ничто; ему все едино, что люди о немъ подумаютъ. Онъ находитъ, что, если имъ чѣмъ-нибудь обязанъ, то лишь горемъ да обидами. Онъ цѣнитъ только одно — собственную руку, личный трудъ. Съ нимъ иной разъ даже такъ бываетъ — „взглянешь на городъ и до смерти хочется запалить его со всѣхъ концовъ“... Антипа не отрицаетъ не лишенъ вѣры въ то, что „можетъ и было и есть въ душѣ доброе, хорошее“. „Да куда жъ его дѣвать? — спрашиваетъ онъ. — Его надо къ мѣсту, а нѣтъ въ жизни мѣста для добра. Некуда тебѣ сунуть хорошій твой кусокъ души, понимаешь ты — некуда! Нищему что хошь дай — все пропьетъ! Нѣтъ, Павла, заключаетъ онъ, не люблю я людей!“...

При такомъ своемъ мизантропическомъ взглядѣ, Антипа въ личной жизни совершаетъ отвратительный поступокъ — отбиваетъ у сына невѣсту. Характерна, однако, деталь, которой заканчивается этюдъ. На замѣчаніе сына, беззлобиваго юноши Михаила, испытывающаго извѣстную неловкость за дѣяніе отца, сестра Антипы, вдова Софья съ улыбкой отвѣчаетъ: „Что дѣлать? человѣку всегда хочется немножко счастья... немножко“... — Въ разсказѣ „Пожаръ“ — пьянство, потемки, гниль, нищета. Тоской звучатъ разсужденія лавочника Братягина о Россіи, о Богѣ, о непорядкахъ жизни. Бездѣльный юноша Коля Яшинъ настроенъ столь же пессимистически въ своихъ думахъ о смыслѣ жизни. Имъ вторитъ въ нѣсколько, правда, иномъ, болѣе оптимистическомъ, духѣ печникъ Чмыревъ, ищущій души, довѣрія и соединенія въ людяхъ. Всѣ эти толки о смыслѣ жизни, объ ея неустройствѣ, о душѣ, о людяхъ, о Богѣ, о Россіи — старыя мысли Горькаго на эти темы. Онъ не въ силахъ отказаться отъ волнующихъ его издавна вопросовъ. Онъ исполненъ неотвязчивыхъ думъ, безпрестаннаго томленія, печали гнетущей. Но печаль эта — не та, старая, вулканическая; томленіе — не то, въ которомъ было столько много пламеннаго, динамическаго элемента. Наблюдаетъ ли онъ жизнь Мало-Сустинской улицы („Пожаръ“); задерживаетъ ли на мгновеніе свой взоръ въ кругу мѣщанскихъ мелочей („Зыковы“),— Горькій находитъ для ихъ изображенія иныя черты, нежели тѣ, которыя отбрасывали столь скорбную, зловѣщую тѣнь въ его первыхъ произведеніяхъ. О „народѣ безъ ядра“, о людской скверне, объ отсутствіи добра, о безобразіяхъ жизни, о ея путаницѣ и безтолковщинѣ, недомысліи и лжи мы слышимъ и здѣсь; но слышимъ въ несравненно болѣе смягченномъ, менѣе рѣзкомъ и негодующемъ тонѣ.

X.

„Дѣтство“ Горькаго (изд. „Жизнь и Знаніе“, Птр. 1915) — яркая иллюстрація, наиболѣе полно отражающая настроеніе писателя послѣднихъ лѣтъ, которое мы пытались очертить въ нашей статьѣ. Написанныя образнымъ, простымъ, обычно-горьковскимъ языкомъ, — при чемъ отдѣльныя мѣста чисто-описательнаго характера возстановляютъ въ памяти лучшія страницы Горькаго стараго, давнопрошедшаго періода, — эти воспоминанія дѣтства, тяжелыя, давящія, вьются мрачной лентой черезъ все повѣствованіе, до чрезвычайности тревожатъ и волнуютъ; гнететъ и подавляетъ множество штриховъ, чертъ и подробностей, изъ которыхъ слагалась суровая гамма жестокаго дѣтства писателя. Свирѣпый дѣдъ, порою ласковый и добрый, но вообще невѣроятно взбалмошный и злобный; кроткій

образъ бабушки, подъ конецъ спившейся и обрюзгшей; дикія сцены въ семьѣ съ пьянствомъ, драками, издѣвательствомъ, побоями и поркой, поркой безъ конца по всякому малѣйшему и самомалѣйшему поводу — таковы блики, которыми отсвѣчиваютъ страницы воспоминаній. На этихъ страницахъ исподволь вырисовывается обликъ обозленнаго и своенравнаго мальчика, въ душѣ котораго незамѣтно зрѣютъ и постепенно отлагаются сѣмена горькаго, жгучаго протеста. Писатель относится къ своему повѣствованію ровно и спокойно; его разсказъ мудро-объективенъ. Онъ не сгущаетъ красокъ, не усиливаетъ тѣней; напротивъ того, ему даже хочется многое забыть отъ многаго отказаться. Но имъ руководитъ необходимость правды, цѣльной и безпристрастной; и вотъ онъ рисуетъ во всей ихъ жути и неприглядности картины тяжелаго пережитого. „Дѣтство“ Горькаго, при всей, такъ сказать, личности воспоминаній, носитъ широкій, обобщенный характеръ. Онъ развиваетъ свои впечатлѣнія дѣтства на общемъ фонѣ русской жизни, полной „свинцовыхъ мерзостей“, „живучей подлой правды“, „тяжкой и позорной“. Передъ нами, такимъ образомъ, проходитъ все та же угрюмая россійская дѣйствительность, все тѣ же ея боли, ужасы и невзгоды. И что же? Глубокимъ, полнымъ вѣры аккордомъ звучатъ для насъ слова Горькаго о томъ, что „хотя онѣ (эти мерзости) и противны, хотя и давятъ насъ, до смерти расплющивая множество прекрасныхъ душъ, русскій человѣкъ все-таки настолько еще здоровъ и молодъ душою, что преодолѣваетъ и преодолѣетъ ихъ“. Ясныя, истинно-примирительныя ноты слышатся намъ въ словахъ его о томъ, что „не только тѣмъ изумительна жизнь наша, что въ ней такъ плодовитъ и жизненъ пластъ всякой скотской дряни, но тѣмъ, что сквозь этотъ пластъ все-таки побѣдно прорастаетъ яркое, здоровое и творческое, растетъ доброе-человѣчье, возбуждая несокрушимую надежду на возрожденіе наше къ жизни свѣтлой, человѣческой. „(Стр. 312—313, гл. XII.)

М. Королицкій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русскіе Пропилеи. Томъ 2. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Москва, изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 1916. Стр. IV + 351 + 3. Цѣна 3 р. 50.

Намъ уже пришлось подробно говорить о первомъ и третьемъ томахъ этого изданія, дающаго цѣнные и большей частью новые матеріалы для исторіи литературы.

Второй томъ, вышедшій послѣ третьяго, также достаточно богатъ. Открывается онъ замѣткою о С. А. Неѣловѣ, московскомъ остроумцѣ первой половины XIX вѣка, пріятелѣ кн. П. Вяземскаго, Василія Пушкина и др., и небольшимъ собраніемъ его стихотвореній. Все остроуміе этого предшественника Мятлева и Соболевскаго, однако, за давностью совершенно выдохлось. Старый московскій баринъ, по свидѣтельству г. Гершензона, наиболѣе талантливъ и интересенъ въ своихъ совершенно невозможныхъ для печати циническихъ стихотвореніяхъ. Въ исторію русской мысли и литературы, въ изящный и чистый идеализмъ „Русскихъ Пропилеевъ“, какъ этотъ идеализмъ намѣтился было въ первомъ томѣ, совершенно напрасно вторгается довольно таки пошлая фигура стараго крѣпостника-распутника. — Проходя мимо этой непривлекательной фигуры, читатель встрѣчается во II т. „Русск. Пр.“ съ декабристомъ Г. С. Батеньковымъ, о которомъ писалось уже довольно много. Кромѣ длиной серіи писемъ его, адресованныхъ Елагинымъ Авдотьѣ Петровнѣ, матери Кирѣевскихъ и ея мужу, г. Гершензонъ даетъ отрывки изъ писаній Батенькова мистическаго характера. Показано, между прочимъ, что Батеньковъ добровольно, подъ вліяніемъ охватившаго его настроенія, оставался въ Петропавловской крѣпости 20 лѣтъ въ то время, какъ правительство давно согласно было отправить его въ Сибирь. Это очень любопытный матеріалъ, важный

и въ историко-психологическомъ отношеніи и по многимъ подробностямъ для внѣшней біографіи Батенькова.

Для исторіи настроеній тридцатыхъ годовъ интересна обширная „Profession de foi“ — Огарева, которая была до сихъ поръ извѣстна только по отрывкамъ, цитированнымъ въ статьѣ П. Анненкова объ „Идеалистахъ тридцатыхъ годовъ“. Написанная въ ссылкѣ Огарева въ Пензенскую губернію, эта мистико-философская исповѣдь представляетъ не менѣе причудливое, чѣмъ у Батенькова, сплетеніе цѣнныхъ проблесковъ проницательной мысли съ туманными фантастическими предчувствіями и произвольными построеніями міра и человѣческой души. Вслѣдъ за исповѣдью Огарева напечатана серія его неизданныхъ стихотвореній, въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ большая юношеская поэма „Царица моря“. Нѣкоторыя изъ небольшихъ новыхъ произведеній довольно удачны. Огаревымъ намѣренно какъ бы не кончено стихотвореніе „Тускло сквозь сѣренькихъ тучекъ мѣсяцъ глядитъ съ небесъ“, что характерно для его что-то скорбно недоговаривающей, больной Музы.

Большой біографическій и психологическій интересъ представляетъ позднее стихотворное посланіе Огарева къ его второй женѣ, Наталіи Александровнѣ Огаревой, писанное уже послѣ ея союза съ Герценомъ. Письмо поражаетъ смѣшеніемъ покаянныхъ воплей съ озлобленными обвиненіями.

Въ кругу знакомыхъ Герцена и Огарева у Наталіи Александровны Огаревой была кличка „волчицы“ (см. романъ Н. А. Таль „Жизнь за жизнь“, въ которомъ все построено на исторіи отношеній Герцена и Огарева, Гервега и ихъ женъ). Поразительный въ психологическомъ отношеніи по сложной запутанности, поздній романъ-драма Герцена, Огарева и его жены въ этомъ стихотворномъ письмѣ впервые получаетъ нѣкоторое освѣщеніе, но для полной его исторіи и объясненія все еще слишкомъ мало данныхъ. Одно несомнѣнно, что всѣ трое были несчастны.

Довольно много мѣста отведено, далѣе, исторіи отношеній между Шевченкомъ и княжною В. Н. Репниной, доселѣ освѣщенныхъ неполно. Извѣстна ихъ дружба, ея покровительство и помощь поэту. Раннія ихъ отношенія теперь выяснены г. Гершензономъ очень обстоятельно. Письма кн. Репниной къ ея швейцарскому другу и наставнику Ш. Эйнару, неоконченная повѣсть ея, изображающая Шевченка подъ именемъ Березовскаго, а ее самое въ лицѣ барышни—помѣщицы Радимовой, и другія данныя, собранныя здѣсь, живо рисуютъ тяжелую драму женской души. Эта замѣчательная дѣвушка, талантливая и восторженная, полюбила поэта, но не нашла отклика въ его душѣ и подавила отчасти подъ вліяніемъ семейныхъ свое

чувство, какъ грѣховное. Религіозно настроенная, впослѣдствіи она отреклась отъ этого чувства, названнаго однимъ изслѣдователемъ „нѣмою любовью“ между нею и поэтомъ, но документы краснорѣчиво опровергаютъ позднія ея показанія. Кромѣ одного письма поэта, здѣсь напечатаны также факсимиле поправки „Тризнѣ“, мало извѣстной русской поэмѣ Шевченка. Поправки возстанавливаютъ исключенное цензурою, онѣ найдены въ экземплярѣ поэмы, принадлежавшемъ княжнѣ Репниной. Приводимъ нѣкоторыя новыя строки (поставивъ въ скобкахъ то, что было въ свое время въ печати):

[И кроткой мыслію слѣдилъ
Дѣла минувшія народовъ,
Дѣла страны своей родной
И горько плакалъ...] О, святая!
Святая родина моя!
Чѣмъ помогу тебѣ — рыдая?
И ты закована, и я.
[Великимъ словомъ Божью волю
Сказать строптивымъ — не поймутъ,
И на родномъ прекрасномъ полѣ
Пророка каменьемъ побьютъ!
Сотрутъ высокія могилы
И понесутъ ихъ словомъ зла.
Тебя убили, раздавили,
И славословить запретили
Твои великія дѣла...
. . . . . .
О, Боже! сильный и правдивый,
Тебѣ возможны чудеса.
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво:
Воскреснуть мертвымъ повели.
Благослови всесильнымъ словомъ
На подвигъ новый и суровый —
На искупленіе земли,
Земли поруганной, забытой,
Чистѣйшей кровію политой
Когда-то щастливой земли!

Въ „Тризнѣ“, по печатному тексту, поэтъ хотѣлъ воспѣть „побѣду безъ злобы, безъ крови“. Поправка замѣняетъ эту непонятную метафору болѣе гармонирующимъ съ тогдашнимъ настроеніемъ поэта намѣреніемъ воспѣть „свободу на рабской землѣ“. Замѣчательно, что „Тризна“ была напечатана въ крайне реакціонномъ органѣ Бурачка „Маякѣ“, гдѣ неожиданно нашла себѣ тогда пріютъ мысль самостоятельнаго развитія Украины.

Второй томъ Пропилеевъ заканчивается матеріаломъ, относящимся къ Л. Н. Толстому. Здѣсь напечатано нѣсколько писемъ Толстого къ С. А. Рачинскому. Они касаются большей частью педагогической дѣятельности обоихъ. Въ письмѣ 27 января 1873 г. Толстой горячо защищаетъ, между прочимъ, отъ какихъ-то нападокъ Рачинскаго общее построеніе и внутреннюю связь „Анны Карениной“. „Я горжусь архитектурой — своды сведены такъ, что нельзя и замѣтить того мѣста, гдѣ замокъ. И объ этомъ я болѣе всего старался. Связь постройки сдѣлана не на фабулѣ и не на отношеніяхъ (знакомствѣ) лицъ, а на внутренней связи“. Письмо, однако, не опредѣляетъ, въ чемъ именно сущность, по мнѣнію автора, связи всѣхъ частей этого произведенія.

Вслѣдъ за письмами Толстого къ Рачинскому, данъ обширный дневникъ извѣстнаго піаниста А. Б. Гольденвейзера о Толстомъ, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ въ теченіе ряда лѣтъ, особенно когда проводилъ лѣто близъ Ясной Поляны. Изъ дневника даны выдержки за 1904—1908 годы. О послѣднихъ годахъ Толстого писано уже такъ много, что и въ дневникѣ г. Гольденвейзера находимъ мѣстами повторенія уже хорошо извѣстнаго изъ другихъ записей и разсказовъ. Однако, и здѣсь очень много новаго, и въ особенности любопытны на нашъ взглядъ многочисленныя по свѣжей памяти (въ тотъ же день) сдѣланныя записи разсказовъ, сужденій и воспоминаній Толстого о его молодости, о многихъ замѣчательныхъ людяхъ, съ которыми онъ встрѣчался, и т. п. Все это нѣсколько отрывочно, но записано съ превосходною чуткостью и видимою точностью и въ цѣломъ даетъ чрезвычайно разнообразный и цѣнный матеріалъ. Дневникъ г. Гольденвейзера и въ богатой уже литературѣ воспоминаній о Толстомъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Юрій Соболевъ. О Чеховѣ. М. 1915. Стр. 71. Изд. И. А. Бѣлоусова. Цѣна 50 коп.

Книга г. Соболева, одного изъ многихъ современниковъ, влюбленныхъ въ Чехова, состоитъ изъ статьи „Творческій путь Чехова“ (опытъ изслѣдованія) и весьма полезнаго указателя литературы о Чеховѣ за десять лѣтъ (кромѣ газетной). Въ своемъ опытѣ авторъ съ большою добросовѣстностью подобралъ очень много сообщеній самого Чехова и писавшихъ о немъ относительно отношеній писателя къ своему творчеству, относительно его манеры письма и пріемовъ творчества. Но выводы автора черезчуръ общи, сводятся къ бѣдному опредѣленію, что писательскій методъ Чехова „сочеталъ въ

себѣ чисто научные пріемы съ широчайшей интуиціей, точныя наблюденія врача-аналитика съ безграничной „догадливостью“ художника. „Эту интуицію, эту божественную лирическую тайну, конечно, мы не раскроемъ. Да и не подлежитъ она никакому аналитическому изслѣдованію, а потому пусть будетъ это мѣсто свято“... Подборъ цитатъ изъ разсказовъ и писемъ Чехова сдѣланъ довольно оригинально и временами производитъ впечатлѣніе очень цѣльное. Послѣдняя глава, напр., убѣдительно показываетъ, что Чеховъ, въ концѣ концовъ, преимущественно воспринимаетъ изображаемыхъ имъ людей, какъ огромную пеструю коллекцію заводныхъ механизмовъ, бездушныхъ куколъ, одушевленныхъ футляровъ... Это можно было бы сблизить съ концепціею „Мертвыхъ Душъ“. Но душа Чехова знала и постигала и „скрытую сущность сладкой человѣческой музыки, которая звучала у него такъ тихо, такъ грустно“. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ объ анатомической точности рисунка у Чехова, сближающей его съ Достоевскимъ; едва ли не правильнѣе было бы вспомнить опять-таки о Гоголѣ, боровшемся съ тиной мелочей, опутывающихъ человѣка, и столь точномъ въ наблюденіи этихъ мелочей. Анализъ стиля Чехова, въ сравненіи съ болѣе извѣстными и изученными писателями, быть можетъ, далъ бы автору средство глубже заглянуть въ ту художественную интуицію, которая представляется ему, какъ недоступное святое святыхъ. Теперь авторъ лишь мѣстами подошелъ къ этой заманчивой и, конечно, очень трудной задачѣ, съ которою будутъ считаться дальніе изслѣдователи художественныхъ созданій Чехова.

Евгеній Архиповъ. Миртовый вѣнецъ. К-во „Жатва“, М. 1915. Стр. 86. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей, претенціозно посвященныхъ „Суровой тѣни Тютчева“ и написанныхъ не безъ претензій на выспреннюю проникновенность и мистико-философскую глубину. „По способамъ душевнаго приближенія къ поэтамъ, по манерѣ передавать духовный обликъ, — говоритъ авторъ, — это, скорѣе, запись интуитивныхъ образовъ... Раскрылась связь душъ въ молитвахъ и благословеніи: Св. Франциска Ассизскаго, Іоанна Дамаскина и Алексѣя Толстого. Яснѣе выступили изъ мрака: мученикъ досадной срединности — Апухтинъ и Баратынскій — распятый Иксіонъ. Прошло передъ духовнымъ взоромъ и дивное восхожденіе Бальмонта на холмы міра, „чтобъ видѣть Солнце“, чтобъ пѣть „псаломъ вселенской звучности“. — И засіяло солнце Фета, высокое въ лазури необъятной, „чтобъ чистыя сердца въ немъ пили благодать“. Эти видѣнія прошли не только черезъ единый хрусталь (интуиціи), но и были

встрѣчены мною въ пути единаго религіознаго устремленія. Отсюда и моя задача — „въ окаменѣвшихъ мукахъ“ поэта распознавать его религіозно-философскія боренія“. — Всякій вправѣ подходить къ писателямъ съ опредѣленными запросами и искать на нихъ отвѣта у писателей въ ихъ творчествѣ, но когда авторъ рѣшается дѣлиться съ другими пережитымъ въ чужомъ творчествѣ, онъ дѣлается такъ или иначе критикомъ, и читатель въ правѣ требовать, по крайней мѣрѣ, удобопонятности и ясности. Ихъ слишкомъ мало у г. Архипова, и слишкомъ много невразумительнаго восторга. Въ томъ же предисловіи, на ряду съ Тютчевымъ, авторомъ названы какъ руководители его — И. О. Анненскій и В. О. Ключевскій. Очевидно, г. Архиповъ былъ плохимъ ученикомъ знаменитаго историка; послѣдній владѣлъ рѣдкой ясностью и законченностью стиля, вполнѣ отвѣчавшаго законченной зрѣлой и трезвой мысли. Г. Архиповъ утопаетъ въ неопредѣленно мечтательномъ мистицизмѣ, увлеченъ игрою туманныхъ общихъ понятій, воспринимаемыхъ, какъ какія-то надмірныя сущности. Смутныя переживанія автора и большей частью до-нельзя туманные образы и риторика, которыми онъ загромождаетъ свою рѣчь, начиная съ предисловія, не сдѣлаютъ для читателя ближе и роднѣе ни одного изъ лириковъ, которыми такъ увлеченъ г. Архиповъ въ своемъ „религіозномъ устремленіи“.

Ч. В—ій.

П. Г. Виноградовъ. Очерки по теоріи права. Москва, 1915 Стр. 153. Ц. 1 р. 50.

Нашъ соотечественникъ, читающій лекціи въ Оксфордскомъ университетѣ, не ошибся, когда въ предисловіи сказалъ о своей книгѣ: „Мнѣ кажется, что она можетъ пригодиться и русскимъ читателямъ“. Да, несомнѣнно пригодится и даже очень. Вѣдь русскіе читатели-юристы воспитаны въ вопросахъ теоріи права почти исключительно на нѣмецкихъ учебникахъ и той доктринѣ, которая разработана была почти исключительно нѣмецкими учеными. Правда, въ послѣднее время ея престижъ подорванъ, она очутилась не только въ положеніи обороны, но и находится въ прямомъ отступленіи, — тѣмъ не менѣе въ Россіи еще не мало ея приверженцевъ. Я говорю о такъ наз. „позитивной теоріи права“, иначе-юридической, государственно-принудительной, оффиціальной и пр.

Эта теорія имѣетъ много различныхъ оттѣнковъ, но суть ея сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Нормы суть велѣнія (императивы). Нормы права, въ отличіе отъ нормъ нравственности, принудительно регулируютъ внѣшнее поведеніе людей. Онѣ исхо-

дятъ отъ государственной власти, которая является единственнымъ факторомъ правообразованія, такъ что обычное право является лишь постольку правомъ, поскольку оно прямо или косвенно признано государствомъ. Свою обязательную силу нормы права черпаютъ въ государственномъ принужденіи и нисколько не зависятъ отъ признанія или непризнанія ихъ гражданами. Таковы тѣ догматы, которые были провозглашены германскими теориками.

Всѣ эти догматы у проф. Виноградова находятъ весьма убѣдительную и вполнѣ „позитивную“ же критику. Такъ, прежде всего, норма опредѣляется имъ, какъ „указаніе относительно поведенія“ (33). „Указаніе, продолжаетъ авторъ, не является обязательно приказаніемъ: оно заключаетъ въ себѣ только объявленіе того, что правильно и неправильно“ (33). Онъ также разбираетъ вопросъ о признакахъ различія между правомъ и нравственностью, но, въ отличіе отъ популярнаго взгляда, онъ полагаетъ, что принужденіе, хотя обычно „имѣется налицо, но тѣмъ не менѣе оно не является абсолютно необходимымъ признакомъ юридической нормы“ (26), „опредѣленіе права не можетъ быть основано исключительно на понятіи государственнаго принужденія“ (26). Наиболѣе колеблющуюся позицію авторъ занимаетъ въ вопросѣ о второмъ признакѣ правовой нормы — регулированіи внѣшняго поведенія. Вначалѣ онъ готовъ признать, что право регулируетъ только „дѣйствія и внѣшнія отношенія людей другъ къ другу“ (34); но оговаривается, что это только „съ современной точки зрѣнія“. Однако, оказывается, что и это не совсѣмъ такъ, ибо „болѣе или менѣе прогрессивныя общества не разсматриваютъ поведенія, какъ рядъ чисто внѣшнихъ явленій“ (34), „воля и умъ не оставлены правомъ безъ расмотрѣнія и... правовыя нормы считаются съ обоими этими факторами для оцѣнки поведенія“ (35). Изъ изложеннаго видно, что уже въ этомъ основномъ вопросѣ авторъ, стоя на чисто позитивной „точкѣ зрѣнія, принужденъ былъ далеко отойти отъ трафаретовъ „юридической школы“.

Но авторъ еще болѣе радикаленъ въ вопросѣ о происхожденіи права. Школа учитъ, что все право происходитъ отъ государства, что право есть воля государства. Авторъ на это отвѣчаетъ: „процессъ образованія юридическихъ нормъ не можетъ ждать, пока общество сперва окончательно установитъ верховную власть, а затѣмъ приступитъ къ выработкѣ законовъ“. (20) „Законы государства, говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, по природѣ своей того же самаго рода, какъ и правила, которыя связываютъ въ одно цѣлое частную ассоціацію или мѣстный союзъ“ (31).

Если нормы права исходятъ не отъ государства, а отъ об-

щества, если государственная власть есть лишь одинъ изъ авторитетовъ, провозглашающихъ право, то гдѣ же норма черпаетъ свою обязательность, гдѣ санкція, гарантирующая ея дѣйствіе? Школа говоритъ: въ государственномъ принужденіи. Но въ такомъ случаѣ „изслѣдуя цѣпь санкцій звено за звеномъ, мы неизбѣжно должны придти къ той точкѣ, гдѣ остается только произвольная власть“ (23), а слѣдовательно, выходитъ такъ, что право обязательно только для подданныхъ и подчиненныхъ. Критерій принужденія оказывается неподходящимъ, и авторъ находитъ другой. „Въ конечномъ счетѣ ихъ (нормъ) сила зависитъ отъ ихъ признанія“, говоритъ онъ. Доктрина признанія, правда, въ послѣднее время находитъ себѣ многихъ приверженцевъ, но у г. Виноградова необходимо обратить вниманіе на то, что у него нѣтъ дуализма — общественнаго признанія и государственнаго происхожденія. Для него право родится въ нѣдрахъ общества и въ общественномъ же признаніи находитъ свою силу и значеніе. Интересный и правильный ходъ мыслей нарушается только внесеніемъ въ опредѣленіе права цѣлевого момента: „распредѣленія мощи надъ лицами и вещами“ (28—32). Еще рѣшительнѣе авторъ расходится со школой въ понятіи объема источниковъ права. Изъ приведенныхъ строкъ уже a priori можно было бы заключить, что ограниченіе источниковъ права, по существу, только закономъ, было бы вопіющимъ противорѣчіемъ и съ собственными разсужденіями автора, и съ традиціями англо-американской практики и теоріи. Авторъ не дѣлаетъ этой ошибки. Помимо законовъ, онъ различаетъ слѣдующіе источники права: обычное право, судебныя рѣшенія, справедливость и естественное право (73—74) и остальную часть книги посвящаетъ обзору каждаго въ отдѣльности источника. Приводимые имъ при этомъ казусы для русскаго читателя должны имѣть несомнѣнный и большой интересъ.

Считаю необходимымъ отмѣтить еще одинъ характерный штрихъ. Сущностью правоотношенія авторъ считаетъ наличіе, съ одной стороны, притязанія, съ другой — обязанности о какомъ-либо объектѣ (41 и слѣд.).

Не трудно видѣть, что книга проф. Виноградова для теоріи права важна въ томъ отношеніи, что, оперируя исключительно позитивнымъ матеріаломъ (судебныя рѣшенія) и оставаясь все время на почвѣ фактовъ, она доказываетъ близорукость и своеобразную ограниченность взгляда нѣмецкой школы, которая, видя въ правѣ только нормы закона, опредѣляла его, какъ принудительное предписаніе государственной власти. Публицисты уже неоднократно указывали, что подобное опредѣленіе не теоре-

тическаго, а нормативнаго характера. Оно говоритъ скорѣе о томъ, что должно быть (и то врядъ ли!), чѣмъ то, что есть. Съ такимъ опредѣленіемъ все публичное право Англіи (парламентаризмъ) оказывается не правомъ, а „политической моралью“. Да и вообще границы „дѣйствующаго“ и „положительнаго“ права никогда не совпадаютъ.

Позитивный матеріалъ и вызванные имъ разсужденія проф. Виноградова также интересны въ томъ отношеніи, что они блестяще подтверждаютъ теорію другого русскаго ученаго проф. Л. І. Петражицкаго, энергично опровергавшаго „государственно-принудительно-оффиціальную теорію права и указывавшаго на полную неправильность теоретическаго ограниченія объема источниковъ права.

Однако, въ этомъ отношеніи проф. Виноградовъ представляетъ и различіе. Въ то время какъ традиціи англо-американскихъ теорій права включаютъ въ число источниковъ права также и религію (Ср., напр., авторитетнѣйшаго изъ юристовъ Holland The Elements of Jurisprudence“, P. I., Ch. V. p. 60 Ed. 1905), авторъ не говоритъ о ней ни слова, хотя и указываетъ на нормативное значеніе Талмуда для евреевъ (21). Отмѣчаю въ заключеніе нѣкоторую неточность: „согласно ученію бл. Августина, Градъ Божій находится на небесахъ, а градъ міра сего есть твореніе разбойниковъ“... (147) Ср. De Civitate Dei, l. IV, c. XXXIII и др.).

Н. Тоцкій.

Проф. М. Хвостовъ. Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ. Казань. 1915.

Подъ такимъ заглавіемъ проф. М. М. Хвостовымъ опубликована рѣчь, произнесенная имъ передъ защитою въ петроградскомъ университетѣ докторской диссертаціи — „Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ“. I. Текстильная промышленность. Это изслѣдованіе, стоящее въ тѣсной связи съ другою, опубликованною семь лѣтъ тому назадъ работою автора о восточной торговлѣ греко-римскаго Египта, представляетъ собою часть, повидимому, задуманнаго проф. Хвостовымъ цикла работъ, посвященныхъ исторіи экономической жизни древняго Египта, (см. „Очеркъ“, предисловіе); какъ разъ той части исторіи древняго міра, которая, сравнительно съ другими ея частями, напримѣръ, исторіей аграрной, имѣющей въ рядахъ своихъ изслѣдователей многія крупныя имена, до послѣдняго времени была какъ бы обойдена капитальными изслѣдованіями. Особенно это слѣдуетъ

сказать относительно эллинистическаго и римскаго періода исторіи Египта. А отсюда на долю работы проф. Хвостова въ настоящее время выпадаетъ исключительная роль, и она получаетъ, можно сказать, совершенно особое значеніе. Въ связи съ этимъ становится вполнѣ понятнымъ и интересъ вышепоименованной брошюры, такъ какъ она въ извѣстной степени носитъ какъ бы характеръ введенія къ „Очеркамъ“ и даже, пожалуй, больше — ко всему предположенному циклу работъ.

Цѣль рецензируемой брошюры — выяснить „какое... мѣсто въ общемъ хозяйственномъ развитіи древняго міра занимаетъ промышленность греко-римскаго Египта“ (стр. 4). Сообразно этому брошюра представляетъ рядъ характеристикъ. Авторъ останавливается послѣдовательно на различныхъ эпохахъ древней исторіи и съ точки зрѣнія развитія формъ промышленности отмѣчаетъ ихъ типическія черты.

Соотвѣтственно характеру привлеченнаго къ хозяйственной жизни капитала древняя исторія можетъ быть разсматриваема какъ распадающаяся на три фазиса. Для до-эллинистическаго періода является типичнымъ отсутствіе крупныхъ капиталовъ: образованію ихъ препятствовалъ весь строй древней жизни, какъ государственной, такъ и международной. Обратнымъ характеризуется слѣдующая затѣмъ эпоха Птоломеевъ. Здѣсь на сцену выступаютъ крупные капиталы, но послѣдніе являются по преимуществу капиталами государственными. Въ римское время, хотя величина привлеченныхъ къ хозяйственной жизни капиталовъ не уменьшается — напротивъ, она возрастаетъ часто до баснословныхъ размѣровъ — но измѣненіе происходитъ въ томъ отношеніи, что государственные капиталы уступаютъ поле дѣятельности капиталамъ частныхъ лицъ. Сообразно съ этой эволюціей въ отношеніи капитала совершается и развитіе въ древнемъ мірѣ формъ промышленности. Однако, здѣсь развитіе идетъ до извѣстной степени своеобразно, и число періодовъ является инымъ. До-эллинистическій періодъ въ данномъ случаѣ можно разсматривать какъ двѣ отдѣльныхъ эпохи. Гомеровское время характеризуется господствомъ ремесла, но въ классической Греціи мы уже наблюдаемъ появленіе мануфактуръ и, кромѣ того, можно предположить существованіе такъ наз. Verlagsystem. Далѣе, монархія Птоломеевъ, сочетавъ свою политику съ данными наслѣдія Египта Фараоновъ и работою теоретической мысли, внесла въ хозяйственную жизнь новый штрихъ. На сценѣ — какъ въ сферѣ промышленности, такъ и въ сферѣ торговли — появляются государственныя монополіи. Но принципъ Птоломеевъ въ эпоху римскаго владычества сталкивается съ принципомъ противополож-

нымъ. Риму духъ монополіи является, вообще говоря, чуждымъ. Онѣ постепенно уступаютъ свое мѣсто системѣ налоговъ, что къ этому времени можетъ быть сдѣлано безъ всякаго ущерба для хозяйственной жизни, такъ какъ условія, препятствовавшія раньше образованію въ древнемъ обществѣ крупныхъ частныхъ капиталовъ, теперь являются устраненными, и частные капиталы могутъ съ полнымъ успѣхомъ, если не вполнѣ, то въ значительной части, принять на себя функціи капиталовъ государственныхъ. — „Такова, по мнѣнію автора, въ основныхъ чертахъ эволюція промышленности въ эллинистическомъ и римскомъ Египтѣ“.

Въ заключеніи очерка авторъ удѣляетъ нѣсколько строкъ десятому тому Оксиринхскихъ папирусовъ. Этотъ томъ появился въ свѣтъ уже по отпечатаніи „Очерковъ“, и авторъ спѣшитъ дополнить эти послѣдніе почерпнутыми изъ новой публикаціи нѣкоторыми интересными данными.

Б. П. Ивановъ.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. Москва. 1916.

Такъ какъ общая характеристика названной работы Ферреро была уже предложена нами въ помѣщенной на страницахъ настоящаго журнала замѣткѣ по поводу изданія въ русскомъ переводѣ перваго тома этого труда („В. Е.“ 1915 г. № 3), то мы считаемъ возможнымъ не повторять сказаннаго и прямо обратиться ко второму тому, выпущенному въ самое послѣднее время на русскомъ языкѣ тѣмъ же самымъ переводчикомъ.

Если задачею перваго тома своего изслѣдованія Ферреро ставилъ выясненіе того, подъ вліяніемъ какихъ соціальныхъ силъ подготовлялось одно изъ значительнѣйшихъ въ исторіи Рима событій — завоеваніе Галліи, то второй томъ посвященъ исторической оцѣнкѣ самого этого событія, при чемъ оригинальность автора, сильная и въ первомъ томѣ, во второмъ проявляется, можно сказать, во всемъ своемъ блескѣ. „Всѣ писали, изучавшіе завоеваніе Галліи, пишетъ Ферреро въ предисловіи къ французскому переводу своего изслѣдованія, допускали одну ошибку: они сосредотачивали свое вниманіе на Галліи и на фазахъ протекавшей тамъ борьбы, изолируя Цезаря на театрѣ войны и отрывая его отъ Рима“. Ферреро съ своей стороны находитъ болѣе цѣлесообразнымъ „изучать это великое событіе, помѣстившись, такъ сказать, въ центрѣ Рима и его политическихъ и финансовыхъ интересовъ, стараясь открыть отношенія, существовавшія между военными операціями, совершенными Цезаремъ, и

внутренними событіями римской политики". Съ такой точки зрѣнія завоеваніе Галліи является въ глазахъ автора „колоніальной войной", имѣющей характеромъ орудія воздѣйствія на политику Рима, а самая война рисуется передъ нами какъ одна изъ ближайшихъ причинъ кроваваго столкновенія между Цезаремъ и Помпеемъ, политическаго кризиса Италіи и, даже болѣе, какъ центральная причина возрожденія древняго міра.

Чтобы уяснить воззрѣнія автора на галльскую войну, мы позволимъ себѣ сопоставить нѣсколько краткихъ фрагментовъ изъ рецензируемаго труда, — „Италія, пишетъ Ферреро, была болѣе не амазонкой или Минервой міра, но вакханкой: Афродита и Діонисъ съ толпой менадъ захватили Римъ, проходя по немъ днемъ и ночью въ бѣшеныхъ и необузданныхъ и процессіяхъ, приглашая на праздникъ и развратъ мужчинъ и женщинъ, патриціевъ и вольноотпущенниковъ, рабовъ и гражданъ, богатыхъ и бѣдныхъ" (стр. 46). Не трудно допустить, что „когда исчезли спекуляціи и крупныя предпріятія, для высшихъ классовъ, а особенно для политической олигархіи не осталось другой поддержки, какъ прибыль отъ военныхъ операцій, богатой добычи, налоговъ, выкуповъ и подарковъ, слѣдовавшихъ за войнами". Да и „гражданское населеніе, занятое торговлей и земледѣліемъ, было поэтому не меньшимъ энтузіастомъ завоеваній, чѣмъ политическій міръ" (52). „Цезарь понималъ, что онъ сдѣлается господиномъ положенія въ Италіи и спасетъ свою партію, только нанеся ударъ, который изумилъ бы всѣхъ... Нужно было быть въ состояніи возвѣстить... что завоеваніе кельтскихъ странъ, начатое первымъ великимъ человѣкомъ римской демократіи, Каемъ Фламиніемъ, окончено чрезъ полтора столѣтія Каемъ Юліемъ Цезаремъ" (38). Такимъ образомъ, въ значительной своей части „римское завоеваніе Галліи было... избирательнымъ маневромъ, предпринятымъ съ цѣлью въ извѣстный моментъ произвести впечатлѣніе на сенатъ, политиковъ и избирателей Италіи" (39).

Своеобразность взгляда очевидна. Но въ книгѣ Ферреро оригинальнымъ является не только трактованіе этого основного пункта его работы. Такой же характеръ носятъ и многія детали его изслѣдованія, сравнительно менѣе крупныя. Въ качествѣ примѣровъ можно указать на характеристику Брута (гл. XVIII), на толкованіе причинъ несогласія между Цезаремъ и Помпеемъ (гл. VII) и особенно на освѣщеніе перваго года проконсульства Цезаря въ Галліи (гл. I), которое „настолько отличается отъ традиціи", что автору кажется „необходимымъ оправдать его подробнымъ критическимъ разборомъ источниковъ" (322), съ какой цѣлью онъ и присоеди-

няетъ къ своей работѣ, въ видѣ приложенія, разборъ традиціи о войнѣ съ гельветами и свевами. Слѣдуетъ указать также и на то, что во второмъ томѣ сильнѣе нежели въ первомъ представленъ и неизбѣжный почти спутникъ оригинальности историческихъ воззрѣній — аппаратъ источниковъ и критики.

Переводъ выполненъ хорошо. Интересно только, съ чего онъ сдѣланъ — съ итальянскаго ли подлинника или, какъ и переводъ перваго тома, съ авторизованнаго французскаго перевода?

Б. П. Ивановъ.

Проф. М. Н. Гернетъ. Преступленіе и борьба съ нимъ въ связи съ эволюціей общества. („Итоги Науки".)

Упрекъ, брошенный новыми теченіями старой классической школѣ уголовнаго права, въ томъ, что она много занималась шлифованіемъ основныхъ понятій уголовнаго права и мало изучала преступника и преступленіе, какъ соціальное явленіе, — этотъ упрекъ, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ, заслуженъ ею. И теперь еще весьма часто приходится встрѣчать и слышать мнѣнія, что собственно наука уголовнаго права только „юридически" должна изучать преступленіе, а все „не юридическое" — къ ея вѣдомству не относится. Въ нѣмецкой литературѣ такое мнѣніе и до сихъ поръ является господствующимъ. Другіе представители уголовной науки болѣе уступчивы: они не прочь допустить, въ качествѣ вспомогательныхъ дисциплинъ, въ сосѣдство къ уголовному праву — уголовную антропологію и соціологію.

Нѣтъ надобности говорить, что такой догматизмъ мало оправданъ. Онъ необоснованъ уже потому, что — „юридическія схемы" любого изъ догматиковъ уголовнаго права включаютъ въ себя весьма много „неюридическаго" элемента, ими же самими отрицаемаго. Возьмите, напр., теоріи о формѣ виновности, о причинной связи, о крайней необходимости, о противоправности и т. д. — и вы легко увидите, что „юридическія", якобы, конструкціи представляютъ по существу не что иное, какъ смѣшеніе отрывочныхъ данныхъ психологіи (мотивъ, представленіе, воля, чувство и т. д.), физіологіи, (соматич. состоянія лунатизмъ, et.), антропологіи и патологіи, соціологіи и исторіи; иными словами, гордая чистота „юридическихъ понятій" и „юридическаго мышленія", якобы независимаго отъ др. наукъ и понятій, de facto была и есть или просто наборомъ пустыхъ словъ или же представляла ad hoc выдуманную психологію, физіологію, соціологію, антропологію и т. д. Но такъ какъ „ самодѣльщина" весьма рѣдко бываетъ вѣрной и научно-оправданной, то мудрено ли, что весьма

талантливыя лица давали несообразныя конструкціи. (Примѣромъ можетъ служить понятіе неосторожности Binding'а, какъ „безсознательнаго воленія“).

Въ силу такого положенія наука о преступленіе и наказаніи естественно должна была выйти за тѣ узкія границы, въ которыя классики-догматики пытались уложить ее. Послѣднія 30—40 лѣтъ и ознаменованы все болѣе и болѣе растущимъ движеніемъ въ пользу включенія въ ея предѣлы уголовной антропологіи и соціологіи. Могучій толчокъ, данный въ этомъ направленіи „неистовымъ“ Ломборзо, вызвалъ огромное движеніе, давшее уже крупные плоды въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи.

Проф. М. Н. Гернетъ является у насъ однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей соціологической школы въ уголовномъ правѣ, который въ рядѣ своихъ работъ или работъ своихъ учениковъ (см., напр., прекрасный сборникъ „Дѣти — преступники“) изучаетъ преступленіе прежде всего, какъ соціальное явленіе. Данная работа является, съ одной стороны, сводкой его предыдущихъ трудовъ (Дѣтоубійство“, „Соц. факторы преступности“, „Смертная казнь“), съ другой — сводкой новѣйшихъ изслѣдованій по этіологіи преступленія, его исторіи, законовъ его развитія и борьбѣ съ нимъ. Имъ использованы не только узко-криминалистическія работы, но и работы соціологовъ, моральныхъ статистиковъ, такъ или иначе касавшихся проблемъ преступности.

Книга, написанная просто, вполнѣ научна однако и обнаруживаетъ большую эрудицію автора, даетъ ясную картину современнаго состоянія науки въ этомъ вопросѣ. Давши исторію преступности и мѣръ борьбы съ нею, онъ во второй части переходитъ къ формулировкѣ законовъ ея развитія. 3-я часть посвящена факторамъ преступности (вліяніе возраста, пола, наслѣдственности, профессіи, города, жилища, брака и т. д.), 4-я — обозрѣнію и критикѣ современныхъ мѣръ борьбы съ нею.

Изучая факторы преступности, М. Н. Гернетъ придаетъ рѣшающее значеніе здѣсь соціальнымъ условіямъ. Находя не совсѣмъ удачной детализацію и классификацію этихъ послѣднихъ, я не могу, однако, не согласиться съ нимъ въ этомъ пунктѣ, какъ нельзя не согласиться съ нимъ и въ его уголовно-политическихъ воззрѣніяхъ о наилучшихъ способахъ борьбы съ преступностью. „Долго шло уголовное право путемъ крови, страданій и всякихъ наказаній, говоритъ онъ. Черезъ рядъ вѣковъ тянется этотъ торный и широкій путь, утоптанный милліонами ногъ, прошедшихъ по нему къ Голгоѣ. Онъ не привелъ къ побѣдѣ надъ преступностью. Теперь подлѣ него вьется маленькая и узенькая тропинка соц. реформъ.

Она приведетъ, наконецъ, къ желанной побѣдѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ изученіе причинъ преступности".

Кромѣ внутреннихъ достоинствъ работы, заслуживаютъ упоминанія и внѣшнія качества изданія: много прекрасно исполненныхъ діаграммъ, портретовъ, снимковъ и хорошая печать.

Питиримъ Сорокинъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. С. Панкратовъ. Встрѣчные люди. Типы. Портреты. Ярославль, MCMXVI. Стр. 273. Цѣна 1 р. 50 к.

Собранные въ книгѣ „типы и портреты“ представляютъ, повидимому, фотографическіе снимки съ дѣйствительности. Набросаны они очень бойко и живо и просматриваются съ интересомъ. Наибольшій интересъ представляютъ „Писатель изъ народа“, очеркъ встрѣчъ съ полунищимъ писателемъ-скитальцемъ, влюбленнымъ въ Волгу, посвященный „свѣтлой памяти М. А. Логинова (Тихоплеска)“, а также „Великій толстовецъ“, набросокъ, кажущійся нѣсколько карикатурнымъ и мѣтящій слишкомъ явно въ извѣстное лицо. Остальные разсказы могутъ быть отнесены всѣ къ типу когда-то модныхъ „физіологическихъ очерковъ“: авторъ размашистыми, но иногда слишкомъ условными шаблонными чертами изображаетъ „старцевъ“, „черносотенцевъ“, русскихъ „Эдиссоновъ“, „обрусителей“ и т. п. матеріалъ для будущаго историка художника типовъ нашего времени.

Дорогія мѣста. Подъ редакціей И. А. Бѣлоусова. Изд. второе. Кн-во писателей въ Москвѣ, Съ иллюстр. Стр. 171.

Въ этой симпатичной книжечкѣ, вышедшей въ короткое время уже вторымъ изданіемъ, собраны разсказы для юношества разныхъ авторовъ о посѣщеніяхъ родныхъ гнѣздъ и могилъ знаменитыхъ русскихъ писателей — Пушкина, Гоголя, Шевченка, Чехова, Лермонтова, Кольцова и Никитина, С. Аксакова, Некрасова и Л. Толстого. Нѣкоторые очерки во второмъ изданіи появляются впервые.

А. Додэ. Джэкъ и другіе разсказы. Переводъ и редакція А. П. Печковскаго. Кн-во писателей въ М. Стр. 69. Ц. 40 коп.

Эта хорошо изданная книжка входитъ въ составъ предпринятой кн-вомъ писателей въ Москвѣ очень полезной „Народно-школьной библіотеки“. До сихъ поръ издательство включало сюда произведенія лишь русскихъ авторовъ. Расширеніе круга авторовъ, популяризуемыхъ издательствомъ, нельзя не привѣтствовать. Разсказы Додэ выбраны для сборничка со вкусомъ. Между ними данъ трогательный „Послѣдній урокъ“, разсказъ эльзасца о послѣднемъ урокѣ французскаго языка въ школѣ, ставшей въ 1871 г. нѣмецкою.

Ч. В—скій.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Амфитеатровъ, А. Арменія и Римъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Свѣтъ и сила. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

Андреевъ, Леон. Т. XVI. Полетъ. Разсказы и пьесы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 40 к.

Аронсонъ, Г. Лирика. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Асѣевъ, Н. Стихи. Москва, 1916 г. Ц. 50 к.

Богаевскій, Б. Земледѣльческая религія Аѳинъ. Т. I. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

Божидаръ, Бубенъ. Стихи. Москва, 1916 г. Ц. 85 к.

Бочкаревъ, Н. Давайте сочинять. Новая постановка обученія устному и письменному изложенію мыслей. Вып. I. Москва, 1916 г. Ц. 30 к.

— Мои сочиненія. Вып. I. Москва, 1916 г. Ц. 30 к.

— Новая методика роднаго языка. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Брусиловскій, Е., д-ръ. Одесскіе лиманы и морскія купанья. Одесса, 1915 г.

— д-ръ. Нѣкоторые итоги истекшаго лиманнаго сезона. Одесса, 1916 г.

Брусянинъ, В. Въ странѣ озеръ. Очерки изъ финляндской жизни. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бунчаковъ, П. Власть лукаваго. Разсказъ. Пгр., 1916 г. Ц. 80 к.

Бѣловъ, В. Разумѣйте языцы. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлый, А. Петербургъ. Ром. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Верхоустинскій, Б. Маленькая буря. Романъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вороновъ, Д. Жизнь деревни въ дни трезвости. Пгр., 1916 г. Ц. 25 к.

Гантмахеръ, А. Сборникъ военныхъ разсказовъ. Одесса, 1915 г. Ц. 50 к.

Горощенко, К. И. Несостоятельность казенной винной монополіи и акцизное вѣдомство. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Григорьевъ, Р. Недавнее. Романъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Призракъ Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Евлаховъ, А., проф. Кто получаетъ пощечины въ новой драмѣ Л. Андреева? Ростовъ н/Д., 1916 г. Ц. 30 к.

Евреиновъ, Театръ для себя. Ч. II. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Егоровъ, П. Рыдающій демонъ. Рифметы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Ершовъ, М. Проблемы религіозно-философ. мысли въ современной Франціи. Казань, 1916 г. Ц. 50 к.

Зипаща, Ц. Лучи и тѣни. Стихи. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Каратыгина, Нина. Кровь животворящая. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Карениннъ, В. Жоржъ Зандъ ея, жизнь и произведенія. Т. II. Пгр., 1916 г. Ц. 4 р.

Картентеръ, Ед. Промежуточный полъ. Пер. съ англ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Кипенъ, А. Господская жизнь. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кирилловъ, С. О пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. Самара, 1915 г. Ц. 1 р.

Крайновичъ, М. Въ щупальцахъ жизни. Еврейскіе разсказы. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крашевскій, І. Графиня Козель. Ром. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лаврскій, Н. А. Э. Мичанаджіанъ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ламанскій, В. Три міра азійско-европейскаго материка. Пгр., 1916 г.

Майскій, В. Германія и война. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Модзалевскій, Л. Стихи для дѣтей. Пгр., 1916 г.

Муйжель В. Хуторъ № 16 и др. разсказы. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 40 к.

Первушинъ, С. Прекращеніе продажи питей, какъ одинъ изъ факторовъ современной дороговизны.

Писаревскій, Г. Хозяйство и форма землевладѣнія въ колоніяхъ Поволжья въ XVIII и въ первой четверти XIX в. Ростовъ н/Д., 1916 г.

Поповъ, Н. Жизнь идетъ. Пгр., Ц. 25 к.

Розенфельдъ, П. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Пгр., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рубинштейнъ, М. Общественное или семейное воспитаніе. Москва, 1915 г. Ц. 75 к.

Рунова, О. Мудрость жизни. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Исповѣдь. Ч. I. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рухловъ, Н. Обзоръ рѣчныхъ долинъ горной части Крыма. Пгр., 1915 г.

Сапожниковъ Т. и Зондбергъ, Д. Святая Клара. Истор. романъ для юношества. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Стопани, А. Нефтепромышленный рабочій и его бюджетъ. Баку, 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Стрибожичъ, С. Рябины гроздья. Стихи. Вологда, 1916 г.

Термитанъ, Ф. Голосъ народа. Результаты анкеты объ отношеніи населенія къ прекращенію продажи крѣпкихъ напитковъ. Пенза, 1915 г. Ц. 30 к.

Уральскій, Павелъ. На горахъ и въ долинахъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Успенскій, П. Разговоры съ дьяволомъ. Оккультные разсказы. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Черкасовъ, Н. Выше! Стихи. Пгр., 1916 г. Ц. 75 к.

Чрединъ, Б. Всемірное и вѣчное владычество древняго Рима. Ростовъ н/Д., 1916 г.

Тенвертъ, А. проф. Спутникъ полевого врача. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Шиловъ, А. Предвзятыя теоріи и алкогольные предразсудки. Москва, 1916 г. Ц. 40 к.

Шмелевъ, Ив. Суровые дни. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ мед. Яцута, К. Краткій учебникъ анатоміи. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 80 к.

Энзисъ, Война и германская соціалъ-демократія. Москва, 1616 г. Ц. 75 к.

Эренбургъ И. Стихи о канунахъ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мемуары, кн. Л. Сапѣги (1803—1863 г.). Пгр., 1916 г. Ц. 3 р.

„Отечество". Сборникъ національной литературы Россіи. Т. I. Пгр., 1916 г. Ц. 3 р. 75 к.

„Отклики". Сергѣя Рунина, №№ 1—8. Петроградъ, 1915—1916 гг. Цѣна номера — 20 коп.

Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Вып. IV. Москва, 1916 г. Ц. 3 руб.

Чемреки, Отвѣтвленіе стараго Израиля. Матеріалы къ изученію и исторіи религ. обществ. движенія въ Россіи. Подъ ред. В. Д. Бончъ-Бруевича. Пгр., 1916 г. Ц. 8 руб.

Эсты и Латыши. Сборникъ статей, подъ ред. М. А. Рейснера Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Московская обл. библиотека

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ,
БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда,

на классный чинъ,

высшаго начальнаго сельскаго и народн. учителя,

аптекарскаго ученика,-цы,

на 4 или 6 классовъ гимназіи,

на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“ достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается безплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44—85.

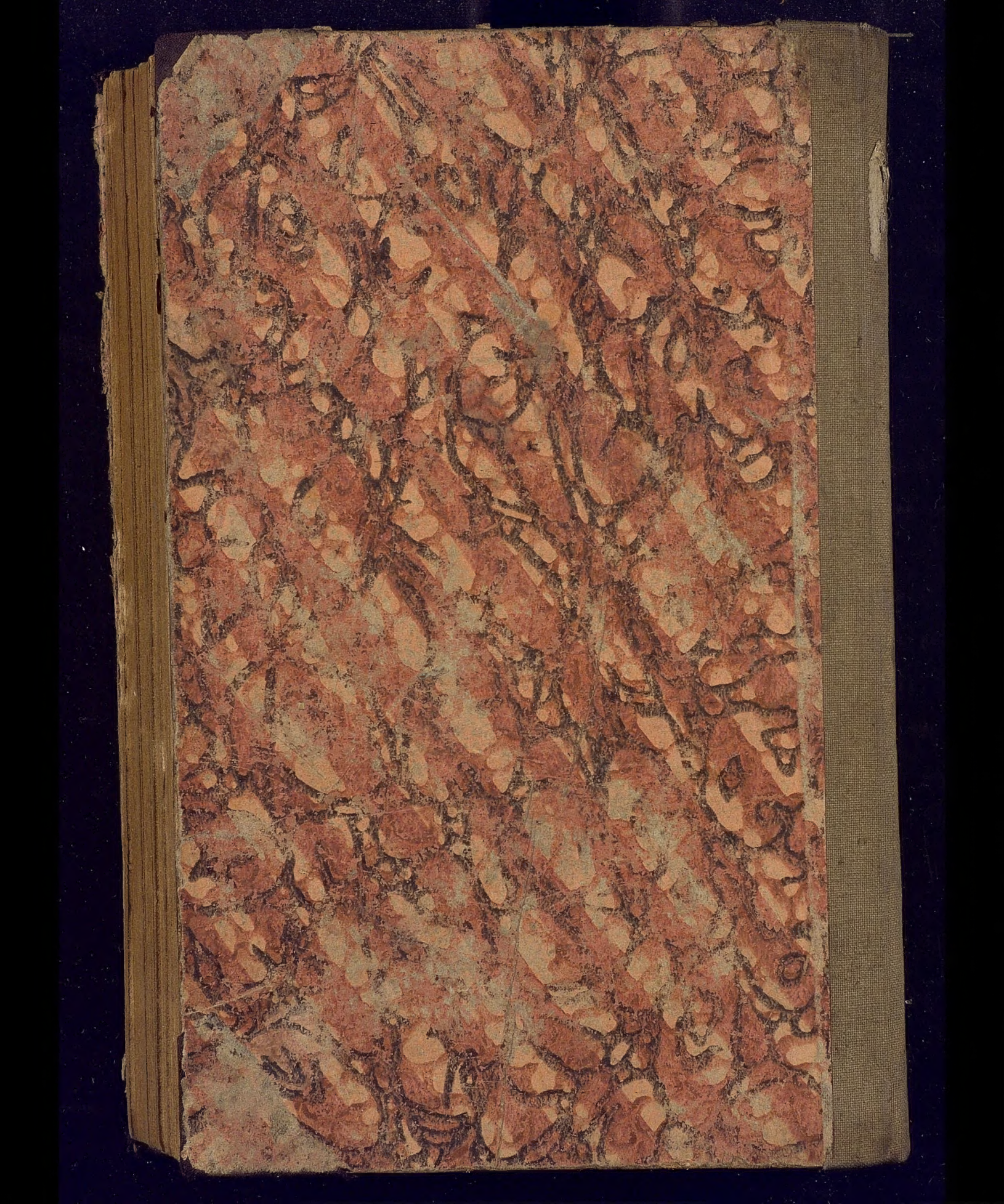
Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота.

Большое развитіе воздушной фотографіи заставляетъ озаботиться изготовленіемъ значительнаго количества фотографическихъ аппаратовъ, для которыхъ нужны объективы.

Такъ какъ для воздушной фотографіи необходимы спеціальные объективы, не изготовляющіеся въ Россіи, получить которые въ настоящее время изъ-за границы крайне затруднительно, то Отдѣлъ Воздушнаго Флота обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ съ просьбой предоставить имѣющіеся въ ихъ распоряженіи фотографическіе объективы, удовлетворяющіе условіямъ, указаннымъ ниже въ примѣчаніи, на нужды нашей авіаціи.

Отдѣлъ Воздушнаго Флота надѣется, что обращеніе его встрѣтитъ самое горячее сочувствіе среди всѣхъ Русскихъ людей, жаждущихъ побѣды надъ нашимъ врагомъ, и поможетъ успѣшно справиться съ крайне нужнымъ и спѣшнымъ изготовленіемъ аппаратовъ для цѣлей воздушной фотографіи.

Списки учрежденій и лицъ, пожертвовавшихъ объективы, будутъ съ благодарностью объявлены въ печати. Не могущимъ же предоставить ихъ безвозмездно Отдѣлъ Воздушнаго Флота уплатитъ стоимость принятыхъ отъ нихъ объективовъ.

Примѣчаніе: Жертвуемые объективы отдѣльно или вдѣланные въ камеры просятъ направлять: въ Отдѣлъ Воздушнаго Флота, Петроградъ, Офицерская улица, 35 и мѣстные Комитеты по сбору пожертвованій на воздушный флотъ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія.

Объективы должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣть фокусное разстояніе 18—40 сантм.; 2) имѣть свѣтосилу 1:3,5—1:6,3; 3) быть слѣдующихъ типовъ и фирмъ: БУШЪ-Омнары, ГЕРЦЪ: Целлоры, Пантары и Дагмары, КРАУСЪ: тессары, РОДЕНШТОКЪ—Эйринары, РОССЪ—Гомоцентрики и Телецентрики Икспрессы, ФОХТЛЕНДЕРЪ—Геліары и Коллинеары, ЦЕЙССЪ—Тесса и Протары